научный рецензируемый цитируемый журнал

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВАК

KANT

№ 1(46)

март 2023

Защитные механизмы

ISSN 2222-243X

Жиль Делёз однажды классно описал свой метод интерпретации как "подкрадывание" к автору и создание множества идей-репликаций, которые наравне с узнаванием его в то же время "чудовищно" отличаются от него. Сам Делёз, приступая к тому или иному автору, порой заходил бесконечно далеко в своих рассуждениях. В чём и был обвинен Аланом Сокалем и Жаном Брикмоном в работе под названием "Модная бессмыслица". По таким предметам, как исчисление и квантовая механика, согласно Сокалю и Брикмону, доводы Делёза расплывчаты, бессмысленны или необоснованны.

Так, Делёз одновременно вторит и переворачивает "с ног на голову" Спинозу, переформулирует кантианскую схему, в которой опыт превосходит наши понятия, представляя новизну, и этот сырой опыт различия актуализирует идею, не связанную с нашими предшествующими категориями, заставляя нас изобретать новые способы мышления. Но главное, чему остается верен Делёз, – искренность высказывания и уникальный взгляд на мир.

Делёз, который с юных лет страдал респираторными заболеваниями, в 1968 году заболел туберкулезом и перенес удаление легкого. Всю оставшуюся жизнь он страдал от усиливающихся тяжёлых респираторных симптомов. В последние годы его жизни простые задачи, такие как письмо от руки, требовали кропотливых усилий.

Сам Делёз почти не интересовался сочинением автобиографии. Когда его однажды попросили рассказать о его жизни, он ответил: "Жизнь учёных редко бывает интересной". Когда критик ухватился за необычайно длинные, необрезанные ногти Делёза как за разоблачающую эксцентричность, он ответил: "У меня нет нормальных защитных механизмов от мира, так что прикосновение к чему-либо, особенно к бумаге, вызывает такое раздражение, что мне нужны длинные ногти, чтобы защитить пальцы".

Современное общество по-прежнему подавляет различия и отчуждает человека от того, чему по-настоящему он мечтал бы посвятить свою жизнь. Чтобы утвердить реальность, которая представляет собой поток изменений и различий, мы должны перевернуть установленные идентичности и таким образом стать всем, чем можем стать, хотя мы не можем знать заранее, что это такое. Таким образом, вершиной делёзовской практики является творчество. "В этом, может быть, и кроется секрет: творить, а не судить."

KANT 1(46)'2023

Научный рецензируемый цитируемый журнал универсальной тематики (социогуманитарные науки, экономика, менеджмент, маркетинг, финансы, информационные технологии). Издается с 2011 года. Выходит 4 раза в год

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года. Подписной индекс по каталогу «Пресса России» – Т62200.

Двухлетний импакт-фактор – 0,648. Пятилетний импакт-фактор – 0,286

ISSN 2222-243X

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям науки: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика. Номер в списке – 57. Категория журнала – К2

Уважаемые читатели!

Научный журнал «Kant» ориентирован на междисциплинарный диалог с последующей публикацией исследований, в фокусе которых находятся проблемы образовательного пространства, экономические тенденции и их неэкономические следствия, в том числе в свете философского осмысления. Построенная на традиционных этических принципах научной периодики, разработанных COPE, и полагающаяся на стандарты Международной социологической ассоциации редакционная политика журнала направлена на создание открытой площадки обмена научной информацией, результатами фундаментальных и прикладных исследований специалистов академического и экспертно-аналитического профиля. В своей деятельности редакция журнала руководствуется принципами научности, профессионализма, объективности. Журнал нацелен на создание и поддержку единого пространства научной коммуникации в стремлении преодолеть информационную пропасть между изданиями регионального, федерального и международного уровня. Критериями статей служат актуальность, научная новизна и научная достоверность представленных материалов, практическая значимость, уровень оригинальности представленного материала, а также качество его изложения. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией на основе мнений ведущих ученых, привлекаемых в качестве рецензентов и экспертов.

Приглашаем "окантовать" свои исследовательские работы всех заинтересованных лиц.

Шеф-редактор журнала
к. полит. н. М.А. Григорьева

KANT

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ООО "Издательство
СТАВРОЛИТ"

СТАВРОЛИТ издательство

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Григорьев А.Ф., д. культурологии, проф. (Ставрополь, Россия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
Агаркова Л.В., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Бабаян А.В., д. пед. н., проф. (Пятигорск, Россия)
Билалов М.И., д. филос. н., проф. (Махачкала, Дагестан)
Бичеев Б.А., д. филос. н. (Элиста, Калмыкия)
Бобрышов С.В., д. пед. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Великая Н.Н., д. ист. н., проф. (Краснодар, Россия)
Воеводин А.П., д-р филос. н., проф. (Луганск, ЛНР)
Воробьев Н.Н., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Грачев С.И., д. полит. н., проф. (Н. Новгород, Россия)
Гриценко В.П., д-р филос. н., проф. (Краснодар, Россия)
Гурнович Т.Г., д. э. н., проф. (Краснодар, Россия)
Давыдянц Д.Е., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Деменчонок Э.В., д-р филос., проф. (Пич-Каунти, США)
Жидков В.Е., д. т. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Захарова Е.Н., д. э. н., проф. (Майкоп, Россия)
Косов Г.В., д. полит. н., проф. (Севастополь, Республика Крым)
Костина А.В., д. культурологии, д. филос. н., проф. (Москва, Россия)
Костюкова Е.И., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Крохичева Г.Е., д. э. н., проф. (Ростов-на-Дону, Россия)
Кудрина Е.Л., д. пед. н., проф. (Кемерово, Россия)
Лёш фон Хельмут, д. музыковедения (Берлин, Германия)
Лю Сяоянь, д. филолог. н., проф. (Пекин, КНР)
Миллер Дж., д. э. н., проф. (Питсбург, США)
Плугина М.И., д. психол. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Прабхакара Джатьяло Рао, проф. лингвистики (Хайберабат, Индия)
Свекатовски Р., д. э. н., проф. (Познань, Польша)
Скрипкина А.В., д-р пед. н., доц. (Москва, Россия)
Солопанова О.Ю., д-р пед. н., проф. (Краснодар, Россия)
Тамов А.А., д. э. н., проф. (Майкоп, Россия)
Туравец Н.Р., д. пед. н., проф. (Белгород, Россия)
Фурсов В.А., д. э. н., проф. (Ставрополь, Россия)
Целковников Б.М., д. пед. н., проф., член-корр. МАНПО (Краснодар, Россия)
Шутьков А.А., академик РАН, д. э. н., проф. (Москва, Россия)

ИЗДАТЕЛЬ: **ООО "Издательство СТАВРОЛИТ"**
ИНН/КПП **2635120079/263501001**
Адрес изд-ва и редакции: **355044, Ставрополь, пр. Кулакова, 29/3, 44;** Тел.: **8(962 4) 52-84-02**
E-mail: **info@stavrolit.ru, igla_fatal@mail.ru;** Сайт: **stavrolit.ru/kant**

©"KANT", 2023, №1(46), 1-362 с.

Выпускающий редактор **А.Д. Григорьева**
Дизайн обложки **М.А. Мирошниченко**
Техническое редактирование и верстка **П.В. Арсентьева**
Корректура **К.Д. Ковтун**
Подписано в печать 10.03.2023. Выход в свет 25.04.2023. Формат 84 x 108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура MyriadPro. Печ. л. 41,85. Уч.-изд. л. 66,96. Тираж 1000 экз. Заказ № 607. Свободная цена.

В номере

ЭКОНОМИКА[5.2.]

ВОРОБЬЕВ Н.Н., ВАСЮКОВА В.А., ИОНОВА А.Ч. Муниципальное образование в системе организации власти и территориального управления России -------- 4

ВОРОНИНА Н.Ф. Изменение уровня организационной культуры вуза при переходе на дистанционное обучение ---------- 9

ГРАЧЕВА К.А. Роль цифровой трансформации в управлении предприятиями: анализ цифровых кейсов ------ 16

ЖЕЛУДКОВА Т.В., ЗАЙЧЕНКО И.А., КИРПАНЕВ В.П. Методологический инструментарий оценки участия банковской инфраструктуры в развитии экономики региона ---------- 23

ИГИТХАНЯН С.С. Особенности системы управления имуществом вузов в РФ и оценка ее эффективности ---------- 29

КВИТКИНА А.А. Таможенное сотрудничество России и Китая в контексте развития двусторонней торговли ---------- 35

КОВТУН Р.В., ТРУСОВА С.В., КРАСНОВА Т.Г. Ангаро-Енисейского макрорегион: эволюция территориально-производственных в кластеры ---------- 40

КОЧИНА С.К. Диагностика риск-адаптивности промышленного предприятия в новых экономических реалиях ---------- 46

КРИВОКОРА Ю.Н., УВАРОВ И.П., БОРОВКОВ А.В. Экономический механизм оценки потерь электроэнергетики как фактор развития отраслевой инфраструктуры территории ---------- 52

КРОТОВА М.А., КОНОВАЛЕНКО Д.А. Концептуализация типологического понятия "прибрежные территории" на основе пространственно-экономической интерпретации явления "талассоаттрактивности" ---------- 56

МАЛАХОВА Ю.В., БАДЕЕВА Е.А., САЗОНОВА И.В. Бюджетирование в системе учетно-аналитического обеспечения управления обязательствами ---------- 61

ПАРФЕНОВ А.А. Проблема развития современной цифровой экономики России: дефицит менеджеров с цифровыми компетенциями ---------- 67

ПЕСОЦКИЙ А.А. Экономическая безопасность России и ее регионов перед глобальными вызовами: периоды становления после 1991 года ---------- 76

SEIDAMETOVA Z.S., TEMNENKO V.A. The World in economic indices depending on a country's size. IX. The Military levels ---------- 80

SEIDAMETOVA Z.S., TEMNENKO V.A. The World in economic indices depending on a country's size. X. Amplitudes of the military disquietude ---------- 85

ТЕМНИКОВ А.О. Механизм распределения ресурсов на цифровую трансформацию между зависимыми элементами промышленного холдинга операционного типа ---------- 92

ФОМИЧЕНКО Н.В. Исследование различий между организацией частной и государственной общеобразовательной как субъектов маркетинговой деятельности -- 102

ШАУЯ Ц., СОКОЛОВА А.Н., КОРОЛЁВА Е.В. Модель оценки эффективности функционирования банков: на примере национальных акционерных коммерческих банков КНР ---------- 109

ФИЛОСОФИЯ[5.7.]

АРАПОВ О.Г., АРАПОВА Э.А., О.А. ВОЛЬНЯКОВА, СОЛОДУХИН Д.В. Проблема сущности человека в учении Э. Фромма --------- 114

БАБАЕВА А.В. От "говорения" к "показу": опыт генетико-этимологического понятия "сказка" ---------- 120

БЕРКОВСКИЙ В.А., ТРОНИНА Л.А., ГОНЧАРОВ А.С. Рационализм и редукционизм как формы механистического учения Нового времени: И. Бекман, П. Гассенди, Т. Гоббс, Р. Декарт ---------- 125

ВЕСЕЛКОВ Г.О. Парадокс хасидизма как конфликт традиционализма и радикализма посредством антиномизма и номизма ---------- 129

ВОРОБЬЕВ Д.В., ШМЕЛЕВА Н.В. К вопросу об элиминативной индукции в методологии Френсиса Бэкона ---------- 134

ВЯЛЫХ В.В., ПРОХОДЦЕВ К.А., ТЕЛЯКАЕВА А.Ф. Культура отмены как форма проявления авторитаризма в условиях глобальной пандемии ковид-19 ---------- 138

ГАРАЩЕНКО М.А. Постулирование дуализированной направленности течения времени ---------- 143

ЖУКОВ А.В., ГАВРИЛОВА Ю.В. Проблема сохранения традиционной ментальности в условиях информационно-сетевых войн ----- 149

ИВАНОВ В.Н. Значение философско-антропологического подхода в определении понятия "военная культура" ---------- 155

ИСАЕВ Р.О. Рефлексия – технология потребительских проектов (ПОПР) (технологическое описание и схематизация) -- 159

КОНСТАНТИНОВ Д.В. Амбивалентность спорта как культурного феномена: от opera operans до генного допинга ---------- 165

ЛАРИН А.С. Кто или что может быть носителем моральных свойств? Философский анализ ---------- 171

ЛАРИН А.С. Проблема произвола как основания морали на примере теории божественных команд ---------- 176

ЛИПИЦКАЯ В.М. Непростое, непрошедшее: советское как больная тема (на материалах общественной дискуссии, вызванной демонстрацией сериала "Зулейха открывает глаза") ---------- 180

ЛУКЬЯНОВ А.В., ЛАТЫПОВА А.Р. Диалектический и метафизический аспекты исследования воспроизводства социальности ---------- 190

РАВОЧКИН Н.Н. Инструментальные возможности новых медиа в формировании корпоративного духа: философский анализ ---- 194

РЕВКО-ЛИНАРДАТО П.С. Платонизм и аристотелизм в византийском гуманизме ---- 199

САВЕНКОВ Э.Б. Конструкты современного мира: проблемы и задачи ---------- 203

СИЛАЕВ В.И., ЛОЛАЕВА Д.Т. Россия и Евразия: переход от однополярного мира к многополярному ---------- 207

СМИРНОВ Р.К. Фактор раскола в ценностном мире элиты российского общества: социально-философский анализ ---------- 211

СОПОВ В.В., ЯРОСЛАВЦЕВА А.В. История и нравственность ---------- 216

ТЫЛИК А.Ю. Школа и будущее: два аргумента против адаптационных моделей общего образования ---------- 224

ПЕДАГОГИКА 5.8.

БЕЛОУС О.В., ВЕТРОВ Ю.П., ХЛУДОВА Л.Н. Цифровизация системы общего образования: ценностные ориентации и ожидания педагога как субъекта образовательного пространства ---------- 231

БУШУЕВА Е.В. Цифровые технологии как инструмент формирования метапредметных компетенций при обучении студентов иностранному языку ---------- 237

ГЕРЛАХ И.В., ТВЕЛОВА И.А., ЩЕРБАНЕВА Н.Г. Понятия "Родина" и "патриотизм": взгляд современных педагогов ---------- 241

ГОРДИЕНКО Т.П., МЕМЕТОВА Г.Э. Смарт-образование как новая парадигма современной системы образования ---------- 246

DIOUANI R. Motivational factors in blending learning foreign languages ---------- 253

ЗИНКЕВИЧ Е.Р., ЯЦЕВИЧ Н.А. Значение педагогического компонента профессионального медицинского образования в формировании профессионально-педагогической компетентности врачей на этапе обучения в ординатуре ---------- 256

КАЛАНТАРЯН Л.А., БРЫКАЛОВА О.Г., ЦАХОВА В.Л. Социокультурные детерминанты развития образования на Ставрополье в первой половине XIX века ---------- 261

КОМКОВА О.Г., ГЛУШКОВА Т.Г., ПОМЫТКИНА Т.Ю. Педагогическая технология подготовки обучающихся по органической химии на подготовительных курсах ---------- 267

КОННОВА А.Л. Принцип учёта полевой организации материала при обучении китайских студентов многозначной лексике (на примере лексико-семантического поля "Музыка") ---------- 276

КОРУХОВА Л.В. Электронные образовательные ресурсы сети Интернет в обучении английскому языку ---------- 282

КОТЛОВ М.И., ЖДАНОВ С.В., КОТЛОВ И.Н. Анализ и классификация имитационных средств обучения в России и за рубежом ------- 286

МАЛАЕВ М.А. Контекстный подход в формировании профессиональной надежности сотрудников органов внутренних дел ---------- 291

НАСТУЕВ Э.Б. Совершенствование мыслительных операций у будущих бакалавров юриспруденции путем анализа контентов социальных сетей с юридическими услугами -- 296

НЕСТЕРОВА А.А. Опыт экологического просвещения в России в 1990-х гг. ---------- 300

ПЕТРОВА М.Г., ВОРОНИНА Г.И. Социально-гуманитарная функция иноязычного образования ---------- 307

СИ ЧЖЭНЬСИНЬ. Перспективы совершенствования процесса подготовки преподавателей русского языка в вузах Китая на основе современных дидактических подходов ---------- 311

СИДОРОВА М.В. Личностные ресурсы преподавателя ведомственной образовательной организации: психолого-педагогический аспект в цифровой парадигме 319

СУХОРУКОВА А.А., СТЕЛЬМАЩУК И.В. Техническое творчество как сущностная самореализация военного специалиста --------- 323

СЯО НИ. Синтез традиций и новаторства в формировании артистизма у студентов-вокалистов в процессе обучения в вузах Китая ---------- 329

ТИХОНОВИЧ Т.И. Языковой портфель контингента сферы общественного питания: подходы и специфика профессионально ориентированного обучения РКИ ---------- 334

ФИЛОНЧИК О.А., РЫЖОВА С.В., КОКОРИНА С.В. Организация контактной работы по иностранному языку на е-Курсах в группах магистров инженерных направлений ---------- 341

ЧИСЛОВ А.И. Этнопсихологическая компетентность преподавателя высшей школы как ресурс повышения учебной мотивации иностранных студентов ---------- 346

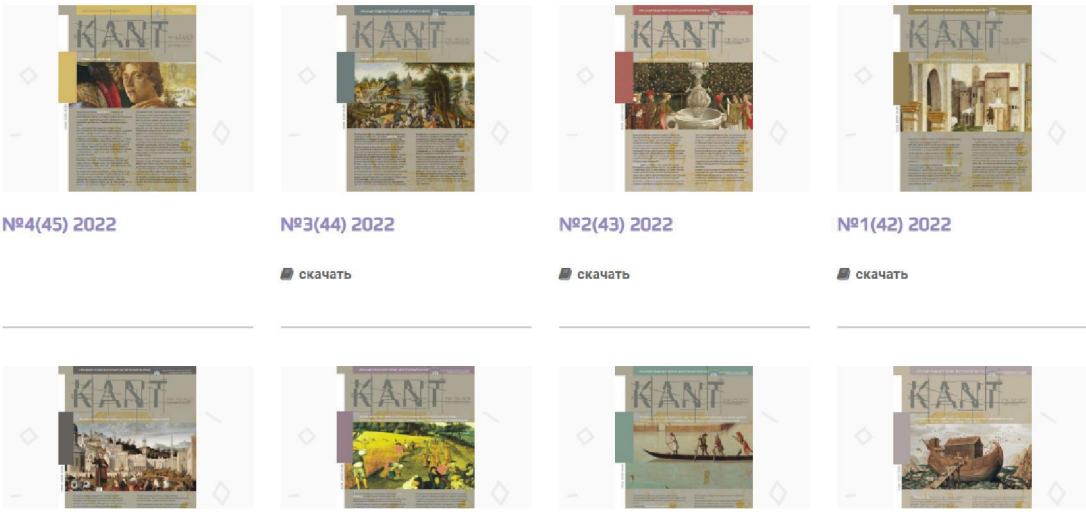
ЯЦЗЮАНЬ ЛИ, СЕРГЕЕВА М.Г. К вопросу о влиянии цифрового образования на учителей в образовательном пространстве Китая ---------- 352

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ---------- 358

накопление запасов во время излишков на случай голода. Оптимизм позволяет нам достигать хороших и великих вещей, недоступных одному поколению. Так работает прогресс.

подробнее

Доступные номера



«Обновление номенклатуры научных специальностей – естественный результат развития самой науки».

Если мы принимаем постоянные изменения в прошлом, то должны принимать и постоянные изменения в будущем. Тем более, что скорость изменений стремительно увеличивается, что обусловлено, в первую очередь, новыми технологиями. Не только городские ландшафты, но даже в дикой природе отдельные деревья, кустарники и трава расцветают и умирают, луга превращаются в леса, леса стареют и уступают место новым росткам. Наша короткая жизнь ослепляет нас этим восхитительным постоянным непостоянством.

Так, по словам председателя ВАК Владимира Филиппова, «*обновление номенклатуры научных специальностей – естественный результат развития самой науки*». Эти изменения были необходимы, так как предыдущая номенклатура не менялась практически 12 лет. При том, что «всё больше исследований проводится на междисциплинарном уровне».

В связи со вступлением в силу новой редакции номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, с 16 октября 2022 года обновлён Перечень рецензируемых научных изданий.

Согласно новой номенклатуре, редакция журнала «KANT» принимает к рассмотрению и публикации научные статьи по следующим специальностям:

5.2. Экономика

5.2.1. Экономическая теория

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

5.2.4. Финансы

5.2.5. Мировая экономика

5.2.6. Менеджмент

5.7. Философия

5.7.2. История философии

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.7.9. Философия религии и религиоведение

5.8. Педагогика

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Журнал «KANT» рекомендован ВАК для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней. В Перечне ВАК под номером **57**.

MUNICIPAL FORMATION IN THE SYSTEM OF ORGANIZATION OF POWER AND TERRITORIAL ADMINISTRATION OF RUSSIA

Vorobyov Nikolay Nikolaevich, *DSc of Economics, Professor, Technological Institute of Service (branch), Don State Technical University, Stavropol*

Vasyukova Victoria Alekseevna, *PhD of Economics, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk*

Ionova Asya Chagbanovna, *PhD of Economics, Associate Professor, Technological Institute of Service (branch), Don State Technical University, Stavropol*

The purpose of the study *is to develop a mechanism for the territorial management of the socio-economic development of the municipality based on the creation of an algorithm for assessing resource provision, under the conditions of ensuring an equilibrium priority in the level of life of the population for each unit of settlements according to two scenarios: possibilities and reality. The article examines the problems of factorial influence on the development of the system of socio-economic development of municipalities, which make it possible to increase the efficiency of managing such territories. Focusing on generally recognized factors, the research touches upon others that are most relevant at the present time, namely, the factor of innovative technologies and the information factor. Such an approach to the problem of the development of the territorial social sphere and the economy of the municipality should complement the methods for assessing the management system. Of course, such a study takes up a slightly larger volume than publication in one article, nevertheless, the issues raised on this issue should have an effect in transforming not only the territorial socio-economic platform for development, but also more targeted - to improve the living standards of the living population in the municipal territory. Definitely interest in the study of the above factors functionally and correlated with the entire spectrum of factorial influence on the development of the management process of the municipality.*

Keywords: *territory; strategy; management; social sphere; economy; system; factors; mechanisms; policy; resource; modernization; municipality; finance; self-government; region; technology.*

EDN: DWDUIB **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.1**

УДК 338.28
ВАК РФ 5.2.3

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

© Воробьев Н.Н., 2023
© Васюкова В.А., 2023
© Ионова А.Ч., 2023

ВОРОБЬЕВ Николай Николаевич, *доктор экономических наук, профессор, Технологический институт сервиса (филиал), Донской государственный технический университет, Ставрополь*

ВАСЮКОВА Виктория Алексеевна, *кандидат экономических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Невинномысск*

ИОНОВА Ася Чагбановна, *кандидат экономических наук, доцент, Технологический институт сервиса (филиал), Донской государственный технический университет, Ставрополь*

Цель исследования *– разработка механизма территориального управления социально-экономического развития муниципалитета на основе создания алгоритма оценки ресурсного обеспечения, при условиях обеспечения равновесного приоритета в уровне жизнедеятельности населения для каждой единицы поселений по двум сценариям: возможности и реальности. В статье исследованы проблемы факторного влияния на развитие системы социально-экономического развития муниципальных образований, позволяющих повысить эффективность управления такими территориями. Акцентируя внимание на общепризнанных факторах, исследования затрагивают другие, наиболее актуальные на сегодняшний момент времени, а именно, фактор инновационных технологий и информационный фактор. Такой подход к проблеме развития территориальной социалке и экономики муниципального образования должен дополнить методы оценки системы управления. Разумеется, такое исследование занимает несколько больший объем, нежели публикация в одной статье, тем не менее затронутые вопросы по данной проблематике должны дать эффект в преобразовании не только территориальной социально-экономической площадки развития, но и более адресно – повысить жизненный уровень, проживающего населения на муниципальной территории. Определенно интерес к исследованию вышеуказанных факторов функционально и корреляционно касается всего спектра факториального влияния на развитие процесса управления муниципальным образованием.*

Ключевые слова: *территория; стратегия; управление; социалка; экономика; система; факторы; механизмы; политика; ресурс; модернизация муниципалитет; финансы; самоуправление; регион; технологии.*

Ведение

Проблемы местного самоуправления интересуют широкий круг исследователей в области эффективного менеджмента социально-экономическими процессами территориального развития.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день, технологические процессы развиваются ускоренными темпами, меняются подходы и инструменты в управлении территориального развития. В статье проведены исследования механизмов социально-ориентированной направленности развития муниципальных образований. Рассматривая и анализируя функционирование социально-экономической системы, в итоге авторы делают упор на благосостоянии населения и уровне качества жизни. Именно территориальное развитие является одним из наиболее проблемных вопросов в стратегическом управлении. Нельзя сказать, что на сегодняшний момент все проблемы разрешились, так как технологические процессы шагнули далеко вперед, изменились схемы управления, более мобильным стали средства и инструменты управления.

В связи с этим, и мы заинтересовались данной проблемой, аккумулируя свое исследование на механизме сочетания стратегического управления административных субъектов РФ, посредством создания территориальных – узловых механизмов социально ориентированного менеджмента.

Теоретической разработкой такого рода направлений занимались и занимаются многочисленный состав ученых экономистов и социологов: Н.Н. Шведова, Н.Н. Воробьев, И.В. Воробьева, Т.В. Желудкова, М.А. Задорина, И.А. Зайченко, В.П. Кирпанев, В.К. Николаев, К.А. Николаев, Т.М. Тхазеплов, И.П. Уваров, А.В. Фишер, Д.Г. Цкуа и др.

Нам бы хотелось сконцентрировать внимание на тех вариантах, которые направлены на исследование территориально обособленных муниципальных образований. Мы взяли за базовый вариант Ставропольский край и территориально привязанные к нему муниципалитеты.

Изначально определение цели нашего исследования формировалось как разработка механизма территориального управления социально-экономического развития муниципалитета, на основе создания алгоритма оценки ресурсного обеспечения, при условиях обеспечения равновесного приоритета в уровне жизнедеятельности населения для каждой единицы поселений по двум сценариям: возможности и реальности.

Однако на основании вышеизложенной цели возникли не только вопросы, но и задачи, которые требуется решить для достижения этой цели:

– определение критериев оценки сегодняшнего состояния территории;

– разработка сопоставимости показателей, как по горизонтальной оценки, так и по вертикальной;

– построить схему-алгоритм решения проблемы анализа ресурсного потенциала;

– создать балансировочную схему достаточности ресурса и потребности.

Основная часть

Исследование затронуло вопросы, которые необходимо рассматривать в контексте с законодательно-нормативной базой. К примеру, в Конституции Российской Федерации понятие "муниципальное образование" не содержится, а в процессе реформирования законодательства о местном самоуправлении данное понятие вместо конкретизации было значительно упрощено. [10] Согласно п. 8 ст. 2 ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", "муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения" [12].

В то же время многие авторы выделяют в качестве обязательного качества отнесения к муниципальному образованию территориальный.

Так, К.А. Николаев и В.К. Николаев предлагают понимать под муниципальным образованием "политическую форму организации жизни местного сообщества…" [8; 11]. Мы частично согласны с мнением ученых, но хотелось бы заметить, что несмотря на такое определение муниципального образования можно дискуссировать по вопросам самоорганизации населения.

Э.Н. Амирханян [2] считает, что "муниципальное образование – это часть территории РФ, в границах которой наряду с государственным управлением осуществляется местное самоуправление для решения только местных вопросов.

По мнению ученых Н.Н. Шведовой, И.В. Воробьевой, Т.В. Желудковой [13], исследования экономических процессов, несомненно, затрагивают социальную сторону развития территории.

Изученные материалы по различным подходам к оценке рисков, как отмечают авторы И.В. Воробьева, И.А. Зайченко, Фишер А.В. [7], посредством экономической категории дока-

зывают функциональную связь между социальными и экономическими процессами, но технология расчетов требует еще доработки в части создания механизма обобщения показателей, сконцентрировав их в территориальном контексте.

В.П. Кирпанев, Т.М. Тхазеплов, И.П. Уваров [9] отмечают структурные факторы, определяют их долевое влияние, что доказывает возможность регулирования процессов с внешним и внутренним воздействием, направленным на улучшение уровня жизни населения, проживающего на конкретной территории.

Действительно, местное самоуправление, осуществляя деятельность на своей территории, обеспечивает поддержку управления на всей территории государства и способствует решению задач как местного уровня, так и федерального. Такие факты подтверждаются сегодняшними событиями, например, мобилизация, образовательная деятельность, туризм и т.д.

Следует отметить, что роль муниципальных образований в организации власти и территориальном управлении Российской Федерации не является равнозначной.

С точки зрения организации власти, система местного самоуправления, правовой статус органов местной власти и муниципального образования в целом регулируются Конституцией РФ (статьи 130, 132, 133) [10], федеральными законами и т. д. Однако на уровне региональных нормативно-правовых актов и в рамках местного законодательства наблюдается значительное разнообразие подходов к структуре органов местного самоуправления для каждого конкретного муниципального образования.

По мнению Н.Н. Воробьева, В.А. Васюковой [5], законодательно-нормативная база в Российской Федерации регламентирует конкуренцию в системе государственного регулирования национальной экономики, производит оценку конкурентных возможностей территориального значения, имеет возможность провести интерпретацию оценочным критериям.

С точки зрения территориального управления, муниципальное управление представляет собой "деятельность органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в области социально-экономического развития" [9] с целью повышения уровня благосостояния населения, проживающего на данной территории, роста экономического потенциала территории, улучшения качества жизни населения. Применение стратегического управления и планирования позволяет местным органам власти оценить потенциал и резервы муниципального образования, мобилизовать и наиболее эффективно распределить ресурсы в соответствии с целями и миссией управления, определить и реализовать комплекс действий для их достижения.

Для изучения и оценки результатов социально-экономического развития территории, по мнению А.Н. Адуковой, М.Ю. Корсун [1], можно выделить четыре блока: производственный, экономический, социальный, демографический Указанные блоки социально-экономического развития представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – **Блоки социально-экономического развития муниципальных районов [1]**

Отечественный опыт позволяет выделить внутренние и внешние факторы, влияющие в целом на социально-экономическое развитие территорий.

Анализируя основные факторы территориального развития, которые влияют на эффективность формирования и реализацию бюджетной политики, можно классифицировать по группам, отражающим уровень территориального развития и, прежде всего, бюджетный потенциал. Аккумулируем внимание на предложенный вариант дополнений к уже известным группам факторов. Это факторы, которые характеризуются как инновационные и блок информационных факторов.

Факторы состояния и развития инноваций на определенной территории имеют ряд положительного и негативного влияния, но в любом случае требуется внешнее решение и с обязательным условием генератора идей научно-технического прогресса, их апробации и внедрения.

В информационном блоке факторов самым существенным является влияние принципа, не только его доступности, но и скорости.

Мы предлагаем рассматривать данные факторы как основу развития социальной и экономической сферы территории, так как сегодняшний день уже не позволяет на прежних позициях (имеется ввиду факторах) оценивать ситуацию. Отсюда следует, что мы можем проработать оценочный критерий по данным факторам. Предлагаем следующий механизм:

– факторы инновационного характера, оценить по параметрам развития в каждом направлении территориального приоритета;

– факторы информационного характера, оценивать по доступности Интернет-ресурсов, компьютерных программ и т.д.

Если мы углубимся в исследование по первому фактору, то выясняется, что для территориального развития наличие высокотехнологических рабочих мест необходим критерий более высокого уровня (предлагаем средний по России). Создание высокотехнологических рабочих мест для рассматриваемых территорий не ниже 8%, это в стратегическом плане. Для этого необходим блок управленческих решений, касающихся разработок по каждому населенному пункту, наряду с этим, возникает необходимость решения проблем по второму – информационному фактору, который должен бы решаться параллельно с первым, так как функциональная зависимость просматривается на всем пути исследования.

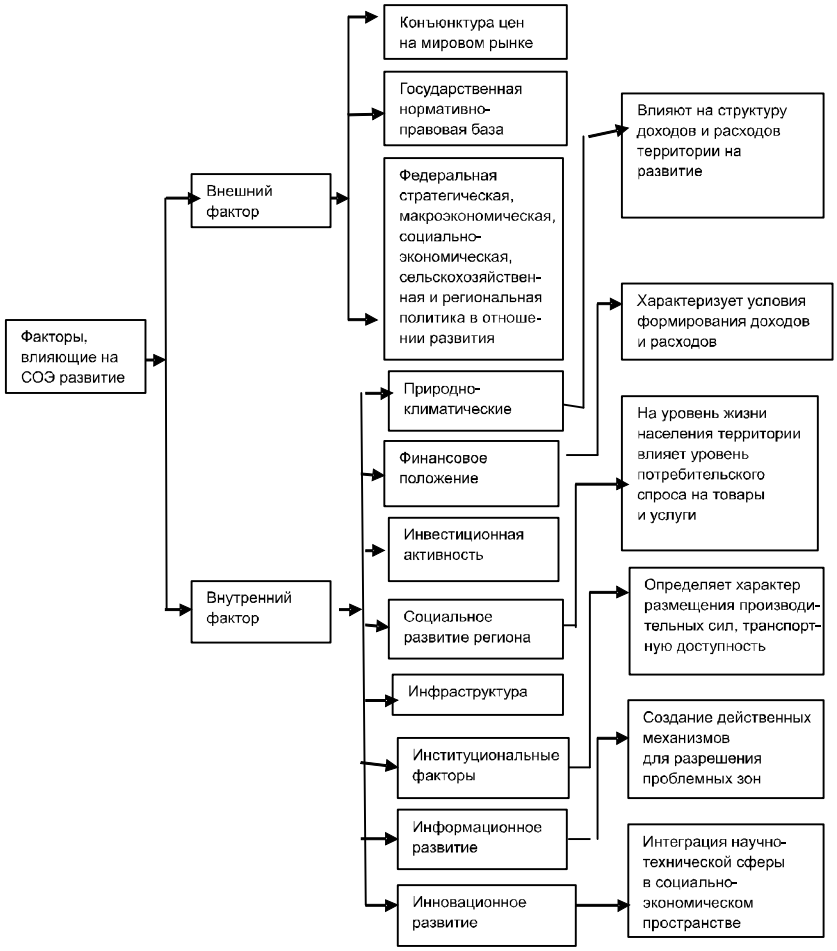


Рисунок 2 – **Факторы, влияющие на социально-экономическое развитие территорий** [составлено авторами]

Ряд вопросов в поднятой проблеме как раз и создают трудности в отсутствии такого информационного поля. Мы сегодня не можем с достоверностью сказать о доли влияния этих факторов, так как мониторинг такого рода не проводился. Отсюда следует, что на первом этапе необходимо дать оценку состояния дел по данной проблеме на конкретной территории. Предлагаем ввести индикатор развития информационного технологического обеспечения и конкурсную программу инновационных технологий на муниципальных территориях.

Шкала баллов оценочных критериев, на наш взгляд, должна быть в соответствии с на-

личием таких территорий, а внутри каждой – уже по наличию хозяйствующих субъектов.

Для многих муниципальных образований в РФ промышленной специализации основой формирования нового типа экономического роста должно стать направление на устойчивое их социально-экономическое развитие, основанное на следующих принципах: равенство между поколениями по отношению к удовлетворению собственных потребностей; социальные приоритеты; экологические ограничения.

Таким образом, муниципальное образование характеризуется неоднозначной ролью в организации власти и в территориальном управлении. В частности, необходимо отнести создание условий для реализации переданных отдельных государственных полномочий к вопросам местного назначения, прописанным в региональных нормативно-правовых актах об организации местного самоуправления. В отношении территориального управления муниципальное образование создает основу социально-экономического развития занимаемой территории согласно собственному стратегическому планированию и на уровне региона.

Осуществление муниципального уровня территориального управления на основе региональных документов стратегического планирования не дает эффективно обеспечивать устойчивость социально-экономического развития муниципальных образований. В связи с этим, для реализации основной цели муниципального управления необходимо соотнесение организации власти на данном уровне в части перечня полномочий с целями и задачами территориального управления в рамках сформированных муниципальных стратегии, прогноза и программ социально-экономического развития, с учетом региональных задач.

Заключение

Рассмотренный материал по стратегическому управлению муниципальной территорией все больше требует выполнения ряда задач, так как изучив структуру ресурсного обеспечения приходим к выводу, что не совсем точно ориентировано развитие как социального, так и экономического характера.

На наш взгляд, сегодняшний день уже требует модернизации системы управления посредством разработки стратегии для каждой взятой территории. Начать необходимо с первоначального запуска оценочных критериев ресурса не только сравнения (как это делается сегодня) с соседними территориями, а именно соотношения ресурса к площади и к численности населения.

Таким образом, создается целый алгоритм, цель которого – определение точек роста в социально-экономическом развитии по двум сценариям: возможности; реальности.

Дело в том, что сейчас к науке управления и экономике отношение несколько поверхностное и ей уделяется недостаточно внимания. Причина тому – отдаленность теоретического мышления от практического применения. В связи с этим мы постараемся увязать вопросы методологии и практического апробирования.

Сам алгоритм должен быть основан на реальной "картине" оценки имеющегося ресурса территории. Для этого необходимо определить стоимость территории обозначим ее через Q, затем решим проблему по отношению, к площади и населения, обозначив их через P и N. Таким образом, получим соотношение основных параметров: $K1 = N/Q$ – в это простое выражение мы включаем общее социально-экономическое положение население; другой коэффициент $K2 = P/Q$, более сложен, в практическом применении необходимо определить состав, структуру ресурса, привести в стоимостной характер, применить к географическому соотношению расположения этого ресурса и определиться с границами самой площади. Для того чтобы оценить сам ресурс территории, необходим аудит этой местности – от земельной площади до производственных мощностей, с увязкой их с имеющимися возможностями на будущее.

Таким образом, можно говорить о решении влияния на внутренние факторы. Что касается внешнего характера, то здесь факторы могут лишь способствовать развитию, так как с первого шага необходимо учитывать стратегию управления регионом и в целом страны, увязать вопросы территориального роста с намеченными стратегическими задачами в пределах субъекта РФ.

Литература:

1. Адуков Р.Х., Адукова А.Н., Корсун М.Ю., – Государственное управление должно обеспечивать полноценную реализацию потенциала села // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2022. – №5. – С. 183-189. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-dolzhno-obespechivat-polnotsennuyu-realizatsiyu-potentsiala (дата обращения: 10.01.2023)

2. Амирханян Э. Н. К вопросу о терминологии в области организации муниципального образования // Вестник Университета. – 2014. – № 5. – С. 227-229.

3. Васюкова В.А. Проблемы и перспективы развития цифрового управления в регионе // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: сб. тр. IV Международной научно-практической конференции, приуроченной к Году науки и технологий в России. – Брянск, 2021. – С. 129-132.
4. Воробьев Н.Н., Васюкова В.А. Методологический инструментарий индикаторов конкурентоспособности территории // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях: сб. ст. – Ставрополь, 2022. – С. 140-147.
5. Воробьев Н.Н., Васюкова В.А. Модернизация системы управления технологиями: прогнозы и реальность // Инновационная траектория науки: становление, развитие, прогнозы: сб. ст. VIII Международной научно-практической конференции. – М., 2022. – С. 40-52.
6. Воробьев Н.Н., Васюкова В.А., Цкуа Д.Г. Управление кадрами отраслевой экономики территории: взаимосвязь профессиональной подготовки и практической деятельности // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 19-26.
7. Воробьева И.В., Зайченко И.А., Фишер А.В. Проблемы стратегического управления экономическими рисками в территориальном контексте // KANT. – 2021. – № 2 (39). – С. 40-46.
8. Задорина М.А. Муниципальные образования и их виды в свете конституционной реформы основ территориальной организации местного самоуправления // Юридические исследования. – 2021. – № 10. – С. 87-101. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36475 (дата обращения: 10.01.2023)
9. Кирпанев В.П., Тхазеплов Т.М., Уваров И.П. Оценка территориального уровня развития национальной экономики // KANT. – 2022. – №2(43). – С. 36-41.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) Электрон. ресурс] // Консультант Плюс. – URL: http:// www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_28446/, свободный. – Загл. с экрана.
11. Николаев К.А., Николаев В.К. Термин "муниципальное образование": смысл и значение в построении современной теории местного самоуправления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 4 (48). – С. 55-60.
12. Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" от 06.10.2003 N 131-ФЗ (последняя редакция) [Электрон. ресурс] // Консультант Плюс.-URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ свободный. – Загл. с экрана.
13. Шведова Н.Н., Воробьева И.В., Желудкова Т.В. Платформа оценочных показателей в системе управления территориальной экономикой // KANT. – 2022. – № 1(42). – С. 72-77.

CHANGING THE LEVEL OF ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE UNIVERSITY DURING THE TRANSITION TO DISTANCE LEARNING

Voronina Natalia Fedorovna, *PhD of Sociological sciences, Associate Professor, Department "Strela", Moscow Aviation Institute, Moscow*

The purpose of the study *is to identify changes in the organizational culture of the university in connection with the introduction of distance learning technologies. In the article, the author examines the organizational culture as a factor influencing the effectiveness of the university; changes in the functioning of the university due to the need to quickly introduce distance learning technologies into the educational process and the impossibility of implementing personal, direct communication channels, replacing them with indirect ones as a result of pandemic restrictions, led to a change in the level of organizational culture. An empirical study presented by the author, in order to identify the impact of the transition to distance learning on organizational culture, showed a decrease in its level as a result of the introduced changes.* ***The results of the study*** *confirmed the hypothesis about the presence of a negative impact on the organizational culture of the distance format of the educational process.*

Keywords: *economic efficiency; organizational culture; distance learning; university; teacher; educational process; student; education; educational services; education development.*

EDN: ECNOHB DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.2

ИЗМЕНЕНИЕ УРОВНЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВУЗА ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ

УДК 338
ВАК РФ 5.2.3

© Воронина Н.Ф., 2023

Цель исследования *– выявить изменения организационной культуры вуза в связи с внедрением дистанционных технологий обучения. В статье автор рассматривает организационную культуру на фактор, влияющий на эффективность деятельности вуза; изменения условий функционирования вуза в связи с необходимостью быстрого внедрения в образовательный процесс технологий дистанционного обучения и невозможностью реализации личных, непосредственных коммуникационных каналов, замена их на опосредованные в результате пандемийных ограничений привело к изменению уровня организационной культуры. Эмпирическое исследование, представленное автором,*

с целью выявления влияния перехода на дистанционное обучение на организационную культуру, показало снижение ее уровня в результате введенных изменений. ***Результаты исследований*** *подтвердили гипотезу о наличии негативного влияния на организационную культуру дистанционного формата образовательного процесса.*

Ключевые слова: *экономическая эффективность; организационная культура; дистанционное обучение; вуз; преподаватель; образовательный процесс; обучающийся; образование; образовательные услуги; развитие образования.*

Введение

В настоящих условиях цифровизации, активного внедрения в учебный процесс достижений современных технологий и научно-технического прогресса, вынужденного перехода в режим онлайн обучения в условиях пандемийных ограничений обязывает высшее учебное заведение (вуз) приспосабливаться, подстраиваться к новым условиям функционирования и внедрять изменения в организационные и образовательные процессы. Как следствие происходят изменения в структуре взаимоотношений внутри коллектива, особенно в условиях перехода на удаленные коммуникационные каналы, что является не типичной ситуацией для образовательной среды, т.к. активное личное общение сотрудников внутривузовской среды на протяжении многих десятилетний являлось нормой и на этой основе формировались каналы коммуникации между всеми участниками педагогического процесса в целом.

В качестве рабочей гипотезы рассматривается предположение о том, что переход от классического непосредственного формата организации учебного процесса к дистанционному оказывает негативное воздействие на организационную культуру вуза.

Целью исследования является выявление изменения организационной культуры вуза в связи с внедрением дистанционных технологий обучения. В соответствии с целью сформированы следующие *задачи*: 1) проведение оценки базовых параметров организационной культуры; 2) выявление сопутствующих факторов, оказывающих влияние на уровень организационной культуры; 3) адаптация анкеты исследования; 4) оценка уровня организационной культуры до и после внедрения дистанционного формата обучения.

Методологической основой исследования является подход, описанный моделью Д. Денисона, и опросник, адаптированный в соответствии с целью и задачами исследования.

В результате проведенного исследования гипотеза о влияние формата образовательного процесса на уровень организационной культуры подтвердилась.

Теоретическая основа

Организационная культура является одним из критериев, оказывающим воздействие на эффективность деятельности образовательной организации. При этом в понятие организационная культура включают всех участников процесса образовательной деятельности в организации.

Зависимость эффективности деятельности образовательной организации от уровня и типа организационной культуры отражены в исследованиях Т. Дила и А. Кеннеди, Л. Де Калюве и Х. Вермак, а также Д. Денисон, [1; 2] Т. Дил и А. Кеннеди в 1982 г. [3].

Организационная культура вуза рассматривается как система ценностей, норм, правил, образцов поведения, способов деятель-

ВОРОНИНА Наталья Федоровна, *кандидат социологических наук, доцент, профессор Академии военных наук, кафедра Экономики и социального менеджмента предприятий и регионов, филиал "Стрела", Московский авиационный институт, Москва*

ности, принципов общения, основанных на педагогически адаптированном опыте научной познавательной деятельности. [4]

К базовым составляющим организационной культуры вуза можно отнести следующие: миссию, цели, ценности и нормы, образцы, традиции, ритуалы, обычаи, которые представляют собой в совокупности целостную систему. [5, с.94] Сущность термина "организационная культура" наиболее полно представлено М. Армстронгом и определено как модель ценностей, норм, убеждений, установок и допущений, которые, возможно, не выражены словами, но формируют то, как люди себя ведут и как они действуют. [6, с. 96].

К моделям изучения организационной культур относят следующие: конкурирующие ценности К. Камерона и Р. Куинна, 1981 г., модель Р. Барретта, 1998 г., модель Дж. Зонненфельда, 1988 г., спиральная динамика, 1996г., модель Д. Денисона, 1990 г.

Организационная культура является, с одной стороны, отражением существующих взаимоотношений между сотрудниками руководящего состава и обеспечивающим персоналом, профессорско-преподавательским составом, обучающимися в соответствии с используемым стилем руководства, с другой – инструментарием, с помощью которого можно и нужно управлять коллективом для достижения целей организации.

Исследование организационной культуры позволяет выявить закономерности, общие тенденции в работе коллектива, выделить сильные и слабые стороны в соответствии с целями деятельности организации.

Методология

Используемая методика основана на теоретическом анализе литературных источников, обобщении, сравнении, синтезе современных научных публикаций по изучаемой тематике. Выстроена с применением таких методов, как сравнительный анализ, группировка, анкетирование.

Для проведения исследования выбрана модель Д. Денисона, [7] позволяющая выявить влияние организационной культуры на показатели успешности и эффективности деятельности организации. Данная модель позволят провести мониторинг организационной культуры на объекте исследования в текущем состоянии и перспективном, выделяя характерные черты культуры и организационную эффективность. [8]

Анализируя характеристики организации по полученным показателям, можно определить способность организации реагировать на изменения внешней среды и выявить области, требующие внимания.

В качестве объекта исследования выбрано Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)" филиал "Стрела".

Модель Денисона строится на оценке четырёх ключевых характеристик организационной культуры и управления (лидерства): адаптивность (adaptability), миссия (mission), взаимодействие (consistency), вовлеченность (involvement).

Параметр "адаптивность" включает в себя учет таких характеристик, как организацию деятельности на основе удовлетворения требований основных потребителей образовательных услуг и высокую вероятность проведения изменений на их основе.

В современных быстроизменяющихся условиях внешней среды функционирования вуза, меняющихся требований заказчиков услуг, интересов стейкхолдеров, появление новых профессий и специальностей, необходимости внедрения новых технологий в образовательный процесс, параметр адаптивность позволяет оценить сформированную среду организации на перспективу, востребованность ее деятельности, управленческую деятельность, ориентированную на будущее.

Параметр "миссия" включает в себя учет таких характеристик, как стратегическое планирование, цели и задачи деятельности организации. На основе миссии строится конкурентное преимущество организации. Важность понимания и разделения миссии сотрудниками вуза значимо, поскольку качество предоставления услуг образовательной организацией во многом определяется принятием и осознанием преподавателями миссии организации. Целенаправленная деятельность по принятию и разделению миссии организации всеми участниками учебного процесса позволяет сформировать уникальную внутреннюю среду организации, направленную на единение сотрудников, позволяющей оперировать большим объемом информации, знаниями, направленной на освоение новых компетенций, необходимых для развития как каждого сотрудника в частности, так и организации в целом. Знание стратегии и целей деятельности организации позволяет каждому сотруднику определить соотношение собственных целей и целей деятельности органи-

зации, определить направление своего развития и интересов с учетом требований развития вуза.

Параметр "взаимодействие" позволяет оценить сформированную среду организации в части соответствия функционирования сотрудников всей организации, подразделений достижению общей цели. Взаимодействие сотрудников оценивается, в том числе на основе знания, принятия и разделения единых ценностей и норм поведения, позволяющих объединять рабочие действия сотрудников. Принадлежность сотрудников к разным подразделениям не должна отрицательно влиять на их результативность деятельности. Организационную культуру в управленческой деятельности можно использовать как эффективный инструмент стратегии работы с персоналом, для достижения общего результата.

Параметр "вовлеченность" основывается на принципах добровольности и высокой степени вовлеченности сотрудников в организационных процессы. В условиях функционирования вуза этот показатель особенно важен, поскольку отражает заинтересованность преподавателя в качественном образовательном процессе, готовность саморазвиваться и внедрять новые компетенции в образовательный процесс, интегрировать новые знания и умения в образовательный процесс со студентами и коллегами, оказывать поддержку при необходимости.

Оценка характеристик параметров организационной культуры проводится на основе информации, получаемой в результате анкетирования респондентов, которыми являлись сотрудники профессорско-преподавательского состава филиала "Стрела" МАИ.

Эмпирическое исследование проводится на основе использования анкеты. Анкета содержит 60 вопросов с возможностью балльной оценки респондентами, описывающими те или иные аспекты организационной культуры. Каждому индикатору организационной культуры соответствует пять высказываний. Респондент имеет возможность оценивать каждое высказывание и выставить баллы. Вопросы анкеты были адаптированы к российскому менталитету с учетом специфики функционирования образовательного учреждения, в котором проводилось исследование, частично были изменены названия и терминология для более полного осознания сути вопросов.

По результатам исследования данные анкет обработаны и для каждого параметра, характеризующего элемент организационной культуры, рассчитано среднее значение. Исследования проводились в два этапа в 2016 году и в 2021 году. В течение этого периода в структуре организации образовательного процесса в вузе произошли изменения, связанные с необходимостью перевода 100% образовательного процесса в дистанционный режим в короткий период времени в связи с пандемийными ограничениями. Это потребовало как дополнительных организационных мероприятий и принятия управленческих решений, ранее не используемых в организации со стороны руководства, так и необходимость в кратчайшие сроки освоения всеми участниками образовательного процесса дистанционных технологий. В последующем, после отмены обязательного дистанционного формата обучения и возвращения в очный формат появилась возможность провести исследование, направленное на выявление сложившейся уникальной ситуации на организационную культуру вуза, что позволило сделать выводы о влиянии различных факторов на организационную культуру на объекте исследования.

Результаты

Результаты проведенного исследования организационной культуры по модели Д. Денисона представлены консолидированными данными по базовым параметрам оценки: "адаптивность", "миссия", "взаимодействие", "вовлеченность".

Параметр "адаптивность" характеризует: способность организации к изменениям; готовность своевременного реагирования на запросы потребителей; направленность среды организации на процессы взаимоподдержки и взаимопомощи, возможности обучения новым навыкам и компетенциям работников. В результате проведенного исследования по параметру "адаптивность" определены результаты, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – **Результаты исследования по параметру "адаптивность"**

	Среднее значение по всем респондентам	Среднее значение 3-х индикаторов характеристики организационной культуры
Адаптивность		0,473
Перемены в компании	0,505	
Ориентир на потребителя	0,445	
Организационное обучение	0,47	

Оценка по параметру "адаптивность" составила значение 0,473.

По базовым интеграторам, раскрывающим значение параметра "адаптивность", сложились следующие показатели:

Индикатор "перемены в компании", значение 0,505, имеет средний показатель, что свидетельствует о том, что в деятельности филиала организация образовательного процесса слабо направлена на внедрение новшеств и инноваций, анализ изменений условий внешней среды учитывается незначительно, анализ собственных потребностей организации и реагирование на запросы слабо выражена. Ответная реакция на потребности возникает только в случае возникновения критической или вынужденной ситуации.

Индикатор "ориентация на потребителя", значение 0,445, показатель ниже среднего, что свидетельствует о том, что в организационной деятельности филиала слабо используется имеющийся потенциал организации, направленный на развитие среды самообучения и саморазвития сотрудников, внедрение в профессиональную деятельность сотрудников новых методов обучения в соответствии с потребностями обучающихся.

Индикатор "организационное обучение", значение 0,47, имеет средний показатель, что свидетельствует о том, что в филиале слабо развита образовательная среда с низкой степенью ориентированности на повышение квалификации преподавательского состава, со слабовыраженной реакцией на предложения нововведений со стороны сотрудников.

Параметр "миссия" позволяет оценить вовлеченность сотрудников в деятельность организации, их понимание стратегических целей и задач организации, принятие и оценку используемых методов управления, направленных на вовлеченность каждого сотрудника на достижение поставленных целей деятельности организации, готовность реализации собственного потенциала для достижения общих целей. В результате проведенного исследования по показателю "миссия" выявлены следующие данные, представленные в таблице 2.

Оценка по параметру "миссия" составила значение 0,46.

По базовым интеграторам, раскрывающим значение параметра "миссия", сложились следующие показатели.

Таблица 2 – **Результаты исследования по параметру "миссия"**

	Среднее значение по всем респондентам	Среднее значение 3-х индикаторов характеристики организационной культуры
Миссия		0,46
Стратегическое планирование	0,465	
Постановка целей	0,44	
Видение	0,475	

Индикатор "стратегическое планирование", значение 0,465, имеет средний показатель, что свидетельствует о том, что в филиале сотрудники не до конца осведомлены и понимают миссию и стратегию деятельности организации, при этом сохраняется достаточно значимое влияние организационной среды на этот процесс.

Индикатор "постановка целей", значение 0,44, показатель ниже среднего, что свидетельствует о том, что в организационной деятельности филиала цели организации и цели деятельности сотрудников не совпадают.

Индикатор "видение", значение 0,475, имеет средний показатель, что характеризует виденье сотрудников будущего филиала как позитивное, с умеренной долей скептицизма. Сотрудники считают, что деятельность руководства слабо ориентирована на развитие организации.

Таблица 3 – **Результаты исследования по параметру "взаимодействие"**

	Среднее значение по всем респондентам	Среднее значение 3-х индикаторов характеристики организационной культуры
Взаимодействие		0,55
Координация	0,525	
Согласие	0,57	
Ценности	0,555	

Параметр "взаимодействие" позволяет определить базисные критерии, создающие основу организационной культуры: разделяют ли сотрудники заявленные ценности организации; связывают ли они свои ожидания и самореализацию с деятельностью организации; сотрудники подразделения разделяют ценности и установки сотрудников других подразделений; согласуются ли они между собой; существуют ли эффективные механизмы направленные на выработку согласия между интересами сотрудников и интересами организации, конструктивен ли способ решения ситуаций с конфликтами интересов. В ре-

зультате проведенного исследования по показателю "взаимодействие" выявлены следующие данные, представленные в таблице 3 (см. выше).

Оценка по параметру "взаимодействие" составила значение 0,55.

По базовым интеграторам, раскрывающим значение параметра "взаимодействие", сложились следующие показатели.

Индикатор "координация", значение 0,525, показатель значения является выше среднего, что характеризует оценку сотрудниками организационных процессов в филиале как удовлетворительную, имеющую потенциал к улучшению, в области согласованности взаимодействий между сотрудниками и повышения комфорта рабочего процесса. Решение возникающих текущих вопросов трудностей не вызывает и не требует особых дополнительных усилий со стороны сотрудников или руководства.

Индикатор "согласие", значение 0,57, показатель значения является выше среднего, что отражает достаточно высокий уровень скорости решения возникающих трудностей при реализации трудового процесса.

Индикатор "ценности", значение 0,555, показатель значения является выше среднего, что отражает высокий уровень осведомленности сотрудников о критериях, по которым оценивается их работа, но сотрудники не знают об этическом кодексе и его сущности.

Параметр "вовлеченность" позволяет оценить: готовность и степень ответственности сотрудников организации за свою деятельность и общий результат; считают ли они, что владеют всей информацией, достаточной и необходимой для реализации трудовой деятельности; готовы ли сотрудники работать в команде и создаются ли условия для организации командной работы; рассматривают ли они деятельность организации как достаточную и необходимую для развития самих сотрудников. В результате проведенного исследования по показателю "вовлеченность" выявлены следующие данные, представленные в таблице 4.

Таблица 4 – **Результаты исследования по параметру "вовлеченность"**

	Среднее значение по всем респондентам	Среднее значение 3-х индикаторов характеристики организационной культуры
Вовлеченность		0,491666667
Развитие способностей	0,5	
Работа в команде	0,515	
Ответственность и полномочия	0,46	

Оценка по параметру "вовлеченность" составила значение 0,4916.

По базовым интеграторам, раскрывающим значение параметра "вовлеченность", сложились следующие показатели.

Индикатор "развитие способностей", значение 0,5, показатель значения является средним, что является отражением ситуации, когда процесс принятия решения не согласован с уровнем ответственности лица, принимающего решение. Привлечение к процессу принятия решения заинтересованных сотрудников слабо выражено.

Индикатор "работа в команде", значение 0,515, показатель значения является средним, что характеризует достаточную степень делегирования полномочий сотрудникам для реализации самостоятельных действий, но при этом наблюдается слабый уровень мотивации для непрерывного профессионального развития, хотя индивидуальные способности рассматриваются с точки зрения конкурентного преимущества в работе филиала.

Индикатор "ответственность и полномочия", значение 0,46, значение показателя ниже среднего, что является отражением ситуации, при которой не все сотрудники понимают связь между своей деятельностью и целями деятельности филиала, а также не все в полном объеме осведомлены о командно-образующей деятельности филиала.

Подсчет совокупного результирующего показателя по всем параметрам оценки составил 0,49375, что означает низкий уровень организационной культуры.

Итоговый результат исследования организационной культуры, проведенный на филиале "Стрела" МАИ в 2021 году, по сравнению с аналогичными результатами исследования 2016 года показал изменения уровня организационной культуры с удовлетворительной оценкой организационной культуры от высокой степени удовлетворенности работой сотрудниками филиала до низкого уровня организационной культуры.

При проведении исследования также проанализированы статистические показатели движения кадрового состава за период 2016-2021 гг. и изменений, которые могли бы оказать влияние на организационную культуры не было выявлено.

Дискуссия

Наличие определенного вида организационной куль-

туру присуще любой организации, вне зависимости осознанно или нет руководство влияет на нее. Возможность оказания влияния на организационную культуру через управленческую деятельность, тем самым способствовать эффективности деятельности всей организации велико, т.к. каждый работник является по сути одним из объектов воздействия. При формировании организационной культуры в вузах определяющим фактором успеха является создание соответствующей концепции и использование методов ее формирования, направленных на устойчивое развитие в будущем. Стратегия управления персоналом обязательно включает элементом выбранный тип организационной культуры, направленный на достижение эффективности реализации. Организационная культура постоянно изменяется под воздействием разных факторов, их своевременная оценка, выявление, представляет собой составляющую управленческой деятельности в целом, сочетающую в себе активное взаимодействие внутри коллектива, знание требований участников процесса, их интересов.

Организационная культура представляет собой структуру подверженную изменениям, поэтому ее диагностика и анализ должны проводиться регулярно. Сущностные и формальные трансформации необходимы, чтобы ценности и принципы, которые являются основными компетенциями творческих личностей, этико-психологические установки относительно профессиональной реальности, средства мотивационного воздействия не превратились в рутину и препятствие, которые затрудняют движение к повышению конкурентоспособности вуза. Это возможно только на основе демократии и академического самоуправления, когда инновации этического характера возникают естественно, а их источником становится инициатива сотрудников, свободного от мелочной опеки и пристальной регламентации деятельности. [9]

Показатели, полученные в результате проведенного исследования организационной культуры в отдельно взятом вузе по модели Д. Денисона и ее оценка за период до и после введения дистанционного обучения, выявили имеющее негативное влияние этого факта на уровень организационной культуры при условии отсутствия внедрения механизмов, направленных на поддержание ее уровня. В 2020 году группа ученых провела самооценку готовности преподавателей к дистанционному обучению и выявила, что она составляет 3,75, что является средненизким показателем по их оценке. [10] Организация педагогического процесса при увеличении доли онлайн-занятий, на что направлены современные преобразовательные процессы, требуют предварительной организационной деятельности в части внедрения дополнительных коммуникационных каналов взаимодействия внутри коллектива, с целью недопущения ситуации снижения уровня организационной культуры. Изменение условий функционирования вузов, активное использование цифровых технологий в образовательном процессе, приводит к трансформации организационной культуры и этот процесс должен быть управляемым для достижения эффективной работы.

Заключение

Организационная культура вуза является важнейшей определяющей его деятельности. В ней отражается способность вуза как организации к созданию среды, необходимой для распространения и воспроизводства знаний, формирование нравственного, культурного, творческого, инновационного потенциала. Особенностью вуза как организации является то, что он объединяет условно постоянно действующий состав руководителей, сотрудников администрации, профессорско-преподавательского состава и динамично изменяющемуся составу обучающихся. Результативность работы вуза в значительной степени зависит от его успешной адаптации к изменяющимся запросам со стороны общества и государства.

Правильная организация организационной культуры позволяет не только мотивировать и стимулировать сотрудников, но формировать новый тип сотрудников, заинтересованных в своей работе, обладающих лидерскими качествами и способных мотивировать окружающих на достижение более высоких результатов. [11] Недоработка в области организации организационной культуры приведет к снижению эффективности работы всей организации.

Полученные в ходе проведения данные исследования выявили наличие изменения уровня организационной культуры на выбранном объекте и показали зависимость организационной культуры от такого параметра, как применяемый способ организации образовательного процесса дистанционное или очное обучение. Исследование подтвердило гипотезу автора.

Сформированные задачи исследования выполнены, в частности:

– произведена корректировка вопросов анкеты с учетом менталитета и восприятия вопросов, а также специфики терминологии, используемой в вузе для более полного осознания сути вопросов и выбора соответствующих критериев оценок ответов респондентами;

– выделены параметры оценки организационной культуры и проведена их оценка;

– совокупный подсчёт баллов по всем анализируемым параметрам позволил оценить текущий уровень организационной культуры в вузе и сравнить его с ранее полученными результатами оценки до внедрения дистанционной формы обучения.

Результаты представленного исследования организационной культуры могут стать информационной основой для принятия управленческих решений, и периодичность проведения исследований повысит качество управления.

Примечания:

1. Угляница И.И. Перспективы комплексного подхода к изменениям организационной культуры в контексте организационной эффективности (на основе модели Д. Денисона) // Вестник науки и образования. – 2020. – №5 (86). – Часть 2. – С. 57-60. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-kompleksnogo-podhoda-k-izmeneniyam-organizatsionnoy-kultury-v-kontekste-organizatsionnoy-effektivnosti-na-osnove-modeli-d/viewer
2. Denison D.R. Corporate Culture and Organizational Effectiveness. N.Y.: John Wiley & Sons. 1990.
3. Deal T., Kennedy A. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley. 1982. p. 232
4. Ерохина Е.Л. Академическая культура учащегося-исследователя в условиях внедрения // Человек и образование. – 2014. – № 2 (39). – С. 64-67.
5. Катанаев И.И., Лига М.Б., Цикалюк Е.В. Организационная культура вуза: методика исследования // Вестник ЧитГУ. – 2012. – № 5 (84). – С. 93-101.
6. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. [Электронный ресурс]. – URL: https://hub-book.com/books/10388-maikl-armstrong-praktika-upravleniya-chelovecheskimi
7. Фей К., Денисон Д. Организационная культура и эффективность: российский контекст. Вопросы экономики. – 2005. – № 4. – С. 15-32.
8. Демин П.В. Корпоративная культура предпринимательского университета: потенциал измерения // Университетское управление: практика и анализ. – 2017. – № 2. – Том 21.
9. Голицина Е.И. Корпоративная культура как инструмент повышения качества подготовки студентов высшего учебного заведения. // Теория и практика современной науки. – 2017. – №10 (28). – С. 242-247.
10. Пучкова Е. Б., Темнова Л. В. Готовность преподавателей вузов к дистанционной работе в период пандемии COVID-19 // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 6(48). – С. 89-102.
11. Глаголева А. В. От корпоративной культуры вуза до корпоративной культуры глобального университета на примере РУДН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2021. – Т. 29. – № 1. – С. 64-75.

THE ROLE OF DIGITAL TRANSFORMATION IN ENTERPRISE MANAGEMENT: ANALYSIS OF DIGITAL CASES

Gracheva Karina Andreevna, *Postgraduate student, St. Petersburg State University, Saint Petersburg*

The purpose of the study *is to study the role of digital transformation and its key aspects in enterprise management, to analyze digital cases and best practices of Russian enterprises in the automotive industry, as well as promising business development technologies in this area. The article shows the levels and possible ways of digital transformation at the enterprise. The real cases of implementation of digital solutions at the Russian enterprises of the automotive industry are analyzed.* ***As a result,*** *the levels and possible ways of carrying out digital transformation at the enterprise are shown, real cases of implementing digital solutions at Russian enterprises in the automotive industry are analyzed.*

Keywords: *digital transformation; digital keys; innovative technologies; strategy; business model; business process; automotive industry*

EDN: FQMQQO **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.3**

УДК 332
ВАК РФ 5.2.6

РОЛЬ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ: АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ КЕЙСОВ

© Грачева К.А., 2023

Цель исследования *– изучение роли цифровой трансформации и её ключевых аспектов в управлении предприятиями, анализ цифровых кейсов и передовых практик российских предприятий автомобильной отрасли, а также перспективных технологий развития бизнеса в данной сфере. В статье показаны уровни и возможные способы проведения цифровой трансформации на предприятии. Проанализированы реальные кейсы внедрения цифровых решений на российских предприятиях автомобильной отрасли.* ***В результате*** *показаны уровни и возможные способы проведения цифровой трансформации на пред-*

приятии, проанализированы реальные кейсы внедрения цифровых решений на российских предприятиях автомобильной отрасли.

Ключевые слова: *цифровая трансформация; цифровые кейсы; инновационные технологии; стратегия; бизнес-модель; бизнес-процесс; автомобильная отрасль.*

Введение

События пандемии COVID-19 обозначили болевые точки отечественной экономики в части ассиметричного развития отраслей и инфраструктуры проведения инновационного процесса. Режим самоизоляции внес существенные корректировки в поведенческие и повседневные привычки среднестатистического потребителя, что поспособствовало смещению акцентов на дистанционную торговлю. Предприятия, ранее концентрирующиеся только на "оффлайн", сегодня переориентируются на "онлайн". В период с 2020 года по настоящее время наиболее эффективными оказались следующие бизнес-модели: маркетплейсы, даркстоpы, позволяющие сокращать расходы на доставку более чем на 20% и "direct-to-consumer" (D2C). В 2022 году в условиях санкционных ограничений устойчивое функционирование крупных предприятий во многом зависело и продолжает зависеть до сих пор от эффективности цифровых интеграций во внутренней среде. В целом, современные вызовы внешней среды определяют стратегическую роль устойчивости российских предприятий. В структуре факторов стратегической устойчивости важную роль играет уровень цифровизации, для повышения которого возможной стратегией предприятия является цифровая трансформация. Указанные обстоятельства актуализируют тему исследования и определяют круг задач, подлежащих решению.

Информационную основу исследования составили базы официальной статистической информации, рейтинговые исследования, тематические материалы периодических изданий, а также аналитические отчёты и доклады компаний, позволяющие получить сведения о проводимых ими цифровых программах и соответствующих мероприятиях.

Различным аспектам цифровой трансформации бизнеса посвящены исследования российских и зарубежных авторов: разработке стратегии цифровой трансформации (Shalmo, Williams and Boardman, 2017), формированию цифровой бизнес-модели (Teece, 2010), оценке готовности к цифровой трансформации (Галимова, 2019) и другим проблемам цифровизации. При этом методические подходы к цифровой трансформации предприятий продолжают развиваться и совершенствоваться. Сегодня государственная научно-техническая и инновационная политики, применяемые в бизнесе управленческие технологии, прежде всего, направлены на решение задач перехода к цифровизации, однако в кругах академического сообщества тема цифровой трансформации предприятий проработана недостаточно. Важно отметить, что за последние несколько лет появились научные исследования значимые для старта ее развития (Wroblewski, 2018).

Полученные результаты исследования могут быть использованы дистрибьюторами, дилерами и автопроизводителями при разработке стратегии развития бизнеса с целью повышения устойчивости и эффективности.

ГРАЧЕВА Карина Андреевна, *аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Исследовательская часть

1. Существующие подходы к дефиниции понятия цифровой трансформации. Профессор Открытого университета Каталонии – М. Кастелс [1] и профессор Лондонского университета – Ф. Уэбстер [9] стали первыми исследователями цифровой трансформации. Стоит отметить, что на сегодняшний день единое определение цифровой трансформации отсутствует. Некоторые ведущие отечественные и зарубежные эксперты данной области выступают против конкретизации данного понятия в устойчивом определении, обосновывая это совместной непрекращающейся эволюцией содержаний терминов "цифровые технологии" и "цифровая трансформация".

Авторы разграничивают понятие цифровой трансформации именно в контексте стратегического характера проводимых изменений: "…не просто локальные улучшения и точечные внедрения цифровых технологий в организацию, но и коренное изменение бизнес-модели, принципов, стратегий развития организации" [6] акцентируют внимание на том, что цифровой переход требует основательных инвестиций и постоянной отдачи в навыки, проекты и инфраструктуру. Таким образом, обобщая определения, представленные выше, необходимо обозначить следующее: цифровой переход или цифровая трансформация – это постоянный процесс глубоких и всесторонних изменений, соблюдение и выполнение процедур которого посредством цифровых технологий делает возможным для предприятия получение уникальных конкурентных преимуществ и становление его более устойчивым.

Как правило, на сегодняшний день цифровые лидеры трансформируют себя, делая акцент на следующих основных направлениях, непрерывные изменения в которых способствуют повышению эффективности их деятельности (рис. 1).

Понимание клиента, рост доходов и точки взаимодействия с ним выступают ключевыми элементами, которыми оперирует компания при трансформации клиентского обслуживания. Сегодня многие российские и зарубежные компании начинают получать реальные результаты от вложений инвестиций в информационные технологии. Так, например, развитие социальных сетей способствует отслеживанию факторов, влияющих на продвижение бренда, степень удовлетворённости клиента и повышение уровня его лояльности путём выстраивания различных интернет-сообществ и т.д. Использование аналитических систем позволяет компании иметь подробное представление о клиенте, а благодаря данным о клиентском предпочтении оптимизировать структуру затрат и продуктовые портфели. Трансформация операционных процессов путём реализации возможностей сотрудников и управления их производительностью также может стать источником конкурентных преимуществ компании. Сегодня долгосрочный конкурентный успех компании зависит от её умения создавать инновационную бизнес-модель: стратегическое осмысление перспектив развития технологий цифровой трансформации в их связи с бизнес-процессами и бизнес-моделями.

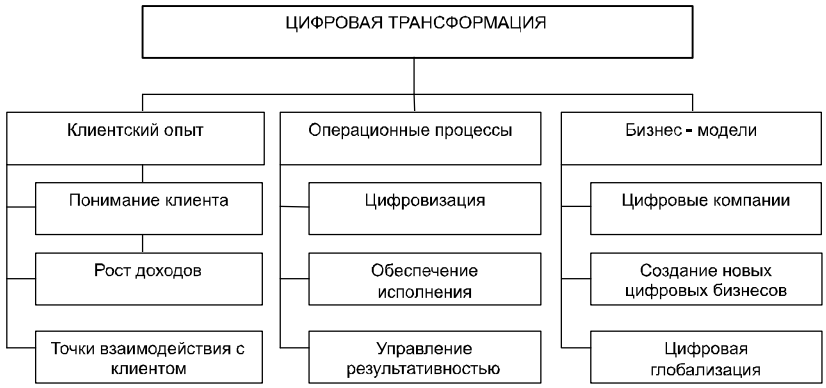


Рисунок 1 – **Основные направления цифровой трансформации [13]**

Согласно исследованию, проведенному совместно с SAP, Deloitte, IR&D Club в конце 2020 года – начале 2021 года, российские промышленные компании в целом отстают от уровня лучших мировых практик цифровизации. Так, металлургия и добыча полезных ископаемых отстает от уровня лучших практик на 30-40 %, автомобилестроение, несмотря на высокий уровень цифровизации, связанный в основном с тем, что большую долю составляют местные филиалы международных производителей, отстает на 20-30 %, ТЭК – на 30-35 %, медицина и фармацевтика – на 30-40 % [14]. Стоит отметить, что в 2021 г. Россия увеличила затраты на цифровизацию экономики на 200% [10].

Согласно данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, представленным на основе анализа 180 тыс. авторитетных российских и зарубежных источ-

ников, к ключевым технологиям, используемым высокотехнологичными компаниями в 2020 году, можно отнести технологии, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – **Технологии, наиболее широко внедряемые промышленными компаниями**

Ранг	Технология	Направление	Индекс значимости
1	Промышленные роботы	Робототехника и сенсорика	1
2	Искусственный интеллект	Искусственный интеллект	0,86
3	Машинное обучение	Искусственный интеллект	0,68
4	Цифровое прототипирование	Новые производственные технологии	0,56
5	Сенсорика	Робототехника и сенсорика	0,42
6	Беспроводная связь WLAN, PAN, RFID	Искусственный интеллект	0,3
7	Блокчейн	Искусственный интеллект	0,21
8	Большие данные	Искусственный интеллект	0,2
9	Виртуальная и дополненная реальность	Технологии виртуальной и дополненной реальности	0,12
10	Товар как услуга	Бизнес-модели	0,09
11	Компьютерное зрение	Искусственный интеллект	0,03
12	Смарт-контракты	Технологии распределенного реестра	0,03
13	Промышленный интернет вещей	Искусственный интеллект	0,03
14	Цифровой двойник	Искусственный интеллект	0,02
15	Умные фабрики	Искусственный интеллект, робототехника и сенсорика	0,01

Источник: составлено автором по материалам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ [7]

На сегодняшний день для большинства компаний цифровая трансформация носит точечный характер. Изменения ощущаются в каждой отрасли, несмотря на то, что их масштаб и скорость существенно варьируются: многие российские предприятия, в т. ч. и розничной торговли, встали на путь цифровой трансформации, однако нельзя в полной мере назвать ее стратегией. Как правило, данный процесс тормозится из-за отсутствия необходимой инфраструктуры и отсутствия квалифицированных кадров. Ключевым условием сохранения и наращивания цифрового потенциала в долгосрочной перспективе является интеграция "менеджмента знаний" в производственные и бизнес-процессы. Важно понимать, что стратегическая устойчивость предприятия в будущем зависит от адаптации к современным условиям и тенденциям, выявленным в данном исследовании.

С. Энтони, старший партнер Innosignt подразделения Huron Consulting Croup по стратегии и инновациям, в статье для Harvard Business Review приводит классификацию цифровой трансформации по степени "радикальности", выделяя операционную, процессную и стратегическую [15]. Операционная цифровая трансформация – это изменение инструментов без изменения процессов. Процессная цифровая трансформация – это изменение процесса при сохранении его целей. Стратегическая цифровая трансформация – это изменение бизнес-модели на уровне рынка и миссии компании, открывающее новые горизонты и осуществляющее "перезапуск" механизмов роста.

2. Способы проведения цифровой трансформации на предприятии. Цифровая трансформация на предприятии может проводиться тремя возможными способами, указанными в таблице 2.

Таблица 2 – **Способы проведения цифровой трансформации на предприятии**

Способ	Специалисты	Преимущества	Недостатки
1	2	3	4
1. Цифровая трансформация силами самого предприятия	– специалисты в области искусственного интеллекта и больших данных; – специалисты в области внедрения информационных систем, а также последующему их обслуживанию; – программисты с области «back-end» и «front-end» разработки; – инженеры-электронщики; – системные администраторы; – руководители проектов	– гибкое управление внедряемой функциональностью; – возможность уточнять задачи; – возможность минимизировать риски в процессе внедрения; – права на технологии «know how»	– продолжительный период поиска квалифицированных сотрудников (6-12 мес.); – дефицит квалифицированных кадров; – перепрофилирование специалистов после завершения процесса цифровизации
2.Цифровая трансформация «под ключ» от крупного интегратора	квалифицированные специалисты со стороны интегратора	– опытные специалисты позаботятся о компетенциях и подборе решений; – возможность контроля и оплаты по факту получения реального экономического эффекта; – реклама цифровизации на представителях интегратора; – интегратор заинтересован в успехе	– высокая оплата за услуги интегратора; – интегратор не специализируется в технологических процессах вашего предприятия; – сложность изменений без дальнейших сторонних разработчиков

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
3.Формирование на предприятии службы заказчика цифровой трансформации с привлечением внешних консультантов	служба заказчика (орган, который подчиняется CDO или другому руководителю, ответственному за цифровизацию, включает необходимых специалистов, которые смогут профессионально ставить задачу и контролировать внешних подрядчиков): – специалисты для самостоятельной цифровизации; – квалифицированные специалисты со стороны интегратора	– небольшая команда из числа сотрудников предприятия; – сотрудники специализируются в технологических процессах предприятия; – служба заказчика самостоятельно выбирает решение, автоматизирующее основные технологические процессы в рамках цифровизации, покупая их напрямую у производителей или у их автоматизированных партнёров	– ответственность за результат цифровой трансформации ложится на службу заказчика, а не на интеграторов

Источник: составлено автором

Предприятие при проведении цифровой трансформации собственными силами зачастую сталкивается с проблемой недостатка квалифицированных специалистов. Однако, в случае их успешного обучения и глубокого погружения в процессы, их заинтересованность в результате будет на порядок выше, чем у приглашенного интегратора. Ввиду того, что цифровая трансформация – это общекорпоративный процесс, затрагивающий все производственные и функциональные единицы, в случае её проведения силами самого предприятия, дирекция единолично управляет программой и является стратегическим партнером всех подразделений её реализации.

При проведении цифровой трансформации "под ключ" от крупного интегратора предприятие получает возможность стратегического партнерства и реальный экономический эффект в более короткие сроки. Однако, сегодня в нестабильных условиях развития экономики высокую плату за услуги могут себе позволить далеко не все, что выступает весовым аргументом "против".

Проведение цифровой трансформации посредством формирования на предприятии службы заказчика с привлечением внешних консультантов – это, своего рода синтез лучших практик первого и второго способов. Цифровая трансформация при внедрении новой технологии будет максимально эффективной для заказчика и выгодной для внедренца только когда вместе с ней внедряются соответствующие изменения в управленческие процессы.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровая трансформация – это сложный итеративный процесс, необходимым условием успешности которого является, прежде всего, проявление инициативы со стороны высшего руководства при одновременной заинтересованности и вовлеченности сотрудников. Все три основные возможные способа проведения цифровой трансформации на предприятии имеют ряд достоинств и недостатков. Однако, по мнению автора, формирование на предприятии службы заказчика с привлечением внешних консультантов является наиболее гибким и наименее рискованным подходом.

3. Анализ кейсов внедрения инновационных технологий на примере предприятий автомобильной отрасли. На протяжении нескольких лет в мировой автоиндустрии активно обсуждаются вопросы цифровой трансформации, которую автомобильная промышленность переживает уже сегодня, как в своих автомобилях, так и на заводах. Это большой сдвиг, призванный идти в ногу с быстроменяющимися требованиями отрасли. Начиная с 2020 года, эпидемиологическая обстановка в мире и в России, связанная с COVID-19, доказывает, что онлайн-взаимодействие с клиентами не просто возможно, но и надежно, а также предоставляет дополнительные преимущества. Бытует расхожее мнение, что клиенты всё равно хотят "потрогать" автомобиль. Однако, так или иначе, большинство экспертов полагают, что цифровая трансформация автоиндустрии, в той или иной форме неизбежна.

Автопроизводители, учитывая колоссальные инвестиции в разработку и производство, являются основной заинтересованной стороной в продаже автомобилей. Поэтому роль автопроизводителей имеет смысл рассмотреть более подробно.

Консультант по цифровым преобразованиям Capgemini сообщает, что к 2022 году 24% заводов по производству автомобилей станут "умными заводами". То есть эти фабрики будут в значительной степени полагаться на искусственный интеллект и другие цифровые стратегии, чтобы лучше использовать данные для повышения производительности производства. Уже 49% автопроизводителей вложили свыше 250 млн долл. в эти "умные заводы". Но инвестиции не обязательно означают результаты. В том же исследовании сообщается, что

42% умных заводских проектов борются за успех, потому что производственные операции не имеют цифровой зрелости. Цифровое преобразование не означает принятие технологии просто ради использования большего количества технологий. Речь идет о создании более высоких уровней улучшения за счет лучшего управления системами и данными, чтобы лучше обслуживать все заинтересованные стороны организации [5].

В сфере цифровизации Россия уступает по развитию и распространению технологий многим западным и азиатским странам, однако работы в данном направлении ведутся самым активным образом. Уже сейчас многие предприятия трансформируют свои бизнес-модели и бизнес-процессы посредством цифровизации.

В качестве примера можно привести ПАО "КАМАЗ", на базе которого был создан специальный "Центр цифровой трансформации", способствовавший реализации сразу нескольких успешных проектов: 1. Организация Департамента планирования логистического центра. 2. Разработка совместно с компанией Siemens системы мониторинга и оперативного управления производством. 3. Трансформация сбытовой бизнес-модели в систему взаимодействия с клиентами на базе облачной платформы SAP Hybris Cloud for Customer. 4. Внедрение роботов, число которых к 2020 году должно составить более 900 единиц [11]. Всего за год с момента начала цифровой трансформации ПАО "КАМАЗ" смог нарастить объемы продаж на 21%.

Также нельзя не отметить важный шаг на пути цифровой трансформации: ПАО "КАМАЗ" совместно с Московской школой управления СКОЛКОВО и Фондом "Центр стратегических разработок "Северо-Запад" провели комплекс программ по цифровой трансформации, цель реализации которых – переход одного из лидеров отрасли автомобилестроения на "цифровые" рельсы [2]. В рамках образовательно-стратегической программы топ – менеджеры при участии ведущих профессоров по цифровой трансформации, международных экспертов и потенциальных партнеров погрузились в глобальный контекст цифровизации, современные рыночные требования к конфигурации продуктов, подходам к проектированию и производству будущего. Кроме того, программа позволила установить сеть стратегически важных партнерств, работающих на обеспечение конкурентоспособности компании. Важным результатом стала возможность определить уровень цифровой готовности ПАО "КАМАЗ" через оценку сотрудников, выйти на 8 бизнес-проектов и соответствующие команды для их реализации.

Одним из первых автопроизводителей, которые объявили о своих намерениях сделать первый значительный шаг в этом направлении, стал Фольксваген, объявивший в 2020 году о новой эре покупки автомобилей – переводе продаж в цифровой формат.

Согласно результатам опроса KPMG [12] в этом году, победитель в битве за клиента еще окончательно не определен, но автопроизводители сделали огромный шаг вперед в выстраивании прямых отношений с клиентами: 49% руководителей и 42% потребителей согласны с тем, что автопроизводители выиграют гонку за отношения с клиентами к 2025 году; 74% опрошенных руководителей считают, что автопроизводители способны управлять так называемой "суперплатформой", предлагая различные и индивидуальные мобильные сервисы. Другими бенефициарами цифровизации будут ИТ-компании: руководители компаний и потребители оценивают их потенциал намного выше, чем годом ранее.

Если переходить от автопроизводителей к автомобильным дистрибьюторам, то важно отметить, что в рамках цифровой трансформации грань между обоими игроками постепенно стирается в виду наличия у каждого из них собственного уникального предложения продукта, либо услуги.

Так, например, в 2020 году автомобильный дистрибьютор – компания "Хендэ Мотор СНГ" представила платформу онлайн-продаж автомобилей Hyundai, в 2021 году автомобилей Genesis, функционал которой охватил весь процесс покупки от выбора автомобиля в наличии до его оплаты позволил приобрести новый автомобиль марки с любого цифрового устройства и из любой точки России (рис. 2).

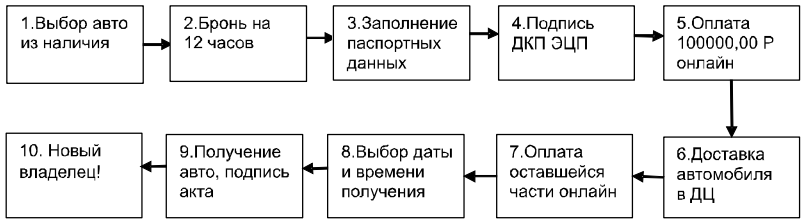


Рисунок 2 – **Процесс покупки автомобиля в DOS за собственные средства**

Источник: составлено автором по данным Официальный сайт ОО "Хендэ Мотор СНГ" [4]

Однако несмотря на уверенные шаги в цифровом направлении автопроизводителей и дистрибьюторов, которые отмечает, например, управляющий директор "Хендэ Мотор СНГ" А. Калицев [4], эксперты считают, что крайне преждевременно говорить о том, что дилеры, будучи основным механизмом взаимодействия с клиентом по продаже автомобиля, станут не нужны в новой модели продаж автомобилей.

С тем, что все перейдет в онлайн, не согласен и управляющий директор "КИА Моторс Россия и СНГ", экс-глава Peugeot и Citroen в России А. Мигаль: "Автомобиль остается одной из наиболее важных и дорогостоящих покупок в жизни человека. Да, мы видим тренд, что люди больше времени проводят в онлайн, чем пять лет назад, в том числе и при подборе автомобиля. Но до принятия окончательного решения человек все равно захочет прийти в дилерский центр, чтобы сесть в автомобиль и пройти тест-драйв. Конечно, формат ритейла будет меняться, но революционных изменений не будет. До тех пор, пока автомобиль будет служить не просто способом перемещения из пункта "А" в "Б", но и эмоциональным продуктом, не думаю, что дилерские центры окажутся не нужными. Но если автомобиль будет превращаться в commodity (товар широкого потребления), и будет не важно, на чем ехать из пункта "А" в "Б", то возможны более серьезные изменения. Но я не верю, что они могут произойти в ближайшие 15-20 лет" [8].

Так, дилерский центр АО "РОЛЬФ" – флагман среди российских автодилеров по внедрению цифровых решений и росту эффективности за счет инноваций, опубликовал Отчет за 2020 год, в котором изложил ключевые аспекты по цифровому развитию деятельности [3].

В конце 2020 года во исполнение принятой стратегии в РОЛЬФ был создан департамент мобильных технологий и цифровой трансформации, в задачи которого вошли: сбор гипотез по улучшениям операционных процессов и взаимодействия с клиентами, запуск пилотных проектов и в случае их успеха – масштабирование на компанию в целом, автоматизация и роботизация процессов. В 2021 году дилером был реализован портфель IT-проектов, направленных на развитие функциональности внутренних операционных систем, автоматизацию ручных операций и актуализацию ИТ-ландшафта: развитие омниканального взаимодействия; развитие системы речевой аналитики; обновление системы управления обратной связью от клиентов; реализация новых бизнес-процессов в сегменте автомобилей с пробегом; переход на внутренний электронный документооборот, создание электронного архива документов; актуализация интеграций с системами автопроизводителей; киоски самообслуживания в дилерских центрах; установка камер для видео аналитики на рабочих местах сотрудников сервиса и др.

В результате анализа цифровых кейсов и передовых практик успешного внедрения цифровых технологий в российских предприятиях автомобильной отрасли можно отметить, что ключевыми направлениями цифровизации, прежде всего, выступают развитие новых продуктов и повышение их конкурентоспособности, повышение безопасности труда и оптимизация производственного процесса.

Заключение

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что крупнейшие автомобильные компании активно внедряют цифровые решения по всей цепочке создания ценности, причем усилия направлены не только на оптимизацию производственного процесса и сокращение затрат, но также на повышение качества взаимодействия с клиентами. Вместе с тем, согласно имеющимся исследованиям, российские предприятия, несмотря на наличие примеров успешной цифровизации, существенно отстают от зарубежных конкурентов. Переход к цифровой трансформации – очень сложный процесс. Ожидания от цифровой трансформации связаны с радикальными изменениями в бизнес-процессах и моделях компаний. Как и в любом другом бизнесе, компаниям, будь то дилерские группы или автопроизводители, имеет смысл осознать реальность грядущих перемен, как можно раньше начать разработку процессов, подготовку необходимых технологий и дорожную карту развития. В современных условиях развития экономики успешная цифровая трансформация – залог конкурентоспособности и устойчивости предприятия в долгосрочном периоде.

Таким образом, для того чтобы предприятию удалось получить максимально возможный эффект от цифрового перехода, необходимо своевременно и в строгой последовательности переходить от одного этапа к другому, подкрепляя свои действия соответствующей подготовленной и развитой инфраструктурой и высококвалифицированными специалистами. Для полномасштабной цифровой трансформации необходим радикальный сдвиг и в самой культуре предприятия.

Литература:

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
2. Отчет Сколково "Skolkovo trend Award 2018" [Электронный ресурс]: URL: https://courses.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_ExEd/SKOLKOVO_Trend_Award_2018.pdf
3. Отчет 2020 РОЛЬФ [Электронный ресурс]: URL: https://www.rolf.ru/uploads/to_investors/presentations/ROLF_annual_report_2020_rus.pdf
4. Официальный сайт ООО "Хендэ Мотор СНГ" [Электронный ресурс]: URL: https://www.hyundai.ru/news/hyundai-zapuskaet-platformu-onlajn-prodazh-avtomobilej
5. Сологубова Г.С. Составляющие цифровой трансформации. – М.: ЮРАЙТ, 2019. – 147 с
6. Стратегическая устойчивость предприятий в регионах России: оценка и управление : монография / под ред. Ю. В. Кузнецова. – М. : Проспект, 2020. – 456 с.
7. "Топ-15 цифровых технологий в промышленности" [Электронный ресурс]: URL: https://issek.hse.ru/news/494926896.html
8. "Успешность или неуспешность сотрудничества определяется умением и желанием партнеров выполнять поставленные цели" [Электронный ресурс]: URL: https://ksonline.ru/341000/uspeshnost-ili-neuspeshnost-sotrudnichestva-opredelyaetsya-umeniem-i-zhelaniem-partnerov-vypolnyat-postavlennye-tseli/
9. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Фрэнк Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
10. "Цифровая трансформация в России – 2020" [Электронный ресурс]: URL: https://drive.google.com/file/d/1xVK4lSanDZSCN6kGAHXikrGoKgpVlcwN/view
11. "Цифровая трансформация промышленного предприятия: мода или закономерный переход в новую эпоху индустриализации" [Электронный ресурс]: URL: https://integral-russia.ru/2021/03/17/tsifrovaya-transformatsiya-promyshlennogo-predpriyatiya-moda-ili-zakonomernyj-perehod-v-novuyu-epohu-industrializatsii/
12. "Цифровые технологии в компаниях" KPMG [Электронный ресурс]: URL: https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/ru/pdf/2019/01/ru-ru-digital-technologies-in-russian-companies.pdf
13. MIT Sloan Management Review George Westerman, Didier Bonnet and Andrew Mc Afee. The Nine Elements of Digital Transformation. January 07, 2014 [Электронный ресурс]: URL: http://sloanreview.mit.edu/article/thenine-elements-of-digital-transformation
14. SAP – Решение для быстрорастущих компаний. [Электронный ресурс]: https://sapmybiz.ru/digital-maturity
15. "What Do You Really Mean by Business "Transformation"?" [Электронный ресурс]: URL: https://hbr.org/2016/02/what-do-you-really-mean-by-business-transformation
16. "Цифровая трансформация автоиндустрии" [Электронный ресурс]: URL: https://automarketolog.ru/czifrovaya-transformacziya-avtoindustrii/

METHODOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE PARTICIPATION OF THE BANKING INFRASTRUCTURE IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION'S ECONOMY

Zheludkova Tatiana *Vladimirovna, PhD of Physical-Mathematical sciences, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk*

Zaichenko Irina Alekseevna, *PhD of Economics, Associate Professor, Service Technological Institute (branch), Don State Technical University, Stavropol*

Kirpanev Vadim Petrovich, *PhD of Economics, Associate Professor, Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk*

The purpose of the study *is to develop methodological foundations adequate to the current stage of economic development for effectively improving the economic assessment of the mechanism for the relationship between managing the potential of the banking system and the socio-economic side of the region's development. The article explores the interrelations and contradictions in the development of the banking structure and the region, special attention is paid to the factors that contribute to ensuring the interconnection of various sectors and activities in the region with feedback in the territorial-sectoral economy. Based on the assessment of the interaction of the banking sector of the economy, the necessity of restructuring the system of financial turnover, in particular in lending, has been proved.* ***As a result,*** *in ensuring the financial flow in the banking sector of the economy in a certain territory, positive and negative aspects were identified in the process of developing the social and economic side of the territory, which made it possible to develop an algorithm for the interaction of the region's infrastructure in order to increase the level of participation of banks in the activities of economic entities.*

Keywords: *economics; electric power industry; mechanism; state regulation; partnership; investments; methods; assessment; income; population; effectiveness of results; standards; territory; structure.*

EDN: HJCQUV DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.4

УДК 332.1
ВАК РФ 5.2.3

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ УЧАСТИЯ БАНКОВСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

© Желудкова Т.В., 2023
© Зайченко И.А., 2023
© Кирпанев В.П., 2023

Цель исследования *заключается в разработке адекватных современному этапу экономического развития методологических основ эффективного совершенствования экономической оценки механизма взаимосвязи управления потенциалом банковской системы и социально-экономической стороной развития региона. В статье исследованы взаимосвязи и противоречия развития банковской структуры и региона, особое внимание уделено факторам, способствующим обеспечить взаимосвязи различных секторов и видов деятельности в регионе с обратной связью в территориально-отраслевой экономики. На основе оценки взаимодействия банковского сектора экономики доказана необходимость реструктуризации системы финансового оборота, в частности по кредитованию.* ***В результате,*** *в обеспечении финансового потока в банковской сфере экономики на определенной территории выявлены положительные и отрицательные моменты в процессе развития социальной и экономической стороны территории, что позволило разработать алгоритм взаимодействия инфраструктуры региона, в целях повышения уровня участия банков в деятельности хозяйствующих субъектов.*

Ключевые слова: *экономика; электроэнергетика; механизм; государственное регулирование; партнерство; инвестиции; методы; оценка; доходы; население; эффективность результатов; нормативы; территория; структура.*

ЖЕЛУДКОВА Татьяна Владимировна, *кандидат физико-математических наук, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Невинномысск*

ЗАЙЧЕНКО Ирина Алексеевна, *кандидат экономических наук, доцент, Технологический институт сервиса (филиал), Донской государственный технический университет, Ставрополь*

КИРПАНЕВ Вадим Петрович, *кандидат экономических наук, доцент, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Невинномысск*

Введение

В проблеме сочетания развития основного финансового игрока банковской инфраструктуры на экономическом пространстве деятельности субъектов и рычага в развитии экономики территории отечественные ученые в настоящее время еще более заинтересованы. В период санкций и ограничений в мировом сообществе Российская банковская система должна быть в единой цепи взаимоотношений с другими участниками экономического и социального процесса региона.

Все законодательные и нормативные акты, регулирующие деятельность банков на территории России, определяют роль и значение банковских структур в финансовом обороте экономической деятельности [1; 2; 3].

Дело в том, что банковская система РФ, несмотря на все интересы в финансовом обороте, несколько "отстранилась" от отраслевой экономики и социальных процессов. Мы говорим о том, что, принимая участие непосредственно в обороте денежном и др., на территории России (особенно в субъектах) банки должны быть связаны интересами в развитии не только собственной инфраструктуры, но и социально-отраслевой экономики.

Изучив многочисленные публикации, особенно отечественных ученых, таких как: Э.В. Адамов, Р.Ю. Черкашнев, А.Ю. Федорова, К.В. Акелян, Л.Х. Курбанаева, Н.В. Алексеева, А.Ю. Аутлев, Л.А. Бадалов, В.А. Барвинко, Л.Г. Батракова, С.В. Бекарева и др., не находим отражения механизма заинтересованности во взаимодействии банковских структур и всей инфраструктуры территории, в частности отраслей экономики.

Встречаем некоторые исследования, которые непосредственно касаются исследований в части определения критериев оценки доли участия банков в развитии территории, но они ограничиваются макропоказателями.

Между тем, назревает ситуация, когда интересы развития социальной и экономической стороны на определенной территории

должны быть непосредственно с участием финансовых структур, в частности банков.

Мы изучили публикации, где определенно симпатизируем ученым, которые одним из критериев оценки выдвигают макропоказатель валового внутреннего продукта или же валового регионального продукта. Здесь мы солидарны, но с механизмом определения самой доли несколько возникают дискуссионные вопросы.

С чего следует начать наше исследование, так это с анализа взаимосвязи с основными показателями региона и сравнить их с показателями развития банковской системы.

Разумеется, что системность и целостность этого процесса обусловливает необходимость разработки механизма постоянного мониторинга на базе современных знаний, с непременным использованием научных достижений в области методов оценки и анализа.

В этой связи актуальность решения методологических и практических задач управления процессами преобразования экономического потенциала банковской системы региона не только не снизилась, но и продолжает расти.

Научное приращение, полученное в ходе исследования, заключается в разработке механизма оценки взаимодействия банковской структуры с социально-экономикой структурой региона.

Экономическое содержание банковской системы представлено в региональном контексте социально-экономического развития территории, с трансформацией механизма его управления как системы взаимосвязей всех участников процесса, обеспечивающего преобразование и развитие финансовой сферы услуг региона.

Основная часть

На наш взгляд, банковская система не только может обеспечивать финансовый оборот капитала, но и должна быть индикатором развития региона. Мы в своем исследовании изучили материалы официальной статистики регионов России и приходим к выводу, что система банков не достаточно активизирует свое участие в развитии региона [4; 5; 6].

Как и любой экономический субъект, действующий в условиях рынка, так и банк заинтересован в получении экономической выгоды, и скорость ее получения играет значительную роль.

Необходимо модернизировать организационно-экономический механизм, посредством законодательно-нормативной базы, на основе детализированного анализа, в целях обеспечения социального и экономического взаимодействия банковского сектора экономики и развития территории.

Сегодняшний день показывает минимальный уровень участия банковского сектора в экономике территории, так как, например, в создании валового регионального продукта банки Ставропольского края не играют доминирующую роль.

По такому субъекту РФ, как Ставропольский край, судя по официальным данным статистики, несмотря на небольшие колебания в период с 2016 по 2022 годы, доля банковского сектора в валовом региональном продукте остается в пределах 0,2 – 0,4 %, что свидетельствует о неизменно низкой позиции этого сектора экономики [6].

По доходам в бюджет Ставропольского края за период с 2016 по 2022 годы хозяйствующие субъекты финансово-кредитной деятельности занимают 3,2-3,8 %, что тоже по сравнению с другими сферами деятельности незначительно.

Тем не менее активы банков растут и Сбербанк, например, увеличил за 2021 год свои активы на 1,24%, а Банк ВТБ показал рост активов на 1,75% и т.д.

Заметим, что отраслевой Россельхозбанк на территории Ставропольского края показывает результат активов в 2021 году с минусом в 44884896 тыс. руб., по сравнению с 2020 годом.

Если мы посмотрим на численность предприятий со статусом юридического лица, то по 35 позициям в структуре видов экономической деятельности по Ставропольскому краю видим только их сокращение (за исключением экономических субъектов в социальных услугах). Если в 2016 году их насчитывалось 57909 единиц, то в 2022 году осталось 34427 единиц, то есть на 40% уменьшение, в отраслях сельского хозяйства было 11582, а осталось 1838, то есть на 84%.

Тем не менее, сегодня самый высокий результат как в прибыли, так и в заработной плате показывают хозяйствующие субъекты финансовой сферы деятельности Ставропольского края. При среднедушевом доходе в Ставропольском крае в размере 26189,9 руб. в 2021 году, в сфере финансово-кредитных субъектов в 2021 году она составляла в среднем 45902 руб. в месяц. Нужно отметить, что этот факт происходит с учетом снижения доходов работников, так как в этой сфере в 2020 году он составлял на одного работника в месяц 56773 руб.

На рисунке 1 показана динамика долгов по кредитам организациями и предприятия-

ми, которые имеют статус юридического лица.

Можно сказать, что концепция не меняется и в Ставропольском крае продолжится сокращение предприятий. Влияние фактора кредитной задолженности на деятельность предприятия составляет 30%. Такая зависимость должна быть основой для реструктуризации долгов как для хозяйствующих субъектов, так и для населения.

Этого же мнения придерживаются авторы работы, определяя экономический потенциал как совокупность природных ресурсов, средств производства, трудового и научно-технического потенциалов, накопленного национального богатства.

По своему экономическому содержанию экономический потенциал тесно соприкасается с такими экономическими категориями, как национальное богатство, производительные силы.

Что касается влияния на экономическое состояние региона, то на макропоказателе мы убедились в роли банковского сектора.

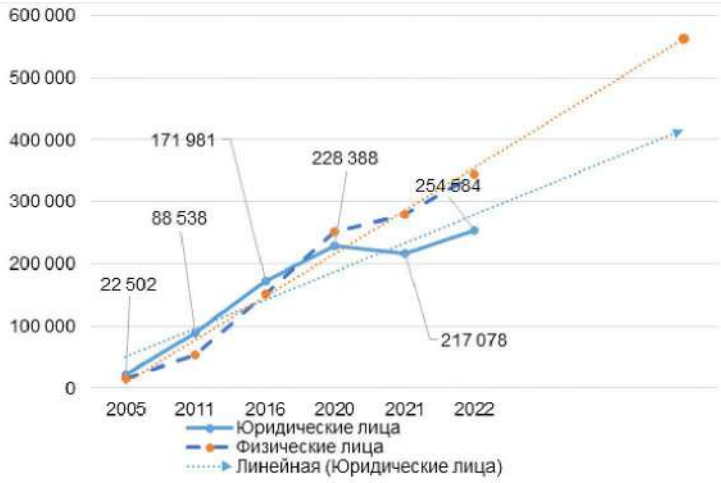


Рисунок 1 – **Динамика задолженности хозяйствующими субъектами (юридическими лицами) и населением (физическими лицами) по кредитам банкам Ставропольского края, млн руб.**

Конечно, банковская сфера влияет на экономическую среду любой территории, но не функционально, то есть наблюдается косвенная связь. В этой связи требуется расширить диапазон факторов, посредством которых банки региона в большей степени оказывали влияние на ВРП.

Можно оценить роль банковского сектора в регионе посредством другого инструмента, такого как денежные вклады населения, очень интересен результат. Так как именно этот показатель говорит о надежности банка и о степени уверенности населения в завтрашнем дне.

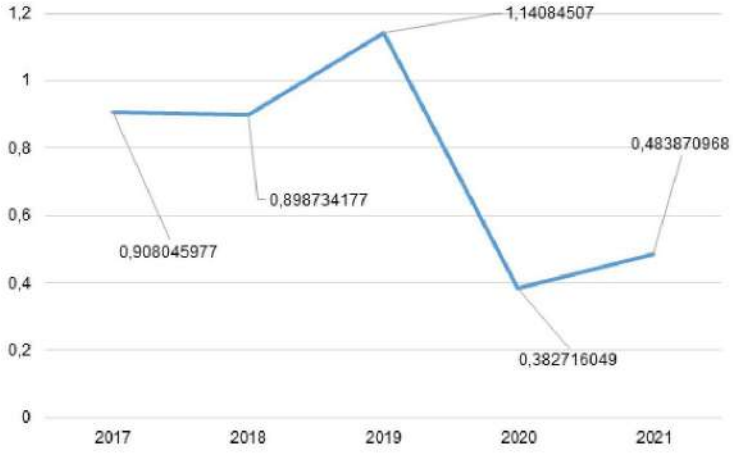


Рисунок 2 – **Темпы изменений по вкладам в банки Ставропольского края населением (из расчета на одного человека), коэффициент**

На рисунке 2 мы отобразили ситуацию по Ставропольскому краю, и видим, что из расчета на одного человека в среднем ежегодном показателе происходит снижение сумм, темпов изменений – на 40-50 %.

Как видим, вклады населения предельно низко отмечены позицией 2020 года, то есть резкое падение, что можно объяснить пандемией. Затем последовал их небольшой рост в 2021 году, но как сейчас обстоят дела с этим показателем, пока не известно (нет официальных данных).

Долг за кредиты у населения будет расти, а при сохраняющихся условиях этот рост будет ускоряться в темпах.

Уже получили распространение в банковской сфере кредитные карты и дебетовые карты с кэшбеком. В этом случае при оплате покупки с помощью указанной карты на счет покупателя зачисляется от 0,5% до 3% стоимости оплаченной покупки. В некоторых банках действуют схемы возврата определенного процента потраченных средств, но не с каждого вида товара или покупки, а с ограниченного числа видов.

Дело в том, что на практике так называемые возвраты происходят следующим образом: обещание кешбэка часто выглядит краси-

во в предложении, но по факту его размер оказывается меньше или за пользование картой с такой услугой начисляется немаленькая плата со стороны банка.

Нужно обращать внимание и на все ограничения по оплате. Бывает, что пользоваться такими картами по назначению можно только в партнёрских магазинах или организациях, предоставляющих определённые услуги. Таким образом, клиент ограничен в выборе, а при оплате в других магазинах кешбэка не будет.

Тем не менее, розничная торговля в Ставропольском крае тоже снижает свои позиции, так как с 4800 единиц хозяйствующих субъектов в 2016 году к 2022 году их стало 2264 единиц.

Результаты

Теперь можно сделать некоторые выводы, что в положительном моменте времени отметим улучшение позиций показателей в банковской сфере деятельности, так как рост активов и показатели рентабельности говорят о тенденциях их роста.

В развитии инфраструктуры промышленности видим, что предприятия на территории Ставропольского края закрываются, то есть их численность ежегодно уменьшается.

За период с 2016 года их численность с 56778 единиц снизилась к 2022 году до 34427, что характерно, то и предприятия в области финансовой деятельности тоже сокращаются. Общее количество предприятий в Ставропольском крае снизилось за исследуемый период на 39,4%, а по такому виду деятельности, как финансы сократились на 45,1%.

Если рассматривать с позиции доли экономических субъектов финансовой структуры в общей численности предприятий Ставропольского края, то она не велика, и за все анализируемые годы не подымалась выше 1,5%

Теперь, что касается прибыли в банковской сфере. Можно отметить, что доходы банков растут. Возьмем, в качестве примера непосредственно конкретный банк на территории Ставропольского края – Банк ВТБ. Судя по финансовым отчетам, в результате деятельности чистая прибыль данного банка выросла с 1049 тыс. в 2016 году, до 358738 тыс. руб. в 2021 году.

В структуре инвестиций в основной капитал по источникам финансирования в Ставропольском крае за 2021 год кредиты банков занимают 31,6% от общего объема привлеченных средств. Если мы рассматриваем вопросы участия в региональной социально-экономической системе, то можем сказать о ключевой финансовой роли банковского сектора, что заключается не только от участия в формировании ВРП, но и по кредитованию социальных и экономических процессов в данном субъекте Российской Федерации.

В процессе исследования установлено, что уровень развития отдельной кредитной организации и банковской системы в целом в значительной степени определяется величиной, состоянием, качеством и степенью использования экономического потенциала, которым они обладают.

Предлагаем в разработке алгоритма подхода к формированию механизма использования экономического потенциала банковского сектора в рамках единого регионального комплекса. В ходе исследования приходим к выводу, что деятельность различных видов не может развиваться без участия банковского сектора экономики. Мы попробовали отобразить на рисунке 3 схематично алгоритм, механизм которого позволит обеспечить заинтересованность банков во взаимодействии с другими участниками процесса.

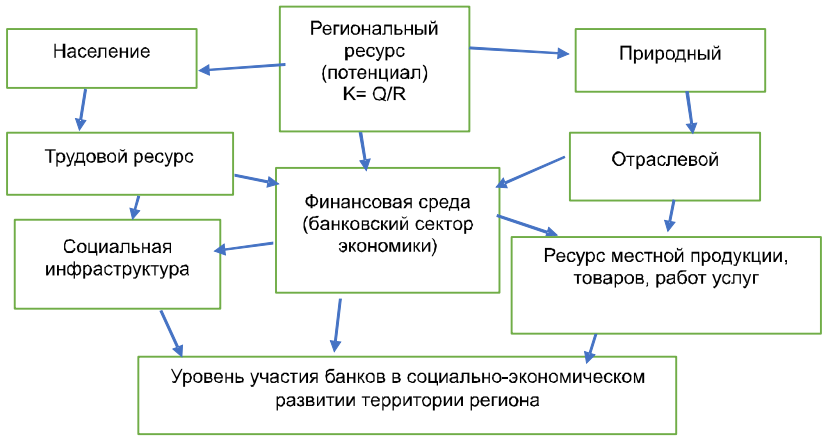


Рисунок 3 – **Алгоритм механизма взаимосвязи банковской структуры и социально-экономического развития территории**

Первое – необходимо дать оценку ресурсного потенциала территории, предлагаем провести инвентаризацию всех мощностей в регионе, посредством определения в стоимостном выражении природного ресурса территории и сопоставлением его с мощностью использования.

Ресурсные возможности региона обозначим – Q; мощность использования территориального ресурса – R, получим коэффициент использования, K= Q/R. Участие банковской сферы в использовании территориального ресурса предлагаем оценить по критерию доли вложения в развитие мощностей региона: где D – доля банковской сферы, F – основные фонды высокотехнологического оборудования; инвестиции банков в развитие территориальных мощностей – U, таким образом, D = F/ U

Далее путем сопоставления доходов населения, финансов региона и стоимостного использования ресурса территории выделим участие банков в так называемом кешбэке. На наш взгляд, необходимо ввести такой аналог и на продвижение местной продукции, которая непосредственно имеет полный цикл производства на территории региона. Таким образом, мы способны вовлечь в процессы развития производственной сферы региона банковские структуры.

Теперь, что касается прожиточного минимума 12938 рублей на территории Ставропольского края, который граничит с понятием "нищета", то можно предложить вариант открытия банковской сферой структурных подразделений, авансирующих общественное питание для этой категории лиц в регионе.

В среде контроля за банковской деятельностью региона можно использовать уже наработанную систему Базельского комитета по банковскому надзору, который определил методические рекомендации в области банковского регулирования.

В одной из публикаций учеными Н.Н. Воробьевым, В.А. Васюковой [8], приводится структурная оценка точек роста в субъектах Российской Федерации, который можно использовать в целях более эффективного использования ресурсов и в частности профессионального уровня трудового потенциала региона. В этой связи предлагаем вариант инвестиционной карты банка в подготовке и переподготовки кадров региона.

Мы согласны с методами оценки банковской деятельности – О.И. Лаврушин, Т.Н. Ветрова, А.Д. Шеремет, Е.В. Негашев [10; 11], но хотелось бы дополнить в эффективности деятельности банков, результативность их участия в развитии социально-экономического процесса территории.

Таким образом, мы, исследовав проблемы оценочного критерия по участию банковской сферы в территориальном развитии, можем сказать, что исследования в этом направлении только набирают "обороты" и следует заметить нарастающий интерес не только науки, но и управленческого персонала территорий.

Примечания:

1. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 № 14-ФЗ редакция от 01.07.2021 (с измен., и доп., вступившим в силу с 01.01.2022).
2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 30.12.2020) "О банках и банковской деятельности".
3. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL:https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 27.12.2022).
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат)://rosstat.gov.ru/
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.
6. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. Режим доступа: https://stavstat.gks.ru/ (дата обращения: 15.01.2022).
7. Адамов Э.В., Черкашнев Р.Ю., Федорова А.Ю. Развитие контроллинга в российских банках. // Известия юго-западного государственного университета. серия: экономика. социология. Менеджмент. – 2019. – №9 (5). – С. 141-150.
8. Воробьев Н.Н., Васюкова В.А. Методологический инструментарий индикаторов конкурентоспособности территории // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях: сб. ст. по материалам Национальной с международным участием научно-практическая конференция. – Ставрополь, 2022. – С. 140-147.
9. Закревский А.А. Методика оценки финансовой надежности и устойчивости коммерческого банка / А.А. Закревский, Т.С. Иванова // Инновационные подходы в современной науке: сборник статей по материалам XIV междунар. науч.-практ. конф. – М., 2018. – С. 116-121.
10. Лаврушин О.И., Ветрова Т.Н. Эффективность банковской деятельности // Банковское дело. – 2016. – №5. – С. 38.
11. Шеремет А.Д., Негашев Е.В. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М., 2018. – С. 208.

FEATURES OF THE PROPERTY MANAGEMENT SYSTEM OF UNIVERSITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND EVALUATION OF ITS EFFECTIVENESS

Igitkhanyan Sergey Sedrakovich, *applicant, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow*

The article is devoted to the analysis of issues of effective management of state property assigned to universities. ***The purpose of the study*** *was to analyze the features of the system of property management of universities in the Russian Federation, the formation on this basis of an approach to assessing its effectiveness. To achieve it, an analysis of the concept of a state property management system was carried out, a study of the basic principles of state property management assigned to universities, as well as the main activities of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the state management system.* ***The conclusion*** *is made about the need for a comprehensive assessment of the effectiveness of university property management. A comprehensive approach to assessing the effectiveness and quality of university property management is proposed, including 6 groups of goals and an approximate list of indicators for their achievement.*

Keywords: *educational organization; university; state property; operational management right; property complex; management efficiency; management quality.*

EDN: JSDNGC DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.5

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ВУЗОВ В РФ И ОЦЕНКА ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

УДК 336
ВАК РФ 5.2.6

© Игитханян С.С., 2023

Статья посвящена анализу вопросов эффективного управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями высшего образования – вузами. ***Целью исследования*** *стал анализ особенностей системы управления имуществом вузов в РФ и формирование на этой основе подхода к оценке ее эффективности. Для ее достижения проведен анализ понятия системы управления государственным имуществом, исследование основных принципов управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями, а также основных направлений деятельности Минобрнауки РФ в системе управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями.* ***По результатам:*** *сделан вывод о необходимости комплексной оценки эффективности управления имуществом вузов; предложен комплексный подход к оценке эффективности и качества управления имуществом вуза, включающий 6 групп целей и примерный перечень индикаторов их достижения.*

Ключевые слова: *образовательная организация; вуз; государственное имущество; право оперативного управления; имущественный комплекс; эффективность управления; качество управления.*

Введение

Образование всегда было и остается важнейшим социальным институтом, выполняющим ряд основополагающих для общества функций, связанных с передачей культурных и нравственных ценностей, опыта и знаний молодому поколению, социализации, обеспечению возможностей для освоения профессии [10; 20]. Помимо указанных функций образовательные учреждения высшего профессионального образования (вузы) выполняют важнейшую в условиях ускоренного научно-технического развития функцию, связанную с разработкой новых идей, открытий и изобретений, направленных как на развитие теории, так и на их прикладное применение в различных отраслях экономки и сферах жизнедеятельности.

Основой (прежде всего – материальной) для осуществления деятельности вузов является наличие на их балансе имущества, необходимого для осуществления основного (образовательная и сопутствующая ей научная деятельность, предполагающая наличие учебных и лабораторных помещений, а также соответствующего оборудования), а также вспомогательных видов деятельности, к которым может относиться издательская деятельность, предоставление жилых помещений (общежитий) обучающимся, предоставление социально-бытовых услуг (предполагает наличие мест питания – сто-

ИГИТХАНЯН Сергей Седракович, *соискатель, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва*

ловых, возможно, парикмахерских, прачечных и т.д. Помимо этого, у вузов, как правило, имеется автопарк с сопутствующими помещениями гаражей и помещений и оборудования для технического обслуживания, помещения и оборудование для занятием спортом и творчеством и многое другое. Состав и структура имущества вузов так разнообразны, как правило, значимы по объему (этот объем может выражаться в балансовой стоимости, количестве квадратных метров недвижимости, единицах оборудования и др.), включают как движимое, так и недвижимое имущество, а также имущественные права. Это позволяет некоторым авторам делать вывод о том, что имущество вузов следует описывать термином "имущественный комплекс" [11; 12].

Согласно данным статистического обзора в сфере высшего образования, выполненного ВШЭ, в России на 2019-2020 учебный год действовало 724 организации, реализующих образовательные программы бакалавриата, специалитета, магистратуры, из которых 495 – государственные и муниципальные организации, и соответственно 229 частных организаций (рис. 1) [1].

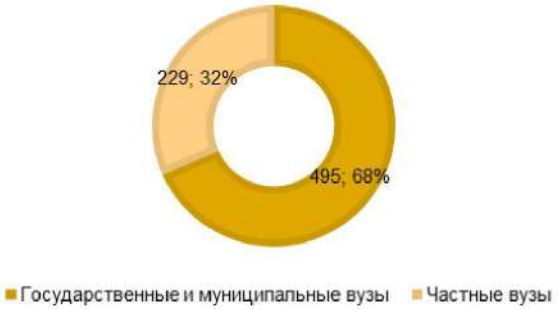


Рисунок 1 – **Соотношение государственных и частных вузов в России на 2029-2020 учебный год**

Источник: составлено автором по [5]

Государственные и муниципальные образовательные организации имеют форму учреждения и, согласно ст. 123.21 Гражданского кодекса РФ, создаются учредителем (в роли которого могут выступать, например, субъекты Российской Федерации, органы власти, муниципалитеты). Именно учредитель является собственником имущества, созданного им учреждения, а само учреждение приобретает по отношению к данному право оперативного управления [3]. Сам же учредитель выступает собственником имущества от имени Российской Федерации, то есть, по сути, имущество, находящееся на балансе таких образовательных организаций, является государственным, что также отмечено и в ст. 102 "Закона об образовании" [18]. Вузы имеют форму бюджетных (в большинстве случаев) и автономных учреждений, что определяет некоторые особенности в управлении имуществом.

В научной литературе вопросам управления имущества образовательных организаций уделяется немало внимания. Значительная часть работ посвящена правовым аспектам управления имуществом образовательных учреждений [17; 19; 22]. Некоторые авторы в своих исследованиях делают акцент на земельно-имущественных отношениях и управлении объектами недвижимости [11; 21; 23]. Рассматриваются также механизмы государственного контроля вопросов управления имуществом вузов [13], проблемы оценки эффективности и качества управления [5].

В данной статье автором предпринята попытка описания особенностей системы управления имуществом вузов в РФ и формирование на этой основе подхода к оценке ее эффективности, для чего автором были выполнены последовательно следующие задачи:

– анализа понятия системы управления государственным имуществом, в том числе наличия принципов системности;

– анализа основных принципов управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями;

– анализа основных направлений деятельности в системе управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями (на примере Министерства науки и высшего образования как субъекта, осуществляющего права собственника в отношении имущества подведомственных ему вузов);

– формирование комплексного подхода к оценке эффективности и качества управления имуществом вуза.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования автор опирался на методы анализа, сравнения и обобщения информации как из научной литературы, так и из нормативно-правовых, программно-целевых и концептуальных документов, касающихся как управления государственным имуществом в общем, таки управлением имуществом вузов, в частности.

Так, например, для анализа основных принципов управления государственным имуществом за основу взяты положения Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации [15], а также Государственная программа Российской

Федерации "Управление федеральным имуществом" [2].

Анализ основных направлений деятельности в системе управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями осуществлен на базе анализа, сравнения и обобщения информации, представленной в двух разработанных Минобрнауки РФ Концепциях осуществления полномочий собственника в отношении имущества подведомственных организаций [6; 7].

На основании анализа указанных документов, а также с учетом наработок, представленных рядом ученых [4; 5; 9; 13], сформулированы предложения по комплексному подхода к оценке эффективности и качества управления имуществом вуза.

Результаты исследования

Согласно одному из встречающихся в научной литературе подходов к определению системы управления имуществом (в том числе имущественными комплексами), под ней следует понимать совокупность принципов, методов и инструментов принятия и реализации управленческих решений, связанных с эффективным использованием объектов имущественного комплекса в различных сферах деятельности, в разноуровневых системах и отдельных организациях [14]. Данное определение, по мнению автора, отражает суть системы управления имуществом вузов, однако не дает представления о том, соответствует ли указанная совокупность принципов, методов и инструментов принятия и реализации управленческих решений признакам системности и не дает представления о ее основных элементах (или хотя бы укрупненно – группах элементов) и характере взаимосвязей между ними.

В любой системе управления выделяют управляющую (субъект управления) и управляемую (объект управления) подсистемы. В качестве субъектов управления в системе управления государственным имуществом, закрепленным за государственными образовательными организациями, выступают органы государственной власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ [24].

Согласно положениям ст. 125 ГК РФ Статья 125, осуществление органами государственной власти функций собственника по отношению к государственному имуществу определяется в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. А в отношении муниципального имущества (закрепленного за муниципальными образовательными учреждениями) права и обязанности осуществляют органы местного самоуправления в рамках установленных для них компетенций [3]. При этом имущество закрепляется за образовательными организациями (учреждениями бюджетного или автономного типа) на основании права оперативного управления.

Положением о Министерстве образования и науки Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 15 мая 2010 г. № 337 [11], предусмотрено, что Минобрнауки России осуществляет в пределах, определенных законодательством и нормативными правовыми актами, полномочия собственника в отношении федерального имущества, переданного организациям, подведомственным министерству (пп. 5.5.1) [15].

Объектом управления в системе управления государственным имуществом являются имущественные отношения.

Таким образом, за счет такой многоуровневой структуры управления государственным имуществом реализуется один из признаков системы – структурность, которая в данном случае является иерархичной [24].

Следующим признаком системы является наличие границ, определяющее ее целостность. В отношении системы управления государственным (и муниципальным) имуществом, закрепленным за образовательными организациями такие границы определены российским законодательством, и прежде всего, Гражданским и Бюджетным кодексами РФ, Законом об образовании, Законом о некоммерческих организациях, а также законами, регулирующими деятельность бюджетных и автономных учреждений и т.д.

Следующим признаком системности являются связи с окружающей средой, что также характерно для системы управления имуществом, закрепленным за государственными (и муниципальными) образовательными организациями, так как цели данной системы определяются общегосударственной политикой в области управления государственным имуществом, целями и направлениями государственного развития, общеэкономической конъюнктурой, основными трендами развития науки и образования в мире и в России.

Здесь прослеживается прямая связь с еще одним признаком системности по отношению к управлению государственным (и муниципальным) имуществом образовательных организаций – это целенаправленность, подчинен-

ность определенной цели. Главная цель государственного управления имущественным комплексом – повысить эффективность его использования [8]. Данная цель так или иначе обозначена в целом ряде документов концептуального или программно-целевых документов, посвященных вопросам управления государственным имуществом. Так, в Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации, принятой в 1999 году, обозначены цели, задачи, приоритеты и механизмы, направленные на повышение эффективности управления государственным имуществом, актуальность которых не утрачена и в наши дни. Так, среди целей государственной политики в области управления государственным имуществом обозначены:

– рост доходов бюджета на основе эффективного управления государственной собственностью;

– оптимизация структуры собственности (которая в сфере образования реализуется в том числе и с помощью механизмов оптимизации структуры образовательных учреждений) с соответствующим снижением затрат на содержание собственности;

– максимально возможное вовлечение объектов государственной собственности в процесс совершенствования управления [16].

Для достижения указанных целей формируется система управления государственным имуществом, основанная на идее делегирования целей и задач управления на уровень организации (в нашем случае – вуза) с применением установленной (как правило, конкурсной) процедуры назначения управляющего, кандидатура которого утверждается уполномоченным государственным органом.

Ключевыми принципами управления государственным имуществом являются обеспечение эффективности управления и обеспечение профессионализма управления. При этом принцип эффективности управления состоит в оценке степени достижения поставленных целей управления при обеспечении экономии ресурсов на максимальном уровне. Данный критерий представлен в Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации в качестве необходимого при оценке деятельности государственных органов и управляющих по управлению государственным имуществом.

По отношению к вузам механизм оценки эффективности управления государственным имуществом может быть реализован как на основании реализации целей управления, определенных собственником имущества, а также определенных им требований, на основе оценки уровня достижения целей по развитию инфраструктуры вуза, модернизации его материально-технической базы, заложенных в программе развития вуза.

Для реализации целей по эффективному управлению государственным имуществом, закрепленным за подведомственными Министерству науки и высшего образования организациями, им была разработана Концепция осуществления полномочий собственника в отношении имущества подведомственных организаций (в отношении объектов движимого и недвижимого имущества). Концепция состоит из двух частей, дополняющих друг друга. Основными заложенными в нее принципами являются:

– формирование системы управления на основе приоритетности законности, использования имущества для развития основной деятельности, а также программного подхода к управлению);

– обеспечения эффективности управления на основе профессионализма управляющих и их ответственности за достижение целей управления;

– информатизация как необходимый инструмент управления, позволяющий собирать, обрабатывать и хранить значительные массивы данных, касающиеся состава, состояния и особенностей тех или иных объектов имущества.

В качестве требований к использованию имущества в указанной Концепции (часть 1) указаны:

– обеспечение учета и оформления прав на объекты государственного имущества;

– обеспечение соблюдения порядка использования имущества, а также требований по качеству его содержания;

– обеспечение порядка распоряжения государственным имуществом.

Для соблюдения указанных требований описаны меры, формирующие основу механизма управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями. К инструментам, обеспечивающим эффективность использования имущества подведомственных Минобрнауки организаций отнесены оптимизация имущественного комплекса (включая отказ от излишнего или непрофильного имущества), перераспределение, вовлечение в хозяйственный оборот, реализация проектов по жилищному строи-

тельству, строительство новых и/или реконструкция и техническое перевооружение существующих объектов, а также реализация инфраструктурных проектов [6]. Для выполнения указанных целей, требований, реализации механизмов и инструментов управления Минобрнауки была проведена работа по обеспечению методической регламентации деятельности подведомственных организаций с разработкой типовых форм документов в сфере управления имуществом.

Второй частью Концепция осуществления полномочий собственника в отношении имущества подведомственных организаций определен перечень показателей эффективности управления имуществом, включающий 12 показателей.

Для стандартизации процессов управления имуществом подведомственных организаций сформированы и описаны процессы, которые должны быть организованы вузами при выполнении функций управления имуществом. Все эти процессы разделены на 3 группы – процессы, связанные с учетом, процессы, связанные с оформлением прав на имущество, а также процессы, связанные непосредственно с управлением имуществом.

Также разработан и описан порядок осуществления Министерством науки и высшего образования контроля эффективности управления имуществом, по результатам которого Министерство вправе принимать следующие типы управленческих решений:

1) перераспределение имущества;

2) расторжение трудового договора с руководителем подведомственной организации либо применение прочих мер дисциплинарного воздействия;

3) выделение дополнительного финансирования;

4) включение в адресные инвестиционные программы и др. [7].

Особый акцент сделан на необходимости автоматизации и цифровизации процессов, связанных с анализом и управлением имущественными комплексами подведомственных организаций.

Таким образом, вузы находятся в системе требований, определяемых на различных уровнях управления:

– уровне государства в целом;

– уровне субъекта федерации/муниципалитета;

– уровне собственника имущества – органа власти, которому образовательная организация подведомственна;

– на уровне самой организации (в данном случае требования представлены сформированной и утвержденной программой развития вуза).

И полноценное понимание эффективности управления с точки зрения только одной группы требований является заведомо неполным и приводящим к искаженному восприятию. Необходим комплексный подход к оценке эффективности и качества управления имуществом вуза, опирающийся на требования всех указанных уровней.

В самом общем виде схематически данный подход представлен на рисунке 2.

Рисунок 2 – **Комплексный подход к оценке эффективности и качества управления имуществом вуза**

Так, в области управления имуществом вуза можно выделить не менее 6 групп целей в области управления имуществом. Часть из них определяется собственником (государством):

– общественные и государственные цели, для достижения которых была создана организация;

– цели, определяемые государственной политикой в области правления имуществом;

– цели, определяемые государственной политикой в прочих направлениях;

– цели бюджетной эффективности.

Также можно выделить и группы целей, определяемые организацией:

– цели организации, определенные программой ее развития;

– цели экономической деятельности организации.

Эффективность и качество управления определятся, соответственно уровнем достижения всей совокупности указанных целей. Примерный перечень индикаторов представлен на рисунке 2.

Заключение

На основании анализа понятия системы управления государственным имуществом, основных принципов управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями, а также основных направлений деятельности Минобрнауки РФ в системе управления государственным имуществом, закрепленным за образовательными организациями, автором сделан вывод о необходимости применения комплексного подхода при организации управления государственным имуществом, а также эффективности управления.

Эффективность и высокое качество управления могут быть обеспечены только в случае, когда использование имущества отвечает целому ряду целей, обозначенных как собственником имущества, так и непосредственно самой организацией (в частности, в программах развития).

Автором разработан комплексный подход к оценке эффективности и качества управления имуществом вуза, включающий 6 групп целей и примерный перечень индикаторов их достижения. В ходе дальнейших исследований, а также при корректировке государственной политики могут быть изменены или дополнены как группы целей, так и соответствующие им индикаторы.

Литература:

1. Высшее образование в России: статистический обзор / Н.Б. Шугаль, О.К. Озерова, О.А. Зорина, Д.Ю. Мигунова; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики".– М.: НИУ ВШЭ, 2021.
2. Государственная программа Российской Федерации "Управление федеральным имуществом": Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №327. Доступиз справ. – правовой системы "КонсультантПлюс". ivo.garant.ru/#/document/70644258/ paragraph/1:1 (дата обращения: 12.11.2022)
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), принят 30 ноября 1994 года №51-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.12.2022)
4. Звягинцев П.С. Управление государственным имуществом: состояние и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2018. – №6. – С. 115-129.
5. Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С. Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019.
6. Концепция осуществления Министерством образования и науки Российской Федерации полномочий собственника в отношении имущества подведомственных организаций (в отношении объектов движимого и недвижимого имущества) (одобрено Коллегией Министерства образования и науки РФ (протокол от 31 января 2012 г. N ПК-2вн)) PURL: https://base.garant.ru/70230834/ (дата обращения 10.02.2023).
7. Концепция осуществления Министерством образования и науки Российской Федерации полномочий собственника в отношении имущества подведомственных организаций (в отношении объектов движимого и недвижимого имущества) (одобрено Коллегией Министерства образования и науки РФ (протокол от 26 февраля 2013 г. N ПК-1вн)). Часть 2. Управление процессами URL: https://base.garant.ru/71276564/ (дата обращения 10.02.2023).
8. Кошкин Л. И. Основные принципы, структура и механизмы системы государственного управления земельно-имущественными отношениями // Менеджмент в России и за рубежом. – 2007. – № 3. – С. 56-58.
9. Кулешова К. Г., Лобачева А. В. Система управления имущественным комплексом // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – №104 (4). – С. 129-133.
10. Кутасова Т.Л., Королева К. Образование как социальный институт // Теория и практика общественного развития. – 2005. – №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut (дата обращения: 10.02.2023).
11. Лейман Е.Н. Механизм управления имущественным комплексом образовательной организации высшего образования и пути его совершенствования: автореф…дис.канд.экон.наук. – СПб., 2019.

12. Лобачева А.В. Модель управления имущественными комплексами вузов и вопросы распоряжения имуществом: URL: http://www.kspu.ru/upload/documents/2015/12/24/08574d84a319109877a29418fcb9d570/lobacheva-avmodel-upravleniya-imuschestvennyimi-kompleksami-vuzov.pdf (дата обращения 10.11.2022).
13. Лукашенок Т.Р. Механизмы государственного регулирования вопросов управления имуществом, закрепленным за федеральными бюджетными образовательными учреждениями // УЭкС. – 2017. – №7 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-gosudarstvennogo-regulirovaniya-voprosov-upravleniya-imuschestvom-zakreplennym-za-federalnymi-byudzhetnymi (дата обращения: 15.02.2023).
14. Мирошникова Т. К. Управление имуществом. – Владивосток: ВГУЭС, 2009. – 108 с.
15. Постановление Правительства РФ от 15 мая 2010 г. № 337 "О Министерстве образования и науки Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=do c&base=LAW&n=147328&fld=134&dst=1000000001,0&r nd=0.2155966415844215 (дата обращения: 18.07.2016).
16. Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1999 г., ФЗ № 1024 "О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации" (в ред. от 29.11.2000). docs.cntd.ru/document/1000000695 (дата обращения:15.11.2018).
17. Сюбарева И.Ф. Управление имуществом собственника в сфере образования: правовой аспект // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-imuschestvom-sobstvennika-v-sfere-obrazovaniya-pravovoy-aspekt (дата обращения: 15.02.2023).
18. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023)/ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bfc4ff42d90579a7e4eb48bb821bad7acc35b6f0/
19. Чепарина О.А. Правовые стимулы и правовые ограничения права оперативного управления государственных вузов // ВЭПС. – 2011. – №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-stimuly-i-pravovye-ogranicheniya-prava-operativnogo-upravleniya-gosudarstvennyh-vuzov (дата обращения: 15.02.2023).
20. Шереги Ф.Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. – 2015. – №13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnyy-institut-funktsii-i-disfunktsii-1 (дата обращения: 10.02.2023).
21. Шкуров Ф.В., Сизов А.П., Сараева Г.Ю., Шенлетир И.Е. Система управления недвижимым имуществом вузов Российской Федерации, находящихся в ведении министерства образования и науки Российской Федерации, на уровне подведомственной организации // Инновации и инвестиции. – 2016. – №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-upravleniya-nedvizhimym-imuschestvom-vuzov-rossiyskoy-federatsii-nahodyaschihsya-v-vedenii-ministerstva-obrazovaniya-i-nauki (дата обращения: 15.02.2023).
22. Шульженко С.И. Проблемы управления публичным имуществом в Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2019. – №2 (122). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upravleniya-publichnym-imuschestvom-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.02.2023).
23. Яковлев А.Ю. Механизм управления недвижимым имуществом Министерства обороны Российской Федерации // Вестник ГУУ. – 2019. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-upravleniya-nedvizhimym-imuschestvom-ministerstva-oborony-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 15.02.2023).
24. Янин Д.А. Особенности функционирования системы управления государственным имуществом в России // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2015. – №3 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-sistemy-upravleniya-gosudarstvennym-imuschestvom-v-rossii (дата обращения: 15.02.2023).

CUSTOMS COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF BILATERAL TRADE DEVELOPMENT

Kvitkina Anna Aleksandrovna, *Postgraduate student, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don*

The purpose of the study *is to analyze the current state of customs cooperation between Russia and China in the context of the development of bilateral trade and to identify ways to improve it. The article examines the trends in the system of Russian-Chinese relations, highlights the current level of bilateral trade activity, provides current statistical data, identifies some problems and prospects for the development of customs cooperation.* ***The scientific novelty*** *lies in determining the approach to solving the existing problems of Russian-Chinese relations both in the system of customs cooperation and trade and economic cooperation, expressed in the preparation of concretized roadmaps that include specific measures, their targets and planned effects.* ***As a result,*** *promising measures for the development of customs cooperation in the context of bilateral trade are proposed: firstly, simplification of customs procedures, ensuring close integration of customs authorities in matters of customs control and mutual exchange of information; secondly, interaction of major technology companies with customs authorities to accelerate the processes of digitalization of customs, the introduction of new communication tools, tracking goods, inspection and inspection; Thirdly, the development of mechanisms and algorithms for customs procedures to ensure greater efficiency of cooperation between the customs administrations of Russia and China. Exchange of personnel and*

experience in the implementation of customs procedures, cooperation of customs services for the training of promising personnel.

Keywords: bilateral trade; Russian-Chinese relations; customs cooperation; trade with China; economic integration.

EDN: JUALIM DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.6

УДК 339.923
ВАК РФ 5.2.5

ТАМОЖЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ДВУСТОРОННЕЙ ТОРГОВЛИ

© Квиткина А.А., 2023

Цель исследования – проанализировать современное состояние таможенного сотрудничества России и Китая в контексте развития двусторонней торговли и определить способы его совершенствования. В статье рассматриваются тенденции в системе российско-китайских отношений, подчеркивается современный уровень двусторонней торговой активности, приводятся актуальные статистические данные, определяются некоторые проблемы и перспективы развития таможенного сотрудничества. **Научная новизна** заключается в определении подхода к разрешению сложившихся проблем российско-китайских отношений как в системе таможенного сотрудничества, так и торгово-экономического, выраженного в подготовке конкретизированных дорожных карт, включающих в свой состав конкретные мероприятия, их целевые показатели и планируемые к достижению эффекты. **В результате** предложены перспективные мероприятия по развитию таможенного сотрудничества в контексте двусторонней торговли: во-первых, упрощение таможенных процедур, обеспечение тесной интеграции таможенных органов в вопросах осуществления таможенного контроля и взаимного обмена информацией; во-вторых, взаимодействие крупнейших технологических компаний с таможенными органами для ускорения процессов цифровизации таможни, внедрения новейших инструментов коммуникации, отслеживания товаров, инспекции и досмотра; в-третьих, разработка механизмов и алгоритмов проведения таможенных процедур для обеспечения большей эффективности сотрудничества таможенных администраций России и Китая. Обмен кадрами и опытом осуществления таможенных процедур, кооперация таможенных служб для подготовки перспективных кадров.

Ключевые слова: двусторонняя торговля; российско-китайские отношения; таможенное сотрудничество; торговля с Китаем; экономическая интеграция.

Введение

В современных условиях активного внешнесанкционного давления коллективного Запада особую актуальность приобретают вопросы установления кооперационных отношений России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона при перестроении отношений "с Запада на Восток". Китайская Народная Республика, являясь одним из ключевых торговых партнеров России на международной арене, выступает одним из числа наиболее перспективных ориентиров долгосрочного экономического развития национальной экономики, поскольку предлагает не только активную реализацию отечественных энергоресурсов на текущем этапе, но и извлечение дополнительной инновационной, инвестиционной и социальной выгоды в перспективе. Двусторонняя торговля, сформировавшаяся между Россией и Китаем на протяжении последних периодов, устанавливает широкие возможности дополнительного развития механизмов, образующих основу интеграции экономических систем. Учитывая вышеизложенное, одним из ключевых барьеров на пути к совершенствованию торговой активности стран становится несовершенство таможенного сотрудничества, наличие некоторых диспропорций между проблемами и перспективами развития торговых отношений. Российская экономика нуждается не только в переориентации сбытовой деятельности на китайские рынки, но и поиске направлений импортозамещения, получения технологий, перетоке инвестиционного капитала, создания условий диверси-

Квиткина Анна Александровна, аспирант, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону

фикации структуры экспорта. Совершенствование таможенного сотрудничества в этом контексте становится основанием для формирования перспективной модели внешнеторговой кооперации мировых держав с учетом взаимного соразвития.

Проблема обеспечения эффективного таможенного сотрудничества между Россией и Китаем имеет достаточно комплексный характер. С одной стороны, отечественные власти принимают во внимание факт особой значимости внешнеторгового взаимодействия с китайской экономикой, учитывают сложившиеся риски зависимости. Однако, с другой – некоторая непоследовательность политики таможенного сотрудничества указывает на отсутствие четко проработанных стратегий по взаимной интеграции экономических систем в данном направлении. Иными словами, таможенное сотрудничество двух стран остается противоречивым на уровне принятия конкретных нормативно-правовых актов, предполагающих создание определенных регламентов и инициатив, механизмов, описывающих характер двусторонних торговых отношений.

Актуальность исследования обуславливается тем, что в 2022 году Китай стал одним из ключевых источников внешнеторговой активности России. Согласно оперативным данным таможенного управления Китая, товарооборот двух стран превысил отметку в 190 млрд долл. США, что примерно на 29% выше показателей аналогичного периода в прошлом [12]. Наряду с этим, отечественные поставки ограничиваются преимущественно энергоресурсами, продуктами добывающей и обрабатывающей отраслей, продовольствием, что в долгосрочной перспективе может негативным образом сказываться на экономическом потенциале и конкурентоспособности нашей страны, укрепляя технологическую зависимость России от Китая. Поставки из Китая имеют более широкую структуру, включая машины и оборудование, бытовую технику, микропроцессоры, текстиль, товары общего назначения. По данным портала Tadviser, по итогам 2022 года на Китай пришлось свыше 40% товарного импорта, что делает Россию зависимой от поставок из КНР [13].

Цель настоящего исследования определила следующие *задачи*: 1) описать ключевые ориентиры в развитии таможенного сотрудничества России и Китая при организации двусторонней торговли; 2) охарактеризовать современное состояние и перспективы двустороннего торгового сотрудничества стран.

В этой связи был осуществлен анализ научной литературы, посвященной вопросам развития таможенного сотрудничества России и Китая в контексте двусторонней торговли.

В работе также применяются общенаучные *методы*: диалектический, анализ и синтез, сравнение и обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция, логический и другие.

Теоретическая база исследования представлена работами, посвященным вопросам внешнеторговой активности КНР и России, её истории, проблемам и перспективам дальнейшего развития двусторонних торговых отношений, экономическим интересам обеих стран. В работе были использованы научные статьи таких авторов, как А.С. Голубева, А.В. Бризицкая, П.А. Граб, Н.Г. Липатова, А.Р. Гладков, К.А. Волкова, Е.В. Андронова, А.А. Елистратова, С.А. Вериго, Е.А. Панин и др.

Основная часть

Российско-Китайские торговые отношения берут свое начало с 2001 года, когда между странами был заключен "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве", закладывающий принципиальные основы и стратегические ориентиры двустороннего торгового сотрудничества. Как верно замечает А.А. Комиссаров, начиная с 2010 года и по сей день, Китай остается одним из ключевых торговых партнеров России. Экспорт и импорт между странами сформировался таким образом, что Россия является поставщиком нефти и нефтепродуктов, древесины, продукции химической промышленности, сельскохозяйственной продукции, прочих ресурсов; внешние поставки в Россию определяются преимущественно текстилем, технологиями и прочими товарами [6]. Двустороння торговля России и Китая является наиболее развитым аспектом внешних взаимоотношений – более отстающими являются вопросы инвестиционно-кооперационного взаимодействия, согласования таможенных служб, на что в равной степени указывают Д.В. Балиновская и С.А. Федорова [1], А.С. Голубева [4], А.А. Комиссаров [6].

П.А. Граб считает, что двусторонняя торговля является фундаментом российско-китайских торгово-экономических отношений, определяющих не только прямые связи между отечественными и китайскими субъектами предпринимательства, но и устанавливающих возможности более тесной интеграции. Автор отмечает, что в 2001-2009 гг. за счет заключения ряда соглашений, а именно проектов "Зеленый коридор" и "Упрощенный таможенный

контроль" удалось значительно нарастить показатели внешнеторговой деятельности, создать условия более тесного сотрудничества [5]. На сегодняшний момент отношения между Россией и Китаем подверглись еще большему укреплению: этому способствовало проведение расчетов в национальных валютах, дружественный настрой Китая по отношению к России, развертывание активного инвестиционного процесса на уровне крупнейших компаний и бизнес-структур.

Вместе с тем, работы А.В. Бризицкой [2], Т.П. Лепы [7], А.А. Лисицы [9], И. Рау, Г.А. Симонян [11] и др. [8; 10] указывают на существование актуальных проблем развития двусторонней торговли России и Китая.

Во-первых, отсутствие четко выстроенных доверительных отношений между инвесторами на уровне проектов внутреннего развития экономики России.

Во-вторых, значительная зависимость России от Китая, снижение стратегического положения отечественной экономики в сформированных торгово-экономических отношениях.

В-третьих, инфраструктурная неразвитость приграничных территорий, отсутствие эффективных каналов логистической коммуникации стран. В дополнение к этому, отсутствуют проекты по формированию дорожно-транспортной инфраструктуры между странами.

В-четвертых, достаточно проблемной остается текущая структура экспорта и импорта, характеризующаяся однородностью, не имеющая долгосрочных перспектив для России.

В-пятых, преимущественное развитие за счет сотрудничества исключительно приграничных территорий и районов, исключение из взаимодействия более отдаленных регионов.

В-шестых, слабые позиции по показателям конкурентоспособности отечественных производителей на фоне Китайских ввиду технологического несовершенства.

В-седьмых, отсутствие четких границ текущих проектных инициатив, неразвитость практических решений, направленных на развитие двусторонней торговли стран.

Учитывая вышеописанные проблемы, заметим, что развитие двусторонней торговли России и Китая требует создания первичных нормативно-правовых основ, которые бы формировали ряд конкретизированных стратегических мероприятий в области внешнеторговой активности. Несмотря на то, что между Китаем и Россией приняты общие концепции экономического взаимодействия и взаимного развития (например, "Один пояс, один путь"), сегодня отсутствует обширная практика подготовки дорожных карт, включающих в себя конкретные мероприятия, их целевые показатели и планируемые к достижению эффекты (учитывающие не текущие выгоды, а долгосрочные стратегические интересы каждой из сторон). Примером единственной карты является "Дорожная карта по высококачественному развитию российско-китайской торговли товарами и услугами", направленная на увеличение объемов экспорта и импорта [10].

Создание подобных нормативно-правовых документов (проектная документация) предполагает разрешение сложившихся проблем российско-китайских отношений, становится предпосылкой для взаимного наращения конкурентоспособности. Первичными в условиях подобных дорожных карт должны стать вопросы таможенного сотрудничества двух стран, которые могут выстраиваться с учетом имеющихся экономических интересов, соблюдения вопросов и основных показателей экономической безопасности России и Китая, принимать во внимание сложности конкурирования отечественных производителей с китайскими, включать в себя многосторонние механизмы стимулирования свободного взаимодействия инвесторов, определять совместные проекты на территории каждой из стран и т.д. При этом формируемые механизмы должны обладать практико-ориентированной направленностью.

Например, Россия достаточно сильно заинтересована в создании собственных технологических мощностей по производству микропроцессоров, а китайские компании обладают должными материальными и нематериальными активами, опираясь на которые отечественные предприятия могли бы получить уникальный опыт, организовать собственные производственные системы, направленные на поддержание внутреннего спроса. Для китайских инвесторов выгода подобного проекта будет заключаться в получении долевых выплат по бизнесу, формированию условий получения прочих материальных ресурсов.

Можно предположить, что организация целой системы подобных проектов, их проработка и официальное согласование на уровне двух стран положат основу для последующих позитивных сдвигов российско-китайских отношений. С точки зрения развития таможенного сотрудничества страны нуждаются в определении ряда основ [1; 3]:

– создание единых взаимовыгодных тарифов на товарные категории и группы, учитывающих интересы каждого из участников;

– определение свободных от налогообложения товаров (с перспективой их взаимного проникновения на рынки двух стран, обеспечения высокой доступности);

– организация единого союза, нацеленного на подготовку ресурсной (финансовой) основы для реализации масштабных совместных проектов (привлечение инвесторов, направление таможенных сборов на реализацию проектов, государственное финансирование).

Подобные решения должны быть подкреплены соответствующей нормативно-правовой базой, иметь ответственных за исполнение лиц (назначенных с обеих сторон), определять четкую систему мероприятий и мер, обеспечивающих интеграцию. Россия обладает широким опытом привлечения иностранных инвесторов, предложения эффективных условий сотрудничества (льготы, инфраструктура, ресурсная и кадровая база, специальные режимы), что может быть масштабировано на уровень двусторонней торговли России и Китая [11]. Развитие таможенного сотрудничества должно опираться на опыт взаимодействия в период COVID-19, принимать во внимание возможности масштабирования и получения более широкого числа позитивных эффектов [5; 9].

В качестве перспективных мероприятий по развитию таможенного сотрудничества России и Китая в современных условиях можно установить:

1. Упрощение таможенных процедур, обеспечение тесной интеграции таможенных органов в вопросах осуществления таможенного контроля и взаимного обмена информацией. Ориентация на воспроизводство торговой активности через интернет-пространство, в целях ускорения темпов роста товарооборота, диверсификации структуры экспорта и импорта.

2. Взаимодействие крупнейших технологических компаний с таможенными органами для ускорения процессов цифровизации таможни, внедрения новейших инструментов коммуникации, отслеживания товаров, инспекции и досмотра.

3. Разработка механизмов и алгоритмов проведения таможенных процедур для обеспечения большей эффективности сотрудничества таможенных администраций России и Китая. Обмен кадрами и опытом осуществления таможенных процедур, кооперация таможенных служб для подготовки перспективных кадров.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного анализа таможенного сотрудничества России и Китая в контексте двусторонних экономических отношений удалось установить, что:

1. На современном этапе двусторонние экономические отношения России и Китая приобретают концептуальную значимость, являются основой взаимного соразвития, аккумулирования финансово-инвестиционного, инновационно-технологического и ресурсно-стратегического потенциала. Двусторонняя торговля закладывается в основу торгово-экономических и интеграционных процессов при взаимодействии отечественных и китайских предпринимателей.

2. Современное таможенное сотрудничество России и Китая характеризуется наличием ряда острых проблем, масштабируемых на уровень внешнеэкономической интеграции. Среди таковых можно выделить: проблемы отсутствия доверительных отношений между инвесторами, рост политических и экономических рисков, увеличивающаяся зависимость России от Китая, снижение стратегических позиций РФ, неразвитость инфраструктуры, логистики, низкая конкурентоспособность отечественных товаров на фоне импортных китайских, отсутствие четких границ текущих проектных инициатив, неразвитость практических решений, направленных на развитие двусторонней торговли стран.

3. Одним из перспективных инструментов преодоления проблем таможенного сотрудничества в контексте двусторонней торговли становится подготовка конкретизированных дорожных карт, включающих в свой состав конкретные мероприятия, их целевые показатели, планируемые к достижению эффекты (учитывающие не текущие выгоды, а долгосрочные стратегические интересы каждой из сторон), ответственных за исполнение лиц (назначенных с обеих сторон), четкую систему мероприятий и мер, обеспечивающих интеграцию. В качестве мероприятий можно также предложить: упрощение таможенных процедур, более тесную интеграцию таможенных органов, взаимодействие крупнейших технологических компаний с таможенными органами, обмен кадрами и опытом осуществления таможенных процедур, внедрение новых технологий, создание единых тарифов.

Литература:

1. Балиновская Д.В., Федорова С.А. Особенности развития русско-китайского таможенного сотрудничества // Baikal Research Journal. – 2021. – №2. – С. 1-8.
2. Бризицкая А.В. Развитие торгово-экономического сотрудничества России и Китая в новых геополитических условиях // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2019. – №2. – С. 25-39.
3. Вериго С.А., Панина Е.А. Таможенное сотрудничество между Россией и Китайской Народной Республикой в контексте современной двусторонней торговли // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. – 2019. – №9 (3А). – С. 285-294.
4. Голубева А.С. Экономические интересы России в системе внешнеторговых отношений с Китаем // Baikal Research Journal. – 2019. – №4. – С. 1-14.
5. Граб П.А. Развитие торгово-экономических отношений России и Китая: этапы, проблемы // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. – 2022. – №3. – С. 44-51.
6. Комиссаров А.А. Взаимодействие России и Китая во внешнеторговой и таможенной сферах // Вестник Российской таможенной академии. – 2019. – №1. – С. 155-161.
7. Лепа Т.П. Россия и Китай: таможенное и экономическое взаимодействие // Известия БГУ. – 2017. – №1. – С. 64-72.
8. Липатова Н.Г., Гладков А.Р. Определение перспективных механизмов таможенного сотрудничества России и Китая // Вестник Российской таможенной академии. – 2021. – №1 (54). – С. 17-27.
9. Лисица А.А. Опыт российско-китайского приграничного таможенного сотрудничества по стабилизации цепочек поставок в условиях пандемии COVID-19 // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. – 2021. – №2. – С. 112-119.
10. Новые рубежи сотрудничества [Электронный ресурс]. – URL: https://www.alta.ru/external_news/88519/ (дата обращения: 06.02.2023).
11. Рау И., Симонян Г.А. Китай – Россия: отношения развивающегося стратегического сотрудничества // Современная научная мысль. – 2019. – №2. – С. 215-224.
12. Товарооборот России и Китая в 2022 году вырос на 29,3% [Электронный ресурс]. – URL: https://ion.ranepa.ru/news/tovarooborot-rossii-i-kitaya-v-2022-godu-vyros-na-29-3/ (дата обращения: 01.02.2023).
13. Торговля России и Китая [Электронный ресурс]. – URL: https://clck.ru/33Uh78 (дата обращения: 02.02.2023).

ANGARA-YENISEI MACROREGION: EVOLUTION OF TERRITORIAL PRODUCTION COMPLEXES INTO CLUSTERS

Kovtun Roman Viktorovich, *First Deputy Minister of Economic Development of the Republic of Khakassia; Postgraduate student*

Trusova Svetlana Vasilevna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Krasnova Tatiana Grigorievna, *DSc of Economics, Professor*

Khakass State University N.F. Katanov, Abakan, Republic of Khakassia

The purpose of the study *is a theoretical justification of the need to use an integrated approach and experience in the formation of productive forces in Siberia during the Soviet period with the further development of the industrial potential of the Angara-Yenisei macroregion based on the cluster approach. In historical retrospect, the article examines the main stages of the formation of territorial production complexes in Siberia, justifies their importance in the formation of the industrial potential of the region.* ***The scientific novelty*** *of the study is to substantiate and develop an effective model for the development of the potential of the Angara-Yenisei macroregion on the basis of complexity and strengthening the role of the state in integration processes.* ***As a result,*** *the main principles contributing to the effective industrial development of Siberia are identified.*

Keywords: *Macroregion; integration; interregional economic integration; territorial-industrial complex; cluster; development potential; regional economy; industrial potential; Angara-Yenisei macroregion; Siberia.*

EDN: NAWMDA **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.7**

УДК 332.13
ВАК РФ 5.2.3

АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОН: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ В КЛАСТЕРЫ

© Ковтун Р.В., 2023
© Трусова С.В., 2023
© Краснова Т.Г., 2023

Целью исследования *является теоретическое обоснование необходимости использования комплексного подхода и опыта формирования в Сибири производительных сил в советский период при дальнейшем развитии промышленного потенциала Ангаро-Енисейского макрорегиона на основе кластерного подхода. В статье в исторической ретроспективе рассматриваются основные этапы формирования в Сибири территориально-производственных комплексов, обосновывается их важность в формировании промышленного потенциала региона.* ***Научная новизна*** *заключается в обосновании и выработке эффективной модели развития потенциала Ангаро-Енисейского макрорегиона на основе комплексности и усилении роли государства в интеграционных про-*

цессах. ***В результате*** *выявлены основные принципы, способствующие эффективному индустриальному развитию Сибири.*

Ключевые слова: *макрорегион; интеграция; межрегиональная экономическая интеграция; территориально-производственный комплекс; кластер; потенциал развития; региональная экономика; промышленный потенциал; Ангаро-Енисейский макрорегион; Сибирь.*

"Не раз в своей истории Россия осуществляла масштабные проекты пространственного развития, которые становились символами глубоких и динамичных изменений страны, ее движения вперед. Сегодня нам нужно подумать и о подъеме обширных территорий Центральной и Восточной Сибири, подготовить и хорошо просчитать, согласовать план развития. В этом макрорегионе сосредоточены богатейшие природные ресурсы, порядка четверти запасов леса, более половины запасов угля, значительные месторождения меди и никеля, огромные энергетические резервы, причем многие из них уже созданы. К этому следует добавить и уникальные возможности для развития сельского хозяйства. В районе Минусинской долины, скажем, более 300 солнечных дней в году. Это дает возможность сформировать здесь и новый мощный агропромышленный комплекс. По мнению российских и зарубежных экспертов, под эти ресурсы макрорегиона возможно привлечь инвестиций в объеме нескольких триллионов, до 3 триллионов рублей, разумеется, при вложении со стороны государства в развитие инфраструктуры, социальной сферы и строительство жилья" [2] – отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе Пленарного заседания Петербургского международного экономического форума "ПМЭФ-2019.

По итогам Петербургского международного экономического форума Президент РФ поручил Правительству Российской Федерации "в целях развития научного и промышленного потенциала Сибири подготовить совместно с Всероссийской общественной организацией "Русское географическое общество", федеральным государственным бюджетным учреждением "Российская академия наук" при участии представителей экспертного сообщества и представить предложения по опережающему развитию Ангаро-Енисейского макрорегиона, включая проекты соответствующих нормативных правовых актов" [8].

Стоит напомнить, что Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 №207-р, (далее – Стратегия пространственного развития) в России заложены основы для устойчивого и сбалансированного развития, направленного на "сокращение межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации" [7].

Стратегией пространственного развития предусматривается:

– развитие городов и сельских территорий, обеспечивающее устойчивость системы расселения;

– устойчивое развитие региональных экономик путем обеспечения развития отраслей перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации;

– оптимизацию территориальной организации оказания социальных услуг населению;

– усиление интеграционных процессов в субъектах Российской Федерации в рамках формируемых макрорегионах;

КОВТУН Роман Викторович, *первый заместитель Министра экономического развития Республики Хакасия, аспирант*

ТРУСОВА Светлана Васильевна, *кандидат экономических наук, доцент*

КРАСНОВА Татьяна Григорьевна, *доктор экономических наук, профессор, ректор*

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Республика Хакасия

– увеличение количества минерально-сырьевых центров и перспективных центров экономического роста;

– развитие геостратегических территорий [4, с. 60].

На территории Российской Федерации выделено 12 макрорегионов, включая Ангаро-Енисейский макрорегион (далее – АЕМ), в состав которого вошли Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область.

Предполагается, что поручение Президента РФ будет исполнено "за счет создания стратегии развития макрорегиона, которая позволит реализовать потенциал и запустить новые проекты, основываясь на кластерном подходе" [3]. Будущая стратегия должна включать создание восьми индустриальных кластеров: "Лес, лесохимия и лесопереработка", "Переработка алюминия", "Цветные и редкоземельные металлы", "Драгоценные металлы", "Туризм", "Сельское хозяйство и пищевая промышленность", "Нефть и газ", "Уголь".

Понятие "кластер" в России появилось не так давно. "За рубежом же его история начинается в 1960-е гг. В этот период в странах Европейского сообщества разрабатываются наднациональные основы развития кластерной политики; в США на уровне штатов принимаются внутренние программы развития исследуемых коллективных образований на соответствующих территориях" [9, с. 13].

Нормативно-правовая база Российской Федерации содержит множество определений термина "кластер", включая отраслевые и региональные. Среди наиболее близких из них в контексте разрабатываемой стратегии можно выделить следующие:

– кластер – совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством Российской Федерации и управление которой осуществляется одной управляющей компанией [13];

– промышленный кластер – совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации [14].

Планирование развития сибирских регионов, в особенности с использованием кластерного подхода, ориентированного на выстраивание эффективной модели взаимодействия действующих предприятий, необходимо с учетом исторического опыта развития территории.

Промышленное освоение Сибири началось в 20-30-е годы XX века с реализации одного из крупнейших российских проектов XX века и первой индустриальной программы в Сибири – Урало-Кузнецкой программы (Урало-Кузнецкий комбинат (УКК). Программа создания УКК, ставшая крупнейшим примером межрегиональной экономической интеграции того времени, предусматривала создание взаимосвязанного комплекса промышленных производств, основанного на разработке и использование месторождений железной руды на Урале и каменного угля в Кузбассе. Строительство новых промышленных предприятий не только дало толчок стремительному развитию и заселению Сибири, но и определило специализацию сибирского региона в долгосрочной перспективе. Количество крупных и передовых по тем временам предприятий в сравнении с началом XX века выросло в десятки раз. Ведущая роль в промышленном потенциале отводилась тяжелой промышленности, учитывая металлоемкость выпускаемой продукции. Масштабная индустриализация Сибири привела к значительному росту производительности труда, способствовала освоению новых методов производства и электрификации региона. В результате создания Урало-Кузнецкого комбината (УКК) достигалась стратегическая цель, связанная с обеспечением индустриальной основы развития экономики Урала и Сибири, превращением огромного региона в индустриально развитый [12, с. 94]. Также эти годы связаны с разработкой месторождений полезных ископаемых: проводится геологоразведка и освоение новых месторождений нефти, газа, железа и цветных металлов. Активное освоение месторождений полезных ископаемых стимулировало повсеместное строительство новых и перевооружение действующих производственных мощностей. За 1928-1937 гг. выработка их валовой продукции возросла в 9 раз, в том числе черной металлургии – в 152 раза, металлообработки – в 32 раза, электроэнергетики – в 30, строительных материалов – в 17, добыча каменного угля – в 8 раз. Удельный вес отраслей тяжелой индустрии, производящей средства производства, в промышленности Западной Сибири возрос с 1/3 в 1928 г. до 2/3 в 1937. В Красноярском крае доля тяжелой индустрии составила 65,7%, в Иркутской области – 62% [11, с. 170].

Окончательное формирование Сибири как важнейшего экономического района страны

связано с эвакуацией предприятий и организаций в годы Великой Отечественной войны. С 50-х годов XX века, благодаря консолидации в Сибири значительных финансовых и материальных ресурсов, формированию научной базы, Советским Союзом обеспечен следующий этап индустриализации – реализация Ангаро-Енисейской программы развития, которая была спланирована еще в 30-е годы, но отложена из-за начала Великой Отечественной войны. И.Г. Александров и В.М. Малышев в 1930 году отмечали, что будущее развитие Ангарского края обусловливается его исключительным богатством запасов дешевой энергии как гидравлической, так и тепловой [1, с. 204]. Началась реализация Ангаро-Енисейской программы со строительства гидроэлектростанций на крупных сибирских реках: на Ангаре и Енисее. Строительство нескольких крупнейших гидроэлектростанций заложило основу для появления в Восточной Сибири энергоемких производств.

Реализация масштабных советских проектов в гидроэнергетике началось со строительства в Сибири в 1950-1959 гг. (первый пуск в 1956 г.) на реке Ангаре в Свердловском округе города Иркутска первой крупной и второй по мощности в СССР гидроэлектростанции установленной мощностью 687,1 МВт. В 1954 г. начато строительство еще одной гидроэлектростанции в Ангарском каскаде установленной мощностью 4500 МВт – Братской ГЭС (1954-1966 гг.). В 1955 г. начато строительство первой на Енисейском каскаде гидроэлектростанции установленной мощностью 6000 МВт – Красноярской ГЭС (1955-1971 гг.). В 1963 г. заложено строительство третьей на Ангарском каскаде Усть-Илимской гидроэлектростанции (1963-1980 гг.) установленной мощностью 3840 МВт и в Красноярском крае самой северной гидроэлектростанции России – Усть-Хантайской ГЭС (1963-1975 гг.) установленной мощностью 511 МВт. В этом же году начато строительство крупнейшей по установленной мощности электростанции России (6400 МВт) Саяно-Шушенской ГЭС (1963-1978 гг., официально завершено строительство в 2000 г.). Реализованные в энергетике проекты легли в основу формирования Ангаро-Енисейских территориально-производственных комплексов (ТПК). Формирование ТПК обусловлено необходимостью эффективного использования взаимосвязанных отраслей экономики, трудовых и природных ресурсов на основе плановости. Выдающийся ученый-регионалист, один из ведущих специалистов в России в области теории и практики размещения и территориальной организации производительных сил М.К. Бандман отмечал, что ТПК:

– формируется и функционирует с целью решения проблем народно-хозяйственного уровня значимости;

– сконцентрирован на ограниченной и компактной территории;

– обеспечивает эффективное использование ресурсов;

– обслуживается единой системой инфраструктуры и обеспечивает создание намечаемых условий жизни населения и охраны среды [5, с. 104].

Сформированная теория социально-экономического проектирования на основе создания ТПК, основанная на сбалансированном развитии производственной и социальной инфраструктуры, организации кооперационных связей между предприятиями, комплексном использовании производственных ресурсов и организации жизни населения и управления, а также очевидный социально-экономический эффект от создания Урало-Кузнецкого комбината (Кузбасский ТПК) предопределили дальнейшее развитие Ангаро-Енисейских территориально-производственных комплексов.

В таблице 1 представлены основные этапы развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона в рамках ТПК.

Таблица 1 – **Формирование Ангаро-Енисейских ТПК в 50-80-е годы XX века**

Период XX века	Энергетическая база ТПК	Наименование ТПК	Основные специализации
1	2	3	4
40-60-е годы	Иркутская ГЭС	Иркутско-Черемховский ТПК	Цветная металлургия (Иркутский алюминиевый завод), тяжелое машиностроение (Иркутский завод тяжелого машиностроения имени В.В. Куйбышева, Усольский завод горного оборудования), деревообработка, химическая промышленность и т.д.
50-60-е годы	Братская ГЭС, Усть-Илимская ГЭС	Братско-Усть-Илимский ТПК	Цветная металлургия (Братский алюминиевый завод), производство черных металлов (Коршуновский горно-обогатительный комбинат), химическая промышленность (Братский и Усть-Илимский лесопромышленные комплексы по производству целлюлозы, Ангарский нефтеперерабатывающий завод, Усольский химический завод), деревообработка и т.д.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4
50-60-е годы	Красноярская ГЭС	Центрально-Красноярский ТПК	Цветная металлургия (Красноярский алюминиевый завод), химическая (Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат, Красноярский шинный завод, Красноярский завод синтетического каучука) и лесная промышленность, машиностроение и т.д.
60-80-е годы	Усть-Хантайская ГЭС	Норильский ТПК	Цветная металлургия (Норильский никелевый комбинат), добыча полезных ископаемых (кварциты, графит) и т.д.
70-80-е годы	Саяно-Шушенская ГЭС	Саянский ТПК	Цветная металлургия (Саянский алюминиевый завод, Туимский завод по обработке цветных металлов), производство черных металлов (Абаканский и Тейский рудники), машиностроение (Абаканский вагоностроительный комплекс), электротехника и электроника (Минусинский электротехнический промышленный комплекс, завод высоковольтных вакуумных выключателей), промышленность строительных материалов (Абаканский комбинат панельного домостроения), угольная промышленность (Разрез Черногорский), легкая промышленность (Черногорский камвольно-суконный комбинат, Черногорская фабрика первичной обработки шерсти) и т.д.
70-80-е годы	Назаровская ГРЭС, Берёзовская ГРЭС	КАТЭК	Угольная промышленность, химическая промышленность (Ачинский нефтеперерабатывающий завод) электроэнергетика, промышленность строительных материалов, машиностроение (Красноярский завод тяжелого машиностроения) и т.д.

Строительство предприятий Ангаро-Енисейского ТПК предполагало одновременное развитие социальной сферы: строились десятки городов и рабочих поселков, увеличивалось население. Активная индустриализация усилила урбанистические процессы. Так, итоги Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. свидетельствуют, что численность горожан Красноярского края выросла более чем в 1,4 раза, а их удельный вес повысился с 49,6 до 61,8 % [10, с. 31]. Объявление строительства крупнейших предприятий СССР ударными стройками привлекало многотысячные трудовые отряды во многом с хорошим образованием и квалификацией, которые внесли значительный вклад в формирование промышленного потенциала сибирского региона.

В 80-е годы XX века темпы развития Ангаро-Енисейских ТПК замедлились, а по некоторым территориям не было выполнено строительство промышленных предприятий и социальной инфраструктуры. Региональные органы власти отмечали, "что диспропорции в промышленной и социальной политике не способствуют эффективному развитию края, ставят под угрозу срыва намеченные планы, сдерживается формирование КАТЭКа, строительство Богучанской ГЭС и Кодинского промышленного узла, Саянского ТПК и т.д." [11, с. 230]. В 1971-1980 гг. намечалось построить 34 промышленных объекта, а было введено в эксплуатацию на полную мощь лишь 15" [6, с. 145].

Таким образом, в 50-80 годах XX века, благодаря комплексному подходу в развитии производительных сил, основанному на огромных топливно-энергетических ресурсах и значительных финансовых затратах на создание ТПК, удалось превратить Сибирь из сельскохозяйственного и зачастую промыслового региона в центр развития промышленного потенциала страны. Сибирь в целом, и Ангаро-Енисейский регион в частности, со статусом развитого промышленного региона получил свою экономическую специализацию: тепло и гидроэнергетика, черная и цветная металлургия, металлообработка и машиностроение, лесная, химическая, пищевая промышленность и добыча и переработка угля. Реализация масштабных межрегиональных проектов по созданию ТПК имела и ряд недостатков, таких как:

– отсутствие единого центра управления за реализацией проектов ТПК, зачастую способствующее нарушению комплексности, взаимосвязанности отраслей промышленности и очередности реализации проектов;

– несвоевременное проектирование и недостаточное финансирование работ по развитию ТПК;

– существенное отставание строительства социальной (жилого фонда), инженерной инфраструктуры (дорог), обслуживающих производств от строительства крупных энергетических или промышленных предприятий, в особенности на начальных этапах создания ТПК;

– экономическая нецелесообразность строительства некоторых производств, основанная лишь на дешевизне электроэнергии;

– недостаточный учет региональных особенностей при проектировании и реализации проектов ТПК;

– подавляющее преобладание экономических целей реализации проектов ТПК над экологическими.

Таблица 2 – **Основные отличия ТПК и кластеров**

Основные отличия	ТПК	Кластер
Экономическая система	Плановая экономика	Рыночная экономика
Основания появления	Глубокое научное обоснование, необходимость освоения новых территорий	Необходимость выстраивания технологических связей, повышения эффективности функционирования
Местоположение и территория распространения	Новая неосвоенная или частично неосвоенная территория	Промышленно освоенная территория
Специализация	Отрасли тяжелой промышленности, на базе дешевых источниках энергии	Объединение множества субъектов крупного, среднего и малого бизнеса различных отраслей
Управление	Отраслевые министерства федерального уровня	Управляющая компания, федеральные и региональные органы государственной власти
Финансирование	государственное	Государственно-частное
Масштаб изменений	Крупный	Низкий

За 1990-2000-е гг. промышленный потенциал Сибири, основанный в большей степени на обрабатывающих производствах, сместился в сторону добывающей промышленности и металлургии. Сильнейший удар по главному преимуществу создания ТПК – комплексному развитию – был нанесен приватизацией и чередой банкротств крупнейших промышленных предприятий. Так, только в Саянском ТПК были потеряны крупные промышленные предприятия цветной металлургии (Туимский завод по обработке цветных металлов), электротехники (Минусинский электротехнический промышленный комплекс) и легкой промышленности (Черногорский камвольно-суконный комбинат, Черногорская фабрика первичной обработки шерсти) и т.д. Проблемы в промышленном производстве, обусловленные разрывом устоявшихся в рамках сформированного ТПК технологических цепочек, привели к значительным социальным проблемам в городах, развитие, а иногда и создание которых было связано с необходимостью обеспечения кадрами индустриального развития страны.

Несмотря на тяжелейшие последствия трансформации предприятий ТПК при переходе из плановой экономики в рыночную, нельзя не отметить выдающиеся результаты, достигнутые за полувековую активную индустриализацию сибирских регионов. Безусловно, эти результаты, включающие не только фактические достижения индустриализации, но и сформированную огромную научную базу и кадровый потенциал Сибири, необходимо использовать при дальнейшем развитии промышленного потенциала АЕМ на основе кластеров.

Проанализировав опыт реализации кластерных проектов и проектов ТПК, можно сформулировать основные отличия (табл. 2).

Сегодня кластерная политика в большей степени ориентирована на выстраивание эффективной модели взаимодействия действующих предприятий, а кластер рассматривается как форма управления производственными процессами. При этом, обширные исследования современных ученых, посвященные ТПК, зачастую сводятся к возможности применения данных механизмов и в современной истории России. Данный механизм развития должен учитывать недостатки "советских" ТПК и в большей степени ориентирован на инвестиционное развитие, основанное на сотрудничестве бизнеса и органов власти, и повышение уровня жизни населения Сибири, преобразования в экономической, социальной, культурной и экологической сферах, и самое главное, на значительное усиление роли государства в этих процессах.

Литература:

1. Александров, И.Г., Малышев, В.М. Проблема реки Ангары / И.Г. Александров, В.М. Малышев // Плановое хозяйство. – 1930. – № 6. – С. 204-228.

2. Выступление Путина В.В. на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума "ПМЭФ-2019". Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707.

3. Доклад Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Абрамченко в рамках совместного совещания по вопросам ускоренного развития Сибири с профильными ведомствами и комиссией Генерального совета партии "Единая Россия". Режим доступа: http://government.ru/news/44430/.

4. Ковтун Р.В., Трусова С.В., Краснова Т.Г. Интеграционная политика государства: Ангаро-Енисейский макрорегион // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Том 11. – № 10А. – С. 58-64. DOI: 10.34670/AR.2021.43.77.006

5. Марк Константинович Бандман. Избранные труды и продолжение начатого / под ред. д.э.н.

Малова В.Ю // ИЭОПП СО РАН, Новосибирск. – 2014. – 448 с.
6. Никифоров В.С. Развитие топливно-энергетического комплекса Восточной Сибири в 50-80 гг. XX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. – Братск, 2010. – №5 (81). – С. 139-147.
7. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р
8. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам Петербургского международного экономического форума 6 – 8 июня 2019 г. от 02.07.2019 № Пр-1186
9. Поморцев К.И. Правовое положение кластеров в Российской Федерации: дис. … канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2020.
10. Рафикова С.А. Урбанизационно-индустриальное развитие Красноярского края в 1960-е годы как предпосылка создания ТПК // Формирование и развитие сибирских территориально-производственных комплексов: сб. науч. тр. – Новосибирск: Сибирское научное издательство. – 2011. – 232 с.
11. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. – Новосибирск: Параллель, 2007. – 287 с.
12. Тимошенко А. И. Экономическое развитие Сибири как результат государственной стратегии, направленной на индустриальную модернизацию СССР // Историко-экономические исследования. – 2018. – Т. 19, № 1. – С. 91– 118. – DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(1).91-118.
13. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации".
14. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации".

DIAGNOSTICS OF RISK ADAPTABILITY OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE IN NEW ECONOMIC REALITIES

Kochina Svetlana Konstantinovna, *PhD of Economics, Associate Professor, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod*

The purpose of the study *is to determine the specific features and laws of the functioning of industrial enterprises in modern market conditions, which, among other things, are expressed in a variety of risks. The necessity of risk-adaptability of an industrial enterprise to achieve sustainable and efficient activities is substantiated. The article considers the main factors preventing the achievement of business risk tolerance.* ***The scientific novelty*** *consists in linking such parameters as risk adaptability and risk tolerance of an industrial enterprise. I.e. an enterprise will be considered risk-tolerant only if it reaches the required values of risk-adaptability parameters. In order to determine risk adaptability and the level of risk tolerance, the author's diagnostic method is proposed.* ***As a result*** *of the study, the proposed methodology for diagnosing risk adaptability was tested on the example of the "AtAg" Confectionery Factory. The conclusion is made about the effectiveness of this technique for any industrial enterprises.*

Keywords: *industrial enterprise; risks; risk-management; diagnostics; risk-adaptability; risk tolerance; adaptation strategy.*

EDN: ZOXBYB **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.8**

УДК 338
ВАК РФ 5.2.3

ДИАГНОСТИКА РИСК-АДАПТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

© Кочина С.К., 2023

КОЧИНА Светлана Константиновна, *кандидат экономических наук, доцент, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород*

Цель исследования *– определить специфические особенности и закономерности функционирования промышленных предприятий в современных рыночных условиях, которые, в том числе, выражаются в разнообразных рисках. Обоснована необходимость риск-адаптивности промышленного предприятия для достижения устойчивой и эффективной деятельности. В статье рассмотрены основные факторы, препятствующие достижению рискоустойчивости бизнеса.* ***Научная новизна*** *состоит в увязке таких параметров, как риск-адаптивность и рискоустойчивость промышленного предприятия. Т.е. предприятие будет считаться рискоустойчивым только в случае достижения им необходимых значений параметров риск-адаптивности. С целью определения риск-адаптивности и уровня рискоустойчивости предложена авторская методика диагностики.* ***В результате*** *проведена апробация предложенной методики диагностики риск-адаптивности на примере Кондитерской фабрики "АтАг". Сделан вывод об эффективности данной методики для любых промышленных предприятий.*

Ключевые слова: *промышленное предприятие; риски; риск-менеджмент; диагностика; риск-адаптивность; рискоустойчивость; стратегия адаптации.*

Введение

Деятельность современного промышленного предприятия связана с неопределенностью, турбулентностью, динамичностью и сложностью внешней бизнес-среды, а также с состоянием внутренней среды организации. В свою очередь, уровень развития внешней и внутренней бизнес-среды зависит от таких процессов, как цифровизация и социализация экономики.

Цифровизация экономики перед промышленными предприятиями ставит довольно жесткие условия для ведения успешной хозяйственной деятельности. В этих условиях руководство предприятия предпринимает шаги по сохранению рыночных позиций (или по их усилению), что проявляется в обеспечении высокой цифровой активности. Главной целью деятельности промышленного предприятия в условиях "цифры" будет являться достижение экономической эффективности при грамотно проведенной оцифровке ключевых бизнес-процессов и бизнес-функций.

Еще один процесс, влияющий на функционирование промышленных предприятий, – социализация экономики. В данных условиях предпринимателям необходимо найти решение социально значимых проблем, причем на разных уровнях экономических систем: микро-, мезо– и макро-. Среди основных целей промышленного предприятия при социализации экономических процессов отметим следующие: выстраивание эффективной системы взаимоотношений с ключевыми стейкхолдерами [1]; обеспечение должного уровня социальной защищенности собственных сотрудников; формирование и реализация активной позиции в области защиты экологии, здравоохранения, науки, культуры и др.; нахождение компромисса с покупателями в виде максимального удовлетворения их запросов и потребностей; усиление значимости и развития человеческого капитала и т.д.

Но в последнее время наметился тренд, демонстрирующий сочетание и даже слияние двух вышерассмотренных процессов (цифровизации и социализации экономики). Иными словами, теперь промышленное предприятие ставит в приоритет решение социальных задач и проблем, формируя при этом имидж социально ориентированной организации, но не без помощи цифровых технологий и инструментов. Соответственно, главной целью промышленной бизнес-единицы будет являться формирование таких конкурентных преимуществ, которые связаны с реализацией проектов и планов в области цифровизации и социализации ключевых бизнес-процессов и функций, а также основных направлений деятельности.

Для того чтобы предприятию обеспечить высокий уровень конкурентоспособности и создать отличительные конкурентные преимущества, необходимо умело противостоять, а, главное, адаптироваться к многочисленным рискам и угрозам со стороны внешней и внутренней бизнес-среды. Умение приспосабливаться к рискам предпринимательской деятельности будет способствовать устойчивому развитию бизнеса в стратегическом разрезе, которое, в частности, выражается рискоустойчивостью.

Учитывая нестабильное положение деловой среды промышленного предприятия, что за собой влечет появление разнообразных рисков, актуальность данного исследования заключается в необходимости разработки методики диагностики влияния современных рисков на функционирование промышленных предприятий.

Методология исследования представлена следующими методами: синтез, научный анализ, группировка и обобщение, системный подход. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности применения полученных результатов в деятельности отечественных промышленных предприятий.

Основная часть

В последнее время вопросам определения источников рисков, анализу и оценке их влияния на деятельность предприятия, разработке мер по их уменьшению или ликвидации уделяется большое внимание.

В условиях негативных проявлений деловой среды, смены курса и трендов развития рыночной экономики, выхода на лидирующие рыночные позиции инновационно ориентированных производств, массового применения различных форм коллабораций, актуальным является развитие теоретико-методологических основ управления и диагностики рисков хозяйствующих субъектов.

Если говорить о традиционном представлении риск-менеджмента, то он будет позиционироваться как некий механизм разработки и реализации мероприятий по уменьшению негативного воздействия рисков. Т.е. риск принимается как данность бизнеса, и имеющиеся средства и ресурсы направлены на сохранение эффективности деятельности, иными словами, на создание устойчивого положения.

Рассматривая вопросы системы управления рисками на промышленном предприятии, ее теоретические и методические аспекты, можно сослаться на труды и публикации следующих ученых: Н.Н. Логачев [2], Д.А. Метелев, С.В. Слабинский, О.Г. Поскочинова, В.В. Журавлев [3], О.П. Сердюченко, О.Н. Гримашевич [4], Е.Б. Маевская, Н.В. Черноножкина, М.У. Дуйсемалиева и др.

В большинстве своем авторы рассматривают финансовые, инвестиционные и инновационные риски, не принимая во внимание другие виды угроз, связанных с такими направлениями деятельности предприятия, как маркетинг, производство, сбыт, оцифровка бизнес-процессов и т.д.

Авторская гипотеза состоит в том, что система управления рисками промышленного предприятия должна основываться на диагностике риск-адаптивности, что, в свою очередь, будет демонстрировать уровень рискоустойчивости.

Разработка методического аппарата диагностики рискоустойчивости промышленного предприятия в современных социоэкономических условиях является важным направлением исследований в области повышения конкурентоспособности и формирования отличительных конкурентных преимуществ.

Теоретическим и практическим аспектам достижения, управления, оценки рискоустойчивости посвящено немало научных трудов и исследований. Отметим некоторых авторов: Е.С. Кравченко, О.Н. Гримашевич, Т.С. Орлова [5], А.С. Кошелева, И.Г. Шепелев, Е.А. Лясковская, Д.Г. Терехина, Н.В. Никитина [6], А.А. Тимошин, Г.И. Яковлев, Л.В. Зубова, В.Н. Кайль и др.

Несмотря на большое количество научных наработок, исследований в области управления, анализа и оценки рисков для промышленного предприятия, не существует эффективного подхода к определению рискоустойчивости. Мы же предлагаем такой подход, который определяет уровень рискоустойчивости деятельности предприятия на основе проведения диагностики риск-адаптивности. Несомненно, оба эти показателя можно рассматривать как взаимосвязанные критерии современного стратегического менеджмента промышленного предприятия.

Для того чтобы в долгосрочном периоде достичь высокого уровня конкурентоспособности промышленного предприятия, с учетом тренда социоцифрового развития рынка, руководству необходимо осуществить в области обеспечения риск-адаптивности и рискоустойчивости следующие действия:

– сформировать динамичную и мобильную систему риск-менеджмента, которая будет своевременно реагировать на совокупность рисков предприятия в оперативном и стратегическом разрезе;

– создать систему приемов и инструментов по смягчению и ликвидации последствий от рисков.

По сути, риск-менеджмент промышленного предприятия проявляется в условиях неопределенности и высокой вероятности негативного исхода событий [7]. В связи с этим анализ и диагностика состояния отраслевого рынка, а также его конъюнктуры, потребностей и целей стейкхолдеров, мониторинг изменений в законодательстве по защите окружающей среды, смена социальных приоритетов и т.п. рассматриваются как основополагающий этап в системе рискоустойчивого и риск-адаптивного управления предприятия.

Далее обозначим схему проведения риск-менеджмента на промышленном предприятии в современных рыночных условиях:

– определение границ поля рисков;

– определение параметров оценки рисков;

– выявление области управления рисками;

– обработка сведений и информации о выявленных рисках;

– обеспечение информационного обмена;

– диагностика риск-адаптивности предприятия и определение уровня рискоустойчивости;

– принятие управленческих решений по результатам диагностики.

Под риск-адаптивностью промышленного предприятия мы понимаем процесс активного, адекватного, своевременного и эффективного приспособления его бизнес-процессов на угрозы и вызовы деловой среды, с целью обеспечения устойчивого состояния его деятельности.

Первостепенной целью для реализации механизма риск-адаптивности предприятия будет являться создание условий, способствующих образованию системы быстрого реагирования риск-менеджмента на динамично изменяющиеся технологические, экономические, социальные, экологические, политические, правовые, информационно-цифровые и иные условия бизнес-сферы [8].

Для обеспечения должного уровня риск-адаптивности промышленного предприятия необходимо четко определить вид рисков, их сущность и проявления, алгоритм их оценки,

схему интерпретации полученных результатов. Естественно, риск-адаптивность основывается на определенной формализованной модели, которая, в свою очередь, одновременно учитывает цели, задачи предприятия и устанавливает наиболее эффективные, реалистичные способы "сглаживания" последствий рисков либо методы по их ликвидации. Для этого требуется определение зон ответственности и обязанностей, границ делегирования полномочий в отношении всех задействованных лиц в риск-менеджменте, при этом, нужно не нарушить единство и комплексность всей внутренней бизнес-среды. Т.е. все структурные подразделения должны иметь четкое представление и понимание реально возможных рисков, нести ответственность за разработку и использование инструментов риск-менеджмента.

Высокий уровень риск-адаптивности промышленного предприятия проявляется в слаженной работе всех ключевых бизнес-процессов, уверенной реализации бизнес-функций за счет адекватного и своевременного реагирования на возникающие угрозы (риски), слаженной работы системы риск-менеджмента, комплексного подхода к устранению рисков. Итогом всего этого станет то, что предприятие будет позиционироваться как рискоустойчивое, а это, в свою очередь, приведет к повышению деловой репутации, уровня конкурентоспособности, усилению авторитета среди партнеров и заинтересованных сторон, привлечению инвестиционных потоков и т.д. [9].

Для обеспечения риск-адаптивности промышленного предприятия необходима разработка стратегии адаптации. Выбор стратегии адаптации зависит от множества факторов, специфических рыночных условий, а также этот выбор должен быть подкреплен результатами диагностики деятельности предприятия [10].

Под самой стратегией адаптации промышленного предприятия будет подразумевать совокупность взаимосвязанных управленческих решений, устанавливающих приоритетные стратегические направления его деятельности, с целью эффективного приспособления к различным рискам и достижения устойчивого положения.

На процедуру выбора определенного курса развития деятельности промышленного предприятия оказывают давление следующие факторы (показатели): преследуемые предприятием цели и миссия; потенциал (производственно-технологический, экономический, цифровой, инновационный, инвестиционный и др.); специфика отраслевого рынка; социоэкономическая, политическая и экологическая обстановка в регионе, стране; рыночные позиции предприятия; действия и цели заинтересованных сторон предприятия; наличие реализуемых проектов; характер взаимоотношений с партнерами; запросы и потребности покупателей и т.д. Отсюда следует, что стратегия адаптации должна учитывать выбранный курс развития и вышеуказанные факторы.

Различают следующие виды стратегий адаптации:

активная: характеризуется инициативными действиями предприятия, выражающиеся в поиске внутренних резервов и возможностей, приспособлении к изменяющимся факторам бизнес-среды, формировании и реализации условий для активной инновационно-инвестиционной и цифровой политики, широком использовании цифровых и электронно-интеллектуальных технологий;

– пассивная: выражается в выжидательной позиции предприятия в отношении динамичности и сложности деловой среды. Иными словами, руководство организации ждет позитивных тенденций в своем бизнес-окружении, не предпринимая действий по адаптации к неблагоприятным условиям функционирования;

– компенсационная: основывается на компенсации потерь от основной деятельности предприятия доходами от других, дополнительных видов деятельности; применяется для поддержания устойчивого положения бизнеса в сложно-прогнозируемых и неопределенных условиях.

Для того чтобы определиться с видом реализуемой стратегии адаптации промышленного предприятия, нужно выполнить анализ внутренней системы управления и всей бизнес-среды, что даст возможность выявить цели адаптации, возможные методы (инструментарий) ее организации и воплощения.

Инструментами обеспечения риск-адаптивности промышленного предприятия выступают:

– прогнозирование возможных изменений в развитии внешней и внутренней бизнес-среды, осуществление стратегического планирования. Предприятие может предугадать стратегию и тенденции развития его делового окружения, что значительно снизит вероятность наступления рисков;

– формирование информационно-цифровой системы. Данный инструмент способствует обеспечению достоверной информацией,

отсеиванию лжеданных, хранению большого объема сведений, обеспечению их сохранности и безопасности [11];

– создание гибкой организационной структуры. Предприятие с такой структурой быстро адаптируется и легко переносит различные преобразования в бизнес-среде. Помимо этого, предприятию будут присущи легкость освоения разработок и достижений НТП, массовое использование в своей деятельности передовых технологий, создание качественно новых и актуальных видов продукции;

– формирование партнерских отношений руководства предприятия и его персонала. Главной целью данного инструмента является создание в организации единой команды, которая будет нацелена на реализацию намеченных планов и задач, а главное – на приспособление к параметрам динамичной и турбулентной бизнес-среды;

– поддержание уже существующих взаимовыгодных партнерских отношений с субъектами рынка, формирование коллабораций и экосистем. Такой подход позволяет предприятиям эффективно и долгосрочно взаимодействовать, что укрепляет их рыночные позиции, делает их положение более адаптивным и устойчивым.

Неоспоримым является тот факт, что деятельность современного промышленного предприятия сопряжена с разнообразными и многочисленными рисками, исходящими из внутренней и внешней среды. В таблице 1 представим основные факторы риск-адаптивности, оказывающие впоследствии влияние на достижение предприятием рискоустойчивости.

Таблица 1 – **Классификация факторов риск-адаптивности промышленного предприятия**

Источник	Факторы риск-адаптивности
Внутренняя бизнес-среда предприятия	Кадровый потенциал и его состав Организационно-управленческий механизм Производственно-ресурсный потенциал Финансово-экономическая эффективность Инновационная деятельность Корпоративная культура и политика
Внешняя бизнес-среда предприятия	Социальный имидж и деловая репутация Уровень конкурентоспособности, занимаемые рыночные позиции Маркетинговая политика Инвестиционная деятельность Уровень взаимоотношений с ключевыми партнерами (и заинтересованными сторонами) Информационно-цифровая инфраструктура

Источник: составлено автором

С целью понимания того, насколько промышленное предприятие адаптировано к различным проявлениям рисковых ситуаций, необходимо провести диагностику его риск-адаптивности. Вначале для этого проведем весовую оценку факторов риск-адаптивности (табл. 2).

Таблица 2 – **Присвоение весовых коэффициентов основным факторам риск-адаптивности промышленного предприятия**

Факторы риск-адаптивности	Вес (важность)
Кадровый потенциал и его состав	0,02
Организационно-управленческий механизм	0,04
Производственно-ресурсный потенциал	0,04
Финансово-экономическая эффективность	0,03
Инновационная деятельность	0,07
Корпоративная культура и политика	0,06
Социальный имидж и деловая репутация	0,09
Уровень конкурентоспособности, занимаемые рыночные позиции	0,08
Маркетинговая политика	0,09
Инвестиционная деятельность	0,09
Уровень взаимоотношений с ключевыми партнерами (и заинтересованными сторонами)	0,2
Информационно-цифровая инфраструктура	0,19
Итого	1,0

Источник: составлено автором

После выставления весовых коэффициентов ключевым факторам, препятствующим достижению рискоустойчивости промышленного предприятия следует расчет показателя риск-адаптивности (формула):

$$R_{\text{адапт.}} = \sum_{i=1}^{n} r_i P_i / n, \qquad (1)$$

где $R_{\text{адапт.}}$ – показатель риск-адаптивности предприятия;

r_i – фактор риск-адаптивности (оцененный по десятибалльной шкале методом экспертных оценок);

P_i – вес фактора;

n – количество факторов риск-адаптивности.

Исходя из представленной формулы, можно выделить следующие уровни риск-адаптивности предприятия, что будет соответствовать конкретным уровням рискоустойчивости:

– от 0 до 0,3 – низкая рискоустойчивость;

– от 0,31 до 0,6 – средняя рискоустойчивость;

– от 0,61 до 0,84 – высокая рискоустойчивость.

Приведем в таблице 3 результаты диагностики риск-адаптивности Кондитерской фабрики "АтАг" (Вологодская область, р.п. Шексна).

Таблица 3 – **Диагностика риск-адаптивности Кондитерской фабрики "АтАг"**

Факторы риск-адаптивности	Вес (важность)	Результаты экспертной оценки
Кадровый потенциал и его состав	0,02	7
Организационно-управленческий механизм	0,04	8
Производственно-ресурсный потенциал	0,04	6
Финансово-экономическая эффективность	0,03	7
Инновационная деятельность	0,07	8
Корпоративная культура и политика	0,06	9
Социальный имидж и деловая репутация	0,09	10
Уровень конкурентоспособности, занимаемые рыночные позиции	0,08	9
Маркетинговая политика	0,09	10
Инвестиционная деятельность	0,09	9
Уровень взаимоотношений с ключевыми партнерами (и заинтересованными сторонами)	0,2	9
Информационно-цифровая инфраструктура	0,19	7
$R_{адапт.}$ = 0,71		

Источник: составлено автором

Полученные результаты диагностики демонстрируют нам, что у данного предприятия высокий уровень риск-адаптивности и, следовательно, рискоустойчивости. Высокие риски (т.е. недостаточная адаптивность) для Кондитерской фабрики "АтАг" могут исходить от сырьевых поставщиков – в плане зависимости от их действий, ценовой политики. Источниками незначительных рисков могут служить: персонал (недостаточная квалификация, низкая мобильность, текучесть кадров и т.д.); собственная финансовая и экономическая деятельность (негибкое ценообразование, неоправданные финансовые операции); информационно-цифровая инфраструктура – предприятие слабо реализует цифровые проекты, не активно использует цифровые технологии. Но, несмотря на это, предприятие является довольно рискоустойчивым, продукция востребована на рынке, уделяется большое внимание инновациям, существуют долгосрочные и прочные партнерские взаимоотношения.

Заключение

Деятельность промышленных предприятий невозможна без влияния различных угроз со стороны конкурентов и партнеров, без возможного риска не угодить потребностям и запросам клиентов, давления со стороны общественных и государственных структур, ориентирования и адаптации к факторам бизнес-среды. В связи с этим весьма актуальным является вопрос достижения высокой адаптивности предприятия к рискам и угрозам.

По содержанию диагностика риск-адаптивности является стратегически важным инструментом для управления, рыночного позиционирования промышленного предприятия, а также для определения путей приспособления к современным социоэкономическим реалиям.

Предложенная в статье методика проведения диагностики риск-адаптивности имеет следующую логическую цепочку: если предприятие может эффективно адаптироваться к рискам (снижать их негативные проявления или максимально от них защититься), то, следовательно, оно рискоустойчиво. Кроме того диагностика может быть применена на любом промышленном предприятии, сделав поправку на специфику предприятия и отраслевого рынка.

Примечания:

1. Кочина С.К. Анализ и оценка влияния стейкхолдеров на эффективность предприятия // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2022. – № 4 (36). – С. 51-60.
2. Логачев Н.Н. Нормативно-методическое обеспечение риск-менеджмента на промышленных предприятиях // Проблемы анализа риска. – 2010. – Т. 7. – № 3. – С. 40-47.
3. Журавлев В.В., Варкова Н.Ю., Журавлев Н.В. Совершенствование системы управления рисками промышленного предприятия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2022. – Т. 16. – №1. – С. 124-132.
4. Гримашевич О.Н. Значение стратегического подхода к управлению рисками промышленного предприятия // Современная экономика: проблемы и решения. – 2010. – № 12. – С. 94-104.
5. Орлова Т.С., Тимошин А.А., Логинова С.А. Обзор существующих подходов и методик к оценке рискоустойчивости высокотехнологичного промышленного предприятия // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 53 (6). – С. 202-207.
6. Терехина Д.Г., Никитина Н.В. Рискоустойчивость организаций реального сектора экономики // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: Межвуз. сб. науч. тр. – 2021. – №1. – С. 58-64.
7. Доможирова О.В., Подолянко О.Ю. Роль риск-менеджмента в управлении и оценке риска при осуществлении предпринимательской деятельности // Белгородский экономический вестник. – 2019. – № 4 (96). – С. 69-73.
8. Михайлова О.П., Воронина В.М. Возможности адаптивного управления промышленным предприятием в условиях российской действительности // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 3 (43). – С. 73-81.
9. Сотвордиев А.А. Вопросы адаптации промышленных предприятий к изменению факторов

внешней среды // Colloquium-Journal. – 2022. – №13-1 (136). – С. 21-23.
10. Возиянова Н.Ю., Азарян А.А. Стратегия адаптации предприятий и других хозяйственных образований сферы услуг к условиям конкурентной нестабильной рыночной среды // Менеджер. – 2019. – № 4 (90). – С. 149-161.
11. Яковлев Г.И., Терехина Д.Г. Совершенствование методики оценивания рискоустойчивости субъектов предпринимательства в цифровой экономике // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 3 (209). – С. 72-81.

ECONOMIC MECHANISM FOR ASSESSING THE LOSSES OF THE ELECTRIC POWER INDUSTRY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE SECTORAL INFRASTRUCTURE OF THE TERRITORY

Krivokora Yuri Nikolaevich, *DSc of Economics, Associate Professor, Technological Institute of Service (branch), Don State Technical University, Stavropol*

Uvarov Igor Petrovich, *PhD of Social sciences, Associate Professor*

Borovkov Alexander Vladislavovich, *PhD of Economics, Associate Professor*

Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute, Nevinnomyssk

The article examines the problem of electricity consumption, based on the balance of the production capacity of the regional energy system and the capabilities of consumers, provides calculations of economic benefits while reducing losses in the electric power industry with the greatest emphasis on the territory of the constituent entities of the Russian Federation, considers the problems of the relationship between the economic resource of the territory of the Russian Federation and production capacity of electricity, taking into account social efficiency, based on the analysis of structural changes in the dynamics of electricity consumption in a particular subject of the Russian Federation, a possible option for developing the infrastructure of the sectoral economy of the region was analyzed.

Keywords: *economy; region; electric power industry; mechanism; regulation; investments; methods; assessment; social result; income; population; structure; economic efficiency; standards; sectoral infrastructure; territory.*

EDN: QYDEZO **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.9**

УДК 330
ВАК РФ 5.2.3

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ ОЦЕНКИ ПОТЕРЬ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ТЕРРИТОРИИ

© Кривокора Ю.Н., 2023
© Уваров И.П., 2023
© Боровков А.В., 2023

КРИВОКОРА Юрий Николаевич, *доктор экономических наук, доцент, Технологического института сервиса (филиала), Донской государственный технический университет, Ставрополь*

УВАРОВ Игорь Петрович, *кандидат социологических наук, доцент*

БОРОВКОВ Александр Владиславович, *кандидат экономических наук, доцент*

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт, Невинномысск

В статье исследуется проблема потребления электроэнергии, на основе сбалансированности производственной мощности региональной энергетической системы и возможностями потребителей, приведены расчеты экономической выгоды при снижении потерь в электроэнергетики с наибольшим акцентом на территории субъектов Российской Федерации, рассмотрены проблемы взаимосвязи экономического ресурса территории Российской Федерации и производственной мощности электроэнергии, с учетом социальной эффективности, на основе анализа структурных сдвигов в динамике потребления электроэнергии в конкретном субъекте РФ, проанализирован возможный вариант развития инфраструктуры отраслевой экономики региона.

Ключевые слова: *экономика; регион; электроэнергетика; механизм; регулирование; инвестиции; методы; оценка; социальный результат; доходы; население; структура; экономическая эффективность; нормативы; инфраструктура отраслевая; территория.*

Введение

Несмотря на то, что ученые продолжают в своих исследованиях рассматривать новые "прорывные" энергосберегающие технологии, в целях более эффективного использования восстанавливаемых природных ресурсов, мы сконцентрировали свое внимание на проблеме потерь электроэнергии.

Проблема в том, что наращивание производственных мощностей по выработке электроэнергии должно быть сбалансированно с потребительскими возможностями. В России производство электроэнергии имеет тенденцию к росту. Так, по данным Росстата [1], в 2020 году было произведено 1089,7 млрд кВт/час, а в 2021 уже 1159,4 млрд кВ/час.

Несколько иная ситуация складывается по регионам, в частности, в рассматриваемом субъекте, в Ставропольском крае динамика производства электроэнергии показывает снижение ее объемов [2, 3, 4, 5], в среднегодовом уровне 5-7 %. Этот факт говорит об энергетическом дисбалансе, так как мощности сегодняшнего дня в Ставропольском крае способны вырабатывать электроэнергию на уровне прошлых лет 19-20 млрд кВт/час.

Нельзя сказать, что управление энергоресурсами России и Ставропольского края министерства и ведомства не принимают меры в области энергосбережения. Изучив законодательно-нормативную базу Российской Федерации по электроэнергетики, можно сказать, что вполне достаточно принято документов по энергосбережению [6, 7, 8, 9]. Например, мониторинг, который сегодня проводит АО "Системный оператор Единой энергетической системы" и др.

При разработке предложений использовались методы: экономико-математические, статистические, графические, а также методы сравнения, экспертных оценок и другие методы, обеспечивающие достоверность исходных данных.

Научное приращение результатов исследования заключается в разработке механизма оценки потери экономической выгоды региона, на основе анализа электропотребления с подсчетом коэффициента социальной эффективности и отраслевой экономики региона.

Проблема энергоэффективности в экономической деятельности нашла отражение в работах В.А. Акатьева, Д.В. Аминова, Е.С. Бородина, П.Ю. Бучацкого, Е.В. Кузнецовой, Д.Е. Давыдянца, В.С. Симанкова, М.П. Тюрин и др.

Можно лишь добавить, что и потери в наибольшей степени происходят по пути транспортировки энергии от производства до момента его потребления.

В связи с чем, надо согласиться с публикационным материалом этих авторов, особенно в части их предложения по внедрению индивидуального учета тепловой энергии в жилых помещениях [10, 11].

При разработке предложений использовались методы: экономико-математические, статистические, графические, а также методы сравнения, экспертных оценок и другие методы, обеспечивающие достоверность исходных данных.

Основная часть

Несомненно, интересные предложения ведущих ученых можно и необходимо не только поддерживать, но и внедрять в практическое производство. Между тем, мы обратили внимание на оценку уже имеющегося потенциала, который выражен прежде всего в производстве электроэнергии.

Согласно отчету о функционировании ЕЭС России в 2020 году: объем производства электроэнергии в 2020 году электростанциями ЕЭС России составил 1 047 029,9 млн кВт•ч, что ниже факта 2019 года на 33 525,6 млн кВт•ч (-3,1%). Объем потребления электроэнергии в ЕЭС России в 2020 году составил 1 033 718,4 млн кВт•ч, что ниже факта 2019 года на 25 643,2 млн кВт•ч (-2,4%). [5,6].

В своем исследовании мы заинтересовались вопросами потери электроэнергии и экономики территории, особенно в противоречивости факторов развития социально-экономического процесса и энергосистемы.

На основании официальных данных баланс производства и потребления электроэнергетики Ставропольского края [4] показывает, что достаточность выработки электроэнергетики в Ставропольском крае можно оценивать как положительный результат работы в этой отрасли.

Однако, на наш взгляд, при строительстве и запуске альтернативных электростанций не учитывались возможности региона в потреблении.

Здесь возникает вопрос, о рациональном распределении средств для восстановления энергетического потенциала.

На сегодняшний день Ставропольский край продает электроэнергии за свои пределы больше, нежели потребляет, что мы наглядно отобразили на рисунке.

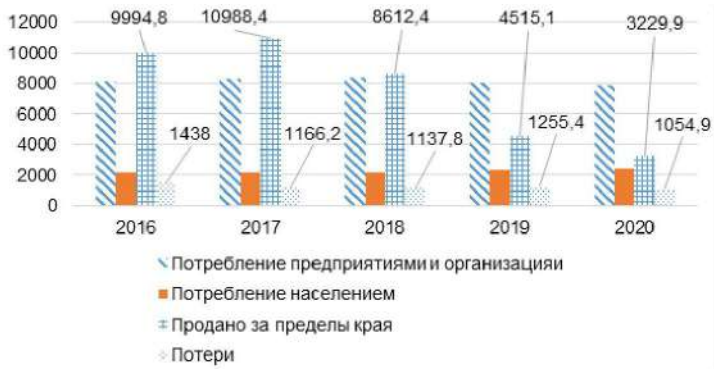


Рисунок – **Структура потребления электроэнергии в Ставропольском крае, млн кВт/час**

Только к 2019 году позиции объемов реализации за пределы края снизились с 10988,4 млн кВт/час до 4515,1 млн кВт/час, то есть более чем в два раза, но что касается потерь, то они остаются в пределах прежнего уровня колебания.

Мы солидарны с мнением ученых об энергосбережении, разработке новых технологий по производству и потреблению электроэнергии, а также поддерживаем мнение об оценке энергетической эффективности [12-17]. Достаточно емкие исследования в этой области проведены отечественными учеными в настоящее время, проводится и энергоаудит, что тоже надо характеризовать положительно, так как результаты все-таки есть.

Однако если мы касаемся энергоаудита, то его проведение хозяйствующим субъектам затруднительно, так как стоимостной параметр многим недоступен.

Мы рассмотрели уровень потерь, их уравновешенное состояние говорит о наличии постоянных факторов, влияющих на эту ситуацию. Попробуем обозначить свои расчеты по пути от простого к сложному.

Если говорим о потерях электроэнергии, то, несомненно, необходимо сказать и об упущенной экономической выгоде на территории Ставропольского края. При среднем уровне расходов электроэнергии на один хозяйствующий субъект за календарный год 0,18 млн кВт/час, учитывая потери в пределах 7-8 % от годового объема производства, получим возможный ресурс по запуску новых предприятий в количестве 7000 единиц.

Снижение уровня потребления электроэнергии в Ставропольском крае на 30% зависит от состояния отраслевой экономики, в частности от количества и производственной деятельности хозяйствующих субъектов.

Их сокращение в Ставропольском крае продолжается и уже к 2022 году – 37,4 тыс. единиц, тогда как в 2016 их численность составляла более 51 тысячи.

На наш взгляд, мощность электроэнергетических ресурсов позволяет, при варианте снижения потерь и выработки полного объема, решить проблему экономического характера посредством запуска 7 тыс. единиц хозяйствующих субъектов.

Такой сценарий может не только экономически повлиять на территориальную структуру отраслей, но и решить социальную сторону вопроса. Конечно, экономическая выгода посредством механизма запуска предприятий очевидна (получение дохода), но и трудоустройство экономически активного населения играет немаловажную социальную роль.

Мы в своих исследованиях [18] публиковали данные по финансовым результатам предприятия по производству электроэнергии, где, в частности, говорится об их неустойчивости, и о задолженности по налоговым платежам: в 2017 году составила 43 млн руб., в 2018 году – 80, а в 2019 году – 71 млн руб.

При этом есть убыточные предприятия, удельный вес которых, составлял в 2017 году 21,6%, в 2018 году – 24,5%, а в 2019 году – 23,9% от общей численности предприятий [5].

Много проблем и по обновлению основных фондов таких предприятий, износ которых уже превышает 40%.

Механизм взаимосвязи социальных, экономических процессов и энергосбережения очевиден при рассмотрении ценового параметра потребления электроэнергии. При вводе в эксплуатацию возобновляемых источников энергии необходим механизм снижения цены за один кВт/час, в ином случае нет экономической и социальной обоснованности их ввода.

Результаты

В настоящее время наблюдается рост потребления электроэнергии, что доказывается данными, приведенными Росстатом, филиалом ОАО "СО ЕЭС" "Региональное диспетчерское управление энергосистем республик Северного Кавказа и Ставропольского края" (Северокавказское РДУ) [1,3,4].

При оценке потребления электроэнергии приходим к выводу, что население Ставропольского края ежегодно увеличивает объемы на 3%, а предприятия, несмотря на снижение в общем объеме их потребления на 3%, в расчете на одно предприятие, наоборот, увеличивает в среднем за год на 14%.

Заметим, что наблюдается темп роста потребления электроэнергии в энергосистеме Ставропольского края. Так, за семь месяцев 2022 года увеличилось на 3,7% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года [3, 4], и составило 6495,9 млн кВт/час.

При этом электростанции энергосистемы Ставропольского края с января по июль 2022 года выработали 9509,9 млн кВт/ч электроэнергии, что на 3,1% меньше объема выработки за аналогичный период 2021 года [18].

По нашему исследованию, на основе анализа имеющейся информации, мы можем сделать вывод об экономически перспективных "ниш" территориального развития отраслевой экономики.

В частности, если осуществить запуск хозяйствующих субъектов (7 тыс. ед.), то при среднем производстве продукции, работ или услуг объемы вырастут в стоимостном выражении на 27 млрд руб., налоговые отчисления в бюджеты различных уровней – на 13 млн руб., а численность занятых в экономике Ставропольского края – на 25 тыс. человек. Социальная сторона вопроса касается не только трудоустройства экономически активного населения, но и, в частности, затрагивает вопросы развития инфраструктуры территорий края.

Разумеется, что в данных расчетах, мы учитываем то, что факторы, взаимодействующие между собой и оказывающие корреляционное влияние на социально-экономическое развитие, останутся без изменений, а инфляция будет в пределах прогнозных и предсказуемых.

На наш взгляд, требуется провести оценку хозяйствующих субъектов в структуре каждой административной территориальной единицы края (имеется ввиду муниципалитеты), а также рассмотреть и проанализировать приоритетные направления развития инфраструктуры экономики этих территорий.

Несмотря на то, что в Российской Федерации накоплен опыт использования восстанавливаемых источников энергии, сырьевые ресурсы по традиционным источникам достаточны в объемах обеспечения электростанций, но необходим механизм более эффективного подхода к энергосбережению.

Примечания:

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): https://rosstat.gov.ru/ (Дата обращения 15.01.2022).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.01.2004 г. №24 "Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии"
4. "Отчет о функционировании ЕЭС России в 2020 году" АО "Системный оператор Единой энергетической системы" https://www.so-ups.ru/ (Дата обращения 15.01.2022).
5. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу https://stavstat.gks.ru/ (Дата обращения 15.01.2022).
6. Постановление Правительства РФ от 17.10.2009 N 823 (ред. от 30.12.2022) "О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики" (вместе с "Правилами разработки и утверждения схем и программ перспективного развития электроэнергетики")
7. Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. №261-ФЗ "Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".
8. Федеральный закон "Об электроэнергетике" от 26.03.2003 № 35-ФЗ (последняя редакция) 26 марта 2003 года № 35-ФЗ
9. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. №210-ФЗ "Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса" [Электронный ресурс].
10. Акатьев В.А., Тюрин М.П., Бородина Е.С. Повышение энергоэффективности при производстве, передаче и потреблении электроэнергии // Энергобезопасность и энергосбережение. – 2020. – №6. – С. 8-17.
11. Аминов Д.В., Кузнецова Е.В. Экономическая эффективность энергосбережения // Вестник Евразийской науки. – 2019. – №2. – Режим доступа: https://esj.today/PDF/16ECVN219.pdf (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
12. Давыдянц Д.Е., Горяинов М.Ф., Шейченко Ю.И., Макеенко И.П. Теоретические основы энергосбережения и энергоэффективности: понятийно-категориальный аппарат // Молодежь и бизнес: опыт, проблемы, горизонты взаимодействия: сборник докладов конференции по итогам работы Международной молодежной научной школы / под ред. Л.И. Ушвицкого. – 2019. – С. 88-89.
13. Давыдянц Д.Е., Жидков В.Е., Шейченко Ю.И. Энергосбережение и энергоэффективность: методическое обеспечение анализа (теоретическая часть) // Инновационные направления развития в образовании, экономике, технике и технологиях. национальная научно-практическая конференция: сборник статей. – Ставрополь, 2020. – С. 276-280.
14. Давыдянц Д.Е., Жидков В.Е., Шейченко Ю.И. Методика факторного анализа влияния коэффициента мощности (cos?) на изменение совокупных издержек и энергоэффективности // KANT. – 2020. – № 1 (34). – С. 47-50.
15. Дегтярев К.С Экономика возобновляемой энергетики в мире и в России // С.О.К. – 2017. – №9.
16. Дюрменова С.С. Пути повышения энергоэффективности в зданиях / С.С. Дюрменова, А.Ю. Махов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 31 (321). – С. 18-21. – URL: https://moluch.ru/archive/321/72917/ (дата обращения: 07.02.2023).
17. Ермолаев К.А. Отражение проблем энергосбережения и повышения энергоэффективности в программах инновационного развития российских компаний // Российское предпринимательство. – 2016. – Том 17. – № 23. – С. 3335-3346. 1. DOI: 10.18334/rp.17.23.37187.
18. Уваров И.П., Воробьева И.В., Омельченко Д.П. Энергосбережение и экономика: взаимосвязь и противоречия // KANT. – 2022. – №3 (44). – С. 84-89. EDN: ADALWS.1. DOI: 10.24923/2222-243X.2022-44.13

CONCEPTUALIZATION OF THE TYPOLOGICAL CONCEPT OF "COASTAL TERRITORIES" BASED ON THE SPATIAL AND ECONOMIC INTERPRETATION OF THE PHENOMENON OF "THALASSO-ATTRACTIVENESS"

Krotova Marina Alexandrovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Konovalenko Dmitry Anatolievich, *PhD of Economics, Senior Lecturer*

Kuban State Technological University, Krasnodar

The relevance of posing the problem of conceptual understanding of the concept of "coastal territories" is determined by the fact that, according to various estimates, their total length in Russia is from 38 to 46 thousand kilometers, while, against the background of such a significant representation of this typological group of localities, it has not yet received not only its institutional consolidation in the doctrinal and strategic documents of territorial development, but also turned out to be fragmentarily studied from the standpoint of paradigmatic knowledge. ***The purpose of the study*** *is to generalize and develop conceptual provisions that reflect the features and specifics of the typological concept of "coastal territories" based on the spatial and economic interpretation of the "thalasso-attractiveness" phenomenon.* ***The results of the study*** *are of theoretical significance in the context of the conceptual support of the processes of substantiating the ways and mechanisms of the spatial and socio-economic development of coastal territories, coastal regions, their integration into the global "coastal belt", European and Asian meta-regions.*

Keywords: *spatial economics; coastal areas; coastal regions; thalassoattractivity; coastal municipalities, organization of economic space, water-territorial clusters, support areas of maritime activity, peripherization of coastal territories.*

EDN: NRGNMW **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.10**

УДК 338
ВАК РФ 5.2.3

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ "ПРИБРЕЖНЫЕ ТЕРРИТОРИИ" НА ОСНОВЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯВЛЕНИЯ "ТАЛАССОАТТРАКТИВНОСТИ"

© Кротова М.А., 2023
© Коноваленко Д.А., 2023

Актуальность постановки проблемы концептуального осмысления понятия "прибрежные территории" определяется тем обстоятельством, что по разным оценкам их совокупная протяженность в России составляет от 38 до 46 тысяч километров, при этом, на фоне такого значительного представительства данной типологической группы локалитетов, она до сих пор не получила не только своего институционального закрепления в доктринальных и стратегических документах территориального развития, но и оказалась фрагментарно изучена с позиций парадигмального знания. ***Цель исследования*** *заключается в обобщении и развитии концептуальных положений, отражающих особенности и специфику типологического понятия "прибрежные территории" на основе пространственно-экономической интерпретации явления "талассоаттрактивности".* ***Результаты исследования*** *имеют теоретическое значение в контексте концептуального обеспечения процессов обоснования путей и механизмов пространственного и социально-экономического развития прибрежных территорий, приморских регионов, их встраивания в глобальный "прибрежный пояс", европейские и азиатские метарегионы.*

Ключевые слова: *пространственная экономика; прибрежные территории; приморские регионы; талассоаттрактивность; приморские муниципалитеты, организация экономического пространства, акватерриториальные кластеры, опорные территории морской активности, периферизация прибрежных территорий.*

КРОТОВА Марина Александровна, *кандидат экономических наук, доцент*

КОНОВАЛЕНКО Дмитрий Анатольевич, *кандидат экономических наук, старший преподаватель*

кафедра Экономической безопасности, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

Морская, приморская, береговая и прибрежная тематика в отечественных общественно-социальных исследованиях имеет давние исторические корни [1]. В русле темпорального подхода фокусировка научно-методической рефлексии на континентально-морской диалектике детерминирована "сюжетами" о становлении и развитии морехозяйственного комплекса в структуре отраслей народного хозяйства [2], включении этой дихотомии в состав факториальных условий, оказывающих опосредованное (корреляционное) и непосредственное (функциональное) влияние на качество и динамику социально-экономического развития территорий особого таксономического вида (имеем ввиду прибрежных), а также концептуализации междисциплинарного понятия "талассоаттрактивности" в качестве решающего при выборе мест приложения

активности частных, корпоративных и государственных экономических агентов для "спуска" избыточного давления из опорных центров генерации и аккумулирования социально-экономического потенциала таких агломераций, как Москва и Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Краснодар, причерноморской конурбации прибрежных городов Кубани, Владивостока, Махачкалы и т.д. [3]

Последняя и наиболее актуальная в настоящий момент сюжетная линия в научной рефлексии пространственно-экономических исследований связана с переосмыслением места и роли прибрежных территорий и приморских регионов в императивах "Стратегии национальной безопасности" [4], критическое осмысление положений которой подразумевает позиционирование вышеприведенных территориальных таксонов в качестве симультанных носителей барьерных и контактных функций, а также локалитетов с максимально благоприятными условиями в контексте удовлетворения витальных потребностей населения как основного экономического агента.

С данной тематикой переплетается и пространственно-экономическая предметная область широкой повестки изучения морской и континентальной проблематики с вкраплениями ряда экологических, ресурсосберегающих и природопользовательских вопросов [5]. Общий "дрейф" экономики прибрежных территорий в сторону постиндустриальной парадигмы экономической динамики ставит вопросы модернизационного развития третичного и полноценного становления четвертичного секторов, новой индустриализации, сервизации традиционных промышленного и аграрного секторов континентальной части приморских субъектов, инфраструктурных и инвестиционных "инъекций", адаптации форм пространственной организации морского и приморского хозяйства к вызовам, опасностям, рискам и угрозам внешней и внутренней этиологии и смешанного генеза.

В этой связи целью настоящего исследования будет являться концептуализация пространственно-экономического феномена территориально-морской прибрежности с позиций диалектического единства экономико-географического и пространственно-экономического аспектов, выражаемых через понятие "талассоаттрактивности".

Объектное сосредоточение фактора "прибрежности" идентифицируется в двух группах территориальных и пространственно-экономических структур: приморские муниципалитеты и специфические формы организации экономического пространства. Исходя из этого, рассмотрение морфологии или совокупного состава территориальных таксонов, находящихся между собой в системной взаимосвязи, определяющей структурно-функциональные особенности и характеристики тех или иных ареалов, зон, регионов, – является неотъемлемым элементом научного познания, а именно, концептуализации сущностно-специфических основ изучаемой объектной совокупности.

Прибрежные территории, "береговые линии", приморские зоны являются чрезвычайно сложным, полиаспектным и многомерным объектом анализа. Они рассматриваются в различных ипостасях: в геоэкономическом плане – как локалитеты, использующие сочетанные условия экономического могущества теллуро– и талассократической природы [6]; в пространственном аспекте – как зоны сверхконцентрированной плотности локализации экономических агентов и развитых инфраструктурных узлов, выполняющих барьерные и контактные функции; в рентно-ресурсно-хозяйственном ключе – как области морехозяйственного освоения и извлечения ресурсных компонент земноводной природы глобального "римленда" (в терминах геополитики А.Г. Дугина) [7]. Кроме того, можно отметить селитебно-размещенческий (рассматривающий прибрежные зоны как локалитеты с максимально-комфортными условиями для ведения жилищного строительства, социальной инфраструктуризации и удовлетворения социально-бытовых и, в широком плане, витальных нужд населения), эколого-природопользовательский (сопряженный с установлением особого режима ресурсо-, недро-, гидро-пользования), туристско-рекреационный и бальнеологический (идентифицирующийся через эксплуатацию соответствующих ресурсных компонентов специфического ресурсного семейства).

Безусловно, прибрежные зоны и муниципальные образования выполняют функции фронтирных территорий, так как зачастую располагаются в примыканиях к международным водам и образуя континуальное погранично-прибрежное пространство, на наш взгляд, требующее своей унификации, концептуализации и институционального закрепления в отдельной доктрине и документах стратегического и программного характера.

В экономико-географическом плане структура прибрежных зон представлена Балтийским, Азово-Черноморским, Каспийским, Тихо-

океанским и Арктическим секторами, она имеет протяженность до 46 тыс. км [8]

В пространственном ключе приморские локалитеты выступают опорными базами морской активности, которая объединяет в себе совокупность специфических видов экономической и хозяйственной деятельности. Дадим их в зонально-секторальной привязке к основным морехозяйственным ареалам (табл. 1).

Таблица 1 – **Секторальная экспликация специфических видов морской активности в Российском едином приморском порубежье (составлено на основе [1; 9; 10])**

Опорные виды морской активности	Сектор	Регионы
Деятельность военно-морских баз	Азово-Черноморский, Каспийский, Тихоокеанский, Арктический	Краснодарский край, Республика Крым и г. Севастополь, Камчатский край, Мурманская область, Республика Дагестан
Шельфовое недроизвлечение	Тихоокеанский, Арктический	Сахалинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ
Рыбопромысловые отрасли (добыча и переработка)	Тихоокеанский, Арктический	Камчатский край, Мурманская область
Транспортно-логистические отрасли инфраструктуры	Балтийский, Азово-Черноморский	Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край
Судоремонтные и судостроительные отрасли	Балтийский	г. Санкт-Петербург
Туризм, рекреация и бальнеология	Азово-Черноморский	Краснодарский край, Республика Крым
Трубопроводная инфраструктура	Азово-Черноморский, Балтийский	Краснодарский край, Ленинградская область
Портовая [1] инфраструктура грузо- и пассажиро-перевозок	Азово-Черноморский, Балтийский, Тихоокеанский, Арктический	Краснодарский край, Ростовская область, Ленинградская область, Сахалинская область, Приморский край, Мурманская область

Проекция центров морской активности на пространственную систему "Центр-периферия" позволяет "подсветить" несколько инерционных тенденций, связанных с пространственно-экономической организацией и развитием единого приморско-приграничного пространства российского порубежья (табл. 2).

Во-первых, насколько релевантно позволяет сделать вывод визуальная картографическая экспресс-оценка локализационной "сетки" центров морской активности, "на поверхности" представляется вывод о чрезвычайной периферизации и провинциализации опорных баз талассоаттрактивности. Так, всего четыре городских агломерационных системы в привязке к городам Краснодар, Махачкала, Ростов-на-Дону и Санкт-Петербург являются крупными (миллионники и суб-миллионники) и крупнейшими (свыше 3 млн чел) муниципальными образованиями, имеющими морскую компоненту в своей экономике [13]. Здесь примечателен факт, что только Махачкала расположена на береговой линии Каспия, тогда как остальные локализованы в речных устьях морских бассейнов.

При этом, общемировой тенденцией является доминантная концентрации порядка 40% населения на узкой 100 километровой прибрежной полосе [12]. Это связано с уникальной комбинацией факторов, обеспечивающих витальные и хозяйственно-экономические потребности населения и связанных с жизненной привлекательностью морского побережья для проживания и инвестиций. Отсюда можно резюмировать, что территориальные инверсии в проявлении фактора талас-

Таблица 2 – **Центр-периферийная (по Д. Фридману) стратификация опорных центров морской активности России (составлено на основе [11; 12])**

Центр	Центры второго порядка	Ближняя периферия	Дальняя периферия
Балтийский сектор			
Санкт-Петербург	Калининград, Усть-Луга	Приморск	Выборг, Высоцк
Азово-Черноморский сектор			
Новороссийск, Сочи, Севастополь	Ростов-на-Дону, Таганрог, Азов, Анапа, Геленджик, Ялта, Туапсе	Евпатория, Тамань Керчь, Феодосия, Кавказ	Темрюк, Ейск, Приморско-Ахтарск
Каспийский сектор			
Махачкала, Астрахань	-	Дербент	Лагань, Оля
Тихоокеанский сектор			
Владивосток	Восточный, Южно-Сахалинск	Петропавловск-Камчатский, Магадан, Находка	Анадырь, Оха, Советская Гавань, Шахтерск, Холмск, Пригородное, Корсаков, Ольга, Посьет
Арктический сектор			
-	Мурманск, Архангельск,	-	Витино, Нарьян-Мар, Варандей, Сабетта, Салехард, Тикси, Дудинка, Игарка

[1] Принимались во внимание порты с грузооборотом свыше 1 млн т за последний отчетный год.

соаттрактивности можно проследить на основе использования критериального параметра плотности населения.

Специалистами в области пространственной экономики и талассоаттрактивности выделяется три мегазоны с плотностью населения выше, чем общероссийский уровень. Это системы расселения и образующие их муниципальные образования Краснодарского края и Приморья (в 1,6 раза), а также Санкт-Петербург и область (в 1,4 раза). Отсюда можно сформулировать тенденцию фрагментации зон талассоаттрактивности, и выделения на этой основе зон талассоцентричности и талассопериферийности (в терминах парадигмы Д. Фридмана) [11-13]. Первые – активно включены в морехозяйственный комплекс, который во-многом является основой экономики. Вторые – являют "островки освоенности" в обширном и крайне безлюдном социоприродно-хозяйственном ландшафте.

В-вторых, критически низкая плотность населения в прибрежных зонах обширных арктического и тихоокеанского секторов национальной прибрежной полосы является существенным рестриктивным фактором для ландшафтного освоения, экономико-хозяйственного обустройства и социально-экономического благоустройства значительных ареалов с потенциальным снижением качества выполнения барьерных и фильтрационных функций.

В-третьих, значительная часть прибрежных территорий локализована в труднодоступных регионах, входящих в группу проблемных субъектов. Эта проблемность консервируется за счет хроникализации тенденций оттока населения, сворачивания инфраструктурных сетей и снижения привлекательности и легкости извлечения элементов природно-рентного благополучия. Нарастает острота проблематики экологических загрязнений и обращения с отходами потребления [14]. При этом основное противоречие в функционировании этих регионов состоит в необходимости их "встраивания" в трансграничные панъевропейские и паназиатские коридоры развития, которые расширят инвестиционные возможности, инфраструктурную обеспеченность и сферу приложения труда, и отсутствие реальных возможностей и механизмов для выполнения этой задачи. Получается "замкнутый круг", блокирующий реализацию потенциала талассоаттрактивности.

В основе талассоаттрактивности лежит явление территориальной смежности материковых и морских пространств [5; 15], которая формирует специфические социально-экономические системы и пространственно-экономические формы организации экономического пространства, позволяющие в максимальной степени раскрывать экономический потенциал прибрежной зоны приморских регионов (рис.).

Рисунок – **Талассоаттрактивность приморского пространства в России**

Экономический потенциад прибрежной зоны приморских регионов обнаруживается в двух ипостасях. Во-первых, как результат эксплуатации суммы факторов акваториально-континентального и природно-хозяйственного характера. Во-вторых, как комплексный эффект от системного взаимодействия с трансграничными акторами при реализации барьерных и контактных функций. Для реализации указанных субпотенциалов необходимо использовать специфические формы организации прибрежного экономического пространства.

Специфические формы организации экономического пространства в границах прибрежных территорий представлены трансакваториальными кластерами трансграничного типа [16]. Наиболее эндемично данная ситуация прослеживается в Российском секторе Причерноморья, где происходит оформление и институционализация межрегионального метакластера туристско-рекреационной и бальнеологической специализации [6], а "коридоры" и "оси" экспансии распространяются в зарубежные зоны метарегиона "Черное-Мраморное-Средиземное море". При этом формирующийся кластер обладает пространствен-

ной фрагментарностью и чертами чересполосицы, следовательно, задача региональной пространственной и, в частности, кластерной политики пространственно-экономических трансформаций макрорегиона Российского Причерноморья нам видится в придании кластерам свойств пространственной неразрывности (континуальности), конституировании (закреплении) их институционального статуса как полноценного и оформившегося пространственно-экономического формирования.

Генерализованная группа трансакваториальных кластеров при подробной экспликации их видового состава может быть "разложена" на совокупность частных, более индивидуализированных, таксонов. Это могут быть кластеры:

– связанные и несвязанные с морской деятельностью;

– локализованные непосредственно на береговой линии и удаленные на различные изолинии транспортной доступности;

– отраслевые и сервисные кластеры;

– локальные, региональные и метарегиональные и т.д.

Их формирование, институциональное оформление и полифункциональное развитие сопряжено с проблемами идентификации протокластерного и кластерного потенциалов, обоснования выбора мест размещения проектных площадок под локализацию отдельных структурных звеньев кластерных образований. Все это должно решаться в рамках специальной кластерной политики развития прибрежных территорий в регионах приморского типа, базирующейся на консенсусе между государством как основным макрорегулятором и экономическими агентами корпоративного и частного секторов [17].

Подводя итог теоретическому рассмотрению содержательно-генетических аспектов типологического понятия "прибрежные территории", отметим, что переосмысление их сложного интеграционного, контактного и барьерного ролевого архетипа должно не только расширить концептуальный базис феноменологии пространственно-экономической талассоаттрактивности, но и получить логическое продолжение в системе институционального и управленческого плана, путем закрепления рассматриваемой категории в документах и программно-целевых разработках комплексного социально-экономического развития на средне– и долгосрочную перспективу.

Литература:

1. Дружинин А.Г. "Морская" составляющая Российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия Географическая. – 2016. – №6. – С. 7-16.

2. Алхименко А.П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс Росси. – СПб.: РГО, 2005. – С. 5-23.

3. Дружинин А.Г. "Приморский фактор" в локализации населения Юга России: подходы к идентификации // Научная мысль Кавказа. – 2015. – №3. – С. 74-81.

4. Стратегия национальной безопасности РФ. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 года №400. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046. (дата обращения: 09.01.2023).

5. Дружинин А.Г. "Морская составляющая" общественной географии современной России: базовые подходы и концепты // Географический вестник = Geographical bulletin. – 2020. – №2(53). – С. 24-37. doi 10.17072/2079-7877-2020-2-24-37

6. Кротова М.А. Управление пространственно-экономическими трансформациями приморского региона на основе гармонизации программного и проектного подходов: автореф. …к.э.н. – Белгород: НИУ БелГУ, 2021. – 27 с.

7. Дугин А.Г. Основы геополитики: монография. – М.: Арктогея, 2000. – 928 с.

8. Кисловский В. О морской границе // Морской сборник. – 2009. – Т. 9. – №3. – С. 30-32.

9. Дружинин А.Г. Приморская зона России как общественно-географический феномен: подходы к концептуализации и делимитации // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8. №2. – С. 86-100.

10. Дружинин А.Г. Опорные базы морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12. №3. – С. 89-104.

11. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность и её инверсия в современной России. Современные проблемы управления природными ресурсами и развитием социально-экономических систем: материалы XII международной научной конференции: в 4 частях. Том 1. – М.: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2016. – С. 46-53.

12. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9. №2. – С. 28-43.

13. Дружинин А.Г. Приморские муниципалитеты России: концептуализация, идентификация, типологизация // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6. – Вып. 2. – С. 20-35.

14. Костюкова Е.И. Совершенствование механизма обращения с отходами потребления: организационно-финансовый аспект / Е.И. Костюкова, М.Ю. Казаков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. Т.8. – №3. – С. 25-28.

15. Дружинин А.Г. Экономический потенциал приморской зоны: понятийно-категориальные основы концепции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2004. – №4. – С. 54-60.

16. Дружинин А.Г. Трансграничные кластеры приморских зонах Европейской части России: инвен-

таризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития / А.Г. Дружинин, В.В. Горочная, Н.В. Гонтарь и др. // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9. – №4. – С. 29-44.

17. Казаков М.Ю. Барьеры в…коридорах власти особенности взаимодействия бизнеса и власти на современном этапе // Российское предпринимательство. – 2008. – №2-1. – С. 34-41.

ASPECTS OF ON-FARM ACCOUNTING AND ANALYTICAL SUPPORT OF LIABILITY MANAGEMENT

Malakhova Yuliya Vladimirovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Badeeva Elena Alexandrovna, *DSc of Technical sciences, Professor*

Sazonova Irina Vladimirovna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Penza State University, Penza

The purpose of the study *is to study and evaluate the system of accounting and analytical support for liability management in organizations of small, medium and large businesses with the definition of further directions for its development.* ***As a result,*** *the methodology for budgeting liabilities was substantiated and an algorithm was proposed for implementing the budget process in terms of accounts payable, as well as an integral indicator that reflects the effectiveness of liability management - the profitability of liabilities. The proposed methodological methods for accounting and analyzing debt obligations will make it possible to track the composition and structure of borrowings of an economic entity, determine indicators that characterize the impact of changes in debt obligations on the financial position, creditworthiness and liquidity of an enterprise, and contribute to the development of timely decisions to maintain a positive dynamics of the main criteria for its development. The introduction of recommendations in the practice of accounting and analysis of debt obligations will increase the complexity and systematic nature of accounting and analytical information.*

Keywords: *business entity; debt; obligation; accounting and analytical support system; management; accounting; management accounting; budgeting; analysis*

EDN: BDBICF **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.11**

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ

УДК 336.145
ВАК РФ 5.2.4

Цель исследования *– изучение и оценка системы учетно-аналитического обеспечения управления обязательствами в организациях малого, среднего и крупного бизнеса с определением дальнейших направлений ее развития.* ***В результате*** *обоснована методика бюджетирования обязательств и предложен алгоритм реализации бюджетного процесса в части кредиторской задолженности, а также интегральный показатель, отражающий эффективность управления обязательствами - рентабельность обязательств. Предлагаемые методические приемы учета и анализа долговых обязательств позволят отслеживать состав и структуру заимствований хозяйствующего субъекта, определять показатели, характеризующие влияние изменения долговых обязательств на финансовое положение, кредитоспособность и ликвидность предприятия, и способствовать выработке своевременных решений для сохранения положительной динамики основных критериев его развития. Внедрение рекомендаций в практике учета и анализа долговых обязательств позволит повысить комплексность и систематичность учетно-аналитической информации.*

Ключевые слова: *хозяйствующий субъект; задолженность; обязательство; система учетно-аналитического обеспечения; управление; бухгалтерский учет; управленческий учет; бюджетирование; анализ.*

© Малахова Ю.В., 2023
© Бадеева Е.А., 2023
© Сазонова И.В., 2023

МАЛАХОВА Юлия Владимировна, *кандидат экономических наук, доцент*

БАДЕЕВА Елена Александровна, *доктор технических наук, профессор*

САЗОНОВА Ирина Владимировна, *кандидат экономических наук, доцент*

Пензенский государственный университет, Пенза

Введение

Хозяйствующие субъекты различных организационно-правовых форм при осуществлении своей деятельности заключают договора в рамках гражданского законодательства на выполнение обязательств, к которым относятся своевременная оплата денежных средств в пользу того или иного физического или юридического лица. Заключение договора на поставку сырья и материалов, оказание различного рода услуг или выполнения работ является необхо-

димым условием для осуществления деятельности.

Обеспечение своевременности погашения обязательств, с целью предотвращения возникновения просроченной задолженности, является важной задачей управления жизнедеятельностью хозяйствующего субъекта в целом, что обуславливает актуальность исследования. Оптимальная система учетно-аналитического обеспечения управления обязательствами позволяет правильно оценить их структуру и отражать на счетах бухгалтерского учета, а формирование систем учетно-аналитического обеспечения дает больше возможности для интеграции предприятий в условия рынка. Для организаций, использующих в своей деятельности высокотехнологичные автоматизированные процессы, внедрение учетных методик и систем в большей степени является неотъемлемым условием эффективного использования бухгалтерской и управленческой информации.

Понятие "Обязательств" заложено в ст. 306 Гражданского кодекса РФ: один хозяйствующий субъект (юридическое или физическое лицо) обязан в пользу другого субъекта совершить определенные действия, к которым можно отнести: передачу имущества, выполнение заявленных работ, оказание необходимых услуг, внесение вклада в уставный капитал при совместной деятельности, уплату денежных средств или оплата их эквивалентами [5].

Обязательства являются неотъемлемой частью хозяйственной деятельности, а их использование значительно упрощает процесс расчетов между контрагентами и служит фактором развития организации. Например, получение банковского кредита приводит к увеличению, но позволяет расширить масштабы деятельности хозяйствующего субъекта. С другой стороны, с финансовой точки зрения, обязательства несут угрозу возникновения неплатежеспособности.

Неплатежеспособность согласно закону "О несостоятельности (банкротстве)", – это прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. При неблагоприятном развитии неплатежеспособность может стать причиной банкротства организации. Таким образом, привлекая заемные источники финансирования для обеспечения развития своей деятельности, хозяйствующий субъект должен постоянно оценивать финансовые риски, связанные с возникновением обязательств [10].

Основной характеристикой обязательства является тот момент, при котором у одного лица происходит списание денежных средств на обмен другого объекта учета. Например, организация оплачивает поставщику материалы. Такое обстоятельство отличает обязательства (пассивы) юридических лиц от их другой стороны – активов. И с другой стороны, это может выглядеть как приток денежных средств в обмен на свое обязательство.

Рисунок 1 – **Динамика кредиторской и дебиторской задолженности в Российской Федерации**

В целом по Российской Федерации по данным Росстата для организаций крупного и среднего бизнеса отмечается рост кредиторской задолженности. Так, в 2020 г. по сравнению с 2019 годом размер кредиторской задолженности вырос на 21%. При этом, задолженность перед поставщиками выросла на 16%, по платежам в бюджет и внебюджетные фонды – на 7% [3]. Размер кредиторской задолженности в 2020 году составил 64073 млрд руб. Из нее просроченная кредиторская задолженность составила 3967 млрд руб., то есть около 6%. В составе кредиторской задолженности почти половину составляет задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками (28771 млрд руб.). Данные представлены в совокуп-

ности по предприятиям крупного и среднего бизнеса [8]. Размер дебиторской задолженности составил за 2020 год 61156 млрд руб., в том числе задолженность покупателей и заказчиков – 26600 млрд руб. Динамика кредиторской и дебиторской задолженности представлена на рисунке 1 (см.: выше) [1; 6; 7; 8].

Динамика роста обязательств обуславливает необходимость применения комплекса мероприятий по их снижению.

Материал и методика

Управление обязательствами, как и любой другой процесс управления, включает реализацию определенных функций. Выделяют следующие основные функции управления: планирование; организация; мотивация; контроль. Функция планирования занимает центральное место в системе управления и заключается в регламентации деятельности организации, определении наиболее приемлемого состояния хозяйствующего субъекта в будущем [2, 3, 4, 9].

Реализация функции планирования требует наличия огромного массива исходных данных. Формирование такого массива данных осуществляется в системе управленческого учета, а наиболее часто используемым для этого инструментом выступает бюджетирование.

Бюджетирование – это одна из составляющих системы финансового управления, включающая в себя процесс составления, принятия бюджетов и последующий контроль за их исполнением. Проблемой бюджетирования обязательств организации является большое количество объектов, в которых содержится информация об обязательствах (рис. 2).

В частности, основой прогнозирования обязательств выступает их фактическая величина на начало бюджетного периода, которая определяется по данным бухгалтерского учета.

Данные о возникновении (начислении обязательств) формируются в рамках операционных и основных бюджетов при планировании поступления материально-производственных запасов, товаров, работ, услуг в организацию, начисления оплаты труда, налогов и др.

Погашение обязательств отражается в бюджете движения денежных средств (БДДС), а величина обязательств на конец бюджетного периода определяется в расчетном балансе (РБ).

Как следует из приведенной схемы, информация о динамике обязательств распределена по большому количеству бюджетов, а данные о величине обязательств компании можно определить только на дату окончания бюджетного периода – в расчетном балансе. Это существенно затрудняет контроль за возникновением обязательств компании и принятие управленческих решений, связанных с их погашением. Таким образом, существует потребность в консолидации информации о динамике и величине обязательств компании в бюджетном периоде.

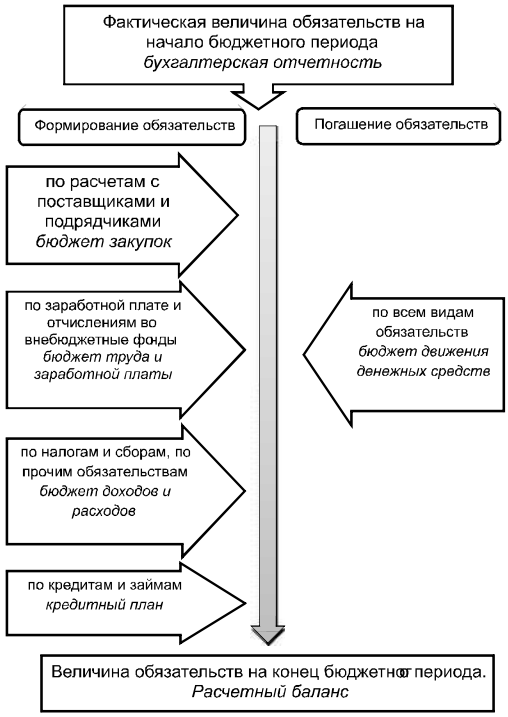


Рисунок 2 – **Источники информации об обязательствах в системе бюджетирования (составлено авторами в ходе исследования)**

Результаты

Среди основных направлений по совершенствованию учетно-аналитического обеспечения управления обязательствами в организациях можно выделить следующие:

– для субъектов крупного бизнеса необходимо применение в практике учета обязательств элементов МСФО;

– для предприятий среднего и малого бизнеса рекомендуется совершенствование системы управленческого учета в части бюджетирования обязательств;

– реализация методических приемов учета и анализа долговых обязательств, которая позволит отслеживать состав и структуру заимствований организации. Такие приемы могут быть использованы как крупным и средним бизнесом, так и субъектами малого бизнеса.

Такая консолидация возможна с использованием специального бюджета – бюджета обязательств. В рамках исследования предложен

формат бюджета обязательств, представленный в таблице 1.

Таблица 1 – **Предлагаемый формат бюджета обязательств, тыс. руб.**

Показатель	январь	февраль	март	I кв.	июнь	и т.д.
Обязательств на начало периода, всего	$k1_i$	$k1_i$	$k1_i$	$k1_1$	$k1_i$	…
Формирование обязательств за период, всего	X_i	X_i	X_i	X_n	X_i	…
в т.ч. перед поставщиками и подрядчиками	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
перед покупателями и заказчиками (авансы полученные)	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
перед персоналом	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
перед внебюджетными фондами	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
перед бюджетом по налогам и сборам	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
в форме кредитов и займов	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
прочие обязательства	x_{ij}	x_{ij}	x_{ij}	X_{nj}	x_{ij}	…
Погашение обязательств за период, всего	Y_i	Y_i	Y_i	Y_n	Y_i	…
Обязательства на конец периода	$K2_i$	$K2_i$	$K2_I$	$K2_3$	$K2_i$	…

где i – номер минимального бюджетного периода, минимальный бюджетный период принят равным месяцу;

j – вид обязательства (например, перед поставщиками и подрядчиками);

$K1_i$ – величина обязательств на начало каждого i-го периода;

$K2_i$ – величина обязательств на конец каждого i-го периода.

Действует правило:

$K1_i = K2_i - 1$, то есть остаток обязательств на начало периода равен остатку обязательств на конец предыдущего периода. Для первого периода (i = 1) размер обязательств определяется по данным учета.

Величина обязательств на конец периода определяется как остаток обязательств на начало периода в сумме с величиной возникших обязательств и за вычетом величины погашенных обязательств.

$$K_{2i} = K1_i + X_i - Y_i. \qquad (1)$$

x_{ij} – размер *j*-го обязательства, формируемого в i-ом периоде;

X_i – суммарный объем сформированных за период обязательств.

При этом $X_i = \sum x_{ij}$

Y_i – сумма обязательств, подлежащих погашению в i-ом периоде.

Формат бюджета предусматривает определение итоговых сумм за каждый квартал (или нарастающим итогом за I квартал, полугодие 9 и 12 месяцев).

n – порядковый номер квартала.

Величина возникновения отдельных видов обязательств (x_{ij}) определяется, как отмечалось выше, на основе данных соответствующих операционных бюджетов и соответствует начисляемым расходам организации. Поскольку согласно допущению временной определенности фактов хозяйственной жизни момент начисления расходов может не совпадать с моментом их оплаты, возникает временной лаг между временем возникновения обязательства и временем погашения. Если эти моменты времени находятся в различных месяцах бюджетного периода, возникает отклонение суммы возникших и погашенных обязательств.

Сумма погашенных обязательств определяется на основе величины возникших обязательств. Для этого необходимо определить, какая часть начисленных обязательств за месяц будет погашена в этом же месяце, а какая в последующих периодах и в каком именно периоде. Определить это можно на основе анализа фактической динамики погашения обязательств и экстраполировав эту динамику в будущее.

Рассмотрим, как данная методика может быть реализована на практике. В качестве примера возьмем обязательства по оплате труда. Заработная плата в организации начисляется в конце каждого месяца и выплачивается дважды в месяц, в результате часть начисленной заработной платы не образует обязательств (в сумме оплаты труда за первую половину месяца), а часть приводит к возникновению кредиторской задолженности, погашаемой в начале следующего месяца.

Для удобства расчетов, возникающих / погашаемых обязательств, предлагается использовать таблицу шахматной формы, в которой по горизонтали будут отражаться данные по начисленной заработной плате, а по вертикали – данные по выплаченной заработной плате. Пример такого графика представлен в таблице 2. Итоговая сумма по графам таблицы будет показывать погашение обязательств, по строкам – возникновение обязательств. Разность между значениями столбцов и строк за каждый месяц отражает динамику обязательств по оплате труда (уменьшение / увеличение).

График показывает, что объем возникающих обязательств в каждом месяце превышает объем погашаемых обязательств. Это связано с заложенным в бюджет увеличением ФОТ и указывает на необходимость дополнительного инвестирования в оборотные активы организации в бюджетном периоде.

Расчетом бюджета обязательств процесс управления обязательствами в организации не ограничивается. Бюджетирование предполагает утверждение, согласование полученных показателей, а также дальнейший учет фактических значений обязательств, контроль исполнения бюджетов и корректировку бюджетов на последующие периоды.

Таблица 2 – **Формат план-графика погашения обязательств по оплате труда (в тыс. руб.)**

месяц выплаты / месяц начисления	начислено, всего	январь	февраль	март	апрель	май	июнь
декабрь (остаток обязательств)	546,0	546,0					
январь	1 671,8	983,8	688,0				
февраль	1 688,5		993,6	694,9			
март	1 705,4			1 003,6	701,8		
апрель	1 722,4				1 013,6	708,8	
май	1 739,7					1 023,7	715,9
июнь	1 757,1						1 034,0
Погашено, всего	x	1 529,8	1 681,6	1 698,4	1 715,4	1 732,6	1 749,9

Предлагаемый алгоритм бюджетного подпроцесса в рамках процесса управленческого учета обязательств показан на рисунке 3.

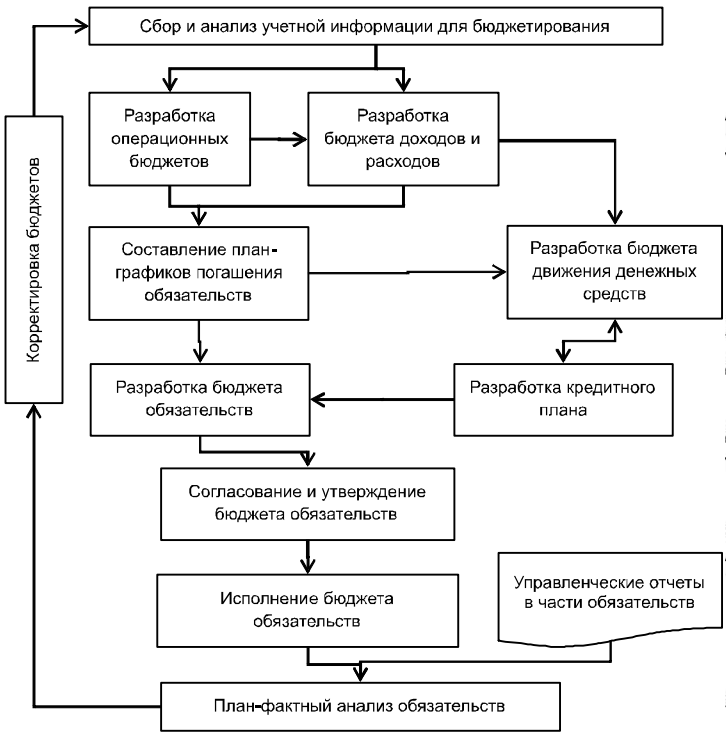


Рисунок 3 – **Алгоритм подпроцесса бюджетирования в рамках процесса управленческого учета обязательств**

На первом этапе необходимо собрать и проанализировать учетную информацию, необходимую для расчета бюджетов. Примером такого процесса можно считать определение доли обязательств, погашаемых в разные периоды времени.

На втором этапе рассчитываются показатели операционных и основных бюджетов. На основе информации о начисленных затратах и фактических долях погашения обязательств в разные периоды времени составляются план-графики погашения обязательств. Разработанные план-графики могут служить источниками исходной информации для бюджета движения денежных средств (в его расходной части). Одновременно с расчетом БДДС определяется потребность во внешнем финансировании деятельности организации и составляется кредитный план.

На третьем этапе составляется бюджет обязательств. Как уже отмечалось выше, исходные данные для бюджета берутся из операционных бюджетов, бюджета движения денежных средств. Расчетного баланса и планов-графиков.

На следующем этапе бюджет согласовывается со всеми заинтересованными лицами и утверждается.

Утвержденный бюджет служит источником информации при принятии управленческих решений. Например, информация бюджета может использоваться при составлении платежных календарей, при мониторинге платежеспособности организации, разработке лимитов по отдельным видам обязательств и др.

По окончании бюджетного периода (части бюджетного периода) в системе управленческого учета формируются отчеты о фактической величине обязательств. Далее данные бюджетов сравниваются с фактическими, выявляются отклонения и устанавливаются причины данных отклонений. Результаты план-факторного анализа также могут выступать базой для принятия управленческих решений.

В случае существенных изменений в условиях хозяйствования бюджет обязательств может быть скорректирован. Для корректировки бюджета реализуются те же этапы, что и при его составлении.

Большой объем обрабатываемых данных в процессе составления и анализа исполнения

бюджетов предопределяет необходимость автоматизации бюджетирования. Традиционным инструментом автоматизации бюджетирования в небольших организациях выступает табличный редактор Microsoft Excel. Среди основных преимуществ применения этого инструмента можно указать простоту использования, наличие необходимых навыков использования у персонала, широкие возможности по использованию, формул, ссылок и макросов. Таким образом, для небольших организаций можно рекомендовать использование для автоматизации бюджетирования именно Microsoft Excel.

Вместе с тем, данный инструмент характеризуется и рядом ограничений, в частности:

– невозможность работы в многопользовательском режиме;

– отсутствие разграничения ролей и функций пользователя, ограничений в доступе пользователей к конфиденциальной информации;

– сложности в интеграции Microsoft Excel в учетную систему организации, в частности отсутствие автоматического обмена данными с программными продуктами 1С.

Подобные ограничения предопределяют необходимость использования в крупных организациях специализированных программных продуктов автоматизации бюджетирования. В частности, это может быть блок бюджетирования программного продукта 1С: ERP или такие программные продукты, как "Бит.Финанс".

В частности, последний продукт позволяет осуществлять планирование обязательств в разрезе не только отдельного контрагента, но и по каждому договору в отдельности, а также группировать обязательства по иным аналитическим признакам: срокам, направлениям деятельности, проектам, способам погашения и т.д. Это существенно повышает ценность получаемой в итоге управленческой информации.

В системе учетно-аналитического обеспечения управления обязательствами важное место занимает система учета и анализа фактической информации. Одной из проблем здесь выступает недостаточная детализация получаемой информации. Особенно данная проблема характерна для небольших хозяйствующих субъектов с недостаточным развитием управленческого учета.

Предлагаемая модель позволит не только оценить рентабельность использования заемных средств, но и установить влияние факторов, выражающих финансовое состояние организации и ее деловую активность. На основании полученных результатов на управленческом уровне можно будет принимать решения, способствующие повышению финансовой устойчивости организации и ее кредитоспособности.

Таким образом, использование предлагаемых методических приемов учета и анализа долговых обязательств в практической деятельности хозяйствующих субъектов позволит отслеживать не только состав и структуру заимствований компании, но и дать реальную оценку показателям, характеризующим влияние изменения долговых обязательств на финансовое положение, кредитоспособность и ликвидность компании.

Литература:

1. Адаменко А.А. Проведение анализа дебиторской и кредиторской задолженности на основе данных отчетности организации / А.А. Адаменко, Т.В. Небавская, В.Н. Квочкин // Вестник Академии знаний. – 2020. – №3 (38). – С. 27-31.
2. Аксенова Ж.А. Особенности формирования учетно-аналитической системы управления предприятием для обеспечения его финансовой устойчивости / Ж.А. Аксенова, О.В. Ищенко, В.В. Салий // ЕГИ. – 2021. – №2 (34). – С. 264-271.
3. Белоусова Е.А. Проблемы построения эффективной системы учетно – аналитического обеспечения управления производством продукции организации / Е.А. Белоусова, Е.А. Бадеева // Управление. Экономический анализ. Финансы: сб. науч. тр. / под общ. ред. И. Р. Кощегуловой; Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: РИК УГАТУ, 2020. – 215 с. – С 6-11.
4. Белоусова Е.А. Учетно-аналитическое обеспечение производства продукции / Е.А. Белоусова, Е.А. Бадеева, Ю.В. Малахова // Общество. Наука. Инновации (НПК-2021): сб. ст. XXI Всероссийской научно-практической конференции. В 2 т. Киров, 2021. – С. 777-784.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. 12.05.2020) // СПС "Консультант Плюс". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.11.2022).
6. Колбасина Е.И. Сущность анализа дебиторской и кредиторской задолженностей / Е.И. Колбасина // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2018. – № 4. -С. 12-14.
7. Малахова Ю.В. Учет вознаграждений работникам: формирование и раскрытие информации / Ю.В. Малахова, Е.А. Бадеева // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 236-240.
8. Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 29.11.2022).
9. Оборин М.С. Учетно-аналитическое обеспечение управления деятельностью предприятий / М.С. Оборин, А.А. Гудков // Вестник ЗабГУ. – 2019. – №4. – С. 102-115.
10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" // СПС "Консультант Плюс". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 29.11.2022).

THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF THE MODERN DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA: THE SHORTAGE OF MANAGERS WITH DIGITAL COMPETENCIES

Parfenov Arseniy Andreevich, *PhD of Judicial sciences, Director of the Research Center for Expertise and Language Testing, Pskov State University, Pskov*

The purpose of the study *is to analyze the educational programs of bachelor's, specialist's and master's programs of Russian universities for training managers to work in the digital economy, their content, future competencies of students, and the structure of the curriculum based on open data.* ***The scientific novelty*** *lies in the systematization of data on the number, content and structure of modern educational university programs for training personnel for the digital economy and training managers to manage future specialists in the digital sphere.* ***As a result,*** *more than 111 bachelor's, specialist's and master's programs were identified in the Russian Federation, aimed at training personnel for the digital economy, a significant proportion of them are aimed at training management personnel. The analytical database included materials from current research, data from job search portals and university websites.*

Keywords: *digital economy; digital transformation; personnel; control; preparation; digitalization; undergraduate*

EDN: BUBTIN **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.12**

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ДЕФИЦИТ МЕНЕДЖЕРОВ С ЦИФРОВЫМИ КОМПЕТЕНЦИЯМИ

УДК 378.1:330.101
ВАК РФ 5.2.6

© Парфенов А.А., 2023

Цель исследования *– провести анализ образовательных программ бакалавриата, специалитета и магистратуры вузов России по подготовке менеджеров для работы в условиях цифровой экономики, их содержания, будущих компетенций обучающихся, структуры учебного плана на основе открытых данных.* ***Научная новизна*** *заключается в систематизации данных о количестве, содержании и структуре современных образовательных вузовских программ по подготовке кадров для цифровой экономики и обучению менеджеров для управления будущими специалистами в цифровой сфере.* ***В результате*** *выявлены более 111 программ бакалавриата, специалитета и магистратуры в РФ, направленных на подготовку кадров для цифровой экономики, значительная доля из них нацелена на подготовку управленческих кадров. Аналитическая база включила материалы актуальных исследований, данные порталов по поиску работы и сайтов вузов.*

Ключевые слова: *цифровая экономика; цифровая трансформация; кадры; управление; подготовка; цифровизация; бакалавриат.*

Введение

Постановка проблемы. Дж. Нейсбит вслед за другими футурологами своего времени и более ранних периодов называл цифровизацию мегатрендом развития экономики, которому сопутствуют кибернетические управленческие механизмы и методы, инструменты анализа больших данных, а также искусственный интеллект [1]. Можно констатировать тот факт, что обобщенно цифровизация представляет собой совокупность разнообразных организационно-технологических процессов широкого использования новейших цифровых технологий в организации, производстве и управлении, что влечёт за собой минимизацию издержек и увеличение скорости протекания бизнес-процессов [2]. Так или иначе, она охватывает все сферы нашей жизни. Сейчас можно говорить о тотально цифровизированном обществе, с присущими ему преимуществами (повышение эффективности труда, удобство выполнения бытовых и трудовых функций, более эффективное и быстрое решение многих человеческим проблем, расширяющиеся возможности образования и самообразования, поддержка социально уязвимых слоев населения, активная трудовая и географическая мобильность и коммуникация и пр.).

Недостатками цифровизации являются психологические барьеры многих людей при возрастающей скорости изменения мира (об

ПАРФЕНОВ Арсений Андреевич, *кандидат юридических наук, директор научно-исследовательского центра экспертиз и языкового тестирования, Псковский государственный университет, Псков*
ORCID: 0000-0003-1171-9208

этом говорил еще Э. Тоффлер в "Третьей волне"): более частая смена работы, профессии, компетенций, места жительства, семейных и личных связей дорого обходится современному человеку в адаптационном плане, вызывает стрессы (болезнь XXI века), развитие искусственных потребностей глобализированного общества потребления, разрушает культурные и исторические основы. Другим недостатком цифровизации является проблема анонимизации персональных данных, все в больше степени используемых современными системами поддержки принятия решений на фоне развития Data Science, Big Data, искусственного интеллекта. Это способствует созданию масштабных систем управления человеческим выбором, в т.ч. (а может и прежде всего) экономическим, возможности разрастания тоталитарных политических режимов и активизации террористической деятельности.

Однако следует признать, что цифровизация общества и экономики – объективная часть современной действительности. Данный феномен не является сам по себе ни положительным, ни отрицательным, он просто существует как объективная реальность, к которой необходимо адаптироваться – максимально полно использовать преимущества и стараться нивелировать недостатки. В экономическом отношении цифровизация создает огромный потенциал повышения производительности труда, удовлетворения материальных потребностей человека за счет создания более качественных товаров и услуг, современных рабочих мест, улучшение условий труда. Следовательно, по большинству критериев цифровизация создает прогресс, т.к. увеличивает степень человеческой свободы, способствует повышению качества жизни.

Тотальная цифровизация всех областей жизни человека создает цифровую экономику, основанную на приоритетном значении человека в процессе создания, контроля индивидуального контента, превращения информации в средство труда в производственной сфере, разработки и развития сетевой структуры коммуникаций хозяйствующих субъектов; восприятия искусственного интеллекта в качестве неограниченной комбинаторики производственных отношений и средств производства; формирования объединённых цифровых платформ в виде фундамента дальнейшего процесса преобразования бизнеса [2; 3]. Всемирный банк, в свою очередь, определяет цифровую экономику как совокупность социальных, культурных и экономических отношений, в основе которых заложено применение информационно-коммуникационных технологий. Эксперты утверждают, что цифровизация экономики России может способствовать увеличению ВВП страны к 2025 г. на 4,1-8,9 трлн руб., что составит от 19 до 34 % общего ожидаемого роста ВВП [1].

Отметим ряд тенденций, появившихся в управлении бизнесом, в связи с развитием цифровой экономики и информационных технологий в целом [4]:

1. Формирование новых бизнес-моделей (в первую очередь, виртуальной экономики, электронной коммерции).

2. Трансформация форм конкуренции (на первый план выходит скорость изменений, что разрушает сложившиеся громоздкие индустриальные системы).

3. Возрастающее значение своевременной точной информации как ключевого фактора производства, конкурентного преимущества (требует скоростного развития существующих информационных систем).

4. Формирование мультифункциональных информационных систем локального уровня на базе передового программного и компьютерного обеспечения.

5. Транснационализация предприятий (как следствие, еще большая востребованность информационных систем).

6. Укорочение горизонта планирования до нескольких месяцев, увеличение числа корректировок стратегических целей.

7. Рост доли информационных отраслей в структуре экономики (укрупнение баз данных, появление новых способов генерации и распространения информации, коммуникаций между пользователями средствами коллективной, в т.ч. удаленной работы).

8. Интеграция всех бизнес-функций в единую комплексную модель в рамках мультифункциональной информационной системы (требует понимания менеджерами возможностей указанных систем, навыков обращения с ними и совершенствования их функционала).

Одним из наиболее явных признаков перехода к цифровой экономике является развитие интернет-предпринимательства. Так, за 2020 год доля российского интернет-бизнеса в

---

[1] ВВП подрастет на цифре. Эксперты оценили перспективы развития экономики // РБК. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2017/07/06/595cbefa9a7947374ff375d4 (дата обращения 15.04.2021)

общем обороте розничной торговли составила 10,9%, а весь оборот от онлайн-торговли – 1,6 трлн руб. За первое полугодие 2020 года объем всего рынка розничной торговли в Росстат оценивал в 15,2 трлн руб. Объем рынка интернет-торговли в России за 2021 г. вырос на 52% и составил 4,1 трлн руб., следует из отчета Data Insight. Число заказов выросло более чем в два раза – до 1,7 млрд, средняя цена одной покупки в магазине снизилась на 26% – до 2400 руб. Также в России активно развивается рынок розничного онлайн-экспорта (увеличился на 31% в 2021 году). По данным от Data Insight, количество заказов на экспорт от российских онлайн-предпринимателей выросло. В 2021 году количество таких посылок повысилось на 86%, что стало рекордом и составило 50,9 млн отправлений.

Развитие интернет-предпринимательства в России происходит в несколько этапов: расширение ассортимента продукции, выход на новые регионы для охвата большей потребительской базы, а также открытие или увеличение пунктов доставки, выход магазинов с качественным товаром в информационную сеть. По данным от Data Insight рост Интернет-коммерции до пандемии к 2024 году мог составить 5,6 трлн рублей, однако после пандемии эта цифра изменилась и ожидание оборота все в том же 2024 году теперь составляет 7,2 трлн рублей.

Можно выделить следующие преимущества интернет-предпринимательства: легко стартовать (можно начать бизнес с аккаунта в ВКонтакте или собрать посадочную страницу в конструкторе), легко масштабироваться (найти покупателей в других городах), легко совмещать (почти все процессы можно контролировать онлайн, в любом месте нахождения и в любое время, CRM-система позволит объединить финансовый и складской учеты, инструменты маркетинга и коммуникаций). К недостаткам интернет-предпринимательства можно отнести технические и юридические риски.

Основные причины банкротства интернет-компаний так или иначе связаны с недостатком цифровых компетенций работников: дефицитом знаний о современных цифровых продуктах, конкурентах, низкой квалификации сотрудников, слабым маркетингом, высоким риском мошенничества, отсутствием опыта.

Под цифровой трансформацией понимается реализация цифровых технологий в различные секторы производства и продаж с целью создания крепких взаимосвязей между субъектами экономической системы. Цифровизация оказывает влияние как на стратегическое позиционирование и отраслевые структуры, так и на все уровни организации бизнеса. Ожидаемые от цифровой трансформации изменения способствуют радикальным изменениям в бизнес-процессах и моделях компаний, вследствие чего происходит, с одной стороны, ускорение процессов, а с другой – рост качества продукции и снижение затрат [5; 6; 7].

Сотрудники бизнес-школы Сколково утверждают, что эффективная цифровая трансформация бизнеса обеспечивается за счет успешного реформирования текущих бизнес-процессов на пути к их "бесшовности", развития в рамках интеллектуального управления. Как результат, происходит автоматическое управление на базе сквозного цифрового сигнала взамен числового планирования с помощью информационно-коммуникационных технологий.

Если спуститься на уровень организации, то цифровая трансформация определяется переходом от классического подразделения информационных технологий, главной задачей которой являлось решение конкретных задач, а деятельность зачастую оказывалась формализованной и дорогостоящей, к открытым системам, ориентированным на человека, которые, в свою очередь, оказываются более неформальными, эмпатийными и доступными в материальном плане. Как следствие, технологии информационного и цифрового характера больше не являются внутренними ресурсами организации, а переходят в разряд факторов формирования новых рынков, новых бизнес-моделей. В результате трансформация бизнес-процессов и бизнес-моделей в условиях цифровизации определяется усложнением экономики и необходимостью более плотной коммуникации всех стадий и звеньев производственного процесса, более тщательного учета потребностей потребителей [8].

За счёт развития традиционных бизнес моделей, с одной стороны, а также внедрения цифровых бизнес-моделей, с другой стороны, цифровизация экономики приводит к изменению процесса функционирования целых отраслей и, вместе с тем, изменению облика отдельных фирм [9]. Например, в коммерческой отрасли угрозу традиционным ритейлерам представляют Alibaba, Netflix Amazon; в телекоммуникационном секторе экономики появилась возможность совершения бесплатных звонков и отправки сообщение (Viber, Zoom, WhatsApp); в сфере онлайн-рекламы на основе BigData лидируют Яндекс.Директ и Google.Adwords.

По данным РБК, в марте 2021 наиболее цифровизированы в России оказались компании из сферы b2c, имеющие дело напрямую с потребителями напрямую – во многом, благодаря прогрессу информатизации логистических систем [2]. По сравнению с ними b2b-компании переходят в цифровую среду более низкими темпами. Среди них набольший уровень цифровизации наблюдается в банковском секторе (это связано с высокой долей онлайна в бизнесе); торговле (сохраняется потенциал дальнейшей цифровизации процессов, например, в онлайн могут быть переведены сложные цепочки поставок торговых организаций); телекоммуникационной отрасли (в основном за счет онлайн аналитики, необходимой данному сектору ввиду огромного числа пользователей). На среднем уровне цифровизации оказалась отрасль автомобилестроения, что может быть обосновано наличием в данном секторе достаточно большого количества филиалов международных компаний, в которых достигнут высокий уровень цифровой трансформации. С проблемами в адаптации к цифровой реальности в частности сталкиваются топливно-энергетический комплекс (прежде всего из-за высоких барьеров входа в отрасль и, как следствие, нехватки, частной инициативы), металлургия (требует больших объёмов капиталовложений на фоне систематических кризисов), здравоохранение (цифровизацию компаний замедляет консервативность нормативной базы) и машиностроение (цифровое отставание определяется низкой конкуренцией и требованиями заказчика, чаще всего в лице государства) [10; 11]. Таким образом, чем сложнее и регламентированнее отрасль, тем медленнее в ней развивается применение цифровых технологий. Это очевидно имеет смысл – например, записаться к врачу можно онлайн, но без личного контакта с пациентом постановка правильного диагноза и лечение невозможны.

Тем не менее, цифровизация в той или иной степени охватывает все отрасли экономики, что подтверждается многими исследованиями, при этом данная тенденция будет нарастать [12; 13; 14]. По данным исследований показателей финансовой эффективности ряда компаний, проведённых международным аналитическим агентством Forrester, большая часть выручки этих фирм находится в прямой зависимости от применения цифровых технологий, что ещё раз доказывает значимость технологий в процессе цифровой трансформации. Результатом внедрения новых технологий является способность к быстрой адаптации в постоянно меняющихся условиях, возможность проведения экспериментов, умение держать удар [15].

В процессе перехода к цифровой трансформации нельзя забывать и о человеческом факторе, так как большая часть сотрудников компаний медленно адаптируются в развивающемся мире технологий, соответственно, долго и настороженно овладевают новыми компетенциями и навыками, что, в свою очередь тормозит деятельность фирм в целом [16; 17]. Данный факт подтверждается результатами социологического исследования Национального агентства финансовых исследований, которое констатирует средний уровень владения цифровыми технологиями [18]. Это связано с инерционными процесса в организации, сопротивлением изменениями, проблемами с финансированием новых инновационных продуктов или недостаточной обоснованностью их эффективности, борьбе профсоюзов с инновациями в связи с тем, что зачастую это грозит потерей рабочих мест, современными вызовами политического и эпидемиологического характера.

Переориентации на цифровые технологии предприятия должен предшествовать анализ уже существующих бизнес-процессов, определение необходимого уровня, порога цифровизации, разработка общей логики, последовательности внедрения ИТ-новшеств, определение ключевых задач цифровизации. Требуются, прежде всего, систематизированные и качественные знания именно потому, что 80% времени деятельности фирм занимает анализ, верификация, оцифровка и подготовка данных, а на дальнейшую их переработку уходит лишь 20% усилий. Указанные функции вменяются в задачи современного менеджера в условиях цифровой экономики, который должен обладать необходимыми для этого компетенциями.

Известно, что на отечественном рынке существует множество примеров компаний, которые не смогли функционировать в условиях цифровой реальности и, как результат, потерпели фиаско, что может быть обусловлено неспособностью этих фирм быстро адаптироваться, развивая и внедряя цифровые бизнес-процессы [19]. Возможно, для того, что-

[2] Эксперты назвали лидирующие и отстающие по цифровизации отрасли в России // РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/6054b0a89a7947fd6076994e (дата обращения: 01.05.2021).

бы компания оставалась конкурентоспособной в быстроизменяющихся условиях, необходимо эффективно модернизировать или даже разрабатывать новые бизнес-модели, соответственно, цифровые технологии должны стать основой работы бизнеса [20; 21]. Вместе с тем, цифровые технологии всегда будут способствовать организационным изменениям, в то же время персонал будет руководить ходом этих изменений.

Обзор литературы. Изменения бизнеса и большинства отраслей рыночной экономики под воздействием цифровизации привели к необходимости подготовки нового типа менеджеров для управления бизнесом со знанием современных информационных технологий и ключевыми цифровыми компетенциями [22].

Необходимость подготовки и высокая востребованность специалистов в сфере управления бизнесом в условиях цифровой экономики определяется также Национальной программой "Цифровая экономика Российской Федерации" на 2018-2024 г., в рамках которой реализуется Федеральный проект "Кадры для цифровой экономики". В соответствии с Проектом сформирована концепция базовой модели компетенций цифровой экономики, перечень ключевых компетенций и механизм их реализации; планируется за 2019-2024 гг.:

– 450 тысяч человек принять на программы высшего образования в сфере информационных технологий (которые впоследствии окажутся в составе различных-бизнес-структур, для их руководства потребуются профессиональные специалисты в области управления с цифровыми компетенциями);

– 560 тысяч работающих специалистов, включая руководителей организаций и представителей органов власти, направить на обучение по компетенциям цифровой экономики (по программам дополнительного образования, повышения квалификации, кроме того есть возможность открытия магистратуры, например, по направлению "Управление бизнесом в цифровой экономике");

– создать 75 центров ускоренной подготовки специалистов совместно с компаниями цифровой экономики (в данном ключе возможно формирование тандема с коммерческими структурами, работающими в сфере цифровой экономики, а также НТШ) [3].

[3] Паспорт Национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации", утвержденной президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, Протокол от 24.12.2018 №16.

В рамках Федерального проекта "Кадры для цифровой экономики" предполагается создание системы научных центров, организации грантовой помощи, бизнес-симуляторов, методического обеспечения подготовки населения (в т.ч. студентов) для профессиональной деятельности в области цифровой экономики и прочие меры поддержки развития кадров для цифровой экономики.

В связи с этим представляется целесообразной, своевременной и необходимой разработка и апробация новых образовательных программ по обучению управления бизнесом в цифровой экономике. Целью таких образовательных программ будет формирование передовых профессиональных компетенций для выпуска высококвалифицированных и востребованных специалистов по управлению бизнесом в различных отраслях и видах деятельности в условиях цифровой трансформации рыночной экономики [23].

Новые образовательные программы по управлению бизнесом в цифровой экономике будут выполнять следующие задачи:

1. Подготовка высококвалифицированных специалистов для отечественных и зарубежных компаний, владеющих набором устойчивых конкурентных преимуществ в таких направлениях, как проектное управление; оперативный и стратегический менеджмент; функциональные области логистики; экономический, управленческий, инвестиционный и финансовый анализ; изучения отраслевых рынков; цифровые технологии и системы в новой технологической среде.

2. Подготовка менеджеров и предпринимателей, в том числе в Интернет-среде, со знанием различных инновационных методов, способов, технологий, систем и инструментов управления персоналом и финансами; тактического, оперативного и стратегического планирования и бюджетирования; способов организации и ведения бизнеса с учетом потребностей цифровизации экономики.

3. Формирование и развитие высокопрофессиональных исследовательских компетенций студентов для будущей научной деятельности в сфере изучения отраслевых рынков, бизнес-аналитики, теории и практики управления организацией в условиях трансформации с возможностями использования новейших технологических инструментов и систем [24; 25; 26].

Управление бизнесом в условиях цифровизации – это динамично развивающаяся в России область рынка труда как региона, феде-

рального округа, так и страны в целом. Это подтверждают приведенные выше плановые показатели Федерального проекта "Кадры для цифровой экономики" Национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" по обучению новых и уже имеющихся специалистов в сфере информационных технологий.

Во многом предлагаемая программа обучения предполагает подготовку специалистов в области общего менеджмента с уклоном в освоение цифровых технологий, а потому на рынке труда искомая вакансия будущих специалистов должна содержать привычные слова "менеджер", "руководитель", "управляющий", "директор" и пр., имея при этом ввиду наличие в профиле вакансий цифровых компетенций, требований к знанию современных информационных технологий, компьютерных программ, а также "мягких" навыков, связанных с готовностью к работе в условиях постоянных изменений экзосреды, новых инновационных вызовов, смены трендов [27].

Материал и методы исследования. Эмпирической базой исследования послужили данные сайтов поиска вакансий, результатов исследования ведущих научных центров (позволяют оценить востребованность менеджерских профессий); открытые сведения о предлагаемых на рынке образовательных услуг программ бакалавриата, специалитета и магистратуры в целях подготовки кадров для цифровой экономики.

Результаты исследования и их обсуждение

Квалификация "менеджер" по-прежнему сохраняет свою привлекательность ввиду дефицита профессиональных руководящих кадров, широты применения полученных знаний и возможных областей деятельности, универсальности компетенций, аккумулирования ключевых знаний и навыков управленческо-экономической деятельности (включая основы теории управления, логистических систем, бухгалтерского учета и экономического анализа, проектного управления, маркетинга, деловых коммуникаций). При этом в новом варианте данная квалификация будет вбирать в себя также информационные, инновационные, технологические компетенции в соответствии с требованиями цифровой трансформации экономики и бизнеса. Таким образом, программа получает некоторый междисциплинарный уклон.

Согласно Атласу специализации регионов НИУ ВШЭ, разработанному и представленному на научное обсуждение в апреле 2021 года, в России топ-5 отраслей торгуемого сектора с наибольшей долей занятых составили образование, транспорт и логистика, строительство и строительные материалы, деловые и ИТ-услуги, производство и транспортировка нефти и газа [28].

Большинство из указанных отраслей в стране требуют управляющих различного звена и ранга, менеджеров с цифровыми навыками, общеэкономическими, управленческими, инновационно-технологическими компетенциями. На популярном сайте "HeadHunter" [3] при поиске работы по ключевому слову "менеджер" в апреле 2021 года было получено 173 790 вакансий, половина которых предполагает заработную плату от 60 тысяч рублей (существенно выше средней по России), 51% вакансий относится также к сфере продаж, 18% – в ИТ-сфере. На том же сайте в настоящее время получено 159 262 вакансий по ключевым словам запроса "управляющий", "руководитель", "директор", что доказывает высокую востребованность управленческих кадров на всех уровнях и во всех отраслях экономики.

На этом же сайте "HeadHunter" названы самые перспективные профессии в сфере менеджмента: Менеджер по кросс-культурной коммуникации, Специалист в области трансмедиа, Специалист по созданию персонального бренда, Менеджер по управлению проектами объединенных компаний, Lean-менеджер. Большинство из них явно предполагают владение навыками цифровых технологий. Востребованности менеджеров с цифровыми компетенциями во всех областях будет способствовать также автоматизация ключевых рутинных процессов бизнеса и необходимость главным образом осуществления организации, координации, контроля – т.е. ключевых функций менеджера.

Вузы, осуществляющие подготовку по программам бакалавриата и магистратуры для подготовки управленческих кадров для цифровой экономики:

1. Челябинский государственный университет (бакалаврская программа "Менеджмент в производстве и цифровой экономике", 38.03.02 "Менеджмент").

2. Финансовый университет при Правительстве РФ (бакалаврская программа "Оценка бизнеса в цифровой экономике", 38.03.01 "Экономика", бакалаврская программа "Технологии

[3] Профессии будущего в сфере менеджмента // HeadHunter. URL: https://novgorod.hh.ru/article/19813 (дата обращения 01.05.2021)

цифровых бизнес-моделей", 38.03.05 "Бизнес-информатика").

3. Российский университет Дружбы народов (БП "Цифровая экономика", 38.03.01 "Экономика").

4. Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (бакалаврская программа "Цифровые финансы", 38.03.01 "Экономика").

5. Государственный университет "Дубна" (бакалаврская программа "Цифровая экономика", 38.03.01 "Экономика").

6. Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (бакалаврская программа "Цифровая экономика", 38.03.01 "Экономика").

7. Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (бакалаврская программа "Бухгалтерский учет в цифровой экономике", 38.03.01 "Экономика").

8. Санкт-Петербургский государственный университет (магистерская программа "Управление бизнесом в цифровой экономике", 38.04.01 Экономика).

9. Воронежский государственный технический университет (магистерская программа "Управление бизнесом в цифровой экономике", 38.04.02 Менеджмент).

10. Национальный исследовательский технологический университет "МИСиС" (магистерская программа "Управление бизнесом в цифровой экономике").

11. Университет Министерства транспорта РФ (магистерская программа Управление бизнес-процессами в цифровой экономике, 38.04.02 Менеджмент).

12. Новосибирский государственный университет экономики и управления (магистерская программа "Стратегический и финансовый менеджмент в цифровой экономике", 38.04.02 Менеджмент).

Дальнейшее развитие образовательных программ по подготовке управленческих кадров для цифровой экономики обеспечит формирование передовых профессиональных компетенций для подготовки высоко востребованных специалистов по управлению бизнесом всех отраслей, видов деятельности и форм собственности; повышение конкурентоспособности отечественной системы образование; эффективный ответ на глобальные вызовы мировой экономики.

Экспертный опрос "Менеджер 2.0: что важно знать и уметь руководителю цифровой эпохи" Высшей школы бизнеса ВШЭ (декабрь 2020) позволил сформулировать следующие наиболее востребованные навыки:

– навыки работы с данными, знание основ кибербезопасности, программирования (Python) и развития продуктов (руководитель академии технологий и данных Сбербанка Дмитрий Зубцов);

– понимание производственных процессов (Вице-президент по кадровой политике "Норникеля" Дарья Крячкова);

– критическое мышление, аналитические навыки (Первый заместитель директора Высшей школы менеджмента СПбГУ Константин Кротов);

– широкий кругозор и умение учиться новому и погружаться в проблемы (вице-президент компании ЛАНИТ Владимир Вертоградова).

Виды профессиональной деятельности, к которым могут готовиться выпускники программ по подготовке управленческих кадров для цифровой экономики: организационно-управленческая; информационно-аналитическая; предпринимательская.

В рамках организационно-управленческой деятельности выпускник может готовиться к решению следующих профессиональных задач:

1) участие в разработке и реализации корпоративной и конкурентной стратегии организации, а также функциональных стратегий (маркетинговой, финансовой, кадровой);

2) участие в разработке и реализации комплекса мероприятий операционного характера в соответствии со стратегией организации;

3) планирование деятельности организации и подразделений;

4) формирование организационной и управленческой структуры организаций;

5) организация работы исполнителей (команды исполнителей) для осуществления конкретных проектов, видов деятельности, работ;

6) разработка и реализация проектов, направленных на развитие организации (предприятия, органа государственного или муниципального управления);

7) контроль деятельности подразделений, команд (групп) работников;

8) мотивирование и стимулирование персонала организации, направленное на достижение стратегических и оперативных целей;

9) участие в урегулировании организационных конфликтов на уровне подразделения и рабочей команды (группы).

В рамках информационно-аналитической деятельности программы подготовки управ-

ленческих кадров для цифровой экономики могут освоить следующие навыки:

1) сбор, обработка и анализ информации о факторах внешней и внутренней среды организации для принятия управленческих решений;

2) построение и поддержка функционирования внутренней информационной системы организации для сбора информации с целью принятия решений, планирования деятельности и контроля;

3) создание и ведение баз данных по различным показателям функционирования организаций;

4) разработка и поддержка функционирования системы внутреннего документооборота организации, ведение баз данных по различным показателям функционирования организаций;

5) разработка системы внутреннего документооборота организации;

6) оценка эффективности проектов;

7) подготовка отчетов по результатам информационно-аналитической деятельности;

8) оценка эффективности управленческих решений.

В рамках предпринимательской деятельности выпускники программ по подготовки управленческих кадров приобретают следующие компетенции:

1) разработка и реализация бизнес-планов создания нового бизнеса;

2) организация и ведение предпринимательской деятельности.

Таким образом, подготовка специалистов в области управления в условиях цифровизации как нельзя более полно соответствует требованиям времени и современным реалиям развития рыночной экономики.

Профили подготовки управленческих кадров для цифровой экономики ориентированы на то, чтобы каждый выпускник смог выполнять следующие профессиональные задачи:

1) проводить экономический комплексный анализ деятельности организации;

2) осуществлять анализ источников финансирования организации и принимать управленческие решения в области управления финансами;

3) проводить всесторонний анализ деятельности организации с использованием инструментов стратегического анализа и с учетом разного вида рисков;

4) управлять проектами, программами и портфелями проектов;

5) принимать обоснованные и взвешенные управленческие решения по организационным и кадровым вопросам с применением передовых теорий, методов, инструментов;

6) обеспечивать своевременную трансформацию организационной структуры компании, ключевых бизнес-процессов под воздействием изменений в цифровой экономике, глобализации рынков, требований к научно-техническому уровню производства;

7) развивать и совершенствовать цифровые навыки и компетенции себя и своих сотрудников для достижения конкурентных преимуществ организации на рынке.

В число обязательных дисциплин учебного плана программ по подготовке управленческих кадров для цифровой экономике входит такие стандартные дисциплины, как психология, микроэкономика и основы экономических учений, макроэкономика и международные экономические отношения, IT в профессиональной деятельности, статистика, теория менеджмента, основы цифровой экономики, экономика и управление организацией, 1С: Предприятие, управление рисками, управление персоналом, лин-менеджмент, основы логистики, маркетинг, бухгалтерский учет, методы принятия управленческих решений, инвестиционный анализ, финансовый менеджмент, управление проектами, стратегический менеджмент.

Вариативная часть указанных образовательных программы может быть сформулирована следующим образом: управление логистическими процессами в цифровой экономике, цифровая трансформация, цифровые финансовые технологии и услуги, основы электронного бизнеса, программная обработка цифровой экономической информации, финансово-экономический анализ с применением цифровых технологий, корпоративные цифровые информационные платформы, правовое регулирование цифровой экономики, управление развитием территорий в условиях цифровизации общества, внешнеэкономическая деятельность организаций в условиях цифровой экономики, цифровые технологии в городском хозяйстве, маркетинговые инструменты и технологии в цифровой экономике, управление затратами и контроллинг в цифровой экономике, бренд-менеджмент и диджитал-коммуникации бренда, практика анализа данных и технология Блокчейн.

Учебный план новой бакалаврской программы может вмещать также различные элективы, такие как инновационная экономика и технологическое предпринимательство, интернет-предпринимательство, управление

малым бизнесом в цифровой экономике, управление производством в цифровой экономике.

Набор дисциплин учебного плана конкретной образовательной программы целесообразно формировать по итогам изучения лучших практик российских и зарубежных университетов, а также по итогам социологического опроса студентов, преподавателей, выпускников-работодателей. В совокупности это обеспечит качественную подготовку управленческих кадров для работы в условиях цифровой экономики.

Заключение

Дальнейшее развитие образовательных программ по подготовке управленческих кадров для цифровой экономики обеспечит формирование передовых профессиональных компетенций для подготовки высоко востребованных специалистов по управлению бизнесом всех отраслей, видов деятельности и форм собственности; повышение конкурентоспособности отечественной системы образование; эффективный ответ на глобальные вызовы мировой экономики.

Примечания:

1. Lloyd B., Naisbitt J. (1994). Megatrends and Global Paradoxes // Management Decision. 32 (7), pp. 28-32.
2. Каткова М.А., Титова Ю.С. Цифровая экономика: содержание и тенденции развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – №19 (3). – С. 257-264. DOI 10.18500/1994-2540-2019-19-3-257-264.
3. Аренков И.А., Бичун Ю.А. Влияние цифровой экономики на управление стейкхолдерами // Управление бизнесом в цифровой экономике: сб. тезисов выступлений 3-й Международной конференции. – СПб., 2020. – С. 297-302.
4. Мухачева А.В. Информационные технологии в менеджменте: базовый блок : учебное пособие / А.В. Мухачева, О.И. Лузгарева, Т.А. Кузнецова. – Кемерово : КемГУ, 2019. – 226 с.
5. Arenkov I., Tsenzharik M., Vetrova M. (2019). Digital technologies in supply chain management // Atlantis Highlights in Computer Sciences. Vol. 1. pp. 453-458.
6. Дранев Ю.Я., Кучин И.И., Фадеев М.А. Вклад цифровизации в рост российской экономики // Цифровая экономика: экспресс-информация. – 2018. – №8 (91). – С. 1-2.
7. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика цифрового века. Цифровой век: шаги эволюции // Экономика и математические методы. – 2020. – №56 (1). – С. 18-33. – DOI 10.31857/S042473880008562-7.
8. Баранов Д.Н. Сущность и содержание категории "Цифровая экономика" // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия. Экономика и управление. – 2018. – №2 (25). – С. 15-23.
9. Василенко Н. В., Кудрявцева К. В. Становление экономики нового типа: взаимообусловленность ее цифровизации и сервизации // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы: монография / под ред. А.В. Бабкина. – СПб., 2017. – 807 с.
10. Romanyuk M., Sukharnikova M., Chekmareva N. (2021). Trends of the digital economy development in Russia. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, pp. 012017. DOI: 10.1088/1755-1315/650/1/012017.
11. Анахов С.В., Аношина О.В. Национальная технологическая инициатива и стратегии образовательной политики // Новые информационные технологии в образовании и науке: материалы 10-й Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2017. – С. 14-18.
12. Анахов С.В. О роли институтов развития при формировании бизнес-структур в образовательной сфере // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты : Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Воронеж: Воронежский центр научно-технической информации, 2015. – С. 3-8.
13. Анахов С. В. (). Стратегии цифровой экономики и тренды научно-образовательной политики // Новые информационные технологии в образовании и науке. – 2018. – №1. – С. 94-102.
14. Зараменских Е.П. Трансформация организационных структур управления под воздействием фактора развития цифровой экономики // Научная электронная библиотека – 2018. – №4(45). – С. 107-114. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.45.411.
15. Крайнюков С.В. Влияние современных информационных технологий на картину мира человека // Социальная психология и общество. – 2019. – №10 (4). – С. 23-41. DOI 10.17759/sps.2019100403.
16. Мармыш Е.С., Соболева А.А., Шатова А.В., Шутихин И.В. Управление кадрами в российской промышленности: почему сотрудники все чаще добровольно покидают компании? // Управленческие науки. – 2021. – №11 (3). – С. 71-85. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-3-71-85.
17. Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имаева Г.Р., Спиридонова Л.В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе // Аналитический центр НАФИ. – М.: НАФИ, 2019. – 84 с.
18. Паньшин Б. Цифровая экономика: понятия и направления развития / Б. Паньшин // Наука и инновации. – 2019. – №3 (193). – С. 48-55.
19. Kuvayeva Y. (2019). Digital economy: Concepts and Russia's readiness to transition // Journal of the Ural State University of Economics. 20 (1). pp. 25-40. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-3.
20. Булавкина Л.В. Цифровая трансформация: быстрые изменения в бизнесе без неприятных последствий. // Интернет-маркетинг. – 2017. – №4. – С. 250-256.
21. Гапонова О.С., Смельцова С.В., Чилипенок Ю.Ю. Интеграция организаций высшего образования для решения задач социально-экономического развития регионов // Экономика региона. – 2020.

– №16 (4). – С. 1147-1161. DOI 10.17059/ekon.reg.2020-4-10.
22. Гончаренко Л.П., Сыбачин С. А. Цифровизация национальной экономики // Вестник университета. – 2019. – №8. – С. 32-38. DOI 10.26425/1816-4277-2019-8-32-38.8.
23. Барановский А.И., Вольвач В.Г. Образование – основной ресурс социально-экономического развития регионов и формирования среднего класса // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – №10-1. – С. 10-15. DOI 10.17513/vaael.739.
24. Клячко Т.Л., Беляков С.А. Методология оценки вклада образования в социально-экономическое развитие Российской Федерации и ее субъектов. – М.: Дело; РАНХиГС, 2015. – 60 с.
25. Клячко Т.Л., Семионова Е.А. Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России // Экономика региона. – 2018. – №14(3). – С. 791-805. DOI 10.17059/2018-3-8.
26. Управление бизнесом в цифровой экономике: вызовы и решения / под ред. И.А. Аренкова, Т.А. Лезиной, М.К. Ценжарик, Е.Г. Черновой. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2019. – 360 с.
27. Атлас экономической специализации регионов России / В.Л. Абашкин, Л.М. Гохберг, Я. Ю. Еферин [и др.]. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 264 с.

ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA AND ITS REGIONS IN THE FACE OF GLOBAL CHALLENGES: FORMATION PERIODS AFTER 1991

Pesotskiy Andrey Alekseevich, *PhD of Economics, Associate Professor, Researcher, Institute for Regional Economic Studies RAS, Saint Petersburg*

The purpose of study *is to conduct periodization of economic security of Russia and regions as a management practice and sphere of scientific knowledge.* ***Scientific novelty*** *lies in the definition of stages of formation of economic security of our country, identifying the distinctive features of each of their periods, characterizing their relationship.* ***The result of the study*** *is periodization of economic security of Russia at the system level, based on the study of normative-legal documentation and scientific literature. The article presents the results of fundamental scientific research carried out in IRES RAS in accordance with the program of fundamental scientific research on the topic "Mechanisms for the formation of new approaches to the spatial development of the Russian economy ensuring the sustainable development and connectedness of the territories in conditions of global challenges of the 21st century". Code (reference number) of the scientific research assigned by the founder (organization): FMGS-2021-0004. The number of state registration of research and development works in the Unified State Information Accounting System for the Results of research, development and process engineering works of civilian designation: AAAA-A21-121011290083-2.*

Keywords: *economic security; global challenges; national security; strategic planning; periodization of economic security; connectedness of the territories; approaches to assessing the level of economic security.*

EDN: ORBNWY **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.13**

УДК 338.2
ВАК РФ 5.2.3

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ ПЕРЕД ГЛОБАЛЬНЫМИ ВЫЗОВАМИ: ПЕРИОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

© Песоцкий А.А., 2023

ПЕСОЦКИЙ Андрей Алексеевич, *кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург*

Цель исследования *– провести периодизацию экономической безопасности России и регионов как управленческой практики и сферы научных знаний.* ***Научная новизна*** *заключается в определении этапов становления экономической безопасности нашей страны, выявление отличительных особенностей каждого из периодов, характеристике их взаимосвязи.* ***Результат исследования*** *– периодизация экономический безопасности России на системном уровне, основанная на исследовании нормативно-правовой документации и научной литературы. В статье приведены результаты фундаментальных научных исследований, выполненных в ФГБУН ИПРЭ РАН в соответствии с программой фундаментальных научных исследований по теме "Механизмы формирования новых подходов к пространственному развитию экономики Российской Федерации, обеспечивающей устойчивое развитие и связанность ее территорий в условиях глобальных вызовов XXI века". Код (шифр) научной темы, присвоенный учредителем: FMGS-2021-0004. Номер государственного учета научно-исследовательской, опытно-конструкторской работы в Единой государственной информационной системе учета результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения: AAAA-A21-12101129083-2.*

Ключевые слова: *экономическая безопасность; глобальные вызовы; национальная безопасность; стратегическое планирование; периодизация экономической безопасности; связанность регионов; подходы к оценке уровня экономической безопасности.*

В последние несколько лет социально-экономическая система России столкнулась с вызовами, которые не были спрогнозированы и стали внезапными для общества. В 2020 г. началась пандемия COVID-19, которая привела к введению как ограничительных, так и стимулирующих мер в управлении экономическими процессами. Другим шоком стало начало специальной военной операции, которое привело к резкому разрыву Российской Федерации со странами Запада и переориентацией на партнеров из других регионов мира. К имеющемуся до 2020 г. спектру глобальных вызовов, сформулированных, в том числе, в Целях устойчивого развития ООН и единых для всего планетарного сообщества, добавились и специфические для России вызовы, связанные с внешним давлением и попытками лишить нашу страну национального суверенитета.

На региональном уровне обострился целый спектр угроз, способных нарушить связанность территорий в случае негативного развития событий. Разные сектора экономики поразному адаптировались к санкциям, что вызывает ситуацию, когда субъекты РФ, делающие ставку на проблемные отрасли, могут столкнуться с кризисными проявлениями в случае резкого ухудшения состояния этих отраслей. Те регионы, спрос на продукцию которых остался стабилен, получили преимущество перед запаздывающими в развитии территориями.

Обозначенные проблемы приводят к необходимости уделять больше внимания экономической безопасности. Исходя из анализа текущей ситуации в России, можно заключить, что поддержание безопасности в различных сферах будет являться одной из приоритетных целей для лиц, принимающих решения на различных уровнях.

В 90-е годы экономическая безопасность на федеральном и региональном уровне не была в достаточной степени формализована. Законодательная база по данному направлению только начинала формироваться, а советский опыт командно-административной экономики не обращался к термину "экономическая безопасность". Это обстоятельство не позволяло заимствовать прошлый опыт. Данной проблематикой занимались ученые, при этом существовала "разноголосица" в подходах, вызванная, в том числе, сложностью заимствования зарубежного опыта. Если такие экономические направления как маркетинг и менеджмент можно было полностью или частично скопировать из американских и европейских практик, то экономическая безопасность России представляла собой самостоятельное течение, в котором отечественные ученые, эксперты, чиновники были в значительной степени первопроходцами.

Первый этап (1991-2016 гг.) становления экономической безопасности в России можно охарактеризовать как период экспертного осмысления терминов без наличия единого понятийно-категориального аппарата и нормативной базы. Данный этап можно назвать этапом теоретического осмысления.

В этот период различные исследователи поразному характеризовали экономическую безопасность на федеральном и региональном уровне, пытаясь закрепить свои подходы в нормативно-правовых актах и в деятельности лиц, принимающих решения в области стратегического развития экономики.

Большую роль в начале 90-х играл академик РАН Леонид Иванович Абалкин (1930-2011). Он был главным редактором журнала "Вопросы экономики", на страницах которого подвергал критике идеи рыночного саморегулирования на панацеи от всех социально-экономических проблем. Л.И. Абалкин вел активную общественную деятельность, продвигая идеи государственного регулирования и стратегического планирования в коридорах власти. Начавшись в 90-е, эта деятельность получила развитие в "нулевые", характеризовавшиеся схожими тенденциями.

Л.И. Абалкин дает следующее определение экономической безопасности: "совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию" [1]. На протяжении многих лет это определение было "классическим" в научной среде.

Другой ученый, внесший значимый вклад в продвижение экономической безопасности страны, – Вячеслав Константинович Сенчагов (1940-2016). Он также публиковался на страницах "Вопросов экономики", при этом его публикации носили более целенаправленный характер. Если академик Л.И. Абалкин занимался широким спектром проблем социально-экономического развития страны и регионов, то В.К. Сенчагов в определенный период сконцентрировался исключительно на экономической безопасности – он сформулировал практико-ориентированные инструменты мониторинга и обеспечения экономической безопасности, которые можно было применять в управлении на различных уровнях. Можно отметить такие

значимые публикации В.К. Сенчагова, как "О сущности и основах стратегии экономической безопасности России" [5], "Как обеспечить экономическую безопасность России" [4],

На страницах "Вопросов экономики" публиковался и Сергей Юрьевич Глазьев, который предложил систему показателей мониторинга экономической безопасности, состоящую из 22 показателей. В дальнейшем разработка систем показателей (индикаторов), позволяющих осуществлять мониторинг экономической безопасности на макро– и мезоуровне, стала сферой интересов множества российских исследователей, занимающихся проблематикой экономической безопасности. Некоторые совокупности показателей отличались схематичностью и наивностью, однако, в целом, данная деятельность возымела успех и привела к формированию законодательно утвержденного набора показателей, применяемого "Росстатом".

Имеющиеся подходы к оценке уровня экономической безопасности были обобщены О.П. Смирновой [6]. Нами дополнены подходы, выявленные этим автором, что отражено в таблице.

Таблица – **Подходы к оценке уровня экономической безопасности**

Название подхода	Представители подхода
Ресурсный подход	Голованова Н. Б.
Финансовый подход	Татаркин А.И., Куклин А.А.
Циклический подход	Вартанова Е. Л
Процессный подход	Вишневская О.В
Индикативный подход	Сенчагов В.К., Глазьев С.Ю., Абалкин Л.И., Гребеник В.В., Павлов А.П., Денежкина И.Е., Суздалева И.А, Безденежных Т.И, Шарафанова Е.Е.
Институциональный подход	Ханипова Е. Х.

Первый период становления экономической безопасности в России, как видно из представленной таблицы, отличался множеством подходов к рассматриваемому вопросу. С точки зрения практики стратегического планирования развития России они имели различную ценность. Индикативный подход стал магистральным в российской науке, в дальнейшем он был закреплен на законодательном уровне. Другие подходы остались в той или иной степени на периферии нормотворчества – остались сюжетом для дискуссии в академических кругах, либо имели ограниченное использования, выраженной в форме включения в магистральное направление. Тем не менее, разработка и осмысление различных подходов к экономической безопасности продолжаются – например, такая деятельность проводится в докторской диссертации И.А. Кругловой, защищенной в 2022 г. [2]. Кроме того, в прошлом году был осуществлен анализ подходов к определению экономической безопасности в научной и учебной литературе 2020-2021 гг. [3].

Второй этап становления экономической безопасности (2017 г. – наше время) начинается с выходом Указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года" [7]. Второй этап можно назвать этапом работы на основе нормативной документации. Появление данного документа закрепило терминологический фундамент экономической безопасности на федеральном и региональном уровне.

Следует отметить, что до выхода Стратегии были приняты и другие документы, регламентирующие государственную политику в сфере достижения безопасности, такие как N 390-ФЗ "О безопасности" (2010 г.), N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (2014 г.), Указ Президента Российской Федерации от № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" (2015 г.). Таким образом, было бы неверно рассматривать Стратегию как первый документ по заявленной проблематике. Существовали и другие, однако начало второго этапа все же следует отмерять от 2017 г., поскольку непосредственно экономическая безопасность, а не безопасность, в общем, или национальная безопасность была закреплена именно в этом году с выходом Стратегии. Характерно, что органы государственной власти озаботились документальным постулированием обеспечения безопасности в "десятые" годы. Этот временной отрезок характеризовался активной нормотворческой деятельностью со стороны государства в области внедрения элементов государственного планирования в управление экономикой.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. были закреплены понятия угроза, вызов, риск в экономической безопасности, перечислены основные вызовы и угрозы экономической безопасности России, сформулированы цели, основные направления и задачи государственной политики в обозначенной сфере.

В Стратегии дается следующее определение экономической безопасности – состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет

страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [7].

Нельзя оставить без внимания тот факт, что экономическая безопасность все же появилась в российском законодательстве значительно раньше, в 90-е голы. В 1996 г. Указом Президента Российской Федерации N 608 была принята Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации. Однако этот документ носил скорее ситуативный характер, он отличался небольшим объем информации стратегического характера и представлял собой скорее туманный ответ на социально-экономические проблемы, актуальные в середине 90-х. Уже в начале "нулевых" было понятно, что Стратегия 1996 г. отличалась низким уровнем применимости, однако формально она действовала до 2017 г.

Второй этап начался после смерти Л.А. Абалкина и В.К. Сенчагова. Символично, что уход из жизни мэтров совпал с формализацией терминологического фундамента экономической безопасности, во многом основанного на их трудах. Общественная деятельность данных ученых, направленная на организацию систематической деятельности по диагностике и обеспечению экономической безопасности страны, стала драйвером для законодательного обрамления этой работы.

Между с тем, смерть знаковых теоретиков экономической безопасности совпала со снижением накала дискуссии о применимости тех или иных подходов к обеспечению экономической безопасности. Государство поставило точку в данном обсуждения после постулирования основных понятий. Теперь экспертному сообществу нет необходимости отвечать на вопрос, что такое экономическая безопасность, по крайней мере необходимость актуализировать ответ на этот вопрос становится второстепенной или третьестепенной.

Теперь ученые в академической среде сосредотачиваются на отдельных аспектах мониторинга и обеспечения экономической безопасности в рамках имеющихся компетенций и области научного исследования. Задача донесения до государства необходимости обеспечения экономической безопасности стран и регионов может считаться выполненной, однако не теряет важности потребность в детализации и улучшении деятельность в данной области.

Интерес к экономической безопасности нашей страны, очевидно, обострился после развертывания геополитического и геоэкономического конфликта в 2022 г. вокруг ситуации на Украине, обострившего глобальные вызовы, стоящие перед нашей страной. Если события после 2014 г. можно было охарактеризовать как "мягкое противостояние с Западом", то в 2022 г. его следует обозначить как "жесткое противостояние с Западом".

В новой реальности более рельефно проявляется необходимость поддерживать национальный суверенитет, совершенствовать систему стратегического планирования, поддерживать устойчивость региональных социально-экономических систем. Имеется дисбаланс регионального развития, когда менее десяти субъектов Российской Федерации имеют ярко выраженные драйверы роста, а остальные находятся в стадии создания этих драйверов или попыток поддержания не высокого, но среднего уровня социально-экономических показателей. Глобальные вызовы могут усилить это расслоение, которое выглядит опасным с точки зрения поддержания устойчивости пространственного развития и связанности территорий.

Сложилась ситуацию, когда наша страна столкнулась не только с глобальными вызовами, едиными для всех государств земного шара (климатические изменения, пандемическая угроза и пр.), но и со специфическими вызовами, генерируемыми недружественными акторами. Национальная безопасность, в целом, и экономическая безопасность, в частности, превращаются из деятельности, решающей масштабные угрозы, развертываемые годами и десятилетиями, в сферу, где необходимо принимать решения в краткосрочном периоде, нивелируя деструктивные действия оппонентов.

Положение России в современном мире будет обуславливать развитие механизмов обеспечения безопасности социально-экономической системы страны и ее регионов. Еще в 2021 г. вышел Указ Президента Российской Федерации от № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", который запустил новую Стратегию национальной безопасности. Становится актуальным вопрос, будет ли пересмотрена не только Стратегия национальной безопасности, но и Стратегия экономической безопасности. Новая Стратегия экономической безопасности может закрепить изменение обстановки, произошедшее в 2022 г. С другой стороны, возможен вариант, когда существующая на данный момент Стратегия экономической безопасно-

сти не будет заменяться иным документом, а будет детализироваться в ходе принятия других нормативно-правовых актов.

Литература:

1. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: очерки. – М.: Наука, 2002. – 424 с.
2. Круглова И.А. Обеспечение национальной экономической безопасности в условиях развития зеленой экономики: автореф. дис. … д-ра экон. наук. – СПб., 2022. – 42 с.
3. Песоцкий А.А. Экономическая безопасность страны. Анализ подходов к определению в научной и учебной литературе 2020-2021 гг. // Региональная экономика и развитие территорий: сб. ст. / под ред. Л.П. Совершаевой. – СПб., 2022. – С. 147-152.
4. Сенчагов В. Как обеспечить экономическую безопасность России // Российская Федерация сегодня. – 2007. – № 6. – С. 36.
5. Сенчагов В.К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 97-106.
6. Смирнова О. П. Методическое обеспечение оценки экономической безопасности межотраслевого комплекса : дис. ... канд. экон. наук. – Екатеринбург, 2018. – 342 с.
7. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года".

МИР В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДЕКСАХ, ЗАВИСЯЩИХ ОТ РАЗМЕРА СТРАНЫ. IX. МИЛИТАРНЫЕ УРОВНИ

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования *– разработать понятийный аппарат и метод для сопоставления милитарных возможностей стран с их экономическими и демографическими возможностями. Для достижения этой цели выполнена шестиуровневая дискретизация оси Милитарного Индекса MI на дискретные уровни милитарного потенциала. Эта дискретизация учитывает особенности и детали одномерного распределения стран по Милитарному Индексу MI.* ***Научная новизна*** *заключается в конструировании Глобальной Матрицы Связи милитарного потенциала с экономическим потенциалом* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ *и Глобальной Матрицы Связи милитарного потенциала с демографическим потенциалом* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$*. Изучение этих матриц выявляет* ***в результате*** *фундаментальный закон доминирования главной диагонали матрицы* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ *и менее четко выраженный закон диагонального доминирования матрицы* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$*. Эти законы означают, что для большинства стран милитарный потенциал определяется экономическим потенциалом (и, в меньшей степени – демографическим потенциалом).*

Ключевые слова: *мировая экономика; экономические индексы; Милитарный Индекс MI; милитарный потенциал; Продуктовый Индекс PI; экономический потенциал; Демографический Индекс DI; демографический потенциал.*

EDN: POEJPR **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.14**

УДК 339.97:330.43
ВАК РФ 5.2.5

THE WORLD IN ECONOMIC INDICES DEPENDING ON A COUNTRY'S SIZE. IX. THE MILITARY LEVELS

© Seidametova Z.S., 2023
© Temnenko V.A., 2023

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, Republic of Crimea

The purpose of the study *is to develop a conceptual apparatus and a method for comparing the military capabilities of countries with their economic and demographic capabilities. To achieve this goal, a six-level discretization of the Military Index MI axis into discrete levels of military potential was performed. This discretization takes into account the features and details of the one-dimensional distribution of countries according to the Military Index MI.* ***The scientific novelty*** *of the research lies in the construction of the Global Matrix of Relationship between military potential and economic potential* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ *and the Global Matrix of Relationship between military potential and demographic potential* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$*. The study of these matrices reveals,* ***as a result,*** *the fundamental law of dominance of the main diagonal of the matrix* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ *and a less clearly expressed the law of the diagonal dominance of the matrix* $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$*. These laws mean that for most countries, military potential is determined by economic potential (and, to a lesser extent, demographic potential).*

Keywords: *world economy; economic indices; the Military Index MI; military potential; the Product Index PI; economic potential; the Demographic Index DI; demographic potential.*

Introduction

In the papers [1], [2] the concept of the Military Index MI was introduced and the distribution of countries according to this index was studied.

The purpose of this study is to develop a conceptual apparatus and method for comparing the military capabilities of countries with their economic and demographic capabilities, treating the Military Index MI as one of the economic indices, just as important as the Product Index PI or the Demographic Index DI. This goal structures the following tasks: 1) to discretize the continuous index MI into discrete levels of military potential, taking into account the details and features of the one-dimensional distribution of countries according to the index MI and taking into account the previously performed discretization of the Product Index PI and the discretization of the Demographic Index DI into discrete levels of demographic potential; 2) to construct the Global Matrix of Relations between military potential and economic potential $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$, presenting the matrix $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ as a numeric object and as a "list of lists" of countries belonging to each element of the matrix; 3) identify and describe the properties of the matrix $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ (the law of dominance of the main diagonal); 4) to construct the Global Matrix of Relations between military potential and demographic potential $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$, presenting the matrix $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ as a numeric object and as a "list of lists"; 5) identify and describe the properties of the matrix $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ (the law of diagonal dominance). The theoretical basis of this study is the papers [1] and [2] and the materials used in them. The practical significance of this study is to identify the global laws of connection between the country's military potential and its economic and demographic potentials and to identify countries that are insufficiently or excessively militarized according to economic or demographic criteria.

Main part

The description of military levels. When we thinking about the global economy, it is convenient to associate each country with a group of such countries that have relatively similar economic indices – for example, the Economic Productivity Index EPI, or the Product Index PI, or the Demographic Index DI. Countries that are similar in terms of the index EPI, we combined into EPI-groups, or "levels of productivity". The names of these productivity levels, in descending order of characteristic EPI values, are as follows: 1) Hot, 2) Warm, 3) UpperCold, 4) MiddleCold, 5) LowCold, 6) LDC. The abbreviation LDC stands for the Least Developed Countries. All countries that are not included in the Hot and Warm EPI groups are referred to as "cold" economies. A detailed description of the EPI-groups of the global economy in pre-Covid 2019 is presented in papers [3], [4], [5]. Changes in the EPI groups of the global economy caused by the 2020 pandemic shake-up are described in [6]. The method of "interval classification" of countries according to the levels of the Product Index PI and the Demographic Index DI is described in [7], [8]. For each of these indices, six discrete levels were introduced in [7]. These levels, in descending order of these indices, have the following names in [7]: 1) SuperGiant, 2) Giant, 3) Big, 4) Medium, 5) Small, 6) VerySmall. Product Index PI is determined by the country's GDP. Demographic Index DI is determined by the population of the country. Formulas for calculating these indices are given in [7]. To calculate these indices, we used data for 2021 from the IMF database [9].

It is convenient to use such terminology. We will talk about countries that are at the same discrete level of the Product Index PI as countries that have the same economic potential; the name of this level of economic potential will coincide with the name of the discrete Product Level. We will talk about countries that are at the same discrete level of the Demographic Index as having the same demographic potential; the name of this potential level will be identified with the name of the corresponding discrete level of the Demographic Index DI. In other words, we use the term "potential" (economic or demographic) as a descriptive, qualitative, discrete term. The Product Index PI is a continuous quantitative characteristic of a country, determined from annual WB or IMF statistics. Economic potential is a discrete qualitative characteristic of a country, determined by the index PI using the discretization procedure by the level PI [7].

Papers [7] and [8] noted that for any country, the level of the size of the economy (i.e., economic potential) and the level of the size of the country (i.e., demographic potential) may or may not coincide. If these levels do not match, then the difference between the level numbers is small (1 or 2 levels). This statement is called in [6] the law of diagonal dominance of the Global Matrix of Scales.

Developing the descriptive idea of discrete levels of economic and demographic potentials, here we introduce the same six-step interval scale of the levels of the Military Index (or military levels, or levels of the Military Potential) with the preservation of the names of the levels adopted in papers [7] and [8].

We will say that a country belongs to the MI-SuperGiant military level if the country's Military Index exceeds India's Military Index (MI_{IND}=44.13). The electronic appendix to paper [1] (https://bit.ly/3SviXZL) provides a list of countries with known Military Indices 2021. This list is sorted by descending MI index. In addition to the index MI, for each country in this list, the economic indices PI, DI, EPI 2021, as well as the MI/PI and MI/DI ratios are indicated.

In 2021, there were three countries at the MI-SuperGiant level: USA (MI=100), Russia (MI=89.64), China (MI=87.75). Two of the three countries, USA and China, belong to the SuperGiant level in terms of both economic potential and demographic potential. Russia, in accordance with its PI and DI index values, belongs to the Giant level [6]. The military potential exceeds its economic and demographic potential. In such a situation, one can speak of an excessive militarization of the country.

We will say that a country belongs to the military level MI-Giant (or "a country is a military giant") if its Military Index MI is in the interval $10<MI\leq MI_{IND}$=44.13.

In 2021 21 countries belonged to this level. Thirteen countries of them belong to the Giant level according to the value of the Product Index PI: for these thirteen countries there is a correspondence between military potential and economic potential. One country belonging to the MI-Giant level belongs to the SuperGiant level (India) in terms of demographic potential. Accordingly, we can talk about the insufficient of militarization of India (by demographic criteria).

The eight countries with MI-Giant military capability belong to the Giant level of the demographic index. For these countries, there is a correspondence between military and demographic potential. For some countries that have MI-Giant military potential, one can speak of excessive militarization either by economic criteria or by demographic criteria. The five MI-Giant military-level countries are excessively militarized by both of these criteria, economic and demographic criteria. These are Israel (PI=2.09, DI=0.66, MI=16.08), Saudi Arabia (PI=3.62, DI=2.51, MI=14.19), Taiwan (PI=3.43, DI=1.66, MI=13.07), Ukraine (PI =0.86, DI=2.91, MI=12.87), Poland (PI=2.93, DI=2.68, MI=10.03).

We will say that a country belongs to the military level MI-Big (or "a country has a military potential of the MI-Big level") if its military index MI is in the interval $5<MI\leq10$. In 2021, there were 28 countries at the military level of MI-Big.

We will say that a country belongs to the MI-Medium military level (or "a country has MI-Medium level military potential") if its military index is in the interval $2<MI\leq5$. In 2021, 33 countries had MI-Medium level military potential. Most of these countries (21 countries) have an economic potential of Medium level. For these countries, military potential and economic potential correspond to each other. Five MI-Medium military-level countries can be considered insufficiently militarized by economic criteria (they belong to the Big economic level according to the PI index values). These include Denmark, Austria, Finland, Belgium and New Zealand. All these are highly developed countries. They create the military potential they desire without straining their economic possibilities. The seven MI-Big military-level countries can be considered excessively militarized by economic criteria. They belong to the Small level according to their PI values. These are Libya, Sudan, Jordan, Yemen, Bolivia, Chad and Georgia.

We will say that a country belongs to the military level MI-Small (or "a country has a military potential of the MI-Small level") if its military index MI is in the interval $1<MI\leq2$. In 2021, there were 33 countries at the military level of MI-Small. Twenty-three of them have Small economic potential in terms of their PI values. For these countries, the military potential and economic potential are in accordance.

We will say that a country belongs to the MI-VerySmall military level (or "a country has a military potential of the MI-VerySmall level") if its military index does not exceed 1% ($MI\leq1$). In 2021, there were 19 countries at the military level of MI-VerySmall.

It is appropriate to recall that in 2021, 56 countries with known values of economic indices PI and DI were absent from The Global Firepower ranking [10], on the basis of which the value of the Military Index MI was calculated in the paper [1]. Nearly all of these fifty-six countries have small PI and DI economic indices, and most likely could have very small MI Military Index values.

Table 1 provides a summary of information about the six-level interval classification for the three economic indices PI, DI and MI. The interval classification according to the Product Index PI and the Demographic Index DI was introduced in the paper [7]. The interval classification of countries by levels of the MI Military Index is described above.

Global Matrix of connection of military potential with economic potential. The

relationship between military level and product level can be shown in a compact form by constructing the matrix $MP_{\alpha\beta}$ ($1 \le \alpha \le 6$, $1 \le \beta \le 6$). Each country with known indices PI and MI is characterized by two integers: its military level number in accordance with the military level scale described above, and its economic level number in accordance with table 1. The military level number is some condensed assessment of the country's military capabilities. The economic level number is a concise assessment of a country's economic capabilities. With the help of these two integer indices, it is possible to form the Global Matrix of the relationship between military potential and economic potential. We will denote this matrix as $MP_{\alpha\beta}$. This matrix can be treated as a numeric object. An element of such a numerical matrix is the number of countries that have a military level number α and a product level number β. Such a numerical matrix is presented in table 2.

Table 1 – **Interval levels of economic potential (according to the index PI), demographic potential (according to the index DI) and military potential (according to the index MI)**

Economic index / Level's number and name	PI	DI	MI
1 SuperGiant	$21.47=PI_{JPN} < PI \le 100$	$19.27=DI_{IND} < DI \le 100$	$44.13=MI_{IND} < MI \le 100$
2 Giant	$5 < PI \le PI_{JPN}$	$5 < DI \le DI_{IND}$	$10 < MI \le MI_{IND}$
3 Big	$1 < PI \le 5$	$1 < DI \le 5$	$5 < MI \le 10$
4 Medium	$0.2 < PI \le 1$	$0.2 < DI \le 1$	$2 < MI \le 5$
5 Small	$0.04 < PI \le 0.2$	$0.04 < DI \le 0.2$	$1 < MI \le 2$
6 VerySmall	$PI \le 0.04$	$DI \le 0.04$	$MI \le 1$

Table 2 – **Global MR-matrix as a numerical object (2021)**

Economic potential's levels and names / Military potential's levels and names	1 SuperGiant	2 Giant	3 Big	4 Medium	5 Small	6 VerySmall
1 SuperGiant	2	1	0	0	0	0
2 Giant	0	13	7	1	0	0
3 Big	0	1	19	8	0	0
4 Medium	0	0	5	21	7	0
5 Small	0	0	1	6	23	3
6 VerySmall	0	0	0	2	7	10

For those countries that belong to the MP_{66} element, the position of the country in this element does not unambiguously indicate the ratio of the Military Index MI and the Product Index PI: at the VerySmall level, both indices are small, and the ratio of two small numbers can be both very small or sufficiently big. If we temporarily exclude 10 countries of the element MP_{66} from our analysis, then the remaining 127 countries obey the law of dominance of the main diagonal of the matrix: on the main diagonal (excluding the element MP_{66} there are 78 countries (more than 60%). For these countries, the military potential corresponds to the economic potential.

Nineteen countries belonging to the diagonal $MP_{\alpha,\alpha-1}$ ($3 \le \alpha \le 6$) can be interpreted as "insufficiently militarized". The military index of these countries is less than the range of values that their economic potential allows them to have.

Three countries belonging to the diagonal $MP_{\alpha,\alpha-2}$ ($\alpha=5$ и $\alpha=6$) can even be called "military careless". The Military Indices of these military careless countries are much lower than the possible values that the economic potential of these countries generates. These are Ireland, Luxembourg and Panama.

Twenty-six countries belonging to the diagonal $MP_{\alpha,\alpha+1}$ ($1 \le \alpha \le 5$) can be called excessively militarized. These countries maintain a level of military potential higher than their economic potential allows.

In the Global Matrix $MP_{\alpha\beta}$ there is only one country belonging to the element $MP_{2,4}$. Its military potential in 2021 is two levels higher than its economic potential. This country (Ukraine) can be called the "super-militarized" country of 2021.

Countries belonging to the element MP_{66} require special attention. Of these ten countries, six have an MI/PI ratio greater than twenty. Outside the MP_{66} element, countries with such a large MI/PI ratio also occur, but almost five times less frequently (17 countries out of 127). The country with the highest MI/PI ratio (Eritrea, MI/PI=101.37) belongs to the element MP_{66}. Countries with a high MI/PI ratio maintain their desired military potential by significantly straining their economic capabilities.

According to the data provided in the electronic supplement to the paper [1] (https://

bit.ly/3SviXZL), in 2021 there were only two countries with an MI/PI ratio less than one: Ireland (MI/PI=0.829) and Iceland (MI/PI=0.477). Iceland is the most peaceful country in the world: it has the lowest Military Index (MI=0.0528) and the lowest MI/PI ratio.

United States have an MI/PI ratio of one (MI=100, PI=100). Germany has an MI/PI ratio almost equal to one (MI/PI=0.990). It can be assumed that the MI/PI ratio equal to one sets the lower boundary of military security on the {PI, MI} plane.

The matrix $MP_{\alpha\beta}$ can be interpreted not only as given in table 2 a numeric object. This matrix is also a "list of lists". Each element of such a "list of lists" contains a list of countries belonging to this element of the matrix. In the electronic appendix 1 (https://rb.gy/d0snyc) to this paper, the matrix $MP_{\alpha\beta}$ is presented as a "list of lists". The countries within each element are arranged in descending order of military index MI.

Global Matrix of Relations between military potential and demographic potential. Let's build a matrix $MD_{\alpha\beta}$ ($1 \le \alpha \le 6$, $1 \le \beta \le 6$), which will display the relationship between the country's military potential and its demographic potential in the same way as the above matrix $MP_{\alpha\beta}$ displays the relationship between military and economic potentials.

In the matrix $MD_{\alpha\beta}$, as in the $MP_{\alpha\beta}$ matrix, the rows correspond to military levels, arranged from top to bottom in descending order of level from SuperGiant to VerySmall. The columns in the $MD_{\alpha\beta}$ matrix correspond to demographic levels, from left to right in descending order from SuperGiant to VerySmall. In the electronic appendix 2 (https://rb.gy/hnelx5) to this paper, the matrix $MD_{\alpha\beta}$ is presented as a "list of lists". An element of such a list matrix is a list of countries belonging to this element by a combination of military and demographic levels.

Table 3 presents the matrix $MD_{\alpha\beta}$ as a numeric object. Each element of such a matrix is equal to the number of countries belonging to this element.

The matrix $MD_{\alpha\beta}$ can be called diagonally dominant to a certain extent. Most of the countries are located on the main diagonal $MD_{\alpha.\alpha}$ (49 countries) and on the two adjacent diagonals $MP_{\alpha,\alpha-1}$ (37 countries) and $MD_{\alpha.\alpha+1}$ (25 countries). In total, 111 countries out of 137 are located on these three diagonals. This diagonal dominance means that the country's military potential is in some balance with its demographic potential. But this balance is not strict. This balance is diffuse. Countries with similar military indices can differ significantly in their demographic DI. The economic potential of the country affects its military potential more strongly and more severely than its demographic potential.

Table 3 – **Global MD-matrix as a numeric object**

Levels and names of demographic potential / Levels and names of military potential	1 SuperGiant	2 Giant	3 Big	4 Medium	5 Small	6 VerySmall
1 SuperGiant	2	1	0	0	0	0
2 Giant	1	8	12	0	0	0
3 Big	0	5	14	9	0	0
4 Medium	0	2	9	19	3	0
5 Small	0	0	14	14	5	0
6 VerySmall	0	0	3	7	8	1

If we rebuild the list of countries with a known military index MI from the electronic supplement to paper [1] in descending order of MI/DI ratios, then it is easy to see that the first 20 countries from this list with MI/DI>10 all have a small demographic index DI (DI<1), and four of them have DI<0.1. It can be assumed that these countries with not very large populations form the military potential they desire, focusing mainly on their economic capabilities, without taking into account the limitations that are born of a low demographic potential. This approach can lead to high MI/DI values. Israel had the highest MI/DI value in 2021 (MI/DI=24.25). This country with a not very large population (DI=0.663) is in constant readiness for a possible attack by its densely populated neighbors and therefore maintains a very high value of the military index (MI=16.08), which makes Israel a military giant, although neither in terms of economic potential, nor in terms of demographic potential this country is not included in the Giant class. The second highest MI/DI in 2021 was Luxembourg (MI/DI=20.79), which does not appear to be in danger of being attacked from outside. But Luxembourg, being a champion in economic productivity (EPI=100), can afford to have the military potential it wants (MI=0.935), despite its small population (DI=0.045).

Ten of these twenty countries with a high MI/DI ratio belong to the world's most productive economies, which we call "hot economies" ($EPI \ge EPI_{JPN}$=28.78, see eg [11]). Eight countries out

of these twenty countries belong to the class of "warm economies" ($11.9 \geq EPI < EPI_{JPN}$). And only two countries from this list of 20 countries belong to the low-productive "cold economies": Montenegro (EPI=6.84, MI/PI=34.26, MI/DI=19.66) and Suriname (EPI=3.42, MI/PI=45.12, MI/DI=12.97). Only these two countries of all countries with a high MI/DI value can be called "excessively militarized". They have built their military capabilities as independent entities based on real or imagined military threats, regardless of the constraints imposed by the low economic productivity, weak economy and low demographic potential of these two countries.

Conclusions

The paper provides a detailed description of the military levels. Military levels are a six-level classification of countries with a known military index MI according to some discrete levels of military potential. This discrete scale of levels is based on the details of the one-dimensional distribution of countries according to the military index MI. This distribution is presented in the paper [1] in the form of a Pareto diagram and a histogram.

The paper describes the Global Matrix of Relations between military potential and economic potential $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ and the Global Matrix of Relations between military potential and demographic potential $\mathrm{MD}_{\alpha\beta}$. The fulfillment of the law of dominance of the main diagonal in the matrix $\mathrm{MP}_{\alpha\beta}$ is revealed. This law means that most countries build their military potential in accordance with their economic capabilities. For the $\mathrm{MD}_{\alpha\beta}$ matrix, a similar but less categorical law of diagonal dominance is formulated: the demographic potential of a country affects the formation of its military potential, but in a less rigid and binding form than its economic potential. Highly developed countries build the military potential they want, without attaching much importance to the restrictions that a not very large population can impose.

References:

1. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. V. The Military Index / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 4(45). – С. 99-104.
2. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. VI. The Global Military Swarm over {GDP, Population}-plane / Z.S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 4(45). – С. 104-111.
3. Seidametova Z.S. Global economy in the space of economic indices EPI, BLI, CPI in 2019 / Z.S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2020. – № 4 (70). – С. 192-199.
4. Seidametova Z.S. EPI-groups of the 2019 global economy in the space of economic indices. I. "Hot" and "warm" economies / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko / / Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2021. – № 2 (72). – С. 179-188.
5. Seidametova Z.S. EPI-groups of the 2019 global economy in the space of economic indices. II. "Cold" economies / Z. S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2021. – № 2 (72). – С. 188-197.
6. Seidametova Z.S. The pandemic shake-up of the world economy: statistical characteristics of the economic indices' dynamics in 2020 / Z.S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 2 (43). – С. 66-72.
7. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. I. The World on the {Population, GDP}-plane / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 3 (44). – С. 68-74.
8. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. II. Global Scale Matrix / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 3 (44). – С. 74-79.
9. The International Monetary Fund [e-resource] / World Economic Outlook database: April 2022. – URL: https://rb.gy/1hf3bz
10. The Global Firepower ranking. – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php
11. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. I. The World on the {Population, GDP}-plane / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 3 (44). – С. 68-74.

МИР В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДЕКСАХ, ЗАВИСЯЩИХ ОТ РАЗМЕРА СТРАНЫ. X. АМПЛИТУДЫ МИЛИТАРНОГО БЕСПОКОЙСТВА

Сейдаметова Зарема Сейдалиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Темненко Валерий Анатольевич, *кандидат физико-математических наук, доцент*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

Цель исследования *– ввести два новых измерителя степени милитаризации страны: "амплитуды милитарного беспокойства", как отношения Милитарного Индекса MI к Продуктовому Индексу PI и Демографическому Индексу DI, и исследовать зависимость Амплитуды Милитарного Беспокойства от основных экономических индексов с целью выявления критериев, отделяющих "нормальный" уровень милитаризации, совместимый с экономическим развитием страны и её демографическими ресурсами, от "избыточной" или "недостаточной" милитаризации. Для достижения этой цели представлено и описано распределение стран в 2021 на плоско-*

стях, образованных осью Амплитуды Милитарного Беспокойства и той или иной осью основных экономических индексов. **Научная новизна** заключается в анализе этих распределений, позволяющим отделить "нормальную" милитаризацию от "избыточной" или "недостаточной" с точки зрения экономической и демографической обоснованности. Изучение этих распределений выявляет **в результате** картину начального состояния мира в 2021 перед глобальной и радикальной геополитической трансформацией, начавшейся в 2022 г.

Ключевые слова: мировая экономика; экономические индексы; милитарный индекс; амплитуда милитарного беспокойства.

EDN: QBAETG DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.15

УДК 339.97:330.43
ВАК РФ 5.2.5

THE WORLD IN ECONOMIC INDICES DEPENDING ON A COUNTRY'S SIZE. X. AMPLITUDES OF THE MILITARY DISQUIETUDE

© Seidametova Z.S., 2023
© Temnenko V.A., 2023

The purpose of the study is to introduce two new measures of the degree of militarization of the country: "amplitudes of military disquietude", as the ratios of the Military Index MI to the Product Index PI and to the Demographic Index DI, and to investigate the dependence of the Amplitude of Military Disquietude on the main economic indices in order to identify criteria separating the "normal" level of militarization consistent with the economic development of the country and its demographic resources, from the "excessive" or "insufficient" militarization. To achieve this goal, the distribution of countries in 2021 on the planes formed by the axis of the Amplitude of Military Disquietude and one or another axis of the main economic indices is presented and described. **The scientific novelty** lies in the analysis of these distributions, which makes it possible to separate "normal" militarization from "excessive" or "insufficient" militarization in terms of economic and demographic rationales. The study of these distributions reveals **as a result** a picture of the initial state of the world in 2021 before the global and radical geopolitical transformation that began in 2022.

Keywords: world economy; economic indices; the military index; amplitude of the military disquietude.

Introduction

In papers [1] and [2] the idea of the Military Index MI was introduced. In the previous paper [3], matrices of the connection between the country's military potential and its economic and demographic potential were introduced and studied.

The purpose of this study is to introduce a new quantitative measure of the degree of militarization of each country in the form of the ratio of the Military Index MI to each of the country's two main economic indices: the Product Index PI and the Demographic Index DI. Both of these ratios, MI:PI and MI:DI, we will call the "Amplitude of the Military Disquietude". These amplitudes are introduced as a tool to distinguish between "normal" militarization and "excessive" or "insufficient" militarization of a country. Here the terms "norm", "excessive" and "insufficient" are used from the point of view of compliance with the economic opportunities of the country and with its demographic resources, and not with the aim of predicting the success/failure of the real possible use of the country's military potential in combat conditions.

The purpose of the study structures the following tasks: 1) to study the distribution of countries on the {MI, MI/PI} plane and identify the "norm" of militarization of countries, as well as identify countries with an excessive level of militarization using this distribution; 2) to explore the distribution of countries on the {EPI, MI/PI} plane and identify countries with normal and excessive militarization; 3) to explore the distribution of countries on the planes {PI, MI/PI} and {DI, MI/PI} and identify countries with normal and excessive militarization; 4) to build and explore similar distributions for the second Amplitude of the Military Disquietude. The theoretical basis of this study is the previous papers of

SEIDAMETOVA Zarema Seidalievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

TEMNENKO Valerii Anatolievich, *PhD of Physics and Mathematical sciences, Associate Professor*

Fevzi Yakubov Crimean Engineering-Pedagogical University, Simferopol, Republic of Crimea

this series of papers [1-9]. The practical significance of this study lies in the methods for classifying countries by the level of militarization according to the statistical data of 2021, which create some global picture of the initial conditions before the radical geopolitical transformation unfolding from 2022.

Main part

Preliminary remarks. The two Amplitudes of the Military Disquietude introduced by us MI:PI and MI:DI are not statistically independent from each other. Their ratio ((MI:DI)/(MI:PI)) is obviously equal to the ratio PI:DI. This relation, as shown in [4], satisfies the index identity:

$$\frac{\mathrm{PI}}{\mathrm{DI}} = \frac{\mathrm{EPI}}{\mathrm{EPI}_c}. \qquad (1)$$

In formula (1) EPI is the Economic Productivity Index introduced in [10]:

$$\mathrm{EPI} = \frac{\mathrm{GDP/PC}}{\max\{\mathrm{GDP/PC}\}} \cdot 100\ (\%), \qquad (2)$$

where GDP/PC is Gross Domestic Product per capita, and max{GDP/PC} is the maximum of this value reached by one of the countries of the world in the same year. EPI_c is a global economic parameter introduced in [4]:

$$\mathrm{EPI}_c = \frac{\max\{\mathrm{GDP}\}}{\max\{\mathrm{POP}\} \cdot \max\{\mathrm{GDP/PC}\}} \cdot 100\ (\%). \qquad (3)$$

In formula (3) max{GDP} is the maximum value of GDP achieved in one of the countries of the world in the same year; max{POP} is the population of the country with the largest population in the same year.

The global economic parameter EPI_c contains data on three "champion" countries. In recent years, these are the USA ("champion" in GDP), China ("champion" in population) and Luxembourg ("champion" in GDP/PC). In [4], the parameter EPI_c is identified with the boundary on the axis EPI that separates highly productive economies ("hot" and "warm" economies) from low-productivity ("cold" economies).

Formula (1) shows that for highly productive countries ($\mathrm{EPI}>\mathrm{EPI}_c$) the MI:DI amplitude exceeds the MI:PI amplitude, and for countries with a "cold" economy ($\mathrm{EPI}<\mathrm{EPI}_c$), on the contrary, MI:DI is less than MI:PI .

For the convenience of the reader, we recall here the definitions of the main economic indices PI and DI:

$$\mathrm{PI} = \frac{\mathrm{GDP}}{\max\{\mathrm{GDP}\}} \cdot 100\ (\%), \qquad (4)$$

$$\mathrm{DI} = \frac{\mathrm{POP}}{\max\{\mathrm{POP}\}} \cdot 100\ (\%), \qquad (5)$$

where GDP is the country's Gross Domestic Product and POP is the country's population.

The GDP and GDP/PC values are measured in current US dollars. Indexes MI, PI, DI, EPI are measured as percentages, but the percent symbol (%) is usually omitted when writing indexes.

A complete list of such countries for which the Military Index MI 2021 is known is given in the electronic appendix to the paper [1] (https://bit.ly/3SviXZL). In this list, ordered by MI descending, in addition to the index MI, there are also the 2021 indices PI, DI, EPI and MI:PI and MI:DI. Abbreviated three-letter country names are also given, in accordance with the well-known ISO standard [11]. These abbreviated names are shown in the figures in this paper.

World on a plane {Military Index MI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI}. Fig. 1 shows the distribution of the countries of the world on the plane {MI, MI:PI}. The solid line in this figure shows some conditional upper limit of the "norm" for the Amplitude of Military Disquietude. This smooth border is drawn so that most countries are below it.

If a country is above this "norm" line, then one can speak of "excessive" militarization of the country. Fig. 1 shows that in the region of military SuperGiants (these are only three countries), Russia has excessive militarization: the MI:PI value for Russia, equal to 11.61, significantly exceeds the MI: for USA (1) and China (1.16). In the zone of military Giants ($10<\mathrm{MI}\leq\mathrm{MI}_{\mathrm{IND}}=44.13$) an excessive militarization of Pakistan (MI:PI=17.90), Egypt (MI:PI=12.95) and Ukraine (MI:PI=14.92) can be noted. The Amplitude of Military Disquietude of these countries significantly exceeds the similar Amplitude for other countries with similar values of the Military Index MI. In the zone of countries belonging to the "MI-Big" Military Level ($5<\mathrm{MI}\leq10$) as excessive militarization can be seen in Myanmar (MI:PI=24.71) and Venezuela (MI:PI=31.00). These two countries, in terms of the Amplitude of the Military Disquietude, are superior to other countries with similar values of the Military Index. For countries with low values of the Military Index MI ($\mathrm{MI}\leq2$) we have adopted the upper limit of the "normal" for the Amplitude of Military Disquietude (MI:PI=30). As can be seen from fig. 1 nine countries exceed this limit. Eritrea has the highest Amplitude of the Military Disquietude in the world (MI:PI=101.37). All these nine countries are in the "military trap" described

in paper [9] for small countries. Having a small population (DI≤1, only Chad has DI=1.20), low GDP (PI≤0.05), these countries have to strain their economic capabilities quite significantly in order to create a military force that provides the Military Index MI≈1-2. It can be assumed that these countries actually maintain armed forces beyond their possibilities. Here is a list of these countries: Eritrea (MI:PI=101.37), South Sudan (MI:PI=73.86), Central African Republic (MI:PI=70.93), Kyrgyz Republic (MI:PI=50.93), Suriname (MI:PI=45.12), Tajikistan (MI:PI=41.56), Chad (MI:PI=41.33), Montenegro (MI:PI=34.26), Liberia (MI:PI=33.20). In this list, only two countries have EP>1% (Montenegro, EPI=6.84 and Suriname, EPI=3.42). All other countries in this list belong to the EPI-group the Least Development Countries (EPI<1). The paper [9] notes that a small country falls into the "military trap" voluntarily. A small country may not attempt to build a high MI by maintaining a military at a level consistent with its economic capabilities. An example of such rational behavior is Iceland, which has the smallest MI and MI:PI values in the world (MI=0.053, MI:PI=0.48). But such behavior seems to be possible only for a highly productive country: Iceland has EPI=50.50.

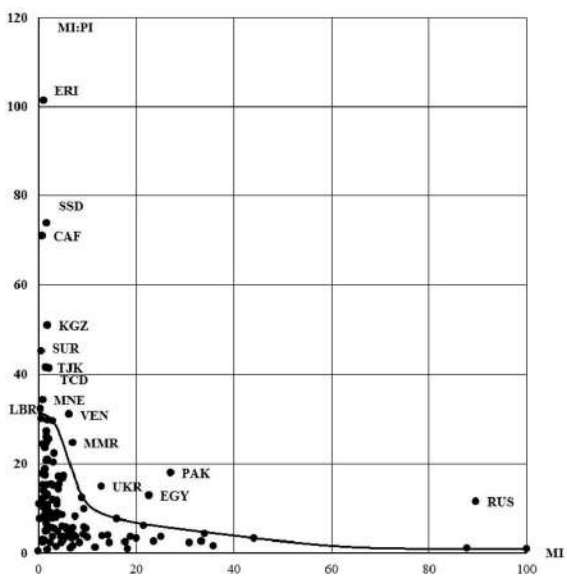


Figure 1 – **World on the plane {Military Index MI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI} 2021**

---- conditional upper limit of a "norm" for MI:PI.

World on a plane {Economic Productivity Index EPI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI}. Fig. 2 shows the distribution of countries on the plane {EPI, MI:PI} in 2021. Some conditional upper limit of the "norm" for the Amplitude of Military Disquietude is shown in the form of a smooth line, below which most countries are located. The abbreviated names of those countries that are above this line are written. These countries can be considered "excessively militarized" due to the increase in the Amplitude of Military Disquietude. In addition to those already shown in fig. 1 low-productivity countries with small EPI, which are in the "military trap", in fig. 2 other "excessively militarized" countries also appear. In the zone of highly productive "hot" economies ($EPI \geq EPI_{JPN}$=28.78), only one country has "excessive" militarization: Israel, MI:PI=7.68. "Hot" economies are characterized by low values of the Amplitude of Military Disquietude MI:PI. For the USA, this Amplitude is 1. Three "hot" countries have MI:PI less than one (Iceland, MI:PI=0.48; Ireland, MI:PI=0.83; Germany, MI:PI=0.99).

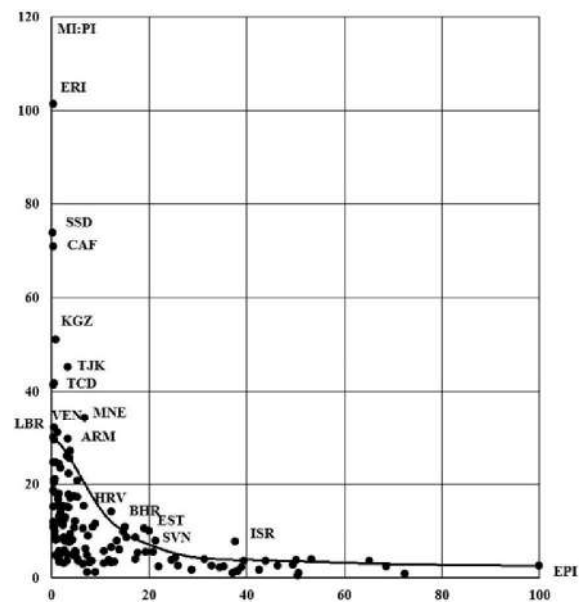


Figure 2 – **World on a plane {Economic Productivity Index EPI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI} 2021**

---- conditional upper limit of the norm MI:PI.

In the zone of "warm" economies ($11.9 \leq EPI < EPI_{JPN}$), the level of the upper limit of the norm for MI:PI increases with a decrease in EPI. Several warm economies are "excessively militarized" as measured by elevated MI:PI values. Fig. 2 shows such countries in the "warm" zone: Croatia (MI:PI=14.19), Bahrain (MI:PI=10.58), Estonia (MI:PI=9.94), Slovenia (MI:PI=7.98). The amplitude of the Military Disquietude of these countries, in itself not very large, exceeds for each of them the MI:PI values for other countries with similar EPI values.

Armenia is marked on the fig. 2 as a country with an excessive militarization. The MI:PI amplitude for this country (MI:PI=29.66) exceeds the value of this parameter for other countries belonging to the EPI-group MiddleCold (2<EPI 4).

World on the plane {Product Index PI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI}. Fig. 3 represents the distribution of countries on the plane {PI, MI:PI}. The axis of the Product Index PI is the interval from PI=0 to PI=10. In 2021, there were only seven countries with PI>10. All of them had small Amplitude of Military Disquietude values from MI:PI=0.99 for Germany to MI:PI=3.34 for India. There are 11 countries in the segment from PI=4 to PI=10. Ten of them have small Amplitude of Military Disquietude from MI:PI=1.16 (Mexico) to MI:PI=4.34 (Korea). One country in this PI patch is "excessively militarized": Russia has a high MI:PI of 11.61. There were 13 countries in the range from PI=2 to PI=4 in 2021. In this interval, one country is "insufficiently militarized" (Ireland, MI:PI=0.83). Two countries with higher values of the Amplitude of Military Disquietude can be considered "excessively militarized": Israel, MI:PI=7.68 and Turkey, MI:PI=6.16. The remaining ten countries are "normally militarized" for these Product values PI, with MI:PI ranging from 1.40 (Belgium) to 4.10 (Thailand).

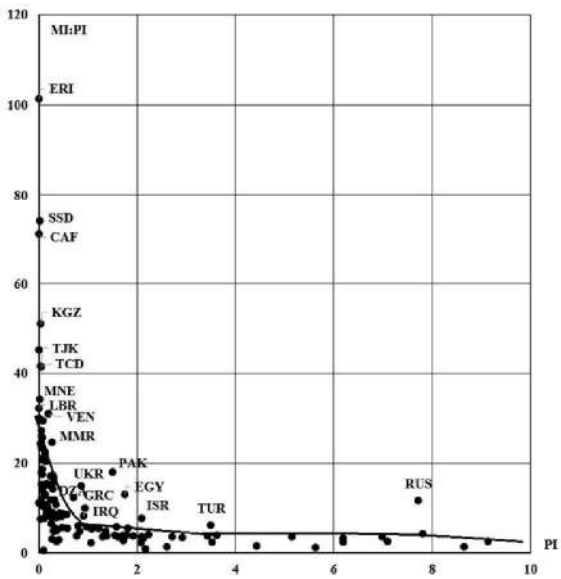


Figure 3 – **World on the plane {Product Index PI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI} 2021**

---- conditional upper limit of normal for MI:PI.

There were 18 countries in the interval from PI=1 to PI=2 in 2021. Two of them have an excessively large Amplitude of the Military Disquietude for this PI interval: Pakistan, MI:PI=17.90; Egypt, MI:PI=12.55. These countries, noted earlier in the fig. 1, should be considered "excessively militarized".

With a further decrease in the Product Index PI (PI<1), the upper limit of the norm for the Amplitude of the Military Disquietude MI:PI increases sharply. But even against the background of this growth of the "norm", one can note the excessive militarization of Greece (PI=0.94, MI:PI=9.88), Iraq (PI=0.91, MI:PI=8.20), Ukraine (PI=0.86, MI:PI=14.92), Algeria (PI=0.72, MI:PI=12.39) and Myanmar (PI=0.28, MI:PI=24.71). All these countries in the fig. 3 are located above the conditional border of a "normal militarization". All countries with MI:PI>30, whose abbreviated names are shown in fig. 3 are "excessively militarized". Almost all of them are small countries that are in a "military trap".

World on a plane {Demographic Index DI, Amplitude of the Military Disquietude MI:PI}. Fig. 4 represents the distribution of countries on the {DI, MI:PI} plane. This figure shows the conditional upper limit of the "normal militarization". This figure is inscribed (as in previous figures) with the names of nine small countries that are in a military trap and the names of seven countries with "excessive militarization" with a sufficiently large population of these countries (DI 2). Five of these countries are marked as "excessively militarized" by other criteria applied in the previous figures (Venezuela, Myanmar, Egypt, Russia, Pakistan). The two countries labeled as "excessively militarized" in Fig. 4, according to other criteria they "sank" under the corresponding upper limits of "normal militarization" in fig. 1, 2 and 3. These are Yemen (DI=2.19, MI:PI=29.49) and Dem. Rep. of the Congo (DI=6.64, MI:PI=11.84).

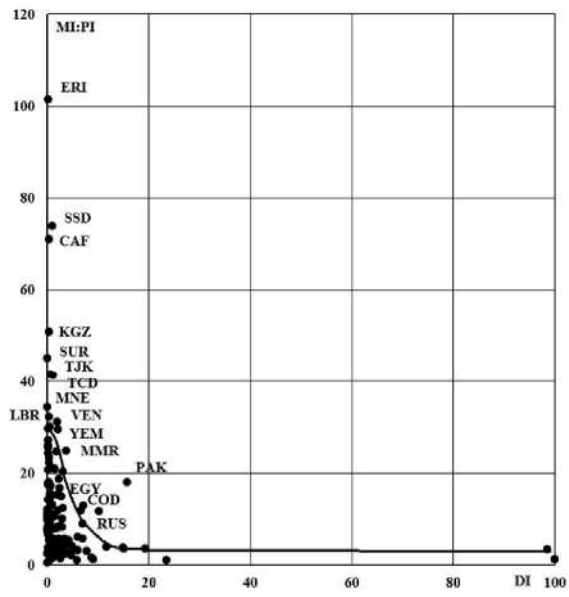


Figure 4 – **World on a plane {Demographic Index DI, Amplitude of Military Disquietude MI:PI} 2021**

--- conditional upper limit of normal for MI:PI.

Second Amplitude of Military Disquietude MI:DI. The MI:DI "population-based" Amplitude of the Military Disquietude is a more difficult indicator for analyzing of "normality" or "excessiveness" of militarization than the Amplitude MI:PI. On two-

dimensional distributions of the form {one of the economic indices, MI:DI}, countries with "normal" militarization and countries with "excessive" militarization turn out to be mixed. An example of such "mixing" is shown in fig. 5. This figure shows the distribution of countries on the {MI, MI:DI} plane. In this figure, the abbreviated names of all countries with a sufficiently high value of the second Amplitude of the Military Disquietude {MI:DI>15} are inscribed. In this list, along with the countries that we marked at least once as "excessively militarized" according to the first Amplitude MI:PI (Israel, see fig. 1 and fig. 3; Montenegro, see fig. 1, 2, 3 and 4; Bahrain and Estonia, see fig. 2), there are countries with the "normal" militarization: Luxembourg, Norway, Singapore, Qatar. These four countries are highly productive hot economies. As noted in the "Preliminary remarks" section, such countries can have large values of the second Amplitude of the Military Disquietude (MI:DI>MI:PI). This is not evidence of excessive militarization.

On the same fig. 5 the names of only three countries with MI:DI<10 are inscribed for which the second Amplitude of the Military Disquietude exceeds the same Amplitude of other countries with similar values of the Military Index MI. Two of the three countries were previously marked as excessively militarized (Russia, MI:DI=8.70; Korea, MI:DI=9.28). The third country with a comparable MI:DI value is known to be "normally militarized" (Australia, MI:PI=2.50; MI:DI=9.76).

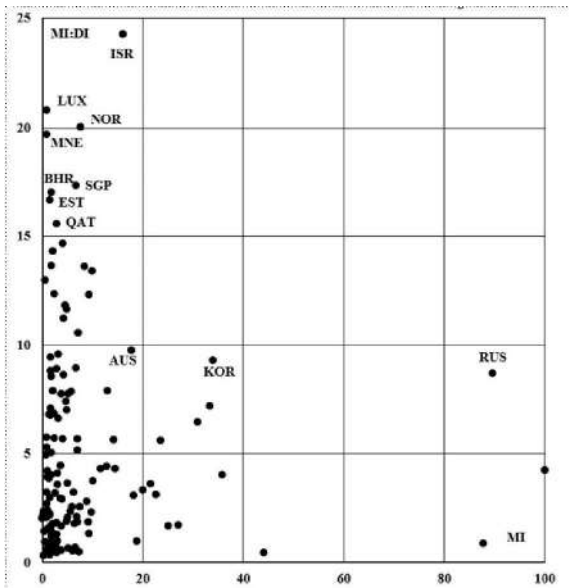


Figure 5 – **World on the plane{ Military Index MI, Amplitude of Military Disquietude MI:DI } 2021**

Consequently, the distribution of countries on the plane {MI, MI:DI} does not allow one to separate countries with excessive militarization from countries with normal militarization.

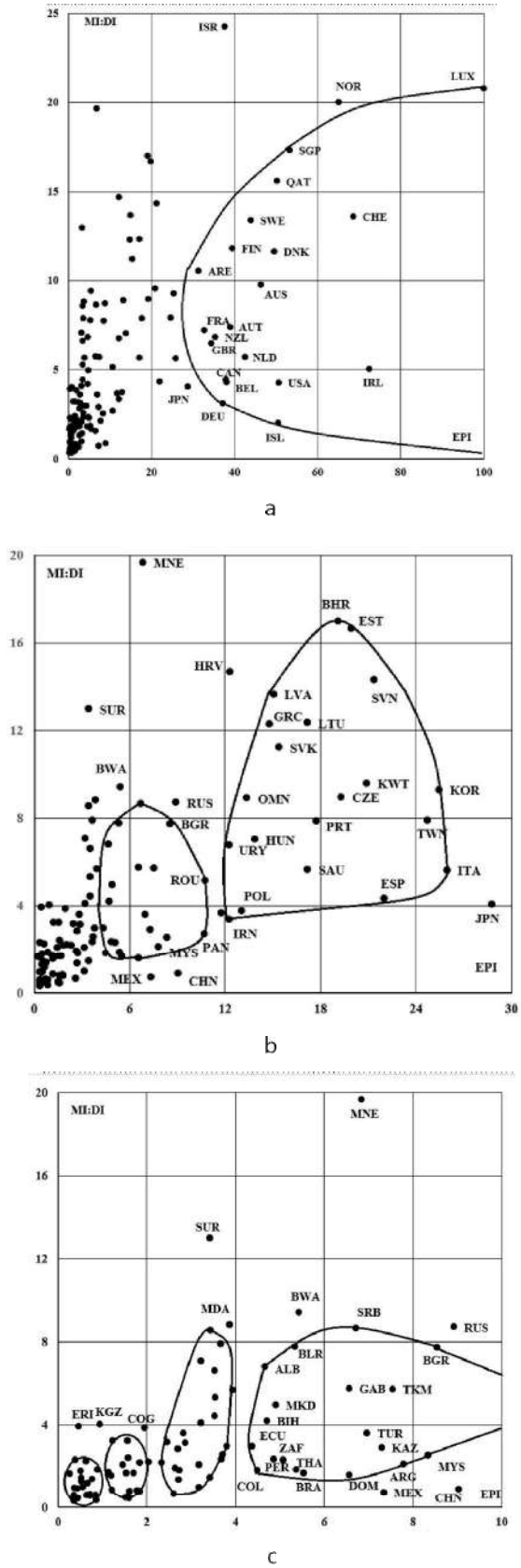


Figure 6 – **World on a plane {Economic Productivity Index EPI, Amplitude of the Military Disquietude MI:DI} 2021**

– conditional limits of the norm for the different EPI-groups.

Fig. 6 (a, b, c) shows the distribution of countries on the {EPI, MI:DI} plane. This distribution allows you to see the upper and lower limits of the militarization norm by the Amplitude MI:DI, but only separately for each of the six EPI-groups.

On fig. 6a shows the normal militarization line for the hot economies with the highest EPIs. All "hot" countries are inside this border, with the exception of the excessively militarized Israel. This country has the highest values in the world for the second Amplitude of the Military Disquietude (MI:DI=24.25).

Fig. 6b shows two closed lines that we propose as normal militarization boundaries for the economies on the level Warm (11.9<EPI≤25.95) and the economies belonging to the EPI-group UpperCold (4<EPI≤11.9). On this fig. 6b the names of all "warm" countries and some countries of the EPI-group UpperCold are inscribed.

In the EPI-group Warm, judging by Fig. 6b, only Croatia lies outside the closed border of the normal militarization in this group (EPI=12.30, MI:DI=14.66).

In the EPI-group UpperCold Montenegro (EPI=6.84, MI:DI=19.66) and, to a certain extent, Russia (EPI=8.22, MI:DI=8.70) and Botswana (EPI=5.42, MI:DI=9.41) are distinguished by its excessive militarization. Excessive militarization of these three countries was also noted above by other criteria.

Fig. 6c shows lines delimiting the region of normal militarization for the EPI-groups UpperCold, MiddleCold, LowCold, and LDC.

In the EPI-group MiddleCold (2<EPI≤4), only Suriname is outside the closed area of normal militarization. We noted above that Suriname is one of the small countries that are in a "military trap".

In the EPI-groups LowCold (1<EPI≤2) and LDC (EPI≤1), the upper limit of normal militarization drops sharply (see fig. 6c). Therefore, the three "excessively militarized" countries lying outside this boundary in these EPI-groups have very small values of the second Amplitude of the Military Disquietude MI:DI. These are Republic of Congo (EPI=1.96, MI:DI=3.86), Kyrgyz Republic (EPI=0.94, MI:DI=4.01) and Eritrea (EPI=0.46, MI:DI=3.93).

Conclusions

This paper discusses several ways to separate the normal militarization from the excessive or insufficient militarization using two Amplitudes of the Military Disquietude MI:PI and MI:DI. For this, the distribution of countries on two-dimensional charts is used, one of the coordinate axes of which is the Amplitude of the Military Disquietude, and the second axis is the axis of one of the main economic indices (PI, DI, EPI, MI). It is noted that the use of the first Amplitude of the Military Disquietude (MI:PI) with a high degree of confidence makes it possible to distinguish normally militarized countries from the excessive or insufficient militarized ones. It is noted that some small countries are excessively militarized, because they are in a "military trap".

References:

1. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. V. The Military Index / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 4(45). – С. 99-104.
2. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. VI. The Global Military Swarm over {GDP, Population}-plane / Z.S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – №4(45). – С. 104-111.
3. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. IX. The Military levels / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KAN. – 2023. – № 1(46). – С. .
4. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. I. The World on the {Population, GDP}-plane / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 3 (44). – С. 68-74.
5. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. II. Global Scale Matrix / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // KANT. – 2022. – № 3 (44). – С. 74-79.
6. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. III. The Absolute Power Index / Z. S. Seidametova, V. A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2022. – № 4 (78). – С. 133-142.
7. Seidametova Z.S. The World in economic indices depending on a country's size. IV. The Absolute Power / Productivity Matrix / Z. S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2022. – № 4 (78). – С. 141-148.
8. Seidametova Z.S. The world in economic indices depending on a country's size. VII. The Millitary Index and the Absolute Power Index / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2023. – № 1 (79). – С. 158-164.
9. Seidametova Z.S. The world in economic indices depending on a country's size. VIII. The Military Ratio MR / Z. S. Seidametova // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2023. – № 1 (79). – С. 164-173.
10. Seidametova Z.S. Some 1D-, 2D– and 3D-distributions of countries' national economies in the world economics / Z.S. Seidametova, V.A. Temnenko // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. – 2018. – № 1 (59). – С. 120-134.
11. ISO 3166-1 alpha-3 [e-resource] / ISO Online Browsing Platform. – URL: https://www.iso.org/obp/ui/

INDUSTRIAL HOLDING'S RESOURCES MANAGEMENT MODEL FOR DIGITAL TRANSFORMATION

Temnikov Andrey Olegovich, *Postgraduate student, South Ural State University (NRU), Chelyabinsk*

Digital transformation has become the most popular trend in innovation-driven growth for enterprises. The research of industrial holding digital transformation makes a particular interest in Russia as these enterprises make sufficient impact on national economy growth. ***The purpose of this study*** *is to propose the author's tool for digital transformation resource allocation among industrial holding dependent companies that considers the possible differences in digital maturity levels. The study is crucial to minimize the potential financial losses from digital transformation implementations. Furthermore, the article suggests the approbation of the tool on the example of steel industrial holding.* ***As a result*** *of the research the benefits and drawbacks of the suggested tool were systematized and the possible further research issues were introduced.*

Keywords: *digitalization; digital transformation; digital technologies; digital maturity; holding management; data-driven approach; industrial holding; resource allocation.*

EDN: QELQWG **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.16**

УДК 336
ВАК РФ 5.2.3

МЕХАНИЗМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РЕСУРСОВ НА ЦИФРОВУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ МЕЖДУ ЗАВИСИМЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ПРОМЫШЛЕННОГО ХОЛДИНГА ОПЕРАЦИОННОГО ТИПА

© Темников А.О., 2023

Цифровая трансформация бизнеса стала основным трендом в инновационном развитии бизнесов. Особый интерес для России представляет исследование цифровой трансформации промышленных холдингов, поскольку они вносят существенный вклад в развитие экономики страны. ***Целью исследования*** *является рассмотрение авторского механизма распределения ресурсов на цифровую трансформацию между зависимыми элементами промышленного холдинга с учетом различия в уровне цифровой зрелости. Изучение данного аспекта является важным для минимизации финансовых потерь от реализации инициатив в области цифровой трансформации. Кроме того, в работе приводится апробация механизма на примере металлургического промышленного холдинга.* ***В результате*** *автором систематизированы преимущества и недостатки предложенного механизма, определены возможности дальнейшего развития механизма.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая трансформация; цифровые технологии; цифровая зрелость; информационный подход; промышленный холдинг; распределение ресурсов.*

Введение

Тенденции развития экономики в последние годы свидетельствуют о повышении роли цифровых технологий в ведении бизнеса. Данный факт обусловлен возможностью оптимизации процессов, повышения производительности труда и появлением новых источников дохода. По мере развития, бизнес используют цифровые технологии, в том числе для глубинной трансформации бизнес-процессов или формирования новых бизнес-моделей, которые смогут обеспечить конкурентоспособность. Подобные процессы получили название цифровой трансформации бизнеса, и всё большее количество экономических субъектов обращает свое внимание к этому направлению.

Научное сообщество также уделяет внимание изучению разных аспектов цифровой трансформации бизнеса. Так, одни исследователи приоритетным ставят вопрос поиска оптимальной бизнес-модели в качестве цифровой трансформации бизнеса [25]. Другие исследователи рассматривают взаимосвязь процессного управления и цифровой трансформации бизнеса [21]. А. Бхарадвай с соавторами приравнивают понятия цифровой трансформации и цифровой стратегии компании [17]. Дж. Росс и соавторы изучают цифровую трансформацию как стратегию использования цифровых технологий для совершенствования процессов продажи и клиентского опыта [23].

ТЕМНИКОВ Андрей Олегович, *аспирант, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск*

Несмотря на многогранность процесса цифровой трансформации бизнеса и возможные выгоды от реализации подобных инициатив, большинство из них заканчиваются провалами и существенными финансовыми убытками [18; 26]. В связи с этим, особо остро встает вопрос управления затратами на цифровую трансформацию. Анализ современной научной литературы показал недостаточную изученность темы управления ресурсами, направляемыми на программы цифровой трансформации бизнеса. Поскольку промышленные холдинги являются важными экономическими субъектами и вносят существенный вклад в экономику стран, и при этом являются менее гибкими в аспекте управления изменениями, мы решили взять именно их в качестве объекта исследования.

Кроме того, с нашей точки зрения, управление затратами в промышленном холдинге ещё более значимо для успеха цифровой трансформации по следующим причинам: во-первых, за счет необходимости распределения имеющихся ресурсов на большое количество элементов (высокий уровень внутрихолдинговой конкуренции). Во-вторых, холдинги имеют возможность получения синергетического эффекта от цифровизации отдельных элементов.

Исходя из этого, мы полагаем, что для эффективного управления затратами на цифровую трансформацию требуется динамическая система мониторинга затрат и механизм распределения ресурсов между элементами промышленного холдинга.

Описание механизма распределения ресурсов на цифровую трансформацию между зависимыми элементами промышленного холдинга. Прежде чем перейти к непосредственному описанию механизма распределения, необходимо рассмотреть основные принципы и допущения, которые лежат в основе модели.

1. Мы полагаем, что оценить степень цифровой трансформации промышленного холдинга можно через цифровую зрелость элементов промышленного холдинга. Согласно определению Boston Consulting Group (BCG) под цифровой зрелостью понимается уровень возможностей предприятия по созданию ценности, используя цифровые технологии [19]. Консалтинговая компания Deloitte в своем исследовании выявила взаимосвязь между уровнем цифровой зрелости компаний, реализующих стратегию цифровой трансформации, и её финансовыми результатами: в 49% случаев компании с высоким уровнем цифровой зрелости заявляли, что их прирост выручки и маржинального дохода существенно выше среднеотраслевого показателя, против 19 и 17 % компаний с низким уровнем цифровой зрелости [22].

Таким образом, перед руководителем компании, отвечающим за реализацию стратегии цифровой трансформации, стоит задача повышения уровня цифровой зрелости как холдинга в целом, так и отдельно взятых его элементов.

2. Мы рассматриваем интегрированные промышленные холдинги, чьи элементы тесно взаимосвязаны и финансовый результат холдинга складывается в том числе под действием синергетического эффекта. В связи с этим, мы используем положение теории игр: экономические субъекты, принимая решения относительно распределения ресурсов, будут стремиться к максимизации индивидуальной выгоды. Однако оптимальная стратегия, с точки зрения выгоды, группы может отличаться от стратегии, оптимизирующей выгоду отдельно взятого члена группы [5; 8]. Применимо к холдингам, данное положение можно сформулировать следующим образом: каждый отдельно взятый элемент холдинга будет стремиться к максимизации его собственной, индивидуальной выгоды, при этом, оптимальная стратегия с точки зрения холдинга в целом, может существенно отличаться от стратегии, оптимизирующей выгоду отдельно взятого его элемента. В дальнейшем, данная предпосылка будет отражена в механизме распределения в качестве ограничения: дисперсия оценок уровня цифровой зрелости зависимых элементов в прогнозном периоде должна быть меньше или равна значению отчетного периода (для сокращения разрывов в развитии).

3. Холдинг является системой, или совокупностью взаимосвязанных элементов, и по аналогии с теорией ограничений систем Э. Голдратта, его можно представить в виде цепи, а его элементы – в виде звеньев этой цепи. В связи с этим, мы предполагаем, что для холдинга справедливо и базовое утверждение теории ограничения систем Э. Голдратта, которую можно описать двумя идиомами: "Цепь не сильнее, чем ее самое слабое звено" или "Скорость эскадры определяется скоростью ее самого медленного корабля" [3; 4]. Иначе говоря, скорость развития и устойчивость системы определяется её самым слабым элементом. Применительно к предмету исследования: степень и скорость цифровой трансформации промышленного холдинга в целом будут определяться наиболее консервативным элемен-

том холдинга с минимальным уровнем цифровой зрелости.

4. Мы придерживаемся информационного подхода (data-driven подхода), основная суть которого заключается в организации эффективного управления данными на предприятии. В другой работе мы отметили, что данные являются ключевым драйвером успешной реализации стратегии цифровой трансформации на предприятии. Мы считаем, что для эффективной реализации стратегии цифровой трансформации в промышленном холдинге на первое место выходит именно организация эффективной системы использования данных в компании. Более того, с нашей точки зрения, инициация проектов цифровой трансформации является нецелесообразной без реализации проектов в области повышения уровня зрелости компании в обращении с данными.

На наш взгляд, корректно решить вопрос распределения финансовых ресурсов между элементами операционного промышленного холдинга можно путем решения следующей исходной математической задачи (формула 1).

$$\begin{cases} DMh_j = \sum_{i=0}^{n} Ks_i * DM_{ij} + DM_{mc} \rightarrow \max \\ D_j(DM_i) = \sum_{i=1}^{n} \frac{\left(DM_{ij} - \overline{DMj}\right)^2}{n-1} \\ Dj \leq D_{j-1} \\ DM_i \leftarrow AR_i \\ \sum_{i=1}^{n} AR_{ij} \leq B_j, AR_{ij} \geq 0 \end{cases}, \quad (1)$$

где DMh_j – уровень цифровой зрелости холдинга в периоде j;

Ks_i – коэффициент взаимозависимости i-ого элемента с другими элементами промышленного холдинга;

DM_{ij} – уровень цифровой зрелости i-ого зависимого элемента промышленного холдинга в периоде j;

DM_{mc} – уровень цифровой зрелости материнской компании промышленного холдинга в периоде j;

DM_j – среднее значение уровня цифровой зрелости зависимых элементов в периоде j;

Dj(DMi) – дисперсия уровня цифровой зрелости зависимых элементов холдинга в периоде j;

ARij – сумма вложений в инициативы управления данными i-ого зависимого элемента промышленного холдинга в периоде j, млн руб.;

Bj – общая сумма финансовых ресурсов для распределения на инициативы управления данными в периоде j, млн руб.

Так, для решения обозначенной задачи необходимо предварительно определить:

1) бюджет для распределения на инициативы управления данными;

2) функцию для расчета уровня цифровой зрелости зависимого элемента промышленного холдинга с позиций информационного подхода (индивидуальную функцию уровня цифровой зрелости);

3) функциональную зависимость уровня выделенных ресурсов на ЦТ и уровня цифровой зрелости отдельно взятого элемента (индивидуальную функцию зависимости);

4) Коэффициент взаимозависимости элементов промышленного холдинга.

Рассмотрим каждый из этих вопросов, начиная с бюджета. В рамках данного исследования мы допустили, что ежегодно Комитет промышленного холдинга, ответственный за стратегическое планирование, на основании данных о финансовых результатах компании принимает решение об объеме прибыли, капитализируемой для дальнейшей реализации стратегических инициатив в области цифровой трансформации. С нашей точки зрения, доля капитализируемой прибыли должна определяться в том числе на основании сопоставления уровня цифровой зрелости промышленного холдинга в целом со среднеотраслевым уровнем, а также исходя из емкости портфеля проектов в области цифровой трансформации.

Далее, исследуем индивидуальную функцию уровня цифровой зрелости. Как отмечалось ранее, управление данными является "предтечей" цифровой трансформации, поэтому и уровень цифровой зрелости мы предлагаем рассматривать с позиций уровня зрелости компании в использовании данных. Говоря об информационном подходе, мы отмечали, что методика, наиболее полно описывающая составляющие элементы системы управления данными, была представлена организацией DAMA International. Исходя из перечисленного, мы полагаем, что уровень цифровой зрелости можно оценить через уровни зрелости в каждой из областей управления данными. В связи с трудностью подобных оценок количественными методами, мы предлагаем использование метода экспертных оценок и для их

получения разработали соответствующую анкету. Максимально возможная оценка по каждому блоку составляет пять баллов.

Также, для итоговой оценки индивидуальной функции уровня цифровой зрелости, мы используем концепцию пирамиды DMBOK, или пирамиды Айкена, которая делит все функциональные области управления данных по фазам в зависимости от уровня зрелости (рис. 1).

Рисунок 1 – **Пирамида DMBOK (Айкена), используемая для градации уровней зрелости в процессах управления данными компании [909]**

Как видно из рисунка 1, автор выделяет четыре фазы, или уровня, развития процессов управления данными в компании. Поскольку концепции Big Data (большие данные) и Data Mining (разведовательный анализ данных) появились относительно недавно и до сих пор находятся в состоянии развития, что подтверждается тем, что они являются вершиной пирамиды, предлагаем не учитывать эту фазу развития. Таким образом, для целей данной работы, мы выделяем следующие уровни зрелости.

Для описанных уровней мы экспертно установили следующие веса: 0,2 – для первого уровня, 0,35 – для второго уровня и 0,45 – для третьего уровня. Итоговая формула для расчета уровня зрелости в управлении данными представлены в формуле 2.

$$DM_i = 0{,}2 \times \overline{E_1} + 0{,}35 \times \overline{E_2} + 0{,}45 \times \overline{E_3}, \quad (2)$$

где DM_i – уровень зрелости управления данными i-ого зависимого элемента промышленного холдинга;

E_1 – среднее арифметическое оценок i-ого зависимого элемента промышленного холдинга по блокам "Безопасность данных", "Хранение и операции с данными", "Моделирование и проектирование данных" и "Интеграция и интероперабельность данных";

E_2 – среднее арифметическое оценок i-ого зависимого элемента промышленного холдинга по блокам "Архитектура данных", "Качество данных" и "Метаданные";

E_3 – среднее арифметическое оценок i-ого зависимого элемента промышленного холдинга по блокам "Руководство данными", "Ведение хранилищ данных и бизнес-аналитика", "Справочные и основные данные" и "Управление документами и контентом".

Далее, рассмотрим возможную функциональную зависимость между уровнем выделенных ресурсов на ЦТ и уровнем цифровой зрелости i-ого элемента промышленного холдинга. Мы полагаем, что уровень цифровой зрелости i-ого элемента в периоде n зависит от уровня цифровой зрелости этого элемента в периоде n – 1, результатов вложений в инициативы цифровой трансформации предыдущих периодов и результат вложений в инициативы цифровой трансформации периода n. В качестве допущения отметим, что единовременно компания занимается развитием только одной области управления данных и не переходит к реализации инициатив в другой области до завершения начатого проекта (соответствует концепции Пирамиды Айкена).

Мы предлагаем следующий алгоритм расчета коэффициента зависимости прироста уровня цифровой зрелости от сумм вложений:

1. Собрать данные по сумме затрат на реализацию предыдущих проектов в области управления данными.

2. На основании данных о функциональной спецификации проекта, заполнить анкеты для оценки уровня цифровой зрелости компании до реализации проекта (DM_0) и после (DM_1).

3. Рассчитать изменение оценки уровня цифровой зрелости компании (ΔDM) по формуле $\Delta DM = DM_1 - DM_0$.

4. Вычислить коэффициент зависимости путем деления прироста оценки уровня цифро-

вой зрелости компании на сумму затрат на реализацию проекта.

Также рассмотрим метод оценки значения коэффициента взаимозависимости элементов промышленного холдинга. Мы полагаем, что взаимозависимость элементов промышленного холдинга может влиять на вклад отдельного элемента в групповую функцию цифровой зрелости. Так, с нашей точки зрения, чем больше элемент промышленного холдинга взаимодействует с другими зависимыми обществами, тем больше будет его вклад в уровень цифровой зрелости промышленного холдинга. В связи с этим, предполагаем, что коэффициент взаимозависимости для i-ого элемента будет определяться медианным значением среднего арифметического отношений объема выручки i-ого зависимого общества к себестоимости j-ого элемента и объема выручки j-ого элемента к себестоимости i-ого (формула 3).

$$Ks_i = Me\left(\sum_{j=1}^{n} \frac{\frac{TR_i}{TC_j} + \frac{TC_i}{TR_j}}{2}\right), \qquad (3)$$

где KS_i – коэффициент взаимозависимости i-ого элемента с другими элементами промышленного холдинга;

TR_i – выручка i-ого элемента промышленного холдинга в отчетном периоде;

TC_i – себестоимость i-ого элемента промышленного холдинга в отчетном периоде;

TR_j – выручка j-ого элемента промышленного холдинга в отчетном периоде;

TC_j – себестоимость j-ого элемента промышленного холдинга в отчетном периоде;

В случае наличия достаточного количества данных за большое количество периодов, возможно использование медианы ряда значений

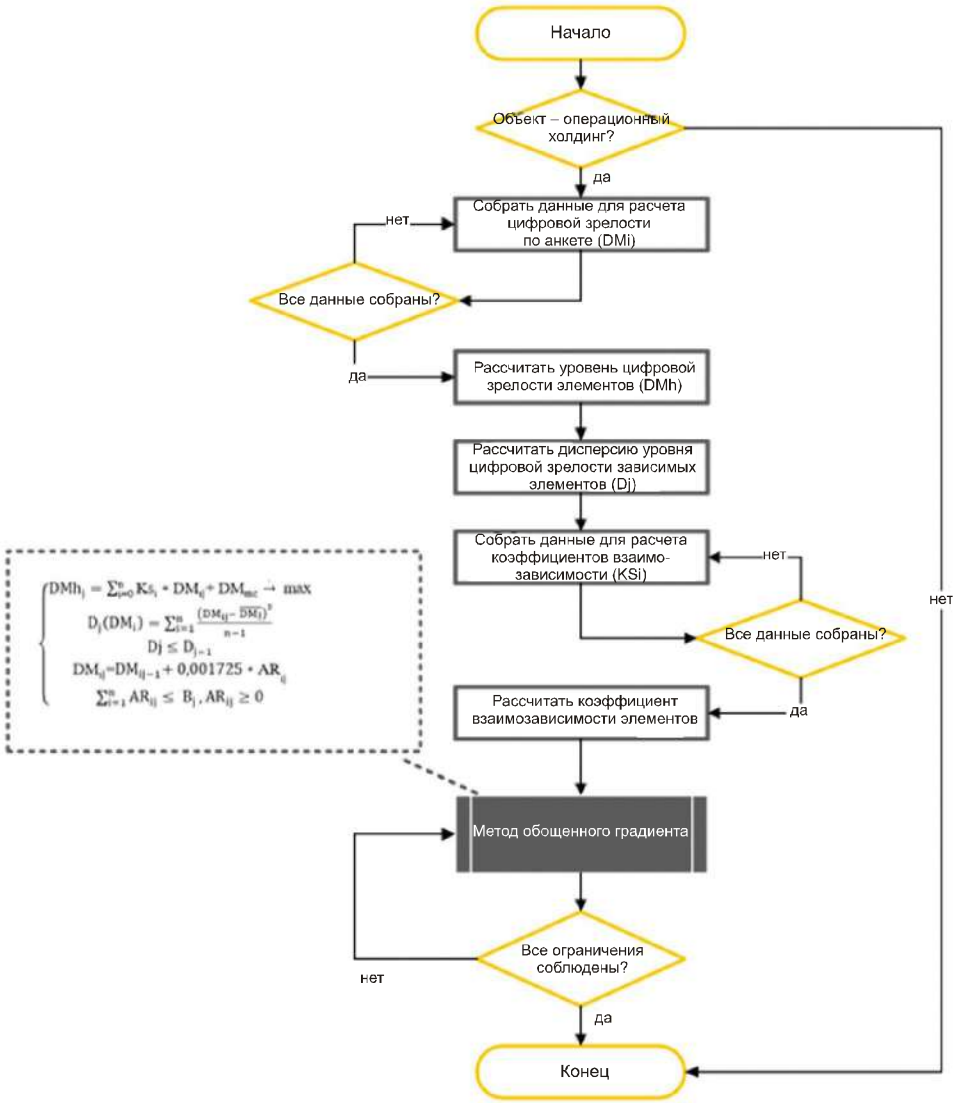


Рисунок 2 – **Алгоритм распределения финансовых ресурсов на инициативы по управлению данными между элементами промышленного холдинга (авт.)**

парных коэффициентов корреляции i-ого элемента в качестве коэффициента взаимозависимости.

Итоговый алгоритм распределения финансовых ресурсов представлен на рисунке 2.

Апробация предложенного механизма. В соответствии с представленным на рисунке 2 алгоритмом мы провели апробацию механизма на примере отечественного промышленного холдинга операционного типа – ПАО "Трубная металлургическая компания" (далее – ТМК).

На основании изучения пресс-релизов компании ТМК, корпоративного журнала ТМК "Yourtube", интервью с директором по информационным технологиям ТМК, публичных данных на порталах "TAdviser", "Управление производством", "Сфера нефть и газ", "Neftegaz.ru", "Про Качество" и прочим новостным источникам о цифровой трансформации и IT-проектах, реализованных в холдинге, мы экспертно оценили уровень цифровой зрелости предприятий, входящих в группу ТМК [1-2; 6-7; 9-15]. В таблице 1 мы представили результаты экспертной оценки уровня цифровой зрелости предприятий группы компаний ТМК в 2021 году.

Таблица 1 – **Уровень цифровой зрелости в управлении данными зависимых элементов группы ТМК в 2021 году (авт.)**

Компания	Оценка цифровой зрелости по этапам			Уровень цифровой зрелости
	I этап (0,2)	II этап (0,35)	III этап (0,45)	
ЧТПЗ	2	1	1,5	1,4250
ПНТЗ	1,5	1	1,25	1,2125
ВТЗ	1,75	1	1,75	1,4875
ТАГМЕТ	1,25	1	1,75	1,3875
СТЗ	1,75	1	1,75	1,4875
СинТЗ	1	1	1,5	1,2250

Примечание. В скобках указан весовой коэффициент вклада каждого уровня в результирующую оценку уровня цифровой зрелости компании (см. формулу 2)

Также, для модели нам необходимо рассчитать текущее значение дисперсии оценки уровня цифровой зрелости. В 2021 году для группы ТМК дисперсия уровня цифровой зрелости составила ((1,4250 – 1,3708)2 + (1,2125– 1,3708)2 +(1,4875 – 1,3708)2 + (1,3875 – 1,3708)2 + (1,4875 – 1,3708)2 + (1,2250 – 1,3708)2) / (6 – 1) = 0,0153542 ≈ 0,0153.

Далее, мы перешли к расчету коэффициентов взаимозависимости элементов промышленного холдинга. Поскольку ПАО "ЧТПЗ" и АО "ПНТЗ" вошли в состав промышленного холдинга только в 2021 году, для расчета коэффициентов взаимозависимости мы использовали данные бухгалтерской отчетности по стандартам РСБУ за 2021 год. Исходные данные для расчета и итоговые значения коэффициентов взаимозависимости представлены в таблице 2.

Таблица 2 – **Расчет коэффициентов взаимозависимости элементов промышленного холдинга ТМК в 2021 году (авт.)**

Компания	Выручка, тыс. руб.	Себестоимость, тыс. руб.	Коэффициент взаимозависимости
ВТЗ	75 624 043	64 876 462	1,08
СТЗ	70 139 472	61 347 610	0,98
СинТЗ	53 170 944	46 151 887	0,65
ТАГМЕТ	56 041 616	51 279 142	0,71
ПНТЗ	93 221 731	88 721 731	1,55
ЧТПЗ	114 509 033	99 622 997	1,82

Следующим шагом мы перешли к оценке функциональной зависимости между вложениями в проекты управления данными и приростом уровня цифровой зрелости. Поскольку компании не разглашают информацию о стоимости реализуемых проектов и их составляющих, мы воспользовались примером холдинга из другой отрасли. Так, Банк ВТБ с привлечением компании Glowbyte реализовали комплексный проект корпоративного хранилища данных стоимостью 800 млн руб. и сроком реализации 3 года [27]. На основании описания проекта мы экспертно оценили прирост уровня цифровой зрелости на основании анкеты, результаты представлены в таблице 3.

На основании данных из таблицы 3 определим взаимосвязь уровня вложений и прироста уровня цифровой зрелости, принимая во внимание, что при нулевых вложениях в инициативы по управлению данными прирост уровня цифровой зрелости будет нулевым. Для вычисления коэффициента при линейной функции зависимости вложений от прироста, поделим прирост оценки цифровой зрелости на сумму вложений: 1,38 / /800 млн = 0,001725.

Таблица 3 – **Изменение оценки цифровой зрелости холдинга ВТБ после реализации проекта корпоративного хранилища данных (авт.)**

№ этапа	Вес	До проекта	После проекта
Этап 1	0,2	0,2	0,55
Этап 2	0,35	0,35	0,93
Этап 3	0,45	0,45	0,90
Оценка цифровой зрелости		1	2,38
Прирост оценки цифровой зрелости		1,38	

Таким образом, функция зависимости прироста оценки цифровой зрелости для модели описывается уравнением в формуле 5.

$$\Delta DM_i = 0{,}001725 * AR_i, \quad (5)$$

где ΔDM_i – прирост уровня цифровой зрелости управления данными i-ого зависимого элемента промышленного холдинга;

AR_i – сумма вложений в инициативы управления данными i-ого зависимого элемента промышленного холдинга в финансовом периоде, млн руб.

Как мы отметили ранее, одним из ограничений нашего метода является то, что бюджет на цифровую трансформацию должен быть заранее определен. В дальнейшем мы будем исходить из того, что бюджет для распределения затрат в прогнозном периоде составит 3% от консолидированной выручки группы ТМК в 2021 году, т.е. 428 981 млн руб. x 0,03 = 12 869,43 млн руб. Очевидно, не весь бюджет на цифровизацию направляется на инициативы по управлению данными. Предположим, что ~25% из бюджета холдинга на цифровизацию будет направлено на реализацию инициатив по управлению данными. Для упрощения расчетов округлим бюджет до 3 000 млн руб. или 3 млрд. руб.

Наконец, перейдем к непосредственному распределению бюджета на цифровую трансформацию между зависимыми элементами. Как мы указали в алгоритме, распределение осуществляется с применением метода обобщенного градиента. Технически расчет был осуществлен с применением модуля "Поиск решения" в Microsoft Excel, в которую были внесены данные целевой функции и ограничения, которые описаны в формуле 1. В таблице 4 представлены результаты распределения бюджета на цифровую трансформацию по результатам поиска решения методом обобщенного градиента.

Таблица 4 – **Результаты распределения суммарного бюджета на инициативы управления данными зависимых элементов предложенным алгоритмом (авт.)**

Компания	Оценка цифровой зрелости	Затраты на инициативы в управлении данными, млн руб.
ПНТЗ	2,3447	656,33
СинТЗ	2,1051	510,20
ТАГМЕТ	2,1212	425,32
ЧТПЗ	2,4165	574,79
ВТЗ	2,2192	424,17
СТЗ	2,1934	409,20
Оценка цифровой зрелости холдинга		15,4528
Дисперсия оценки цифровой зрелости		0,01535416

Как видно из таблицы 4, по результатам работы алгоритма все зависимые элементы достигли медианного уровня цифровой зрелости зависимых элементов 2,2062 (+0,86 п., +62,9%) и итоговым показателем оценки цифровой зрелости холдинга 15,4528 пунктов (+6,13 п., +65,8%), незначительно снизив дисперсию оценки цифровой зрелости по холдингу.

Результаты и обсуждение

Рассмотрев результаты апробации алгоритма распределения финансовых ресурсов между зависимыми элементами промышленного холдинга, перейдем к анализу преимуществ и недостатков предложенного механизма. На рисунке 3 мы представили эти преимущества во взаимосвязи с особенностями цифровой трансформации промышленного холдинга.

Во-первых, предлагаемый методический подход позволяет научно-обоснованно распределять средства бюджетов на цифровизацию в рамках операционных холдингов, учитывая степень взаимозависимости их элементов через коэффициент взаимозависимости.

Во-вторых, авторский подход является относительно простым в применении. Для его использования не требуется приобретение специального программного обеспечения и обладает невысокой трудоемкостью сбора данных, необходимых для распределения средств, поскольку необходимые данные формируются в рамках других отчетных документов и могут быть выгружены из корпоративной ERP-системы.

В-третьих, существующие методы [16; 20; 24] четко не описывают возможных подходов к распределению средств между зависимыми элементами промышленного холдинга, и не учитывают возможность безадресного распределения средств, в связи с чем, предлагаемый метод содержит новизну как научную, так и практическую.

В-четвертых, метод возможно адаптировать под специфику задач конкретного производственного холдинга операционного типа. В частности, возможны следующие варианты донастройки: масштабируемость по количеству зависимых элементов промышленного холдинга (с ростом количества элементов высвобождает большее количество времени по сравнению с прямыми методами распределения на проекты), применимость к разным типам операционных промышленных холдингов при корректировке коэффициента взаимозависимости.

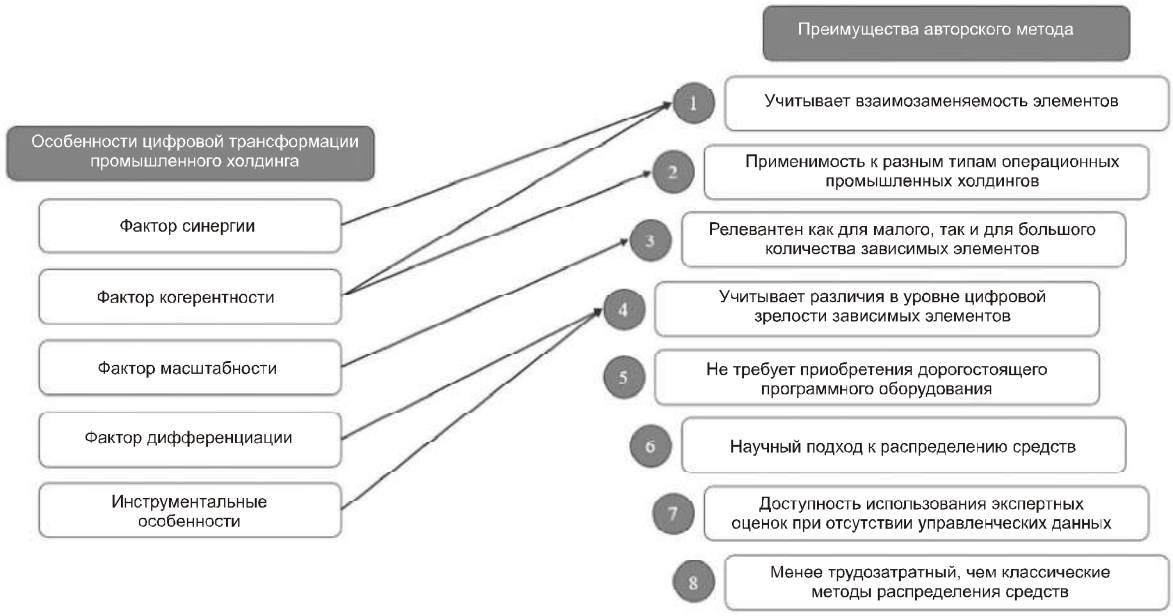


Рисунок 3 – **Основные преимущества авторского метода распределения средств на инициативы в управлении данными промышленного холдинга во взаимосвязи с его особенностями цифровой трансформации (авт.)**

В-пятых, достоинством механизма является невысокая чувствительность результатов распределения средств к изменению коэффициентов взаимозависимости. Это значимо для таких ситуаций, когда сумма затрат или реализации не могут быть определены с полной точностью и достоверностью, но дают общую картину о соотношении данных показателей между элементами. Тем самым применение экспертных оценок в данных случаях не снижает эффективности распределения бюджета на цифровые инициативы.

Наконец, можно отметить, что предлагаемый метод не учитывает детальную конфигурацию проектов, т.е. распределяет финансовые ресурсы не на конкретные проекты и инициативы, а в целом на зависимый элемент промышленного холдинга, что, с одной стороны, повышает инициативность на местах (предоставляя большую свободу выбора в зависимости от потребностей конкретного дочернего общества), а с другой – позволяет реализовывать на каждом элементе холдинга портфель проектов различной функциональности, соответствующих уровню его цифровой зрелости.

Далее, рассмотрим узкие места методического подхода автора, или ситуации, в которых предлагаемая экономико-математическая модель не работает или дает некорректные результаты. Так, предложенный алгоритм будет давать некорректные результаты при распределении средств между элементами финансового холдинга. Это связано с тем, что элементы холдинга такого типа не связаны единым производственным процессом, логично предположить, что уровень коэффициента взаимосвязи между элементами должен быть близок к нулю. Таким образом, составляющие цифровой зрелости холдинга, связанные с уровнем цифровой зрелости зависимых элементов, будут стремиться к нулю при любом уровне вложений в инициативы по управлению данными для финансовых холдингов.

Второе ограничение связано с типом распределяемых ресурсов. Как отмечалось ранее, алгоритм предполагает распределение исключительно финансовых ресурсов. В силу чего, авторский метод не даст корректные результаты для цифровых инициатив, предполагающих исключительно самостоятельную их реализацию (без привлечения трудовых ресурсов подрядчика), поскольку в определенный момент времени элементы холдинга не смогут освоить дальнейший прирост инвестиций и обеспечить, тем самым, прирост цифровой зрелости.

Кроме того, предлагаемый методический подход не следует применять при значениях индивидуальных функций цифровой зрелости близким или равным пяти, поскольку авторский метод не даст полного распределения бюджета на цифровизацию, либо распределит весь бюджет между элементами до достижения порогового значения. В реальности достижения такого высокого уровня цифровой зрелости является скорее идеальным состоянием и для российских промышленных холдингов за-

дача, как минимум, ближайших 15 лет, поэтому корректность работы алгоритма для отечественных холдинговых структур может быть признана достаточной.

Несмотря на то, что отсутствие адресности при распределении финансовых ресурсов между дочерними компаниями холдинга дает некое преимущество методу, данная особенность может стать ограничением в применении для тех холдингов, которые реализуют масштабные комплексные проекты с высокой стоимостью и большим организационным охватом. В данном случае применение авторского алгоритма просто нецелесообразно, поскольку предпочтительнее "ручное" распределение средств согласно перечню отдельных составляющих проектов. В продолжение этого ограничения, отметим, что авторский методический подход предполагает, что инвестиции в инициативы управления данными имеют моментальную отдачу, т.е. прирост уровня цифровой зрелости достигается в том же периоде, в котором были вложены распределенные финансовые ресурсы. Такой эффект возможен в случае реализации небольших проектов с быстрым сроком реализации и невозможен в рамках комплексных проектов и инициатив.

В завершение, предлагаемый алгоритм не учитывает влияние "эффекта масштаба" на прирост цифровой зрелости конкретного элемента при том, что стоимость реализации некоторых проектов зависит от масштаба предприятия и объема данных, находящихся в его распоряжении. Тем не менее, мы полагаем, что в операционных холдинговых структурах взаимосвязанность крупных, средних и малых компаний в рамках единой производственной цепочки нивелирует влияние данного эффекта, в силу действия синергетического эффекта.

Заключение

Обобщая вышесказанное, для решения проблемы рационального распределения ресурсов (в первую очередь, финансовых) на цифровую трансформацию элементов промышленного холдинга, мы рассмотрели перечень критериев, обеспечивающих оптимальное распределение ресурсов на основании уровня цифровой зрелости зависимого общества промышленного холдинга операционного типа с позиций теории ограничения систем Э. Голдратта и теории игр, которые легли в основу авторского механизма распределения ресурсов на цифровую трансформацию.

Кроме того, мы подробно рассмотрели алгоритм работы механизма распределения, в том числе, и этапы сбора данных для расчета показателей, составляющих основу авторского метода. В добавок, были зафиксированы допущения предложенного инструмента. В частности, механизм распределяет только финансовые ресурсы, бюджет к распределению определен заранее, алгоритм применим для промышленных холдингов операционного типа, поскольку его элементы тесно взаимосвязаны производственным процессом и, соответственно, "перегибы" в цифровом развитии связанных элементов чреваты ограничением скорости роста цифровой зрелости предприятия и получения эффектов от цифровой трансформации. Также, мы провели апробацию метода на примере металлургического промышленного холдинга операционного типа.

Наконец, в заключение рассмотрели преимущества и недостатки метода. Основные недостатки метода обусловлены его ограничениями. Помимо этого, мы отметили, что механизм дает некорректные результаты, в случае высокого уровня цифровой зрелости зависимых элементов, но поскольку отечественные промышленные холдинги находятся на начальном этапе развития, предложенный механизм является достаточным. К основным преимуществам алгоритма мы отнесли то, что он учитывает взаимосвязь зависимых обществ и их влияние на итоговый уровень цифровой зрелости, учитывает различия в уровнях цифровой зрелости элементов, является менее трудоемким, чем классические прямые методы распределения и не требует приобретения дорогостоящего ПО для внедрения. Кроме того, метод является достаточно гибким, поскольку масштабируется на большое количество зависимых элементов, допускает применение экспертных оценок и допускает донастройку для применения в других типах холдингов.

Литература:

1. Алгоритм помощи сталевару. ЧТПЗ цифровизирует производство труб // Neftegaz.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://neftegaz.ru/news/tsifrovizatsiya/496547-algoritm-pomoshchi-stalevaru-chtpz-tsifroviziruet-proizvodstvo-trub/ (дата обращения: 10.11.2022)
2. В Группе ЧТПЗ реализован проект по цифровизации процесса поступления сырья для производства стали // Клуб "Сфера Нефть и Газ" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--80aaigboe2bzaiqsf7i.xn--p1ai/V-Gruppe-ChTPZ-realizovan-proekt-po-tsifrovizatsii-protsessa-postupleniya-sirya-dlya-proizvodstva-stali/ (дата обращения: 10.11.2022)
3. Голдратт Э.М. Цель: процесс непрерывного улучшения / Э.М. Голдратт, Д. Кокс, пер. с англ. Е Фе-

дурко. – 5-е, исправл. – Минск: Попурри, 2019. – 400 с.
4. Детмер Э. Теория ограничений Голдратта. Системный подход к непрерывному совершенствованию / Э. Детмер. – Альпина Диджитал, 2012. – 480 с.
5. Диксит А. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / А.Диксит, Б. Нейлбафф; пер. с англ. Н. Яцюк. – 4-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 464 с.
6. Корытько И. Цифровизация – обязательное условие развития промышленной компании // ТМК. Медиацентр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tmk-group.ru/PressReleases/3837 (дата обращения: 10.11.2022)
7. Информационные технологии в Трубной Металлургической Компании (ТМК) // TAdviser Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 10.11.2022)
8. Пейдж С. Модельное мышление. Как анализировать сложные явления с помощью математических моделей / С. Пейдж, пер. с англ. Н. Яцюк [науч.ред. И. Красиков, А. Минько]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 528 с.
9. Складской комплекс ЧТПЗ провел цифровизацию делопроизводства // Национальная ассоциация нефтегазового сервиса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nangs.org/news/it/skladskoy-kompleks-chtpz-provel-tsifrovizatsiyu-deloproizvodstva (дата обращения: 10.11.2022)
10. ТМК повышает эффективность процессов ремонта оборудования за счет IT-решений // ТМК. Медиацентр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tmk-group.ru/PressReleases/4379 (дата обращения: 10.11.2022)
11. Трансформация в деталях // Yourtube Technology. Motion. Knowledge, №3 (41), 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tmk-yourtube.ru/41/page5-inner.php (дата обращения: 10.11.2022)
12. Цифровая система контроля качества ТМК // Портал "ProКачество" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kachestvo.pro/innovatsii/tsifrovaya-sistema-kontrolya-kachestva-tmk/ (дата обращения: 10.11.2022)
13. Цифровая трансформация – Стратегический отчет – Годовой отчет 2020 // ТМК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://report2020.tmk-group.ru/ru/strategic-report/digital-transformation (дата обращения: 10.11.2022)
14. Цифровизация ТМК: что нового? // ООО Портал "Управление производством" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://up-pro.ru/library/information_systems/automation_production/tsifrovizatsiya-tmk-chto-novogo/ (дата обращения: 10.11.2022)
15. Челябинский трубопрокатный завод // TAdviser Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 10.11.2022)
16. 6 tips for digital transformation budget planning // TechTarget [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.techtarget.com/searchcio/tip/6-tips-for-digital-transformation-budget-planning (дата обращения: 14.01.2023)
17. Bharadwaj, A. Digital Business Strategy: Toward A Next Generation Of Insights / A. Bharadwaj, O. El Sawy, P.A. Pavlou, N. Venkatraman // MIS Quarterly, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.semanticscholar.org/paper/Digital-business-strategy%3A-toward-a-next-generation-Bharadwaj-Sawy/00e62a7090ab72c5d1dfaebaa0c705708026c0e0 (дата обращения: 17.10.2021)
18. De la Boutetiere, H. Unlocking success in digital transformations / H. de la Boutetiere, A. Montagner, A. Reich // McKinsey & Co, 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mckinsey.com/business-functions/people-and-organizational-performance/our-insights/unlocking-success-in-digital-transformations (дата обращения: 17.10.2021)
19. Digital Maturity Benchmark / BCG & Google [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digitalmaturitybenchmark.withgoogle.com/en/advertisers/ (дата обращения: 10.05.2022)
20. Digital Transformation Projects Need Flexible Budget and Collaboration // International Society of Automation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.isa.org/digital-transformation-projects-need-flexible-budget-and-collaboration (дата обращения: 14.01.2023)
21. Fischer, M. Strategy Archetypes For Digital Transformation: Defining Meta Objectives Using Business Process Management / M. Fischer, F. Imgrund, Ch. Janiesch, A. Winkelmann // Information & Management, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0378720618303197 (дата обращения: 17.10.2021)
22. Pivoting to Digital Maturity. Seven capabilities central to digital transformation / Deloitte Insights, 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www2.deloitte.com/br/en/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/impulsionando-maturidade-digital.html (дата обращения: 12.05.2022)
23. Ross, J. Don't confuse digital with digitization / J. Ross // MIT Sloan Management Review, 2017 [Электронный ресурс]. – https://sloanreview.mit.edu/article/dont-confuse-digital-with-digitization/
24. Tips to Plan a Budget for Digital Transformation // Indeema [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://indeema.com/blog/tips-to-plan-a-budget-for-digital-transformation (дата обращения: 14.01.2023)
25. Weill, P. What's Your Digital Business Model? Six Questions to Help You Build the Next-Generation Enterprise / P. Weill, S. Woerner. – Harvard Business Review, Boston, 2018. – 256 p.
26. Why Digital Transformations Fail: Closing The $900 Billion Hole In Enterprise Strategy // Forbes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/forbestechcouncil/2018/03/13/why-digital-transformations-fail-closing-the-900-billion-hole-in-enterprise-strategy/?sh=57729cdd7b8b (дата обращения: 15.01.2022)
27. Корпоративное хранилище данных ВТБ24 многократно окупилось // TAdviser Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 10.11.2022)

RESEARCHING THE DIFFERENCES BETWEEN THE ORGANIZATION OF A PRIVATE AND A PUBLIC COMPREHENSIVE SCHOOL AS SUBJECTS OF MARKETING ACTIVITIES

Fomichenko Natalia Vladimirovna, *competitor, Kuban State Technological University, Krasnodar*

Purpose of the study *to identify and describe the subjects of marketing activities for private and public educational institutions for the successful formation and effective management of secondary school as an object of marketing.* ***Scientific novelty*** *is to conduct research on identifying and revealing the differences between the subjects of marketing activities for private and public general educational institutions in Russia. The key factors influencing the performance of each individual subject as of 2022 have been determined.* ***As a result****, points of growth of private and public schools at the stage of organization and operation of the educational institution as of 2022 for each individual subject: the consumer, customer, producer, organizations-consumers, intermediaries and marketing department.*

Keywords: *education marketing; competitiveness; marketing entity; marketing strategy; educational school positioning.*

EDN: LROPUC **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.17**

УДК 339.138
ВАК РФ 5.2.3

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЧАСТНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК СУБЪЕКТОВ МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Фомиченко Н.В., 2023

Цель исследования *– определить и описать субъекты маркетинговой деятельности для частных и государственных общеобразовательных учреждений, с целью успешного формирования и эффективного управления общеобразовательной школой как объекта маркетинга.* ***Научная новизна*** *заключается в проведении исследования по определению и выявлению различий между субъектами маркетинговой деятельности для частных и государственных общеобразовательных учреждений России. Определены ключевые факторы, влияющие на результат деятельности каждого отдельного субъекта по состоянию на 2022 г.* ***В результате*** *исследования сформированы точки роста частных и государственных образовательных школ на этапе организации и функционирования образовательного учреждения по состоянию на 2022 г. по каждому отдельному субъекту: потребитель, покупатель, производитель, организации-потребители, посредники и маркетинговый отдел.*

Ключевые слова: *маркетинг в образовании; конкурентоспособность; субъект маркетинга; маркетинговая стратегия; позиционирование учебного заведения.*

Введение

Из проведённого исследования НИУ ВШЭ [12], по данным Росстата по состоянию на 2018 г., доля частных школ составляет 1,9%, что говорит об увеличении в 2,4 раза подобных учебных заведений с момента зарождения данного российского рынка с1995 года (рис. 1) [12]. При этом за аналогичный период произошло сокращение количества государственных школ на 34%: с 68445 до 44644 единиц.

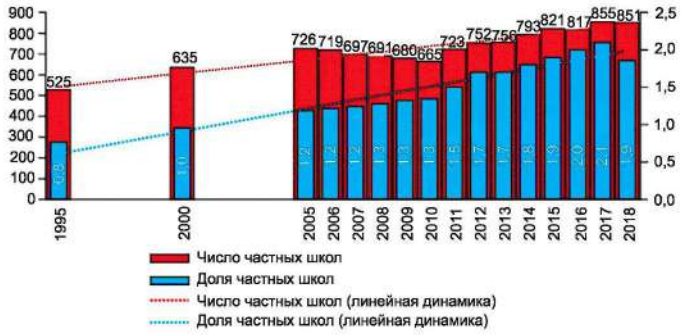


Рисунок 1 – **Динамика числа негосударственных школ (на основной оси), а также их доли в общем числе общеобразовательных организаций России (на вспомогательной оси), %**

Источники: Росстат, Минобрнауки России [12]

ФОМИЧЕНКО Наталия Владимировна, *соискатель, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар*

Из исследований Ассоциации Негосударственного Образования [3], согласно данным Росстата, доля частных школ в сегменте Образование РФ по состоянию на 2020 г. составляет 2,2%, что на 275% больше, чем по состоянию на 1995 году (рис. 2).

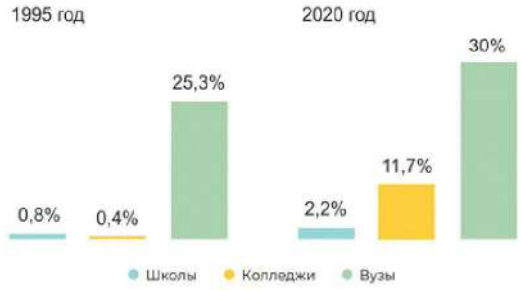


Рисунок 2 – **Доли частных образовательных организаций в сегменте Образования России за период 1995-2020 гг.**

Рисунок 3 – **Динамика численности учащихся частных школ (на основной оси), тыс. чел, и их доли в общей численности учащихся общеобразовательных организаций России (на вспомогательной оси), %**

Источники: Росстат, Минобрнауки России [12]

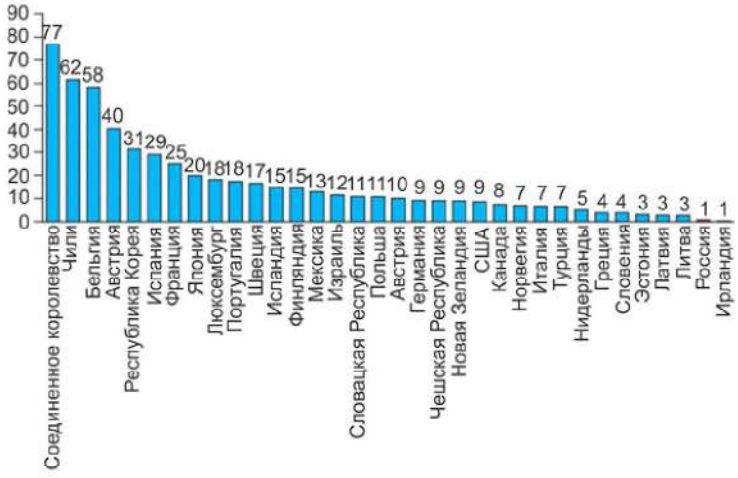


Рисунок 4 – **Удельный вес учащихся частных школ в общей численности учащихся школ, 2016 г., %**

Источник: Всемирный банк [12]

Сравнивая статистику 2020 г. (рис. 2) [3] с 2018 г. (рис. 1) [12], можем определить, что доля негосударственных школ в России увеличилась с 1,9 до 2,2 %, а именно на 15%.

Численность обучающихся российских детей в частном образовании по состоянию на 2018 г. составляет 123,7 тыс. человек. Хотя доля в общей численности учащихся остается незначительной и составляет 0,8% (рис. 3) [12]

Сравнивая аналогичную статистику с развитыми странами мира, можем увидеть, что наибольшую часть коммерческих образовательных учреждений составляют в Великобритании, где доля численности детей в частной школе составляет 77% от общего количество обучающихся в стране (рис. 4) [12]. Понимая разницу на макроэкономическом уровне между Англией и Россией, мы задались целью исследования: на что влияет приоритетный выбор частного образования в экономически развитом обществе.

Проблематика: в сложившейся российской бизнес-практике, на этапе создания общеобразовательного учреждения, многие учредители руководствуются основной ключевой идеей, не осознавая, как выбранная ценность может влиять на каждый из субъектов будущей организации. Зачастую такая ситуация происходит за счет линейного понимания степени воздействия деятельности школы на общество в целом.

Проведем исследование различий между субъектами частного и государственного среднего образования и выявим факторы, которые в наибольшей степени влияют на результаты деятельности организации для общества и государства.

Материалы

Для достижения поставленной цели в статье использован метод качественного и количественного анализа научной литературы. Общенаучный метод: наблюдение, анализ, сравнение, синтез, обобщения и пр. частонаучные методы: формально-логический, исторический, сравнительно-правовой, статистический и пр.) Источники информации: нормативно-правовая база, данные Росстата, Минобрнауки России, Всемирного банка; Ассоциация негосударственного образования; Международная

гимназия Сколково; НИУ ВШЭ; открытые источники сети Интернет.

Результаты

Сущность понятия "субъект" определяется его названием в переводе с латинского subjectum – "лежащее внизу; находящееся в основе". Другими словами, субъектом является то, что влияет на объект исследования – в нашем случае среднее образовательное учреждение. При этом мы рассматриваем как два принципиально разных объекта: государственное среднее образовательное учреждение и коммерческое. Нельзя не согласится с мнением А.П. Панкрухина [9], который разделяет субъекты маркетинга на две группы: внутренние и внешние, между которыми возможен конфликт интересов. Действительно, в коммерческой школе целью преподавателя может быть растянуть процесс обучения как можно дольше, чтобы покупатель максимально платил за процесс. При этом родителю как покупателю важно, чтобы в кратчайшие сроки его ребенок как потребитель получил необходимый объем знаний на конкретном этапе обучения для перехода на новый уровень образовательной ступени.

В процессе исследования мы разделили субъекты маркетинга по принципу групп А.П. Панкрухина [9]:

– Внутренние субъекты среднего образовательного учреждения заинтересованы в развитии стабильного и масштабного образовательного процесса, в соответствии с ресурсами и с требованиями организаций-потребителей и покупателей. К внутренним субъектам отнесем: производителя, специалистов по маркетингу, посредников.

– Внешние субъекты образовательного учреждения заинтересованы в получении качественного результата в ограниченные сроки и ресурсы. К внешним субъектам школ отнесем: потребителей, покупателей, организации-потребителей.

Рассмотрим различия между субъектами – государственным (рис. 5) и частным (рис. 6) средним образовательным учреждением:

Группа субъектов "Покупатель":

Для государственного образовательного учреждения данный субъект отсутствует (рис.5). А для частной школы – субъектом является "Родитель" (законный представитель) (рис.6).

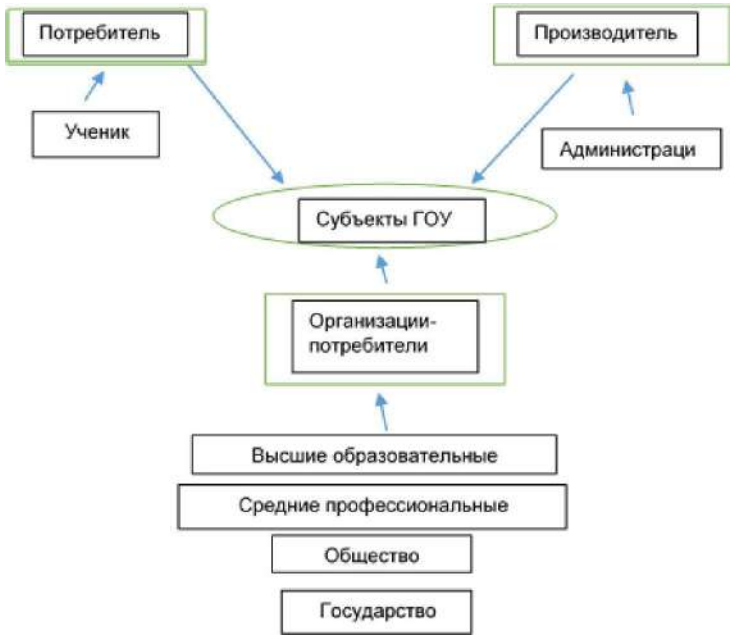


Рисунок 5 – **Субъекты маркетингового исследования государственного общеобразовательного учреждения**

Принципиальное отличие в данной группе, то что родитель является плательщиком услуги за обучение, соответственно для частного образовательного учреждения его критерии выбора являются важными при отборе учебного заведения.

При этом для государственной школы лицом, принимающим решения, тоже является родитель, но так как он не платит за услуги, то его мнение не принципиально важно для образовательного учреждения.

В рамках МЭО НИУ ВШЭ в 2016 г. провела опрос среди родителей [12], дети которых обучаются как в государственных, так и в частных школах (рис.7) [12]. Судя по результатам, можно сказать, что при выборе частной школы для родителя на первом месте стоит наличие квалифицированных преподавателей. А для родителей, чьи дети учатся в государственных учебных заведениях, самым важным фактором является близость к дому.

Группа субъектов "Потребитель":

Для данной категории как для государственной (рис. 5), так и для частной (рис. 6) школы субъектом маркетинговой деятельности является "Ученик". При этом для коммерческого образовательного учреждения ученик является влиятелем на мнение родителя, следовательно, мнение ученика важно для коммерческой школы. А для государственной школы субъект "ученик" – не больше чем звено в предоставлении образовательной услуги.

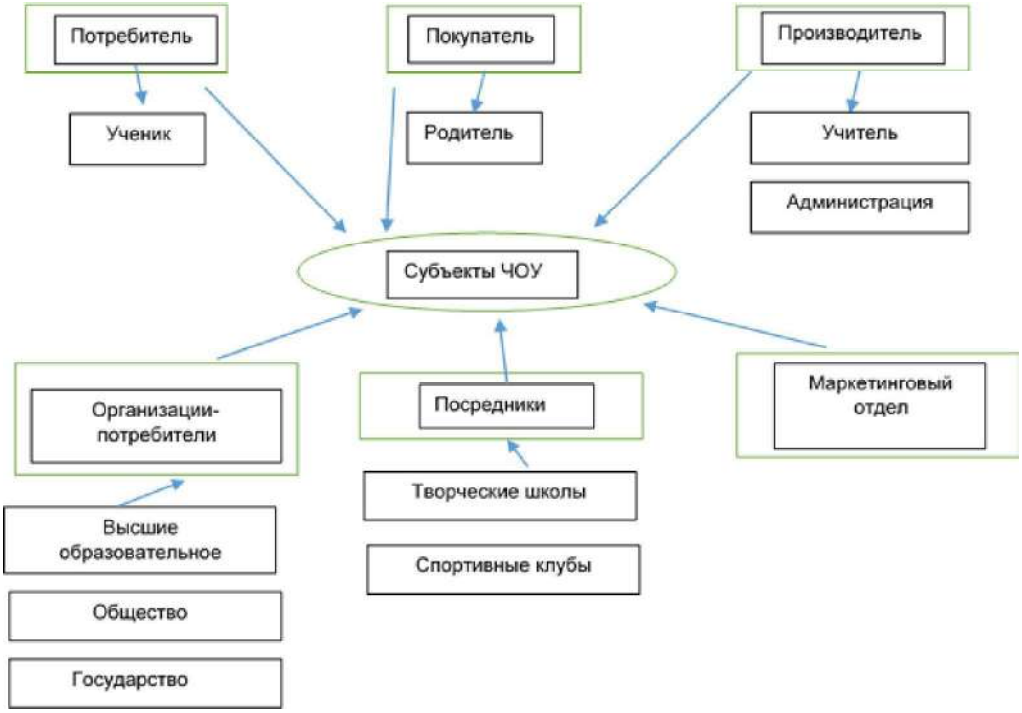


Рисунок 6 – **Субъекты маркетинговой деятельности частного общеобразовательного учреждения**

Группа субъектов "Производитель":

Здесь в случае государственной школы существует субъект только "Администрация" (рис. 5). Целью администрации государственной школы является организовать образовательный процесс исходя из имеющихся ресурсов. При этом у частной школы субъект данной группы тоже – "Администрация" (рис. 6), но при этом ее цель – организация образовательного процесса в соответствии с потребностями потребителя и плательщика, соответственно ученика и родителя, согласно основам маркетинга, от Ф. Котлера [5]

В данной группе для частной школы важным субъектом Производства является именно "Учитель" (рис. 6). Здесь подразумеваются и личные, и профессиональные качества отдельного преподавателя, а в целом и педагогического состава учреждения.

Опыт, профессиональные качества, личный бренд, внедрение апробированных инновационных методик обучения, харизматичность – все это – ключевые факторы преподавателей для востребованной частной школы.

При этом стабильный педагогический коллектив является показателем успешного менеджмента образовательного учреждения.

Группа субъектов "Организации-потребители":

Как для государственного, так и для частного школьного образования "Высшее учебное заведение" – субъект маркетинговой деятельности (рис. 6). При этом ученики частных школ после 11 класса в большинстве ориентируют-

Рисунок 7 – **Ответы родителей на вопрос, по каким причинам для своего ребенка вы выбрали школу, 2016 г., % [12]**

ся на поступление в высшие учебные заведения, причем не только в Российские, но и зарубежные. Так, по данным Международной Гимназии Сколково [6], за период с 2016 по 2022 гг. выпускники в 100% поступили в Российские и международные высшие учебные заведения. При этом в 2022 году выпускники Гимназии Сколково были зачислены в 67% случаев в российские вузы, и 33% – в зарубежные.

Так же по данным ректора Финансового института при Правительстве РФ [10] с каждым годом растет процент студентов из частных школ, за 2016 г. их число из общего количества учащихся составило более 10%, хотя всего по стране доля российских школьников из частных школ – не более 2%. При этом, более 32% поступивших из коммерческих общеобразовательных заведений – зачислены на бюджет.

Соответственно, можно сделать вывод, что одним из целевых каналов поступления абитуриентов в вузы – частные школы.

Для государственных общеобразовательных учреждений "Высшее учебное заведение" так же является субъектом организацией-потребитель (рис. 6). Но не все выпускники из обычных школ готовы поступить в вуз. При этом некоторые высшие учебные заведения создают профильные лицеи на базе государственных школ с интеграцией работы отдельных преподавателей из данного вуза. Так, по данным Министерства образования России [7] в 2020 г. студентами высших учебных заведений стали 69% бывших российских школьников, как из государственного, так из частного среднего образования. Учитывая, что доля учащихся из частных школ около 2% из общего числа российских школьников и порядка 100% из них поступают в вузы, то доля выпускников, будущих студентов вузов – около 67% из учащихся государственных общеобразовательных школ.

Исключительно для государственной школы важным субъектом группы "организации-потребители" являются "Средние профессиональные заведения". К ним относятся техникумы, колледжи, училища. Если обычно после окончания 9-го класса все, за исключением отдельных единиц школьников, поступают в СПО, то на данный момент наблюдается тенденция, что после 11-го класса поступающих в проф.учебные заведения увеличивается до 20%. Данную статистику собрал НИУ ВШЭ в своем исследовании "Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО?" [2]. Колледжи и техникумы стали готовить, помимо классических специалистов, технологов и мастеров, так же smm-специалистов, маркетологов, программистов и т.п. Данное исследование показало, что тенденция смещения фокуса выпускников 11-х классов сформирована несколькими факторами, где основным является то, что в СПО гораздо быстрее и менее затратно можно получить монетизируемые актуальные профессиональные навыки. Но также существует и проблематика в том, что бывшие одноклассники не имеют сформированной образовательной стратегии и поздно подключаются к подготовке для поступления в вузы [2].

Для частных общеобразовательных школ практика поступления выпускников в средние профессиональные заведения крайне мала. Однако в дальнейшем возможно изменение ситуации и для коммерческих школ, а значит, частному образованию следует уделить отдельное внимание успешным колледжам и техникумам, в целях дальнейшего встраивания данных учебных заведений в альтернативные образовательные стратегии своих выпускников, согласно их запросам.

Субъектом для частной (рис. 6) и государственной (рис. 5) школы, группы "организации-потребители", является "Общество". Здесь стоит отметить, что, согласно критериям выбора школ, родителями для своих детей (рис. 7), в результате в коммерческих учебных заведениях формируются коллективы с едиными ценностями, где общество, как правило, получает более замотивированную на результат прослойку детей и их родителей.

В государственных школах наблюдается преимущественно разносторонние коллективы в одном классе: от фактического получения "аттестата зрелости", до одаренных детей. Здесь основная проблема состоит в исходных целях в образовании от семей учеников. Для одних важно получение ребенком коммуникативных навыков, для других – творческие знания, а кому-то – академические, и есть такая категория, кому важно просто доучиться до конца школы. В связи с этим некоторые школы создают классы с углубленным изучением отдельных предметов и общеобразовательные. Тем самым разделяя общество по целям.

Таким образом, частные и государственные школы с углубленным изучением отдельных предметов нацелены на формирование прослойки замотивированных семей на более высокие результаты в образовании своих детей, давая в дальнейшем высокую ценность для общества и государства в целом. Мы полностью согласны с мнением Е.А. Назаровой:

"Очень важно понимать, что образование – это средство социализации, в котором достигается равновесие общества изнутри. Стабильность общества невозможна без стабильной системы образования и школы в частности" [7].

Наиболее важным и верхнеуровневым субъектом группы "организации-потребители" является "Государство". У государства двойная маркетинговая роль – и как субъект образовательного рынка, и как регулятор, что усложняет жизнь частным школам. Все действия вышеописанных субъектов данной группы долгосрочно влияют на внутренние ценности теми, кем управляет государство. Страна нуждается в замотивированном обществе. Так, фактор развития коммерческого образования – государственная политика в отношении частных школ, определяющая уровень благоприятствования развитию частной инициативы в отрасли, которая является объектом особого внимания государства. Действующий Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" [11] устанавливает обязательное государственное участие в финансировании частных школ. Финансовое обеспечение получения общего образования в частных общеобразовательных организациях, "осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию основным общеобразовательным программам", заключается в предоставлении им "субсидий на возмещение затрат, включая расходы на оплату труда, приобретение учебников и учебных пособий, средств обучения, игр, игрушек (за исключением расходов на содержание зданий и оплату коммунальных услуг), в соответствии с нормативами, определяемыми органами государственной власти субъектов Российской Федерации" [11].

Группа субъектов "Посредники":

Для частных школ субъектами группы "Посредники" могут стать художественные и музыкальные школы, спортивные секции и т.п.(рис.6) Учитывая, что для данной ниши целевая аудитория одинакова с коммерческими учебными заведениями, то ключевое условие взаимодействия двух ниш – это проведение профессиональных занятий на территории коммерческих школ. В этом случае учебное заведение приобретает дополнительное конкурентное преимущество за счет предоставления товарного ассортиментного выбора своим потребителям, согласно основам маркетинга, от Ф. Котлера [5]. При такой задаче самой оптимальной организационной схемой является сервисная модель управления: учебное заведение на взаимовыгодных условиях предоставляет внешним спортивным и творческим клубам помещение, размещает информацию о дополнительных занятиях, тем самым обеспечивая контингентом своих партнеров.

Группа субъектов "Маркетинговый отдел"

Субъект "Маркетинговый отдел" (рис. 6) оказывает прямое влияние на восприятие коммерческой школы своею целевой аудиторией. При организации общеобразовательного учреждения в зависимости от модели управления необходимо разработать маркетинговую стратегию бренда, согласно учениям Ф. Котлера [5], Д. Ааклера [1] или Ж-Н. Капфера [4]. С целью получения оправданных ожиданий родителями и учениками, самой ключевой ролью является трансляция четкого позиционирования бренда образовательного учреждения. Словами Ф. Котлера, "позиционирование на рынке – обеспечение товару не вызывающего сомнений, четко отличного от других, желательного места на рынке и в сознании целевых потребителей" [5]. При трансляции размытого позиционирования, в частную школу могут "зайти" семьи с разными потребностями, цели которых могут быть не в фокусе учебного заведения. К примеру, позиционирование коммерческой школы заключается в рамках развития коммуникативных качеств ребенка, а в нее поступают дети, у родителей которых цель – получения высоких академических знаний. И как следствие, спустя некоторое время, эта семья получит неудовлетворенность от получаемых услуг.

Обсуждение

Подводя итог к первому шагу нашего исследования, можно сделать выводы, что структура субъектов частного общеобразовательного учреждения более масштабна, чем у государственного. При этом для обоих структур существуют точки роста, как путем заимствования реализуемых факторов, так и поиск новых путей развития.

Так, для государственных школ важными шагами к совершенствованию результатов деятельности являются:

– получение обратной связи от семей потребителя "Ученика" о целях и удовлетворенностях в получаемых образовательных услугах;

– создание классов по целям и с углубленным изучением отдельных предметов;

– развитие значимости субъекта "Учитель" через транслирование имеющихся hard skills и soft skills;

– формирование и контроль образовательной стратегии учеников на ранних этапах.

Для частных общеобразовательных школ точки роста на уровне субъектов маркетинговой деятельности могут послужить:

– на всех этапах взаимодействия – углубленное изучение потребностей Покупателя "Родитель" п Потребителя "Ученика";

– подбор и удержание субъекта "Учитель" с явно выраженными трансляциями hard skills и soft skills;

– тесное взаимодействие с фокусными вузами, путем привлечения преподавателей из институтов для ведения ключевых предметов конкретного высшего учебного заведения в школе.

– взаимодействие со среднепрофессиональными учебными заведениями на уровне изучения их трансформации ассортиментной линейки, для создания альтернативной образовательной стратегии будущих выпускников школ;

– предоставление качественного дополнительного образования на территории школы через профессиональные спортивные клубы и творческие школы;

– сформированная маркетинговая стратегия, с трансляцией четкого позиционирования учебного заведения.

Заключение

Частные школы более конкурентоспособны, чем государственные, в силу возможности кастомизации потребительской ценности и обеспечения ее более высокого качества за счет сохранения субъектности ребенка и родителей в образовательном процессе, и возможности коррекции образовательной траектории в соответствии с индивидуальными особенностями обучаемого. Но у частных школ, в сравнении с государственными, есть дополнительная маркетинговая задача – формирование и удержание клиентского потока, что предопределяет важность разработки и реализации маркетинговой стратегии, не нужной для государственных общеобразовательных школ. Изучению особенностей стратегии маркетинга в школьных образовательных учреждениях будут посвящены дальнейшие наши труды.

Благодарность

Выражаю особую благодарность Ассоциации негосударственного образования и лично председателю ассоциации Л.Н. Духаниной за предоставленную актуальную статистику по исследованию рынка образовательных услуг России. И выражаю признательность Международной гимназии Сколково и лично директору О.Ю. Демьяненко за предоставленные данные по выпускникам гимназии с 2016 по 2022 гг.

Литература:

1. Аакер Д.А. Создание сильных брендов / перевод канд. экон. наук С.А. Старов; канд. экон. наук Д.Д. Волков; канд. пед. наук Л.Д. Загорский. – М.: Издательский Дом Гребенникова, 2003 – 340 с.
2. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? / Мальцева В.А., Сальникова И.Е., Шабалин А.И. // Мониторинг общественного мнения. – 2022. – №3(169). URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2090 (дата обращения: 21.11.2022)
3. Духанина Л.Н. Многообразие и гибкость частного образования как ресурс развития системы образования в России [Электронный ресурс]: Ассоциация негосударственного образования. – М, 2022.
4. Капфер Ж-Н. Бренд навсегда: создание, развитие и поддержка ценности бренда / Ж-Н. Капфер, Е.В. Виноградова, В.Н. Домнина. – М.; СПб.: Вершина, 2007. – 443 с.
5. Котлер Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер, Е.М. Пенькова, О.Г. Радынова, Ю.И. Куколев. – М.: Прогресс, 1991. – 651 с.
6. Международная Гимназия Сколково / официальный Телеграм-канал https://t.me/s/gymnasium_skolkovo (дата обращения: 19.11.2022)
7. Минобрнауки: Почти 70% выпускников российских школ стали студентами вузов в 2020 году; Агентство Москва, 2021. URL: https://news.rambler.ru/education/46021783-minobrnauki-pochti-70-vypusknikov-rossiyskih-shkol-stali-studentami-vuzov-v-2020-godu/ (дата обращения 10.11.2022)
8. Назарова Е.А. Школа и общество: мнимые и реальные взаимные ожидания / Е.А. Назарова. – Текст: непосредственный // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы III Междунар. Науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.) – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 104-106. URL: https://moluch.ru/conf/ped/archive/273/13345/ (дата обращения: 21.11.2022)
9. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. – 2-е изд. / А.П. Панкрухин. СПб.: Питер, 2006. – 416 с.
10. Поступление в вузы после частной школы: насколько легко? URL: https://www.cior.ru/articles/postuplenie_v_vuz_posle_chastnoj_shkoly/ (дата обращения 20.11.2022)
11. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012, N 273-ФЗ.
12. Частные школы России: состояние, тенденции и перспективы развития. Аналитический доклад / Л.Н. Духанина, Т.А. Мерцалова, А.А. Беликов, Р.В. Горбовский, С.И. Заир-Бек, Ю. А. Матюненко; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 81 с.

MODEL OF ASSESSMENT THE PROFITABILITY OF BANKS: THE CASE OF NATIONAL JOINT-STOCK COMMERCIAL BANKS IN CHINA

Shauya Jigeer, *Postgraduate student*

Sokolova Anna Nikolaevna, *student*

Koroleva Ekaterina Vasilievna, *PhD of Economics, Associate Professor*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg

The purpose of the study *is to analyze the influence of factors on the efficiency of the functioning of national joint-stock commercial banks in China. In the course of the work, a unique dataset was collected, representing the dynamics of the functioning of 9 out of 10 existing national joint-stock commercial banks of China for the period from 2007 to 2020.* ***As a result*** *of building a number of econometric models, we have identified the statistical significance of the following explanatory variables for the efficiency of banks – the natural logarithm of assets, the ratio of the deposit to the total amount of assets, the ratio of the reserve to cover losses to the total amount of the loan, the inflation rate, the capital adequacy ratio, the ratio of operating expenses to operating income, the natural logarithm of GDP. The results obtained complement the existing studies in terms of evaluating the effectiveness of the functioning of banks, and also provide practical proposals for improving the risk management process and minimizing costs.*

Keywords: *commercial banks; profitability; regression model; determinants; China; macrofactors; microfactors.*

EDN: GWEELU **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.18**

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАНКОВ: НА ПРИМЕРЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ КНР

УДК 336.71
ВАК РФ 5.2.4

© Шауя Ц., 2023
© Соколова А.Н., 2023
© Королёва Е.В., 2023

Цель исследования *– анализ влияния факторов на эффективность функционирования национальных акционерных коммерческих банков Китая. В ходе работы был собран уникальный датасет, представляющий динамику функционирования 9 из 10 существующих национальных акционерных коммерческих банков КНР за период с 2007 по 2020 годы.* ***В результате*** *построения ряда эконометрических моделей нами была выявлена статистическая значимость следующих объясняющих переменных на эффективность функционирования банков - натуральный логарифм активов, отношение депозита к общей сумме активов, отношение резерва на покрытие убытков к общей сумме кредита, уровень инфляции, коэффициент достаточности капитала, отношение операционных расходов к операционным доходам, натуральный логарифм ВВП. Полученные результаты дополняют существующие исследования в части оценки эффективности функционирования банков, а также предоставляют практические предложения по улучшению процесса управления рисками и минимизации затрат.*

Ключевые слова: *коммерческие банки; эффективность; регрессионная модель; детерминанты; КНР; макрофакторы; микрофакторы.*

Введение

Эффективность функционирования банков выступает важнейшим индикатором развития как финансовой системы, так и экономического прогресса любой страны. Достижение эффективности функционирования коммерческих банков подвержено ряду факторов как внешних (например, уровень инфляции в стране), так и внутренних (ликвидность банка). Актуальность представленного исследования обусловлена, прежде всего, объектом исследования – национальные коммерческие банки КНР. В последнее время банковская отрасль Китая претерпела значительные изменения, связанные с ее регулированием и контролем. Например, в КНР была реформирована система классификации ссуд, введены требования к формированию резервов в соответствии с Базельскими соглашениями, представлена коммерческим банкам определенная гибкость в отношении определения процентных ставок. Также на сегодняшний день банковская отрасль Китая является одной из крупнейших

ШАУЯ Цзигээр, *аспирант*

СОКОЛОВА Анна Николаевна, *студент*

КОРОЛЁВА Екатерина Васильевна, *кандидат экономических наук, доцент*

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

в мире. Согласно рейтингу The Banker, в ТОП-25 крупнейших банков мира входит 11 китайских банков.

Национальные акционерные коммерческие банки КНР – это банки, которые котируются на фондовых биржах и, как правило, контрольный пакет акций которых принадлежит государству (или государственным предприятиям). Согласно статистике CBIRC, на конец июня 2020 года национальные акционерные коммерческие банки располагают общими активами в размере 55,6 трлн юаней, что составляет 18,7% от всех банковских активов. Интерес исследования национальных коммерческих банков КНР обусловлен также их схожестью с коммерческими банками России, имеющими большую долю акций в собственности государства.

Основной методологической базой исследования является регрессионный анализ. В качестве исходных данных нами был сформирован датасет, отражающий деятельность 9 национальных акционерных коммерческих банков КНР в период с 2007 по 2020 годы.

На сегодняшний день существует множество исследований [1-3], которые сфокусированы на анализе влияния различных факторов на результативность деятельности банков. Staikouras и Wood [1] доказали влияние макроэкономической среды на деятельность банков, основываясь на выборке европейских банков с 1994 по 1998 годы. Jumono и Mala [2] сделали аналогичные выводы на примере индонезийских банков. Схожие результаты получили Majid и др. [3], Rjoub и др. [4], Ul Mustafa и др. (2012) [5], Bhatti и Hussain [6] и Noman и др. [7]. Также в ряде исследований была выявлена значимость внутренних факторов [7-10]. Например, Noman и др. [7], основываясь на наблюдениях за коммерческими банками Бангладеша, пришли к выводу, что кредитный риск негативно влияет на деятельность коммерческих банков.

Ряд китайских исследователей [11-13] провели эмпирический анализ деятельности китайских государственных и акционерных коммерческих банков и выявили значимость ряда макро– и микрофакторов. Обратим внимание, что исследования были выполнены либо до проведения существенных реформ и не актуальны в рамках текущей ситуации в банковской отрасли КНР, либо сфокусированы преимущественно на анализе деятельности государственных коммерческих банков.

Таким образом, в рамках исследования нами были проверены две основные гипотезы:

H1: Внутренние факторы оказывают существенное влияние на эффективность функционирования коммерческих банков.

H2: Внешние факторы, в том числе макросреда, оказывают существенное влияние на эффективность функционирования коммерческих банков.

Исходные данные и методология исследования

Нами были собраны панельные данные, отражающие деятельность 9 национальных акционерных коммерческих банков КНР в период с 2007 по 2020 годы. В совокупности наша выборка составила 125 наблюдений.

В качестве эндогенной переменной была выбрана эффективность функционирования национальных акционерных коммерческих банков Китая. Данный показатель был измерен через рентабельность активов (ROA) и рентабельность собственного капитала (ROE). Экзогенные переменные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – **Экзогенные переменные, используемые в рамках проводимого исследования**

Название переменной	Обозначение
Внешние факторы	
Натуральный логарифм ВВП	LNGDP
Уровень инфляции	INFL
Внутренние факторы	
Натуральный логарифм активов	LNA
Отношение депозитов к общей сумме активов	DTAR
Коэффициент достаточности капитала	CAR
Отношение просроченных кредитов к общей сумме кредита	NPL
Отношение резервов на покрытие убытков к общей сумме кредитов	LLP
Отношение операционных расходов к операционным доходам	OEOI
Ликвидность (отношение текущих активов к текущим обязательствам)	LIQ

Источник: Составлено авторами

В рамках исследования нами были построены отдельно для рентабельности собственного капитала и рентабельности активов банков следующие модели: модель МНК (POOL), модель с фиксированными эффектами (FE) и модель со случайными эффектами (RE). В общем виде построенные модели можно представить следующим образом:

$$ROA_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 * LNA_{it} + \alpha_2 * DTAR_{it} + \alpha_3 * CAR_{it} + \alpha_4 * NPL_{it} + \alpha_5 * LLP_{it} + \alpha_6 * OEOI_{it} + \alpha_7 * LIQ_{it} + \alpha_8 * LNGDP_t + \alpha_9 * INFL_t + \varepsilon_{1it} \quad (1)$$

$$ROE_{it} = \beta_0 + \beta_1 * LNA_{it} + \beta_2 * DTAR_{it} + \beta_3 * CAR_{it} + \beta_4 * NPL_{it} + \beta_5 * LLP_{it} + \beta_6 * OEOI_{it} + \beta_7 * LIQ_{it} + \beta_8 * LNGDP_t + \beta_9 * INFL_t + \varepsilon_{2it} \quad (2)$$

В рамках исследования критерий Фишера и тест Вальда используются для проверки фиксированных эффектов. Тест Бреуша-Пагана и тест множителей Лагранжа используются для проверки случайных эффектов. Тест Хаусмана позволяет сделать выбор между моделью с фиксированными эффектами и моделью со случайными эффектами.

В таблице 2 представлена описательная статистика для анализируемого датасета.

Таблица 2 – **Описательная статистика**

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
ROE	15.07	4.55	0.94	30.01
ROA	0.87	0.23	0.14	1.33
LNA	14.48	1.12	10.39	15.94
DTAR	63.74	9.87	44.28	85.28
CAR	11.93	1.96	8.27	26.05
NPL	1.16	0.54	0.00	2.25
LLP	2.50	0.72	0.71	4.97
OEOI	58.87	7.70	43.99	79.89
LIQ	46.07	10.24	29.31	75.07
LNGDP	17.88	0.41	17.11	18.43
INFL	2.73	1.65	-0.70	5.90

Источник: Составлено авторами

Отметим, что в среднем в анализируемой выборке рентабельность собственного капитала банков зафиксирована на уровне 15,07%, рентабельность активов – 0,87%. Стандартное отклонение таких переменных, как LIQ, DTAR и OEOI относительно высокое. Данный момент указывает на то, что эти переменные довольно существенно различаются в заданных коммерческих банках в течение заданного периода времени. Стандартные отклонения остальных переменных представляют собой весьма небольшие различия.

В таблице 3 представлены результаты построения корреляционной матрицы.

Таблица 3 – **Корреляционная матрица**

	ROE	ROA	LNA	DTAR	CAR	NPL	LLP	OEOI	LIQ	LNGDP
ROE	1									
ROA	0.69	1								
LNA	0.12	0.53	1							
DTAR	0.24	0.09	-0.39	1						
CAR	-0.51	-0.12	0.02	-0.18	1					
NPL	-0.26	-0.07	0.57	-0.4	0.04	1				
LLP	-0.08	0.18	0.46	-0.36	0.23	0.53	1			
OEOI	-0.68	-0.74	-0.19	-0.11	0.24	0.41	0.21	1		
LIQ	-0.28	-0.04	0.29	-0.19	0.13	0.37	0.23	0.25	1	
LNGDP	-0.33	0.11	0.65	-0.66	0.33	0.52	0.6	0.21	0.43	1
INFL	0.19	0.07	-0.28	0.29	0.04	-0.2	-0.27	-0.04	-0.03	-0.37

Источник: Составлено авторами

Между объясняющими переменными наблюдаются некоторые высокие корреляции (корреляция LNGDP с LNA и DTAR равна 0,65 и -0,66 соответственно). Тем не менее, согласно шкале Чеддока, выявленная зависимость может быть классифицирована, как заметная. Переменные не являются коллинеарными факторами и не исключаются из дальнейшего исследования.

Результаты исследования

В ходе исследования был построен ряд регрессионных моделей для исследования ROA и ROE в качестве зависимой переменной по отдельности.

В таблице 4 представлены результаты для ROE. Отметим, что модель с фиксированными эффектами (FE) предпочтительна. Модель МНК (POOL) и модель со случайными эффектами (RE) представлены для сравнения.

Коэффициент детерминации для модели с фиксированными эффектами находится на уровне 0.68, что свидетельствует в целом о ее качестве. Большинство из анализируемых показателей оказались значимы на уровне 5% (за исключением LLP – показатель значим на уровне 10%). Самые высокие значимые коэффициенты получены для LNA (3,76, значимость на уровне 1%) и LNGDP (-6,31, значимость на уровне 1%). Отметим, разнонаправленность влияния данных факторов на рентабельность собственного капитала банков.

В регрессионной модели с эндогенной переменной ROE была выявлена положительная зависимость со следующими факторами: натуральный логарифм активов, отношение депозита к общей сумме активов, отношение резерва на покрытие убытков к общей сумме кредита и уровень инфляции. Негативное влияние на данный показатель оказали следующие факторы: коэффициент достаточности капитала, отношение операционных расходов к операционным доходам и натуральный логарифм ВВП. Остальные факторы оказали статистически незначимое влияние.

В таблице 5 представлены результаты регрессии для ROA. Отметим, что в случае рентабельности активов банков была выявлена также пред-

почтительность модели с фиксированными эффектами (FE).

Таблица 4 – **Результаты регрессионного анализа для ROE**

Models	POOL	RE	FE
LNA	0.79**	0.79**	3.76***
	(0.39)	(0.39)	(1.25)
DTAR	0.02	0.02	0.07*
	(0.03)	(0.03)	-0.04
CAR	-0.88****	-0.88****	-0.74****
	(0.14)	(0.14)	(0.15)
NPL	-0.86	-0.86	-0.27
	(0.74)	(0.74)	(0.75)
LLP	1.82****	1.82****	0.82*
	(0.43)	(0.43)	(0.49)
OEOI	-0.29****	-0.29****	-0.26****
	(0.04)	(0.04)	(0.05)
LIQ	-0.04	-0.04	-0.04
	(0.03)	(0.03)	(0.03)
LNGDP	-2.38**	-2.38**	-6.31***
	(1.19)	(1.19)	(2.32)
INFL	0.57****	0.57****	0. 60****
	(0.16)	(0.16)	(0.15)
_cons	69.22****	69.22****	91.33****
	(18.86)	(18.86)	(25.54)
r2_a	0.68		0.63
r2_w		0.65	0.68
r2_o		0.70	0.56
r2_b		1	1
N	125	125	125
N_g		9	9

* p < 0.1; ** p < 0.05; *** p < 0.01; **** p < 0.001.

Источник: Составлено авторами

Таблица 5 – **Результаты регрессионного анализа для ROA**

Models	POOL	RE	FE
LNA	0.09****	0.09****	0.02
	(0.02)	(0.02)	(0.05)
DTAR	0.01****	0.01****	0.01***
	(0.00)	(0.00)	(0.00)
CAR	0.00	0.00	-0.01
	(0.01)	(0.01)	(0.01)
NPL	-0.04	-0.04	0.01
	(0.03)	(0.03)	(0.03)
LLP	0.08****	0.08****	0.05***
	(0.02)	(0.02)	(0.02)
OEOI	-0.02****	-0.02****	-0.02****
	(0.00)	(0.00)	(0.00)
LIQ	0.00	0.00	0.00
	(0.00)	(0.00)	(0.00)
LNGDP	0.08*	0.08*	0.19**
	(0.05)	(0.05)	(0.08)
INFL	0.03****	0.03****	0.03****
	(0.01)	(0.01)	(0.01)
_cons	-1.30*	-1.30*	-2.03**
	(0.74)	(0.74)	(0.93)
r2_a	0.81		0.71
r2_w		0.74	0.75
r2_o		0.82	0.78
r2_b		1	1
N	125	125	125
N_g		9	9

* p < 0.1; ** p < 0.05; *** p < 0.01; **** p < 0.001.

Источник: Составлено авторами

Коэффициент детерминации для модели с фиксированными эффектами в отношении ROA находится на уровне 0.75, что выше, чем для аналогичной модели в отношении ROE. Тем не менее, полученные значения коэффициентов уравнения регрессии существенно ниже. Коэффициенты DTAR, LLP, OEOI, LNGDP и INFL значимы на уровне 5%. Самое высокое значение коэффициента получены для LNGDP с положительным значением 0,19. Коэффициенты CAR, NPL и LIQ незначимы на уровне 10%.

В регрессионной модели с эндогенной переменной ROA была выявлена положительная зависимость со следующими факторами: отношение депозита к общей сумме активов, отношение резерва на покрытие убытков к общей сумме кредита, натуральный логарифм ВВП и уровень инфляции. Негативное влияние на данный показатель оказало отношение операционных расходов к операционным доходам. Остальные факторы, а именно – натуральный логарифм активов, коэффициент достаточности капитала, отношение просроченного кредита к общей сумме кредита и ликвидность оказали статистически незначимое влияние на эндогенную переменную.

Заключение

Представленные результаты исследования в целом подтверждают выдвинутые гипотезы.

В отношении внутренних факторов проанализируем выявленные зависимости.

Размер банка (LNA) оказался значим только в случае ROE и свидетельствует о том, что с ростом размера банка растет и его эффективность. Данный момент является весьма предсказуемым, учитывая большую долю заемного капитала в структуре пассивов коммерческих банков.

Отношение депозитов к общей сумме активов (DTAR) имеет положительное влияние на эффективность коммерческих банков (ROA и ROE). Выявленная зависимость подтверждает исследование [14], в котором утверждалось, что банковские депозиты являются наиболее стабильным и дешевым финансовым ресурсом для банков и способствуют повышению его эффективности.

Коэффициент достаточности капитала (CAR) представляет собой отношение общего капитала банка к активам банка, взвешенным с учетом риска, и отражает способность банка противостоять убыткам за счет собственного капитала. Коэффициент оказался статистически значим в случае ROE и оказывает отрицательное влияние.

Отношение резервов на покрытие убытков к общей сумме кредитов (LLP) или, другими словами, качество обслуживания кредитов, оказывает положительное влияние на оба показателя эффективности функционирования национальных коммерческих банков КНР. Чем качественнее обслуживание кредитов, чем более осторожнее банк подходит к формированию резервов на возможное покрытие убытков, тем он достигает более высоких показателей эффективности. Данный аспект подчеркивает важность кредитной политики банков в целом.

Отношение операционных расходов к операционным доходам (OEOI) оказывает в обоих случаях негативное влияние на эффективность функционирования банков, что оказалось весьма предсказуемым.

Отметим, что отношение просроченных кредитов к общей сумме кредита (NPL), а также ликвидность (LIQ) оказались статистически не значимыми в случае национальных коммерческих банков КНР.

Экономическое состояние страны оказывает значительное влияние на деятельность коммерческих банков Китая. Натуральный логарифм ВВП (LNGDP) и инфляции (INFL) используется для контроля влияния общих макроэкономических условий. Отметим интересный момент, что натуральный логарифм ВВП имеет положительное влияние в контексте ROA и отрицательное влияние в контексте ROE. Уровень инфляции для обоих показателей эффективности играет положительную роль.

Полученные результаты могут быть использованы для прогнозирования динамики рентабельности собственного капитала и активов при изменении каждого из факторов, включенных в модель, разработки рекомендаций для достижения высоких показателей эффективности путем воздействия на обозначенные факторы. Безопасность, ликвидность и эффективность являются тремя принципами работы китайских коммерческих банков, а также основными областями надзора со стороны регулирующих органов. Поэтому теоретические и практические последствия с точки зрения повышения эффективности деятельности банка важны для банковского управления.

В нашем исследовании мы ограничились только анализом национальных акционерных коммерческих банков Китая. Будущие направления исследований могут быть связаны с подобным анализом других стран и проведением сравнительного анализа. В нашем исследовании мы анализировали только 9 основных факторов на основании данных за 2007-2020 годы, Думаем, что было бы интересно провести подобный анализ, увеличив количество факторов и временной период.

Литература:

1. Staikouras C.K., Wood G.E. The determinants of European bank performance[J]. International Business & Economics Research Journal (IBER), 2004, 3(6).
2. Jumono, Sapto, and Chajar Matari Fath Mala. 2019. Determinants of performance in banking industry: A case study of Indonesia. Asian Economic and Financial Review 9: 91-108.
3. Karimzadeh, Majid, SM Jawed Akhtar, and Behzad Karimzadeh. Determinants of performance of banking sector in India[J]. Transition Studies Review, 2013, 20(2).
4. Alfadli, Abduallah, and Husam Rjoub. 2020. The impacts of bank-specific, industry-specific and macroeconomic variables on commercial bank financial performance: Evidence from the Gulf cooperation council countries.
5. Ul Mustafa, Ahmed Raza, Riaz Hussain Ansari, and Muhammad Umair Younis. 2012. Does the loan loss provision affect the banking performance in case of Pakistan? Asian Economic and Financial Review 2: 772-83.
6. Bhatti, Ghulam Ali, and Haroon Hussain. Evidence on structure conduct performance hypothesis in Pakistani commercial banks[J]. International Journal of Business and Management, 2010, 5(9).
7. Noman, Abu Hanifa Md., Sajeda Pervin, Mustafa Manir Chowdhury, and Hasanul Banna. 2015. The effect of credit risk on the banking performance: A case on Bangladesh. Global Journal of Management and Business Research 15: 41-48.
8. Qu, Xin. 2007. Analysis on the Factors of Profit-Making Ability Model of Commercial Banks in China. Master's thesis, Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu, China.
9. Zhong, Jing. 2013. Empirical Analysis of the Performance of Listed Commercial Banks in China. Master's thesis, Southwestern University of Finance and Economics, Chengdu, China.
10. Fu, Jing. 2020. Analysis of the Influencing Factors of Commercial Banks' Performance: Based on the Comparison between State-owned Commercial Banks and Joint-stock Commercial Banks. Times Finance 21: 39-45.
11. Zhang, Jianxiao. 2009. Study on the Factors of Profit-Making Ability of Commercial Banks in China. Master's thesis, Chongqing University, Chongqing, China.
12. Gu, Zhengyang. 2008. An Empirical Study on the Factors Affecting the Performance of Commercial Banks. Master's thesis, Zhejiang University, Hangzhou, China.
13. Lu, Jing, Alatengsudao, and Yin Yuming. 2013. Determinants of Bank Performance: Panel Data GMM Analysis from China Banking Sector During 1997 to 2010. Finance Forum 1: 3-14.
14. Garcia-Herrero, Alicia, Sergio Gavila, and Daniel Santabarbara. 2009. What explains the low profitability of Chinese banks? Journal of Banking and Finance 33: 2080-92.

THE PROBLEM OF THE ESSENCE OF MAN IN THE TEACHINGS OF E. FROMM

Arapov Oleg Gennadevich, *PhD of Philosophical sciences*

Arapova Elmira Asfarovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Volnyakova Olga Aleksandrovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Solodukhin Denis Vitalievich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

Russian Technological University, Institute of Administrative Technologies, Department of Humanitarian & Social Sciences MIREA, Moscow

The concept of E. Fromm is considered through the prism of the problem of the integrity of personality in order to reveal his approach to the causes of its violation and ways of gaining. The relevance is due to the ambivalence of accelerated scientific and technological progress and the dramatically increased volume of information in the "information society". The methodological basis is the hermeneutic identification in the context of the psychoanalytic tradition of the foundations of the Fromm approach to the essence of man and the range of issues related to integrity. Main ideas and results: according to Fromm, integrity is a state that arises in the course of overcoming the "existential dichotomy" and the realization of fundamental human needs and abilities. The latter made it possible to comprehend the role of integrative conformity / non-conformity of the realization of functional needs in its productive-healing (or destructive) aspect, which, in conclusion, allows us to touch on the topic of a kind of "ecology of the spirit".

Keywords: *psychoanalysis; personality integrity; existential dichotomy; Z. Freud; E. Fromm; L. Binswanger; M. Heidegger; existential thinking.*

EDN: WZQEXO **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.19**

УДК 1(091)
ВАК РФ 5.7.2

© Арапов О.Г., 2023
© Арапова Э.А., 2023
© Вольнякова О.А., 2023
© Солодухин Д.В., 2023

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В УЧЕНИИ Э. ФРОММА

Концепция Э. Фромма рассмотрена сквозь призму проблемы целостности личности с целью раскрыть его подход к причинам ее нарушения и путям обретения. Актуальность обусловлена амбивалентностью ускорившегося научно-технического прогресса и кардинально возросшим объемом информации в "информационном обществе". Методологическая основа – герменевтическое выявление в контексте психоаналитической традиции оснований фроммовского подхода к сущности человека и круга вопросов, связанных с целостностью. Основные идеи и результаты: по Фромму, целостность – это состояние, возникающее в ходе преодоления "экзистенциальной дихотомии" и реализации фундаментальных человеческих потребностей и способностей. Последнее дало возможность осмысливать роль интегративного соответствия / несоответствия реализации функциональных потребностей в его продуктивно-целительном (либо деструктивном) аспекте, что, в заключение, позволяет затронуть тему своего рода "экологии духа".

Ключевые слова: *психоанализ; целостность личности; экзистенциальная дихотомия; З. Фрейд; Э. Фромм; Л. Бинсвангер; М. Хайдеггер; экзистенц-мышление.*

АРАПОВ Олег Геннадьевич, *кандидат философских наук*

АРАПОВА Эльмира Асфаровна, *кандидат философских наук, доцент*

ВОЛЬНЯКОВА Ольга Александровна, *кандидат философских наук, доцент*

СОЛОДУХИН Денис Витальевич, *кандидат философских наук, доцент*

МИРЭА – Российский технологический университет (РТУ МИРЭА), Москва

Введение

Актуальность. Ускорившийся научно-технический прогресс и резко возросший объем циркулирующей в обществе информации (т.н. "информационное общество") амбивалентны. Улучшение "внешних" условий человеческой жизни имеет и деструктивную сторону, способную выражаться в подсознательном чувстве внутренней несвободы и зависимости от техники, усилении разрыва традиционных семейных и поколенческих связей, социальной атомизации, утрате идентичности и, как следствие, душевном одиночестве, дисгармонии личности, ее дискомфорте и неврозах. Все это обусловливает значимость проблемы целостности личности, под которой понимается, прежде всего, гармония внутреннего мира, изучение ее сущностных характеристик, а также возможностей, условий и механизмов ее достижения. В этом смысле незаменимо обращение к опыту психоаналитической антропологии, по мнению представителей которой, в частности Э. Фромма и Л. Бинсвангера, достижение состояния целостности является фундаментальной экзистенциальной

потребностью и предполагает взаимопереход сознательного и бессознательного. Цель: исследовать понимание целостности человека Э. Фроммом в русле традиции, восходящей к З. Фрейду и опирающейся на тезис об особой значимости бессознательных структур психики. Предметом рассмотрения стал круг вопросов, связанных с антропологическим аспектом проблемы целостности.

Методологической основой является герменевтическая "обрисовка" фроммовского подхода к сущности человека и круга вопросов, связанных с проблемой целостности, в контексте психоаналитической традиции, а также метод рационально-логической реконструкции и сравнительный анализ при анализе взглядов различных авторов. *Основные идеи исследования и результаты*: в постфрейдовской психоаналитической антропологии принципиальным моментом стало представление о целостности личности. Разработка той или иной ее трактовки основывается на решении вопросов о целях и ценностях его существования. В понимании Фромма целостность – это состояние, возникающее в ходе преодоления "экзистенциальной дихотомии" и реализации фундаментальных человеческих потребностей и способностей (при этом сам он в существенной степени детерминирован социокультурными факторами, которые либо способствуют формированию целостности, либо препятствуют ему).

Проблема преодоления "экзистенциальной дихотомии" позволила осмысливать роль интегративного соответствия / несоответствия реализации функциональных потребностей в его продуктивно-целительном (либо, напротив, деструктивном) аспекте, что, в заключение, позволяет затронуть тему своего рода "экологии духа". Все это способствует как обоснованию философской проблемы целостности, так и более углубленному пониманию самой психоаналитической традиции. В практическом плане возможно использование результатов исследования в преподавании вузовских социогуманитарных курсов.

Задачи исследования: 1) обрисовать выявленную Фроммом проблему диссонанса между прирожденными способностями и препятствием их реализации; 2) показать раскрытие американо-немецким психоаналитиком сущности человека через анализ способа его бытия; 3) затронуть тему близости фроммовского истолкования к воззрениям М. Хайдеггера и традиции экзистенц-мышления; 4) рассмотреть подход Фромма к человеку как к существу природному и его своеобразию в животном мире, а также постулируемую им "свободу от" и обусловленную ею рефлективную способность; 5) обратиться к выявленной ученым "экзистенциальной дихотомии" человеческого существования и его взгляду на пути преодоления расколотости; 6) затронуть модусы "обладания" и "бытия" в человеческом существовании, согласно Фромму; 7) рассмотреть выявленное исследователем врожденное стремление человека к сохранению и утверждению своей жизни; 8) наконец, рассмотреть вопрос о соотношении фроммовского подхода с учением З. Фрейда и фрейдизмом.

Творческое наследие немецко-американского социального психолога и философа Эриха Фромма богато и разнообразно. Оно достаточно широко анализировалось в критической и исследовательской литературе, однако его взгляд на целостность человека до сих пор специально не изучался. Кроме того, более пристальное внимание привлекает не столько Фромм, сколько психоаналитическая традиция в целом.

Работы психоаналитиков (в частности, З. Фрейда, К.-Г. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, Л. Бинсвангера и др.) достаточно серьезно анализировались исследователями. Различные аспекты фрейдизма и психоанализа вообще рассматривались М.М. Бахтиным [1], П.С. Гуревичем [2; 3], В.Л. Какабадзе [4], В.Л. Лейбиным [5; 6], В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили [7], А.М. Руткевичем [8], И.Ю. Романовым [9], Э.В. Соколовым [10], Д.А. Безруковым [11] и т.д. Из зарубежных авторов можно назвать П. Куттера [12], Л.Я. Фридмена [13], Ж. Лакана [14; 15], А. Лоренцера [16], Л. Шертока с Р. де Соссюром [17] и др. Л. Бинсвангеру посвящена статья Э.А. Араповой [18]. В 2021 г. опубликована переписка Л. Бинсвангера с С.Л. Франком [19].

Вместе с тем почти отсутствуют исследования, посвященные именно анализу развития психоаналитических представлений о целостности и расколотости человека. Одним из подступов к данной проблеме стали труды Э.А. Араповой [18]. Настоящая статья развивает сформулированные ею идеи и выводы.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

В работе "Человек для самого себя" Фромм писал, что у человека "нет другого способа быть в единстве с миром и одновременно в согласии с самим собой, быть связанным с другими при одновременном сохранении собственной личностной целостности и суверенности, кро-

ме как путем продуктивного применения своих способностей. Если же ему это не удается, он не может обрести внутреннюю гармонию, устойчивость; он будет ощущать себя разбитым, раздираемым на части. …Любой невроз – это результат конфликта между прирожденными способностями человека и теми силами, которые препятствуют их развитию" [20, с. 169].

Реализация каких человеческих способностей, по Фромму, обеспечивает внутреннюю целостность человека и какие силы нарушают ее? Ответ на поставленный вопрос подразумевает реконструирование фроммовского понимания сущности человека и динамики его психической жизни.

Американский исследователь полагал, что традиционные подходы выявляют существенные качества человеческого бытия, но не саму сущность человека. Фромм подчеркивал: различные точки зрения (человек – разумное существо; общественное животное; животное существо, производящее орудия труда, а также способное к созданию символов и т.д.) объединяет одно, а именно: убежденность в том, что в человеке есть нечто, что составляет его сущность. Однако чтобы выявить это "нечто", по его мнению, нужен новый метод определения сущности человека, а именно: анализ способа, или модуса, бытия человека.

Такой подход сближает Фромма с традицией экзистенц-мышления, в частности с позицией М. Хайдеггера. Последний также полагал, что до сих пор философская мысль не создала правильного определения человека, т.к. стремилась познать его сущность, сведя ее к "наличествованию" какого-либо одного качества, например разума. Определять же человека ("это сущее", по выражению Хайдеггера) следует именно в условиях, когда "это сущее смогло показать себя само по себе из себя самого", то есть в "его средней повседневности" [21, с. 16].

Таким образом, общность этих точек зрения заключена в идее, согласно которой раскрыть природу человека возможно лишь путем познания способа человеческого бытия. Иначе говоря, для определения сущности человека исследователю необходимо отвечать на вопрос не "что есть человек?", а "как есть человек?".

Различие же двух подходов в том, что поразному раскрывался и понимался сам способ бытия. Если Хайдеггер мыслил его как заботу [1], то Фромм исходил из факта происхождения человека из природного мира.

Опираясь на исследования американских психологов и этологов Р. и А. Йерксов (Robert Mearns Yerkes & Ada Watterson (Yerkes)) [22], немецкий мыслитель полагал, что происхождение Homo sapiens'a связано с двумя важными моментами в эволюционном процессе: снижением инстинктивного начала и возрастанием роли высшей нервной деятельности.

Первый момент – постепенное уменьшение роли инстинктов в жизнедеятельности биологических видов. Чем выше положение животного на эволюционной лестнице, тем в меньшей степени его поведение запрограммировано инстинктами. То есть у Homo sapiens'a жизнедеятельность минимально детерминирована инстинктами.

Другим моментом развития животного мира является увеличение головного мозга. Так, животные, стоящие на низшей ступени эволюционной лестницы, имеют примитивную нервную систему, соответственно, стоящие выше – более сложную. Например, головной мозг представителей человеческого вида в три раза больше головного мозга человекообразных обезьян и содержит поистине фантастическое количество межнейронных связей.

Исходя из этих фактов, Фромм сделал такое заключение: люди – это "приматы, возникшие в тот момент эволюции, когда детерминация поведения инстинктами достигла минимума, развитие мозга – максимума" [23, с. 315]. Иными словами, бытие человека определяется эволюцией, но обусловливается уже не столько инстинктами, сколько физиологией высшей нервной деятельности, то есть центральными структурами, связанными с функционированием головного мозга.

Какой же способ жизни, в представлении Фромма, следует из такого происхождения человека?

Во-первых, минимизация роли инстинктов, то есть отсутствие с рождения у человека жестких, запрограммированных образов поведения, ведет к необходимости вырабатывать способность самостоятельного принятия решений. В этом смысле человек – единственное живое существо, которое не может жить, просто воспроизводя существующие видовые паттерны, он "вынужден" жить сам, то есть самостоятельно выбирать и принимать решения, основанные на свободном выборе.

Следовательно, человеческое бытие неразрывно соединено со свободой, но свободой в негативном смысле – как "свободой от". В данном случае – свободой от инстинктивной предопределенности поведения.

[1] Подробнее см.: [21, с. 180-230, особенно гл. 6 "Забота как бытие присутствия"].

Однако такая свобода, по Фромму, представляет собой весьма сомнительное преимущество, так как является тяжелым бременем для человека. В своей ранней работе "Бегство от свободы" [24] исследователь подробно изучил те психологические трудности и препятствия со стороны общества, которые человек встречает в ситуации выбора, а также описал способы "бегства", "отказа" от свободы.

Во-вторых, то обстоятельство, что головной мозг человека в процессе эволюции стал самым развитым и сложным, привело к формированию самосознания, способности осознания себя, других, прошлого и настоящего. Свобода и рефлективная способность предстают, таким образом, основополагающим условием, средой, в которой формируются сущностные черты человека.

Как же трактуется проблема человеческой сущности немецким исследователем? Он связывает этот феномен с экзистенциальным противоречием, или "экзистенциальной дихотомией" [2].

Суть этой дихотомии в следующем. С одной стороны, человек, будучи частью природы, отделяется от нее – через освобождение от инстинктивных детерминант поведения. То есть не принадлежит ей полностью, а значит, не имеет своей "особой экологической ниши" (такое положение Фромм называет "заброшенностью", или "бездомностью"). С другой стороны, индивид способен осознавать и переживать свое "заброшенное" положение. Это "единственное живое существо, которое чувствует себя в природе неуютно, не в своей тарелке: ведь он чувствует себя изгнанным из рая" [25, с. 195]. Такое осознание человеком специфичности своей "ситуации" приводит к возникновению чувств одиночества, неуверенности и бессилия, выражаясь иначе – оно становится источником психологического дискомфорта.

Таким образом, фроммовская интерпретация человеческой сущности как "экзистенциальной дихотомии" предполагает изначальную онтологическую и психологическую расколотость индивида. Именно ею обусловливаются антропологические размышления Фромма. Думается, что вся его концепция в конечном счете есть не что иное, как попытка найти путь устранения такой расколотости, то есть, во-первых, выявить силы, препятствующие такому устранению и, во-вторых, показать перспективу свободного и творческого развития личности.

Что же это за пути?

По утверждению Фромма, человек, утративший единство с природой и обремененный душевной дисгармонией, сам того не сознавая, стремится найти такие формы связи с миром, которые позволят ему "укорениться" в нем и обрести душевное спокойствие. Это стремление выражается в следующих экзистенциальных потребностях: потребность в системе ориентации, потребность в привязанности, потребность в трансценденции, потребность в укорененности, а также потребность в идентификации. Немецкий философ отмечал, что "их удовлетворение необходимо для сохранения душевного здоровья, так же как удовлетворение естественных потребностей необходимо для поддержания физического здоровья человека" [25; с. 197]. Иными словами, согласно Э. Фромму, онтологическая и психологическая расколотость индивида устраняется путем удовлетворения перечисленных выше экзистенциальных потребностей.

Правда, особенностью экзистенциальных потребностей является то, что существует множество способов их реализации. А это значит, что они не предполагают определенной программы действий: главное – достижение удовлетворения, а не способ, каким это осуществляется. В таких обстоятельствах человек может выбрать ошибочный, ложный путь, который не приведет к избавлению от расколотости, а создаст лишь иллюзию этого. Следовательно, необходимым оказывается анализ и оценка самих способов.

Здесь возникает вопрос: почему Фромм настаивает на бессознательном стремлении к удовлетворению экзистенциальных потребностей в сочетании с вариативностью средств их осуществления? Думается, ответ на него можно найти, если обратиться к рассуждениям Фромма о мнимом и подлинном Я (Самости). Как справедливо отмечает В.М. Лейбин, "констатируя разрыв в человеке между "Я" и "Самостью", Фромм идет по стопам как теоретиков прошлого (типа Паскаля и Киркегора), так и приверженцев психоаналитического исследования личности (типа Адлера, Юнга, Хорни

[2] Фромм поясняет, что употребляет термин "экзистенциальный" безотносительно к терминологии экзистенциализма. Хотя он и знаком с работами Ж-П. Сартра "Мухи" и "Экзистенциализм - это гуманизм", для него "экзистенциальный" означает то, что укоренено в самом существовании человека и что человек не в силах устранить. Традиция экзистенц-мышления гораздо старше сартровских поисков, а термин "existenz" ("существование") известен европейской интеллектуальной культуре еще со времен средневековой схоластики.

и Салливэна)" [6, с. 230]. Действительно, вслед за названными мыслителями, Фромм акцентирует внимание на том, что каждый человек выступает носителем определенных качеств, или способностей, реализация которых и является необходимым условием подлинного существования.

В его работе "Революция надежды" [26] говорится, что человек тогда подменяет свое подлинное Я ложными ценностями мнимого существования, когда воспринимает и осознает внешний мир и самого себя через призму вещности. Главной ценностью в этом случае становится возможность что-либо приобретать или продавать. В работе "Иметь или быть?" [23] такой способ существования Фромм назвал "модусом обладания", распространенным в индустриальном обществе. Данный тип общества формирует у индивида черты характера, необходимые для его успешного функционирования: стремление приобретать, владеть и извлекать прибыль.

Критикуя узость и неподлинность такого способа жизни, Фромм предлагал представить, что будет с ориентированным на торговлю и потребление обществом, если его члены не захотят иметь все те "блага", которые оно предлагает. Он отмечал также и то, что ориентация на модус обладания находит яркое выражение в современном словоупотреблении: все чаще действия ("я думаю", "я плохо сплю" и т.п.) выражаются с помощью существительных ("у меня есть идея", "у меня бессонница"), то есть человек начинает мыслить категориями "иметь" и "обладать".

Жизнь же в соответствии с подлинным Я – это развитие и реализация всех способностей человека, продуктивность его ориентации. Фромм обращает внимание на то обстоятельство, что подобный способ бытия позволяет человеку достичь "такого переживания, которое позволит ему с полным основанием сказать: я – это Я, то есть активный центр, организующий структуру всех видов моей реальности и потенциальной деятельности" [26, с. 282]. Такое переживание он назвал чувством тождественности. Тождественность, по Фромму, отсылает нас к категории "быть". Человек тождественен самому себе лишь в том случае, если он деятелен и активен, но не внешне – в смысле занятости, а внутренне, что означает продуктивное использование своих человеческих потенций. "Быть активным, – писал Фромм, – значит дать проявиться своим способностям, таланту, всему богатству человеческих дарований, которыми – хотя и в разной степени – наделен каждый человек" [23, с. 270].

Итак, согласно исследователю, при удовлетворении экзистенциальных потребностей человек должен ориентироваться на воплощение своих подлинных качеств и способностей. Только такая установка позволит ему действительно преодолеть экзистенциальную дихотомию и обрести состояние внутриличностной тождественности, или целостности.

Каковы же эти подлинные способности? Фромм утверждал, что в условиях, когда инстинкты минимально определяют жизнь человека, а разум составляет часть его "врожденного снаряжения", ими являются способности критически мыслить, продуктивно трудиться, любить и заботиться о других. С его точки зрения, нормальный человек обладает стремлением к воплощению и развитию указанных способностей, а парализация этого стремления есть симптом психического расстройства [20, с. 168]. Рассуждая таким образом, ученый исходил из того, что каждый индивид обладает врожденной тенденцией к развитию и продуктивному использованию своих внутренних потенций. Подобно тому как Адлер наделяет человека стремлением к совершенству [27], а Юнг – к индивидуации [28], Фромм постулировал тезис о "тенденции к развитию, росту и продуктивности", присущей человеку от природы.

В основе фроммовского тезиса лежит его убеждение в том, что сам факт происхождения человека из животного мира обусловил наличие у него общего для всех живых организмов врожденного стремления к сохранению и утверждению своей жизни. Их первая и главная обязанность – быть живыми. Существование же и раскрытие специфических сил организма – это одно и то же. Таким образом, жизнь индивида проходит в непрерывном процессе актуализации заложенных в нем возможностей. Вот почему "жить" для человека – это критически мыслить, продуктивно трудиться, любить и заботиться о других. – Такой делает вывод немецкий философ и ученый.

Казалось бы, в предложенной Фроммом трактовке разума, любви и продуктивной деятельности как именно врожденных способностей прослеживается некоторый биологизаторский уклон, характерный для многих реформаторов психоанализа З. Фрейда. Так ли это? Посмотрим.

Согласно американскому психологу Гарри К. Уэллсу (Harry K. Wells), в целом Фромм остается верным теоретическим посылкам фрей-

довского учения, лишь незначительно модернизируя его понимание человеческой природы. С одной стороны, он в некоторой степени наследует идею "homo natura", но при этом значительно трансформирует ее. "Если Фрейд, – читаем у Уэллса, – считал врожденные влечения бесчеловечными и разрушительными, то Фромм представлял их как гуманные и творческие. Если у Фрейда человек от природы бесчеловечен, а подавление необходимо для развития общества и человеческих ценностей, то по мнению Фромма, человек от природы гуманен, а подавление и само общество бесчеловечны" [29; с. 168]. То есть Фромм радикально изменяет подход к глубинным интенциям, сущности и способу реализации человека и его жизненного потенциала: пусть даже, в принципиальных моментах следуя в фарватере фрейдовской парадигмы.

Из такой общности представлений о человеческой природе вытекает и некоторая параллельность во взглядах З. Фрейда и Э. Фромма на причины усиления, актуализации психологической дисгармонии. Оба полагали, что невозможность проявления собственных способностей, неадекватное удовлетворение сущностных потребностей определяют неизбежность состояния внутренней расколотости. "Ничто не свидетельствует так ясно о результате непродуктивной жизни, как различные неврозы, – писал Фромм. – [При этом] нормальный человек обладает тенденцией к развитию, росту и продуктивности, и парализация этой тенденции и есть симптом психического расстройства" [20, с. 168, 169]. Заметим: излагая свою точку зрения, ученый отмечал, что уже Фрейд понимал недостаток в расходовании жизненных сил и способностей как причину неврозов – основоположник психоанализа переоценил значение libido для психического благополучия. Все это означает, что, разделяя подход Фрейда в принципиальных моментах, Фромм вносит и свой уникальный вклад в подходе к человеку, фундаментальными основами жизни которого оказываются бессознательные механизмы, но трактовка их иная.

Итак, для Фромма причиной душевных заболеваний является невозможность полного применения своих врожденных способностей. А его тезис о "модусе быть" и соотнесенности подлинного существования с удовлетворением экзистенциальных потребностей выходит на проблематику экологичности. В этом смысле своего рода "экология духа" (в том числе в профессиональном плане) предполагает, среди прочего, особую психическую и шире – духовно-нравственную гигиену индивида. Последняя связана в том числе с реализацией глубинных психических потенций человека.

Заключение

Таким образом, в концепции Фромма человек "двойственен". С одной стороны, индивид отягощен чувствами одиночества, собственной незначительности, возникающими в условиях экзистенциальной дихотомии, а с другой – как всякий живой организм, обладает врожденным стремлением к развитию своих потенциальных способностей. Думается, именно такое понимание человека и определило специфику подхода Фромма в вопросе внутриличностной гармонии, или целостности. Его трактовка предполагает, что у человека нет другого способа обрести состояние душевной целостности, кроме как путем удовлетворения своих экзистенциальных потребностей, а также – продуктивного применения своих способностей к разуму, любви и творческому труду. Только таким путем, по Фромму, человек способен достичь своего подлинного Я и начать переживать собственную тождественность. Отсюда главная цель "гуманистического" психоанализа: способствовать саморазвитию заложенных в человеке потенций в направлении жизненности и продуктивности. В заключение стоит подчеркнуть: именно тематизирование целостности человеческой личности в ракурсе ее связи с реализацией заложенных в ней глубинных мотивирующих возможностей-посылов в модусе "бытия" и составляет суть представляемого Фроммом психоаналитического подхода. А сам подход коррелирует с проблематикой своего рода "экологии духа".

Представленные в нашей статье результаты подступа к наследию Э. Фромма могут быть использованы для дальнейшего изучения историко-философской антропологической проблематики, проработки вопросов о тенденциях историко-философского процесса, о преемственности и новациях в антропологических концепциях XX в., наконец, о возможностях и путях достижения человеком внутренней гармонии. В практическом плане возможно использование предлагаемых в данной статье материалов и выводов в вузовских социогуманитарных курсах, а также при подготовке учебно-методических материалов по историко-философским дисциплинам.

Литература:

1. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия. – М.: Лабиринт, 2000. – 638 с.

2. Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 1. Фрейдизм и неофрейдизм: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮРАЙТ, 2023. – 531 с. URL: https://urait.ru/bcode/510725 (дата обращения: 28.01.2023).
3. Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮРАЙТ, 2021. – 564 с. URL: https://urait.ru/bcode/478141 (дата обращения: 28.01.2023).
4. Какабадзе В.Л. Теоретические проблемы глубинной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1982. – 184 с.
5. Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу / Московский институт психоанализа. – М.: Когито-Центр, 2020. – 812 с.
6. Лейбин В.М. Психоанализ и философия неофрейдизма. – М.: Политиздат, 1977. – 247 с.
7. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Изучение высших психических функций и категория бессознательного // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 34-40.
8. Руткевич А.М. Психоанализ, история, травмированная "память" // Феномен прошлого / ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: ГУ-ВШЭ, 2005. – С. 221-250.
9. Романов И.Ю. Психоанализ, философия и науки о человеке: учеб.-метод. пособие. – Харьков: ХНУ, 2003. – 99 с.
10. Соколов Э.В. Введение в психоанализ: Социокультурный аспект: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по философским и культурологическим специальностям. – СПб.: Лань: С.-Петерб. акад. культуры, 1998. – 318 с.
11. Модель формирования цифровых компетенций при реализации программ высшего образования / О.Г. Савка, М.Н. Гусарова, Д.А. Безруков [и др.] // Russian Technological Journal. 2022. Vol. 10, No. 6. P. 78-90. URL: https://doi.org/10.32362/2500-316X-2022-10-6-78-90 (дата обращения: 28.01.2023).
12. Куттер П., Мюллер Т. Психоанализ: введение в психологию бессознательных процессов / пер. с нем. [В.Н. Николаев, С.И. Дубинская]. – М.: Когито-Центр, 2011. – 383 с.
13. Friedman L.J. The Lives of Erich Fromm: Love's Prophet. Columbia University Press, 2013. 410 p.
14. Lacan J. The Seminar of Jacques Lacan. Book V. Formations of the Unconscious / ed. by Jacques-Alain Miller, transl. by Russell Grigg. New York: Polity Press, 2017. 400 p.
15. Лакан Ж. Семинары. 9 кн. Кн. 7. Этика психоанализа (1959/60). – М.: Гнозис/Логос, 2006. – 416 с.
16. Лоренцер А. Археология психоанализа: Интимность и социальное страдание: пер. с нем. – М.: Весь мир: Прогресс-академия, 1996. – 303 с.
17. Шерток Л., Де Соссюр Р. Рождение психоаналитика: От Месмера до Фрейда. – М.: Прогресс, 1991. – 287 с.
18. Арапова Э.А. О философских основаниях экзистенциального психоанализа Л. Бинсвангера // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2016. – № 1. – С. 99-103.
19. Переписка С. Л. Франка и Л. Бинсвангера (1934-1950) / редкол.: К.М. Антонов (отв. ред.), Г.Е. Аляев, Ф. Буббайер и др. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. – 960 с.
20. Фромм Э. Человек для самого себя // Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – С. 19-190.
21. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
22. The Great Apes: A Study of Anthropoid Life by Robert M. Yerkes and Ada W. Yerkes. Yale University Press, 1929. 678 p.
23. Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или быть? – Киев, 1998. – 400 с.
24. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.
25. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
26. Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика: [сборник]. – М.: Республика, 1993. – С. 218-343.
27. Адлер А. Понять природу человека. – М.: АСТ, 2022. – 352 с.
28. Юнг К.Г. Динамика бессознательного: сборник. – М.: АСТ, 2022. – 687 с.
29. Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. – М.: Прогресс, 1968. – 280 с.

FROM "SPEAKING" TO "DEMONSTRATION": THE EXPERIENCE OF THE GENETIC AND ETYMOLOGICAL CONCEPT OF "TALE"

Babaeva Anastasia Valentinovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Minin University), Nizhny Novgorod*

The article raises the question of the need to revise the concept of "tale". The author attempts to prove that the existing philological perspective of interpretation assigns a well-defined place to the phenomenon within the framework of folk culture, but does not give an exhaustive description and does not reveal the features of the fairy tale in comparison with such folklore genres as bylina, bylichka, as well as tools for working with information. The author proposes to conduct a genetic and etymological analysis of the concept of "tale" and, based on the ideas of V.Y. Propp and M. Heidegger, puts forward the substantive action of "demonstration" as a relevant etymon. Based on the genetic and etymological analysis, an original classification of approaches to the interpretation of the concept is proposed. The idea is substantiated that the proposed perspective of consideration may be promising not only for literary theory, but also for humanitarianism in general.

Keywords: *tale; demonstration; etymology; narrative; verbal-logical; action; Vladimir Propp; Martin Heidegger.*

EDN: SVGKUQ **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.20**

ОТ "ГОВОРЕНИЯ" К "ПОКАЗУ": ОПЫТ ГЕНЕТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ "СКАЗКА"

УДК 1(130.2)
ВАК РФ 5.7.8

© Бабаева А.В., 2023

В статье поднимается вопрос о необходимости пересмотра понятия "сказка". Автор предпринимает попытку доказать, что существующий филологический ракурс трактовки отводит феномену вполне определенное место в рамках народной культуры, однако не дает исчерпывающей характеристики и не вскрывает особенностей сказки по сравнению с такими фольклорными жанрами, как былина, быличка, а также инструмента работы с информацией. Автор предлагает провести генетико-этимологический анализ понятия "сказка" и, на основе идей В.Я. Проппа и М. Хайдеггера, в качестве релевантного этимона выдвигает субстантивированное действие "по-каз". На основе генетико-этимологического анализа предлагается оригинальная классификация подходов к трактовке понятия. Обосновывается идея, что предложенный ракурс рассмотрения может оказаться перспективным не только для теории литературы, но и для гуманитаристики в целом.

Ключевые слова: *сказка; показ; этимология; повествование; вербально-логический; акциональный; Владимир Пропп; Мартин Хайдеггер.*

Сказка (устный рассказ, бытующий с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле фантастические, чудесные или житейские события) [5, 20] сопровождает человека на протяжении всего периода взросления: сначала ребенок слышит сказки из уст родителей перед сном, потом на "простейших" сказках отрабатывает навык чтения и пересказа, отыгрывает первые роли в театральных постановках, знакомится с литературной сказочной традицией (А.С. Пушкин, Т.С. Аксаков, А.М. Горький и др.). По мере взросления в сознании человека закрепляется мысль, согласно которой сказка – вещь несерьезная, связанная с развлечением и фантазией. Никто не отрицает ее воспитательный потенциал, поэтому она периодически становится объектом исследований фольклористики и теории литературы, реже психолого-педагогических дискурсов, но крайне редко – других сфер гуманитарного знания.

На протяжении двух последних столетий сказка нередко попадала в ракурс рассмотрения ученых преимущественно в связи с разработкой тематики мифа, вызывая многочисленные дискуссии на предмет, является ли она самостоятельной формой художественного освоения мира или ее следует расценивать как наследницу мифологии, но последние полвека интерес к сказке существенно снизился. Данная статья преследует цель актуализировать внимание к этому крупному и весьма сложному виду народной словесности в рамках междисциплинарных исследований. Выскажем предположение, что сказка еще ожидает своего изучения как когнитивный феномен, отражающий универсальные принципы работы сознания с объектами реальности. А поскольку в данном случае мы имеем дело с архаичной формой познавательной активности, вполне закономерным представляется обращение к археологическим стратегиям работы со знанием, где действенным инструментом становится генетико-этимологический анализ.

Обращаясь к истории становления понятия, следует отметить, что окончательное закрепление лексемы "сказка" в значении особый повествовательный жанр, по всей видимости, произошло на Руси в XVII веке, до этого времени наряду с заявленным понятием в том же значении фигурировали слова "баснь" и "байка". Последнее слово является общеславянским и происходит от существительного "бай" – говорун, которое образовано от глагола "баять" в значении "говорить, разговаривать" [13,65]. "Баснь" (басня), также восходящее

БАБАЕВА Анастасия Валентиновна, *кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород*

к глаголу "баять", имело хождение в значении "сказка, поэма, стихотворение" [13,76-77], понятие "сказка" часто семантически определялось через глагол "сказывать" в значении "говорить, болтать, беседовать" [13,368].

Таким образом, в качестве этимона всех трех слов фиксировалось "говорение", что позволяло конструировать единый семантический ряд, элементы которого соотносятся с повествованием. При таком подходе сказка трактуется как особая нарративная структура, построенная на выдумке и нацеленная на развлечение [7, 5]. Именно эта интерпретация получила широкое распространение в отечественной традиции и часто подтверждалась ссылкой на народную пословицу: "Сказка – складка, песня – быль". В частности, К.С. Аксаков, комментируя пословицу, отмечал, что сказка рождается именно путем сочинения, придумывания того, чего в жизни не было, поэтому и повествуется в ней о событиях вымышленных, нереальных [1, 399]. По причине "нереальности" в сказке познавательных функций практически не усматривалось, а ее ценность в качестве транслятора социокультурных идеалов смещалась либо в плоскость морали, либо в область эстетики.

Означенная трактовка, базирующаяся на семантике "говорения" и соотносящая сказку с повествованием, может быть названа нарративной. Исследования сказочного текста, выполненные в русле нарративного подхода, акцентируют внимание на механизмах слагания, составления, складывания слов и образов, вплетение их в ткань сказочного повествования. Бытование фольклорного сказочного текста – это, в первую очередь, логика выстраивания коммуникации с целью передачи традиции от сказителя к реципиенту. Нарративная трактовка делает акцент на слово как "артикулированное оглашение мысли", в этом случае сказочное повествование следует рассматривать в логике процедур формализации знания сквозь механику вербально-логического типа мышления.

Наравне с этим подходом в середине XIX века была обозначена линия, согласно которой к русскому сказочному эпосу следует относиться вполне серьезно и видеть в нем "незрелую форму" отражения архаического быта славян. Такой подход отстаивался Александром Николаевичем Афанасьевым, который собирал сказки не только как памятники народной словесности, но и как исторические источники, которые, по его мнению, способны свидетельствовать о вполне реальных исторических событиях в жизни народа, выступая поэтическим аналогом произведений собственно исторического эпоса (например, "Слово о полку Игореве") [2, 1022-1026]. Однако несмотря на авторитет А.Н. Афанасьева в области фольклористики и этнографии, предложенный им подход ведущим не стал.

В советское время отечественные фольклористы отыскали иной этимон к слову "сказка" [6, 7] – субстантивированное действие – по-каз, релевантность находки соотносили с наличием в украинском и белорусском языках слова "казка". При этом какого-то ни было семантического комментария к этому не давалось, несмотря на тот факт, что в монографии "Исторические корни волшебной сказки" самого, пожалуй, именитого русского сказковеда Владимира Яковлевича Проппа находим: "То, что сейчас рассказывают, некогда делали, изображали, а то, чего не делали, представляли себе" [8, 353]. Таким образом, тезис открывает возможности трактовать сказку не как повествование, а как у-казание (на что-то), по-казание (чего-то).

Замечание Проппа вряд ли можно расценивать как радикальное смещение фокуса, хотя, описывая происхождение сказки, он указывает, что генезис сказочного жанра невозможно рассматривать посредством современных категорий – необходимо искать корни феномена в ритуально-мифологическом освоении мира, иначе в наглядно-образном отражении действительности: "Первобытное мышление не знает абстракций. Оно манифестируется в действиях, в формах социальной организации, в фольклоре, в языке" [8, 31]. Исходя из замечания Владимира Проппа, сказку не представляется возможным анализировать и по аналогии с литературными произведениями, где базовыми единицами рассматриваются словесные художественные образы как структурно-семантическая единица текста, отражающая представления в определенной речевой форме, фиксирующей суждения об объектах восприятия [12,268-280].

При анализе структурно-семантических особенностей жанра сказки, исходя из периода формирования и контекста бытования, невозможно последовательное использование предиката "словесный". Маркером недостаточности выше означенного понятия "художественный образ" следует указывать формулировку "определенная речевая форма". Сказка существует, с одной стороны, потенциально как канва традиции, как совокупность образов, смыслов и импульсов, иными словами, как

нечто исконное, устойчивое; а с другой – в индивидуальной вариации, что может быть объяснено склонностями исполнителя (конкретной личности, этнографической группы), особенностями его (исполнителя) социализации (экономическим развитием, специализацией региона), эстетическими экспериментами, иначе говоря, сказка сказывается всегда как нечто новое. Характерной чертой сказки является ее инвариантность: можно говорить о существовании некого шаблона конкретного сюжета, об определенной поэтике, стилистике – в каком-то смысле формульности сказочного текста, но говорить об определенной речевой фиксации образов не приходится. В этой связи стоит упомянуть еще об одном открытии, сделанном Проппом в области изучения сказки: смещении фокуса анализа с героев на сюжетные коллизии, с характерных черт образов на их функциональное значение в тексте [9]. Это еще раз подтверждает, что сказка изначально была связана с практическим и наглядно-образным освоением мира. Учитывая выше сказанное и тот факт, что развитие древних цивилизаций осуществлялось на основании исходных принципов: симбиоза слова и визуального образа – попробуем обозначить структурно-семантическую единицу сказочного текста как визуально-вербальный художественный образ. В этой связи слово в сказке не является единственной формой репрезентации – сама по себе сказка соотносима с акциональным типом мышления, а не логико-вербальным.

Для фундирования нашей догадки относительно художественной специфики сказки как жанра (словесности и исполнительского искусства), генетико-этимологическом родстве сказки и показа/демонстрации возникает необходимость обратиться к наследию М. Хайдеггера. Примечательно, что вскоре после публикации монографии "Исторические корни волшебной сказки" В.Я. Проппа (1946 г.), вышел в свет и доклад М. Хайдеггера "Путь к языку" (1959 г.), где дорога к языку прокладывается через судьбу лексемы "сказ", а само существо языка раскрывается как деятельность, живое явление смысла. Конечно, тексты В. Проппа и М. Хайдеггера, предмет анализа в текстах и механика работы с материалом совершенно различны, но ключевая интенция обоих авторов одна: очертить возможность генетического подхода к анализируемым феноменам. Более того, вопросы, которые задает М. Хайдеггер в "Пути к языку": на чем покоится язык? к чему нас относит язык? и тому подобное – это аналог вопросов, которые ставит перед собой В.Я. Пропп, исследуя генезис волшебной сказки. Для нас Хайдеггер значим и непосредственным обращением к сущностному значению "сказа" через лингвистическим материал.

Впервые в пространстве изучения сказочной традиции имена отечественного фольклориста и немецкого философа параллельно возникают в работах В.А. Воронцова. Логику объединения М. Хайдегггера и В. Проппа в одном контексте казанский ученый объясняет пересечением именно в вопросе инициирования разработки демонстрационного подхода. При этом В.А. Воронцов солидарен с означенными авторами в тезисе, что производные от по-каза, в том числе и слово "сказка", семантически объединяются в группу со значением "показ, демонстрация, наглядное подтверждение" [3]. Однако это открытие в его текстах представляет собой скорее интеллектуальный вброс, который демонстрирует возможность иного, нежели нарративный, подхода к рассмотрению жанрового своеобразия сказки.

У В.Я. Проппа элементы акционального подхода к анализу сказки содержатся в свернутом виде, а у М. Хайдеггера указанный подход в отношении демонстрационного потенциала языка выражен достаточно явственно, и начинается он с демаркации между глаголами "говорить" и "сказывать": только последний, по мнению М. Хайдеггера, подходит для обозначения существа языка – "сказа", производного от вышедшего из употребления древнего слова "каз" в значении "выставляемого для показа". Существо языка проявляет себя, обнаруживает, в первую очередь, через слово, т.е. язык "так или иначе выходит на свет в той мере, в какой нечто сказано" [11, 266]. В обнаружении свойств языка Хайдеггер призывает довериться языку: "Сказать – значит показать, об-явить, дать видеть, слышать" [11, 266]. В этом ключе смысл существования языка состоит в том, чтобы указать, воспринять являющееся сущее и дать возможность переработать воспринимаемое. Язык указывает, но не обозначает; более того, у Хайдеггера, язык – это не система знаков, а система указателей, с помощью которых смертные движутся в мире, давая "присутствующему явствовать, отсутствующему – уйти в неявленность" [11, 267]. Язык "разбивает" в смысле "размечает": разбиение есть рисунок языка той области, где свершается событие показывания, где размечены места говорящих, сказанного и несказанного. То, что размечает язык, не коренится в знаках, сами знаки возникают из указывания, а не только из соб-

ственно человеческой деятельности, поскольку указыванию предшествует "открытость самопоказывающего". Язык есть одновременно деятельность как процесс, ее результат – произведение, и энергия, питающая и поддерживающая облик целого (воспринятого и проработанного).

Существом языка Хайдеггер признает сказывание, а не говорение – "артикулированное оглашение мысли посредством орудий речи" [11, 266], акт говорения есть озвучивание показанного как видимого, явленного зрению. Язык несводим к формальной системе, к слову, поэтому не исчисляем, точнее за словом язык усматривает образ и этот образ показывает, артикулирует. Для прояснения работы языка М. Хайдеггер вводит понятие информации как "загоняющей" в форму (звуковую, вербальную и т.д.), оскопляющую "самопоказывающее" в обособлении события. Дабы избежать разрушительности формализации и "постичь непостижимое", философ активно использует приемы, характерные для художественных текстов: риторические вопросы, различные виды тропов, элементы апофатики: "Что если событие – никто не знает, когда и как, – стало прозрением, чья озаряющая молния вторгается в то, что есть и что принимается за сущее? Что если событие своим касанием вырывает все присутствующее из простой поставимости и возвращает его в собственную суть?" [11, 271].

Знаковым текст "Путь к языку" для нас является и по той причине, что здесь в одном контексте оказываются понятия "язык" и "сказка". Перед тем, как держать речь о языке как сказе, Хайдеггер замечает, что в современность отошла от исконного значения слова "сказ", затемнив его смысл и производных от него, вследствие чего сегодня "сказ" используется в семантически сниженном значении: "Сказ представляется просто сказом, сказкой, чем-то таким, что не засвидетельствовано и потому неправдоподобно" [11, 265]. Фраза, которая, с одной стороны, фиксирует определенные отношения между языком и сказкой, пусть даже опосредованные сказом, а с другой – формально делает сказку недостойной сказа в высоком смысле, снижая ее до говорения. Однако в "Истоке художественного творения" М. Хайдеггер указывает нам, что тайна, коей ведает язык, раскрывается в мифе, сказке – в том, с чего начинается в принципе литературное творчество народа. В полном блеске язык раскрывается в поэзии гениев, истоком чего следует тем не менее признать поэтическое творчество народа: "Творение языка, воздвигаясь в сказании народа..., что всякое существенное слово борется теперь этой борьбой и ставит перед выбором, что свято, а что скверно, что велико, а что мало, что доблестно, а что малодушно, что благородно, а что нестойко, что господин, а что слуга (ср. фр. 53 Гераклита)" [10, 141].

Таким образом, возможно, против воли М. Хайдеггер вскрывает этимологическую и семантическую связи сказывания как дела изложения смысла в тексте и сказки как события рождения свершающегося смысла и подставление результата деятельности перед взором. Конечно, немецкий философ работает на снижение лексемы "сказка", когда ей выносится обвинение в недостаточной степени достоверности содержания, а также принципиальной невозможности подтверждения излагаемым сказкой событиям. Но так ли сказка не подтверждаема, как вскользь замечает М. Хайдеггер? Если вести, как предлагает немецкий философ, генетические корни слова "сказка" напрямую от глагола "казаться" в смысле "принимать тот или иной вид, облик", "представляться воображению", "производить то или иное впечатление" [13,368-369], тогда феномен "сказка" может интерпретироваться посредством слов вид, облик, образ – того, что можно представлять мысленно или воочию ярко, наглядно, т.е. переработать сознанием и отразить то, что имеет место быть в действительности. Кстати, говоря о "недостоверности" сказочного повествования, уместно вспомнить и тот факт, что на Руси еще весь XVIII век понятие "сказка" широко использовалось не только как особый повествовательный жанр, но и как "документ, отражающий результат переписи населения" (ревизские сказки), а также в значении "официальное показание, донесение", которые принимались при рассмотрении судебных тяжб, и, следовательно, искомое понятие использовалось в смысле "подтверждение, доказательство, свидетельство".

В пользу показательного, демонстрационного варианта трактовки феномена "сказка", соотносимого с акциональным типом мышления, свидетельствует и тезис В.Я. Проппа, о котором упоминалось выше. Если сопоставлять генезис волшебной сказки с обрядовыми практиками, то допустимо видеть в сказочном тексте своеобразную "инструкцию" к ритуально-магическим действиям, содержащую пояснения, дополнения для тех, кто еще только входит в социальные связи. В таком ракурсе сказка предстает как синтетическое действо вербально-визуального характера, где свиде-

тельством подлинности ее содержания является ритуал. Подобная интерпретация самого феномена "сказка" оказывается весьма перспективной, поскольку, с одной стороны, через сказочные образы исследователи могли бы реконструировать модели социокультурных практик, с другой – посредством анализа механики работы носителей и аккумуляторов сказочной традиции с живым материалом реальности – демонстрировать общие принципы работы сознания в процессе кодирования знания в текстовый формат.

Литература:

1. Аксаков К.С. Пол. собр. соч. – М., 1861. – Т. 1. – 652 с.
2. Афанасьев А. Н. Предисловие А.Н. Афанасьева к изданию 1873 года // Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. – М.: АЛЬФА КНИГА, 2014. – 1087 с.
3. Воронцов В.А. Генезис языка, сказки и мифа в контексте антропо-социокультурогеза / В.А. Воронцов. – Казань: Яз, 2012. – 416 с.
4. Воронцов В., Креймер В. Волшебная сказка: от физиологии к философии // Философия и сказка: сборник научных трудов / Коллектив авторов. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 48-58.
5. Никифоров А.И. Сказка и сказочник / А.И. Никифоров; Сост., вступ. ст., Е. А. Костюхина. – М.: ОГИ, 2008. – 376 с.
6. Новиков Н.В. Восточнославянские волшебные сказки. – Л.,1974. – 255с.
7. Померанцева Э.В. Русская народная сказка. – М., 1963. – 128 с.
8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л, 1986. – 367с.
9. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.
10. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. – М.: Академический Проект, 2008. – 528с.
11. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие: Статьи и выступления: пер. с нем . – М.: Республика, 1993 . – 447 с.
12. Халикова Н.В. Словесный образ как единица языка художественной прозы // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Сер. Выпуск XIII. – М., 2019. – С. 268-280.
13. Черных П.Я. историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Русский язык, 1999. – Т.1. – С. 368-369.

RATIONALISM AND REDUCTIONISM AS FORMS OF THE MECHANISTIC DOCTRINE OF THE NEW TIME: J. BECKMANN, P. GASSENDI, T. HOBBS, R. DECARTES

Berkovsky Vyacheslav Aleksandrovich, *PhD of Sociological sciences, Associate Professor*

Tronina Larisa Anatolyevna, *DSc of Philosophy, Professor*

Goncharov Artyom Sergeevich, *Postgraduate student, laboratory assistant*

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

This study is devoted to the study of the development of the mechanistic concept in the Early Modern period, in the aspects of rationalism and reductionism. ***The purpose of the study*** *is a comprehensive analysis of the mechanistic teachings of the New Time in the concepts of J. Beckman, P. Gassendi, T. Hobbes, R. Descartes.* ***Scientific novelty*** *is expressed in a new look at the problem of indexing the transitional period of the formation of a "new mechanism" protoconcepts based on the idea of the ways of interaction between man and technology, a rationalistic worldview, a way of knowing with the help of reason, and also a "technical" universal. Separately, there is the question of the relationship between the mechanism of the New Time and casual materialism. When analyzing this problem, we adhere to the analytical approach of B. Russell.* ***The result of the study*** *was the addition of the existing one and the disclosure of a new point of view on the nature of the integration of rationalistic concepts into the updated philosophy of mechanism.*

Keywords: *New Time; mechanism; knowledge; man; technique; progress; law.*

EDN: WHNUKA **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.21**

РАЦИОНАЛИЗМ И РЕДУКЦИОНИЗМ КАК ФОРМЫ МЕХАНИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ: И. БЕКМАН, П. ГАССЕНДИ, Т. ГОББС, Р. ДЕКАРТ

УДК 141.152
ВАК РФ 5.7.2

© Берковский В.А., 2023
© Тронина Л.А., 2023
© Гончаров А.С., 2023

Данное исследование посвящено изучению развития механистической концепции в период Раннего Нового Времени, в аспектах рационализма и редукционизма. ***Целью исследования*** *является комплексный анализ механистического учения Нового Времени в концепциях И. Бекмана, П. Гассенди, Т. Гоббса, Р. Декарта.* ***Научная новизна*** *выражена в новом взгляде на проблему индексации переходного периода формирования протоконцепции "нового механицизма" на основе представления о способах взаимодействия человека и техники, рационалистического мировоззрения, способа познания с помощью разума и также "технической" универсалии. Отдельно обстоит вопрос о вза-*

имосвязи механицизма Нового Времени и казуального материализма. При анализе данной проблемы мы придерживаемся аналитического подхода Б. Рассела. ***Результатом исследования*** *стало дополнение существующей и раскрытие новой точек зрения на характер интеграции рационалистических концепций в обновленную философию механицизма.*

Ключевые слова: *Новое Время; механицизм; познание; человек; техника; прогресс; закон.*

Введение

Проблема исследования истории философии механицизма и механистической концепции в период ее оформления и расцвета в Новое время не перестает оставаться востребованной. Несмотря на большое количество работ по данной тематике, немаловажным и малоизученным остается вопрос о характере восприятия механицизма акторами эпохи, а также особенность синтеза рационализма/редукционизма/механицизма как триединой концепции в контексте естественнонаучного и казуального течений в материализме.

Актуальность исследования заключается в необходимости более детального изучения механицизма как формы мировоззрения и мировосприятия, отличительной черты Нового времени и философского направления в целом и концепций И. Бекмана, П. Гассенди, Т. Гоббса, Р. Декарта в частности. Рационализм и редукционизм как формы механистического учения Нового Времени представляют особый интерес и в условиях нынешних течений и развитых школ, активно занимающихся переосмыслением наследия ранних механицистов. Поэтому для ведения качественного межкультурного диалога, отечественному научному сообществу также необходимо обратить внимание на существующую проблему.

Практическая значимость исследования касается двух аспектов: академического и педагогического, в области методики и содержательного блока. Академическая ценность статьи заключается в возможности дальнейшего изучения существующей проблемы с опорой на полученные сведения (в контексте аналитической традиции). Педагогическая ценность заключается в возможности использования материалов исследования на занятиях по философским дисциплинам в высшем учебном заведении.

Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена фундаментальными трудами философов, собранных и опубликованных в энциклопедических, справочных и статистических изданиях, представляющих ту или иную концепцию. В качестве отдельных работ в дискурсе истории философии мы избрали два исследования, по-разному оценивающих формирование самостоятельной механистической концепции и школы, это работы Б. Рассела "История западной философии" [8] и А. Риля "Введение в современную философию", "Современная философия", "О свободе воли" [9]

В методологический аппарат данного исследования входят философские (общенаучные) и лингвистические методы, согласно аналитической традиции. Общенаучные методы: анализ, герменевтика и синтез данных, дедукция, обобщение, сравнение, сопоставление, конвенция, интерпретация, объяснение, критический. Лингвистические методы: лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический, лексико-семантический, контекстный, извлечения лингвистических данных.

БЕРКОВСКИЙ Вячеслав Александрович, *кандидат социологических наук, доцент*

ТРОНИНА Лариса Анатольевна, *доктор философских наук, профессор*

ГОНЧАРОВ Артем Сергеевич, *аспирант, лаборант*

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

Результаты и обсуждение

Б. Рассел считает, что основу миропонимания Нового Времени составил рационализм как неотъемлемая часть философской и научной картин мира. Причем, фундамент в формировании механицизам как самостоятельного учения заложили такие философы, как Г. Галилей, Ф. Бэкон и Ж. О. де Ламетри. Многие из них ссылались на умозаключения философов Возрождения – Л. Валлы и К. Раймонди. В целом, в их трудах обосновывалась тесная связь механицизма и материализма, то есть, того механицизма, который в дальнейшем рассматривался и изучался всеми именитыми философами, писателями и во второй половине XIX века – психологами, биологами и физиками [8].

Для начала необходимо определить, как мы понимаем материализм в ранее Новое Время: материализм (лат. materialis – вещественный) – направление в философии, философское миропонимание, усматривающее в качестве основания и субстанции бытия – материальное начало. Материя – категория, обозначающая субстанцию, которая обладает статусом первоначала (объективной реальности). Под материей контекстуально может пониматься: 1) вещь; 2) свойство; 3) вещественное отношение; 4) социальная реальность (в некоторых школах второй половины XX века) [1].

Фактически, начиная с открытия метода Ф. Бэконом, все разновидности материи соотносились с определениями техники и технических средств. Техника в простом смысле – как сложный механизм – понималась теми, кто усматривал в ней третичную природу, совокупность средств к улучшению жизни, постижению социальной реальности и расширения социального пространства. Хотя, например, Б. Спиноза в работе "Этика" считал технику разновидностью субстанцией – той категории, которую можно оценивать и как идею, и как материю. Несмотря на популярность философии Б. Спинозы среди европейской интеллигенции, точка зрения Ф. Бэкона в отношении техники оказалась превалирующей [3].

Кроме того, в работах французского врача и философа Жюльена Офре де Ламетри возникает новое течение в материализме – "казуальный материализм", который расширяет и дополняет представление о технической природе и объясняет с разных сторон суть технических универсалий. Под казуальным материализмом следует понимать материалистическую традицию, начавшую набирать популярность в последней четверти XX века, это течение в материализме, согласно которому в мире господствует случайность, которую невозможно ни объяснить, ни обобщить, при этом, материальное начало понимается как совокупность вещественных, биологических, социальных и когнитивных процессов [2].

В казуальном материализме техника понимается как целокупность материальных сущностей, а законы материального мира зависят от технического развития и прогресса. Творчество в казуальном материализме не считается процессом технического и социального роста и развития. Самоценность имеет только производительность, труд, производственные отношения и производительные силы. Позднее механизмы и техника в понимании казуального материализма стали основой формационной теории [2].

В работах И. Бекмана, ссылавшегося на О.Ф. де Ламетри, мировые процессы, лишенные абсолютных законов, протекают закономерно, исключительно с точки зрения прогресса и технического развития, а также т.н. "человека техники" или "человека науки", способного познать качественные и количественные составляющие материи. Элементы казуального материализма усматриваются в работах древнегреческих философов Эпикура, Анаксимена и римского поэта Лукреция. Начиная с философии Нового Времени, понятие материя расширяется и изменяется, что приводит к поиску новых подходов, которые бы объясняли содержание техники, равной субстанции и наделенной атрибутивными свойствами [2].

Изначально механицизм, входящий в систему материалистического мировоззрения, отвергал казуальность (лат. casualis – "случайный"), а неоднозначность и неопределенность бытия и мировых процессов рассматривались в рамках ограниченности знаний и средств познания. Английский философ Т. Гоббс считал, что развитие материи закономерно, а говорить о случайных биологических, механических или социальных процессах – значит говорить о "неведении законов". В дальнейшем различные концепции марксизма, позитивизма и реализма упрочили эту позицию [4, с. 154].

Изучив историю развития материалистических учений в Античности и Средних веках, мы проследили первые прочные связи категорий "механики" и "материи". Свою завершенность они приобрели в трудах Рене Декарта. В русле механистического материализма Р. Декарт утверждал, что существует лишь единая материальная субстанция. Вещественность определяется отсутствием категории разума,

воли и пр. Когнитивные системы, по Р. Декарту, являются разновидностью материи, так, состояние тела обуславливает состояние души через чувственное познание и восприятие. В русле казуального материализма Р. Декарт рассматривал материальные процессы как причины действия. В "Рассуждении о методе" вещественные действия объясняются доступными для человеческого понимания законами физики, биологии. Психические процессы порождаются пассивным воздействием на тело человека извне [5, с. 62].

Так, П. Гассенди объяснял сложность и многогранность каждой отдельно взятой личности непохожими друг на друга обстоятельствами социализации, психофизиологическими особенностями, видами деятельности, ранними склонностями, талантами и интересами. В раннем казуальном материализме физические и психические явления есть две сути изменения материи. Апеллируя к Марксу, цельно-материальные процессы и вещественные процессы у П. Гассенди – это базис, психические процессы – это надстройка, эпифеномен над цельно-материальными процессами [7].

На рубеже веков позиции казуального материализма придерживались британский историк Лоуренс Стоун и австралийский философ Дэвид Армстронг. В современной философии казуальный материализм представлен такими философскими направлениями, как: онтологическая философия, философия сознания, элиминативный материализм и семантический экстернализм. Также значительное влияние казуальный материализм оказал на современные направления в психологии: бихевиоризм, психоанализ и гештальтпсихологию. Сторонниками казуального материализма на сегодняшний день являются британский онтолог и философ Барии Смит и американский писатель Роберт Арп [9].

Можно сказать, что в раннее Новое Время божественные законы в их взаимосвязи с механизмами и техникой практически полностью исчезают, либо переходят в категорию солипсизма – крайнего субъективного идеализма, явившегося в другой крайности познания – всепознаваемости на основе изучения внутреннего мира и предположения, что себя можно познать полностью с помощью технических средств. Солипсизм Рене Декарта явил себя как с позитивной стороны, создав целостную философскую систему механицизма, так и с негативной, поставив под сомнение познаваемость скрытых природных и психологических процессов [9].

Несмотря на это, многие философы теперь утверждали, что природу можно как описать, так и понять – на основе развития техники, поиска взаимосвязи с природным началом. Однако в Новое Время формируется представление о том, что природа должна служить человеку – это был существенный выпад в сторону витализма. Отличительной особенностью познания было превращение натурфилософского наблюдения и эксперимента в научные методы, отражавшие установку "чистого опыта", наиболее достоверного вида знания из доступного человеку. Опыт добывался техническим путем, искусственно выводимым из природных, социальных и психологических явлений [6].

Важно понимать и то, что Ж.О. де Ламетри в работе "Человек-машина" показал, как в целях раскрытия естественных процессов важно использовать объекты материального мира, измененные человеком для своего удобства – расширения и углубления своего социального пространства. Ценны и рассуждения Ж.О. де Ламетри о пользе техники как "лекарства" для всего человечества, в этом усматривается влияние Филодема Гадарского, понимавшего технику как "средство" для добывания счастья. У Ж.О. де Ламетри техника, счастье и наука тождественны. На основе этого, мы можем говорить о том, что именно учение Ж.О. де Ламетри повлияло в значительной степени на формирование позитивистской установки о прогрессе О. Конта в начале XIX века [10].

Заключение

Таким образом, философия механицизма в Новое Время совпала с периодом расцвета рационалистических учений, восхвалявших разум и, как следствие, технику, всестороннее и поглощающее познание. Физикализм и механицизм Нового Времени исходили полностью из материалистического восприятия и оценки природы. Технические универсалии больше не являлись актуальным предметом спора философов, так как многие представители тех или иных направлений понимали их как технические средства. Учение о материи и движении Декарта сформировало представление о технике как о единой форме основания познания, бытия и вторичной природы, то есть, техники.

Рационализм и редукционизм бели теми формами механистического учения Нового Времени, которые смогли сформировать практический аспект изучения механистической концепции в целом. В трудах И. Бекмана,

П. Гассенди, Т. Гоббса и Р. Декарта мы видим актуализацию таких категорий, как пространство, время, движение, длительность и т.д. Протоконцепция "нового механицизма" прослеживается в трудах данных философов, но разворачивается уже позднее.

Абсолютизация культа разума, однако, часто приводила и к негативным последствиям. В частности, солипсизм Р. Декарта и "демон" П.-С. Лапласа подтолкнули многих философ, ученых-естествоиспытателей к синтезу механицизма, рационализма и т.н. "философии техники". Поначалу своеобразным экспериментом считался и казуальный материализм Ж.О. де Ламетри, который завоевал доверие у представил ей неклассической немецкой философии. На казуальном материализме и техницизме были основаны диалектика природы и социума Ф. Энгельса и критическая концепция Э. Маха. Решающую роль в закреплении механицизма в качестве новой, самостоятельной концепции сделал И. Ньютон, обосновав свою физическую концепцию и превратив ее в три классических закона механики.

Литература:

1. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
2. Гончаров А.С. Казуальный материализм / А.С. Гончаров // Инновационные решения социальных, экономических и технологических проблем современного общества : сб. науч. ст. по итогам круглого стола со всероссийским и международным участием, Москва, 15-16 июня 2021 года. – М.: КОНВЕРТ, 2021. – С. 121-122.
3. Зубов В.П., Кузнецов Б.Г., Иваненко Д.Д. Очерки развития основных физических идей. – М.: АН СССР, 1959. – 511 с.
4. Кирсанов Я.А. Метафора машины власти в дискурсе нового времени (на материале трактата Т. Гоббса "Левиафан") / Я.А. Кирсанов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2009. – № 1. – С. 151-159. – EDN NUOKVL.
5. Любимова Т.Б. Единообразие против единства / Т.Б. Любимова // Философские науки. – 2019. – Т. 62. – № 7. – С. 54-72. – DOI 10.30727/0235-1188-2019-62-7-54-72. – EDN JPENGX.
6. Макарова О.С. Когниосемантика отсутствующей структуры в метакодах и лексикодах английской культуры // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2020. – № 1. – С. 77-91.
7. Погоняйло А.Г. Душа/машина / А.Г. Погоняйло / / Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 39-51. – EDN RMWRHJ.
8. Рассел Б. История западной философии / Бертран Рассел; [перевод с английского]. – М.: АСТ, 2016. – 1024 с.
9. Риль А. Введение в современную философию. Современная философия. О свободе воли. – М.: Издание В.В. Битнера. Серия: Энциклопедическая библиотека для самообразования, 1904. – 327 с.
10. Фролова Е.А. Идеи натурализма и механицизма в философии права нового времени / Е.А. Фролова // Право и государство: теория и практика. – 2016. – №1(133). – С. 44-48. – EDN VSDTDZ.

THE PARADOX OF HASIDISM AS A CONFLICT BETWEEN TRADITIONALISM AND RADICALISM THROUGH ANTINOMIANISM AND NOMISM

Veselkov Georgy Olegovich, *Competitor, Transbaikal State University, Chita*

The purpose of the study: *to establish the general religious concepts of Hasidism and other religious movements (Yored Merkava, Christianity, Sabbatianism). The article clarifies the possible borrowing of antinomic concepts by Hasidism. The important role of Sabbatian antinomian elements, which decisively influenced Hasidism of the later phase, is also emphasized.* ***Scientific novelty:*** *the study is a comprehensive presentation of Hasidism as not isolated, but open to borrowing, a religious phenomenon that has been formed over the centuries from the ideas of close and alien movements.* ***As a result:*** *it is proved that Hasidism was not formed in isolation, but absorbed various ideas and concepts from various Jewish and non-Jewish religious and mystical movements.*

Keywords: *Hasidism; Sabbatianism; antinomianism; nomism; religious radicalism; probabilism; aveyr limshah.*

EDN: UOPUEQ **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.22**

ПАРАДОКС ХАСИДИЗМА КАК КОНФЛИКТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И РАДИКАЛИЗМА ПОСРЕДСТВОМ АНТИНОМИЗМА И НОМИЗМА

УДК 291.1
ВАК РФ 5.7.9

© Веселков Г.О., 2023

Цель исследования: *установление общих религиозных концепций хасидизма и других религиозных течений (йоред меркава, христианство, саббатианство). В статье проясняется возможное заимствование хасидизмом антиномических концепций. Также подчеркивается важная роль саббатианских антиномических элементов, которые решающим образом повлияли на хасидизм позднейшей фазы.* ***Научная новизна:*** *исследование является комплексным представле-*

нием хасидизма, как неизолированного, а открытого для заимствований религиозного феномена, на протяжении веков формировавшегося из идей близких и чужеродных течений. ***В результате:*** *доказано что, хасидизм формировался не изолированно, а вобрал в себя различные идеи и концепции из различных еврейских и не еврейских религиозно-мистических течений.*

Ключевые слова: *хасидизм; саббатианство; антиномизм; номизм; религиозный радикализм; пробабилизм; авейр лимшах.*

Введение

Актуальность данного исследования обуславливается местом хасидизма на мировой религиозной арене, а именно как из небольшого круга интеллектуальной элиты с определенными религиозно мистическими идеями, хасидизм трансформировался в ведущее направление в современном иудаизме. Также актуальность характеризуется парадоксальностью самого хасидизма. Чтобы стать ведущим направлением в иудаизме хасидизму нужно было отодвинуть от себя мистические элементы на второй план или переформулировать их в традиционном ключе, что не привело к успеху. Такие тенденции консерватизма говорят о том, что хасидизм развившись в консервативное движение, запутался в парадоксе: ценности, которые он унаследовал, были революционными, а переход к традиционалистским ценностям требовал изменения, которое, в свою очередь, противостояло консерватизму ("парадокс консерватизма"). Хасидизм предпочел "перевод" старых мистических концепций в традиционалистские или превращение практик, служивших средством мистического опыта, в цели сами по себе.

Таким образом, мистическая энергия не была полностью утрачена, а, скорее, "законсервировалась" в новых формах, которые решали различные немистические религиозные задачи. Данный парадокс также можно встретить еще в германском хасидизме, когда мистические идеи, трактовались через призму аскетизма и благочестия. Но все равно, как бы они не были трансформированы в германском хасидизме и позднем хасидизме, мистическая основа в любом случае остается, и аскетические и традиционалистические элементы имеют мистическую коннотацию. Для решения поставленной проблемы требуется решить следующие *задачи*: 1) прояснить роль мистицизма в хасидизме и доказать что он имеет определяющую роль; 2) определить влияние христианства, и в большей степени саббатианства посредством общих религиозных концепций с учетом исторических событий; 3) дать характеристику хасидизма как структурно сложного религиозного феномена, состоящего из различных идей и концепций, взятых из других религиозных и мистических течений.

Для осмысления религиозных и мистических концепций хасидизма и других течений применяются следующие методы: феноменологический, исторический и герменевтический.

Теоретической базой исследования являются тексты хасидского и каббалистического корпуса, тексты христианских мистиков, а также публикации зарубежных авторов, исследовавших еврейский мистицизм, в том числе хасидизм и саббатианство. В работе используется теория религиозного радикализма Б. Брауна, касающаяся идеологического конфликта хасидов с раввинистической ортодоксией, а также теория Г. Шолема о трех стадиях одного мистико-религиозного процесса (лурианская каббала, саббатианство и хасидизм).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый материал может быть использован в педагогической

ВЕСЕЛКОВ Георгий Олегович, *соискатель, Забайкальский государственный университет, Чита*

деятельности для лекций, а также для создания методологических пособий по философии и истории религии.

Основная часть

Важным элементом, которым характеризуется хасидизм, является религиозный радикализм. Также он является ключом к пониманию противостояния и полемики между хасидизмом и иудейской ортодоксией.

Религиозный радикализм можно рассмотреть на примере хасидов Венгрии и Галиции. А именно происходивший идеологический конфликт ортодоксов с хасидами. Б. Браун подчеркивает, что термин "религиозный радикализм" в научном использовании имеет два несколько противоречащих друг другу определения [4, с. 348]. В контексте конфликта между традицией и современностью "религиозный радикализм" имеет тенденцию относиться к жесткой традиционалистской позиции, противостоящей инновациям; то есть решительное утверждение авторитета традиционного религиозного закона или догмы и борьба с теми, кто хотел бы его отменить. Некоторые лидеры ортодоксального иудаизма в Венгрии и Галиции, в том числе некоторые хасидские мастера, считались в этом смысле религиозными радикалами.

Однако, когда речь идет о неортодоксальных движениях, термин "религиозный радикализм" часто относится к смелой, нонконформистской, революционной религиозной позиции, проверяющей границы религиозного закона или догмы, а иногда и выходит за их рамки [7, с. 22].

Но в широком смысле религиозный радикализм в хасидизме чаще всего употребляется в связи с антиномизмом (нарушение заповедей). Антиномизм, с точки зрения ортодоксального еврейства, всегда подвергался критике. В данном случае нужно обратиться к позиции ведущего ученика раввина и духовного авторитета ортодоксального еврейства Виленского Гаона (1720-1797 гг.) Хаима из Воложина (Хаим бен Исцхак Воложинер) (1749-1821 гг.) и его полемику с хасидизмом и осуждением в нем антиномизма. Хаим не мирился с социальными и политическими распрями между хасидами и митнагдим (идейный противники хасидизма) XVIII в. и даже принимал учеников-хасидов в Волохинскую иешиву. Однако Хаим выступал против хасидизма по идеологическим соображениям [12, с.18]. "Нефеш ха-Хайим", единственная автографическая работа Хаима, опубликованная посмертно, была одновременно полемикой о хасидизме, а также иудео-каббалистическим мировоззрением, альтернативным хасидизму. Полемика Хаима укрепляет точку зрения о том, что Виленский Гаон и его ученики были скорее идеологически, чем политически противниками хасидизма. Концепция Хаима опирается на Тору как способ задавать вопросы и получать ответы.

То есть, идеология Хаима опирается на традиционные еврейские религиозные тексты. Здесь также важно отметить мнение Хаима касательно галахи (традиционное еврейское право), а именно: "1. изучать гемарру (свод дискуссий и анализов Мишны (древнееврейский сборник религиозно-юридических законов), для уточнения и постановления закона) и комментарии к ней, и это должно быть главным служением Богу в ваших глазах, 2. соблюдать законы [диним] гемарры". Эта идея не отклоняться от законов Талмуда восходит к беспокойству Хаима по поводу снисходительности хасидов в вопросах, авейр лишмах (концепция греха как иногда полезного). Хаим говорит, что нельзя нарушать законы Талмуда даже из самых благородных соображений.

Полемика Хаима с хасидизмом приводит к проблеме понимания концепции авейр лишмах. Данная концепция очень схожа с концепциями иезуитской морали в оправдании греха, такими как правдоподобное мнение (opinion probalis) и учение о грехах. Признание хасидизмом о полезности греха схоже к пробабилизмом иезуитов, что в конце концов ведет к уничтожению границ между добром и злом. Авейр Лимшах является тем, где пресекаются идеи саббатиан и иезуетов, что в последствии, повлияло на хасидизм. На наш взгляд, суть хасидской концепции авейр лимшах и ее антиномический смысл коренится именно в саббатианстве.

Радикальное саббатианство несет в себе двойной смысл парадоксального экстремизма, а именно его суть состоит в том, что вера, которую человек способен декларировать публично, не может быть истинной, т. е. вера должна быть тайной, и в общении верующему с непосвященным подобает от нее отречься. Суть саббатианского антиномизма состоит в том, что сакральное становится профанным, а профанное – сакральным. Косвенные попытки приближения к такому мировоззрению можно найти в ранней каббале, но находящиеся в теоретические потенции. Они выражены в книге Сефер ха Тмуна (Книга Образа) XIII в. в такой концепции, как торат ха шмитот (доктрина эпох), где говорится о том, что Тора, не меняя своей сущности, может проявляться по-

разному, другими словами, разное прочтение показывает различные шмитот (космические эпохи). Саббатинский Мессия Шабтай Цви установил соответсвующу бенедикцию, которая гласила, что благославлен Ты, Господь, Бог наш Царь вселенной, разрешающий запретное. Можно сказать, что саббатианство заимствовало из ранней каббалы данный элемент.

Рассматривая хасидизм в связи с саббатианством и каббалой, следует упомянуть такие понятия, как мессианство и прозелитизм. Гершом Шолем утверждал, что Лурианская каббала, саббатианство и хасидизм являются тремя стадиями одного процесса [3, с. 406]. Если вести мысль из его суждения, можно сказать, что мессианский элемент значимую роль стал уже играть в Лурианской каббале, так как она содержала в себе тенденцию к прозелитизму. В основе чего лежало стремление к процессу тикун (избавление).

Хасидизм же, в свою очередь, зародился именно в тех областях, где саббатианство имело свою высшую степень развития – в Подолии и Волыни. И основатель хасидизма Баал Шем Тов начал свою деятельность именно в то время, когда саббатианство, преследуемое раввинистической ортодоксией, усиливало свои нигилистические тенденции [3, с. 407]. Также некоторые группы евреев Польши, которые называли себя хасидами [2], имели в своих рядах тайные группы саббатиан. Такое положение может указать на неразрывную, но скрытую от масс связь между хасидизмом и саббатианством, которая отразилась на мистических концепциях в хасидизме.

Таким образом, идея полезности греха могла быть взята хасидами прямиком из саббатианства, так как их связывает общая антиномическая черта. Единственным различием между этими двумя видами антиномизма кроется в сущности этих дух направлений. В первом случае нарушение заповеди происходит для цели преодоления изгнания, хасидизм же преследовал цель достигнуть единения мистического единства с богом (двекут). Делая вывод, нужно также принять во внимание исламское влияние на эволюцию еврейского мистицизма, от возникновения ислама до сегодняшней еврейской литургической и медитативной практики. Революционный и радикальный характер хасидизма уходит своими корнями во времена еврейского мессианизма в Османской империи.

Интересным является само возникновение позднейшей фазы хасидизма, именно в эпоху его возникновения следует также искать влияние ислама. Ислам играет не последнюю роль и в истории саббатианства, так как Шабтай Цви в итоге принял ислам. Данное действие можно рассматривать как крайнее проявление антиномизма. Но отступничество как элемент антиномизма на самом деле, даже с точки зрения саббатианства, представляется достаточно спорным действием. Возвращаясь к истории возникновения хасидизма, нужно упомянуть, что Исраэль бен Элиэзер, также известный как Баал Шем Тов (Бешт), родился в 1698 г. Легенд, которые могут сказать местоположение рождения Бешта, очень много. Одна из них говорит, что он родился в Валахии. Как известно, территория Валахии была оккупирована Османской империей, но в ходе набегов казаков Богдана Хмельницкого, устраивавших массовые погромы и убийства, евреи захватывались в плен и продавались в качестве рабов туркам. Что по легенде и произошло с его отцом р. Элиэзером. Это в последствии могло повлиять на мировоззрение молодого Бешта. Независимо от того, насколько эта история, какой она известна сегодня, правдива или легендарна, влияние Бешта на эволюцию древнейшей монотеистической религии неоспоримо, и все еще ждет дальнейшего изучения, несмотря на количество работ, уже написанных о нем прежде. Учитывая, что движение, которое он запустил, начавшееся как ответвление господствующего иудаизма, имело целью решить религиозный кризис, частично отклонившись от установленных религиозных практик, предлагая поклоняться Богу не только через молитву, но также благодаря рассказам, музыке и танцам, а также замене раввина цадиком (праведником/мудрецом).

Следует также выделить противоположную концепцию в хасидизме, которая имеет, теургическую основу номического характера – это "поклонение через телесность". Она заключается в том, что хасидизм, как и другие еврейские движения, стремился наполнить мирские действия космическим значением. Иными словами, что каждое действие может быть освящено таким образом, который открывает каналы для божественной трансформации. Если каждое действие имело религиозное значение, то достижение высокого уровня святости не было прерогативой только ученых или священников.

Именно добросовестное выполнение своей работы стало путем к святости и, в конечном счете, к искуплению. Точно также буквально работа по возделыванию земли, производству товаров и изготовлению изделий из металла

стала способом, с помощью которого праведники не только освятили себя, но и объединили земное и небесное царства. Трудолюбие само по себе было своего рода святостью, наделяя повседневные труды живительным богатством и священным статусом. Это и является, во всех смыслах, поклонение через телесность. Одним из ключевых источников в понимании поклонения через телесность выступает энохианский фольклор, это имеет мистическую и оккультную коннотацию. Этот мистический характер в свою очередь имеет давнюю традицию древнего еврейского мистицизма Йоред Меркава, но интерпретированного в хасидском мировоззрении, также как и сделали это в эпоху Средневековья хасидей ашкеназ. Мистический элемент состоит в достижении божественной святости, у хасидов через совершение праведных поступков и даже на бытовом уровне, а у визионеров меркавы через прохождение небесных чертогов в экстатическом состоянии, но цель преследуется общая – достижение единства с Богом.

А также интересным является то, что в раннем мормонизме есть аналогичные воззрения, которые аналогичным образом демонстрируют совпадение духовного и мирского в умах многих Святых, заставляя их рассматривать свой труд как священную задачу в строительстве Сиона [5, с. 59].

Возвращаясь к антиномизму, следует сказать о таком понятии, как пробабилизм. В теологии католической церкви пробабилизм – обоснование определенного способа суждения, в случае если действие подвергается сомнению, следует принимать решение исходя из того, насколько оно будет полезно для церкви. Данная концепция нашла своих последователей в лице иезуитов, таких как создатель концепции среднего знания (молинизм) Луис де Молина. Переход иезуитов на позицию пробабилизма происходит в восьмидесятых годах XVI века, при этом они позаимствовали из риторики Цицерона принцип ситуативной обусловленности риторического акта. Основной принцип иезуитской духовности – уметь сделать правильный выбор средств, для достижения цели в зависимости от актуальной ситуации. Исходя из данного суждения, можно сделать вывод, что иезуитская мораль имеет явный характер прагматизма. Отсюда и происходит иезуитский принцип полезности греха (грех ради блага).

Совершение греха для высшей цели у иезуитов и хасидов имеет схожее определение функции, в данном случае сочетание сакрального и профанирующего элементов. Т. е. для достижения высшей цели (сакральный компонент) практикуется нарушение заповедей вплоть до совершения греха (профанирующий элемент в некоторых случаях имеет характер демонизации). Здесь важным является принцип адаптации святого к актуальной ситуации, материального мирского профанного мира.

Заключение

Следует сказать, что хасидизм как религиозный и мистический феномен имеет достаточно сложную структуру мистических и религиозный практик, включающих в себя как элементы иудейского традиционализма, так и религиозного радикализма, который граничит с экстремизмом. С течением времени хасидизм не явно, но системно испытывал влияние различных религиозных течений как родственных внутри еврейской традиции, так и возможно чужеродных. Главным в хасидизме всегда оставался мистический элемент, где целью было достижение единства с Богом (двекут). Традиция достижения единства с богом уходит корнями в ранний еврейский мистицизм Мистики Меркавы. Также данную практику можно найти в сефардской каббале Ааврама Абулафии, где в общих чертах игнорировался теософский компонент каббалы, а основной целью было достижение единства с богом посредством соответствующих практик (комбинация букв божественного имени и т.д.).

Таким образом, хасидизм несмотря на переформулировки своих мистических концепций в традиционалистическом ключе, все равно содержит в себе определяющую роль мистицизма через достижении единства с Богом. В существенное противоречие вступает конфликт между номическими и антиномическими практиками в хасидизме. Антиномический элемент (нарушение заповедей), как было выяснено, пришел прямиком из саббатианства, который, в свою очередь, в обоих случаях очень схож с пробабилизмом иезуитов. Номический элемент соответственно имеет корни из раввинистического иудаизма.

Традиционалистический компонент в хасидизме, являющийся неотъемлемой его частью, в свою очередь, прошел два этапа. Нужно указать на важный в истории хасидизма период, этот переломный момент относится ко времени Люблинского Провидца (Яков Ицхак Горовиц) – вторая половина XVIII в., его товарищи-цадики, а также его ученики стоят посреди промежуточного периода, знаменующего конец эпохи формализации и начало эпохи ис-

теблишмента (переход от к элитарному цадикизму; превращения цадика из обычного еврея, сведующего в вопросах Торы в духовного харизматичного лидера). Именно это был решающий момент в истории хасидизма, когда закладывались основы для будущих поколений.

В итоге, хасидизм до времени Люблинского Провидца после на самом деле многое заимствовал уже из разных движений, так как трансформация идеологических и мистических концепций приобрела традиционалистический характер. Но при этом трансформация цадика в духовного лидера имеет в большей степени нетрадиционалистический характер, что, в свою очередь, вызвало волну критики и недовольства со стороны ортодоксии.

Основной парадокс хасидизма заключается именно в конфликте внутри самого хасидизма. Благодаря концепциям и идеям, которые имеют разное происхождение, зачастую контрастируют с друг другом и вступают в противоречия и конфликты как внутри сообщества хасидов, так и снаружи, где хасидизм подвергается нападкам со стороны раввинистической ортодоксии.

Примечания:

1. Корзо М.А. Пробабилизм и проблема "Неуверенной" совести в раннее новое время: историко-теоретические контексты / М.А. Корзо // Этическая мысль. – 2019. – №1.
2. Шивхей а-Бешт С. – Берлин: Издание Ш.А. Городецкого, 1922.
3. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – М.: Мосты культуры. Иерусалим: Гешарим, 2004.
4. Brown B. The Two Faces of Religious Radicalism // Orthodox Zealotry and "Holy Sinning" in Nineteenth-Century Hasidism in Hungary and Galicia. 2013, Vol. 93, No. 3, Pp. 341-374.
5. Hansen A., Wright W. All Things Unto Me are Spiritual": Worship through Corporeality in Hasidism .// Dialogue: A Journal of Mormon Thought. 2017, Vol. 50 (1), Pp. 57-78
6. Meir J. Reform Hasidism: The Image of Habad in Haskalah Literature // Modern Judaism. 2017, Vol. 37.
7. Mullet M. Radical Religious Movements in Early Modern Europe. – London: Allen &Unwin, 1980. – XI, XXII.
8. Nadler A. The "Rambam Revival" in Early Modern Jewish Thought // Maskilim, Mitnagdim, and Hasidim on Maimonides / Guide of the PerplexedIn Jay Michael Harris (ed.), Maimonides After 800 Years: Essays on Maimonides and His Influence. – Harvard University Press. 2007.
9. Rubin E. Habad hasidism and the mystical reconstruction of society // Jewish Spirituality and Social Transformation / Edited by Philip Wexler. – New York: The Crossroad Publishing Company, 2019. Pp. 59-78.
10. Senay B. Hasidism under the influence of hesychasm and Sufism // Baal Shem Tov a jewish sufi and hesychast? – Bursa Uludag Universitesi, 2021.
11. Shaul Magid, Hasidism Incarnate: Hasidism, Christianity, and the Construction of Modern Judaism. – Stanford: Stanford University Press, 2015. 271 p.
12. Shuchat R. Hayyim // Volozhin and Hasidism. 2018, Vol. 16, s. 15-27.

SOMETHING ABOUT THE ELIMINATIVE INDUCTION IN THE METHODOLOGY OF FRANCIS BACON

Vorobev Dmitry Valerievich, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod*

Shmeleva Natalia Vladimirovna, *PhD of Philological sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin (Minin University), Nizhny Novgorod*

The difference between incomplete induction and the eliminative induction of Francis Bacon, described in detail by him in the "New Organon", is researched in this article. Incomplete (from the point of view of Francis Bacon, false) induction enumerates the facts of some plenty of facts and makes a conclusion single judgments from the listed facts, from which it, induction, infers a general conclusion, that extended to all remaining facts of the specified plenty. In contrast to incomplete induction, Bacon's eliminative induction follows the path of exclusion. This is not about excluding empirical facts, but about excluding those of our assumptions, that do not pass the verification of compliance with the facts listed in the tables of presence, absence and degrees. Those of our assumptions that pass such a test acquire the status of a hypothesis.

Keywords: *deduction; incomplete induction; inductive inference; elimination; "New Organon"; cross instances.*

EDN: YEBSME **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.23**

УДК 1(091)
ВАК РФ 5.7.2

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛИМИНАТИВНОЙ ИНДУКЦИИ В МЕТОДОЛОГИИ ФРЕНСИСА БЭКОНА

© Воробьев Д.В., 2023
© Шмелева Н.В., 2023

В статье рассматривается различие между неполной индукцией и элиминативной индукцией Френсиса Бэкона, подробно изложенной им в "Новом Органоне". Неполная (с точки зрения Френсиса Бэкона, ложная) индукция идет по пути простого перечисления фактов какого-то множества, выведения из

всех перечисленных фактов единичных суждений с последующим выведением из них общего заключения, которое неполная индукция распространяет на все оставшиеся факты указанного множества. В противоположность неполной индукции, бэконовская элиминативная индукция идет по пути исключения. Речь идет не об исключении эмпирических фактов, а об исключении тех наших предположений, которые не прошли проверку на соответствие с фактами, перечисленными в таблицах присутствия, отсутствия и степеней. Прошедшие такую проверку предположения приобретают статус гипотезы.

Ключевые слова: *дедукция; неполная индукция; индуктивное умозаключение; элиминация; "Новый Органон"; перекрестные инстанции.*

В противоположность расхожему мнению, согласно которому метод дедукции является исключительным и единственно верным для постижения природы, Френсис Бэкон считает дедукцию полностью бесполезной, никчемной и совершенно неприменимой для пользы людей [8, 617], а если в чем-то и где-то уместной, то исключительно лишь для пустой болтовни и для бесконечных споров философов. Как известно, дедукция – это умственная операция, которая предполагает движение человеческой мысли от общего к частному. Соответственно, под дедуктивным методом следует понимать тот самый метод, с помощью которого мы извлекаем из общего частное [10, 42]. А точнее сказать, из двух общих суждений-посылок – одно частное заключение.

Известно также, что только дедуктивное умозаключение гарантирует полную достоверность своего вывода, исключая всякую вероятность того, что в результате построения такого умозаключения мы будем иметь недостоверный вывод. Так, исходя из того, что пудель есть собака (а это полностью достоверное утверждение), а собака – животное (и это равно достоверно), следует прийти к заключению, что пудель – животное. К тому заключению, которое по степени своей достоверности не уступает исходным посылкам. Именно в силу этого Аристотель стал считать дедуктивный метод единственно надежным методом для получения абсолютно достоверных заключений.

Говоря о бесполезности дедукции, Бэкон не отрицает дедукцию в качестве умственной операции (последнее выглядело бы глупо). Она бесполезна в том самом смысле, что абсолютно бессмысленна как метод приобретения нового знания, поскольку тавтологична по сути своей. Итак, дедукция тавтологична по сути своей, поскольку опять же не дает никакого нового знания, а лишь расчленяет и, следовательно, уточняет и поясняет лишь старое [4, 101]. Заключение "пудель есть животное", выведенное из двух общих исходных посылок "пудель есть собака", а "собака есть животное" – не привносит ничего нового. Признак "животное" (свойство "быть животным") уже входит в число понятие-образующих признаков такого понятия, как "пудель".

Именно в силу того, что дедукция тавтологична, она не дает никакой ошибки. В том самом смысле, что гарантирует полную достоверность своего заключения. Другими словами, именно в силу того, что дедукция в своем заключении не прибавляет нового знания, она всегда гарантирует заключение, не уступающее по своей достоверности двум исходным посылкам. И действительно, откуда взяться чему-то недостоверному, если к двум достоверным посылкам мы ничего не прибавили.

Но не лучше дела обстоят и с индукцией, поскольку индукция ненадежна для получения достоверных выводов. Речь здесь идет,

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Валерьевич, *доктор философских наук, профессор кафедры философии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород*

ШМЕЛЕВА Наталья Владимировна, *кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет), Нижний Новгород*

конечно же, о неполной индукции. Как известно, индукция предполагает движение человеческой мысли от частного к общему. Это процесс обобщения. Процесс выведения из целого ряда частных суждений, выступающих в роли исходных посылок, более общего заключения. Что касается частных посылок, то, как правило, в качестве них выступают единичные суждения, непосредственно выводимые нами из эмпирических наблюдаемых фактов, из "данных чувств" [5, 71].

Разделяют индукцию полную и неполную. К неполной относят такую индукцию, которая делает заключение обо всех фактах какого-то множества, исходя из неполного, единичного знания. Из нескольких (единичных) эмпирически наблюдаемых фактов какого-то множества мы выводим несколько единичных суждений, которые затем используем в качестве нескольких единичных частных посылок для выведения из них общего заключения. Именно это общее суждение мы и распространяем на все оставшиеся факты этого множества.

Такое общее заключение всегда содержит в себе нечто большее, чем то, что содержится в изначальных посылках, оно всегда прибавляет к тому, что имеется в изначальных посылках, какое-то новое знание. По этой причине принято полагать, что неполная индукция – это тот самый метод, который служит источником нового знания, и, таким образом, обеспечивает его рост.

Но здесь есть свое нехорошее "но", которое в целом портит картину. То, что следует полагать под неполной индукцией, носит всегда вероятностный характер. То есть всегда допускает определенную вероятность того, что заключение, достигнутое в ходе осуществления такой вот неполной индукции, будет недостоверным [7, 302]. Словом, всегда существует определенная вероятность того, что в результате построения индуктивного умозаключения, относящегося опять же к неполной индукции, мы будем иметь недостоверный вывод [2, 102]. Общее заключение "все яблоки с этого дерева – сладкие", сделанное из двух десятков единичных суждений, выведенных, в свою очередь, из двух десятков единичных эмпирических наблюдений на основании опять-таки двух десятков сорванных с конкретного дерева и опробованных яблок, не может быть полностью достоверным. Исходя из единичного знания о двух десятках сорванных с дерева и опробованных яблок, мы делаем общее заключение обо всех яблоках этого дерева-множества. Но ведь может легко оказаться и так, что 21-е или, скажем, 24-е яблоко этого множества окажется кислым.

Понимая, что индукция крайне ненадежна для получения достоверного знания, а дедукция вообще бесполезна для получения нового знания, Бэкон сформулировал свой метод, в основе которого лежит элиминативная индукция (индукция через элиминацию). Именно он, этот метод, по мнению Бэкона, должен являться, с одной стороны, источником нового (научного) знания, а, с другой стороны, гарантировать полную достоверность этого знания. Этот метод Бэкон подробно описывает в своей работе "Новый Органон" [3, 288], названной так в противопоставлении старому, аристотелевскому органону.

Однако здесь возникает вопрос: "А чем наша обычная, неполная индукция отличается от элиминативной индукции Френсиса Бэкона"? В чем же отличие между одним и другим? Традиционная неполная индукция, как мы ранее выяснили, идет по пути простого перечисления эмпирически наблюдаемых фактов [6, 61] и выведения из них единичных суждений, которые использует в дальнейшем в виде исходных, частных посылок для выведения из них более общих суждений. Чего нельзя сказать об истинной индукции, которая идет путем элиминации.

Но что это значит: "элиминация"? Этот термин обозначает у Бэкона "исключение". Можно сразу предположить, что "элиминация" означает здесь исключение эмпирически наблюдаемых фактов. Не всех, а только какую-то часть этих фактов. И, если индукция ложная идет по пути бездумного перечисления эмпирических фактов [6, 34] и столь же бездумного выведения из них единичных суждений, то индукция Бэкона выбирает какие-то факты и отсекает другие. Но как она отсекает? На каком основании она выбирает одни и исключает другие?

Несколько позже станет понятным, что речь идет не об отсечении фактов, что "элиминация" означает другое, что все гораздо сложнее и интереснее. Чтобы стало понятно, о чем идет речь, перечислим сначала все известные факты наличия изучаемого предмета в самых разных его вариантах, в самых разных его проявлениях. Составим, другими словами, таблицу присутствия. Если речь идет, например, о тепле, должно сразу задаться вопросом: оно присутствует где? Или: когда? Во-первых, когда, например, "лучи солнца, особенно летом и

в полдень" [6, 88]. Во-вторых, в лучах "солнца, отраженных и собранных в малом пространстве, например, в зажигательных стеклах" [6, 88]. В-третьих, "в огненных метеорах" [6, 88]. В-четвертых, в пылающих молниях. В-пятых, в жерлах вулканов. Далее, в негашеной извести или, к примеру, во внутренностях животных. Или в конском навозе [6, 89]. Перечислив все факты наличия изучаемого предмета и, таким образом, составив таблицу присутствия, мы можем теперь перейти к таблице отсутствия. Тепло отсутствует в свете луны или звезд [6, 90], или во внутренностях насекомых, в испарениях масляных жидкостей [6, 94] и т.д. Закончив с таблицей отсутствия, следует перейти к таблице так называемых степеней, где следует отмечать все факты наличия изучаемого предмета с большей или меньшей его интенсивностью. К примеру, факт наличия тепла в одном и том же живом организме. Его может быть больше в зависимости от каких-то условий: от быстрых движений, еды, половых удовольствий, от лихорадки и боли [6, 103].

Далее следует самое интересное, а именно элиминация, то есть само исключение, но не исключение перечисленных фактов, как ранее предполагалось, а исключение наших предположений, исключение "отдельных природ, которые не встречаются в каком-либо примере" [6, 109]. Что это значит? Чтобы стало понятно, о чем идет речь, обратимся к примеру, связанному с исследованием тепла. Итак, выдвинем первое предположение: тепло – это явление чисто небесное? Разумеется, нет, ведь тепло существует и в жерлах вулканов, и во внутренностях животных. Может быть, это чисто земное явление? Разумеется, нет, ведь солнце (а солнце – это небесное тело) обладает и испускает тепло. Возможно, наличие тепла зависит от присутствия в теле какого-то элемента? И опять, разумеется, нет. Всякое тело, если его потереть, становится теплым. Возможно, это наличие как-то связано со строением тела? И опять же – не связано, поскольку всякое тело, независимо от строения, может стать теплым [1, 151]. Является ли свет необходимым условием для тепла? Мы видим солнце, которое светит и греет. Нет, не является, поскольку такое предположение не соответствует фактам отсутствия тепла (перечисленными нами в таблицах отсутствия). Существуют, к примеру, луна и звезды, которые светят, но не греют. И так далее. В конечном итоге, путем отсечения предположений, Бэкон делает вывод, что тепло – это "движение распространения, происходящее в малых частях" [6, 118].

Посмотрим, что получается. Речь идет в данном случае не об отсечении, не об исключении фактов, которые мы перечислили. Речь идет о столкновении с этими фактами разного рода предположений. И об отсечении тех самых предположений, которые не выдерживают столкновений, обнаруживая тем самым несоответствие сразу нескольким из перечисленных фактов, или хотя бы какому-то одному из тех многочисленных фактов, которые мы указали в таблицах. Иными словами, чтобы не быть исключенным, наше предположение должно соответствовать всем известным фактам отсутствия или наличия изучаемого предмета в самых разных его вариантах, в самых разных его проявлениях. То из предположений, которое с блеском выдерживает все столкновения с фактами и, таким образом, обнаруживает свое соответствие с ними, получает статус гипотезы. Это есть, с точки зрения Бэкона, "первый сбор урожая" [6, 113].

Получив, таким образом, первую гипотезу, ученый должен проверить ее через опыт. Для проверки гипотезы на соответствие эмпирически наблюдаемым фактам Бэкон предлагает целый набор экспериментальных технических средств (или прерогативных инстанций), среди которых особо выделяются, так называемые, "перекрестные инстанции" [1, 151], получившие название "креста", который обычно ставят на перекрестках дорог, чтобы указать разделение пути [6, 143]. Речь идет о том самом случае, когда в ходе индукции мы приходим сразу к нескольким, в равной степени убедительным, предположениям-гипотезам, из которых следует выбрать только одну. Тогда следует обратиться к так называемым "перекрестным инстанциям" или, другими словами, к "перекрестным экспериментам". Но что это значит – "перекрестный эксперимент"? Поясним на наглядном примере. Во времена Бэкона имели место две точки зрения относительно природы тяготения. Либо тяжелые тела устремляются к центру Земли в силу своей природы, то есть, в силу их внутреннего устройства, и Земля здесь совсем не причем, либо, в силу того, что они притягиваются Землей (ее телесной массой). Но, если верно второе, то сила, с которой тело притягивается Землей, должна ослабевать по мере удаления тела от ее поверхности и, соответственно, центра. И, наоборот, должна увеличиваться, по мере приближения тела к центру Земли [6, 148]. Итак, в отношении этого случая перекрестный эксперимент (пример

креста) заключается в следующем: нужно взять двое часов, одни из которых приводятся в движение свинцовыми гирями, а другие работают на железных пружинах, и тщательнейшим образом сравнить их ход. Посмотреть, не отстают ли одни и, соответственно, не спешат ли другие [6, 149]. Первые следует установить на вершине какого-нибудь высокого храма, а другие оставить внизу и посмотреть, не пойдут ли первые медленнее, вследствие их удаления от центра Земли и, таким образом, уменьшения силы притяжения. Затем этот же эксперимент следует осуществить где-нибудь в шахте, глубоко под поверхностью и посмотреть, не пойдут ли быстрее часы, вследствие их приближения к центру Земли и, таким образом, вследствие увеличения силы притяжения Земли [6, 149]. Если вдруг обнаружится, что сила тяготения уменьшится на высоте и увеличится под Землей, то под причиной тяготения следует полагать саму Землю или, точнее сказать, телесную массу Земли [6, 149].

В заключении должно еще раз сказать, что речь здесь идет не о традиционной неполной индукции, которая следует по пути простого перечисления фактов какого-то множества, выведения из всех перечисленных фактов единичных суждений с последующим выведением из них общего заключения. Речь идет о другом. В противоположность неполной индукции, бэконовская элиминативная индукция следует по пути исключения. Но не по пути исключения эмпирических фактов, а по пути исключения тех наших предположений, которые не прошли проверку на соответствие с фактами (перечисленными в таблицах присутствия, отсутствия и степеней). Прошедшие эту проверку предположения приобретают статус гипотезы. Подвергаясь дальнейшей проверке посредством прерогативных инстанций, гипотезы обретают статус научных теорий… Не все, разумеется, нет. А только те, которые эту проверку прошли.

Литература:

1. Антисери Д., Реале Д. Западная философия: от истоков до наших дней. Т. 3. – СПб: Пневма, 2002. – 800 с.
2. Воробьев Д.В. Конвенционализм и инструментализм в свете теории научно-исследовательских программ Имре Лакатоса // Философия науки и техники. – М., 2016. – Т. 21. – №2.
3. Декарт Р. Сочинения. – СПб: Наука, 2015. – 648 с.
4. Бэкон Ф. Собр. соч.: В 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1977. – 567 с.
5. Бэкон Ф. Собр. соч.: В 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Т. 3. – СПб: Наука, 1994. – 528 с.
7. Мах Э. Познание и заблуждение. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 456 с
8. Рассел Б. История западной философии. – М.: Феникс, 2002. – 991 с.
9. Фишер К. История новой философии: введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Верлуамский. – М.: АСТ, 2003. – 541с.
10. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, основанная на их истории. Т. 1. – М.: КноРус, 2016. – 500 с.

CANCELLATION CULTURE AS A FORM OF AUTHORITARIANISM IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL COVID-19 PANDEMIC

Vyalykh Vladimir Vladimirovich, *PhD of Political sciences. Associate Professor*

Prokhodtsev Kirill Aleksandrovich, *Assistant*

Telyakaeva Albina Fargotovna, *Assistant*

Orenburg State Medical University, Orenburg

The global pandemic covid-19 is an existential challenge that encourages the ruling entity not only to form new forms of governance of society, but also to modify existing ones. Various restrictions imposed as part of the fight against the global pandemic have significantly expanded the scope of the "cancellation culture" as a practice of controlling not only the social, but also the microphysical dimension of an individual's being. It should be noted that the "cancellation culture" was used by both democratic and authoritarian ruling entities. The degree of its application was determined not only by the form of political organization of society, but also by cultural prerequisites. To consider this problem, we introduce the concept of pandemic cancelization, which denotes the ability of the ruling entity to "cancel" entire aspects of an individual's daily existence, legitimized by the global pandemic as an existential threat. ***The purpose of the study*** *to analyze the features of the use of "culture abolition" as a social practice, as well as to consider the features of its application in democratic and undemocratic forms of government.*

Keywords: *authoritarianism; pandemic authoritarianism; cancellation culture; cancelization; existence of power.*

EDN: XACKRZ DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.24

КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРИТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ КОВИД-19

УДК 101:321
ВАК РФ 5.7.7

© Вялых В.В., 2023
© Проходцев К.А., 2023
© Телякаева А.Ф., 2023

Глобальная пандемия ковид-19 является экзистенциальным вызовом, побуждающим властвующий субъект не только к формированию новых форм управления обществом, но и к модификации существующих. Различные ограничения, вводимые в рамках борьбы с глобальной пандемией, существенно расширили сферу применения "культуры отмены" как практики контроля не только социального, но и микрофизического измерения бытие индивида. Следует отметить, что "культура отмены" использовалась как демократическими, так и авторитарными властвующими субъектами. Степень ее применения определялась не только формой политической организации бытия общества, но и культурными предпосылками. Для рассмотрения обозначенной проблемы мы вводим понятие пандемическая канселизация, которым обозначаем способность властвующего субъекта "отменять" целые аспекты повседневного существования индивида, легитимированная глобальной пандемией в качестве экзистенциальной угрозы. ***Цель исследования*** *– проанализировать особенности использования "культуры отмены" в качестве социальной практики, а также рассмотреть особенности её применения в демократических и недемократических формах властвования.*

Ключевые слова: *авторитаризм; пандемический авторитаризм; культура отмены; канселизация; бытие власти*

Введение

Начнем с того, что "культура отмены" сформировалась в рамках западно-европейской демократической культуры, что со временем не помешало проявлению ее авторитарного потенциала. Данное противоречие отмечает Е.Г. Этина, по мнению которой "Культура отмены", с одной стороны, – способ социальной саморегуляции, а с другой – механизм политического давления и навязывания [12, с. 99]. Соглашаясь с автором, заметим, что сложность и внутренняя противоречивость феномена культуры отмены нашла отражение в некоторой дихотомии ее восприятия в современном социально-философском и политологическом дискурсе. Культуру отмены как позитивное явление рассматривают Е. Кукаева и И. Тимофеева. Авторы утверждают, что главными целями канселинга являются борьба с дискриминацией, несправедливостью и привлечение внимания к общественно значимым проблемам [3]. В свою очередь, культуру отмены как ярковыраженно негативный феномен исследуется А. Соловьёвым, определяющим её как "новый эвфемизм для обозначения остракизма" [6] Автор анализирует культуру отмены в качестве риторического приёма, включающего в себя редукционизм в оценке норм и способов их соблюдения [6]. Последствием этого становится не только формирование новых стандартов норм, но и механизмов позитивной, а иногда и негативной дискриминации индивидов и социальных групп. Точки зрения авторов, несмотря на различия, сходятся в том, что культура отмены становится эффективной формой социальной практики. Но вместе с тем они в своем анализе не учитывают возможность её использования в ситуации глобальной пандемии ковид-19. Этот аспект представляется нам важным, поскольку "в период различных кризисов и пандемий возрастает опасность произвольного вторжения государственной власти в сферу прав и свобод человека" [6, с. 226].

Основная часть

Новое измерение использования культуры отмены стало возможным в контексте противостояния глобальной пандемии как экзис-

ВЯЛЫХ Владимир Владимирович, *кандидат политических наук, доцент*

ПРОХОДЦЕВ Кирилл Александрович, *ассистент*

ТЕЛЯКАЕВА Альбина Фаргатовна, *ассистент*

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург

тенциальной угрозе, затрагивающей сами основы существования государства. Одной из форм ответа на эту угрозу стало формирование пандемического авторитаризма. Мы используем это понятие для обозначения специфической формы бытия власти, возникновение которой обусловлено ситуацией экзистенциальной угрозы существованию государства, а развитие определено культурными предпосылками. В качестве последних мы выделяем тип политического устройства, его институциональную эффективность и нормативно-ценностный базис. В зависимости от указанных факторов воспроизводство пандемического авторитаризма может как носить временный, так и постоянный характер. Кроме того, пандемический авторитаризм может быть характерен в равной степени как для демократических, так и недемократических государств. Мы объясняем это тем, что в ситуации борьбы с глобальной пандемией императив – буквально – физического выживания общества обеспечивает позитивную легитимацию практически любых форм не только авторитарного, но и тоталитарного контроля.

Взаимосвязь демократического и недемократического в рамках пандемического авторитаризма рассматривают М.А. Кукарцева, В.Ю. Ивлева и Н.Н. Новик, по мнению которых в условиях пандемии нарушение норм демократической политики и повседневной жизни стало повсеместной практикой как в авторитарных, так и в демократических государствах [4, с. 42]. Культура отмены как практика исключения объектов или явлений, не соответствующих установленным нормам и правилам из публичного дискурса, органично встраивается в практики контроля за социальной и политической активностью индивида. Дж. Батлер утверждает, что в этих практиках можно проследить, каким образом были трансформированы демократические режимы на Западе, где состояние "исключения" все чаще рассматривается не только как мера безопасности, но и как защита "демократии" [4, с. 42]. Критериями этого исключения являются не только политическая и социальная принадлежность индивида, но и принятие, либо отрицание установленных государством противоэпидемиологических мер. В противном случае индивид может быть отчужден от привычных ему норм социального взаимодействия и политической активности. Достигается это посредством использования такой социальной практики, как культура отмены. Мы понимаем это понятие как практику отчуждения индивида или социальной группы от привычных форм не только политической, но и социальной активности. Культура отмены часто определяется как новая этика и форма конструирования медиасреды, формирующей ценности общества [2, с. 21]. Мы считаем нужным дополнительно выделить внешнеполитическое и микрофизическое измерения культуры отмены, которая, основываясь на императивах безопасности и выживания, подразумевает ограничение всего, что угрожает безопасности и физическому существованию общества. С одной стороны, эти ограничения, безусловно, оправданы необходимостью противодействия глобальной пандемии как экзистенциальной угрозе; с другой стороны, властвующий субъект получает возможность принимать решение об "отмене" тех или иных аспектов существования индивида единолично, без широкого обсуждения и коллегиального принятия противоэпидемиологических мер. Поэтому мы уточняем данное понятие, формулируя его в дальнейшем в качестве пандемической канселизации, которую мы определяем как практику властвования, направленную на отчуждение индивида от привычных форм его активности, легитимированное экзистенциалами безопасности и выживания

Авторитарный характер пандемической канселизации обусловлен необходимостью преодоления не только экзистенциальной угрозы ковид-19, но и возникшего в результате её последствий антропологического кризиса. Использующий это понятие К.С. Смирнов понимает его в двух аспектах: деструктивные изменения в самой природе человека и его реакцией на происходящие вокруг него события [9, с. 44]. В свою очередь, мы понимаем его как специфическую онтологическую ситуацию, в рамках которой индивид переосмысливает смысловые и сущностные основания своего бытия, а властвующий субъект формирует новые практики контроля за ними. Существование в условиях глобальной пандемии актуализирует для индивида прежде всего задачу физического выживания, для решения которой императивами его существования становятся безопасность и подчинение государству как её главному источнику.

Антропологический кризис актуализирует в сознании общества запрос на использование властвующим субъектом недемократических форм властвования, поскольку восприятие людей – как беззащитных против вируса и самих себя – будет способствовать усилению авторитаризма [13]. Государство, таким образом,

получает возможность к созданию системы ограничений повседневной активности индивида не только как члена социума, но и субъекта политических отношений. Последствием этого становится возрастание авторитаризма, носящего, впрочем, специфический характер. Объектом его воздействия становится человек не только как субъект, но и биосоциальное существо. Антропологический кризис, таким образом, приводит к "антропоцентрическому авторитаризму". Автор этой теории Д. Чендлер полагает, что "либеральные свободы в нынешней ситуации угрожают всему обществу, и поэтому государству приходится повсеместно вводить чрезвычайные меры и полномочия, усиливая авторитаризм" [11]. Конфликт между ценностью личной свободы и выживанием общества является одним из факторов формирования пандемийного авторитаризма. И если для его разрешения авторитарные субъекты действуют привычными способами, то демократические, напротив, активно используют авторитарные формы контроля над обществом. Практикой реализации этих ограничений становится пандемическая канселизация.

В условиях глобальной пандемии канселизация имеет внешнеполитическое, микрофизическое и медийное измерения. Суверенитет государства может быть подвергнут канселизации в том случае, если оно как властвующий субъект не способно самостоятельно справиться с глобальной пандемией. Такие государства в политологическом дискурсе часто характеризуются как "хрупкие", что означает неспособность самостоятельно обеспечить безопасность и стабильность на своей территории; неспособность властей страны обеспечить базовыми социальными нуждами все население; неспособность эффективно мобилизовать общественные и материальные ресурсы для развития государства [5, с. 103]. В условиях глобальной пандемии понятие "хрупкое" государство обретает новый смысл и может быть применимо не только к африканским государствам, как это предполагает Э.Е. Лебедева. Любое государство, неспособное самостоятельно противостоять ковид-19, может быть объявлено "хрупким" и подвергнуто внешнеполитической канселизации. Но критерии определения этой "хрупкости" являются не отражением объективной реальности, а результатом субъективного восприятия конкретного политического актора. Это создает дополнительные возможности для нарушения суверенитета государства как неспособного самостоятельно противостоять глобальной пандемии, а значит представляющего угрозу для существования других акторов политического процесса.

Микрофизический аспект пандемической канселизации связан с формированием системы различных ограничений посредством "отмены" целого ряда прав и свобод индивида. Среди них можно выделить свободу получения достоверной информации о пандемии, свободы передвижения и политической активности. Примером последнего могут стать президентские, либо парламентские выборы, проведенные в период начала распространения ковид-19. Их онлайн-формат безусловно содействовал необходимости соблюдения мер эпидемиологической безопасности, но также создавал условия для многочисленных фальсификаций итогов проводимых выборов. Пандемическую канселизацию можно определить как механизм защиты социума, в рамках которого отмена определенных действий обеспечивает континуальность его существования в условиях глобальной пандемии. В пандемическом политическом дискурсе экзистенциалы жизни и безопасности неразрывно связаны с экзистенциалами контроля и подчинения. Задачей пандемической канселизации становится легитимация практик властвующего субъекта посредством укоренения в сознании общества качеств лояльности и подчинения как условия физического существования. Заметим, что для персональной пандемической канселизации существует ряд нормативных обоснований. Например, в статье четвертой Международного пакта о гражданских и политических правах ограничения этих прав и свобод допускаются только в период официально введенного в государстве чрезвычайного положения, при котором жизнь нации находится под угрозой. Помимо чрезвычайного положения, еще одним правовым основанием ограничения прав и свобод человека, которое предусмотрено международным правом, является угроза жизни и общественному здоровью.

В частности в Сиракузских принципах 1984 г. закреплено, что некоторые права человека могут быть ограничены с целью осуществления государством необходимых мер в отношении серьезной угрозы здоровью населения или отдельным лицам [8, с. 230]. Здесь следует отметить два момента. Во-первых, несмотря на наличие ограничивающих пандемическую канселизацию нормативных оснований, их соблюдение определяется типом политической культуры и формой организации бытия власти конкретного государства. Во-вторых, существование указанных нормативных огра-

ничений не способствует окончательному нормативному закреплению в международном праве предела допустимого ограничения прав и свобод индивида в ситуации глобальной пандемии.

Медийный аспект культуры отмены в условиях глобальной пандемии также заслуживает отдельного рассмотрения. М.В. Субботина считает, что, с одной стороны, культура отмены – это форма публичного порицания, инициированная в социальных сетях, чтобы лишить кого-либо имеющегося влияния или внимания. С другой стороны, культура отмены представляет собой форму нетерпимости (нередко крайне острую) к противоположным взглядам [10, с. 35]. В условиях глобальной пандемии культура отмены в медийной среде может проявляться как в конструктивном, так и в деструктивном ключе. Конструктивный аспект реализации культуры отмены связан с тем, что с ее помощью можно ограничить количество – в терминологии А.В. Борхсениус – инфодемии как результата массовых вбросов фэйков, связанных с пандемией 2019-nCoV [10, с. 52].

С другой стороны, культура отмены в медийной сфере может быть использована как модифицированный механизм цензуры, объектом воздействия которого являются акторы, выражающие отличающуюся от официальной точку зрения. Такая ситуация формирует у индивида механизм самоцензуры, в результате чего он "будет опасаться высказать свое мнение, будучи уверенным, что может столкнуться с общественным осуждением" [6, с. 352]. Следовательно, не используя ярковыраженные репрессивные практики, культура отмены становится достаточно эффективной практикой контроля за активностью общества и индивида в информационной сфере.

Заключение

Глобальная пандемия ковид-19 как экзистенциальный вызов способствует либо формированию новых социальных практик, либо модификации существующих форм. В качестве одной из таких мы выделим культуру отмены, которая в качестве формы социальной практики актуализируется в условиях противостояния глобальной пандемии. Помимо медийного данное явление также обладает внешнеполитическим и микрофизическим аспектами. Пандемическая канселизация – как мы определяем ее в контексте исследования – представляет собой антропоцентрически ориентированную социальную практику, направленную на контроль за самыми разными аспектами существования индивида.

Формы и способы проявления пандемической канселизации определяются типом бытия власти и особенностями социокультурно-политической среды её конституирования. Учитывая масштаб влияния ковид-19 на существование современного государства, можно предположить, что культура отмены обладает широким потенциалом к исследованию в рамках как социально-философского, так и политологического дискурса.

Литература:

1. Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2021. – Т. 8. – № 1.
2. Дашинимаев Г.Ю. Cancelculture как новая социальная реальность // Вестник бурятского государственного университета. – 2021. – №1. – С. 19-24.
3. Кукаева Е., Тимофеева Е. Подсевшие на отмену // Коммерсант. 2021.
4. Кукарцева (Гласер) М.А., Ивлев В.Ю., Новик Н.Н. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству / / Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 42-52.
5. Лебедева Э.Е. Субсахарская Африка: конфликты и развитие // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 12. – С. 102-112.
6. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / перевод с нем.; общ. ред. и предисл. Н.С. Мансурова. – М., 1996. – С. 352.
7. Соловьев А. Cancelculture и культура международных отношений // Россия в глобальной политике. – 2021 – №2. – https://globalaffairs.ru/articles/pismo-izdaleka-rukovodstvo/ [электронный ресурс дата обращения 12.02.23]
8. Сквозников А.Н. Ограничение прав и свобод человека в условиях пандемии COVID-19: международно-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 3 – С. 222-240.
9. Смирнов К.С, Антропологический кризис в эпоху неототалитаризма // Вестник Волгогр.унив-та. – 2008. – №2. – С. 44-48.
10. Субботина М.В. Проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – №3. – С. 34-37.
11. Чэндлер Д. Биополитика и подъем "антропоцентрического авторитаризма" // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3. Май/Июнь. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/biopolitika-avtoritarizma/#_ftn20. (Дата обращения: 10.06.2020).
12.Энтина Е.Г. От "отмененной? России" к странецивилизации // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – No. 5. – С. 98-108.
13. Giorgio Agamben, The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency. PositionsPolitics, 26 February, 2020. http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/

POSTULATION OF A DUALIZED DIRECTION OF THE TIME CURRENT

Garashchenko Maxim Anatolevich, *independent researcher, applicant, Admiral Ushakov Maritime State University, Novorossiysk*

The article is devoted to the identification, substantiation and postulation of such topological criterion as a dualized direction of the time current. Research papers and philosophical works are analyzed, which anticipate the identification and postulation of the considered topological criterion of time. Time is defined as a continuous process of realization of energy evolution. The role of the subject is revealed as an integral element of the current convergent stage of evolution. Currently in case of subject absence neither the Universe nor time actually exist. It is determined that only in conjugation with the subject time acquires a semantic content and purposefulness. The purposefulness of psychological time is revealed in the cognitive process of liberation from memory, the unconscious. In its cornerstone basis, time is found as an independent, all-penetrating, polar, fluid, energy-realistic environment, giving rise to and leading to the end of the dualization of the universe, being the root cause of the singular configuration of the continuum space, which contains the entire tense variety of dual energy-density structures as an object discreteness, and imposing on them forms of causal interaction. The potential repository and source of antimatter in relation to the manifested material Universe is revealed.

Keywords: *time; time conception; Universe; subject; matter; antimatter; evolution; convergent; divergent; unconscious*

EDN: UUEMOY **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.25**

ПОСТУЛИРОВАНИЕ ДУАЛИЗИРОВАННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ

УДК 115
ВАК РФ 5.7.2

© Гаращенко М.А., 2023

Статья посвящена выявлению, обоснованию и постулированию такого топологического критерия, как дуализированная направленность течения времени. Анализируются исследовательские работы и философские труды, которые предвосхищают выявление и постулирования рассматриваемого топологического критерия времени. Время определяется как непрерывный процесс реализации энергетической эволюции. Раскрывается роль субъекта как неотъемлемого элемента нынешнего конвергентного этапа эволюции, в отсутствие которого ни Вселенная, ни время фактически не существуют. Определяется, что исключительно в сопряженности с субъектом время обретает смысловое содержание и целенаправленность. Целенаправленность психологического времени раскрывается в познавательном процессе освобождения от памяти, бессознательного. В своей краеугольной основе время обнаруживается как независимая, всепроникающая, полярная, текучая, энергореалистическая среда, дающая начало и приводящая к концу дуализации мироздания, являясь первопричиной сингулярной конфигурации континуального пространства, содержащего в себе всё напряженное многообразие дуальных энергоплотностных структур как объектной дискретности, и налагающая на них формы причинно-следственного взаимодействия. Раскрывается потенциальное хранилище и новый источник антиматерии по отношению к проявленной материальной Вселенной.

Ключевые слова: *время; концепция времени; Вселенная; субъект; материя; антиматерия; эволюция; дивергенция; конвергенция; бессознательное.*

Аналитический обзор текущего содержания в области представления о фундаментальной природе времени отражает неумолимую актуальность в интровертивном углублении и расширении философских исследований с целью идентификации универсальной и адекватной концепции. Настоящая статья направлена на трансформацию феноменологического представления о природе времени, связанную с выявлением, обоснованием и постулированием такого топологического критерия, как дуализированная направленность течения. Основой для рассмотрения вопроса о постулировании дуализированной направленности течения времени становится предвосхищающее содержание работ таких исследователей, как Ф. Меррелл-Вольф, П. Тейяр де Шарден, О. Хаксли, Л. Бойл, С. Хокинг, В.Н. Муравьев, Н.А. Козырев.

ГАРАЩЕНКО Максим Анатольевич, *независимый исследователь, соискатель, Государственный морской университет им. адм. Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск*

Самым простейшим примером проявления дуализированной направленности времени могут служить наблюдаемые процессы ре-

генерации живых организмов. Очевидно, что они сопряжены с преодолением однонаправленного энтропийного течения времени, и нет оснований отвергать потенциальной возможности, что в процессах осуществления регенерации время движется в противоположном направлении.

Естественная наука в положительном ключе постулирует симметрию законов физики (Т-симметрию) и тем самым не исключает обращения времени. Симметричность наблюдается и в природе, являясь краеугольным феноменом мироздания. Превалирующая феноменальная симметричность естественным образом создает противоречивый контраст с полагаемой асимметричной однонаправленностью времени. Пространство, содержащее в себе (и единомоментно создающее его) тотальное многообразие дуальных энергоплотностных структур и конфигураций (объектной дискретности), пребывающее в перманентном преобразовательном взаимодействии, находится в неотъемлемой взаимозависимости от времени. Следовательно, выявляется необходимость полагать, что целостному процессу времени присуща дуализированная структура, посредством которой функционально реализуется энергетическая суперпозиционная равновесность дуального мира, сохраняющая возможность его существования. Естественно, что в данном случае дуальный мир рассматривается автором как фундаментальный материально-антиматериальный, в котором категория материя-антиматерия предстает в качестве краеугольной дуальности. Краеугольная дуальность конституирует и целостный процесс времени. Поскольку Т-симметрия физических законов не исключает обратимости времени, следовательно – не исключается и потенциальное существование антиматериального мира, в котором время течёт в обратном направлении.

На текущем этапе рассуждений представляет интерес обратиться к работе группы канадских исследователей под руководством Л. Бойла [11]. Ими выдвигается гипотеза о том, что Большой взрыв, послуживший началом эволюции Вселенной, равноценно становится и отправной точкой эволюционного развития Антивселенной, в которой доминирует антиматерия, а время направлено в противоположном направлении, то есть течет в прошлое относительно наблюдателя в материальном мире. Антивселенная является взаимопротивоположным эквивалентом наблюдаемой нами материальной Вселенной за исключением тотального замещения её содержимого антивеществом. Согласно мнению исследователей, существование Антивселенной реализуется в пространстве, которое не имеет сопряжения с материальной Вселенной, тем самым исключается и возможность любых форм прямого взаимодействия.

Как известно из достижений теоретической астрофизики, дуализация течения времени обнаруживается за горизонтом событий черной дыры. Продолжая рассуждения в рамках настоящей статьи, нам не представляет никакой надобности создавать чёрную дыру. Необходимо и достаточно обнаружить эквивалент горизонта событий: зеркально непроницаемый рубеж, относительно которого происходит дуализация течения времени – в прошлое и по направлению возрастания энтропии. Американский философ-мистик Ф. Меррелл-Вольф формулирует тезис, который гласит: "Вселенная существует для того, кто ее воспринимает или думает о ней, и ни для кого иного; исключить возможность восприятия и мышления – значит разрушить Вселенную" [4, с. 151-152, 241]. "Даже натуралист, заявляющий, что предметы (объекты) существуют отдельно от всякого сознания, фактически имеет дело с неким понятием, которое существует лишь в его сознании. Он не пришел ни к чему, что лежало бы вне сознания, и лишь обманывается, воображая, будто сделал это" [4, с. 151]. Приведенный тезис идентичен и по отношению исключительно к категории времени, поскольку "пространство и время предстают в качестве взаимозависимого единства, внутри которого разворачивается движение перехода одного в другое" [1, с. 36]. Поэтому постулирование топологических свойств времени, равно как и концептуализация его фундаментальной природы неотвратимо связаны с внедрением осознающего-воспринимающего субъекта, то есть антропологического аспекта, упразднение которого на текущем этапе эволюции фактически лишает время всякого целенаправленного, функционального и смыслового содержания.

Смысловое содержание времени с позиции рассмотрения его фундаментальной природы в непосредственной сопряженности с субъектом отражается в исследованиях В.Н. Муравьева. Наличие временности человеческого существования рассматривается как факт отделенности от изначальной божественной основы. И поскольку время есть разрушительный процесс энтропии, оно должно быть "преодолено". Преодоление реализуется посред-

ством интроверсии или "свершения", то есть сознательного разворота течения времени от внешнего к внутреннему, целью которого является выход за порабощающие пределы и ограничения причинно-следственных обусловленностей мира. Интроверсия трансформирует время в "объект для преобразующей деятельности человека, а процесс преодоления требует подчинения собственной воле системы множеств и принуждения их элементов взаимодействовать в сообразовании с заранее заданным проектом" [2, 6].

Интерес представляет и взгляд в отношении смыслового содержания времени, которого придерживается Ф. Меррелл-Вольф. Наряду с чувственным восприятием и абстрактным мышлением он на уровне индивидуального опыта открыл существование третьей способности познания, названной им "интроцепцией". Исходя из идиолекта Ф. Меррел-Вольфа, интроцепция – это способность обращения векторного потока внимания к своему истоку, сопряженная с непосредственным переживанием мистических состояний Сознания. Способность инроцепции ориентируется на внутреннее раскрытие и сознательное переживание содержания трансцендентального знания, тождественного субстанциальной основе человеческого существа, которая, таким образом, предстает в качестве непосредственно познаваемой. Говоря об индивидуальном раскрытии способности интроцепции, Ф. Меррелл-Вольф приходит к такому заключению: "когда пытаешься восстановить в правах понятие субстанции собственной природы или внутренней реальности и сделать его частью философской системы, приходится идти против течения времени" [4, с. 381]. Развитие критической философии И. Канта, а также нынешнее психологическое состояние человечества, связанное с превалирующей экстравертностью потока внимания по факту жесткой субъект-объектной обусловленности, то есть привязанности к материальному миру объектов, Ф. Меррелл-Вольф считает коренными причинами, по которым "человек замечает только внешнюю сторону вещей; содержание состояний его сознания исчерпывается лишь чувственными феноменами и пустыми логико-математическими сущностями. Тем самым он отказывается от своей души, потому что осознает самого себя лишь на поверхности, не ведая о своих глубинных истоках" [4, с. 381]. Ф. Меррел-Вольф видит краеугольную цель и, соответственно, единственный реальный смысл времени в постижении его сансарических "порабощающих истоков" и следственном нирваническом освобождении во вневременном Безобъектном Сознании, что тождественно является преодолением "трагической драмы времени" и достижением уровня эволюции высшего порядка. "Безобъектное Сознание является нейтральным по отношению к любой полярности и поэтому, в принципе, дает власть над всеми противоположностями" [5, с. 171].

В концепциях В.Н. Муравьева и Ф. Меррелл-Вольфа четко обнаруживается условие, при котором время обретает смысловую значимость: наблюдается разворот его течения. Несмотря на то, что во втором случае речь идет о сопротивлении, в результате оно не исключает самой фактической противоположной направленности и, таким образом, является эквивалентным тому процессу, который рассматривается в первом случае. Следует отметить, что достижение перехода к развороту течения не имеет закономерной длительности в системе отсчёта субъект-объект. Рассматривая целостный процесс времени в неотъемлемой сопряженности с субъектом, дуализированность направленности течения присутствует как ежемоментная данность. Само же возникновение и, соответственно, становление уже возникшей дуализации времени обнаруживается в системе отсчёта эволюционного развития энергии и происходит на уровне, соответствующем появлению во Вселенной рефлексивно-разумных существ, которым естественным образом присуща способность не только однонаправленного экстравертного присутствия в проявленной событийности феноменального мира в качестве объекта взаимодействия, но и противоположного интровертного субъективного переживания тотального многообразия возникающих состояний сознания. Соответственно, именно субъект является эквивалентом горизонта событий, относительно которого происходит дуализация течения времени.

На текущем этапе рассуждений выявляется необходимость рассмотрения времени как сущностного процесса реализации эволюционного развития и трансформации энергии, который не зависит ни от феноменального мира материальной дискретности, ни от объективировано порабощенного фрагментарного сознания субъекта, но который есть сингулярная имманентная основа и того, и другого, обнаруживающая себя в качестве беспристрастного наложения и свершения в событийности причинно-следственного преобразовательного взаимодействия, тождественного направле-

нию непрерывной реализации энергетической эволюции. Таким образом, по отношению к сознающему субъекту как венцу процесса эволюции время обретает топологический критерий целенаправленности.

Сущность времени как процесса эволюции рассматривает физик-теоретик С. Хокинг, формулируя концепцию "трёх стрел" [10]. По его убеждению, со-направленность термодинамической, психологической и космологической стрел времени создает возможность для реализации возникновения во Вселенной разумных существ.

Наиболее развернутую и представляющую интерес интерпретацию процесса эволюции энергии на основании исследований феномена человека дает философ и теолог П. Тейяр де Шарден [8]. Процесс эволюции есть "возникновение, происходящее последовательно и в механической зависимости от предшествующего". Он постулируется в виде двух глобальных по своей значимости этапов:

– Дивергенция – процесс радиального расширения и "выпадения во множественность", сопровождающийся диффузным усложнением энергетической структуры вследствие группировки элементов, который однонаправленно следует от момента Большого взрыва до достижения "критического уровня гоминизации", то есть становления рефлексивного разума как результата кульминационного завершения усложнения энергетической структуры, которое, соответственно, влечет и окончание активной фазы радиального расширения.

– Конвергенция – процесс "подъема в возрастающее и необратимое объединение" или тангенциально направленного возвращения к образованному в самом центре души "божественному очагу духа", который при этом не подразумевает феноменального сжатия, но есть субстанциальное растворение в "точке омега". Конвергенция есть суть "бегство от энтропии путём разворота к омеге". Разумное существо (или субъект) – это неотъемлемый элемент ныне действительного конвергентного этапа эволюции.

"Преодоление критического уровня гоминизации означает разворот от дивергентного к конвергентному, что равносильно смене полярности". Однако невозможно подвергнуть сомнению, что разворот потока в момент эволюционного прорыва к рефлексии не аннулирует разрушительного влияния энтропии в экстравертной компоненте дуального мира, и это более чем очевидно. Следовательно, он не является абсолютным, а значит следует полагать не тотальный последовательный разворот, а полярную дуализацию. Однонаправленный процесс дивергенции дуализируется в момент кульминационного завершения усложнения энергетической структуры, порождая полярный дуо-поток относительно разумного существа. Его экстравертная компонента, являясь по своей сути эффектом остаточной инерционной дивергенции, продолжает течь по направлению радиального расширения, тяготея относительно текущего этапа эволюции к эфемерному полюсу множественности; это есть энтропийное время. Конвергенционная интровертная компонента устремляет течение во внутреннем мире субъекта, тяготея к "точке омега", полюсу объединения и субстанциального растворения в вечном вневременье; это есть психологическое (или негэнтропийное) время. Таким образом, без субъекта процесс негэнтропии, равно как и энтропии не реализуется – есть только однонаправленный энергетический поток дивергенции, развивающийся к становлению эволюционного уровня, приводящего к дуализации течения.

Перспективным в рамках настоящей статьи становится содержание следующего изречения П. Тейяр де Шардена: "из зерен мысли, составляющих подлинные и неразрушимые атомы ее ткани, Вселенная, вполне определимая по своей равнодействующей, воздвигается над нашими головами в направлении, обратном исчезающей материи" [8, с. 247]. Очевидно, что речь в данном высказывании идет о направлении, противоположном разрушительному влиянию энтропии, а "зерна мысли" указывают на субъект, без которого на текущем конвергентном этапе эволюции Вселенная фактически не существует.

На основании многочисленных экспериментов не исключал наличия противодействующего энтропии течения времени и астрофизик Н.А. Козырев, утверждая, что "время, благодаря своим активным свойствам, может вносить в наш мир организующее начало и тем противодействовать обычному ходу процессов, ведущему к разрушению и производству энтропии, препятствуя также тепловой смерти Вселенной" [3, с. 384].

В работе [1] автор настоящей статьи предлагает рассмотрение целостного процесса времени в виде энропийно-негэнтропийного дуо-потока. Полагается, что относительно объектов энтропийный поток должен уравновешиваться противоположным по направлению негэнтропийным, создавая тем самым условие сохранения дуалистического равновесия мира,

которое позволяет существовать феноменальному миру объектов, сохраняя их дискретную длительность – период обладания относительно стабильной энергоплотностной конфигурацией, которое, в сущности, является сопротивлением энтропийному влиянию. Дискретные объекты существуют как напряженное сопротивление двум взаимо-противоположным потокам – энтропии и негэнтропии, – реализуя тем самым ежемоментную равновесность дуального мира.

Энтропия есть экстравертная часть процесса времени, активная фаза которого реализуется при наличии материального пространства как экстравертной и наблюдаемой компоненты дуального мира, образующего и наполняющего его материального энергоплотностного многообразия и перманентного преобразовательного взаимодействия. Следовательно, противоположная, интроверная часть активизируется при наличии ненаблюдаемой компоненты и потенциального антиматериального гомогенного содержимого, которое находится в состоянии статичной неподвижности, но парадоксально неизбежной возможности к причинно-следственному свершению в проявленной событийности. Очевидно, что интровертная ненаблюдаемая компонента дуального мира – это внутренний индивидуальный мир субъекта, в котором содержится тотальное многообразие возникающих состояний сознания. Статичное и неподвижное антиматериальное гомогенное содержимое представляет собой бессознательное (или непознанное). В качестве "бездействующего бессознательного, могущего возрождаться и преследовать человека, то есть существовать для него", философ А. Бергсон определяет прошлое [7]. Разумному существу присуща исключительная способность накапливать прошлое внутри собственного существа посредством памяти и вытеснять бессознательное. Реализация этой способности возможна только в случае, когда психологическое время осознающего-воспринимающего субъекта направлено взаимопротивоположно энтропийному течению времени. Поскольку, если, как полагает С. Хокинг, термодинамическое и психологическое время всегда следуют в одном направлении, аннулируются не только положения А. Бергсона о влиянии прошлого на человеческое существо, но и в принципе исключается возможность воспоминаний о прошедшей событийности ввиду потенциального отсутствия течения времени в соответствующем ему направлении. А. Бергсон также утверждает, что "превращаясь в прошлое, событие не прекращает бытия, оно просто прекращает действовать, но остается на своем месте и в своем времени навечно" [7]. Следовательно, возрождение и преследование человека прошлым неотвратимо связано с интровертным возвращением к моменту, в котором оно находится в наколенной памяти, бессознательном. Прошлое не перестает быть и находиться в глубинах канувшего в историю энергетической эволюции прошлого, возрождаясь из бессознательного в настоящем в качестве индивидуального переживания состояния сознания субъекта. Существует нечто, направляющее субъект в индивидуальное прошлое, бессознательное, и им является психологическое время, тождественно являющееся интровертным и негэнтропийным. Память о прошлом – это бессознательное, которое остается непознанным, изолируя подсознательные реальные возможности субъекта как божественной эманации в своем абсолюте. Философ О. Хаксли, цитируя принципы идеалистической космологии Махаяна-буддизма, рассматривает память в качестве "весьма вредоносного демиурга". "Весь этот тройственный мир явлен лишь в силу неосознаваемых влечений, накопленных вследствие действий памяти, ложных суждений, воображения и привязанности к множественности объектов" [9, с. 299]. Мистик Хуан де ла Крус считает "опустошение памяти освобождением души" [9]. Таким образом память, бессознательно существует ввиду ошибочной привязанности к объектам проявленной действительности и препятствует освобождению души. Бессознательное есть антиматериальное гомогенное содержимое и является обременяющим хранилищем дуальных частей материальной действительности, определяющих меру порабощающей объектной детерминированности субъекта. Целенаправленность психологического времени, таким образом, раскрывается в познавательном процессе освобождения от бессознательного – растворительной аннигиляции. Относительно субъекта экстравертная материальная действительность по своей сути присутствует в качестве трёхмерного пространственного отражения периферии бессознательного. В качестве отраженной от периферии непроявленного бессознательного свершающаяся проявленная событийность являет лишь то, что является для субъекта в соображении со всеобъемлющим причинно-следственным законом непознанным. Иными словами, в проявленной событийности субъект фокусирует внимание только на том, что свойственно ему в качестве

активного индивидуального переживания состояния сознания.

Применяя аналогию с концепцией Л. Бойла [11], внутренний индивидуальный мир субъекта, в котором присутствует бессознательное, – это Антиматериальная Вселенная с обратным направлением течения времени (негэнтропийное время), в прошлое. Субъект предстает в качестве горизонта событий – зеркально непроницаемого рубежа, относительно которого происходит дуализация течения времени. Экстравертное отражение – это Материальная Вселенная, в которой господствует энтропийное время. Целостный процесс времени есть целенаправленное, дуализированное (энтропийно-негэнтропийное), полярное течение, реализующее равновесное растворяющее аннигилирование дуальной энергоплотности, то есть освобождение от детерминирующей субъект-объектной привязанности. Таким образом, гипотетически субъект как кульминационно сложная разумная энергетическая структура рассматривается в качестве потенциального хранилища и нового источника антиматерии по отношению к проявленной материальной Вселенной. Такое заключение не противоречит положениям концепции Л. Бойла: непосредственного механического контакта в дуальной категории материя-антиматерия, который сопровождался бы проявленной аннигиляцией, не происходит. Сохраняется и одно из фундаментальных свойств антиматерии: обратная полярность. Также открывается свойство становиться разумно обработанной посредством непосредственного субъективного переживания многообразия состояний сознания. Субъект, его разумная структура выступает в качестве зеркально непроницаемого рубежа между материей и антиматерией. Любая порабощающая детерминация субъекта подразумевает наличие антиматериального потенциала бессознательного, который и обуславливает материалистическую привязанность. Процесс познания, кульминирующийся следственным освобождением, "преодолением" времени, то есть выходом во вневременное Безобъектное Сознание, где обнаруживается "власть над всеми противоположностями", [5] – это растворительная аннигиляции дуальных энергоплотностных структур, "сансары", удерживающей субъект в пространстве энергетического многообразия дуального мира. Дабы время обрело целенаправленность в реализации такого "зеркального" процесса, необходимо внедрение топологического критерия дуализированной направленности его течения.

В результате проведенного исследования, изложенного в настоящей статье, постулируются следующие принципиальные выводы и положения:

1. Перспективно успешная реализация в области концептуализации фундаментальной природы времени зависит от согласования с выявленным топологическим критерием: дуализированной направленностью течения.

2. Время есть непрерывный процесс реализации энергетической эволюции.

3. На текущем конвергентном этапе энергетической эволюции разумное существо (субъект) – это неотъемлемый элемент, связующее звено, в отсутствие которого ни Вселенная, ни время фактически не существуют.

4. В неотъемлемой сопряженности с субъектом время обретает смысловое содержание и целенаправленность.

5. Природа времени может быть непосредственно познана за пределами всех пар противоположностей, то есть в освободительной вневременности, божественной основе, "точке омега", Безобъектном Сознании.

6. Целостный процесс времени есть целенаправленное, дуализированное (энтропийно-негэнтропийное), полярное течение, реализующее равновесное растворяющее аннигилирование дуальной энергоплотности.

7. Природа времени предстает в виде неумолимо ускользающей от феноменальной идентификации, поскольку в зависимости от системы отсчёта предстает в качестве критериев взаимодействия объектов проявленной действительности, длительности возникающих и преобладающих состояний сознания субъекта, эволюционного развития энергии во Вселенной. Таким образом, оно обнаруживается как независимая, всепроникающая, полярная, текучая, энергореалистическая среда, дающая начало и приводящая к концу дуализации мироздания, являясь первопричиной сингулярной конфигурации континуального пространства (Вселенной), содержащего в себе всё напряженное многообразие дуальных энергоплотностных структур как объектной дискретности, и налагающая на них формы причинно-следственного взаимодействия.

Литература:

1. Гаращенко М.А. Аспектуализация и оптимизация направления исследований в области фундаментальной концепции времени // Журнал философских исследований. – 2023. – Т. 9. – № 1.

2. Гарбузов Д.В. Антропологическая концепция времени: специальность 09.00.01: "онтология и теория познания"; 09.00.13 "философская антропология и философия культуры": автореф. дис. … д. филос. н. – Волгоград, 2011. – 51 с.
3. Козырев Н.А. Избранные труды / сост. А.Н. Дадаев, Л.С. Шихобалов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. – 222 с.
4. Меррелл-Вольф Ф. Пробуждение в Сверхсознании: Гносеология как Путь в иные измерения / Пер. с англ. – М.: София, 2009. -640с.
5. Меррелл-Вольф Ф. Философия сознания без объекта: Размышления о природе трансцендентального сознания / пер. с англ. – М.: София, 2020. – 288 с.
6. Муравьев В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. – М.: РОССПЭН, 1998. – 320 с.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. – М.: АСТ, 2017. – 928 с.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Божественная среда / пер. с фр. – М.: АСТ, 2022. – 416 с.
9. Хаксли О. Вечная философия / пер. с англ. – М.: АСТ, 2018. – 480 с.
10. Хокинг С. Теория Всего / пер. с англ. – М.: АСТ, 2021. – 160 с.: ил.
11. Boyle L. CPT-Symmetric Universe / L. Boyle, K. Finn, N. Turok // Physical Review Letters 121, 2018. p. 251-301(1-5).

THE PROBLEM OF PRESERVING THE TRADITIONAL MENTALITY IN THE CONDITIONS OF INFORMATION AND NETWORK WARS

Zhukov Artem Vadimovich, *DSc of Philosophical sciences, Professor, Department of Philosophy, Trans-Baikal State University, Chita*

Gavrilova Yulia Viktorovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow*

In the modern world, a person integrates into many different information environments that influence the formation and development of his mentality. The content of patterns, on the basis of which life strategies and models of human behavior are built, depend on the quality of information, technologies of its generation, methods of processing and submission. Technologies of influence on mentality are the most powerful weapon in information and network wars between social groups and states. The traditional mentality of the individual performs the social function of homeostasis. Violation of this function entails destruction of conscious activity and deviation of behavior, which allows certain social institutions to control society and manage it for their own selfish purposes. Therefore, the purpose of the study is to reveal the problem of preserving the traditional mentality in critical conditions of negative information and network impact. For this purpose, the features of conducting modern information and network wars are considered and the technologies of destruction of traditional mentality, such as the "war of memory", memcomplexes, are analyzed. The research uses the following methods: content analysis of meme complexes, phenomenological analysis of meanings, structural and functional analysis of technologies of information and network impact on mentality. The study 1) reveals the specifics of the development of models for the preservation of the traditional mentality of the individual, the basis of which is positive ethnic and civic identity; 2) determines that the practice of using memetic stamps in communications in the open information space is effective due to the maximally simplified assimilation at the level of consciousness and deep structures of the psyche; 3) recommends the use of memetic stamps in order to counteract the negative impact on mentality; 4) justifies the use of means and mechanisms of modern network communication for the preservation and development of mentality, values of patriotism in the conditions of information and network wars.

Keywords: *mentality; consciousness; information and network wars; information technologies; mass consciousness; network interaction; memetic complexes.*

EDN: UJPJNP **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.26**

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВЫХ ВОЙН

УДК 304.444
ВАК РФ 5.7.7

© Жуков А.В., 2023
© Гаврилова Ю.В., 2023

В современном мире человек интегрируется во множество различных информационных сред, оказывающих влияние на формирование и развитие его ментальности. От качества информации, технологий ее генерации, способов обработки и подачи зависят содержание паттернов, на основании которых, выстраиваются жизненные стратегии и модели поведения человека. Технологии влияния на ментальность являются мощнейшим оружием в информационно-сетевых войнах между социальными группами и государствами. Традиционная ментальность личности выполняет социальную функцию гомеостаза. Нарушение этой функции влечет деструкции сознательной деятельности и девиации поведения, что позволяет определенным социальным институтам контролировать общество и управлять им в своих корыстных це-

лях. Поэтому, цель исследования – раскрыть проблему сохранения традиционной ментальности в критических условиях негативного информационно-сетевого воздействия. Для этого рассматриваются особенности ведения современных информационно-сетевых войн и анализируются технологии деструкции традиционной ментальности, такие как "война памяти", мемкомплексы. В исследовании применяются методы: контент-анализ мемкомплексов, феноменологический анализ смыслов, структурно-функциональный анализ технологий информационно-сетевого воздействия на ментальность. Исследование 1) раскрывает специфику разработки моделей сохранения традиционной ментальности личности, основанием которых являются позитивная этническая и гражданская идентичность; 2) определяет, что практика использования в коммуникациях в открытом информационном пространстве меметических штампов эффективна из-за максимально упрощенного усвоения на уровне сознания и глубинных структур психики; 3) рекомендует использовать меметические штампы в целях противодействия негативному влиянию на ментальность; 4) обосновывает использование средств и механизмов современной сетевой коммуникации для сохранности и развития ментальности, ценностей патриотизма в условиях информационно-сетевых войн.

Ключевые слова: *ментальность; сознание; информационно-сетевые войны; информационные технологии; массовое сознание; сетевое взаимодействие; меметические комплексы.*

Введение

В современном мире объемы потребляемой человеком и обществом информации, представленной в реальном времени в сети Интернет, достигли небывалых значений. Согласно исследованиям, рост этих значений не останавливается, а к 2025 году объем данных в глобальной сети достигнет 51 зеттабайта по сравнению с 5 зеттабайтами на 2018 год [11]. Общество оказалось включенным в виртуальную информационную систему глобального масштаба, функционирующую по собственным закономерностям, однако управляемую реальными субъектами социально-виртуальных интеракций. Для обеспечения работы данной информационной системы разрабатываются и внедряются не только электронные технические устройства, генерирующие и направляющие информационные потоки, но и социо-виртуальные технологии, призванные фильтровать, корректировать, реконструировать данные, усиливая влияние информации на потребителей контента. При этом, в условиях интенсивного развития современной информационно-коммуникационной среды многие ее субъекты представляют социальные институты и группы, преследующие выгодные исключительно им, цели и интересы. Такие субъекты информационного пространства меняют содержание потребляемого контента и вектор информационных потоков, стремясь оказать влияние на индивидуальное и массовое сознание. В итоге запускаются процессы трансформации и обновления ментальности. Существенное значение в этих процессах имеет проблема оценки влияния качества и количества информации на человека. Формирование и распространение Интернет-источников носит как конструктивный (созидательный), так и деструктивный характер, оказывающий разрушительное воздействие на ментальный комплекс личности, поэтому определить тонкую грань между конструированием, сохранением и разрушением ментальности бывает очень трудно. К сожалению, зачастую изменения ментальности носят деструктивный характер. Несмотря на усилия специализированных государственных служб защитить граждан от негативного влияния информации, ментальность подвергается массированным информационным атакам со стороны преступников, стремящихся разру-

ЖУКОВ Артём Вадимович, *доктор философских наук, профессор, кафедра Философии, Забайкальский государственный университет, Чита*

ГАВРИЛОВА Юлия Викторовна, *кандидат философских наук, доцент, кафедра Социологии и культурологии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), Москва*

шить не только личность человека, но и посягающих на социальное благополучие общества.

Актуальность проблемы сохранения традиционной ментальности обусловлена тем, что в современном информационном пространстве разворачиваются информационно-сетевые войны, в ходе которых реализуются принципы противоборства "своих" и "чужих". Борьба подразумевает комплекс действий с целью нейтрализации или подавления оппонентов. Действенный способ уничтожения противника в информационном пространстве – влияние на его ментальность через навязывание специфической информации, восприятие и усвоение которой, разрушает традиционную ментальность. Далее, на руинах прежней системы ценностей, идеалов, установок конструируется новый ментальный комплекс. Такой способ, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, описывается понятием "символическое структурирование реальности" [3]. В него входит система комплексного воздействия на личность через информационные технологии, и основанные на них психологические практики, направляемые на разрушение менталитета, на ослабление воли личности и способность сопротивляться, в конечном итоге, на нанесение ущерба системе управления государством и вооруженными силами противника.

Исследование осуществляется методами контент-анализа (для исследования формирования мемических комплексов), феноменологического (обновления смыслов) и структурно-функционального анализа.

Основная часть

Методология ведения информационно-сетевых войн. В условиях информационной реальности смысл информационной войны состоит в противоборстве информационных систем, в реализации программ действий, направленных на изменение содержания контекста в информационном пространстве. То есть, речь идет о конструировании мировоззренческих представлений и навязывании их в качестве "нового" мировоззрения, существенно отличающегося от содержания "традиционной" ментальности, существующей до этого вмешательства. Объектом, на которое направлены усилия противника в информационных войнах, являются психика человека, индивидуальное и массовое сознание, ментальность, содержание которых трансформируется под воздействием информационных атак. Цель этих операций – обеспечение желаемых и запрограммированных схем поведения населения, выступающего в роли потребителя целенаправленно конструируемой информации. Достижение цели реализуется через распространение специфических идейных конструкций, воспринимаемых на уровне сознания с учетом содержания устоявшихся ментальных структур личности. Такие конструкции могут иметь индивидуальный авторский характер, а могут входить в состав глобальных идейных систем.

Трансформация традиционной ментальности реализуется посредством применения различных сценариев. В случае "мягкого" сценария происходит трансформация личностного восприятия событий посредством привлечения отдельных личностей к формированию идеалов или целей, принятие которых влечет реализацию заранее спланированных стереотипов поведения. "Жёсткие" сценарии предполагают применение информационной дезорганизации, приводящей к деформациям и последующему распаду традиционной ментальности, ведущей к уничтожению противника. Эти сценарии осуществимы при помощи разнообразных средств управления информацией, однако ведущая роль отводится средствам массовой информации, новостным лентам и популярным блогам в сети Интернет, становящимся важнейшими рычагами управления массами [7]. При этом глобальные задачи решаются с учетом воздействия информации на ментальность конкретных субъектов, что обеспечивает адресность и высокую эффективность. При реализации "жёстких" сценариев "сознание человека оказывается в состоянии максимального напряжения: перестраиваются ментальные программы действий, появляется противоречивость и нестабильность смысложизненных ориентиров, возникают сложности принятия решений, как следствие, невозможность выбора верных поведенческих стратегий" [4, с. 84]. Сценарии эффективны, так как организованное меньшинство, использующее информационное воздействие, всегда будет иметь приоритет перед большинством, представляющим индивидов, действующих разрозненно. Социолог У. Бакли доказывал, что информационное управление является основной выживания каждой социальной системы. При этом, если в прошлом государственный аппарат управления доминировал и определял содержание информационных потоков в социальном пространстве страны, то в условиях современности, в связи с распространением альтернативных систем коммуникации

(Интернет), такой контроль оказывается затрудненным. Это создает возможности оказания неподконтрольного государству влияния на любого гражданина [9].

Таким образом, пространством для ведения операций информационной войны является сознание каждого гражданина, с которым эффективно работают современные "сетевые" технологии. Более правильным будет вести речь о развертывании в современном мире информационно-сетевых войн. Современные технологии, делают возможным распространение "сражений" информационно-сетевых войн на широкие социальные круги, позволяют поддерживать их ведение в течение длительного времени, что придает им глобальный и затяжной характер. Проведение продуманной и хорошо организованной пропагандисткой работы в социальных сетях и других информационных системах виртуальной реальности позволяет координировать, а при необходимости, подчинять и проводить мобилизацию масс, используя ментальность в корыстных целях. Успешное ведение информационно-сетевых войн предполагает управление многоуровневой социальной системой, в которую вовлечены информационные институты, дипломатические сети, неправительственные организации, журналисты, политики. В этой системе не применяют огнестрельное оружие, но успешное проведение информационно-сетевых "сражений" приводит к конкретным результатам в виде отторгаемых территорий [6, с. 55], утраты человеческих ресурсов, путем дестабилизации психического и психосоматического здоровья, ущерба экономике и культуре.

Методология ведения информационно-сетевых войн предполагает реализацию последовательного алгоритма действий, включая первоначальные апелляции к ценностям глобальных идеологий, обеспечивая легитимный контекст критики конкретных социальных режимов. Вслед за этим объект информационной атаки получает новую систему координат, отражающих ценности определенной идеологии и программу действий, выстроенных в соответствии с новыми идеалами. Данная методология позволяет в будущем осуществлять информационно-сетевое влияние с наибольшим эффектом. В частности, в качестве наиболее представительной идеологи и модели поведения чаще всего используется система "общечеловеческих ценностей". Человек, принимающий навязывание так называемых ценностей, перестает ощущать когнитивный диссонанс при восприятии последующих порций информации, имеющей целенаправленный эффект. На этой стадии формируются убеждения, основанные на образности, указывающей на наличие такого идеала, как "настоящая жизнь", которая недоступна в окружающей человека реальности, но существует как данность в рамках тех или иных цивилизаций. Таким образом, информационно-сетевые войны являются наиболее опасными для трансформации традиционной ментальности личности и масс. Информация, распространяемая в СМИ и сети Интернет, курсируя с огромной скоростью, буквально захватывает умы не только молодёжи, но и людей всех возрастных категорий. Система практик и методов проведения массированных информационно-сетевых атак бывает настолько скрытой от взгляда обывателя и даже едва различимой для опытных экспертов, что уйти от их разрушительного воздействия оказывается практически невозможным.

Информационно-сетевые технологии трансформации ментальности. В современных условиях одной из актуализированных технологий трансформации ментальных структур личности и масс выступает пропаганда "глобальной демократии". Позиционирование данной идеи в информационно-сетевых системах популярно в связи с активизацией борьбы за территории и природные ресурсы, находящиеся на них. Идея "глобальной демократии западного образца" активно обсуждается в информационных блогах и постах. Она представлена в идеализированной форме и призвана дискредитировать идею величия и целостности государства, считающегося недемократическим. Для этого разработана система практик, направляемых на разрушение концепции государственного величия и единства страны.

Во-первых, следует упомянуть применение технологии под названием "война памяти", которая заключается в целенаправленной подмене проблем современного межгосударственного взаимодействия на предвзято истолкованные исторические коллизии, образ которых проецируется на действующие конфликты. Проявлением такой технологии является стремление развенчать прежнее поколение героев, некогда представлявших народную славу и гордость. Результатом ее применения должна стать потеря не только национальной истории, но и исторического конструкта, в котором отражалась национальная идея и национальная концепция будущего, после чего история превращается в набор ничего не значащих фактов, относимых к иным государствам и социальным субъектам.

Следующей технологией, применяемой для достижения максимального эффекта от влияния информации на ментальность личности, является применение особых средств визуального и речевого воздействия. Наибольший эффект здесь демонстрируют распространения информации через "мемы". Обоснование необходимости формирования и применения "мемов" разрабатывается меметикой, видом научного знания, посвященным влиянию Интернет-информации на сознание человека и глубинные структуры психики (бессознательное).

Системное воздействие "мемов" на трансформацию ментальности личности достигает максимального эффекта, когда они складываются в меметические комплексы, или "мемплексы", сконцентрированные на мотиве конфликта. Концептуальный смысл применения мемов заключается в акцентуации внимания на накопившемся в обществе скрытом напряжении в отношении какой-либо социальной проблемы и последующее вскрытие указанной диспропорции при восприятии какого-либо факта, которое придает этому факту символическое обозначение, особенный яркий знак. Отличительной чертой применения мемплексов является обращение к теме конфликта, которую они выражают максимально кратко и эмоционально, освещая наиболее острые для общества проблемы. Особенностью мемкомплекса, его прагматической сутью, является контроль над ментальностью и последующее направление на изменение поведение, на активизацию спланированных заранее видов деятельности [10, с. 13]. Применение меметических техник в современном информационно-сетевом пространстве сопровождается использованием такого механизма, влияющего на ментальность человека и его поведение как речевое воздействие, представляющее собой комментарий к изображению, в котором рационалистически отражается проблема, приводятся логические доводы и рассуждения.

Представленная система оказания информационно-сетевого влияния фактически повторяет схему обработки сознания в деструктивных культах, которая была описана Э. Шейном, изучавшим психотехники, целью которых было изменение параметров мировоззрения. В контексте методологии Э. Шейна воздействие современных методов информационного влияния, основанных на меметическом подходе с использованием креолизованных текстов, направляется на разрушение ментальных структур, определяющих устойчивое видение мира, что является основанием для "разморозки" ментальности объекта влияния [12]. Операции разрушения сопровождаются манипуляционными техниками, в процессе которых распространители мемов, обращаются к громким лозунгам и стремятся подменить восприятие предмета отображения яркими ассоциациями, не дают потребителю никакой реальной программы, кроме софистик, догм. Вслед за "разморозкой" следует трансформация ментальности, выполняемая в контексте содержания того или иного информационного проекта. Завершением трансформации становится стадия новой "заморозки", когда личность принимает ментальность, характеризуемую новыми параметрами. Это ведет к актуализации политики государства, нацеленной на тотальный контроль ментальности и "охранительство". Однако всеобъемлющий и объективный характер информационно-сетевого пространства доказывает, что техника целенаправленного конструирования информации может расцениваться и как инструмент сохранения традиционной ментальности, основанной на ценностях патриотизма, любви к Родине, развития традиционной культуры. Осознание данной возможности показывает, что процесс трансформации ментальности не должен допускать упрощенных оценок, включая признание только деструктивного воздействия. Однако тотальный, но бессодержательный контроль за виртуальным пространством не может считаться универсальным средством борьбы за сохранение традиционной ментальности. Такая стратегия не соответствует требованиям времени и уровню развития современных информационных технологий. Применение "шаблонных" репрессивных мер в этих условиях не только не эффективно, но и находится в соответствии с ожиданиями тех, кто является технологами информационно-сетевого негативного влияния. Как отмечает известный психолог А. Г. Асмолов, Интернет представляет не только пространство информационно-сетевых войн, но и институт социализации, использующий современные виртуальные информационные технологии в воспитательных целях [1, с. 25].

Следует отметить, что трансформация ментальности личности посредством информационных технологий оказывается эффективной благодаря ряду объективных обстоятельств. Во-первых, в качестве характерной черты виртуального взаимодействия выступает автономность сетевой структуры от повседневности, свобода самовыражения в сети Интернет,

позитивная эмоциональность, частичная анонимность и практически полная креативность, способствующие добровольному принятию правил, выводящих это действие на уровень игры, являющейся условием эффективности коммуникационного процесса. Во-вторых, сама игра, проходящая в условиях виртуальной карнавальности и маскарадности, связанной с анонимностью процесса виртуальной коммуникации, создавая условия, в которых нет ограничений, порождает возможности максимальной самореализации и развития. Высокий уровень смысловой компрессии является условием успешной передачи зашифрованной информации в предельно лаконичном повествовании [2]. Современное распространение большого количества меметических комплексов, использующих креолизованные тексты, является частью игры, в рамках которой проходят процессы безграничного экспериментирования со знаками, символами, вербальным и невербальным кодированием информации, которое на уровне вторичного семиозиса приводит к интенсификации восприятия и закрепления передаваемых значений [5]. Однако стереотипическое мышление склонно осмысливать главным образом негативные характеристики и последствия воздействия Интернет-технологий, не придавая значения тем фактам, что эти приемы могут успешно использоваться в практике многих политических, социальных, культурных деятелей, в целях сохранения традиционной ментальности.

Интернет ориентирован на оказание помощи современному человеку в его деятельности и направляет его по пути социализации, предлагая Интернет-среду как пространство, отличающееся доступностью, мобильностью, оперативностью, относительной безопасностью, анонимностью и свободой выражения. Материалы, насыщающие Интернет-пространство, акцентируются на проблемах социального, культурного, экономического и политического взаимодействия, что непосредственно затрагивает процесс формирования ментальности человека. Успешность данного процесса зависит от того, насколько ценности, передаваемые через Интернет, будут соответствовать традиционным ценностям общества, трансляция которых осуществляется такими институтами, как семья, школа, группы сверстников, образование и т.д. [8, с. 7]. В этом случае государство может использовать опыт альтернативных информационных потоков для защиты собственных традиционных ценностей, направить их на организацию помощи людям, испытывающим проблемы адаптации в условиях интенсификации информационно-сетевого влияния и воздействия со стороны Интернет-источников и средств массовой коммуникации.

Заключение

Таким образом, необходимо констатировать, что процессы защиты и развития традиционной ментальности во многом зависят от информационной политики органов государственной власти, где особую роль играет курирование субъектов пространства Интернет-коммуникаций. Как показывает анализ, в Интернет-среде сформировано и функционирует поколение новых акторов, отличающихся от прежних авторским характером, креативностью, стремлением заново моделировать смыслы и ментальные комплексы. Данное поколение появилось в период бурного развития технологий и рыночных отношений, влияющих на стремительно изменяющуюся политическую и экономическую конъюнктуру.

Как показывает проведенное исследование, в условиях современного развития информационного пространства актуализируется проблема защиты и развития традиционной ментальности личности. Причем, информационно-сетевые технологии, негативно влияющие на традиционную ментальность личности, могут быть использованы и в позитивном ключе, сохраняя ментальные структуры, либо обновляя их, но в русле формирования патриотизма и любви к Родине. Наибольшую эффективность здесь показала современная практика использования средствами интернет коммуникации меметических штампов. Эффективность меметическх комплексов обусловлена их максимально простым и быстрым усвоением на уровне воспринимающего сознания и бессознательных структур психики. Это является основанием для их использования в целях противодействия негативному информационному влиянию, так как в современных условиях мемы соответствуют актуальному способу коммуникации и мышления не только среди молодежи, но и среди более старшего поколения. В связи с этим, представляется обоснованным использование средств и механизмов современной сетевой коммуникации в целях обеспечения сохранности и последующего развития ментальности личности, традиционной культуры, ценностей патриотизма.

В дальнейшем исследовании следует рассмотреть системы практик, способные защитить традиционную ментальность личности от негативного воздействия технологий информационно-сетевых войн, например, такие как суггестивные методы, иммерсивно-цифровые технологии и способы диджитал-апгрейда ментальности.

Литература:

1. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет, как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. – 2019. – №4. – С. 3-28.
2. Асмус Н. Г. Особенности реализации стратегий и тактик речевого воздействия в виртуальном дискурсе // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – 2021. – №2(20). – С. 64-67.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Гаврилова Ю. В. Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17. – №2. – С. 82-93. DOI 10.21209/1996-7853-2022-17-2-82-93.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
6. Коровин В. М. Главная военная тайна США: сетевые войны. – М.: Яуза, 2009. – 288 с.
7. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2001. – 656 с.
8. Фельдштейн Д. И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы // Национальный психологический журнал. – 2010. – №2(4). – С. 6-11.
9. Buckley W., Burns T. Power and control: social structures and their transformation. London: SAGE. 1976. – 290 p.
10. Dawkins R. Viruses of the Mind. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA : Blackwell, 1993 // Center for the Study of Complex Systems of the University of Michigan in Ann Arbor, Michigan. Pp. – 13-27.
11. Petroc Taylor Volume of data/information created, captured, copied, and consumed worldwide from 2010 to 2020, with forecasts from 2021 to 2025 // https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/ (дата обращения 10.01.2023)
12. Schein H. Organizational Culture and Leadership. San Francisco: Wiley, 2004. – 448 p.

THE VALUE OF THE PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "MILITARY CULTURE"

Ivanov Vladimir Nikolaevich, *Senior Lecturer, Military Educational and Scientific Center of the Ground Forces "Combined Arms Order of Zhukov Academy of the Armed Forces of the Russian Federation", Moscow; Applicant, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk*

The purpose of the study *is to substantiate the relevance of using the philosophical and anthropological approach to the analysis of the phenomenon of military culture. The paper shows that the concept of "military culture" in modern humanitarian knowledge does not have a uniquely defined content. All identified research positions within the framework of solving this problem are divided into two groups: those based on its broad interpretation and narrow. The first assumes the inclusion of both material and spiritual components in understanding the essence of military culture, the second focuses exclusively on the spiritual component.* ***The scientific novelty*** *of the presented work lies in the fact that it shows the heuristic possibilities of the philosophical and anthropological approach to the analysis of the phenomenon of military culture.* ***As a result,*** *it was found that the application of the philosophical and anthropological approach allows solving the existing problem of the lack of a single definition of the concept of "military culture" accepted by most researchers. The philosophical-anthropological approach, which puts a person at the center of research interest, suggests focusing on the spiritual element in understanding the essence of military culture.*

Keywords: *military culture; philosophy of culture; concept; philosophical anthropology; categorical-conceptual apparatus.*

EDN: SGQBIX **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.27**

ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ "ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА"

УДК 130.2
ВАК РФ 5.7.8

© Иванов В.Н., 2023

Цель исследования *заключается в обосновании актуальности использования философско-антропологического подхода к анализу феномена военной культуры. В работе показано, что концепт "военная культура" в современном гуманитарном знании не имеет однозначно определяемого наполнения. Все выявленные исследовательские позиции в рамках решения этой проблемы разделены на две группы: исходящие из широкой его трактовки и узкой. Первая – предполагает включённость, как материальной, так и духовной составляющих в понимание сущности военной культуры, вторая – акцентирует внима-*

ние исключительно на духовной составляющей. ***Научная новизна*** *представляемой работы заключается в том, что в ней показаны эвристические возможности философско-антропологического подхода к анализу феномена военной культуры.* ***В результате*** *установлено, что применение философско-антропологического подхода позволяет разрешить имеющуюся проблему отсутствия единого/принимаемого большинством исследователей определения понятия "военная культура". Философско-антропологический подход, ставящий в центр исследовательского интереса человека, предполагает сосредоточить внимание на духовном элементе в понимании сущности военной культуры.*

Ключевые слова: *военная культура; философия культуры; концепт; философская антропология; категориально-понятийный аппарат.*

Концепт "военная культура" является для отечественного гуманитарного знания относительно новым. Разработка его содержательного наполнения осуществляется на протяжении менее трёх десятков лет. Актуальность данной проблематики – обращение к разработке сущностного наполнения концепта "военная культура" – может быть объяснено, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, общей тенденцией гуманитаризации широко представленной в российском образовании в 1990-е – начале 2000-х годов. Это был период взлёта в отечественной гуманитаристике, когда предметы гуманитарного цикла не только активно включались в программы высшего образования, но и проводились многочисленные научные разработки в этих направлениях. В отмеченный период в учебных программах практически всех направлений подготовки можно было встретить такие дисциплины, как "Культурология", "Социология", "Политология" и др. Более того, в системе высшего образования России шла активная подготовка специалистов в области указанных самостоятельных направлений. В этой связи, создавались благоприятные условия для проведения научных исследований в соответствующих отраслях. Не стал исключением и такой социокультурной феномен, как военная культура.

Второе обстоятельство связано с необходимостью переосмыслить известные понятия и подходы к их определению, а также предложить новые, что стало следствием "эпохи перемен", начавшейся в нашей стране ещё с конца 1980-х годов. В переходных условиях возникла острая необходимость определить значение прежде разработанных и известных понятий. В особенности это касалось феномена военной культуры в российском социокультурном пространстве. Очевидно, что в условиях трансформационных процессов, идущих в российском обществе, семантическому изменению подверглись многие, чётко определяемые прежде понятия гуманитарного знания.

С определением понятия "военная культура" в новых социально-экономических и политических условиях возникли ещё большие трудности, во многом обусловленные тем, что в советское время этот оборот практически не использовался в гуманитарных исследованиях. При этом, этот вовсе не означает, что понятие "военная культура" не использовалось ещё раньше. Так, В.И. Бажуков в своём диссертационном исследовании отмечает, что оно было введено в научный оборот российским публицистом Михаилом Осиповичем Меньшиковым и было тесно связано с военным искусством [2, 29]. Позднее, в советское время наиболее близким к используемому обороту, на наш взгляд, можно считать специальное понятие "морально-боевой дух военнослужащего". Полагаем, что именно такое понимание может служить теоретической основой для философс-

ИВАНОВ Владимир Николаевич,
преподаватель, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск "Общевойсковая ордена Жукова академия Вооружённых Сил Российской Федерации", Москва; соискатель, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

ко-антропологического подхода к разработке сущности искомого концепта, а в дальнейшем и выработке соответствующей методологической базы.

Отсутствие систематической разработки понятия "военная культура" в отечественной гуманитаристике, безусловно, повлияло на ту множественность подходов, которые сегодня наличествуют при его рассмотрении [1, 10; 4, 179; 5, 227; 9, 107]. Более того, ещё в конце 1990-х годов отдельными исследователями открытым считался вопрос о том, корректно ли вообще использовать понятие "военная культура" [3, 16]. Методологически эти исследователи исходили из того, что понятия "культура" и "война" выступают оппозиционными по отношению друг к другу: первое – предполагает созидание, второе – разрушение, а потому конструкт "военная культура" алогичен по своей сути. На сегодня в российском гуманитарном знании вопрос о корректности использования оборота "военная культура" решён и этот концепт активно используется в философских, культурологических, социологических, исторических, педагогических и иных исследованиях. Однако единого мнения о том, каково его наполнение, нет.

Проведённый нами анализ литературы по этой проблематике показал, что могут быть определены два основных исследовательских дискурса к пониманию сущностного наполнения искомого концепта. Первая группа работ, каковые мы определяем, как "широкое трактование" в теоретико-методологическом отношении, исходит из понимания культуры как всего того, что создано человеком. В этой связи, эта первая – широкая – трактовка относит к военной культуре всё то, что имеет отношение к военной сфере в целом, а потому выделяет духовную и материальную составляющие в её структуре. Иными словами, с позиции широкой трактовки военная культура включает не только знания, традиции, убеждения и специфику мировоззрения военнослужащих, но также и предполагает включённость в это понятие, например, средств ведения боевых действий, т.е. конкретных видов вооружения.

Второй подход, который определён нами как "узкое трактование", исходит из акцентуации в понимании сущности культуры на её духовных основаниях. При таком подходе военная культура рассматривается как система духовных составляющих (ценностных, семиотических, идеологических, нормативных), каковые обеспечивают исполнение функций в рамках военной деятельности различными субъектами. Выявленная дискурсивность в определении сущности понятия "военная культура" связана с её спецификой – она обеспечивает обороноспособность государства, защиту соответствующего общества. В этой связи, уровень развития средств вооружения – как материальной составляющей военной культуры – оказывается принципиальным при определении уровня её развития в соответствующем обществе.

Рассмотрение других примеров видов культуры подтверждает высказанную идею о своеобразии военной культуры. Например, для правовой культуры наличие материальной составляющей вообще оказывается неважным. Подобный вывод мы можем сделать и относительно иных множественных примеров видов культур. Такая специфика во многом определяется масштабностью и критичностью тех задач, которые стоят перед каждым конкретным видом культуры. Именно равноценностью всех составляющих военной культуры определяется специфика и особое её положение среди известных множественных примеров. Это же является причиной отсутствия единого или общепризнанного мнения относительно содержательного наполнения этого концепта.

Полагаем, что эта выявленная проблема может быть достаточно успешно разрешена, если чётко определиться с методологией исследования и за основу взять какой-то конкретный подход. По нашему убеждению, значительный эвристический потенциал в разрешении заявленной проблемы имеется у философско-антропологического подхода к изучению военной культуры. В самом общем смысле данный подход предполагает учёт достижений, сделанных в науках о человеке с целью получения системного знания о нём. Философско-антропологический подход позволяет задать точный ракурс исследования – любые данные необходимо получать через призму понимания человека как объекта изучения, специфика которого раскрывается в соответствующих научных ракурсах, которые заданы предметным полем.

Использование философско-антропологического подхода к изучению военной культуры в методологическом отношении позволяет отбросить материальную составляющую в её структуре. Исследовательский интерес в этом случае концентрируется вокруг понятий и проблем, непосредственно связанных с человеком. Это прежде всего связанные с ним

этические категории, определяющие ценность и приоритет человека: жизнь, мужество, честь, достоинство, а также и те, каковые выступают их противоположностями, но имеющими место быть, а потому и подробный анализ. Эти категории и соответствующие им явления (концепт/денотат) приобретают особую значимость в кризисные для общества периоды, каковыми, несомненно, выступают войны и военные конфликты. В такие периоды испытаний для общества заметно актуализируется экзистенциальная проблематика и становятся понятными истинные морально-волевые характеристики каждого человека, в том числе и имеющего отношение к воинскому долгу.

Применение философско-антропологической методологии позволяет комплексно подойти к рассмотрению и анализу множественных аспектов изучения военной культуры. В конечном итоге, носителями военной культуры выступают конкретные люди, в результате действий которых она получает свою специфику и своеобразие в сравнении с другими примерами видов культур. Несмотря на то, что предложенный подход в стороне оставляет материальную составляющую военной культуры, он позволяет системно подойти к её анализу. Это объясняется тем, что данный подход использует данные одновременно нескольких наук о человеке. В результате, получаемые данные приобретают мета-характер, т.е. они носят универсальный характер и могут быть успешно применены в каждой конкретной научной отрасли с учётом задач соответствующего исследования. В этой связи, использование философско-антропологического подхода создаёт необходимые основания для изучения множественных аспектов сущности военной культуры. При таком подходе достаточно глубоко могут быть проанализированы социологические, исторические, педагогические, культурологические и иные аспекты искомого феномена.

Представленный подход, представляющий собой комплексную методологию, позволяет посмотреть на трансформационные процессы как, собственно, внутри военной культуры, так и выявить их специфику в рамках социокультурного развития того или иного региона/цивилизации/страны, в целом. К тому же, философско-антропологический подход позволяет уточнить специфику современной ситуации социокультурного перехода, каковая, например, для стран евроатлантической цивилизации определяется как социокультурная трансформация [6, 59; 7, 204; 8, 255; 10, 70; 12, 282; 14, 290; 15, 343]. Многие социологи, культурологи, философы, а также специалисты в области педагогического знания определяют их именно так [11, 97; 13, 71; 16, 2313].

Таким образом, применение философско-антропологической методологии к анализу феномена военной культуры позволяет преодолеть недостатки известных прежде подходов и создать необходимую теоретико-методологическую базу для всестороннего его изучения. Данный подход оставляет в стороне материальную составляющую военной культуры, каковая в настоящее время выступает препятствием на пути представления актуального определения данного концепта, принимаемого большинством исследователей. Кроме того, данный подход дает возможность преодолеть недостатки имеющейся разноголосицы мнений относительно сущности военной культуры, выступающей следствием известной неоднородности составляющих денотата, фиксируемых в соответствующем концепте.

Примечания:

1. Абрамов А.П. Военная метакультура и её особенности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6-1 (12). – С. 10-13.
2. Бажуков В.И. Антропологический подход к исследованию военной культуры: возможности и пределы // Вопросы культурологии. – 2009. – № 1. – С. 28-32.
3. Белоконев Г.П. О культуре и культуре преподавания культуры // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 1999. – № 8. – С. 15-20.
4. Гребеньков В.Н. Военная культура российского общества (философско-культурологическая концепция):дис. … д-ра филос. наук / Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2011. – 307 с.
5. Евсеева Л.В. Исследование феномена военная культура: культурно-антропологический подход / / Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 3 (86). – С. 224-229.
6. Когай Е.А. Развитие регионов Центрального Черноземья и стратегическое планирование // Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований. – М., 2022. – С. 58-68.
7. Кретов Д.В. Эффективность использования метода взаимной оценки при обучении студентов вузов иностранному языку: из опыта работы // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 4 (96). – С. 203-206.
8. Лукьянчиков В.И., Кузнецов Е.А. Концепция сакрального генезиса культуры в философии П.А. Флоренского // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк, 2022. – С. 254-257.

9. Радионенко А.Г. Военная культура как специфический объект культурологии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2008. – Т. 2. – № 1. – С. 104-109.
10. Ромах О.В. Культурологическое образование в процессах глобализации // Фундаментальные исследования. – 2007. – № 7. – С. 69-72.
11. Ромах О.В. "Человек культуры" в социальном пространстве" // Аналитика культурологии. – 2007. – № 1 (7). – С. 96-99.
12. Тарасов А.Н. Культурфилософское наследие XX века как теоретическое основание концепции социокультурных трансформаций // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк, 2022. – С. 281-286.
13. Тарасов А.Н. К вопросу о методологии исследования переходных периодов в динамике культуры // Философия и культурология: вопросы теории и методологии: материалы Всероссийской научно-методологической конференции. – Липецк, 2022. – С. 70-74.
14. Фролова Н.А. Экспликация жития Святого как форма аналитики русской культуры (на примере жизнеописания священномученика Уара Липецкого) // Гуманитаристика в условиях современной социокультурной трансформации: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк, 2022. – С. 289-292.
15. Kataev D.V., Bogomolova A.V., Tarasov A.N., Burmykina I.V., Fedina N.V. Social Sustainability and Professional Migration in the Educational Space of Russian Schools Based on the Results of a Sociological Study // Sustainability. – 2022. – Т. 14. – № 1. – С. 343.
16. Tarasov A.N., Belyaev D.A., Fedina N.V., Kataev D.V., Komkov A.A., Naidenova E.A. Analysis of migration processes in Russian education in the context of the ongoing social and cultural transformation // Revista on line de Pol?tica e Gest?o Educacional. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 2311-2325.

REFLECTION – TECHNOLOGY CONSUMER PROJECTS (COPR) (TECHNOLOGICAL DESCRIPTION AND SCHEMATIZATION)

Isaev Roman Olegovich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Samara State Technical University, Samara*

Reflection is one of the cornerstones of philosophy and an extremely popular topic for discussion outside the scientific sphere of activity. This methodological study sets the task of objectifying the reflexive process in the context of the functioning of consumer projects, which indicates a change in research contexts. The technologies considered earlier actualized the possibilities of collective mental activity, but the issue of development and transition to new types of activities remained not fully discussed. This article continues the traditions of the SMD methodology and focuses on reflection related to thinking, not consciousness. The possibilities of this type of reflection are demonstrated by schematization with a given positional structure. ***The purpose of this study*** *is to preserve the principles of dual knowledge and methodological configuration in the context of the technological description of a new type of projects consonant with sociotechnical ontology.*

Keywords: *communication; understanding; reflection; consumer projects; sustainable development; COPR.*

EDN: SCAFHU **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.28**

РЕФЛЕКСИЯ – ТЕХНОЛОГИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ (ПОПР) (ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И СХЕМАТИЗАЦИЯ)

УДК 141.201
ВАК РФ 5.7.8

© Исаев Р.О., 2023

Рефлексия является одним из краеугольных камней философии и крайне популярной темой для обсуждения за пределами научной сферы деятельности. Данное методологическое исследование ставит задачу объективации рефлексивного процесса в контексте функционирования потребительских проектов, что указывает на смену исследовательских контекстов. Рассмотренные ранее технологии актуализировали возможности коллективной мыследеятельности, но вопрос о развитии и переходе к новым видам деятельности оставался до конца не обсуждённым. Данная статья продолжает традиции СМД-методологии и акцентируется на рефлексии, связанной с мышлением, а не с сознанием. Возможности такого типа рефлексии продемонстрированы за счёт схематизации с заданной позиционной структурой. ***Целью исследования*** *является сохранение принципов двойного знания и методологического конфигурирования в контексте технологического описания проектов нового типа, созвучных с социотехнической онтологией.*

Ключевые слова: *коммуникация; понимание; рефлексия; потребительские проекты; устойчивое развитие; ПОПР*

ИСАЕВ Роман Олегович,
кандидат философских наук, доцент кафедры, Самарский государственный технический университет, Самара

Традиции философского анализа рефлексии уходят корнями глубоко в историю онтологий и теорий познания. В данном исследовании рефлексия рассматривается не столько в классическом смысле слова (лат. reflexio – "обращение назад"), но в области функционирования потребительских проектов (ПОПР) [13]. Целесообразно также выделить в данном понятии ударение на последний слог (рефлекси?я), отсылающий к традиции системно-деятельностного подхода. С нашей точки зрения, это непримечательный внешне, но значительный по содержанию штрих, намекающий на отказ от прежней традиции связывать "обращение назад" только лишь с сознанием. Некоторые специалисты в области языкознания связывают вышеназванное изменение ударения с перемещением слова из чисто профессиональной (философской, психологической, педагогической) сферы употребления в общую, где с ним произошло регрессивное акцентологическое развитие [1; 2]. Однако при анализе работ и выступлений Георгия Петровича Щедровицкого (а также же его коллег по методологической работе)? мы с лёгкостью обнаружим вышеуказанное смещение ударения, что подводит к мысли о том, что это не только лексическая, но и парадигматическая находка отечественной школы мысли. Эту же тенденцию объективируют деятели 2-3 третьей волны методологической школы: "Вообще говоря, культурные акценты, или акцентуации – это интересная вещь для саморефлексии. Я же хочу обратить внимание на один … момент, который, с моей точки зрения, отличает нашу традицию. ММК отличался тем, что он – в оппозицию к логической традиции … – выступил против механизмического понимания мышления, как, в первую очередь, понятийного мышления" [8].

Перед тем как начать описывать рефлексию в технологии, действительно придётся взглянуть назад и апеллировать к тем исследовательским результатам, которые были получены ранее. Изначально потребительский проект являлся указанием на системную ситуацию, когда технологии обеспечивают аксиологические (бытовые) основания [6, С. 131]. Данный тезис призывает не только рассуждать о ценностях в плоскости абстрактного мышления, но и переходить к описанию вышеназванных технологий. Действительно сложным в данной ситуации является сохранение баланса между социальной и технической действительностями, так как объективации для первой и для второй отличны. Именно поэтому при описании технологии коммуникации необходимо соотнести последнюю с социотехнической онтологией, обращая внимания, что в ней должно присутствовать минимум три типа текста [3]. Естественно, что этого ещё недостаточно, так как текстовая составляющая обращает к принципиально важным вопросам о понимании в коммуникации, а также тех смыслах, которые могут быть образованы за счёт технологического сопровождения коммуникации. Принимая во внимание, что смысловая составляющая может влиять на коммуникационное пространство, нам пришлось усилить (или даже "оснастить") субъектов коммуникации за счёт разнопредметных типов понимания [3].

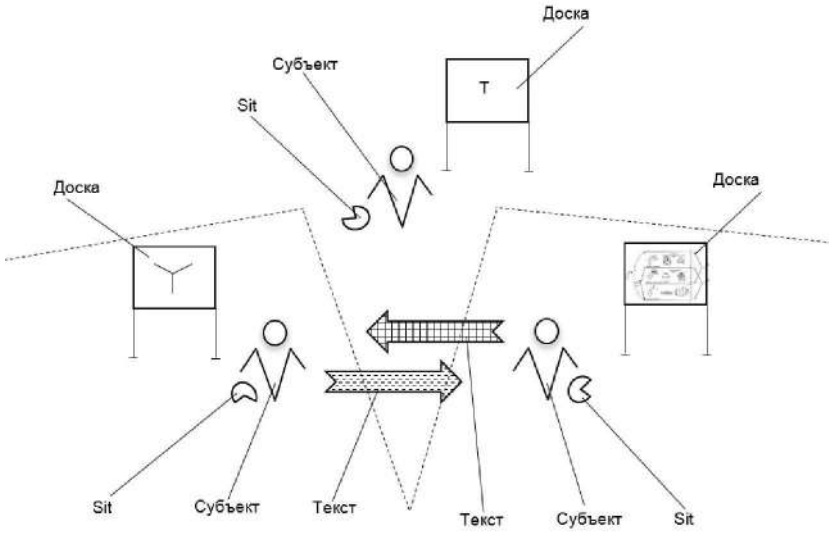


Рисунок 1 – **Схема технологии коммуникации ПОПР**

Возвращаясь к схеме коммуникации, следует отметить, что на этапе разработки первого технологичного шага (см. рис. 1) наш исследовательский коллектив исходил из той точки зрения, что каждому из субъектов будет назначена своя определённая функция: для первого субъекта – это начало коммуникационного акта, для второго – рефлексивный анализ, а для третьего – понимание (опредмечивание, распредмечивание, перепредмечивание). Однако с течением времени стало ясно, что рефлексия не статична даже в технологическом смысле слова, а её движение круговое, схожее с ка-

лейдоскопом, изменяющим рисунок при малейшем повороте, но не изменяющим исходного набора элементов.

Рефлексия в технологии связывает разные смыслы. Ранее утверждалось, что смыслы образует понимание, а также подчёркивалась значимость разнообразия смыслов в зависимости от типа понимания (онтологическое, предметно-описательное, субъективное) [3]. В контексте предыдущих научных разработок отмечалось, что не только понимание, но и содержание онтологических "досок" субъектов различны, а также рассматривался аспект материальности и нематериальности вышеназванных thinking board. Культурная традиция системо-мыследеятельностной методологии заключается не только в типе и средствах схематизации, но и в норме, обязывающей переносить понятые смыслы на доску реальную. С одной стороны, это необходимо для того, чтобы смыслы начали конвертироваться в знаковую форму. С другой стороны, только это может обеспечить, как писал Г.П. Щедровицкий, абсолютную понятность [11, С. 71].

На вышеуказанной схеме есть интересный и значимый структурный элемент – пунктирная линия, разрезающая коммуникацию. Эта линия намечает будущую рефлексивную "вставку" и пока мы называем её именно так, потому что текст рефлексии требует места, он не должен потеряться в коммуникационном объеме. Это не просто показать графически, но субъект три ставит между "текстом 1" и "текстом 2" свою собственною доску, на которой происходит дальнейшая работа. Да, здесь thinking board материальна, на ней субъект осуществляет схематизацию, то есть перемещает смыслы из области коммуникации в формы мышления (категории, понятия, формулы и т.д.).

Таким образом, коммуникация останавливается на миг, чтобы субъекты могли выдвинуть доску и (поставив её перед собой) обсудить понятое. Данная процедура абсолютно стандартна, например, для спортивной действительности, где тренер использует планшет для обсуждения расположения игроков для реализации тактики на игру. Фактически это организация мышления за счёт перенесения смыслов в предметную форму, имитирующую стратегию и тактику на игровом плацдарме. Конечно, в данном примере недостаёт обратной связи, потому что тренер находится на метауровне – он организует команду (а значит планшет в обсуждении всего лишь один, впрочем, как и игровой плацдарм). В технологии потребительских проектов досок несколько, что сразу же наводит на мысль о нескольких схематизациях смысла и их интерпретаций в коммуникации.

1. "Парящий" над коммуникацией "субъект 3" может остановить её, спустив к субъектам свою доску и начав схематизацию понятых смыслов. Его задача заключается, с одной стороны, в том, чтобы в эту коммуникацию вступить, с другой стороны, чтобы реорганизовать коммуникативный процесс: "Если строить аналитическую логику в философском смысле слова, то "субъект 3" осуществляет распредмечивание, опредмечивание и перепредмечивание в рамках коллективной коммуникации" [3, с. 10-11]. Если ранее рефлексия рассматривалась нами с точки зрения существования, то в данный момент мы обсуждаем её реализацию. Необходимо отметить, что вступление в коммуникацию возможно за счёт рефлексии, которая фиксируется в тексте и изображении на доске. С этого момента доска становится общей и доступной для обсуждения.

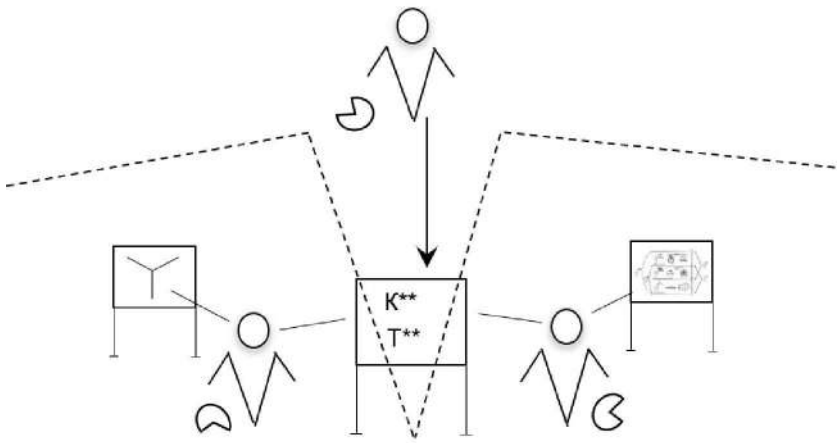


Рисунок 2 – **Рефлексия сверху-вниз**

Ранее мы говорили о том, что на доске мышления третьего субъекта располагается культура (К), или технологии (Т). На вышеуказанной схеме к ним добавились две звёздочки, обозначающие рефлексию [4]. Перемещение доски сверху вниз (чёрная стрелка на рис. 2) задаёт процедуру опредмечивания коммуникации. Изображённое на доске становится новым предметом для обсуждения и дискуссии,

но самое главное, что этот предмет фактически выстраивается на материале текстов "субъекта 1" и "субъекта 2". Если опредмечивание совершается через культуру, то ситуация коммуникации (рис. 1) рассматривается по отношению к образцам и эталонам. Если опредмечивание связано с технологиями, тогда "субъект 3" должен нарисовать на доске технологическую схему и назначить каждому из субъектов соответствующее место в ней. Возникает логичный вопрос, для чего третьему субъекту вообще осуществлять такие сложные операции? С одной стороны, такова особенность технологии рефлексии, заключающаяся в переносе смысла в знаковую форму. В отличии от понимания и коммуникации, рефлексия обеспечивает содержательное сопровождения деятельности. С другой стороны, коммуникация без рефлексии возможна, но в таком случае пропадает возможность перехода к решению проблемных ситуаций и развитию в целом. Подчеркнём, что потребительские проекты содержат в себе составляющую развития и без рефлексивной компоненты их реализация невозможна.

Таким образом, содержание рефлексивной доски культурное, или же технологическое. Однако рефлексия не заканчивается на том, что субъект просто осуществил визуализацию на доске. Остальные субъекты могут не согласитmся с её содержанием, или же задать уточняющие вопросы, а также дополнить исходное изображение. На схеме прямые линии указывают на то, что субъекты могут соотнести результаты рефлексии, расположенные на доске, cj своей собственной структурой мышления. Это и есть такая пауза, или же остановка в коммуникации, о которой было сказано выше. Дальнейшее построение коммуникации (то есть возврат к ней) возможно, но эту опцию необходимо рассматривать отдельно и более подробно.

2. На рисунке 3 рефлексивную доску продвигает уже "субъект 2" и его доска иная, чем была у "субъекта 3". Здесь сохраняется преемственность знаковой формы – доска клетчатая, как и стрелка из первой схемы, обозначающая рефлексивный текст [3]. На самой доске может быть изображён не только рисунок, или же схема. В данном случае "субъект 2" закрепляет на доске текст своей рефлексии, за счёт чего другие субъекты получают материал для дальнейшей работы. В классической теории текста существует специальное обозначение "текст в тексте": "специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста" [7, с. 39]. Рефлексия действительно является текстом в тексте, однако его фиксация требует дополнительного действия, а именно вынесения на доску. В рамках литературной традиции подобная задача решается за счёт работы с рукописным источником – авторским произведением, а в рамках рассматриваемой технологии за счёт рефлексии коммуникации. Итак, на схеме субъект 2 прерывает коммуникацию (пунктирная стрелка) рефлексией. Как и прежде, принцип потенциальной дополнительности рефлексии и дискуссионный аспект остаются актуальными. За счёт них сохраняется идея развития и подвижность содержания, которое обеспечивает рассматриваемая технология. Необходимо зафиксировать следующую тенденцию – содержание досок, размещённых за счёт рефлексии в коммуникации, и досок мышления отличны. В данном конкретном случае "субъект 2" обладает профессиональными компетенциями и знаниями, именно поэтому на доске мышления у него изображена многоуровневая модель.

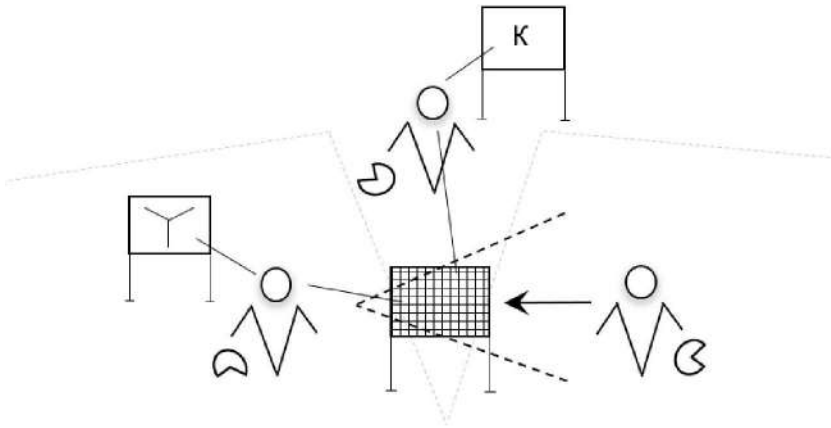


Рисунок 3 – **Рефлексия по часовой стрелке**

В данном случае нет необходимости подробно останавливаться на описании вышеуказанной модели, так как это уже было сделано в рамках исследования "Онтологические и гносеологические аспекты устойчивого развития (на примере домохозяйства)" [3]. Однако приведение здесь данной схемы оправдано с точ-

ки зрения раскрытия содержания thinking board, которое могло быть утеряно из-за процедур масштабирования. Рефлексия всегда должна базироваться на определённом интеллектуальном плацдарме. Если для "субъекта 1" – такой плацдарм представлен культурными образцами, эталонами и нормами, то для "субъекта 2" это социотехнические знания, полученные за счёт продуктивной деятельности науки [13]. Таким образом, при переносе из онтологической доски на доску рефлексивную текстовое содержание изменяется (на схеме доска становится клетчатой), что является результатом предметной рефлексии.

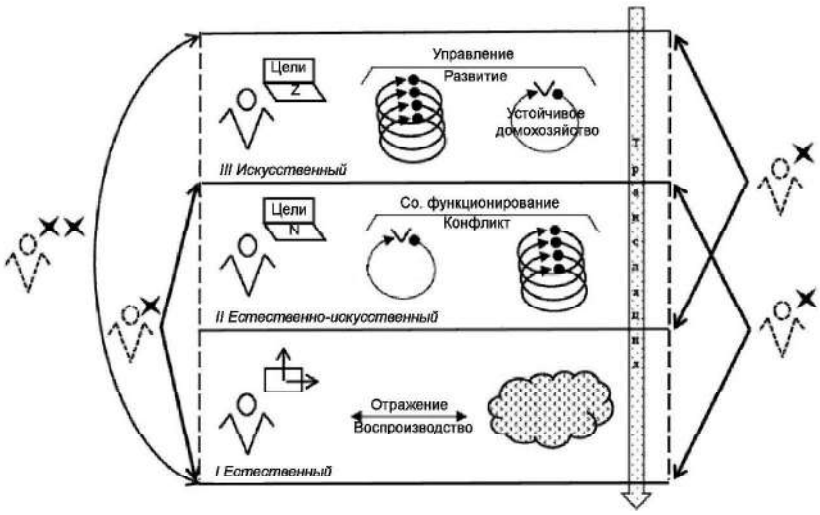


Рисунок 4 – **"Схема социотехнической модели устойчивого домохозяйства"**

Источник: Исаев Р.О. "Онтологические и гносеологические аспекты устойчивого развития (на примере домохозяйства)"

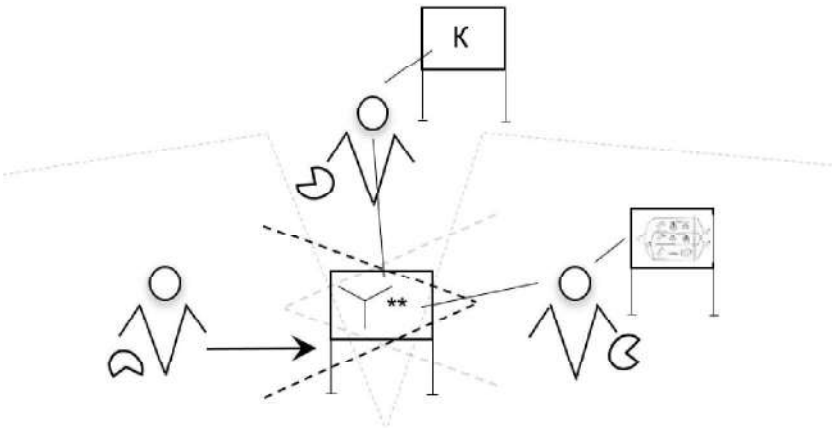


Рисунок 5 – **Рефлексия против часовой стрелки**

3. Рефлексия против часовой стрелки также возможна, так как "субъект 1" тоже обладает доской и является участником технологического процесса в коммуникации. На первых схемах актуального исследования онтологическая доска "субъекта" заполнена тремя плоскостями (– настоящее, прошлое и будущее). В каком именно состоянии находится проработка плоскостей – вопрос всегда открытый. Вынесенная в рефлексию доска "субъекта 1" изменяется, так как она становится доступной для обсуждения другими субъектами, а значит для её содержания этап уточнений и проблематизации неминуем. С одной стороны, это логичное следствие, если исходить из разноплановости содержания каждой из позиций в технологии. С другой стороны, естественного перехода из мира мышления в мир деятельности не происходит, так как этому должны предшествовать процедуры тематизации и целеполагания [12]. Для естественного уровня – это стремление к поддержанию воспроизводства. Для естественно-искусственного уровня это планы функционального характера. Для искусственного – проектные замыслы по развитию (см. рис 4). При таком рассмотрении рефлексия приобретает предметный характер, так как средства и методы прикреплены к онтологии. Кроме предметной рефлексии можно также выделить и смысловую, которая базируется только на новых знаниях (без методологии и специальных средств). Технологическое преимущество рефлексии над другими процессами заключается в определении незаполненных мест и лакун в триединстве "прошлое-настоящее-будущее".

Место рефлексии в технологии организационное по своей сути, так как она изменяет тип коммуникации и подводит к ситуации понимания, или же непонимания. В последнем случае субъекты коммуникации могут спрашивать, что имелось в виду (что написано на доске?), а также уточнить дефиницию (что конкретно значит изображённый на доске текст/тезис/фраза?), не согласиться (Вы неправильно поняли/неправильно воспроизвели текст

и т.д.) или же сделать обещающую остановку и сказать, что ничего не понятно. Примечательно, что непонятое тоже может иметь выразительную форму, поэтому непонимание не является причиной для сбоя функционирования рассматриваемой нами технологии. Если попытаться объяснить процесс рефлексии через более простые сущности, то гипотетически подходящей будет идея кооперации в деятельности. Данный взгляд детально рассматривается в работах Маркса, многократно проанализирован в социологической традиции, а также распространён в современных подходах менеджмента. Однако для научного анализа кооперации необходима идеальная действительность, позволяющая изучать её законы и задающая постоянство связей между элементами. Анализ ситуации в рефлексии (sit. анализ) также возможен, но маловероятно, что количество ситуаций и их содержание предельно, что является усложняющим фактором для научной работы. Настоящее исследование всё же не преуменьшает роль ситуаций в мышлении и деятельности, на что указывает схематизация и наличие в ней обозначения ситуаций (неполный круг рядом с субъектом). В приведённом ранее примере (о тренере и стратегии на игру) существует важный нюанс, связанный с тем, что количество игровых ситуаций всё-таки предельно, так как сам игровой процесс ограничен правилами. Возможно, именно поэтому искусственный интеллект с начала 2000-ых годов не проигрывает живым гроссмейстерам в шахматы, а в 2017 алгоритм "Alpha Zero" превосходит лучших азиатских игроков в игре "Го", из-под удара не ушёл и покер, где с 2018 года доминирующим становится нейросеть "Libratus". Несмотря на все текущие достижения в области программирования и "воспитания" искусственного интеллекта, вопрос о алгометричности жизни человека остаётся открытым (хотя для философов и писателей ответ очевиден). В то же время, данный тезис открывает интересную и перспективную область для изучения, а именно: типология социотехнических ситуаций в деятельности.

В заключение следует подчеркнуть, что технология рефлексии идёт рука об руку с технологией понимания и коммуникации. В потребительском проекте возможны самые разные переходы: из коммуникации в понимание, из понимания в рефлексию, из рефлексии в понимание и т.д. Технология рассматривается нами как средство обеспечения выхода в внешнюю позицию, изображённую на схеме по бокам обеих сторон (рис. 5). Выставляя свою доску вперёд, субъект на короткий момент расстаётся с ней, но взамен получает возможность увидеть другие позиции, а также средства, которые могут быть ими позаимствованы. С точки зрения гуманитарной науки, требования к субъектам технологии высоки (во многом потому что коммуникация не является производственным процессом). В подобном контексте размышлял и немецкий философ Юрген Хабермас, который выделил компетентность и вменяемость в качестве главных свойств для вступления в коммуникацию [10]. В таком случае встаёт вопрос, что является главным для осуществления рефлексии? С нашей точки зрения, на первый план выходит стремление увидеть возможность действия раньше, чем оно может произойти. О схожей интенции писали многие выдающийся философы, например, И. Фихте: "Если способность должна видеть себя как долженствующую, то необходимо, чтобы раньше этого определенного видения себя как принцип, она видела бы вообще, а так как она видит только через посредство собственного саморазвития, то необходимо, чтобы она развивалась…" [9, с. 139-140]. Именно поэтому в исследовании акцент сделан на рефлексии в мышлении, так как сознание по своей сути не может позволить человеку выйти за пределы знакомого. Кроме того, сознание не требует непосредственного подтверждения в действии. Технология претендует на организацию рефлексивного выхода, где субъект займёт внешнюю позицию по отношению к своей деятельности (рис. 5), по отношению к содержанию чужого/своего знания (рис. 6), по отношению к тексту (рис. 3) и т.д. Всё это невозможно без специально организованной коллективной мыслительной работы.

Литература:

1. Воронцова В.Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: 2000. – 481 с.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. – М.: 1978. – 240 с.
3. Исаев Р.О. Коммуникация – технология потребительских проектов (ПОПР). (технологическое описание и схематизация) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 3 (57). – С. 55-67.
4. Исаев Р.О. Онтологические и гносеологические аспекты устойчивого развития (на примере домохозяйства) // Вестник Вятского Государственного Университетета. – 2020. – № 2 (136). – С. 32-42.
5. Исаев Р.О. Понимание – технология потребительских проектов (попр). (технологическое описание и схематизация) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2022. – № 2. – С. 6-14.

6. Исаев Р.О., Шестаков А.А. Философский анализ категории "Потребительский проект" (ПОПР) // Вестник ТвГУ. Серия "Философия". – 2020. – № 4 (54). – С. 132-141.
7. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Образовательные технологии. – 2014. – № 1. – С. 30-42.
8. Рефлексивные процессы и их исследование // Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2004-2005 гг. – М.: Фонд "Институт развития им. Г.П. Щедровицкого", 2006. URL: https://www.fondgp.ru/old/lib/chteniya/xi/mat/10.html
9. Фихте И.Г. – Сочинения в двух томах. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т.2. – 798 с.
10. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. Сводный реферат // Современная западная теоретическая социология. -М., 1992. – Вып. 1. – С. 57-101.
11. Щедровицкий Г.П. На досках. Цикл публичных лекций Георгия Петровича Щедровицкого. Образовательный центр Светланы Аристовой. – 1989. – 129 с.
12. Щедровицкий Г.П., Щедровицкий П.Г. Проблематизация и проблемы в процессах программирования решения задач // Логика научного поиска. – Свердловск, 1977. – С. 57-60.
13. Isaev R.O. Formation of sustainable development science: situation, problem, method and object / Khasaev G.R., Sadovenko M.Y. Kharizin V.V. // Helix. – 2018. – Vol. 8(3):3413-3420. – DOI 10.29042/2018-3413-3420 (Web of Science)

THE AMBIVALENCE OF SPORT AS A CULTURAL PHENOMENON: FROM OPERA OPERANS TO GENE DOPING

Konstantinov Dmitrii Vladimirovich, *PhD of Philosophy, Associate Professor, Department of Social and Economic Subjects, Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk*

The study shows that modern sport is the ambivalent phenomenon concerning the possibility of realization of human-creating function. On the one hand, the human-creating idea of Olympism manifesting itself, in particular, in such phenomenon as fair play still associates with sport today. The author considers this idea as one of the creating creations of culture (opera operans) that help a human to remain human. On the other hand, the reality is that we often can see departure from the principles of Olympism which sometimes are declared, but have no real influence. In this case sport, as well as mass culture in general, can become in fact anti-humanistic, destructive for a human.

Keywords: *sport; Olympism; fair play; sport ethics; creating creations; human's being.*

EDN: QUKDHJ **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.29**

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СПОРТА КАК КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА: ОТ OPERA OPERANS ДО ГЕННОГО ДОПИНГА

УДК 796.01
ВАК РФ 5.7.8

© Константинов Д.В., 2023

В исследовании показывается, что современный спорт - явление амбивалентное относительно возможности реализации функции человекотворчества. С одной стороны, со спортом по-прежнему связывается человекосозидающая идея олимпизма, проявляющая себя, в частности, в таком явлении, как Фэйр Плэй. Именно эту идею автор рассматривает как одно из производящих произведений культуры (opera operans), помогающих человеку сохранять в себе человеческое. С другой стороны, в реальности зачастую наблюдается отступление от принципов олимпизма, которые порой декларируются, но не имеют реального влияния. В этом случае спорт, как и массовая культура в целом, может стать по сути антигуманистическим, разрушительным для человека.

Ключевые слова: *спорт; олимпизм; Фэйр Плэй; спортивная этика; производящие произведения; бытие человека.*

КОНСТАНТИНОВ Дмитрий Владимирович, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, Омск*

Введение

Философия физической культуры и спорта, особенно если рассматривать её в мировых масштабах, в настоящий момент является вполне зрелой и самостоятельной сферой философского знания. Соответственно, круг проблем, которые интересуют философов, говорящих о спорте и, более широко, о физической культуре в целом, включает в себя разнообразные онтологические, гносеологические, этические и иные вопросы.

Из всего многообразия опубликованных работ, затрагивающих различные философские аспекты физической культуры и спорта, обратим, прежде всего, внимание на исследование В.Б. Барабановой, которая говорит о спорте как средстве реализации человеко-

созидающей функции культуры и в то же время показывает, что спорт может стать фактором разрушения человеческого [1]. Кроме того, для нас представляют интерес работы, в которых с философских позиций раскрываются проблемы коммерциализации и политизации спорта (см., например [2; 3]), этики спортивного состязания и Фэйр Плэй (см., например [4; 5]), анализируются позитивные и негативные стороны спорта [6]. Отметим, что многие из исследователей выражают обеспокоенность теми тенденциями, которые наблюдаются в современном спорте, пытаются найти способы, позволяющие реализовать спортивное соперничество в духе гуманистических ценностей, которые чаще всего связывают с олимпийским движением. Однако при всём обилии научных работ, посвящённых способам преодоления указанных тенденций, можно действительно согласиться с В. И. Столяровым, подчёркивающим, что даже Олимпийские игры, которые по замыслу П. де Кубертена должны были стать "позитивным образцом спортивного соперничества", таковым давно не являются [6, 253]. Поэтому представляется, что рассмотрение амбивалентности спорта как феномена культуры с позиции философии по-прежнему актуально.

Проблема нашего исследования может быть выражена в следующих вопросах:

– в какой мере человекосозидающий потенциал спорта раскрывается в идее олимпизма?

– может ли олимпизм быть таким производящим произведением (opera operans), которое позволяет человеку (в первую очередь, самому атлету) сохранять в себе живые человеческие состояния?

– может ли отступление от идеи олимпизма оказаться разрушительным как для человека, так и для спорта как явления культуры?

Основная часть

Opera operans и бытие человека. Термин "opera operans" был предложен М.К. Мамардашвили, и означает этот термин "производящее произведение" [7, 71]. О каких произведениях идёт здесь речь? Слово "произведение" отсылает к чему-то, что произведено, создано человеком. И будучи созданным человеком, такое произведение само в свою очередь способно производить, порождать что-то в человеке. Мамардашвили утверждает, что производящие произведения "являются артефактами, которые есть амплификаторы или усилительные приставки к нашим психическим, ментальным и другим возможностям, через которые – усиливаясь – мы оказываемся в пространстве порожденных мыслей, которые не порождались бы без прохождения через эти производящие произведения, или через артефакты. Глупость – это то, что думается само собой, а ум – это то, что думается специально и с усилием и предполагает машину рождения, а машина рождения должна быть построена" [7, 82-83].

Почему у человека появляется необходимость в неких "производящих произведениях"? Чтобы это пояснить, необходимо прежде обратиться к философскому пониманию человека и человеческого. Ещё в феноменологии было заложено развиваемое далее экзистенциальной философией представление о человеке как существе искусственном, причём искусственность эту можно рассматривать на разных уровнях. Самым очевидным её проявлением будет тот факт, что человек создаёт и использует всевозможные технические устройства (являющиеся частью культуры, т. е. созданные искусственно), расширяющие естественные человеческие возможности. В спорте, например, человек смог увеличить высоту своего прыжка посредством использования шеста, смог увеличить скорость передвижения по снегу, используя лыжи и т. п. И.М. Фейгенберг называет этот процесс достройкой человека [8], Р. Докинз – расширением фенотипа [9].

Однако с точки зрения философии более интересна иная искусственность человека. И.А. Бондаренко, введя предварительно различие между природными и искусственными основаниями человека, пишет: "Искусственные… основания в свою очередь можно разделить на основания определённой культуры и социума, выраженные в существующей системе ценностей и общественной идеологии (назовём их опытными основаниями, понимая опытное в широком смысле слова), и другие, внеопытные основания… Внеопытные основания таковы, потому что в самих себе содержат свои же основания и не принадлежат историческому времени. Они принадлежат к другому времени и пространству – трансцендирования (или бытийному), – а значит, они вневременные, внекультурные, абсолютные" [10, 162]. Искусственная "достройка" органов чувств человека как раз привязана к определённой культуре, она есть следствие того уровня развития науки и техники, который в данной (здесь и сейчас существующей) культуре достигнут. Что же касается внеопытных оснований человека (тоже искусственных), то они действительно лежат вне истории и вне каких-либо социокультурных различий. Такими внеопытными основаниями выступают бытийные феномены, подоб-

ные совести, чести, любви и т. п., если их рассматривать как чистые формы вне какого-либо содержания. И хотя на первый взгляд данные феномены различны и по-разному проявляют себя в эмпирической реальности, с точки зрения онтологии все они суть стороны Dasein – такого сущего, которое есть, если задаётся вопросом о своём бытии (мы здесь используем терминологию М. Хайдеггера – см., например [11]). Вот почему мы их указываем здесь в одном ряду. Для подобных вневременных, внеисторических феноменов нет никаких внешних причин – причины в данном случае лежат внутри них самих (бытие самоосновно). Так, невозможно испытывать угрызения совести в силу какой-либо отличной от самой совести причины, например, вывести их из некой теории. Совесть не появляется по желанию человека и не может быть задана через рефлексивное обобщение эмпирических поступков. Нельзя обладать совестью так, как человек обладает какой-либо вещью, доставая её с полки тогда, когда она нужна, а после убирая обратно. Совесть или есть, или её нет, и если она есть, она позволяет видеть, быть в структуре видения (бытие – это сфера предельных объективных оснований). Если человек не в пространстве совести, не испытывает угрызений совести, он не видит несправедливости своего поступка (нет оснований, чтобы видеть). При этом совесть не может быть вчера и не может быть завтра, она есть только сейчас, причём вся сразу (не может быть чуть-чуть совести – бытие есть сфера полноты). Точно так же не от воли человека зависит факт присутствия в мире любви или справедливости, однако от воли человека зависит, поступит ли он справедливо (что возможно только потому, что справедливость уже есть, и есть вся сразу в каждом справедливом поступке), или нет. При этом из доброго или справедливого поступка, совершённого вчера, не следует с необходимостью, что добрый или справедливый поступок будет совершён сегодня. Справедливость, добро, совесть и т. п. существуют лишь сейчас, и человек вынужден каждый раз заново собственным усилием стремиться установиться в пространстве совести (добра, любви, мысли и т. д.), т. е. собирать и удерживать в себе подлинно человеческое, быть человеком. Это и значит задаваться вопросом о бытии, т. е. каждый раз заново задаваться вопросом, как поступить, чтобы не лишить себя возможности быть.

Получается, что добро, свобода, справедливость и т. п. феномены, будучи не человеком созданными, при этом всё же не существуют сами по себе как нечто уже присущее природе человека. Они существуют лишь в таком поступке человека, который есть эмпирическое следствие заботы – заботы как способа бытия Dasein [11]. И в этом смысле условием человека является сам человек в той мере, в какой он стремится быть человеком. Человек в этой устремлённости постоянно пытается воссоздать себя в целостности на своих собственных основаниях, однако одних только естественных человеческих возможностей для такого воссоздания недостаточно. Чтобы удерживать себя в пространстве человеческого неким сознательным усилием, нужно как минимум помнить о такой задаче. Однако для человека более естественно забывать. Забывание случается само по себе, а память требует, чтобы была проделана какая-то работа, которая в том числе может выражаться в создании некоего артефакта или искусственной ситуации (утверждают, например, что во время триумфального шествия римских полководцев, возвращающихся с победой, за их спинами ставили раба, который был обязан периодически напоминать триумфатору, что тот остаётся смертным). И касается это не только собственно памяти. Бытие требует собирания, однако более естественным для человека скорее будет рассеяние. Поэтому человек нуждается в искусственных "приставках" к своим естественным возможностям, если хочет оставаться человеком. Таким "приставками" и являются особые создаваемые человеком культурные механизмы – opera operans, или производящие произведения.

Сам М. К. Мамардашвили к числу производящих произведений, способных порождать и поддерживать человеческое, относит, например, искусство: "Произведения искусства производят в нас жизнь в том виде, в каком наша жизнь, во-первых, – человеческая, и, во-вторых, имеет отношение к бытию" [7, 70]. Если искусство (художественное творчество) понимать таким образом, то получается, что конструкция, создаваемая автором художественного произведения, – это не столько попытка кому-либо что-либо рассказать, поделиться своими мыслями. Текст художественного произведения строится для другого (здесь можно говорить в более широком смысле о тексте культуры как требующей интерпретации связанной совокупности знаков и символов). Когда, например, писатель пишет роман, он одновременно личностным актом создаёт себя как что-то видящего, чувствующего, понимающего.

Создание романа – это его способ быть живым, а сам текст как результат может помочь удержаться в пространстве жизни кому-нибудь ещё (чего, впрочем, нельзя гарантировать).

Таким образом, написание романа в данном случае – это не попытка донести до кого-либо свои мысли, это скорее способ мыслить, быть в пространстве мышления. Без создания текста романа мыслей, которыми можно было бы с кем-либо поделиться, у писателя просто не было бы.

Представляется, что только лишь искусством круг производящих произведений не ограничивается. Мы далее предпримем попытку рассмотреть с этих позиций идею олимпизма.

Олимпизм как opera operans. Говоря об идеях олимпизма, мы будем опираться на основополагающие принципы олимпизма, обозначенные в Олимпийской хартии [12]. С точки зрения проблемы нашего исследования наибольший интерес для нас представляют первый и четвёртый принципы.

Первый принцип олимпизма, прописанный в Хартии, выглядит следующим образом: "Олимпизм представляет собой философию жизни, возвышающую и объединяющую в сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума. Олимпизм, соединяющий спорт с культурой и образованием, стремится к созданию образа жизни, основывающегося на радости от усилия, воспитательной ценности хорошего примера, социальной ответственности и уважении к всеобщим основным этическим принципам". Основные этические принципы спорта находят своё выражение в идее Фэйр Плэй (честной игры), которая упоминается в четвёртом основополагающем принципе олимпизма как необходимая составляющая "олимпийского духа": "Занятия спортом – одно из прав человека. Каждый должен иметь возможность заниматься спортом, не подвергаясь никакой дискриминации, в духе Олимпизма, что подразумевает взаимопонимание в духе дружбы, солидарности и честной игры". Мы попробуем показать, что идея Фэйр Плэй выступает человекосозидающим ядром олимпизма, а сами поступки в духе Фэйр Плэй можно рассматривать как личностный акт реализации человеческого.

Подчеркнём, что события, подобные Фэйр Плэй, не сводятся к знанию каких-либо норм и правил. Это требует пояснения. Действительно, реальные случаи Фэйр Плэй не следуют из официально заданных норм, хотя зачастую акт Фэйр Плэй понимается как простое соблюдение правил спортивного состязания. Однако за каждым "простым соблюдением правил" стоят реальные личностные поступки, которые чем-то обусловлены. Поэтому такое понимание Фэйр Плэй представляется не только сильно упрощённым, но и искажающим изначальный смысл Фэйр Плэй. В справедливости вышесказанного можно легко убедиться, если обратиться к анализу конкретных примеров поведения в духе Фэйр Плэй, когда спортсмен ради сохранения пространства честного соревнования готов пожертвовать своим спортивным результатом (а значит и возможным денежным вознаграждением, общественным признанием и т. п.). В большинстве подобных случаев нарушение правил могло бы остаться незамеченным, однако что-то заставляет атлета признаться, что он (или она) сыграл нечестно. Это заставляющее признаться "что-то" лежит за пределами собственно правил того или иного вида спорта. Соблюдение правил (порой даже ценой собственной победы) не следует из знания правил.

Можно, конечно, утверждать, что идея Фэйр Плэй существует скорее в неинституциональном виде (несмотря на наличие Спортивного кодекса Фэйр Плэй в случае нарушения прописанных в нём норм спортсмен в большинстве случаев не может быть подвергнут каким-либо официальным санкциям). Однако признавая неофициальный характер принципов Фэйр Плэй, мы утверждаем, что реальное событие Фэйр Плэй не следует с необходимостью и из них. Ведь знание Спортивного кодекса Фэйр Плэй или знание о том, что такие поступки случаются, и сам поступок в духе Фэйр Плэй – это принципиально разные вещи. Поступок не следует из знания о том, что такой поступок возможен. События, подобные акту Фэйр Плэй, вообще невозможно описать нормативно (не имеет значения, идёт ли речь об институциональных или же неинституциональных нормах). В любой нормативной системе могут быть лазейки, допускающие неоднозначность и двойные стандарты. Поиск таких лазеек мы зачастую видим сейчас, когда далеко не все готовы соблюдать принципы честной игры. Почему же при прочих равных условиях один старается найти всевозможные лазейки и отговорки, в то время как другой ищет возможность оставаться в пространстве Фэйр Плэй? Только лишь наличие принципов Фэйр Плэй в культуре этого не объясняет.

Отметим дополнительно, что попытки говорить в нормативном дискурсе об этике вообще и о спортивной этике в частности неизбежно приводят к проблеме, подобной

проблеме морального релятивизма. Такой релятивизм мы наблюдаем, когда, например, нравственная оценка поступка ставится в зависимость от того или иного контекста. В частности, именно такой подход демонстрирует Х. Аптон, рассматривая ситуацию оправданности обмана ради сохранения этики самой игры, в противовес оправданию обмана ради достижения "высших" целей [13, 164-165]. На наш взгляд, сохранение этики игры может быть лишь одним из примеров таких "высших" целей, и существенной разницы здесь нет. В целом же некорректно характеризовать поступок как нравственный или безнравственный, связывая его с какими-либо внешними целями. Единственной целью здесь может быть стремление человека остаться в пространстве самой нравственности ради сохранения в себе человеческого. Аптон оправдывает обман в спортивной игре, если без него игра разрушится. Однако гораздо важнее, что обман при этом может разрушать человеческое.

Таким образом, можно утверждать, что поступок в духе Фэйр Плэй может считаться нравственным, если спортсмен понимает, что поступает так не ради соблюдения правил. Он просто не может здесь и сейчас так не поступить, т. к. выход за пределы Фэйр Плэй в данный момент равносилен для него лишению самого себя возможности быть. В этом смысле идея Фэйр Плэй (идея здесь понимается не как что-то исключительно теоретическое) и, шире, олимпизма (немыслимого без Фэйр Плэй) в самом деле может быть тем культурным механизмом, который М.К. Мамардашвили характеризует как opera operans (производящее произведение).

Современный спорт: опасность разрушения человеческого. Действительно ли принципы олимпизма реализуются в современном спорте? К сожалению, дать однозначно утвердительный ответ на этот вопрос нельзя. Картину, которая сложилась в спорте сегодня, достаточно точно охарактеризовал А.Г. Егоров в своём выступлении на "круглом столе": "Современный спорт возможен как непрерывное обновление спортивного результата и спортивного зрелища…" [14]. Вероятно, описанное Егоровым положение дел неизбежно – без обновления "спортивного результата и спортивного зрелища" спорта просто не будет. Но, с другой стороны, оно заключает в себе определённую опасность, которая выражает тенденции общества массового потребления и фактически может привести к антропологической катастрофе, если под такой катастрофой понимать ситуацию, когда личностные акты, благодаря которым человек воссоздаёт самого себя в качестве человека, становятся невозможными. Именно это и может произойти, если наличная культура не только не поддерживает человека в его стремлении быть человеком, а скорее наоборот, блокирует это стремление.

Вернёмся к приведённой выше мысли Егорова и рассмотрим две её составляющие. Он пишет, во-первых, что спорт предполагает постоянное обновление спортивного результата. С одной стороны, с этим трудно поспорить. Но, с другой стороны, это фактически означает непрекращающееся движение к предельным границам человеческих возможностей с опасностью перехода этих границ, трансгрессии в нечеловекоразмерный мир (по терминологии В. Б. Барабановой [1]). В итоге создаётся парадоксальная ситуация, когда спорт может стать фактором разрушения человека на физиологическом, психологическом и других уровнях. Но это обстоятельство зачастую игнорируется, когда результат спортсмена ставится во главу угла, становится своего рода фетишем. Если же учесть, что в современном спорте результат, вопреки идеям П. де Кубертена, чаще всего приравнивается к победе над соперником, то здесь действительно происходит подмена человекосозидающих оснований спорта (воплощённых, например, в идее олимпизма) другими, и человеческое в человеке теряется – человек становится подобен машине, механизму, действующему по заложенной в него программе.

В связи с указанной ситуацией показательны дискуссии в западной науке относительно возможности использования генных технологий в спорте (так называемый генный допинг). К счастью, большинство авторов как минимум относятся к этой идее с осторожностью (см., например [15; 16; 17]). Но есть и другие, более смелые, суждения: "В какой-то момент благодаря развитию технологий или общественному признанию попытки генетической модификации спортсменов окажутся неизбежными. Обнаружение генетической модификации и соответствующие санкции могут быть невозможными при нынешнем режиме регулирования, и возможно даже потребуется организация параллельных соревнований для спортсменов с улучшенными биологическими возможностями. Однако из-за своей жесткой запрещающей позиции в отношении генетического усовершенствования спортивные и антидопинговые группы могут загнать себя в

угол. Занимая эту позицию, они, возможно, упускают шанс улучшить здоровье и качество выступления спортсменов, а также оставляют открытой лазейку для опасного, незаконного и необнаруживаемого использования технологии переноса генов спортсменами, стремящимися к конкурентному преимуществу. Однако выбрав более нейтральную позицию в отношении переноса генов, сосредоточив внимание на безопасности спортсменов и воздерживаясь от преждевременных суждений о моральной допустимости этих технологий, международные спортивные организации могут сохранить гибкость, чтобы адаптироваться к возможностям спорта в эпоху генетического совершенствования" [18, 100].

В приведённой цитате упоминается возможность использования генного допинга в том числе для улучшения здоровья спортсменов. Однако опасность, на наш взгляд, заключается в том, что вовсе не улучшение здоровья является основной целью применения таких технологий. В настоящее время препараты, стимулирующие генетическую активность, достаточно активно продаются в Интернет-магазинах (чтобы в этом убедиться, достаточно набрать в строке поиска какой-либо поисковой системы фразу "генный допинг") и при этом преподносятся как средство, позволяющее повысить силу и выносливость без (или почти без) тренировок. Совершенствование как одна из ценностей олимпизма связывается с радостью от усилия, однако никакого усилия в случае применения генного допинга нет. Если атлет соревнуется прежде всего с самим собой, что даст ему победа над собой, полученная в результате собственной генетической модификации? Вероятно, ничего. Но современный спорт скорее ориентирует на победу над соперником (создаётся ситуация, когда без победы спортсмен – никто), и зачастую спортсмен готов добиваться победы любой ценой.

Второй момент в высказывании А.Г. Егорова отсылает нас к пониманию спорта как зрелища. Действительно, развлекательный характер массовой культуры превращает спорт в шоу, и общество требует всё новых рекордов, всё новых спортивных зрелищ. Зрелище тоже становится предметом потребления и, соответственно, товаром, который можно продать. Коммерциализация всё глубже проникает в спорт, и в итоге вместо спортсмена-человека появляется спортсмен-товар: "Неожиданным и удивительным результатом стало то, что дегуманизация спортсменов и образ кибернетических чемпионов перестали задевать широкую общественность при условии, что они ухитряются развлекать… Эти "спортивные фантомы" уже не могут воплощать ту героическую натуру, которая была у спортсменов до последних десятилетий. Миф о спортсмене-герое неизбежно открыл дорогу коммерческому продукту, который теперь подчиняется законам рынка превращённого в товар спорта" [3, 399]. Такова обратная сторона коммерциализации спорта как следствие прямого влияния массовой культуры – с одной стороны, победа любой ценой (вплоть до генетической модификации), с другой стороны, постоянное зрелище и развлечение (тоже любой ценой). В лучшем случае спортсмен в такой ситуации становится актёром, а спорт как таковой исчезает. В худшем же случае за этим всем вообще не остаётся живого человека.

Таким образом, ценности, на которые действительно опирается современный спорт, отличаются от тех ценностей, которые провозглашаются ориентиром. Но это не проблема собственно спорта, это проблема общества в целом. Мы говорили ранее, что из набора норм и правил (даже самого полного и продуманного) не следует ни один личностный поступок (например, поступок в духе Фэйр Плэй). Однако такой поступок ещё более труден в ситуации, когда существующие в обществе нормы (официальные или неофициальные) не находят опоры в ценностях, которые на самом деле несёт социум. Вот почему сохранение ценностей олимпизма, выполняющего роль производящего произведения культуры, сегодня не только желательно, но и необходимо. Олимпизм как opera operans позволяет создать в спорте то пространство, в котором остаётся место для реализации человеческого, в то время как остальная культура зачастую такого места не оставляет.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что современный спорт – явление амбивалентное относительно возможности реализации функции человекотворчества. С одной стороны, со спортом сегодня по-прежнему связывается человекосозидающая идея олимпизма, проявляющая себя, в частности, в таком явлении как Фэйр Плэй. С другой стороны, в реальности зачастую мы можем наблюдать отступление от принципов олимпизма, которые порой декларируются, но не имеют реального влияния. В этом случае спорт, как и массовая культура в целом, может стать по сути антигуманистическим. Этот антигуманизм заключается в экра-

нировании действия производящих произведений культуры (наподобие идеи Фэйр Плэй), в результате чего человек, формально оставаясь человеком, человеческое утрачивает.

Литература:

1. Барабанова В.Б. Спорт: проблема человекоразмерности: дис. …д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 2009. – 278 с.
2. Столяров В.И. Воспитание олимпийской культуры личности в системе физического воспитания молодежи и студенческого спорта // Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов: Саратовский источник, 2021. – С. 130-136.
3. Massarelli R., Terret T. The Paradise Lost? Mythological Aspects of Modern Sport // Sport, Ethics and Philosophy. 2011. Vol. 5, № 4. P. – 396-413.
4. Simon R.L. Фэйр Плэй: The Ethics of Sport. New York: Routledge, 2015. – 274 p.
5. Фэйр Плэй in Sport: A Moral Norm System. London: Routledge, 2001. 192 p.
6. Столяров В.И. Социокультурные и педагогические аспекты реакции общества на дегуманизацию современного спорта // Социальные трансформации. – 2021. – № 32. – С. 249-258.
7. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Аграф, 1998. – 320 с.
8. Фейгенберг И.М. Человек Достроенный и биосфера // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 151-161.
9. Dawkins R. The Extended Phenotype. The Long Reach of the Gene. Oxford: Oxford University Press, 1999. viii, – 313 p.
10. Бондаренко И.А. Жизнь сознания: конституирование новой онтологии сознания в культуре XX века. – Омск: ОмГУ, 2002. – 320 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
12. Олимпийская хартия. Лозанна, 2021. URL: https://www.noc.by/olympic-movement/charter/ (дата обращения: 04.01.2023).
13. Upton H. Can there be a Moral Duty to Cheat in Sport? // Sport, Ethics and Philosophy. 2011. Vol. 5, № 2. – P. 161-174.
14. Спорт и цивилизация: материалы "круглого стола" в Олимпийском музее Смоленска // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 5. – С. 58-63. URL: http://lib.sportedu.ru/press/tpfk/2004N5/p59-63.htm (дата обращения: 04.01.2023).
15. Cieszczyk P., Maciejewska A., Sawczuk M. New Threats of Genetic Research in Sport // Journal of Human Sport and Exercise. 2010. Vol. 5, № 3. – P. 322-327.
16. Van Hilvoorde I., Vos R., de Wert, G. Flopping, Klapping and Gene Doping: Dichotomies between "Natural" and "Artificial" in Elite Sport // Social Studies of Science. 2007. Vol. 37, № 2. P. – 173-200.
17. Cantelmo R.A., da Silva A.P., Mendes-Junior C.T., Dorta D.J. Gene doping: Present and future // European Journal of Sport Science. 2020. Vol. 20, № 8. P. – 1093-1101.
18. Fore J. Moving Beyond "Gene Doping": Preparing for Genetic Modification in Sport // Virginia Journal of Law & Technology. 2010. Vol. 15, № 76. P. – 75-100.

WHO OR WHAT CAN BE THE BEARER OF MORAL PROPERTIES? PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Larin Andrey Sergeevich, *Postgraduate Student, Department of Social Philosophy and Ethnology, North-Caucasian Federal University, Stavropol*

In this article, the author considers the main possible candidates for the status of bearers of moral properties: particular acts of moral agents, moral codes and personality characteristics, through the study of theories of act utilitarianism, virtue ethics and rule utilitarianism. As a result, based on the analysis, the author derives the possible consequences of the adoption of each of these points of view, and also highlights the advantages and disadvantages of each of the approaches.

Keywords: *moral properties; moral actions; moral codes; virtues and vices; ethics; morality; foundations of ethics; metaethics; carriers of moral properties.*

EDN: LKUAJL **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.30**

КТО ИЛИ ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ НОСИТЕЛЕМ МОРАЛЬНЫХ СВОЙСТВ? ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 17.031
ВАК РФ 5.7.2

© Ларин А.С., 2023

В данной статье автор рассматривает основные возможные кандидатуры на статус носителей моральных свойств: партикулярные акты моральных агентов, моральные кодексы и характеристики личности, через исследование теорий утилитаризма актов, этики добродетели и утилитаризма правил. В результате, на основании проведённого анализа, автор выводит возможные следствия принятия каждой из данных точек зрения, а также выделяет преимущества и недостатки каждого из подходов.

Ключевые слова: *моральные свойства; моральные действия; моральные кодексы; добродетели и пороки; этика; мораль; основания этики; метаэтика; носители моральных свойств.*

ЛАРИН Андрей Сергеевич,
аспирант, кафедра Социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Введение

Моральная философия богата множеством моральных терминов, которые описывают различные и зачастую конфликтующие друг с другом объекты. В наших моральных высказываниях мы часто говорим не только о том, что ценно, и о том, что не достойно быть ценным (например, ценно ли удовольствие, знание или здоровье?), но также и о моральном статусе конкретных действий (например, является ли акт патриотизма или благотворительности правильными?). Подобные разграничения между ценностями и действиями также переносятся на наш моральный язык. Так, ценные вещи люди оценивают в контексте их "хорошести" или "плохости", а морально значимые действия в контексте их правильности и неправильности, более того множество данных ответов как полагают моральные философы носят объективный и универсальный характер и не зависят от желаний, мнений или установок агентов [1].

В данном контексте можно заметить, что практика обыденного морального языка достаточно разнообразна. Однако здесь стоит задаться несколькими значимыми вопросами, которые редко исследуются в литературе, посвященной основаниям морали, а конкретно: (1) какие X могут быть носителями моральных свойств? (2) какие логические следствия мы можем получить, отвечая на вопрос (1)?

Прояснением этих двух вопросов, имеющих отношение к основаниям морали, мы и займёмся в данной статье. Для начала будут введены некоторые базовые понятия, необходимые для понимания природы моральных свойств и того, что значит быть носителем морального свойства. Затем нами будут рассмотрены наиболее популярные для моральных дискуссий кандидаты на статус носителя моральных свойств, после чего мы выделим преимущества и недостатки каждого из предложенных ответов на поставленный вопрос.

Проясним некоторые базовые понятия, которые будут использоваться в рамках данной статьи: (1) моральное свойство – это качество или характеристика некоторого P, которое делает P этически значимым; (2) носитель морального свойства – это такой X, который реализует некоторое моральное свойство P.

Так, например пропозиция $\exists x(P)$, где x – *кража*, а P – *аморальна*, будет означать, что (1) переменная X – это носитель морального свойства, а (2) предикат P – это моральное свойство.

Примерами этически значимых качеств могут быть следующие: X – *хороший; не должно делать* X; X *правильно*; X *добродетельно*; X *недопустимо*; X *порочный* и так далее.

Исторические основания проблемы. В истории нормативной этики не уделялось достаточного внимания различию между носителями моральных свойств: действиями, чертами характера, правилами поведения и пр., что нередко порождало споры между моральными системами.

Так, Иеремия Бентам, в своей центральной этической работе "Введение в основания нравственности и законодательства", анализирует моральные свойства только лишь относительно партикулярных (определённых) действий конкретных агентов: "под принципом полезности понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно как нам кажется стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело" [6, 1].

Утилитаризм Иеремии Бентама в современной нормативной этике был обозначен утилитаризмом актов (Act utilitarianism), так как данная этика делает акцент на анализ моральной значимости только лишь действий [7, 19].

Подобный подход, который, на первый взгляд, анализирует только действия, мы также можем обнаружить в центральной этической работе Иммануила Канта "Основоположение к метафизике нравов". В ней он утверждает, что моральная правильность конкретного акта зависит от того, насколько данный акт исходил из доброй воли, руководствовавшейся категорическим императивом: "существует только один категорический императив, а именно: поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом" [5, 10].

В рамках кантианской этики мы также можем наблюдать акцент на анализ действий, которые основаны на доброй воле и согласованы с категорическим императивом. Однако, в рамках системы Канта, не менее значимую роль играют и универсальные правила, в отличии от подхода Бентама.

Совершенно альтернативный взгляд можно обнаружить в этических системах, которые делают акцент не на анализ партикулярных действий, а на анализ свойств личности (черт характера и приобретенных поведенческих установок). Данные подходы обычно называются этиками добродетелей. Именно психические склонности к действиям делают в рамках

данных систем личность порочной либо добродетельной [4, 102].

Так, например, Аристотель в работе "Никомахова этика" определяет добродетель следующим образом: "между тем человеческой добродетелью мы называем добродетель не тела, но души, и счастьем мы называем тоже деятельность души" и "добродетель человека – это, пожалуй, такой склад души, при котором происходит становление добродетельного человека и при котором он хорошо выполняет свое дело" [2, 169].

Душа человека в аристотелевской психологии может быть понята как форма его тела, которая является его неотчуждаемым субстанциальным свойством. Таким образом, описывая черты характера человека (определяя его как трусливого, развратного, глупого или, например, несправедливого), мы можем, в соответствии с этическими системами добродетелей, делать акцент на анализ моральных свойств самой личности, а не на его партикулярные действия в тех или иных ситуациях.

Так, судья, который обладает особой чертой характера – "справедливость", может, по тем или иным внешним причинам, вынести несправедливый приговор. При этом, хотя мы и будем рассматривать данное действие как морально неправильное, заданная черта характера самого судьи останется неизменной. Он все еще будет справедливым. Связано это с тем, что добродетель – это закрепленная и устойчивая черта характера, склоняющая агента к определенному типу поведения в различных ситуациях.

Одно неверное действие не лишает нас наших черт характера, так как даже самый прекрасный и талантливый водитель может допустить ошибку в процессе вождения. Исключением из этого являются принципиально порочные акты, совершение которых сильно изменяет наш характер к худшему: убийство, изнасилование или грабёж либо же те действия, которые могут быть совершены лишь той личностью, которая уже обладает множеством пороков.

Третий подход, который контрастирует и с анализом черт характера (например, добродетелей), и с анализом партикулярных действий (например, тех, которые максимизируют общее счастье), заключается в том, что нормативный анализ направляется на кодексы поведения. Кодекс, мы полагаем, можно определить следующим образом: кодекс – это система общих правил, имеющих цель регуляции поведения моральных агентов.

Таким образом, третий, обозначенный нами подход делает акцент на анализ моральных свойств общих правил поведения. Примеры императивов данного подхода: вы не должны наносить вред без достаточных оснований; никто при прочих равных не должен лгать; если некто желает быть процветающим, то он должен развивать свои таланты и т.д.

Данный подход в истории моральной философии мы можем обнаружить у Джона Стюарта Милля в его работе "Утилитаризм", где он постулирует несколько значимых для нашего анализа положений: "как я понимаю, иметь право означает для меня иметь нечто, в отношении чего общество обязано предоставить мне соответствующие гарантии обладания. На каком, собственно, основании оно обязано, могут меня спросить? И я не смогу дать никакого другого объяснения, кроме того, что в этой обязанности проявляется действие всеобщего принципа пользы" и "что же касается способности отказываться от соблазнов, которых люди избегают по моральным соображениям, несмотря на возможность получения выгоды в отдельных случаях, – было бы недостойно цивилизованного человека не сознавать с полной ответственностью, что подобные вещи, получая широкое распространение, вызывают повсеместно вредные последствия, – и именно на этом основана моральная обязанность воздерживаться от них" [8, 97].

Проясняя данный фрагмент, можно отметить, что в миллевском подходе агенты могут придерживаться общих правил, если нет веских причин для их нарушения. Подобные системы анализируют моральные свойства правил поведения. Если рассматривать именно ту версию, которую мы привели в качестве примера, то она в современной этике именуется утилитаризмом правил (Rule utilitarianism). Значимым для моральной оценки здесь выступают не акты или характеристики личностей, а именно правила поведения, которые нельзя редуцировать ни к первому, ни ко второму типу подходов, анализирующих носителей моральных свойств.

Концептуальные основы разделения носителей моральных свойств. Проведя небольшой исторический анализ, теперь рассмотрим то, каким образом можно философски проанализировать данные три типа подходов в контексте понимания природы отношений между моральным свойством и его носителем.

Зафиксируем данную классификацию в более формальном виде так:

∃x(P), где X – носитель морального свойства, а P – моральное свойство.

1. *Моральный анализ актов*: X – партикулярное действие морального агента.

2. *Моральный анализ черт характера*: X – свойство характера морального агента.

3. *Анализ общих правил поведения*: X – общее правило, регулирующее поведение моральных агентов.

Таким образом мы получаем классификацию трёх концептуально независимых друг от друга подходов, объясняющих отношения между носителем морального свойства и самим моральным свойством.

Преимущества и недостатки

В первом подходе мы можем подвергнуть моральному анализу конкретное действие, например кражу или ложь. Данный подход имеет значимое преимущество перед вторым, так как он может анализировать моральный статус действий нечеловеческих агентов – искусственного интеллекта или алгоритмов автопилота. Так, если намеренная (не по ошибке или незнанию) дача ложных сведений лицу является морально недопустимым действием из-за того, что его невозможно универсализировать или же данный акт максимизирует вред, а не пользу. В этом случае нам не важно, кто именно является источником действия. Им может быть любой X, которого можно считать моральным агентом (например ИИ, разумный инопланетянин, разумное нечеловеческое животное и т. д.).

Конечно, для теории добродетели можно избавиться от обозначенного недостатка, расширив понятие характера и распространив его в том числе на искусственные системы и нечеловеческих существ. Однако это создаст множество трудностей. Анализ черт характера человека – не самая простая вещь, что следует даже из свидетельств психологов и нейроучёных, а анализ характеров описанных выше сущностей на данным момент является лишь спекулятивным, не имея хороших обоснований и подтверждений.

Сама возможность рассматривать моральные свойства актов отчуждённо от самих акторов имеет значимое преимущество, так как при успешном анализе морального свойства мы можем универсализировать далее предложенное высказывание в отношении всех возможных моральных агентов, которое в формальном виде выглядит следующим образом: *для всех X, что совершают P, истинно, что M*, где M – моральное свойство, P – действие, а X – моральный агент (например: для всех моральных агентов, которые совершают кражу, верно, что такое действие является аморальным).

Однако у этого подхода имеется и ряд проблем. Так, например делая акцент только лишь на анализ действий, мы можем иногда получать абсурдные для нашей моральной интуиции следствия. К примеру, утилитаризм актов, о котором мы говорили выше, в следующем мысленном эксперименте даёт следствия, которые мало кто готов принять в здравом уме.

Представьте, что вы врач-хирург, которому только что привезли пять пациентов, каждому из которых для выживания не хватает по одному разному органу. Вы замечаете, что к вам пришёл ваш старый пациент, который имеет здоровые органы.

Перед вами стоит моральная дилемма: стоит ли вытащить органы из данного здорового человека, без его согласия (совершив, тем самым, убийство), ради спасения жизни пяти человек?

С точки зрения утилитаризма актов, данное действие будет считаться морально правильным решением, так как, спасая пятерых, вы принесете больше пользы (счастья), чем если откажетесь совершать данное деяние, в результате чего они погибнут.

Однако данное следствие интуитивно нам кажется если не просто неприемлемым, то просто-напросто чудовищным с моральной точки зрения. На месте невиновного здорового человека может оказаться любой из нас или значимых для нас людей. В данном случае мы полагаем, что в нашем обществе, если мы хотим, чтобы оно было справедливым, должны быть запреты на подобные убийства, а также обеспечены неотъемлемые права на жизнь каждого участника данного сообщества. Именно это бы не позволило оправдать действия врача в описанном примере.

К счастью, подобную проблему с легкостью нивелирует утилитаризм правил, который полагает, что необходимо оценивать моральный статус не отдельных действий, а общих правил поведения. В нашем случае, мы могли бы оправдать данное действие только если бы оно соответствовало общему правилу, максимизирующему полезность, но это не так.

Если в данном примере мы введем правило "при прочих равных допустить смерть человека (людей) лучше, чем убить человека" или "умерщвление человека без достаточных на то оснований – недопустимо", то следствием будет то, что врач, в случае совершения акта "спасения" пяти человек, все равно поступит аморально. Данное действие будет

противоречить одному из моральных правил, описанных выше.

Модель, в которой носителями моральных свойств являются именно общие правила, а не конкретные действия, позволяет решать подобные проблемы, так как утилитарная максима будет распространяться не непосредственно на действия, а на общие правила поведения.

Вторым значимым преимуществом данного подхода является то, что он облегчает моральную практику для моральных агентов. Так, например, если вы должны проверять каждое свое действие на то, будет ли он правильным или неправильным с точки зрения максимы полезности, это затруднит принятие практически любого (даже самого простого) морального решения. Более того, в моральной практике агентам часто необходимо совершать морально значимые действия здесь и сейчас, не оставляя времени на абстрактные размышления о том, насколько то или иное действие в последствии окажется благим. Следовательно, полагаться на сформированные правила будет явным плюсом на практике, ведь это повысит полезность действий моральных агентов.

Если моральный агент руководствуется общими правилами, которые максимизируют полезность, то его модель принятия решений будет более эффективна в силу того, что те самые значимые просчёты и аналитику полезности проведет архитектор общих правил, а не сам агент.

Отличной иллюстрацией данного подхода будет взгляд Питера Рэйлтона, о котором А.Ф. Васильев пишет следующее: "Питер Рэйлтон сначала определяет неморальное индивидуальное благо как предмет рациональных желаний индивида (тех желаний, которые бы пожелал для него его рациональный двойник), а затем определяет моральное правильное как то, что максимизирует эти индивидуальные блага – здоровье, счастье и т. п. – с некой социальной точки зрения, когда интересы всех затронутых лиц учтены в равной степени", учет с социальной точки зрения, как я полагаю и будет представлять собой общее правило, которое учитывает интересы всех участников по вопросам достижения благ [3, 5].

Возвращаясь к подходу, в котором носителем моральных свойств обозначает черты характера, можно выделить то, что, принимая его мы с большей точностью можем предсказывать поведение конкретных людей и проводить иногда значимое разграничение между аморальным действием, которое было совершено добродетельной личностью и правильным действием, совершенным порочным человеком.

В судебной практике различных стран данный подход часто играет значимую роль, так как не каждый совершивший аморальное деяние является злодеем или идеальным преступником. Иногда подобные действия совершаются метафорически по "осечке характера", так как даже самая добродетельная личность иногда делает осечку, так же как и хороший автомобиль иногда ломается.

Разделив моральный характер и моральное действие, мы сможем принять более точное моральное решение в той или иной ситуации и с большим успехом сможем предсказать поведение того или иного человека в будущем.

При этом значимым недостатком этого подхода является то, что он может оценивать моральные свойства только у существ, которые имеют психику. Если мы примем во внимание множественные судебные разбирательства, в которых идут споры о моральных действиях искусственного интеллекта, автоматических алгоритмов или корпораций, то мы сразу же обнаружим, что данный подход просто-напросто не позволит приписать моральные свойства таким объектам: они не обладают чертами характера в силу того, что не имеют психики. Это, как мы полагаем, является значимым недостатком в объяснении немалого числа морально значимых случаев.

Заключение

Таким образом, в данной статье были рассмотрены исторические основания дискуссии, связанной с природой кандидатов, которые могут быть носителями моральных свойств, перечислены основные кандидаты, а конкретно: действия, общие правила и черты характера, а также дан философский анализ каждого подхода с точки зрения успешности объяснения и предсказания моральной практики агентов в различных морально значимых ситуациях.

Литература:

1. Прокофьев Андрей Вячеславович Объективность и универсальность морали: проблема соотношения // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2019. – №47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnost-i-universalnost-morali-problema-sootnosheniya (дата обращения: 01.02.2023).

2. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч.: в 4 т. Том 4. – М.: Мысль, 1984.

3. Васильев Андрей Флорович Метаэтика: обзор проблематики // Философский журнал. – 2018. – №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:/

/cyberleninka.ru/article/n/metaetika-obzor-problematiki (дата обращения: 01.02.2023).
4. История этических учений / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Гардарики, 2003.
5. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения в 4 т. – Т. 4. – М.: Московский философский фонд, 1997.
6. Bentham J. (2000) An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, printed in 1781 and published in 1789. Kitchener: Batoche Books.
7. Lyons D. Forms and Limits of Utilitarianism // Oxford: Clarendon Press, 1965.
8. Mill J.S. (1871) Utilitarianism, fourth edition. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer.

THE PROBLEM OF ARBITRACY AS THE BASIS OF MORALITY ON THE EXAMPLE OF THE THEORY OF DIVINE COMMAND

Larin Andrey Sergeevich, *Postgraduate Student, Department of Social Philosophy and Ethnology, North-Caucasian Federal University, Stavropol*

The article reveals the problem of arbitrariness as a fundamental basis for ethical positions and moral facts. The author focuses on the analysis of the theory of Divine commands and on how arbitrariness intersects with moral authority. The article reveals the problems associated with the acceptance of arbitrariness as the basis of morality. As a result, an argument is made against the assumption of a successful analysis of the good solely in terms of arbitrariness.

Keywords: *problem of arbitrariness; good will; the theory of divine commands; ethics; morality; foundations of ethics; metaethics.*

EDN: LUZNVS **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.31**

УДК 17.031
ВАК РФ 5.7.2

© Ларин А.С., 2023

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОЛА КАК ОСНОВАНИЯ МОРАЛИ НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ БОЖЕСТВЕННЫХ КОМАНД

В статье раскрывается проблема произвола как фундаментального основания этических положений и моральных фактов. Автор делает акцент на анализе теории Божественных команд и на том, каким образом произвол пересекается с моральным авторитетом. В статье раскрываются проблемы, связанные с принятием произвола как основания морали. В результате приводится аргумент против предположения об успешном анализе блага исключительно в категориях произвола.

Ключевые слова: *проблема произвола; благая воля; теория божественных команд; этика; мораль; основания этики; метаэтика.*

ЛАРИН Андрей Сергеевич,
аспирант, кафедра Социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Проблема произвола в этике. "Этика" и "мораль" являются концепциями, которые стоит различать в рамках философского исследования. Если под моралью понимают реально сложившееся правила и нормы, регулирующие поведение агентов в обществе, то под этикой стоит понимать теорию морали, то есть взаимосвязанную сеть пропозиций, цель которых наилучшим образом объяснить природу морали [3, 19].

Из-за смешивания данных концептов часто возникает множество проблем, одной из них является проблема произвола. Связано это с тем, что реализация морали в рамках общества, часто подкрепляется силой, реализующей произволение некоторого агента, из-за чего может возникнуть первичное впечатление о том, что мораль, собственно, и определяется произволом. Именно поэтому в рамках данной статьи мы намереваемся поставить вопрос о том, может ли произвол быть успешным объяснением природы морали?

Проблема произвола как фундаментального основания морали освещалась в истории философии неоднократно. Так, например, впервые данную проблему в западной традиции поднимает Платон в своём знаменитом диалоге "Евтифрон", где участники диалога, Сократ и Евтифрон, пытаются найти достаточное определение для понимания того, что подразумевается под термином "благочестие".

В рамках самого диалога прекрасно ставится проблема произвола, однако окончательного ответа у участников диалога достичь не получается. Саму задачу Платон, от лица Сократа, формулирует следующим образом: "Выбирают ли боги добро, потому что оно благое, либо же добро – благое, потому что выбрано богами?" [4, 5].

Данная проблема в контексте диалога "Евтифрон" поставлена в рамки дискурса философии религии, однако мы полагаем, что здесь можно обнаружить и более серьёзную и глубокую дилемму, которая возникает в связи с анализом вопросов о фундаментальной природе морали.

Более строго выразить последнюю можно следующим образом: *благо либо зависит от произволения некоторого* X, *либо же соответствует некоторому непроизвольному критерию* P.

Именно в этом смысле в данной статье будет рассматриваться проблема произвола как основания морали. Вопрос, которым мы зададимся, можно поставить следующим образом: может ли произволение агента (или группы агентов) быть основанием морали?

Природа произвола. Для начала постараемся лучше понять природу произвола и того, как последняя может фундировать моральные свойства и быть создателем истинности (a truthmaker) для этических пропозиций. Произвол, для целей статьи, можно определить как разновидность исходящего от определенного агента волевого акта, содержанием которого является некоторое нормативное требование X.

Примерами, иллюстрирующими произвол, который является источником моральных обязательств, могут послужить следующие:

1. Божественные команды, среди которых: "не лги", "не кради", "почитай старших", "люби ближних" и т.д.

2. Неправовые требования государства. Например, "не создавайте дефицит товаров", "сообщайте о преступлениях, административных правонарушениях и чрезвычайных ситуациях".

3. Произволения конкретных агентов или группировок, такие как: призывы зоозащитников воздерживаться от покупки и производства животного меха, императивные требования родителей по отношению к детям и т.п.

Таким образом, о моральном произволе мы может говорить как требовании или императиве, обоснованном исключительно волей некоторых агентов [7].

Агентами, в наших случаях, могут выступать люди с их частными интересами; группировки людей, они же общественные объединения; культурные и субкультурные группы; иногда – государство. А если мы примем нон-натурализм, то можно включить Богов, Бога или иные сверхъестественные сущности.

На данный момент существует множество нормативных теорий, определяющих мораль, основывая её на произволе. Это, например, метаэтические концепции культурного релятивизма, агентного релятивизма и теории божественных команд [9].

Если рассматривать концепции политической философии, то наилучшими примерами будет концепция Никколо Макиавелли, изложенная им в работе "Государь", а также теория Карла Шмитта, описанная им в "Понятие политического", где последний описывает суверена как ту инстанцию, которая может не только отменять правовой порядок, но и создавать его из произвола [5, 4].

К. Долгов, в своей посвященной Макиавелли статье "Гуманизм, Возрождение и политическая философия Никколо Макиавелли", пишет следующее: "Ничем и никем не ограниченная, безраздельная и безусловная власть и воля государя, лежащая в основе построения нового государства и нового общества, диктует соответствующий отбор и подбор людей, способных проводить политику нового государя" [3, 41].

Следовательно, согласно данной концепции, неограниченный произвол государя не только есть основа государства, но и тот источник, который определяет форму и порядок самого государства, и в конечном счёте – мораль.

Как мы можем видеть, произвол как фундамент нормативности не является непопулярным или несоответствующим здравому смыслу основанием, как это может показаться на первый взгляд. Подобное мнение вызывает интерес как у философов, так и других специалистов и обычных людей.

Однако теперь стоит задаться вопросом о том, каким образом произвол в принципе может быть основанием морали. В чём заключается значимая связь между произволом и нормативностью?

Раскрыть данную проблему возможно в случае репрезентации нами взаимосвязи между моральными фактами и тем, как произвол фундирует их.

Фундирование (Grounding) – это разновидность метафизического отношения между дву-

мя типами свойств, где более базовые свойства являются основанием для не-базовых. Так, например, можно утверждать, что юридические факты основываются на социальных фактах, или же что химические свойства фундированы (основаны) в физических свойствах.

Таким образом, первым этапом обоснования будет выделение связи между конкретными моральными фактами и тем агентом, произвол которого будет основой для данных моральных положений. Для конкретики возьмём теорию божественных команд, которая является разновидностью метаэтической системы, которая определяет природу блага в качестве того, что повелевает или запрещает делать Бог.

Роль произвола в теории Божественных команд. Роберт Адамс, основной современный приверженец данной теории, полагает, что она может быть определена через установление отношений логической эквивалентности между двумя утверждениями:

1. Совершение X (для A) является морально неправильным.

2. Совершение X (для A) противоречит Божественным командам [6, 462].

Произвол Бога в данной теории является источником для закрепления морального статуса тех или иных положений: императив "вы должны лгать" прямо противоречит повелению Божества в виде запрета на ложь, из чего следует, что данный моральный факт является истинным, а его отрицание – ложным.

Данная теория даёт четкие критерии демаркации тех императивов, которые имеют моральный статус, от тех, которые данным статусом не обладают. Те действия, что соответствуют божественным командам являются правильными, а все, что прямо противоречит им являются неправильными.

Более того, преимуществом данной теории является то, что в рамках последней устанавливается единичный и совершенный нечеловеческий агент, повеления которого будут всегда превосходить повеления отдельных людей или даже их группировок [8].

Таким образом, Бог (понимаемый как самое совершенное существо) здесь является источником произвола, выступающим метафизическим фундаментом для всех моральных положений.

У данного подхода присутствуют достоинства, о которых я скажу лишь кратко: во-первых, данная теория гарантирует разрешение всех моральных разногласий, так как существует инстанция, которая является нечеловеческим арбитром. Это исключает любой человеческий фактор в виде предвзятости, корысти, заблуждений и т.д. Более того, Бог представляется авторитетной для моральных агентов (если они являются теистами) инстанцией, что позволяет обратиться к этой инстанции для установления истинности по моральным вопросам.

Во-вторых, Бог, в отличии от конкретных людей или объединённых групп, всё равно превосходит их в своём онтологическом статусе, так как является максимально совершенным. Если мораль для нас – это совокупность приказов и заповедей, исходящих от совершенных агентов, то Бог, так как он является самым совершенным существом, может быть и наилучшим кандидатом на данную роль.

Недостатком же является то, что нас как моральных агентов интересует не произвол Божества сам по себе. Мы как рациональные существа хотели бы знать резоны (достаточные основания) тех или иных заповедей.

Сами по себе, императивы семантически ничем не отличаются друг от друга. В этом плане их источник не делает их сами по себе какими-то резонными или авторитетными для регуляции нашего поведения. Так, императив "не совершай кражу", исходящий от государства, отдельного человека или же от Бога, остаётся тем же самым – его содержание не меняется в зависимости от источника.

Почему же тогда именно Бог в теории божественных команд является привилегированным источником для морального граундинга, если сам по себе императив никак не изменился в вышеописанных случаях? Наиболее убедительным ответом, на наш взгляд, является то, что Бог обладает определенным набором авторитетных свойств, которые делают его императивы морально значимыми. Именно эти свойства и являются основанием морали в данном вопросе.

Императив, запрещающий кражу или убийство, обладает моральной силой в первую очередь потому, что Бог обладает авторитетом. Данный термин содержит в себе множественные коннотации, так как авторитетом для нас могут обладать и другие люди – наша семья или эксперты в тех или иных областях, а также некоторые базовые положения, например то, что человек обладает внутренней ценностью.

Авторитет – сложный концепт, который в отношении Бога может быть редуцирован к его атрибутам, а конкретно к тому, что Бог всезнающий. Он не может допустить ошибку в силу незнания определенных фактов. К тому же, что

более важно, Бог обладает всеблагостью, из чего следует то, что он не будет совершать умышленное зло в отношении людей. Помимо всезнания и всеблагости, Бог также имеет всемогущество, что даёт ему возможность гарантировать неотвратимость моральной ответственности за определенные морально значимые действия.

В данном случае, концепт Божественного авторитета позволяет прояснить то, почему те или иные моральные требования и императивы обладают для нас мотивирующей силой. Последнее связано с тем, что основанием и мотивацией данных императивов являются особые свойства. Они связаны с наличием у агента информированности и благой воли, исключающих изначально злобные мотивы и могущество, которое может выступать гарантом наступления ответственности при соблюдении (или нарушении) тех или иных императивов [10].

Мы полагаем, что данный анализ является наилучшим объяснением данной проблемы, так как императив, взятый сам по себе как бы из воздуха, не имеет для агентов авторитетной силы. Для них важен не источник морального предписания, а свойства и мотивы того, кто производит данное моральное требование.

Это можно понять через анализ того, как функционирует обыденная мораль, в которой мы обычно прислушиваемся к агентам, обладающим хотя бы одним из вышеописанных свойств частично. Так, например, ваш друг может призывать вас заниматься философией, чтобы ваша жизнь улучшилась.

Даже если он, возможно, недостаточно властен над вами и не имеет большой доли информированности в данной сфере, он руководствуется благими намерениями. Именно это наделяет его императив авторитетной моральной силой.

Или, например, врач, который может не иметь над вами власть и может быть не имеет каких-то благих намерений по отношению к вам (например, он корыстен или равнодушен), всё еще может быть авторитетен, если его предписания в отношении вашего лечения будут основаны на информированности и знании.

Также, мы можем представить никудышного родителя, который мало информирован в делах воспитания и не имеет благой воли в отношении своего ребёнка, но обладает, могуществом над ним, что делает его императивы вполне авторитетными в глазах ребёнка.

В Кантовском духе можно было бы возразить данным примерам тем, что на самом деле только один атрибут играет значимую роль в вопросах морального авторитета – это благие намерения (благая воля). Кант аргументирует это тем, что всевластная тираническая полития держится не на авторитете, а на страхе, а имеющий экспертную информированность инженер не будет заслуживать доверия, если его цели изначально направлены на создание зла в мире.

И, действительно, если верить Канту, невозможно не согласиться с изречением: "рассудок, остроумие и способность суждения и как бы иначе ни назывались дарования духа, или мужество, решительность, целеустремленность как свойства темперамента в некоторых отношениях, без сомнения, хороши и желательны; но они могут стать также в высшей степени дурными и вредными, если не добра воля" [1, 161].

Примем это во внимание и допустим, что благая воля и есть значимый источник авторитета. Однако при принятии данного ответа может возникнуть порочный круг. Можно полагать, что благие императивы это такие, источником которых является благая воля, а благая воля – это то, что подчиняется благим императивам; такой ответ очевидно не годится, а значит, благую волю необходимо как-то определить в альтернативных терминах, чтобы установить чёткую демаркацию благой воли от злой.

Вывод: произвол не может быть основанием морали. Таким образом, из вышесказанного можно сделать первичный вывод о том, что произвол сам по себе не может гарантировать моральную авторитетность тех или иных нормативных требований. Для того, чтобы моральные императивы имели какую-либо моральную и мотивирующую силу для агентов, необходимо будет ввести признак "благой воли". Следовательно, морально авторитетное произволение будет возникать тогда и только тогда, когда объектом такого произвола будет являться благо. Это первое следствие, которое может быть установлено в анализе проблемы произвола как основания морали.

Второй вывод, заключатся в ответе на поставленный в начале статьи вопрос: благо зависит от произвола X? или же соответствует непроизвольному критерию P?

Наш анализ показывает, что определять благо просто в критериях произвола не является убедительным, так как сам по себе произвол мало что общего имеет с моральным авторитетом. Для любого произволения осмысленно

задать вопрос, связанный с его основаниями. Наша моральная мотивация, хотя часто и зависит от нон-когнитивных факторов (от эмоций, желаний и пр.), всё-таки не сводится к ним. Более значимым для морального агента будет когнитивный анализ тех оснований, которые стоят за тем или иным произволом.

Сформулируем следующий аргумент на основании вышесказанного:

P1. Если благо полностью зависит от произвола, то произволение некоторого X достаточно для гарантии морального авторитета;

P2. Произволение некоторого X недостаточно для гарантии морального авторитета;

C. Неверно, что благо полностью зависит от произвола.

Вторая посылка обосновывается тем, что произвол может каузально вызвать моральный авторитет тогда и только тогда, когда он основан на некоторых внешних по отношению к нему свойствах: например, на информированности, благой цели, могуществе и т.д. Следовательно, сам по себе произвол не способен каузально порождать моральный авторитет, так как для этого необходимы внешние по отношению к нему условия.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что благо наилучшим образом можно понимать как то, что соответствует непроизвольному критерию P, а не просто-напросто как то, что определяется произволом X.

Литература:

1. Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант // Сочинения: в 8 т. – Том 4. – М., 1994 б.
2. Максимов Л.В. Этика и мораль: соотношение понятий. Этическая мысль // Ethical Thought. – 2019. – №4. – С. 14-22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://et.iphras.ru/article/view/2498 (дата обращения: 10.01.2023).
3. Никколо Макиавелли – избранные сочинения: пер. с итальянского / Вступит. статья К. Долгова; сост. Р. Хлодовского; Коммент. М. Андреева и Р. Хлодовского. – М.: Худож. лит., 1982. – 503 с.
4. Платон – полное собрание сочинений в одном томе. – М.: АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1311 с.: ил. – (Полное собрание сочинений в одном томе).
5. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
6. Adams R.M. A Modified Divine Command Theory of Ethical Wrongness. In Thomas L. Carson & Paul K. Moser (eds.), Morality and the Good Life. Oup Usa. 1973.
7. Adams R.M. Finite and Infinite Goods: A Framework for Ethics. Oxford University Press. 2002.
8. Alston W.P. Some Suggestions for Divine Command Theorists. Beaty 1990. 304 p.
9. Austin M.W. Divine Command Theory // Internet Encyclopedia of Philosophy. – 21 August, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iep.utm.edu/divine-c (дата обращения: 10.01.2023).
10. Chandler J. Divine Command Theories and the Appeal to Love // American Philosophical Quarterly, 1985. – №22. – 239 p.

NEITHER PAST, NOR SIMPLE: SOVIET AS A SORE POINT (ON THE MATERIALS OF PUBLIC DISCUSSION WHICH THE RELEASE OF 'ZULEIKHA OPENS HER EYES' TV SHOW LED TO)

Lipitskaya Valentina Mikhailovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Kazan Higher Tank Command Order of Zhukov Red Banner School, Kazan, Republic of Tatarstan*

The purpose of the study *is to identify the mechanisms and typical patterns of reception of the Soviet by modern public consciousness. To identify these, the author uses as a private example the case of the release of the series "Zuleikha opens her eyes" in 2020 and the public discussion caused by it. In the course of the research, based on the analysis of this motion picture and a number of other samples of cinematographic products on related topics, the author for the first time in the context of domestic soviet studies attempts to explicate the Soviet model formulated in modern popular culture. In addition, the article offers an explanatory model of the reception of social phenomena and processes in culture, which makes it possible to identify the causes of a number of cliches of everyday consciousness associated with the Soviet period.*

Keywords: *soviet; reception; public consciousness; everyday consciousness; explanatory model; repressions; mass culture; post-Soviet cinema.*

EDN: LUOUVB **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.32**

УДК 130.2
ВАК РФ 5.7.7

НЕПРОСТОЕ, НЕПРОШЕДШЕЕ: СОВЕТСКОЕ КАК БОЛЬНАЯ ТЕМА (НА МАТЕРИАЛАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ СЕРИАЛА "ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА")

© Липицкая В.М., 2023

Цель исследования *– выявить механизмы и типичные паттерны рецепции советского современным общественным сознанием. Для выявления таковых автор в качестве частного примера использует кейс релиза сериала "Зулейха*

открывает глаза" в 2020 году и вызванную им общественную дискуссию. В ходе исследования, опираясь на анализ указанной кинокартины и ряда других образцов кинематографической продукции на смежную тематику, автор впервые в контексте отечественных soviet studies предпринимает попытку экспликации модели советского, формулируемой в современной массовой культуре. Кроме того, в статье предложена объяснительная модель рецепции социальных явлений и процессов в культуре, позволяющая выявить причины возникновения ряда штампов обыденного сознания, ассоциированных с советским периодом.

Ключевые слова: *советское; рецепция; общественное сознание; обыденное сознание; экспланационная модель; репрессии; массовая культура; постсоветский кинематограф.*

Введение

Сериалы, реферирующие к советскому – к советской истории, культуре, сюжетам, эстетике и декоруму – на российском экране представлены во множестве. Многие из них касаются болезненных, драматических и по-прежнему неоднозначных аспектов советского прошлого (см. ниже), однако общественный резонанс, последовавший за экранизацией бестселлера Г. Яхиной, романа "Зулейха открывает глаза", по праву может считаться беспрецедентным.

В рамках настоящей статьи релиз сериала, ставший весной 2020 г. заметным инфоповодом, становится также и поводом, и иллюстративным примером для академического осмысления механизмов и продуктов рецепции советского современным общественным сознанием, что методологически восходит к правилу, сформулированному Д.А. Журковой вслед за Робертом А. Розенстоуном: "фильм, повествующий о прошлом, гораздо больше сообщает нам о современной, нежели о прошедшей эпохе" [5, 34]. В работе предпринимается попытка выявить, как "болит", как откликается и проецируется советское сегодня, эксплицировать модели советского, сформулированные массовой культурой и востребованные в ней, предложить объяснительные модели для ряда бытующих в обыденном сознании культурных штампов, ассоциированных с советским прошлым.

Основная часть

Пул мнений

В связи с тем, что наш исследовательский интерес сосредоточен не на особенностях экранизации романа Г. Яхиной и оценке одноимённого сериала как художественного высказывания, но на рассмотрении его социальной – зрительской и гражданской рецепции, мы считаем необходимым привести ряд мнений, доказательно иллюстрирующих следующий авторский тезис: анализ реакции россиян на релиз данного сериала позволяет отследить релевантные суждения о советском, содержащиеся в современном общественном сознании. Более того, суждения эти оказываются не абстрактными, какими они могли бы быть в случае обращения к ряду социальных групп с "классическим", тяжеловесным вопросом "Каково Ваше мнение о Советском Союзе и советской истории?", но предельно предметными: поскольку сериал являет собою внятную визуализацию определённой модели советского (об этом подробнее в следующем разделе настоящей статьи), то и критические высказывания, ему посвящённые, обладают конкретностью и контекстной обусловленностью, а, указывая на ошибки – фактологические или аксиологические, чётко артикулируют гражданскую позицию критикующих.

Пожалуй, одними из первых резкое неприятие сериала выразили представители политической партии "Комунисты России" (КПКР),

ЛИПИЦКАЯ Валентина Михайловна, *кандидат философских наук, доцент, Казанское высшее танковое командное ордена Жукова Краснознамённое училище, Казань, Республика Татарстан*

потребовавшие от телеканала ВГТРК запретить его демонстрацию, назвав картину низкопробной, указав на то, что в ней "весьма тенденциозно и абсолютно недостоверно представлена значимая для развития нашего государства историческая эпоха 30-40-х годов XX века, период абсолютно необходимой для СССР и закономерной коллективизации и индустриализации" [9]; и добавив, что "Сериал начинён злобной клеветой на советскую действительность, на проводимую Коммунистической партией и советским государством политику в деревне" [Ibid.]. Затем в эфире радио "Комсомольская правда" лидер партии Максим Сурайкин заявил, что сериал напомнил ему "конец 80-х – начало 90-х, когда шла мощнейшая атака на граждан с использованием подмены понятий" [2].

Потребовал запрета демонстрации сериала по телевидению и член комитета Государственной думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений Виталий Милонов, упрекнув фильммейкеров более всего не в искажении исторических фактов, но в "раскачивании лодки" и "разыгрывании карты национальной вражды внутри страны". По словам депутата, "фильм "Зулейха открывает глаза" – продукт целой операции, которая была разработана "нашими закадычными друзьями" далеко за пределами России" [4].

На сайте российского общественного деятеля и публициста Николая Старикова приводится полный текст рецензии Владислава Хабарова под названием "Зулейха, закрой глазки…", в которой он отмечает отсутствие "логики и здравого смысла" [Ibid.], многократную подтасовку исторических фактов. Например, в Казани красноармейцы сражаются с юнкерами, белочехами и каппелевцами одновременно; а людская убыль в эшелоне с переселенцами с документально подтверждённых 3% увеличивается до шокирующих 30%, и "по этапу" отправляют исключительно ни в чём не повинных граждан: "Подбор заключённых, конечно, из тех, кого посадили ни за что. Как в мультфильме Чипполино. Здесь сидят только глубоко порядочные люди" [Ibid.]. Оценивая общий настрой фильма, рецензент аттестует его как тоскливо-безысходный: "Путешествие на поезде показывает нам весь спектр антисоветской пропаганды. Нет такого штампа, который нам бы не показали" [Ibid.]. Сам Н. Стариков предуведомляет текст В. Хабарова следующей ремаркой: "Посмотрев такое "кино", в Европе снесут ещё несколько памятников нашим маршалам и надругаются над могилами наших солдат" [Ibid.].

На страницах газеты "Советская Россия", позиционирующей себя в качестве "независимой народной", высказался секретарь Союза писателей России, профессор кафедры журналистики МосГУ и МГИК Александр Бобров, упрекнувший руководство федерального канала не только в отсутствии историчности взглядов, но и в откровенном цинизме, выразившемся в том числе в "удивительно бесчеловечно выбранном времени показа, при самоизоляции[1], накануне срывающегося праздника Победы. Словно хотят внушить: такая страна, которая на экране – не заслужила всенародного ликования и международного признания. Дикари, палачи, недоумки…" [19], "Удивительное попадание: православные пишут про Страстную неделю, а патриоты вспоминают, что в день премьеры – была взята Вена" [Ibid.]. На кощунственное совпадение даты премьеры сериала с годовщиной освобождения австрийской столицы от гитлеровских войск указал и Дмитрий Ромашов, назвав сам сериал "дежурным ушатом помоев" [3], снятым по книге ""верной солженицынки" Гузель Яхиной" [Ibid.]. Следование "солженицынскому" канону отмечено и анонимным автором интернет-паблика "Умный татарин" на портале Яндекс.Дзен: "В лучших традициях Солженицына, нам покажут, как "безумный Сталин" косил по сто миллионов людей в месяц, офицеров НКВД, которые день не могли прожить, не замучив невиновного человека, и, разумеется, покажут страдания народа, который мучился под властью большевиков" [6]. "Затянутый, узнаваемо перестроечный сюжет о раскулачивании, этапировании в Сибирь и смерти почти всего этапа" обнаруживает в картине обозреватель "Ведомостей" Людмила Бредихина [20].

Председатель партии "За правду", писатель Захар Прилепин создателей сериала обвиняет в русофобии. По его словам, "Авторы этого фильма получают сейчас по заслугам. Огромное количество людей в России устали от банального прямолинейного антисоветизма, который совершенно справедливо воспринимается как русофобия" [14], "Сериал сделан по лекалам фильмов, в которых тупые, безобразные НКВДшники, имея цель уничтожить человечество, истребляют русских людей" [10]. Впрочем, увидевшая свет годом позже экрани-

[1] Премьерный показ телесерила "Зулейха открывает глаза" состоялся 13 апреля 2020 г. на телеканале Россия-1 (В.М.).

зация "Обители" (2021) самого Прилепина ставит под вопрос резонёрский пафос приведённых выше высказываний: разве по иным лекалам "скроено" художественное полотно, безжалостно иллюстрирующее каноническую лагерную максиму: "Здесь власть не Советская, здесь власть соловецкая" ?..

Двоякой видится нам оценка Ярослава Забалуева, размещённая РБК: обнаруживая в картине "важный для сериалов "России-1" ревизионистский элемент" [8], метод Егора Анашкина кинокритик характеризует как "подёрнутый матовой дымкой романтический реализм"[Idid.], ведь "Его красноармейцы – это всё равно неплохие люди в непростой ситуации, а не банда заряженных самогоном и кокаином гопников, которыми специалисты по раскулачиванию были в действительности"[Ibid.], однако парой абзацев позже всё-таки заявляет, что "сериал производит впечатление какого-то фатального неправдоподобия"[Ibid.].

Впрочем, нашлись и те, кто считает, что создатели фильма, недостоверно изобразив ряд эпизодов, тем самым не только не "сгустили", но, напротив, "осветлили" краски: так, Александр Добровольский отмечает, что "картину далёкого и долгого путешествия в эшелоне" [12] в сериале "подсластили", равно как и "сцены в красноярской пересылке и в трюме баржи" [Ibid.], воздержавшись от демонстрации как чудовищных образцов расчеловечивания – например, упомянутого журналистом обычая "колымского трамвая", так и сугубо бытовых неудобств – вроде комаров и гнуса в таёжном спецпоселении. Изложенные факты автор призывает принять к сведению тех критиков, "которые обвиняют создателей фильма в чрезмерном сгущении красок, в нарочитом смаковании ужасов сталинского времени" [Ibid.].

Писатель Виктор Ерофеев, оценивая ожесточённые споры вокруг сериала, и вовсе диагностировал распространение в российском обществе сталиновируса: "Товарищам из госканалов следовало бы быть более подготовленными к стремительной массовой эволюции сталиновируса, в результате которой коллективизация стала так же прекрасна, как и пакт Молотова-Риббентропа. Сталиновирус торжествует, и в исторической перспективе он опаснее для России, чем его современный конкурент – коронавирус" [17].

Исполнительница роли Зулейхи, Чулпан Хаматова, очевидно подразумевая излишнюю, на её взгляд, рафинированнось сериального нарратива и "причёсанность" предметной картинки, поделилась своими опасениями: "Я боялась, что критика будет со стороны людей, которые читали Шаламова, Солженицына, что они скажут: "Вы развели какой-то пионерский лагерь, а не пересыльные лагеря и систему ГУЛАГ". А вышло наоборот" [1]. Режиссёр телепроекта, Егор Анашкин, вообще заявил, что "Наша история к политике никакого отношения не имеет, она о людях" [16], и добавил, что "нужно уметь отпустить прошлое и продолжить жить настоящим" [Ibid.], к чему и призвал своих оппонентов. К этому высказыванию мы ещё обратимся ниже.

Обозреватель "Коммерсанта" Юлия Шагельман, в отличие от большинства критикующих, указывает на художественную ходульность сериала более, нежели на концептуальную: "…проза Яхиной на экране превратилась в набор картонных декораций и схематичных персонажей. Кастинг здесь самый прямолинейный: если урка, то Александр Баширов, если предельно гнусный представитель власти, то Роман Мадянов, если интеллигент "из бывших" с поехавшей психикой, то Сергей Маковецкий" [7].

Модель советского

Советское по версии создателей сериала – триумфально кощунственное, изысканно циничное, празднующее и повсеместно утверждающее жестокость и абсурд собственных властных и повседневных практик. Ниже приводим подробный анализ визуального ряда, знаков-индексов и вербальных решений в эпизодах картины по сериям, позволяющий воссоздать выводимую сценаристами модель советского.

1 серия

Советское нарочито – как нарочито гиперсемиотизированным выглядит брошенный в окно дома Валиевых булыжник, киногенично завернутый в листовку "*Уничтожим кулака как класс*", как нарочито соблазнительны мелизмы гламурной огэпэушницы Настасьи, чувственно выводящей первый куплет "Интернационала".

Советское нелегитимно – представители новой власти с легкостью пренебрегают правовыми и процессуальными нормами (Муртаза не задержан, но застрелен на месте без суда, следствия и дальнейших разбирательств; невольно вспоминаются строки из повести Е. Сувориной "Ксана Муратова, фронтовая артистка": "*Люди в шинелях ничего не сказали / Молча выстрелили, молча отвернулись*" [2] – правда, там речь шла о лошади, а не о челове-

[2] Цит. по: Суворина, Екатерина. Ксана Муратова, фронтовая артистка. М.: Молодая гвардия, 1965. – 256 с.

ческой жизни – *В. М.*), или предлагают некий, очень "пунктирный", их суррогат: "*выселяем вас как кулацкий элемент, партсобрание утвердило – избу забираем под сельсовет*".

Советское карнавально: "красноордынцы" привычно прибегают к приёму кощунственного смеха, глумясь напрямую – "*Товарищ уполномоченный, а со старухой-то что делать? – Что хочешь, в колхоз запиши*" (это подчинённый проясняет у Игнатова судьбу столетней ослепшей свекрови Зулейхи, фактически обречённой на голодную смерть в покинутой деревне), или имплицитно, на уровне подразумеваемого послания: "*Не переживай, Зулейха, похороним мы твоего Муртазу, как надо похороним, по советскому обычаю*" – такие утешительные заверения дают вдове, несомненно мусульманке, нераскаивающиеся убийцы её мужа.

2 серия

Советское не выбирает выражений – и, в целом, не особенно церемонится: "*Господа, вы арестованы!*" – провозглашает красноармеец Игнатов, врываясь в правительственное учреждение в 1918 году. "*На каком основании?*" – пытались было что-то выяснить чиновники и "золотопогонные" офицеры, но ответной реплики не последовало – её эффектно заменяет выстрел в упор (вот уж действительно, "*Ваше слово, товарищ Маузер*").

Советское склонно не только к преступной халатности, но и к браваде собственной безалаберностью: не хватает провизии для эшелона (который суть "*тысяча человеческих голов*") – значит, "*как-нибудь две недели до Свердловска дотянете*", или, как вариант: "*не волнуйся, товарищ комендант, половина перемрёт по дороге, налегке покатим*".

Советское карикатурно: "*я, конечно, не против горячего мужского тела, но женщина тоже может служить революции*", "*не под тобой, а под героем революции, красным командиром Иваном Игнатовым, который точно знает, что не он, а партия решает, где он сейчас нужнее*" – выдаёт один за другим чеканенные штампы разбитная "боец Котельникова" непосредственно перед интимной близостью, а затем ещё и куртуазно подаёт коменданту папиросу, зажав её между ухоженными пальчиками обнажённой ступни.

Советское бессмысленно ("*а потом их снова отправляли в путь неизвестно куда, как говорили Игнатову: "следуйте до востребования" – и он следовал*"), беспощадно (как пинок, "отвешенный" бравым красноармейцем безутешному отцу, крестящемуся над детской могилой – чтобы не очень-то засиживался) и патологически кровожадно: сотрудник ОГПУ способен и выстрелить в спину, и убить ребёнка. Точнее – кровавое бинго – убить ребёнка выстрелом в спину.

Советское традиционно: оказывается, пионерами варварской практики насильственной стрижки были вовсе не дружинники, сражавшиеся со стилягами в середине пятидесятых, (такие облавы нередко демонстрируются на экране – например, в х/ф "Стиляги, 2008, реж. В. Тодоровский, в сериале "Красная королева", 2015, реж. А. Семёнова), а сотрудники госпезопасности (в приступе ярости всё та же Настасья Котельникова лихо рубит Зулейхе косы топором), – не знавшие, конечно, что такое действие глубоко символично и восходит аж к христианской традиции, в рамках которой насильственное обрезание волос есть "жёсткий дисциплинирующий акт, подразумевающий отказ от прошлых бытовых практик" [10, 68].

3 серия

Советское – малоимущее: с материальной базой у последователей исторического материализма, очевидно, большие проблемы – ничем, кроме утлой дырявой посудины, по инерции продолжающей именоваться баржей, (а по злой иронии – ещё и целой Кларой Цеткин), да ржавых, заедающих замков, тоталитарное государство не располагает. Как и кем в 1927 году была построена Днепрогэс, а в 1931 – Турксиб, остаётся загадкой.

Советское – театрально – вот в изысканный ридикюль из благородной рептильей кожи складывает гипюровые перчатки супруга осуждённого ленинградского профессора Изабелла, а вот в элегантном костюме-тройке расхаживает по таёжному лагерю другой старорежимный профессор – казанец Вольф Лейбе. К подобному приёму российские кинематографисты уже прибегали – например, в сериале А.Л.Ж.И.Р. (2018, реж. А. Касаткин) осуждённая по доносу оперная певица Софья Тер-Ашатурова на заготовку камыша оправляется прямо в концертном платье – роскошный панбархат винного цвета, декорированный тем же гипюром – великолепный образец парадной моды "сталинского гламура".

4-5 серии

Советское, несмотря на атмосферу всеобщей подозрительности и тотального контроля, легкомысленно-забывчиво: о судьбе коменданта Игнатова и вверенного ему спецконтингента банально запамятовали, а обещавший вернуться через неделю с провиантом и инвентарём Зиновий Кузнец возвращается через полгода – румяный, радостный ("*обещал – приехал!*"), в

богатой шубе в стиле ухарь-купец, да ещё и отпускает колкости: "*ой, брат, как ты воняешь*". Исчезновение Кузнеца – не выдумка сценаристов, оно заложено в фабуле романа Г. Яхиной, как, например, и сюжет с гибелью баржи, однако создатели экранного произведения выбирают такую оптику, благодаря которой становится очевидно, что "забытые" ссыльнопоселенцы – не единичный вопиющий эпизод, но привычная практика советской системы, на поверку оказывающейся абсолютно бессистемной.

Советское – особенно властное – порочно. Важным слагаемым современного кинематографического несессера при создании образа представителя власти вообще, а тем более, чекиста, помимо дефолтной жестокости, является ещё и сексуальная распущенность, потакание зову телесного низа – таковы, например, пользующийся своим положением особист (Павел Майков) в сериале "Курсанты" (2004, реж. А. Кавун), развратный аппаратчик (Игорь Зотов), дающий волю страстям прямо в номенклатурном кабинете (х/ф "Вероника не придёт", реж. Э. Суни, 2008), следователь-насильник (Олег Васильков) из КГБ (сериал "Красная королева", 2015, реж. А. Семёнова), или откровенно сексуально озабоченный капитан госбезопасности (Гела Месхи) в х/ф "Спасти Ленинград" (2019, реж. А. Козлов). В "Зулейхе…" (быть может, впервые до экранизации уже упомянутой выше "Обители"), эту линию реализует феминный характер – оригинально, согласно тексту Г. Яхиной, второстепенный, "докрученный" сценаристами персонаж – "боец отряда ОГПУ", Настасья Котельникова. Первоначально состоявшая в отношениях с Иваном Игнатовым, а, после расставания с ним, благополучно вышедшая замуж по версии романа, Настасья, в своём сериальном воплощении, сначала "переключится" на более "козырного" Зиновия Кузнеца, а потом и вовсе "замахнётся" на "столичную птицу" – инспектирующего спецпоселение товарища Тихомирова. Ничуть не смущаясь, в кадре телесериала "боец Настасья" спокойно сидит за накрытым столом с тремя мужчинами, с каждым (!) из которых в разное время у неё были близкие отношения.

6-7-8 серии

Советское назидательно, как назидательно и попадание зарвавшейся Настасьи в лагерь в качестве заключённой (именно в тот, разумеется, в котором комендантствует Игнатов, несмотря на неоднократно упомянутые в сериале невообразимые масштабы системы ГУЛАГ), и последующая её гибель от руки бывших коллег по карательному ведомству.

Советское протокольно: "*смерть Настасьи прошла по сводке мелких бытовых происшествий и быстро забылась: записали, что зашибло бревном на лесоповале. Поселенцы гибли довольно часто, на это никто не обращал особого внимания*" – буднично сообщает закадровый голос.

Советское сюрреалистично, как неподобно пьяный комендант, надевающий в столовой поселенцу жестяную миску с кашей на голову, как банные посиделки чекистов в будённовках – раблезианское, избыточное тело Кузнеца (Роман Мадянов) и поджарое, отсылающее к мифологическому революционному первовремени – Игнатова (Евгений Морозов); как агитационная живопись ссыльного художника Иконникова на потолке поселкового клуба, отчего-то выполненная по "золотому стандарту" "Культуры Два" образца поздних тридцатых – когда только успел увидеть?!

Советское – одиозно и дегуманизирующе: принадлежность к роду человеческому не дарована по праву рождения, её следует подтверждать и заслуживать – "социальным генезисом", или благонадёжностью и лояльностью власти, а иначе – "*ты кого людьми назвал – кулачьё это?!*", или "*ты людей-то особо не жалей. Люди – это г*вно на блюде*".

И, наконец, советское – диалектически родственно преступному, отсюда и "типичность" полярных превращений героев и антигероев, прихотливая инверсия их судеб: "идейная" боец Котельникова заканчивает свои дни рядовой каторжанкой, а закоренелый "урка" Горелов эволюционирует в сотрудника инфернальных органов госбезопасности.

Разумеется, в свете приведённых выше примеров высказывание режиссёра Е. Анашкина о том, что перед нами история, "не имеющая отношения к политике", выглядит по меньшей мере неубедительным: от нарратива, принадлежащего создателям "Зулейхи…", и до вестернизированного ревизионализма рукой подать – поверить, что "эта страна" победила фашизм, практически невозможно.

Советское как тотально лагерное: причины возникновения штампов

Приведённый выше разбор эпизодов сериала "Зулейха открывает глаза" вкупе с комментариями критиков и зрителей позволяет утверждать, что в современном российском кинематографе оформился определённый канон экранной депикции советского. Рассматриваемый исторический период уже привычно изображается монструозным, инфернальным и пенитенциарным – как в срезе общественных

отношений, так и на уровне общественного сознания. Таким советское представлено в уже упоминавшихся выше телесериалах "Красная королева" (2015, реж. А. Семёнова), "А.Л.Ж.И.Р." (2018, реж. А. Касаткин) и в ряде других кинокартин, например: "Водитель для Веры" (2004, реж. П. Чухрай), "Московская сага" (2004, реж. Д. Барщевский), "Дети Арбата" (2004, реж. А. Эшпай), "Александровский сад" (2005, реж. А. Пиманов), "Вероника не придёт" (2008, реж. Э. Суни), "Тяжёлый песок" (2008, реж. А. Барщевский), "Край" (2010, реж. А. Учитель), "Дело гастронома №1" (2011, реж. С. Ашкенази), "Дом с лилиями" (2014, реж. В. Краснопольский), а также в отдельных эпизодах кинолент "Ликвидация" (2007, реж. С. Урсуляк), "Крик совы" (2013, реж. О. Погодин), "Гетеры майора Соколова" (2014, реж. Б. Худойназаров), "Шифр" (2019-2022, реж. В. Сторожева).

В рамках текущей работы мы воздержимся от рассмотрения любых экстракультурных факторов, приведших к появлению такого канона, равно как и аккомпанирующих им "конспирологических теорий" – например таких, в контексте которых высказывается депутат В. В. Милонов. (см. выше), предоставив политологам и социологам прояснять факт наличия или отсутствия неких сил и групп, преследующих цель художественного изображения советского в последовательно невыгодном свете. Нашей же задачей, в свою очередь, является установление внутренних, органических – то есть социокультурных и социально-психологических причин, повлиявших на появление известной лекальности художественных интонаций относительно советского, наблюдаемой в настоящее время в массовой российской культуре.

Как нетрудно заметить на основании примеров художественных фильмов, приведённых выше, лагерность – как социальная практика и как непередаваемая аура советского, репрессии – как исторический факт и "заводская настройка" институциональных его объединений, – вот основные обвинения, вменяемые прекратившему своё существование социалистическому обществу. Разумеется, феномен Большого террора – тема острая и болезненная, заслуживающая вдумчивого анализа и досконального изучения, требующая беспристрастных и взвешенных оценок потомков – таких, которые помогли бы исключить повторение трагических событий поздних тридцатых. И на первый взгляд может показаться, что попытки обращения к теме репрессий в пространстве постсоветского кинематографа – это клинически показанный общественной психологии "крутой маршрут", который способен обеспечить столь необходимое освоение и присвоение этой сложной темы. Однако, при ближайшем рассмотрении оказывается, что посвящённые репрессиям художественные высказывания нередко превращаются в усердное коллекционирование "жареных" фактов, смакование – и, как результат – эстетизацию жестокости и страданий; а, повторяя сюжетные решения друг за другом, отливаются в глобальный штамп, ничуть не приближающий зрителя к объективности, непредвзятости суждений.

Первой причиной, создавшей благодатную почву для появления спектра лагерных штампов, нам видится значительная временная удалённость социальной и художественной рецепции темы репрессий от исторической ткани соответствующего периода – ведь обсуждать Большой террор в голос, а не вполголоса стали относительно недавно – из творчества А. И. Солженицына в СССР были опубликованы только "Один день Ивана Денисовича" и "Матрёнин двор", а за распространение запрещённого "Архипелага…" в самиздате можно было получить тюремный срок. Впервые анонсированные в "Новом мире" в 1966 г., "Дети Арбата" А. Н. Рыбакова были завершены только в 1982 году, а опубликованы лишь пятью годами позже, повесть "Завтра была война" Б. Л. Васильева, написанная в 1972 г., была долгое время запрещена цензурой, а экранизирована – и вовсе в перестроечном 1987 г.; тогда же впервые был опубликован текст "Реквиема" А. А. Ахматовой. Изданный ещё в 1967 г. в Милане, "Крутой маршрут" Е. С. Гинзбург в Советском Союзе увидит свет только в рижском "Даугава" в 1988-1989 гг., тогда как посвящённые ГУЛАГу произведения, принадлежащие перу В. Т. Шаламова, в СССР не будут напечатаны никогда. Впрочем, даже те работы, которые стали достоянием общественности в интеллектуальные шестидесятые, не позволяют, на наш взгляд, в полной мере говорить о состоявшейся социальной рецепции темы – массовость воздействия кинематографа и публиковавших их т. н. толстых журналов несопоставима. Широким же массам реципиентов освоение темы репрессий доступно в довольно контурном, часто подразумеваемом виде – вот герой пьесы А. М. Володина "Пять вечеров" (1958) Александр Ильин, белые пятна в биографии которого, по словам В. Гаевского, наводят на мысль, что он – "не то бывший каторжник, не то бывалый фронтовик" [18, 175], вот лирический герой "Баньки по-белому" (1968) В. С. Высоцко-

го, у которого "…на левой груди – профиль Сталина,/ А на правой – Маринка анфас…", вот стилизованный "лагерник" из "Облаков" (1962) несидевшего А. Галича – "Я в пивной сижу, словно лорд,/И даже зубы есть у меня!", а вот шуточный, казалось бы, ушедший в народ диалог из х/ф "Бриллиантовая рука" (1969, реж. Л. Гайдай): "Ну, будете у нас на Колыме!..." (участвующий в диалоге герой Андрея Миронова, аферист Геша Козодоев, услышав эту фразу, давится ужином и нервно кашляет – В. М.).

Своевременность рецепции – социальной и культурной – обеспечивает любому сюжету верификацию через масштабный peer review – критику, поправки и уточнения непосредственных участников и свидетелей событий. На границе между продуктами рецепции и последующей их критики формируется традиция дискурса – то, как общество говорит о тех или иных событиях или процессах, какие оценки предлагает, к каким выводам приходит. В качестве примера своевременной рецепции приведём освоение темы российских "девяностых" в кинокартинах А. О. Балабанова: созданная им галерея образов, психотипов, пойманные в кадр знаки-индексы и эстетика эпохи в значительной степени определили (определили!) канон – как кинематографический, так и общекультурный – изображения т. н. "лихого десятилетия". Справедливо уточнить при этом, что режиссёр неоднократно подвергался критике за злоупотребление "чернухой", за "беспросветность" нарратива (приёмы, которые впоследствии стали именовать "балабановщиной"); но не за фальсификацию фактов. Так зритель узнал, что авторский метод режиссёра Балабанова – не вымысел, но конденсированная, "тяжёлая" правда, или "слишком много правды" на квадратный сантиметр экранного повествования.

Вслед за оформлением границ дискурса и общепринятой традиции общественной дискуссии могут возникать всевозможные параформы высказываний на рассматриваемую тему – штампы, мемы, приколы, пародии (здесь уместен пример с анекдотами о Василии Ивановиче Чапаеве или Штирлице – традиция так долго держала одну, чрезвычайно высокую ноту безупречности и героизма, что, в конце концов, мутировала в лёгкие, девиантные, комические образцы).

С темой репрессий ситуация обстоит иначе: долгое время похороненная в закрытом гробу общественного сознания, бывшая табуированной, эта тема приобрела с течением времени колоссальный морбидный магнетизм; многократно пересказанные в пресловутых кухонных разговорах, её сюжеты обросли домыслами и шокирующими подробностями. Думается, что если бы присвоение "лагерной" темы в широком масштабе стало возможным, скажем, в течение десятилетия-двух после событий 1937-38 гг., то канон её изображения мог быть совершенно иным – сопряжённым с не меньшей болью, но лишённым кощунственного репортёрского ажиотажа и азартной сенсационности – того, что американская актриса Эмили Ратаковски, высказавшись о скандальном фильме "Блондинка" – очередном байопике о Мерилин Монро, назвала "фетишизацией боли" [3].

Значительно (фактически, на полвека и более) удалённая во времени от изображаемых реалий (конец 30-х гг. XX в.), активная социокультурная рецепция лагерной темы, пришедшаяся на перестроечные и постперестроечные годы, зачастую вторична и опирается не на засвидетельствованный дискурс, но на уже имеющиеся художественные образцы, демонстрируя, таким образом, известную пересказывательность, прибегая к грамматике эвиденциальности. Возможность верификации предлагаемых культурных образцов посредством peer review к этому времени уже в значительной степени снижена – ряд участников рассматриваемых событий уже ушли из жизни, а другие, в силу возраста, состояния здоровья и иных соображений оказались не готовыми "ворошить прошлое".

Именно поэтому поздняя, недостаточно выверенная критикой ровесников, а оттого часто тенденциозная, интерпретация лагерной темы обнаруживает фактическое сращение, своеобразный спаечный процесс между рецепцией, критикой, дискурсивной традицией и её различными параформами – главным образом, устойчивыми штампами. Последствием таких патологических сращений становится, в частности, экстраполяция лагерности на советское вообще – из несомненной характеристики отрезка времени репрессивность вырастает до онтологического основания системы в целом.

Здесь, вслед за Н. Б. Лебиной, доктором исторических наук, прибегнувшей в своей работе "Пассажиры колбасного поезда" к методи-

[3] Emily Ratajkowski on 'Blonde', a Netflix production: 'Fetishizes female pain and suffering' URL: https://reviews.tn/en/news/emily-ratajkowski-sur-blonde-une-production-netflix-fetichise-la-douleur-et-la-souffrance-feminines/ (дата обращения: 10.10.2022).

кам антропологического исследования повседневности, в т. ч. к микроистории, и потому перемежающей исследовательский текст "личными и семейными воспоминаниями" (10, 19), мы позволим себе следующую ремарку: во второй половине девяностых годов мой отец[4], приобретя собрание сочинений А.Н. Рыбакова, после прочтения трилогии "Дети Арбата" принимает решение не оставлять трёхтомник в домашней библиотеке (издание было продано или подарено): слишком "мрачным, тягостным и давящим" оказалось читательское послевкусие, примирить которое с собственной картиной советского – послевоенного, не всегда сытого и устроенного, но определённо гораздо более жизнеутверждающего, – не представилось возможным (при этом достоверность повествования А. Рыбакова отцом никогда не ставилась под сомнение). Ценная функция, обеспечиваемая критическими комментариями современников, таким образом – не только "дозиметр правды", но и полифония мнений, восприятий, версий памяти.

Кроме эксплицированной выше объяснительной модели, указывающей на драматический временной лаг между историческими реалиями и их рецепцией, ставший, фактически, ментальной Чашкой Петри для возникновения ряда штампов о советском, мы видим ещё одну причину частого и охотного обращения к теме сталинских репрессий в российском кинематографе. В отличие от первой причины, имеющей выраженную социокультурную и социально-психологическую природу, вторая причина имеет собственно, или, лучше сказать, сугубо культурный характер и формулируется предельно парадоксально: кровь стала жанром. Дело в том, что в связи с наводнившими постперестроечную сетку телевещания боевиками, триллерами, фильмами ужасов, эпатажными ток-шоу (преимущественно западными) происходит брутализация телевидения: телеэкран становится виртуальным колизеем, легальным способом канализации древней жажды жестоких зрелищ, а предложение рождает спрос – или, вернее, специфический зрительский запрос на демонстрацию жестокости, насилия, страданий, кровопролития. В качестве отклика на этот запрос появляются многочисленные "полицейские детективы" ("Улицы разбитых фонарей" и др.), боевики, криминальные драмы, "чёрные" комедии, художественная документалистика на соответствующую тематику ("Криминальная Россия", "Документальный детектив"). К слову, снятая в 1997 г. военная драма А. Невзорова[5] "Чистилище" может быть рассмотрена в качестве документа эпохи не только потому, что посвящена событиям, этой эпохе принадлежавшим, но и потому, что именно в это время такая шокирующая натуралистичность кадра для зрителя престаёт быть невыносимой, становясь приемлемой.

Обращение к теме репрессий, таким образом, может быть обусловлено, увы, не только стремлением фундаментально её осмыслить, но и тяготением к жанрово-тематическому разнообразию: лагерный сюжет предоставляет пространство для маневрирования, позволяя продемонстрировать кровь в других, отличных от уже "примелькавшихся", обстоятельствах и декорациях. В пользу этого тезиса свидетельствует и сам формат сериала, в рамках которого наиболее часто происходит освоение данной темы: в отличие от т. н. "полного метра", претендующего на статус художественного высказывания, сериал, прежде всего, стремится развлекать зрителя – в современной массовой культуре это очевидно настолько, что, к примеру, глобальная сеть ресторанов быстрого питания Burger King, представленная и на российском рынке, даже предлагает специальный фаст-фуд сет под говорящим названием "Комбо под сериальчик".

Таким образом, если в отечественном постперестроечном кинематографе кровь стала жанром, создав канон жестокой эстетики, наделив насилие киногеничностью, то тема репрессий нередко стала использоваться в качестве повода в очередной раз явить эту эстетику на экране – так, если в "Утомлённых солнцем" (1994, реж. Н. Михалков) или "Водителе для Веры" (2004, реж. П. Чухрай) природа страдания – скорбящая, рефлексирующая, то в "А.Л.Ж.И.Р.е" (2018, реж. А. Касаткин) или "Зулейхе…" (2020, реж. Е. Анашкин) – всё-таки аттрактивная, обеспечивающая рейтинги.

Заключение

Режиссёр Станислав Говорухин, в 1990 г. снявший художественно-публицистический фильм "Так жить нельзя", впоследствии признавался: "Мы стреляли по советской власти, но попали по России" [13, 25]. А.А. Новикова и

[4] Михаил Львович Осипов, 1944 г. р., инженер, кандидат технических наук, доцент кафедры радиоэлетроники КГТУ-КАИ им. А. Н. Туполева.

[5] А.Г. Невзоров включён в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента 22.04.2022. https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/

Е.А. Дюло в свое статье уточняют: "Попали по человеку" [Ibid.].

Развивая эту мысль и подводя итоги проделанной работе, отметим: советское, несмотря на любые, даже самые неправдоподобные и беспощадные сценарии его обличения, неуязвимо, как неуязвимы не имущие сраму мёртвые. (Прибегая к этому сравнению, мы, разумеется, не пытаемся охарактеризовать советскую культуру в широком смысле слова как мёртвую; но лишь подчёркиваем тот факт, что советское завершено – по крайней мере, исторически и институционально). Советское, пусть и не Perfect Past, но, определённо – Past Perfect, время прошедшее совершённое: уже состоялись грандиозные стройки эпохи индустриализации, уже побеждён фашизм и покорён космос; уже написаны большие книги и сняты большие фильмы.

Наиболее уязвимыми перед посланиями сериала "Зулейха…" и других, подобных этому, оказываются частный зритель, которому, фактически, доходчиво объясняют факт его моральной неполноценности в свете его связи с советским и предлагают ряд готовых эмоциональных шаблонов-реакций на совесткое – гнев, стыд, возмущение, злость; и обыденное сознание, в котором формируется однобокое представление об СССР как о глобальной "дисфункциональной семье" (в терминологии Джанет Г. Войтиц). В связи с этим, на наш взгляд, перспективно также дальнейшее рассмотрение зрительских и читательских реакций на современные "антисоветские" произведения через методологию психологической теории ВДА (взрослые дети алкоголиков).

В заключение приводим слова Владимира Сухарева, получившие широкую известность благодаря неоднократному цитированию в средствах массовой информации. В 2018 году, наблюдая съёмочный процесс "Зулейхи…" и увидев самую настоящую, неаллегорическую, грязь, обильно размещённую перед главным зданием университета, он отметил: "Вот этой грязи тут не было. <…> Настоящая наша история, правда жизни – вот здесь, прямо под нашими ногами! Вот на этом самом месте, где теперь снимается исторический сериал – грязи не было. Ее принесли сюда МЫ, нынешние. И вымазали ею свое прошлое. И сами вымазались. Потому что нам так нравится" [15].

Добавим, что все войны с прошлым на поверку оказываются войнами с современностью, и, что куда критичнее – с современниками.

Литература:

1. "Зулейха" – это лакмусовая бумажка, показывающая, в каком состоянии мы находимся // Газета "БИЗНЕС Online" 23 апреля 2020. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/466070 (дата обращения: 10.10.2022).
2. "Зулейха" – это рецидив американской пропаганды: Сурайкин о сериале и врагах народа // Радио "Комсомольская правда". 16 апреля 2020. URL: https://radiokp.ru/zuleykha-eto-recidiv-amerikanskoy-propagandy-suraykin-o-seriale-i-vragakh-naroda_nid18158_au4311au (дата обращения: 10.10.2022).
3. "Зулейха": русофобская клюква для татарского националиста // Информационное агентство News Front. 14 апреля 2020. URL: https://newsfront.info/2020/04/14/zulejha-rusofobskaya-klyukva-dlya-tatarskogo-naczionalista/?fbclid=IwAR2_GSFifolk7Le0cHfig IGccglonfEpVVz6RygIL C2ByI3ZtEi4rKmKY0c (дата обращения: 10.10.2022).
4. "Стравили людей": в Госдуме хотят запретить "Зулейху" // Газета.ru. 27 апреля 2020. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2020/04/27/a_13063915.shtml (дата обращения: 10.10.2022).
5. Журкова Д. А. Телепроект "Старые песни о главном". Особенности интерпретации лейтмотивов советской культуры // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. – С. 33-47.
6. Зулейха, открывая глаза, повторит все фантазии Солженицына // Яндекс.Дзен. Умный татарин. 12 апреля 2020. URL: https://dzen.ru/media/smarttatar/zuleiha-otkryvaia-glaza-povtorit-vse-fantazii-soljenicyna-5e92e5b71fba7924e8ffe15c (дата обращения: 10.10.2022).
7. Зулейхе нечего открывать // Коммерсантъ: последние новости России и мира. 18 апреля 2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4323743 (дата обращения: 10.10.2022).
8. Каким получился сериал "Зулейха открывает глаза" // РБК Стиль. 18 апреля 2020. URL: https://style.rbc.ru/impressions/5e99d5e29a7947136c779d2b (дата обращения 10.10.2022).
9. Компартия коммунисты России потребовала прекратить трансляцию клеветнического антисоветского сериала на канале "Россия-1" // КОММУНИСТЫ РОССИИ – ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ. 16 апреля 2020. URL: https://komros.info/News/news_14276.html (дата обращения:10.10.2022).
10. Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917-1991 / Наталия Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 584 с.
11. Лучше бы Зулейха глаза не открывала // Николай Стариков: политик, писатель, общественный деятель. 16 апреля 2020. URL: https://nstarikov.ru/luchshe-by-zulejha-glaza-ne-otkryvala-114773 (дата обращения: 10.10.2022).
12. Ляпы и правда сериала "Зулейха открывает глаза": мнение историка // Новостной портал Московский Комсомолец URL: https://www.mk.ru/social/2020/04/17/lyapy-i-pravda-seriala-zuleykha-otkryvaet-glaza-mnenie-istorika.html (дата обращения: 10.10.2022).
13. Новикова А.А., Дюло Е.А. "Советское" на современном российском телевидении как проявле-

ние глокализации / А.А. Новикова, Е.А. Дюло // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. – 2010. -№ 1. – С. 23-37.
14. Прилепин обвинил авторов сериала "Зулейха открывает глаза" в русофобии // Взгляд. Деловая газета. 17 апреля 2020. URL: https://vz.ru/news/2020/4/17/1034975.html (дата обращения: 10.10.2022).
15. Развесистая клюква: сериал про Зулейху развёл грязь, которой никогда не было // Новые известия. 19 апреля 2020. URL: https://newizv.ru/news/culture/19-04-2020/razvesistaya-klyukva-serial-pro-zuleyhu-razvel-gryaz-kotoroy-nikogda-ne-bylo (дата обращения: 10.10.2022).
16. Режиссёр сериала "Зулейха открывает глаза" призвал оппонентов "отпустить прошлое" // Новости в России и мире – ТАСС. 16 апреля 2020. URL: https://tass.ru/kultura/8264851 (дата обращения 10.10.2022).
17. Сталиновирус опаснее любого другого вируса // КОНТ Платформа для социальной журналистики URL: https://cont.ws/@eremin762/1650361 (дата обращения: 10.10.2022).
18. Старосельская Н.Д. Товстоногов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 408 с.
19. Хочется зажмуриться, Зулейха! // Независимая народная газета Советская Россия. 15 апреля 2020. URL: https://sovross.ru/articles/1969/48477 (дата обращения: 10.10.2022).
20. Чем разозлил зрителей сериал "Зулейха открывает глаза" // Ведомости. 22 апреля 2020. URL: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2020/04/21/828638-razozlil-zuleiha (дата обращения 10.10.2022).

DIALECTICAL AND METAPHYSICAL ASPECTS OF THE STUDY OF REPRODUCTION OF SOCIALITY

Lukyanov Arkadiy Viktorovich, *DSc of Philosophy, Professor*
Latypova Aigul Robertovna, *applicant*
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan

The purpose of the study *is to reveal the content component of the idea of reproduction of sociality, which is most prominently seen in the process of comparing the dialectical and metaphysical aspects of considering human activity. In this regard,* ***the scientific novelty*** *lies in the consideration of the dialectical and metaphysical aspects of the reproduction of sociality as a set of spiritual, moral and aesthetic qualities, which are associated with the fact that any thing can be conceived better than it is in reality.* ***As a result,*** *it is revealed that the humanistic priority of the formation of metaphysical thinking is the free development of each person and his connections with other people. This universal or transcendental aspect of activity should be supplemented to a dialectical, creative approach, according to which social development means maximum mobilization of the potential of the individual.*

Keywords: *the idea of reproduction of sociality; dialectical and metaphysical aspects of the analysis of human activity; I. Kant; G.V.F. Hegel; transcendental dialectics; social development as the maximum mobilization of the creative potential of the individual and society.*

EDN: EGDPEN **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.33**

УДК 1:316
ВАК РФ 5.7.7

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИАЛЬНОСТИ

© Лукьянов А.В., 2023
© Латыпова А.Р., 2023

ЛУКЬЯНОВ Аркадий Викторович, *доктор философских наук, профессор*

ЛАТЫПОВА Айгуль Робертовна, *соискатель*

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Республика Башкортостан

Цель исследования *– раскрытие содержательной компоненты идеи воспроизводства социальности, которая наиболее выпуклым образом просматривается в процессе сопоставления диалектического и метафизического аспектов рассмотрения деятельности человека. В данном отношении* ***научная новизна*** *заключается в рассмотрении диалектического и метафизического аспектов воспроизводства социальности как совокупности духовных, нравственных и эстетических качеств, связанных с тем, что любая вещь может быть помыслена лучше, чем она есть в реальности.* ***В результате*** *выявлено, что гуманистическим приоритетом формирования метафизического мышления выступает свободное развитие каждого человека и его связей с другими людьми. Этот универсальный или трансцендентальный аспект деятельности должен быть дополнен до диалектического, творческого подхода, согласно которому социальное развитие означает максимальную мобилизацию потенциала личности.*

Ключевые слова: *идея воспроизводства социальности; диалектический и метафизический аспекты анализа деятельности человека; И. Кант; Г.В.Ф. Гегель; трансцендентальная диалектика; социальное развитие как максимальная мобилизация творческого потенциала личности и общества.*

Введение

Общество как способ воспроизводства социальности требует прояснения концептуального статуса самой социальной филосо-

фии, что предполагает учёт таких исследовательских парадигм, как метафизика и диалектика. Это имеет особое значение в условиях системного кризиса духа, философии, культуры и нравственности, всего российского общества, которое занято поиском социокультурной идентичности, разработкой эффективной системы социальной организации и, в конечном счёте, воспроизводством социальности.

Цель исследования структурирована следующими задачами: 1) исследованием идеи воспроизводства социальности в тесном контексте диалектического и метафизического аспектов анализа общественной деятельности человека; 2) анализом социальной и природной сущности человека, которые наиболее выпуклым образом проступают в процессе рассмотрения продуктивности идей немецкой классической философии, особенно систем И. Канта, И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля; 3) рассмотрением гуманистического потенциала метафизического мышления и трансцендентальной диалектики И. Канта и трансцендентального идеализма И.Г. Фихте; 4) выявлением актуальности и значимости гегелевской идеи возвращения "духа к самому к себе", духа народа к своим нравственным и творческим корням, а эти корни, как известно, способствуют максимальной мобилизации потенциала личности и общества, которое боится утратить свои исторические, нравственные, духовные истоки.

Теоретической базой исследования послужили труды И. Канта, И.Г. Фихте, Гегеля, К. Маркса, а также работы философов постсоветского периода.

Основная часть

Идея воспроизводства социальности восходит к древним философам и к представителям немецкой классической философии. Так, Сенека рассуждает о том, чтобы не допускать разногласия между делом и словом, "быть всегда самим собою" [1, с. 37]. В этом плане И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегель рассуждали о возвращении "духа" к самому себе, который, проходя через горнило мысли, природы и истории, обретает свою подлинную Родину лишь в случае, когда возвращается к своему подлинному бытию. Лишь в этом случае преодолевается кризис "фрагментации" современной общественной мысли, намечаются стимулы философской рефлексии, наиболее явно прослеживающиеся в конце XX века. При этом само существование социальной реальности становится предметообразующей проблемой социальной и политической философии.

Идея воспроизводства социальности, сама организационная форма последней, предполагает анализ различных подходов к её исследованию, особенно метафизического и диалектического. Ведь метафизика имеет дело со сверхчувственным бытием, без которого "немыслимо рассмотрение бытия в его тотальности" [2, с. 345]. Однако И. Кант внес новый вклад в понимание метафизики, что позволяет его отнести к авторам, занятых осмыслением трансцендентальной диалектики. Дело в том, что разум человека не направлен непосредственно на эмпирический опыт, а направлен на рассудок, "чтобы с помощью понятий a priori придать многообразным его знаниям единство [3, с. 342]. Данное единство не осуществляется просто рассудочной деятельностью. Оно направлено на становление социальности, духовного бытия, бытия процессуального, которое захватывает весь мир, весь человеческий род. Это бытие ещё не выявило своего подлинного смысла –> творческого результата. В результате сама метафизика может реализоваться только в имманентном, т.е. в том, что наиболее отвечает человеческой природе, человечности, которая ещё полностью не реализовалась.

Рассудок, конечно, – важный элемент становления социальности. Человеческое "Я" и внешний мир оказались разделёнными существующими формами отчуждения. В то же время они оказались и беднее по отношению друг к другу.

Основной порок либерально-гедонистического духа проявляется в его ограниченности пределами "наиболее благополучных в экономическом отношении обществ" [4, с. 39]. Однако общества и сообщества не существуют изолированно от остального мира. Бедные страны охвачены стремлением обладать теми богатствами, которыми обладает западный мир; они стремятся повысить свой социальный статус на международной, мировой арене. Воинствующий религиозный фундаментализм, попытки политической самоизоляции, милитаристские тенденции – формы данного стремления. Ф. Фукуяма, видимо, приближается к истине, когда говорит, что "перспектива многовековой скуки вынудит историю взять ещё один, новый старт [5, с. 143]. Скука, усталость, социальная апатия возникает из-за отсутствия смыслового пространства жизни, связанного с трансцендированием за пределы эмпирического бытия. Социальной основой отчуждения и самоотчуждения человека становится бытие,

ставшее товаром. Но товары, особенно в условиях санкций, плохо циркулируют. На место стремления к качеству вещей приходит "модель исключительно количественной по своему характеру взаимосвязи (или даже уже не взаимосвязи) объектов" [2, с. 77].

Социальное отчуждение, отчуждённое бытие объекта автоматическим образом обуславливает отчужденного субъекта. Ведь отчуждение взаимосвязано с внешним отчуждением. В данном случае общество не становится социальной самоорганизацией. Такие субъекты, как духовное "Я" человека, коллектив, социальная группа, класс, элита, общество в целом превращается в "колёсики" производства. При этом даже высокодуховная личность, её относительная свобода находится в промежуточных пространствах между экономической и политической жизнью. Сам человек находится отныне позади "человека-созидателя", автономного сознания вообще. Но современный человек далеко не всегда довольствуется гедонистическим образом жизни. Всё более и более вырисовывается тенденция массового поиска смысла жизни в условиях роста активности личности.

Однако метафизический аспект воспроизводства социальности и духовности тесным образом сегодня соприкасается с диалектикой как наукой о наиболее общих законах движения человеческой и общественной мысли, природы и современного социума. Об этом писал и Ф. Энгельс, и философы советского и постсоветского пространства. Диалектическое мышление развивается по линии нарастания стремления человека к творчеству. Эта тенденция противостоит логике гедонизма, которая отталкивается от понимания труда как чего-то безразличного. Трудовая деятельность здесь рассматривается как способ достижения "богатого" досуга. Труд людей должен становиться не утомительным, а высокооплачиваемым. Но мы знаем, что духовный продукт "не подлежит продаже". Духовные продукты труда "не в состоянии циркулировать как простое средство обращения. Они не подвергаются и процессу покупки" [6, с. 55].

Диалектика связана и с развитием нового типа социальных связей. Диалектическое мышление охватывает все уровни жизни человека и социума – от семьи до отношений между человеком и обществом. Автономный человек, который утратил свои групповые связи, тем не менее всё в большей мере стремится включиться в социальную общность. Но эта последняя призвана соответствовать вкусам и потребностям человека. Последний выстраивает свои отношения, повинуясь не происхождению, традиции, а собственному выбору. Так, Дж. Нейсбит полагает, что современные отношения отходят от духа "техники", что новый тип социального управления призван ориентироваться на потребности людей в "причастности к самореализации", что в "информационном обществе" формируются "беспрецедентные возможности выбора" [7, P. 40, 247].

Нам хотелось бы высказать ту мысль, что антропогенная цивилизация сочетает в себе черты метафизического и диалектического подходов. Эти подходы соединяют в себе мысль об универсальном творческом гуманизме, где каждый человек ориентирован на свободное развитие и мобилизацию потенциала личности. Но такой гуманизм не тождественен идее всеобщего обобществления. Ведь в этом случае отчуждение становится всеобщим, и мы имеем дело с отторжением от человека социальных инстанций.

Свобода индивидуального развития невозможна без разнообразия форм деятельности людей. А это, в свою очередь, предполагает плюрализм форм экономической, духовной и социальной организации. Однако очень трудно согласовывать частные интересы людей. Механизмы такого согласования вырабатываются на определенной ступени цивилизации, когда "принципы социальной справедливости и человеческой солидарности перестают выражать лишь те или иные групповые интересы и получают всеобщее признание" [4, с. 41]. Индивидуализация вовсе не обязательно порождает эгоцентризм. Она иногда облегчает человеку путь к восприятию всех людей как себе подобных, к человеческому состраданию, сопереживанию, взаимопониманию.

Преодоление противоречия между бедными и богатыми, видимо, не удастся без развития планетарного сознания, диалектического, по своему существу, самосознания.

Логика настоящего исследования проблемы воспроизводства социальности связана с идеей диалектики, которая у Канта оппозиционна понятию "дух". Кант, по словам Дреуэра, связывает духовное с областью "эстетического", где мы сталкиваемся с чувствами человека. Но не следует абсолютизировать "дух"; в противном случае можно скатиться в метафизику, которая, зачастую, не связана с имманентным постижением самого содержания "духа" [8, с. 17-18].

Воспроизводство социальности связано с автономным сознанием. Люди не могут быть

простым "отпечатком" их социального бытия. Человеческое самоотчуждение есть в принципе механистическое отчуждение самого действительного мира. Социальные обстоятельства, конечно, формируют людей. Но данные обстоятельства формируются человеческим образом. Человек не должен понимать окружающий его мир как субъекта, который состоит из пассивного воска. Человек активным образом вмешивается в мир и здесь как раз проявляется творческое действие человека. Такое действие несовместимо с механистической рефлексивной деятельностью.

Диалектический подход к исследованию воспроизводства социальности связан с аналитическим рассмотрением причин любого отчуждения, с проникновением в объектный мир, со стремлением очеловечить его.

Итак, анализ диалектического и метафизического аспектов исследования воспроизводства социальности связан, в конечном счете, с реализацией человеческого начала в человеке, с межчеловеческими, общественными корнями.

Вместе с тем заметим, что наука всегда опиралась на мышление и на историю духовного бытия. Кроме того, она интерпретируется как внесубъектная деятельность. Она оппозиционна бюрократизации общественных отношений. Однако наука об обществе связана с преодолением растущего "раздушевления" объектного мира. Если вычеркнуть субъект из картины мира, то мы получаем "мертвую картину мира" [2, с. 79]. Творческий субъект еще не гарантирует производства и воспроизводства социальной организации. Мышление не есть полностью тотальное объектное мышление без человека. Оно несовместимо с одинокими, ничего не говорящими людьми. Социальная организация опирается на систему ценностей, которая определяется как стратегическими, так и тактическими предпочтениями организации.

Диалектический аспект воспроизводства социальности связан с определением цели, которая определяет достижение лучшего результата.

Самостоятельная личность имеет свои цели, которые определяются материальным положением, социальной средой, в которой функционирует индивид, состоянием духовного и физического здоровья. Социальная организация зависит от приоритетов, которыми поддерживается организация. Но заметим, что деятельность человека определяется соревновательным эффектом. Диалектика, видимо, несовместима с победой сильнейшего в общественной жизни. Но соревновательный эффект, хотя и выступает причиной многих достижений, тем не менее, главным является сама система ценностей, сама миссия организации, виды и свойства целей. Нам думается, что воспроизводство социальности связано с внешней средой и характером внутреннего устройства социальной организации.

В современной культуре происходят интегративные процессы, ассимиляция, аккультурация, а также транскультурация. Эти процессы связаны как с диалектическим, так и с метафизическим аспектами воспроизводства социальности. Интеграция связана с диалектической согласованностью разных субъектов культуры. Диалектическая, социальная память стоит на страже прошлого; она предохраняет его от попыток "сделать бывшее небывшим" [9, с. 7]. Метафизический аспект данной проблемы связан с ассимиляцией, которая обозначает утрату социальной группой культуры. Память народа соотносится с усвоением его культуры. Аккультурация имеет отношение к добровольному заимствованию культур. Но транскультурация связана с перемещением социальной общности в иную сферу обитания, где отсутствует "инокультурная среда", которая, в свою очередь, имеет отношение к самоизоляции человека от внешнего мира. Однако социальная организация не может существовать без культуры как памяти, которая добывается в общественной практике.

Заключение

Культура объемлет всю жизнь людей. Новые знания, которые активизируют социальную память, обогащают её. Проникая в сознание людей, знания формируют культурную среду, в которой существуют люди. Духовная культура, становясь состоянием человека, делает его жизнь осмысленной. Но самопроблема смысла связана с тем, что не укладывается в установленные рамки. Чувства человека постоянно докладывают нам о новом и по-новому. Но что-то не включается в процесс собирания мыслей. В результате новое не означает убегание от мыслей в сторону любой ценой. Нам необходимо преодолеть процесс раскалывания события на отдалённое бытие и прерывающее, как это происходит в мире. Государство, как то, что прочно обеспечено и есть преодоление произвола; оно связано с внутренней жизнью чувства человека [10, с. 307].

Итак, социальность представляет собой некое целое. Это целое имеет определенное в себе продвижение. Диалектика, её осмысление,

связана с тем, что мир природы выше, чем мир духа. Ведь социальная организация намного выше физической жизни людей.

Примечания:

1. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. – М., 1977.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т.Ю. Быстровой, С.Е. Вершинина, Д.И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.
3. Кант И. Собрание сочинений в шести томах [под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т. И. Ойзермана] – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. -799 с.
4. Дилигенский Г.Г. "Конец истории" или смена цивилизаций? // Вопросы философии. – 1991. – №3. – С. 29-42.
5. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3.
6. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Человеческий труд в его отношении к духовной деятельности: монография / Уфимск. гос. авиац. техн. Ун-т. -Уфа: УГАТУ, 2021. – 120 с.
7. Naisbitt J. Megatrends. – N.Y., 1982. – 247 с.
8. Лукьянов А.В. Идея метакритики "чистой" любви (философское введение в проблему соотношения диалектики и метафизики / Изд-е Башкирск. ун-та. – Уфа, 2001. – 226 с.
9. Хасанова Л.Р. Социальная память нации (социально-философский анализ традиций башкирского народа): авт. дис. … канд. филос. наук. – Уфа, 2000. – 25 с.
10. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

NEW MEDIA INSTRUMENTAL POSSIBILITIES IN CORPORATE SPIRIT CREATION: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin Nikita Nikolaevich, *DSc of Philosophical sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy; Professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Kemerovo*

The purpose of the study *is to consider the instrumental capabilities of new media in shaping and broadcasting the spirit of modern organizations.* ***Scientific novelty*** *is characterized by identifying the features of new media in comparison with classical ones. The main focus is on the representative opportunities of new media to introduce representatives of the target audiences of companies to their brand and values, practical cases of modern organizations' appeal to various new media are considered, the strengths and weaknesses of new media are noted, setting the panorama for research on changes in the reputation of companies in empirical contexts in depending on the positive or negative perception of their corporate spirit.*

Keywords: *new media; corporate spirit; society; information; brand.*

EDN: DLLETK **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.34**

УДК 101.2
ВАК РФ 5.7.7

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НОВЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНОГО ДУХА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

© Равочкин Н.Н., 2023

Цель исследования *– рассмотрение инструментальных возможностей новых медиа в формировании и транслировании духа современных организаций.* ***Научная новизна*** *характеризуется выявлением особенностей новых медиа в сравнении с классическими. Основной акцент сделан на репрезентативных возможностях новых медиа по приобщению представителей целевых аудиторий компаний к их бренду и ценностям, рассмотрены практические кейсы обращения современных организаций к различным новым медиа, отмечены сильные и слабые стороны новых медиа, задающие панораму для исследований изменений репутации компаний в эмпирических контекстах в зависимости от позитивного или негативного восприятия их корпоративного духа.*

Ключевые слова: *новые медиа; корпоративный дух; общество; информация; бренд.*

РАВОЧКИН Никита Николаевич, *доктор философских наук, доцент, доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия; профессор кафедры Истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово*

Введение

Последние два десятилетия концепт "новые медиа" является предметом изучения целого ряда наук. Ведущая причина заключена в существенной технико-технологической трансформации современного общества и сопутствующих изменениях в методах трансляции знаний. Принципы массовой коммуникации сформировали систему электронных СМИ. Полагается, что использование данного термина обосновано необходимостью разделения и различения тра-

диционных СМИ и сети Интернет, в рамках которого применяются медиа, которые более совершенны в техническом плане [9]. Центральным оказывается положение о том, что современное общество, детерминированное информационными составляющими, обладает сетевыми и мозаичными свойствами, с логичном постмодернистской децентрализацией СМИ и бурным развитием электронных средств связи.

Цель исследования, состоящая в рассмотрении инструментальной роли новых медиа в создании духа современных организаций, предполагает решение трех задач: 1) изучить природу "новых медиа"; 2) проанализировать их имеющиеся разновидности и наиболее часто используемые рыночными игроками для создания неповторимого образа; 3) на практических кейсах выявить сильные и слабые стороны новых медиа и выявить их распространенность в современном мире. Для достижения поставленной цели и решения задач автор обратился к следующим методам: общефилософские, диалектические принципы познания, а также средства компаративистики.

Теоретической базой исследования послужили работы следующих авторов: И.А. Адамчук, Н.С. Важенина, Е.Л. Вартанова, Т.Ю. Иванова, А.А. Колосова, Я.А. Кочкова, Д. Ольшевский, И.М. Пожарицакая, П.С. Пожарицакая, Д.А.Попцов, О.С. Рогалева, Е.С. Старченко, В.Д. Стефанова, А. Фролов, А.С. Чернавский, Д.А. Шевченко, Т.В. Шкайдерова, А.А. Шнайдер.

Основная часть

Начнем рассуждения с того, что "новые медиа", "онлайн-медиа" и "сетевые медиа" оказываются тождественными понятиями уже потому, что формируют медиапродукт в оцифрованном виде. Кроме того, в таких СМИ реализуется принцип интерактивности формирования коммуникационного процесса, свидетельствующий о социально-онтологической возможности двустороннего процесса взаимодействия с аудиторией, включая ее отклики [12, с. 18]. Таким образом, в новых медиа различные адресаты выступают в роли полноценных участников коммуникационного процесса. Они являются не только глобальными потребителями поступающей информации, но и участвуют в производстве, обмене и распространении контента. Таким образом, специфической чертой "новых медиа" становится обретение аудиторией статуса актора современной медиасферы, утрачивающего при этом свойства исключительно пассивного звена коммуникативного процесса.

Одной из наиболее известных форм проявления новых медиа можно считать так называемую "гражданскую журналистику", в рамках которой непрофессиональные "акулы пера" на основании собственных действий играют активную роль в подборке, освещении, анализе и распространении информации. Описание данной формы новых медиа подразумевает наличие цифровых технологий для совершения необходимых действий, что связывается одновременно с использованием ресурсов интерсубективности и интерактивности. Как и многим феноменам современности, новым медиа свойственны конвергентный характер и принадлежность к сетевому пространству. Интеграция медиа происходит в том числе и за счет перевода классических газетных медиа в онлайн, где они обретают одну из ключевых особенностей – использование инструментов для визуализации данных.

По сути говоря, речь идет об использовании передовых технологий, позволяющих создателям контента удерживать внимание к конкретным медиа, что приводит к способности транслировать источнику практически любую информацию, а реципиенту – усваивать даже самые замысловатые потоки данных [8]. Так, А.А. Колосова и А.А. Шнайдер полагают, что у современных, занятых в сфере новых масс-медиа, индивидов "появляется все бо́льшее количество "информационного оружия", которое он может использовать для привлечения читателей к своему материалу" [5, с. 21]. При этом "старые" медиа ни в коей мере не выходят из коммуникативного пространства современности, но активно стремятся изменить свой статус и встроиться в актуальные тенденции. Однако необходимо указать, что популярность таких медиа снижается. Практика показывает, что их использование оказывается несколько менее эффективным и определенно является куда более затратным, нежели применение отмеченных выше механизмов формирования аттракции.

Оптимистически настроенные ученые полагают, что в такой логике участники коммуникационных процессов получают широкие возможности по транслированию независимой, надежной и, что главное, проверенной информации. Вдобавок к этому можно встретить мнение, что сформированные таким способом процессы дистрибуции контента позволят получить дополнительное финансирование в виде грантов для реализации социально значимых проектов в поле гражданской журналистики [13]. Разумеется, в представленных утверждениях

можно усомниться, поскольку полицентричность сетевой журналистики существенно затрудняет процесс верификации данных, формируя значительный информационный шум и позволяя транслировать скорее точки зрения на события и факты. Кроме этого, формирование и бурное развитие так называемой "вычислительной журналистики" дает возможность говорить об обращении к ресурсам компьютерной сферы, телефонии и мобильного Интернета, которые определяют возможность работы с цифровыми данными, аксиоматически требующими дополнительной верификации их качества и достоверности.

Итак, с одной стороны, технические средства позволяют сформировать беспрецедентные возможности для сотрудничества классических медиа, городской среды и аудитории, что повышает шанс для работников новых медиа избегать рутинных практик с контентом, снизить стоимость многих операций, развернуть мультимедийные кроссплатформенные решения, которые доступны огромному числу активных потребителей. Другая сторона вопроса заключается в степени достоверности контента, что не может не вызывать обеспокоенности, главным образом в воздействии на массовое сознание. В целом же, новые медиа находятся в синкретизме с цифровой трансформацией современных компаний. Это связано с тем, что большая часть информации воспринимается потребителями через глобальную сеть, что дает им возможности для сравнения товаров, их характеристик и ценообразования, а в итоге появляются новые инструменты коммуникации, призванные повысить эффективность продвижения товара.

Как справедливо пишут Т.Ю. Иванова и Я.А. Кочкова, "современная рекламная деятельность использует огромное количество различных видов и форм рекламы с точки зрения использования воздействия на чувства потенциального потребителя, характера подачи рекламного материала, характера стратегического направления рекламы, степени влияния на потребителя – того, что лежит в основе эффективности рекламы как таковой" [4, с. 67-69]. Именно воздействие на эмоциональную сторону человеческого поведения оказывается принципиальным в процессе реализации новых форм влияния на человека и социальные группы и, как следствие, на процесс приобщения социальных субъектов к новым ценностям рынка и его лидеров. Ставшая традиционной цель по максимизации продаж сегодня не является единственной. Новые медиа, под которыми подразумеваются любые формы Интернет-коммуникаций – будь то социальные сети, блоги или сайты – дают более сложный портрет, где корыстные интенции будут диагностированы, а подобная компания не вписывается в логику современного бизнеса. Так, в социальных медиа возникает принципиальная возможность формирования онлайн-сообществ, участники которых оказываются способными к передачи информацией, новыми идеями, равно как и любым другим контентом, что дает возможность создания, передачи, обработки и потребления информации о продукции и самой организации ее создающей. Если традиционные медиа оказывали воздействие на потребителя напрямую через каналы телевидения, радио или прессы, то новые технологии используют скорее косвенные формы влияния на человека. Эмоциональная сторона воздействия масс-медиа определяется не столько красивой картинкой, которую необходимо транслировать для привлечения внимания, сколько общественным мнением, основанном на новой технологической картины мира.

По причине того, что социальные медиа предполагают принципиально новый масштаб и охват буквально всех сторон человеческой жизни, возникает необходимость использования ресурсов новых специалистов в области продвижения продукции. Появляется новая технология формирования образа компании и ее товаров: SMM-продвижение, под которым понимается "совокупность мероприятий, направленных на использование социальных медиа в качестве каналов продвижения и решения других бизнес-задач" [6, с. 59-60]. Особенность технологии данных Интернет-платформ заключается в том, что потребитель рекламной продукции, равно как и всей информации об организации, в дальнейшем становится участником ее последующего производства. Например, читатель может комментировать информацию, представленную фотографом, редактором или же владельцем конкретного сервиса. Правомерно указать на интерактивную природу SMM-продвижения, что дает возможности формировать корпоративный дух не только руками специалистов, но и за счет общественного мнения. Как результат, появляется некоторая группа SMM-специалистов, которые определяют векторы продвижения товаров по соответствующим каналам. Мы в полной мере разделяем мнение, что их ключевыми задачами являются "мониторинг сети и социальных медиа, интерактивное взаимодействие с потребителями, воздействие на соци-

ум и далее на офлайн-социум для достижения целей бизнеса" [4, с. 21].

Одним из заслуживающих внимания кейсов может стать анализ активности компании LYONESS, поскольку всего за два десятилетия своего функционирования ей удалось трансформироваться из национальной в международную, прежде всего за счет новых медиа и выстраивания горизонтальных связей со своими потребителями. Любопытно, что формирование и дистрибуция контента происходят самостоятельно, без участия автора, но за счет усилий и действий, вовлеченных в коммуникационный процесс участников. На этом основании воплощается идея о том, что транслируемый таким способом контент вызывает больше доверия у его потребителей и потенциальных клиентов, поскольку последние более склонны доверять своему окружению. Выходит, продвигаемая информация утрачивает свои рекламные коннотации, что способствует позитивизации ее оценок и, как следствие, не вызывает отторжения [5]. По сути, налицо референсы к аналогам "сарафанному радио".

Выше мы указывали, что эссенциальным признаком новых медиа становится конвергентность, которая в рамках медиаэкономики приводит к слиянию ИКТ и СМК, что соответствующим образом влияет на создаваемые ими продукты [3]. Технико-технологическое и информативное значение термина "конвергентность" достаточно понятно, поскольку определяется скорее внешней средой, в которой происходит взаимодействие между источником и потребителем информационных потоков. Одновременно с этим следует, по нашему мнению, говорить о конвергентности как интерактивности процессов трансляции информации о компании и формируемом ее образе, практическая реализация которого осуществляется на основании ряда преимуществ новых медиа. Здесь можно выделить такие их широко известные сильные стороны, как двусторонний разговор, открытость системы, инициативность пользователей, возможность принятия решения сообществом целиком, наличие неструктурированной коммуникации.

Многочисленные примеры реализации обновленных возможностей медиа можно увидеть благодаря существующим в координатах социальных сетей виртуальным сообществам, которые объединяют приверженцев того или иного бренда. В таких сообществах происходят дискуссии по поводу качества товара, возникающих в их эксплуатации проблем, ожидания новинок и так далее. Распространенный недостаток данных сообществ, а именно отсутствие обратной связи с компанией, с легкостью может быть ликвидирован за счет делегирования персоналу обязанностей аналитика, поддержки и развития бренд-сообществ. Другим необходимым решением представляется распределение функций изучения влияния между различными социальными сетями и медиа, поскольку эффективным оказывается комплексное влияние, интегрирующее не только печатные, но и аудиовизуальные формы.

Закономерно, что формирование образа и духа организации, ее репутации и принятия на различных уровнях социального бытия определяется в том числе за счет взаимодействия организации и ее целевых групп в социальных медиа. Действительно, мы можем говорить о взаимном уподоблении образа самой компании, который она стремится сформировать. Благодаря взаимной коммуникации происходит нивелирование границ между транслирующими информацию новыми медиа и ее потребителями.

Интересным механизмом приобщения индивидов к ценностям рынка является формирование профиля и подписки в различных социальных сетях, благодаря чему открываются дополнительные возможности для продвижения того или иного товара либо услуг. "Коммуникация творит чудеса" – хрестоматийная максима срабатывает в очередной раз, поскольку позволяет повысить узнаваемость бренда, а частое присутствие, как известно, в значительной степени оказывает влияние на репутацию компании и в целом позитивно влияет на восприятие корпоративного духа конкретной организации. В современном мире именно репутационные ресурсы маркируются едва ли не самым ценным для любого агента социальных отношений. По оценкам экономистов, для рыночных игроков вплоть до 85% капитализации приходится именно на гудвилл [2]. С учетом когнитивных особенностей населения и буквально всеобщего перехода к экономике впечатлений, новые медиа выполняют не только проводниковую роль по предоставлению информации. Они выступают архитектором общественного мнения, расставляя акценты на предлагаемых конкретными компаниями ценностях, что формирует многочисленные образы лидеров рынка.

Анализ социальных медиа дает возможность понимать и контролировать вкусы потребителей и клиентов. Наблюдение за активностью профилей обеспечивает понимание предпочтений пользователей и на основании

изучения дискурсов строить различные прогностические модели по последующему продвижению фундирующих корпоративный дух заявленных аксиологических модусов [7]. На практике полученные данные могут быть реализованы посредством, например, контекстную рекламу, которая, конечно, является панацеей для коммерсантов и не свободна от недостатков. Стремительный рост числа баннеров в пространстве мировой паутины зачастую приводит к обратным эффектам и снижает их эффективность, поскольку прямая реклама в интернет-сообществах вызывает недовольство у подавляющего большинства субъектов, так или иначе с ней сталкивающихся. Общеизвестно, что блокираторы способны не только фильтровать ненужный для пользователей контент, но и приводить к утрате части прибыли, что актуализирует необходимость формирования революционных форм продвижения образа и духа компании в глазах потенциальных клиентов ресурсами новых медиа [6].

Однако картина современного мира говорит, что финансовые ресурсы большинства компаний попросту не позволяют им использовать все еще высокозатратные способы продвижения собственного образа. Исходя из этого, вырисовывается противоречие: даже в реалиях стремительной цифровизации организации вынуждены использовать такие методики, которые бы оптимизировали или вовсе минимизировали данную статью затрат, но гарантировали бы достаточные эффекты в плане создания и трансляции их духа. Да, многие компании до сих пор предпочитают руководствоваться "партизанским маркетингом", под которым понимаются "малобюджетные способы рекламы и маркетинга, позволяющие эффективно продвигать свой товар или услугу, привлекать новых клиентов и увеличивать свою прибыль, не вкладывая или почти не вкладывая денег" [1, с. 82]. Одним из социальных следствий относительно интенций по минимизации затрат можно назвать создание Интернет-магазина.

Освещая проверенноость "партизанских" технологий в маркетинге, Е.С. Старченко подчеркивает их особую значимость для малых игроков. Именно для них, зачастую в условиях реального ресурсного дефицита, открываются те самые "многочисленные двери" дополнительных возможностей, к которым относят "неограниченный поиск партнёров, упрощённая работа сетей и филиалов, быстрое получение реакции потребителей, быстрый и узконаправленный анализ интересов целевой аудитории, проведение платежей в любое время" [10, с. 39]. Следует сказать, что обращаться к данному инструменту целесообразно с опорой на статистические данные, так как их вдумчивая аналитика позволит в частности оперативно смоделировать профили целевых групп и оптимизировать временные затраты. При этом с учетом витального характера новых медиа для осуществления деятельности данные экономические агенты прибегают и к использованию сравнительно недорогой digital-рекламе, без которой адресаты попросту не смогут приблизиться к постижению корпоративного духа.

Очевидно, что сочетание методов целесообразно, поскольку именно синтез способен разработать искомый многоаспектный подход к решению проблемы присутствия и узнаваемости организации в медиасфере [11]. В своей совокупности удачно сочетаемые комбинации инструментов позволяют достичь интегральный, а не простой суммативный результат, что происходит в том числе благодаря сосредоточению на перспективных по самым различным основаниям рыночных сегментах. Одновременно с этим, само восприятие корпоративного духа представителями той или иной целевой аудитории отвечает их запросам по идентификации себя с конкретными компаниями.

Заключение

Подводя итоги, можно говорить о том, что новые медиа как инструменты создания и продвижения корпоративного духа в реалиях цифрового мира дают компаниям целый ряд возможностей, которые по-новому определяют их целостное восприятие адресатами. Кроме этого, создание корпоративного духа современными организациями выходит за пределы архаизирующегося понимания стремления лишь к экономическому успеху, в силу чего набирают популярность неэкономические основания и формы самопозиционирования. Мы рассмотрели средства SMM-продвижения, которые через оценки товаров и услуг конструируют определенную репутацию организации, являющуюся значимым ресурсом для долгосрочного контактирования индивидов с ценностями тех или иных экономических агентов благодаря работе последних с общественным мнением. На фоне недоступности ресурсов новых медиа целому ряду игроков рынка все еще распространены методики "партизанского маркетинга", сочетающиеся с социальными сетями и контекстной рекламой.

Литература:

1. Адамчук И.А., Стефанова В.Д. Роль маркетинга в малом бизнесе // Территория науки. – 2014. – №5. – С. 78-84.
2. Важенина И.С. Деловая репутация как конкурентный ресурс компании // Журнал экономической теории. – 2006. – №4. – С. 134-150.
3. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 335 с. [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text11/49.htm
4. Иванова Т.Ю., Кочкова Я.А. Особенности маркетинга в новых медиа в условиях цифровизации // Экономический журнал. – 2018. – №3 (51). – С. 67-76.
5. Колосова А.А., Шнайдер А.А. Новые СМИ как символ трансформации медиаландшафта информационного общества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №4-1(58). – С. 20-23.
6. Ольшевский Д. SMM-продвижение как эффективный инструмент интернет-маркетинга // Наука и инновации. – 2017. – №9 (175). – С. 59-63.
7. Пожарицкая И.М., Пожарицакая П.С. Особенности рекламы в "Инстаграмме" // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2019. – №. 1. – С. 9-17.
8. Попцов Д.А. Новые медиа?в?контексте?формирования общественного мнения // Дискурс-Пи. – 2020. – Т. 17. – №3 (40). – С. 140-152.
9. Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник Омского университета. – 2015. – №1. – С. 222-225.
10. Старченко Е.С. Потенциал новых медиа в развитии малого и среднего бизнеса // Вестник науки и образования. – 2019. – № 21-2 (75). – С. 38-42.
11. Фролов А. Исследование: траты малого и среднего бизнеса на баннеры и рекламу в соцсетях не окупаются // Информационный портал VC.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://vc.ru/marketing/42887-issledovanie-traty-malogo-i-srednegobiznesa-na-bannery-i-reklamu-v-socsetyah-ne-okupayutsya/
12. Чернавский А.С. "Новые медиа" и развитие журналистики цифровой эры // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2015. – Т. 8. – №5. – С. 18-24.
13. Шевченко Д.А. Рынок диджитал коммуникаций в России: ситуация и основные тренды // Системные технологии. – 2018. – №26. – С. 84-88.

PLATONISM AND ARISTOTELIANISM IN BYZANTINE HUMANISM

Revko-Linardato Pavel Sergeevich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow*

The article examines the attitude of Byzantine humanists to Platonism and Aristotelianism. The article shows the connection between Byzantine humanism and Italian Renaissance humanism, analyzes the differences between them. The differences between them were in the use of the philosophical ideas of Plato and Aristotle. The character of Byzantine humanism, which was a reaction to Hesychasm, is also very important. The Humanism was an alternative to the mystical and ascetic monastic worldview. The confrontation of humanistic ideas and the ideology of Hesychasm is a feature of the intellectual environment in Byzantium in the XIV-XV centuries. The article emphasizes that the Byzantine humanists were united in their belief in the spiritual self-sufficiency of man, the cognitive abilities of the human mind, and, of course, in admiration of Plato and Aristotle.

Keywords: *Byzantine Humanism; Platonism; Aristotelianism; Ancient philosophy; Byzantine philosophy; Hesychasm; Renaissance.*

EDN: CNNPPB **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.35**

ПЛАТОНИЗМ И АРИСТОТЕЛИЗМ В ВИЗАНТИЙСКОМ ГУМАНИЗМЕ

УДК 1(091)
ВАК РФ 5.7.72

© Ревко-Линардато П.С., 2023

В статье рассматриваются особенности отношения византийских гуманистов к платонизму и аристотелизму. Показаны связи византийского гуманизма и итальянского гуманизма эпохи Возрождения, а также проанализированы различия между ними. Продемонстрировано, что принципиальные различия заключались в особенностях использования философских идей Платона и Аристотеля, а также в характере самого "византийского гуманизма", выступавшего как реакция на усиление исихазма. В Византии гуманистические идеи являлись, в первую очередь, альтернативой мистико-аскетическому монашескому мировоззрению. Противостоянием гуманистических идей и идеологии исихазма обусловлены особенности интеллектуальной среды в Византии в XIV-XV веках. Также в статье подчеркивается, что, несмотря на весьма значительные расхождения во взглядах различных византийских гуманистов, они были едины в своей вере в духовную самодостаточность человека, познавательные способности человеческого разума, и, конечно, в восхищении Платоном и Аристотелем.

Ключевые слова: *византийский гуманизм; платонизм; аристотелизм; античная философия; византийская философия; исихазм, Возрождение*

РЕВКО-Линардато Павел Сергеевич, *кандидат философских наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва*

В XIV-XV веках в среде византийских интеллектуалов формируются мировоззренческие идеи, в которых заметны гуманистические тенденции. Понятие "византийский гуманизм" указывает на особую интеллектуальную и эстетическую совокупность мировоззренческих идей, выдвигаемых частью византийских мыслителей указанного периода. Данные идеи, в первую очередь, отражают установки, направленные на секуляризацию знаний, реабилитацию чувственного опыта, духовное и интеллектуальное освобождение человека от церковных догматов.

В указанном смысле византийский гуманизм находит свой аналог в итальянском гуманизме. Как считает известный византинист И.П. Медведев, мировоззрение византийских гуманистов образовывалось в своей сущности из того же уникального комплекса идей, который характерен для деятелей гуманистического движения в Италии [5]. Однако, в отличие от итальянского ренессансного гуманизма, византийский гуманизм не сформировал завершенную и целостную гуманистическую культуру. В Византии мы фиксируем лишь гуманистические тенденции, связанные с выработкой новых взглядов на природу человека, освобожденного от давления власти церковных догматов. Но византийские гуманисты и не ставили перед собой цель сформулировать четкую и непротиворечивую философскую концепцию, поскольку гуманистические тенденции в Византии выделялись, прежде всего, как альтернатива на фоне монашеской идеологии исихазма [17, с. 9]. Усиление исихазма спровоцировало обратную реакцию среди представителей образованной элиты, традиционно отдающих предпочтение традициям светского античного образования [4, с. 180].

Превращение древнегреческого философского наследия в действующий фактор нового формирующегося мировоззрения – важнейшая черта, характеризующая учение гуманистов. Поэтому богослов, церковный историк и византинист И. Мейендорф предложил определение византийского гуманизма, которое концентрируется на античной составляющей. Под византийским гуманизмом он понимал "в первую очередь – признание особого и несменяемого авторитета древнегреческой философии и несколько романтическое благоговение перед наследием античности" [7, с. 291].

Отсюда и схожесть византийского гуманизма и итальянского, ведь их общим первоисточником являлась античная культура с ее представлениями о завершенном и целостном человеке. Важно отметить, что если итальянские гуманисты "заново" открывали для себя античное наследие, то для византийских гуманистов оно не являлось чем-то новым, поскольку культурная связь с греко-римским прошлым в Византии не прерывалась никогда, в отличие от Западной Европы.

Философской опорой для византийских гуманистов стали, прежде всего, учения Платона и Аристотеля. Собственно, византийский гуманизм продолжил общую линию развития, наблюдавшуюся как в византийской философии, так и в западноевропейской средневековой философии, с характерным взаимодействием аристотелизма и платонизма. Но жители Византии имели доступ к трудам и других античных авторов, поэтому нельзя говорить об исключительном влиянии Аристотеля и Платона на византийских гуманистов.

Для византийских философов было характерным стремление совместить логику и гносеологию аристотелизма с метафизикой платонизма, и философы-гуманисты в своем противостоянии с исихазмом следовали этой же традиции. Интерес к античной философии и различным научным знаниям среди гуманистов ограничивался переписыванием древних рукописей, а также искусственным и формальным подражанием древним авторам. Произведения гуманистов отличались утонченным языком, они были целенаправленно наполнены аттикизмами, и это был явный контраст в сравнении с простым и общедоступным языком монахов.

Весьма показательно, что работы византийских гуманистов наполнены ссылками на многочисленных древних авторов с указанием их имен, и это при том, что своих же недавних византийских предшественников старались не упоминать, даже когда переписывали целиком фрагменты их сочинений [14, с. 182]. Все античные науки – философия, история, география, астрономия, математика – заняли достойное место в сочинениях византийских гуманистов [1, с. 334]. Поэтому энциклопедические знания и разностороннее образование являлись ценностью сами по себе, выступали как предметом гордости.

Яркий представитель византийского гуманизма – ученый-энциклопедист Феодор Метохит. По сути, Феодора Метохита можно считать основоположником византийского гуманизма. В его высказываниях о Плутархе мы обнаруживаем характерное для всех гуманистов отношение к разносторонней образованности. Метохит восхищен Плутархом, поскольку тот

"умеет пользоваться всякими учениями; стремясь все рассмотреть и осмыслить, этот человек не оставил в стороне ни одного раздела, ни одного способа воспитания, тогда как многие знаменитые и образованные люди древности да, пожалуй, и некоторые наши современники чувствовали себя хорошо только в тех науках, которые ближе их складу ума, а прочее для них было неприемлемо и доступно лишь в виде каких-то отрывочных сведений…" [13, с. 337-338]. Для Плутарха "природа сделала родной любую отрасль науки" [13, с. 338], и это достойно восхищения: "Плутарх в высшей степени достоин почитания за всякие знания, многогранность и память…" [13, с. 339].

Работы Феодора Метохита дали толчок к глубокому и разностороннему обращению к античному наследию. Создал комментарии аристотелевских трудов (Παράφρασις) и объемный трактат "Гномические заметки и памятки" (Ὑπομνηματισμοί καί σημειώσεις γνωμικαί), в котором с энциклопедической образованностью объединил заметки по философии, литературе, истории, географии, астрономии. Метохит высоко ставил заслуги Платона за то, что тот обнаружил истоки божественного познания, но, в то же время, и не отрицал величие Аристотеля [6, с. 247-248].

Ученик Феодора Метохита – Никифор Григора также проявил себя в различных отраслях знания – философии, истории, астрономии и богословии. Григора вступил в публичную полемику с Григорием Паламой, благодаря которой реконструируются его философские взгляды.

Логику и силлогизмы, по мнению Григоры, следует использовать в отношении лишь чувственно воспринимаемых вещей, но не в богословии. Здесь он опирается на Плотина, который разделял логику и диалектику [16, с. 223-224]. Григора, имевший обширные знания в философии и других науках, считал, что именно отсутствие образования привело Паламу к ошибкам в толковании сочинений отцов церкви. Весьма примечательно, что обвиняя своего оппонента в том, что тот приводит "нелогичный силлогизм" [9, с. 302], Григора обратился к образу Демокрита, который смеется над Паламой, и Гераклита, который оплакивает его безумие [9, с. 303].

Димитрий Кидонис – гуманист, продолживший дискуссию с Григорием Паламой, обратился к аргументации, восходящей к Фоме Аквинскому. После победы исихастов итальянское Возрождение казалось Кидонису более наполненным "эллинским" духом, чем сама Византия [8, с. 648]. Ярый поклонник античной культуры во всех ее проявлениях, Кидонис высоко ценил Платона, но основное внимание в своем интеллектуальном творчестве уделял Аристотелю [10, с. 20-151].

Необходимо отметить различное отношение к наследию Платона и Аристотеля со стороны официальной церкви. Аристотелевская логика была доступна для изучения в школах, но к представителям античного платонизма отношение было настороженное. К учению последователей Платона относились с определенной опаской, поэтому необходимо было иметь существенный авторитет и решительность, чтобы публично заявлять об интересе к платонизму.

Среди гуманистов – ярых приверженцев платонизма – особое место принадлежит Георгию Гемисту, который даже взял созвучное Платону прозвище Плифон (Πλήθων, то есть, "наполненный").

Плифон попытался отделить от теорий Платона и Аристотеля более поздние искажения и наслоения, накопившиеся за столетия, когда их пытались приспособить к христианскому вероучению. В своем сочинении "О проблемах, по которым Аристотель расходится с Платоном" (*Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης* πρὸς Πλάτωνα διαφέρεται) [20, с. 67-68; 99-100] он подверг сомнению интерпретации Аристотеля и Платона, ставшие традиционными и в Византии, и в Западной Европе.

Вдохновленный античностью, Плифон отверг христианский догмат о греховности природы человека. Человеческая добродетель заключается в контроле импульсов своего тела. Благодаря этому контролю появляются условия активности человеческого разума, познающего природу. Совершенства человек может достичь не в мистическом экстазе, как утверждали исихасты, а в философии [5, с. 82].

Предложенные Плифоном социально-политические реформы находят истоки в античной истории и созвучны с представлениями об идеальном государстве Платона [19, с. 370]. В кодекс законов, разработанных Плифоном, был включен заявление о необходимости возрождения эллинского язычества на основе платонизма [3]. В попытке Плифона соединить светский гуманизм и древнегреческую языческую религию, отразилось то, что среди других византийских гуманистов усердно скрывалось, но прочно жило – антихристианские настроения [18].

Плифон оказал значительное влияние на итальянских гуманистов, в частности, под его

влиянием при дворе Медичи во Флоренции была открыта платоновская Академия. Он подверг сомнению всю систему западноевропейского схоластического мышления. Вслед за Плифоном видоизмененный платонизм стал рассматриваться в качестве альтернативы официальному христианству Пико делла Мирандолой и Джордано Бруно [24].

Феодор Газа – уроженец Салоников, профессор и ректор Феррарского университета, напротив, не принял платонизма Плифона. Он вступил в полемику с Георгием Гемистом, в ходе которой попытался с позиции аристотелизма совместить друг с другом учение Стагирита и христианский догмат о Святой Троице [20].

Против платонизма выступил и другой гуманист – Георгий Трапезундский. Считая, что учение Платона несовместимо с христианством и даже для него опасно, Георгий рассматривал учение Аристотеля как созвучное христианской вере. Более того, Аристотель – это божественный посланник, который был направлен для подготовки человечества к восприятию Священного Писания [15].

Но учение Платона в трудах византийских гуманистов представало не только в форме неоязыческого платонизма Плифона. Виссарион Никейский использовал платоновские концепции для обоснования христианской догматики [12]. Для расширения работ по интерпретации платонизма в указанном направлении, Виссарион основал в Риме академию, занимающуюся исследованием наследия Платона. Виссарион объединил вокруг себя итальянских гуманистов и собирателей древних рукописей классических авторов.

За счет пожертвований Виссариона Никейского было оплачено обучение в Падуанской гимназии Иоанна Аргиропула, который своими латинскими переводами Аристотеля содействовал распространению итальянского аристотелизма [22]. Благодаря Аргиропулу аверроистский аристотелизм стал постепенно уходить на второй план, освобождая место греко-византийской традиции, ориентированной на оригинальные труды Аристотеля [11].

Как мы видим, византийские гуманисты имели особые связи с культурой итальянского Возрождения. И это не являлось случайным. Предложив идейную альтернативу исихазму, византийские гуманисты не смогли одержать победу в собственной стране. Поэтому они обратили свой интерес в сторону Италии, куда активно транслировали свои гуманистические идеи и, тем самым, оказали существенное влияние на развитие западноевропейской культуры эпохи Возрождения. Кроме того, нужно учесть, что становление византийского гуманизма пришлось на период коллапса византийской государственности. Гуманистическая культура в Византии не располагала достаточным временем, чтобы окончательно оформиться и получить широкое развитие.

Распространение византийского гуманизма затруднялось позицией официальной византийской церкви, после победы исихазма отказавшейся от любых попыток нахождения нового синтеза античной философии и христианства. Конечно, не следует считать, будто гуманизм и исихазм находились в состоянии перманентного конфликта. Например, в начале XIV века какого-либо открытого противостояния между двумя идеологиями не наблюдалось. Но в итоге возобладавшая консервативная церковная традиция, отрицающая возможность любого развития после отцов церкви, всячески препятствовала становлению византийского гуманизма. В Византии античная философия и христианство уже не могли образовать новый синтез и породить культурную революцию, подобную итальянскому Возрождению [8, с. 506].

Аристотелизм и платонизм определял общую динамику развития философской мысли Византии в целом, и византийского гуманизма в частности. В сравнении с западноевропейскими интеллектуалами, византийцы имели больше возможностей изучения различных классических авторов, что расширяло пространство для духовного поиска. В то время, когда в Западной Европе гуманистическая идеология ориентировалась преимущественно на Платона, византийский гуманизм не ограничивался обращением к какому-либо одному философскому направлению. Данное обстоятельство, однако, способствовало мозаичности и разорванности мировоззрения византийских гуманистов, не позволяя сконцентрироваться на выработке целостной и завершенной гуманистической идеологии.

Литература:

1. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. – Киев: Путь к истине, 1991. – 408 с.
2. Георгий Гемист Плифон. О законах. О Добродетелях. // Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. – Л.: Наука, 1976. – С. 220-300.
3. Георгий Гемист Плифон. О реформах // Византийский временник. – М., 1953. – Т. 6. – С. 386-412.
4. Кущ Т. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. – 456 с.

5. Медведев И.П. Византийский гуманизм XII-XI вв. – СПб.: Алетейя, 2007. – 340 с.
6. Медведев И.П. Особенности философской мысли в Византии XIV-XV вв. // Культура Византии XIII – первая половина XV в. – М.: Наука, 1991. – Т. 3. – С. 242-254.
7. Мейендорф И. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1973. – Т. XXIX. – С. 291-305.
8. Мейендорф И. Пасхальная тайна: Статьи по богословию. – М.: Эксмо: Православ. Св.-Тихонов гуманитар. ун-т, 2013. – 832 с.
9. Никифор Григора. История ромеев. – Т. 3. – СПб.: Квадривиум, 2016. – 488 с.
10. Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов: три очерка. – СПб.: Алетейя, 1998. – 351 с.
11. Рязанов П.А. Риторика раннего итальянского гуманизма и ученая деятельность Иоанна Аргиропула. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 3. – С. 154-161.
12. Удальцова З.В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии. // Византийский временник. – 1973. – Т. 35. – С. 75-88.
13. Феодор Метохит. О Плутархе // Памятники византийской литературы IX-XIV веков. – М.: Наука, 1969. – С. 337-338.
14. Фрейберг Л.А., Попова Т.В. Византийская литература эпохи расцвета. IX-XV вв. – М.: Наука, 1978. – 300 с.
15. Georgio Trapezuntio. Comparationes Philosophorum Aristotelis et Platonis. Frankfurt a. M.: Unveranderter Nachdruck. 1965. – 336 p.
16. Ierodiakonou K. The Anti-Logical Movement the Fourteenth Century // Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. Oxford, 2002. P. 219-238.
17. Podskalsky G. Von Photios zu Bessarion: Der Vorrang humanistisch gepragter Theologie in Byzanz und deren bleibende Bedeutung. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. 101 p.
18. Siniossoglou N. Radical platonism in Byzantium: illumination and utopia in Gemistos Plethon. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2011. – 470 p.
19. Tozer H.F. A Byzantine Reformer // The Journal of Hellenic Studies. 1886, № 7. P. 353-380.
20. Γεώργιος Γεμιστὸς Πλήθων. Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρεται // Ἡ Ἑλληνικὴ Φιλοσοφία ἀπὸ τὸ 1453 ὡς τὸ 1821. Ἀθήνα: Γνώση, 1998. Σ. 67-68; 99-100.
21. Θεόδωρος Γαζῆς. Πρὸς Πλήθωνα ὑπὲρ Ἀριστοτέλους // Ἡ Ἑλληνικὴ Φιλοσοφία ἀπὸ τὸ 1453 ὡς τὸ 1821. Ἀθήνα: Γνώση, 1998. Σ. 112-114.
22. Ιωάννου Αργυρόπουλου λόγοι, πραγματείαι, επιστολαί. Προσφωνήματα, απάντησεις και επιστολαί προς αυτόν και τον υιόν Ισαακιον. Επιστολαί και αποφάσεις περί αυτών / Έκδ. Σ.Π. Λάμπρος. Αθήνα: τύποις Π.Δ. Σακελλάριου. 1910. – 352 σ.
23. Μπαλόγλου Χ.Π. Ο Πλήθων και η εποχή του. // Νέα Κοινωνιολογία, 2002. № 35. Σ. 20-29.
24. Πανταζάκος Π. Πλήθων και Βησσαρίων: Περί ειμαρμένης, ανάγκης και θείας πρόνοιας. // Επιστημονική Επετηρίς της Φιλοσοφικής Σχολής του Παν/μίου Αθηνών, 2007-2008. № 39. Σ. 89-100.

CONSTRUCTS OF THE MODERN WORLD: PROBLEMS AND TASKS

Savenkov Eduard Borisovich, *Postgraduate student, Samara State Technical University, Samara*

Nowdays constructivism is an extremely developed direction, due to which the field of humanities carries out knowledge of the world. The discussion about the relationship between constructivism and relativism in the history of the development of philosophical methods allows us to see the complex problem of cognition of the XX-XXI century, but at the same time highlights the specifics of the author's units of constructive thinking (constructs). In addition, constructs are not only in the scientific field of activity of scientists and researchers, but go beyond it and even initially can be produced outside of this field. In the article, the author calls such a situation a scientific collision - a collision of heterogeneous realities of practices and thinking. The task of a modern philosopher-researcher is to develop tools for analyzing constructs, which will allow the latter to diversify, on the one hand, as a tool and result of cognition, and on the other hand, as a way of existence of complex systems of activity.

Keywords: *construct; ontology; methodology; epistemology; constructivism; activity; schematization.*

EDN: BIMKWM **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.36**

КОНСТРУКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

УДК 165.0
ВАК РФ 5.7.7

© Савенков Э.Б., 2023

В настоящее время конструктивизм - это чрезвычайно развитое направление, за счёт которого область гуманитарных наук осуществляет познание мира. Дискуссия о соотношении конструктивизма и релятивизма в истории развития философских методов позволяет увидеть комплексную проблему познания XX-XXI века, но в то же время оттеняет специфику авторских единиц конструктивного мышления (конструктов). Кроме того, конструкты не находятся только лишь в научном поле деятельности учёных и исследователей, а выходят за его пределы и даже изначально могут быть произведены вне этого поля.

В статье автор называет подобную ситуацию сциентической коллизией - столкновением разнородных действительностей практик и мышления. Задача современного философа-исследователя заключается в развитии средств анализа конструктов, что позволит диверсифицировать последние, с одной стороны, как инструмент и результат познания, а с другой стороны, как способ существования сложных систем деятельности.

Ключевые слова: *конструкт; онтология; методология; гносеология; конструктивизм; деятельность; схематизация.*

"*Независимо от того, что можно предположить, в науке проблемы не возникают сами по себе*"

(Гастон Башляр "Формирование научного духа")

Представленное высказывание Г. Башляра указывает на конструктивность науки и, как мы предполагаем, философии в равной степени [9]. Почему именно философии? Потому что проблема – это не естественный объект природного мира, а конструкт мышления, который позволяет человечеству постоянно развиваться и быть подвижным. Говоря о подвижности, имеет смысл обратить внимание, что она также свойственна и для мира, о чём говорят широко известные мудрости Гераклита о реке, в которую нельзя войти дважды, или, например, указание на субъективность познания Протагора ("человек – есть мера всех вещей"), не говоря уже о менее поэтичной, но более жёсткой традиции кантовского познания разума.

Конструкты современного мира можно разделить на несколько равноценных групп [2, с. 370-371]. Первые, как тонко замечает тот же Г. Башляр, относятся к науке, где конструирование находится на уровне мышления [9]. Известный методолог XX века Т. Кун описывал конструкты в рамках парадигмы [4], что интересно коррелирует с работами С. Хокинга и Л. Млодинова (модельно-зависимый реализм) [5, 10]. Парадигмальный конструкт для науки – это способ осуществления рефлексии не только по отношению к своим собственным научным взглядам, но и по отношению к целым научным школам родственных, или же смежных областей науки. Конечно, вышеназванные учёные абсолютно точно подразумевали, что конструктивизм потенциально полезен для науки, так как благодаря ему появились целые области познания, среди которых, например, социология знания (Д. Блур), философия математики (П. Эрнст), или, например, теория игр, внедряемая в сегодняшние реалии коммерческих структур деятельности в виде стратегий менеджмента и эффективного управления [15]. Данный пример указывает на второй тип – конструктивизм в практической деятельности. Конструкты первого типа развивают возможности познания, в то время как конструкты второго типа связаны с выполнением задач и достижением целей. Особенно проблематично различать данные типы конструктов в прогрессивных системах деятельности, где происходит сциентическая коллизия: практическая область деятельности и теоретическая область мышления сталкиваются, образуя спектр интерпретаций знания как того, что полезно (то есть соотносимого, или же не соотносимого ((тогда это не полезно)) с практикой).

Обширный взгляд на обсуждаемую в данной статье проблематику предоставляет Джо Л. Кинчелоу. Автор замечает, что новый миллениум подталкивает человека к взаимодействию с властными институтами с целью получения знаний и формирования сознания, однако эпистемологическая функция в формировании человека никогда не принадлежала власти. В данном случае можно не согла-

САВЕНКОВ Эдуард Борисович, *аспирант, Самарский государственный технический университет, Самара*

ситься с автором, так как власть для философии является разработанным объектом исследования, что переводит центральный тезис автора в положения выбора традиции (хотя бы с точки зрения временной интерпретации развития знания). Власть может рассматриваться в избранном контексте не только как сумма социальных институтов, но и как конструкт, отражающий одну из существенных сторон мира [12]. Сама сложность мира, или же его многогранность – это ещё не проблема для познающего мышления, а некоторое условие. С нашей точки зрения, процесс познания будет неполноценным, если индивид будет двигаться только лишь через научные конструкты, что приводит нас к проблеме развития конструктивного мышления, как современного способа познания мира. Равнозначно и обратное утверждение о том, что сосредоточение анализа на деятельности социальных институтов также не приведёт к построению полноценной картины мира, так как в анализе мы будем получать знание о том, что воспроизводится, в то время как для человеческого познания более конструктивным будет получение знания о том, что развивается.

Конструктивизм в деятельности, представленный в отечественной традиции широким кругом методологов и философов (Б.А. Грушин, А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр, М.К. Мамардашвили, В.Е. Лепский, В.С. Швырёв, В.Я. Дубровский и др.), обнажает вторую проблему: знание и реальность (бытийствование мира само по себе) не только отличны друг от друга, но и зависят от ситуации их культурного порождения. Примечательно, что у рассматриваемого нами конструирования (в данном случае представим его в виде метода) можно выделить, как минимум, две таких ситуации. Так, например, в середине прошлого века Ж. Пиаже формирует корпус исследований генетической эпистемологии, где интеллект рассматривается как аспект поведения, а последнее анализируется как адаптивный элемент, зависящий от среды [6]. Несколько позже в исторической действительности находят своё место исследования МЛК и ММК (московский логический, а позже методологический кружок), которые в своём развитии касаются педагогики [8], но в конце концов переходят к обсуждению результатов познания на схемах, лишённых субъектных интенций (человек и индивид замещается позицией в системе). Конструкт в данном случае возникает не как возможность ухватить ускользающее сознание и чрезвычайно динамичную психику человека, а как указание на положение внутри сложнейших процессов, которые ещё предстоит изучить. Таким образом, мы определяем ситуацию порождения конструкта как культурную, то есть обладающую всеобъемлющей рамкой существования.

Внутри философской культуры споры о соотношении конструктивизма и релятивизма имеют высокую популярность, а также достаточно интересную историю, однако в рамках данной статьи мы не хотели бы заострять на этом внимание из-за акцентуации на конструкте как на самостоятельной части философской культуры. Задача философского анализа современных конструктов не должна быть сведена к дескриптивному релятивизму (как выглядят вещи в нашем представлении и как обстоят дела мира в данный момент?), или к нормативному релятивизму (какие вещи должны быть в рамках нормы?). Таким образом, мы утверждаем, что проблематика конструктов не связана с истинностью и абсолютностью. Исследовательский акцент необходимо сместить в сторону изучения специфики контекстов возникновения (ситуация порождения) и употребления (ситуация использования) конструктов.

Философский контекст современного мира тесно связан с процессами информатизации и это преобразует образ функционирования многих областей. Например, в последние 10-15 лет в мире набирает популярность телемедицина (она же "telehealth" – телездоровье, или же "eHealth" – электронное здравоохранение), которая уже представлена несколькими модальностями. Физический осмотр больного заменился модальностью хранения и пересылки информации, где актуальное состояние больного постоянно фиксируется за счёт внешних электронных средств и перемещается в доступные врачам и фармацевтам базы данных. Модальность удалённого мониторинга позволяет хронически больным людям осуществлять контроль за своим состоянием, что, например, может выражаться в сборе показателей и пересылки их врачу за счёт мессенджеров, или других программ-сервисов. В России, например, подобный контроль осуществлялся за счёт сервиса "Госуслуги" во времена пандемии Covid-19: получивший прививку человек должен быть в течение первых суток заполнить дневник самонаблюдения в электронной форме, где отражались его жалобы и тревоги относительно физического состояния. Данный дневник должен был заполняться на первый, седьмой и двадцать первый день. По-

казательным был опыт России в данном направлении в случаях подтверждённого заболевания коронавирусной инфекцией, когда государственные учреждения здравоохранения предоставляли работодателю информацию о текущем статусе болеющего работника. В мировой практике телездоровье включает в себя множество направлений (телестоматология, телехирургия, телеаптека, телеуход и т.д.), но возникает вопрос о задаче данного конструкта? Как и в любой деятельности, в медицине тоже есть свои специфические проблемы. Среди очевидных – недоступность высококачественных услуг в деревнях и малых городах, а также в специфических-мобильных сферах деятельности (например, включающих экспедиционную составляющую), что характерно как для европейских, так и для азиатских стран. При этом в малонаселённых, или же транзитных местах нашей планеты может быть организован доступ к Интернету, что позволяет организовать трансляции и онлайн-консультации с врачом, или другим медицинским работником. Развитие и история телездравоохранения или телемедицины (термины, взаимозаменяемо используемые в литературе) уходят корнями глубоко в историю и развитие не только технологий, но и самого общества. Люди давно пытались передавать важные сообщения с помощью огненных факелов, позже бликов и фонариков (превратившихся ещё позднее в маяки и навигационные системы), или того же оптического телеграфа. Ранние формы телемедицины, достигнутые с помощью телефона и радио, были дополнены видеотелефонией, передовыми методами диагностики, поддерживаемыми постоянно обновляющимися клиент-серверными приложениями, а также телемедицинскими устройствами для поддержки ухода на дому. Более того, некоторые исследователи утверждают, что переход к телемедицине создаёт благоприятную сферу, которая способствует большей открытости пациентов в части обнаружения в их практике нарративной медицины, или же самолечения [13]. В настоящее время многие ведущие университеты следят за тем, чтобы студенты-медики заканчивали школу с хорошими навыками телемедицинского общения, что конструктивно выражается в появлении новых дисциплин и учебных предметов [14]. Таким образом, конструкт "телемедицина" вполне может стать жизненно важной частью образа жизни современного человека и речь не только о сфере услуг. На примере телемедицины можно увидеть, как расслаиваются ситуации порождения и ситуация использования, но для этого необходимо выбрать исследовательскую позицию, о которой мы подробно расскажем ниже.

Вышеназванный пример из медицинской сферы деятельности может быть показательным и с точки зрения актуализации проблем конструктов современного мира, и дело не в том, что телемедицина, или, например, дистанционное обучение никогда не смогут достичь уровня очного-живого взаимодействия между врачом и пациентом, или же преподавателем и учеником. Также не следует выдвигать на передний план в философской дискуссии проблему неравномерного распределения благ в обществе, которая, например, легко бы объясняла слабое покрытие телекоммуникационными сетями, предположим, африканских развивающихся территорий. Проблема конструктов не является спецификой социологии, или же экономики, а уже тем более политики внутреннего типа (если мы говорим об уровне развития тех, или иных стран). Принципиальным вопросом здесь будет являться уточнение (за счёт науки) характеристик ситуаций создания и использования конструкта и характеристик жизни самого конструкта уже внутри разных систем деятельности.

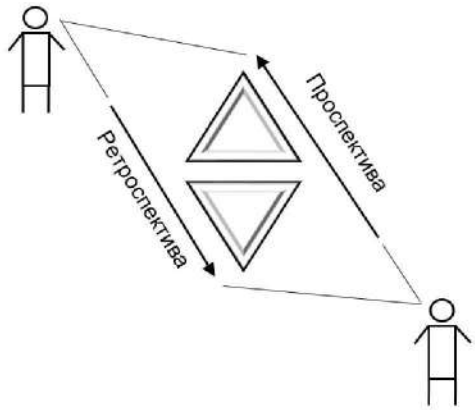


Рисунок – **Конструктивный лифт философа-исследователя**

Если мы представим в структурном изображении процессы мышления исследователя, то у них будет два направления – вниз (к основаниям деятельности) и в вверх (к идеальному объекту) (рис.). Когда философ-исследователь начинает задавать уточняющие вопросы, связанные с логикой происхождения конструкта (когда появился данный конструкт, кем был внедрён, в какой области, зачем и т.д.), то он спускается даже не на первый, а на нулевые-подземные этажи мышления. Конструкты на данном уровне являются фактами истории и

необходимы для логического структурирования того контекста, в котором конструкт сформировался (ретроспективный анализ). Движение вверх возможно при формировании иного взгляда на конструкты. В этой интенции философа-исследователя не интересуют прежние ситуации порождения-формирования конструкта, так как более привлекательным является прогнозирование будущих траекторий конструкта (проспективный анализ). На верхних этажах философского исследования преобладают вопросы, указывающие на множественное существование конструкта в различных видах деятельности. Например, чем отличается экосистема коммерческой компании от экосистем биологического типа [11], или может ли быть осуществлён перенос опыта диджитализации из сферы бизнеса в сферу образования и обучения [1], или как изменяется содержание знания о домохозяйствах при организации практик устойчивого развития [3].

Задачами современного философа является самоопределение в направлении его познавательного процесса. Ретроспективное направление задаёт проблематику через эволюцию конструкта, которая отражается в определённых традициях его рассмотрения. В данном случае философу придётся отвечать не только на вопрос о значении конструкта, но и стараться удержать те смыслы, которые были характерны для определённых школ, профессиональных сообществ, а также парадигм культуры. Проспективное направление представляет уже совсем иной пласт проблем, связанных с привлечением актуального разнопрофильного практического материала для анализа. Кроме того, конструкты действительно могут обладать самостоятельностью, что мотивирует исследователя создавать специальные знаковые формы (например, схемы в их функциональном назначении как метода), чтобы обсуждать наполняемость и функциональность конструкта [2]. Заметим, что альянс позиций, указанных на рисунке выше, возможен и представляет собой прогрессивные междисциплинарные исследования, в которых может и должна принимать участие философия в качестве гаранта полноты и глубины актов познания.

Литература:

1. Ваниева Э.А. Диджитализация образовательных технологий высшего учебного заведения как средство достижения конкурентного преимущества на рынке образовательных услуг // KANT. – 2018. – № 1. – С. 10-14.
2. Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1312 с.
3. Исаев Р.О. Онтологические и гносеологические аспекты устойчивого развития (на примере домохозяйства) // Вестник Вятского государственного университета. – 2020. – № 2 (136). – С. 32-42.
4. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 287 с.
5. Млодинов Л. Прямоходящие мыслители. Путь человека от обитания на деревьях до постижения мироустройства. – М.: Гаятри/Livebook, 2016. – 496 с.
6. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. – СПб.: Питер, 2004. – 160 с.
7. Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени – М.: АСТ, 2021. – 176.
8. Щедровицкий Г.П., Розин В., Алексеев Н., Непомнящая Н. Педагогика и логика. – М.: Касталь, 1993.
9. Bachelard G. The New Scientific Spirit. – Beacon Press. : 1986. – 214 p.
10. Hawking S. On The Shoulders Of Giants. – Running Press Adult. – 2003. – 1280 p.
11. Karpinskaya V.A. Ecosystem as a unit of economic analysis // System Problems of the Domestic Mesoeconomics, Microeconomics, and Economics of Enterprises. – 2018. – P. 125-141.
12. Kincheloe J.L. Critical Pedagogy Primer. – Peter Lang. : 2008. – 202 p.
13. Schiffman R. Learning to Listen to Patients' Stories // The New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2021/02/25/well/live/narrative-medicine.html (дата обращения 04.12.2022)
14. Thomas E.E., Haydon H.M., Mehrotra A., Caffery L.J., Snoswell C.L., Banbury A., Smith A.C. Building on the momentum: Sustaining telehealth beyond COVID-19 // Journal of Telemedicine and Telecare. – 2022. – № 28 (4): – P. 301-308.
15. Von Neumann LR. Morgenstern, and the Creation of Game Theory. – Cambridge University Press. – 2013. – 422 p.

RUSSIA AND EURASIA: THE TRANSITION FROM A UNIPOLAR WORLD TO A MULTIPOLAR ONE

Silaev Vadim Ivanovich, *Undergraduate student*

Lolaeva Diana Taimurazovna, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor*

North-Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University), Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania

The year 2022 was a turning point for the entire modern world, when the old economic, social, political, value, spiritual order was changed, as a result of which it became possible to abandon the unipolar world. ***The purpose of the study*** *is to reveal the need for a transition from a unipolar world to a multipolar world and to show that only a*

multipolar way of life can free a person from the feeling of a "comprehensive end", which pushed him into a state of rejection of himself, his identity, his group membership. ***Scientific novelty*** *lies in the need to outline the boundaries of a new model of the world, focused on the revival of existing socio-economic, socio-political, socio-cultural subjects filled with the deep content of traditional values.* ***As a result,*** *new centers of gravity of forces have been identified, and a prognostic assessment of the likely development of events has been presented.*

Keywords: *Russia; Eurasia; unipolar world; deep state; inclusive capitalism; great reset; multipolar world; vectors of new democracy; era of global crises; cultural Marxism.*

EDN: ZPFVHZ **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.37**

УДК 327
ВАК РФ 5.7.7

РОССИЯ И ЕВРАЗИЯ: ПЕРЕХОД ОТ ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА К МНОГОПОЛЯРНОМУ

© Силаев В.И., 2023
© Лолаева Д.Т., 2023

2022 год стал переломным для всего современного мира, когда старый экономический, социальный, политический, ценностный, духовный порядок был изменён, в результате чего появилась возможность отказаться от однополярного мира. ***Цель исследования*** *– раскрыть необходимость перехода от однополярного мира к миру многополярному и показать, что только многополярный уклад может освободить человека от чувства "всеобъемлющего конца", толкавшего его в состояние отказа от себя, своей идентичности, своей групповой принадлежности.* ***Научная новизна*** *заключается в необходимости очертить границы новой модели мира, ориентированной на возрождение действующих социально-экономических, социально-политических, социально-культурных субъектов, наполненных глубинным содержанием традиционных ценностей.* ***В результате*** *определены новые центры притяжения сил, представлена прогностическая оценка вероятного развития событий.*

Ключевые слова: *Россия; Евразия; однополярный мир; глубинное государство; инклюзивный капитализм; великая перезагрузка; многополярный мир; векторы новой демократии; эпоха глобальных кризисов; культурный марксизм.*

2022 год – это год, когда прежние экономические, политические, культурные и ценностные взгляды евроцентристской направленности, начали утрачивать ключевые позиции в массовом сознании не только в России, но и в Евразии [2]. Этому предшествовали многие события: от Мюнхенской конференции по безопасности до терактов на Северных Потоках 1 и 2. Точкой отсчёта можно считать историческое выступление Президента России Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Именно тогда подведена "красная" черта, которой было очерчено завершение главенства "однополярного мира", а именно гегемонизма Соединённых Штатов [8]. С одной стороны, исторически сложившийся миропорядок определяет гегемонию лидера, с другой – лидер выступает координатором действий, занимаемых позиций и мест всех участников миропорядка. Согласно идее А.Д. Несмашного, "гегемония зиждется на двух столпах. Во-первых, она основана на предоставлении клубных и общественных благ, что регулируется международными режимами. Например, в поддержании единства советского блока далеко не последнюю роль играл СЭВ. Те же режимы иногда обеспечивают вклад союзников в достижение общих целей, чтобы избежать проблемы "безбилетника". Во-вторых, гегемон должен обладать механизмами принуждения, основная цель которых – обеспечить выполнение правил, когда они устраивают гегемона, или заставить других переписать правила, если гегемон сочтёт это необходимым. Эти два элемента создают систему позитивных и негативных стимулов для других её участников, которые принимают решение, примыкать ли к гегемону, и к какому" [6, с. 35-48.].

Чтобы понять всю глубину упадка концепции "однополярного мира", необходимо рассмотреть ряд событий в динамике и на большом промежутке времени. Рецессия мировой экономики началась

СИЛАЕВ Вадим Иванович, *магистрант*

ЛОЛАЕВА Диана Таймуразовна, *кандидат философских наук, доцент*

Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет), Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания

не в 2020 году с началом пандемии COVID-19, а в 2019 году, когда все физические индикаторы развития глобальной экономики показали отрицательные значения роста. Этому способствовали провальные идеи "зелёной" энергетики, которая должна была быть фундаментом Четвёртого энергетического перехода, которые берут свои корни из 2009-2010 гг. в Европейском союзе. Экономический, энергетический, нефтяной, газовый, политический, социальный и продовольственный кризисы на фоне рецессии мировой экономики и пандемии COVID-19 – это конфликт более глубокий, чем кажется на первый взгляд. Это конфликт стран-потребителей со странами-производителями [2]. В странах-потребителях используются идеологические догматы, которые направлены на существование текущего энергетического, экономического, политического и культурного уклада за счёт разрушения иных энергетических структур. Ведь разрушение СЭВ, ОВД и развал Советского Союза спасли коллективный Запад от текущего кризиса на 31 год. Образовалась "свободная энергия" – люди, технологии, рынки сбыта, культурное пространство. Человеческая цивилизация стала заложницей однополярного мира с гегемонией США. Тем не менее, уже в начале 2000-х годов Азия стала драйвером развития всей мировой экономики. Началось формирование альтернативных точек притяжения "сил", таких, БРИКС, ШОС, Евразийский экономический союз и т.д., которые не навязывают чуждую культуру и деструктивные идеи, тем самым создавая иной путь существования цивилизации в своём многообразии моделей. Наступает, как когда-то писал Генри Уоллес, "Век простого человека", который, к сожалению, не был достигнут в XX веке. Ведь эта идея идёт в разрез с ценностями западного представления о "демократии", "экономике", "духовности" и "культуре" [5]. Эта концепция позволяла двум разным системам существовать в мире и создать нечто иное, однако это было опасно для западных элит, условиями благополучия которых является неблагополучие других. В ответ на коммунистическую идеологию и "век простого человека", западные мыслители создали идеологию "культурного марксизма", где были подменены главные идеи о социально ориентированном государстве, о равном доступе каждого ко всем благам цивилизации. Они в этом плане следовали правилу: "Не можешь победить – возглавь". Западная философская мысль не допускает ни малейшей "искры" о том, что возможны равные и взаимовыгодные отношения между группами людей, государств или объединениями. В упрощённом виде модель сводится к антитезе "хозяин-слуга" [8], которую можно найти у Редьярда Киплинга в "Бремени белого человека". Однако более сложный и информационно-технически пропитанный XXI век потребовал от представителей "старых денег", или представителей "глубинного государства", создания новой экономической и политико-философской модели, которая позволит вновь повернуть "век простого человека" вспять.

В разных странах западного мира мы наблюдаем, как сформировалась наднациональная прослойка политиков-глобалистов, которые полностью отражают идеи неоконсерваторов о "перманентной борьбе за демократию" под самыми яркими лозунгами, что позволяет создавать очаги "контролируемого хаоса". В своём романе "S.N.U.F.F" [7] Виктор Пелевин отдельно выделяет специалистов, профессиональная компетенция которых сводится к разжиганию войн. Он называет их "дискурсмонгерами". "Дискурсмонгеры" – это и авторы "цветных революций", и руководители "фабрик мысли" (Think Tanks), работники НКО и хозяева инвестиционных корпораций (Black Rock, State Street Corporation, The Vanguard Group и огромное множество структур, аффилированных с ними), которые и задают основной толк в официальной политике многих государств через сети своего влияния. Новая концепция борьбы со странами-производителями определяется ими как "инклюзивный капитализм" [3-4]. И несмотря на заявленное движение ради "создания более справедливой и равноправной системы распределения ценностей" – это движение направлено против такого "рудимента истории" (по их мнению), как национальные государства. Об этом они не говорят открыто, но обращая внимание на заявление участников этого движения, становится ясно, что "однополярный мир" будет держаться за своё господство всеми возможными способами, невзирая на убытки и человеческие жертвы. Для достижения максимальной прибыли и повышения эффективности использования средств им мешают национальные государства, традиции и особенности культур. Поэтому создаются фонды, НКО, грантовые программы для поддержки тех, кто разделяет идеи "инклюзивного капитализма", который по факту остаётся тем же самым, что и был – противником концепции "века простого человека" Генри Уоллеса [9].

Первым серьёзным ударом по идеологии однополярного мира была операция по принуждению Грузии к миру 8-12 августа 2008 года. Вторым сильнейшим ударом по фундаменту однополярного мира последовало воссоединение Крыма с Россией 18 марта 2014 года. Теперь же мы живём в исторический момент, который покажет, идея какого миропорядка устоит в истории человечества.

Мир стал меняться кардинально и бесповоротно. Если Европа была центром цивилизации на протяжении столетий, то с конца 1980-х годов XX века – это Азия. Начало Специальной военной операции (СВО) 24 февраля на территории бывшей Украины стало третьим и самым сильным ударом по идеологии "однополярного мира", и актом иного взгляда на существующую роль России и Евразии на мировой арене. В основном санкции поддержали страны, имеющие огромные долги, как в относительных числах, так и в абсолютных. Это и есть страны-потребители. А на стороне многополярного мира во главе с Россией, Китаем и Индией выступают страны, чьи физические богатства не хотят продавать за макулатуру и пустые числа в западных банках. Именно это и отличает принципиальный подход к существованию стран-потребителей и стран-производителей [4].

Страны-потребители навязывают всему остальному миру, как следует жить, и сами решают, кто входит в развитые государства, а кто остаётся в числе развивающихся. Современные политические, экономические, культурные и социальные институты возглавляют представители стран-потребителей, которые говорят от лица всего человечества, назначив себя "голосом" мирового сообщества несмотря на то, что 85% населения мира не поддерживают их вектора развития [9]. Это более глубокий и фундаментальный разлом не только в культуре, но и в самой ментальности стран-потребителей, когда догматика "дискурсмонгеров" становится основой политической жизни Европейского союза. Европейский союз, как объединение из самостоятельной фигуры на мировой арене в XX веке, в XXI веке стал зависимой от геополитических и экономических интересов США. При этом закрытие АЭС, деиндустриализация, депопуляция и безмерное заимствование у дня "завтрашнего" и стало спусковым крючком новой волны мировой рецессии, глобальной инфляции, смены правительств и упадка уровня жизни. Однако эти кризисные явления сильнее сказались на странах-потребителях, чем на странах-производителях.

В заключение, можно сказать, что многополярный мир – это будущая реальность, которая находится сейчас на стадии формирования. Однако именно от Российской Федерации зависит этот момент в ключевой вехе нашей истории. Это наш Рубикон. Здесь формируются грани зародившейся новой России с новой экономической, политической, культурной и социальной программой, которую только предстоит оформить. И прежде всего это касается принятия государственной идеологии, как ориентира, горизонта, к которому мы стремимся добраться в конечном итоге [3], определения круга союзников, которые разделяют мировоззрение, миропонимание и мироощущение. По определению географа и профессора Хэлфордом Дж. Маккиндером в его знаменитой "Географической оси истории", Россия – это "Хартленд" (Сердце Земли), которое в нынешних реалиях находится между двумя геополитическими пространствами "Запада" и "Востока". Нам следует учитывать множество самых разных факторов при принятии решений. Однако мы в первую очередь должны сместить фокус с "евроцентризма" на себя, чтобы определить своё место в новом многополярном мире. Будущим исследователям ещё предстоит оценить историческую роль текущим событиям, однако не стоит питать надежд, что старый мир, который был до 24 февраля 2022 года, вернётся [8]. По итогам этих событий станет ясно, какая философско-политическая модель жизнеспособна: однополярного мира с гегемонией США или многополярного с равными возможностями для всех стран вне зависимости от их политической модели.

Литература:

1. Зимонин В.П. Россия в системе безопасности Евразии / В.П. Зимонин // Защита и безопасность. – 2016. – № 4(79). – С. 2-4. – EDN XBJMWH.

2. Касаева А.Б. Антропологический кризис в контексте глобальных изменений и перспективы человека / А.Б. Касаева, В.И. Силаев // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: сб. науч. тр. по материалам Межвузовского научно-практического семинара, Владикавказ, 05-06 декабря 2019 года. – Владикавказ: Мавр, 2019. – С. 41-46. – EDN SDDFCP.

3. Клюев Р.В. Климатическое влияние на энергетику Европейского союза на примере Германии вследствие провальных энергетических реформ в 2009-2010 Г. И катастрофическое положение энергетики Европы в эпоху глобальных кризисов / Р.В. Клюев, О.А. Гаврина, В.И. Силаев // Вести высших учебных заведений Черноземья. – 2022. – № 2(68). – С. 14-25. – DOI 10.53015/18159958_2022_18_2_14. – EDN EMVCUF.

4. Кцоев Х.М. Искусственный интеллект в электроэнергетике: методы и технологии / Х.М. Кцоев,

В.И. Силаев, О.А. Гаврина // Современные тенденции развития информационных технологий в научных исследованиях и прикладных областях: сб. докладов II Международ. науч.-практ. конф., Владикавказ, 29-30 апреля 2021 года. – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 96-99. – EDN TVBSKC.
5. Лолаева Д.Т., Санакоева Я.И., Марзаева М.Д. Исследование проблемы человека в современной философской мысли // Актуальные проблемы современной науки: сб. науч. тр. по материалам Международ. науч.-метод. конф. – Владикавказ, 2019. – С. 22-25.
6. Несмашный А.Д. Российский допинг для американской гегемонии // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 6. – С. 35-48.
7. Пелевин В.О. "S.N.U.F.F". Режим доступа: https://bookshake.net/r/s-n-u-f-f-viktor-olegovich-pelevin (дата обращения: 06.12.2022).
8. Силаев В.И. Проблемы искусственного интеллекта в современном обществе / В.И. Силаев, А.Б. Касаева // Актуальные проблемы современной науки: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-методической конференции, Владикавказ, 24-25 мая 2019 года. – Владикавказ: Мавр, 2019. – С. 127-130. – EDN XPICJW.
9. Силаев В.И, Наниева Б.М. Перспективы энергетики в Эпоху Глобальных Кризисов // III Всероссийская (с международным участием) молодежная науч.-практ. конф. "ЭНЕРГОСТАРТ". – Кемерово: Институт энергетики КузГТУ, 2021. – С. 208-1-208-5.

THE FACTOR OF THE SPLIT IN THE VALUE WORLD OF THE ELITE OF RUSSIAN SOCIETY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Smirnov Roman Kamilevich, *PhD of Philosophical sciences, Associate Professor, Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after N.E. Bauman, Kazan, Republic of Tatarstan*

The purpose of the study *is to reveal through the socio-philosophical reflection of the history of Russia the role and significance of the split as one of the most important factors of the value world of the consciousness of the domestic elite.* ***The scientific novelty*** *of the study consists in the systematic identification of the essential features of the split, the specifics of its impact as a socio-cultural phenomenon on the consciousness of the domestic elite. A number of features of the value world of the domestic elite determined by the split factor are highlighted. The article reveals the substantive aspect of the split as a socio-historical phenomenon, presented in the interaction of its political and spiritual (cultural) lines. The conclusion is made about the disastrous effect of the factor of division on Russian society, which prevents it from moving forward progressively. The author's version of overcoming the problem of the split is outlined.*

Keywords: *split; society; history of Russia; elite; politics; cultural aspect; values; consciousness.*

EDN: IYCGXA **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.38**

ФАКТОР РАСКОЛА В ЦЕННОСТНОМ МИРЕ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 140.8
ВАК РФ 5.7.7

© Смирнов Р.К.. 2023

Цель исследования *– раскрыть посредством социально-философской рефлексии истории России роль и значение раскола в качестве одного из важнейших факторов ценностного мира сознания отечественной элиты.* ***Научная новизна*** *состоит в системном выявлении сущностных черт раскола, специфики воздействия его как социокультурного явления на сознание отечественной элиты.* ***В результате*** *исследования показана эклектичная природа раскола, которая детерминирует нестабильное, промежуточное состояние сознания российской элиты, застрявшей в челночном типе движения между собственным и привнесенным Западным началом. Выделен ряд особенностей ценностного мира отечественной элиты, детерминируемый фактором раскола. Раскрыт содержательный аспект раскола как социально-исторического явления, представленный во взаимодействии его политической и духовной (культурологической) линий. Сделан вывод о губительном воздействии фактора раскола на российское общество, мешающий ему поступательно двигаться вперед. Намечен авторский вариант преодоления проблемы раскола.*

Ключевые слова: *раскол; общество; история России; элита; политика; культурологический аспект; ценности; сознание.*

СМИРНОВ Роман Камилевич, *кандидат философских наук, доцент, Казанская государственная академия ветеринарной медицины имени Н.Э. Баумана, Казань, Республика Татарстан*

Введение

Актуальность работы продиктована необходимостью анализа основ ценностного мира лиц, занятых разработкой концептуаль-

ных моделей развития России и применением их на практике. Одной из таких основ является раскол, который рефреном проходит сквозь историю страны, определяет разрыв интеллектуальных исканий между Западом и Востоком, задает проблематику философской рефлексии поиска первоначал российского социума. Тем самым, выбор данной темы значим и своевременен, особенно сегодня в условиях перехода страны к реалиям цифрового мира XXI столетия. Итак, цель статьи раскрыть посредством социально-философского анализа истории России роль и значение раскола в качестве одной из ключевых особенностей ценностного мира элиты российского общества, наметить вариант его преодоления.

Методологический каркас работы выстроен на основе общефилософских и логических методов, методов работы с научным текстом, системным подходом, методом исторического сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретическую базу составляет корпус исследований следующих авторов: А. Ахиезер [1], В.Зеньковский [5], Л. Васильев [2], А. Гулевский [3],А. Давыдов [4], А. Мудрик [7], А. Новиков [8], Н. Темнюк [12], Ж. Тощенко [13], В. Шумилов [15] и др.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут внести свой вклад в процесс изучения ценностного мира сознания отечественной элиты, выработку практических рекомендаций по формированию программы национального развития России.

Основная часть

Термин элита объемен по своему содержанию и поэтому нуждается в уточнении. Мы, в рамках нужд темы, под ней будем понимать представителей интеллигенции, участвующих в выработке концептуальных моделей развития социума, а также класс управленцев, реализующих часть этих идей на практике.

Будучи включенным в ткань научного дискурса, термин раскол остается неопределенным в научной и социально-философской литературе. На сегодняшний день условно мы можем выделить два основных подхода к его трактовке:

– первый – отказывает расколу в самостоятельном значении и рассматривает его как аналог понятия разрыв, что существенно обедняет содержание этого термина;

– второй – исходит из наличия у термина раскол собственного значения, которое заключается в фиксации промежуточного, двойственного состояния объекта или явления между его распадом и стремлением обрести цельность.

В последнем ключе мы и будем говорить о расколе как одной из универсалий культуры, воздействующей на сознание интеллектуальной элиты российского общества.

Раскол издревле был присущ элите России. Так, если верить "Повести временных лет", само возникновение государства обязано данному явлению, ведь призвание варягов на Русь представляет собой первый акт разрыва между собственным и Западным началом. В связи с чем, выделим и дадим краткую характеристику наиболее крупным вехам раскола в истории Отечества.

После призвания варягов раскол получил свое продолжение в противостоянии язычества и православия, восточной политической культуры власти-собственности, унаследованной от Золотой Орды, и ориентацией на Запад. Визуальным воплощением этой преимущественно политической линии раскола стал двуглавый герб России, подаренный Ивану Третьему его женой Софьей Палеолог.

Качественным углублением данной линии раскола стал раскол религиозный, связанный с разрывом никониан и старообрядцев. Это нечто большее, чем простое, кровавое противостояние по поводу религиозных вопросов сторонников старой и новой веры. Данное событие знаменует собой духовно-политическую трещину общества, связанную с отрывом его от собственных начал во имя сближения с Западным миром, которое так и осталось незавершенным. Тем самым, раскол XVII века качественно отличен от религиозных войн протестантов и католиков за будущность общественно-политического строя Европы, не затронувших ее основ как цивилизации.

Следующая веха раскола связана с реформами Петра Великого. Царь не ставил своей задачей превращения России в полноценную европейскую державу, а лишь стремился приобщить ее к военно-техническим стандартам Западного мира с целью эффективного отстаивания собственных интересов. Поэтому по направленности реформ он был западником, тогда как по способу их реализации – типичным наследником ордынской восточно-политической культуры Московской Руси [8]. Отсюда, реформаторская деятельность Петра была продолжением, качественным углублением политической линии раскола, которая не затрагивала национальных основ Отечества.

Последовавшая после смерти царя эпоха дворцовых переворотов внесла свою лепту в

историю раскола. Так, в ходе перипетий борьбы за власть дворянское сословие, будучи опорой государства, существенно ограничило юрисдикцию самодержавия по отношению к себе. В частности, требование служить Отечеству, также был затруднен доступ к дворянскому титулу не дворянам. Одновременно с этим дворянская элита России сохранила и упрочила свою приверженность к усвоению ценностей Западной буржуазной культуры, отрицавших сословную модель организации общества, его феодальный уклад. В итоге дворянство оказалась сверхэлитным, замкнутым в себе духовно расколотым сословием, которое за счет асимметрии прав над обязанностями оторвалось от нужд развития Отечества. Одновременно с этим, будучи ориентированным на Запад и не желая порывать со своим привилегированным положением в обществе, дворянская элита не смогла встать на путь построения полноценного капитализма в России [10]. Так, страна к XIX столетию оказалась расколотой между феодальным и капиталистическим треком своего развития.

Нельзя не отметить, что элита прекрасно понимала это и искала выход из данного положения. К примеру, славянофилы, почвенники и др. течения интеллигенции призывали к единению всех сословий во благо Отечества [5]. Однако на практике этот призыв виделся крайне туманно, часто идеализировано, без ясного понимания того, что есть российский народ, какую социально-экономическую роль должна играть самодержавная элита в новом типе соборного российского общества.

Отсюда, самодержавие, не имея ясного понимания выхода из ситуации раскола в XIX веке, то шло по пути либеральных реформ, то, напротив, переходило к политике закручивания гаек, никогда не доводя начатое дело до конца. Такая непоследовательность вызывала только раздражение политикой царизма, как слева, так и справа, что не могло ни закончиться серией революций начала XX века, похоронивших самодержавный политический строй и связанную с ним дворянскую в своей основе элиту.

Сменившая царизм власть большевиков также несла в себе зерно раскола, ведь декларированная ею приверженность учению западного марксизма сочеталась у новой элиты с восточно-политическим способом построения социалистического общества в России сверху, с опорой на сильное государственное начало. Правда, по-другому в тех исторических обстоятельствах и нельзя было действовать, так как страна была не готова к немедленному переходу к социализму, что прекрасно понимали корифеи русского марксизма Г. Плеханов, В. Ленин и др. [8].

Данная политическая линия раскола на практике была наиболее емко реализована в реформаторской деятельности И. Сталина, которая не затрагивала национальных основ России и преследовала своей целью соответствие государства вызовам капиталистического мира XX столетия [6]. По своей направленности, как мы можем видеть, реформы И. Сталина были схожи с преобразованиями Петра Великого, но, в отличие от последнего, глава СССР не стремился приобщить страну к западной культуре, напротив, он прекрасно осознавал необходимость поиска теоретических основ собственного пути развития государства, способных обеспечить устойчивый его генезис. Однако смерть Вождя не позволила осуществиться данной перспективе.

Начиная с Н. Хрущева, партийная элита встала на путь роста собственных привилегий, отказалась самоотверженно служить Отечеству, что постепенно привело к ее отрыву от интересов простого народа, нужд развития страны. Так, сначала СССР перешел к экстенсивной модели экономики (правда, это отчасти отвечало чаяниям народа, уставшего от тягот войны и форсированной индустриализации), а затем к политике госкапитализма, нарушившей принцип социалистической собственности на средства производства [14].

В то же время партийная элита была далека от мысли построения в СССР полноценного капиталистического общества, ведь оно грозило утратой ее господствующего положения в стране. В результате политическая линия раскола оказалась закрепленной и углубленной расколом духовным, связанным с одновременным признанием ценностей западного потребительского общества и неприятием капитализма в качестве общественно-политического строя.

Советские интеллектуалы, как и их предшественники из дворян, не смогли найти выход из этого тупика, став заложниками политики полумер, то закручивания, то ослабления идеологического нажима на социум. Крах гибридной, расколотой по своей сути Горбачевской политики перестройки, предопределил утрату доверия к партии сверху и снизу, что закончилось гибелью СССР, а вместе с ним и значительной части советской элиты, не нашедшей себя в Новой России.

Сегодня наша страна так и не смогла выстроить полноценное капиталистическое общество, что свидетельствует о сохранении раскола внутри ее интеллектуальной элиты. Такая ситуация опасна для России в силу неустойчивости ее развития, что требует своего скорейшего искоренения.

На основании сказанного сделаем ряд теоретических обобщений.

Главным носителем раскола в государстве является его элита, посредством которой он входит в жизнедеятельность общества и воспроизводит себя в нем. При этом, по своей природе раскол есть самостоятельное, духовное, социокультурное явление, основу которого образует эклектичное смешение собственного и чужеродного начал. В нашем случае восточно-политической культуры власти собственности и западной системы ценностей, предполагающей выстраивание общества не сверху, а снизу вверх, с опорой на институты права и демократии.

Возникновение феномена раскола в России обусловлено рядом обстоятельств:

– догоняющей моделью развития страны, которая ассоциирует западный образ жизни с идеей прогресса;

– неустойчивым положением элиты в обществе, вызванным отсутствием готовности большинства ее представителей отказаться от прежнего образа жизни в угоду новых, социально-экономических требований, связанных с необходимостью модернизации Отечества;

– относительно независимым существованием России от Западного мира, что снижает градус остроты осознания ее элитой насущной необходимости перемен.

Ключевую роль в генезисе российского раскола сыграл раскол XVII века, благодаря которому этот термин вошел в ткань историко-философского дискурса, оказал существенное влияние на формирование черт отечественной интеллектуальной элиты. К наиболее значимым из них следует отнести:

– жертвенность интеллигенции, готовность отречься от старого, невзирая ни на какие препятствия во имя обретения лучшей жизни. Эта особенность неоднократно отмечалась корифеями отечественной философской мысли, например, В. Соловьевым, П. Чаадаевым и другими [5];

– нетерпимость к чужой позиции, не боязнь крови, насилия во имя правды. Последняя играет роль священной цели в России, оправдывающей любые средства ее достижения, ведь с ней связывается благо общества, обретение страной ясного пути своего развития. Выразителями этой черты были протопоп Аввакум, боярыня Морозова, гневно обличавшие никониан, Н. Бердяев и П. Флоренский с их категоричным неприятием идеологии большевизма и др.

Кроме того, важной особенностью российской элиты стало игнорирование тематики раскола, как особой, духовной проблемы России. Во многом это объясняется болезненностью раскола для отечественного сознания; трудноуловимым характером его для рефлексии, ведь сама эта процедура осуществляется в рамках пораженного им мышления; объективной необходимостью догоняющего развития, что побуждает элиту искать не столько истоки раскола, сколько конкретные пути решения социально-исторических задач.

Содержание раскола в России, как социально-исторического явления, образуют две линии: политическая и духовная (культурологическая). Обе они тесно связаны между собой, но каждая из них играет свою роль. Так, политическая линия раскола обусловлена необходимостью заимствования западных достижений с целью успешного существования страны. При этом, ее реализация осуществляется с опорой на национальные начала, а значит, политическая линия раскола не приводит к их деструкции, то есть потенциально содержит в себе возможность преодоления эклектики своего и чужого, выработке собственной, устойчивой стратегии развития Отечества. Напротив, духовная линия усиливает и закрепляет раскол в сознании элиты, что объясняется следующим:

– во-первых, самой политической линией раскола, которая изначально несет в себе эклектичную связь своего и чужого;

– во-вторых, привилегированным положением элиты, неразрывно связанным с малозависимым от воли и интересов общества властным началом, что существенно снижает мотивацию ее представителей беззаветно служить Отечеству. Так, в царской России постепенно произошло вырождение дворян, а в СССР – представителей партноменклатуры;

– в-третьих, отсутствием эффективных стимулов, позволяющих держать общество в состоянии длительного напряжения, не почивать на лаврах достигнутого успеха.

Раскол во многом детерминирует челночный или маятниковый тип развития российского общества. Дело в том, что раскол качественно отличен от такого явления за-

падно-европейской культуры как отчуждение. Суть последнего заключается в разрыве, дроблении объекта на различные линии своего поведения. Применительно к сфере социально-политических, экономических отношений это значит, что отчуждение состоит в отсечении всего того, что не выдерживает конкуренции с доминирующей линией развития, вследствие чего обеспечивается генезис европейской цивилизации. Напротив, расколотое сознание никогда не утрачивает своей цельности, поэтому за счет присущей ему эклектики своего и приносного, оно не может обеспечить подобной поступательности развития. Иллюстрацией этому служит вся история России, особенно с Нового времени, когда периоды быстрого роста, связанные с эпохой Петра, Сталина, сменялись стагнацией и качественным откатом назад, вплоть до угрозы самому существованию государству.

Заключение

1. Будучи многоаспектной универсалией культуры, раскол не сводим к одной лишь тематике религиозной жизни.

2. В социальном, светском контексте своего рассмотрения раскол есть эклектичный по своей природе феномен, фиксирующий нестабильное, промежуточное состояние сознания элиты между собственным и западным началом, где их разрыв всегда компенсируется стремлением к искоренению этого состояния.

3. Вне зависимости от степени своего воздействия на элиту российского общества, раскол играет роль важнейшего фактора, который определяет непоследовательный, половинчатый характер ее деятельности.

4. Раскол выступает источником интеллектуального напряжения, забот элиты по поводу будущности России и несет в себе угрозу разрушения страны в случае роста разрыва между собственным и западным началом, из которого правящая часть общества неспособна самостоятельно выйти.

5. В целом раскол играет пагубную роль в жизнедеятельности российского общества, ведь связанный с ним маятниковый тип его развития исключает поступательный, позитивный вектор исторического движения России.

6. Раскол как один из значимых факторов элиты российского общества может быть устранен за счет признания его в качестве специфической особенности культурного кода России, превращения в один из важных предметов социально-философской рефлексии, формирования теории национальных основ развития страны. Думается, что эта теория может быть выработана на основе политической линии раскола, в рамках которой может быть найден путь ассимиляции западных новаций, ценностного кода Европейской цивилизации в ткань культуры российского общества.

Перспективы дальнейших исследований мы видим на пути сосредоточения исследовательского внимания на детальном изучении влияния раскола на ценностный мир сознания конкретных социальных групп отечественной элиты. Особенно актуальными будут работы, посвященные разработке, с учетом фактора раскола, теоретических основ собственной концепции национального развития России, в которой как никогда сегодня нуждается наша страна, чтобы не остаться на задворках постиндустриального, цифрового мира Европы XXI века.

Литература:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) / А.С. Ахиезер; отв. ред. И.А. Беседин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997 – Том 1: От прошлого к будущему. – 1997. – 804 с.
2. Васильев Л.С. История Востока: учебник для магистров : в 2 т. Т. I / Л. С. Васильев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮРАЙТ, 2013. – 722 с.
3. Гулевский А.Н. Отчуждение как социально-философская проблема / А.Н. Гулевский, Н.А. Гулевская // Философия права. – 2017. – № 2(81). – С. 87-94.
4. Давыдов А.П. Социокультурный раскол в современной России: в поисках "середины" / А.П. Давыдов // Личность. Культура. Общество. – 2021. – Т. 23. – № 1-2(109-110). – С. 64-75.
5. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, 2020. – 880 с.
6. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина / Ю.В. Катасонов / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 416 с.
7. Мудрик А.В. Раскол как объект социально-педагогического исследования / А.В. Мудрик // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 6. – С. 10-13.
8. Новиков А.Г. Роль церковного раскола XVII века в формировании Российской цивилизации / А.Г. Новиков // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 2. – №1. – С. 2-8.
9. Петр Великий: pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сев.-Зап. отд-ние Рос. Акад. образования, Рус. Христианский гуманит. ин-т; Предисл. Д.К.Бурлаки, Л.В.Полякова; Послесл. А.А.Кара-Мурзы; Биогр. указ. К.Е.Нетужилова. – СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманит. ин-та, 2001. – 758 с.
10. Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / под ред. А. В. Бузгалина, Б. И. Пружинина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 591 с.

11. Рыбина З.В. Переход от феодализма к капитализму в России: альтернативная точка зрения / З.В. Рыбина // Экономические и гуманитарные науки. – 2016. – № 11(298). – С. 16-25.
12. Темнюк Н.А. Философский аспект понятия элиты / Н.А. Темнюк // Балтийский морской форум: материалы VII Международного Балтийского морского форума. В 6-ти томах, Калининград, 07-12 октября 2019 года. – Калининград: Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Калининградский государственный технический университет", 2019. – С. 413-419.
13. Тощенко Ж.Т. Раскол общественного сознания – угроза преобразованию России / Ж.Т. Тощенко / / Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 4. – С. 4-19.
14. Трансформация российского общества 1950-1990-х гг.: методология, понятийный аппарат, источники. Методологический семинар, Вологодский государственный университет (14-15 июня 2019 Г.) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2019. – № 3(14). – С. 102-113.
15. Шумилов В.К. О проблеме раскола российского общества / В.К. Шумилов // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 4. – С. 193-197.

HISTORY AND MORAL

Sopov Vladimir Valentinovich, *PhD of Philosophical sciences, Senior Lecturer*
Yaroslavtseva Anna Vladimirovna, *PhD of Philosophical Sciences, Associate Professor*
Novosibirsk State Medical University, Novosibirsk

Moral is one of the most important forms of existence of culture. Culture, in turn, provides the quality of the history of societies and civilizations. The article is devoted to the analysis of the moral foundations of cultures, which allow avoiding "civilizational traps", creating values that do not lose their relevance for millennia, and support the historical existence of humanity. The main characteristic features of the systems of moral that are the subject of consideration in this article are the presence of imperatives that allow establishing sustained, resilienced, long-term relationships with the natural environment, allowing natural forms of social organization and creative activity of persons capable of living in historical time.

Keywords: *moral; history; progress; sustainable development; resilience development; hierarchies; network societies; network governance; complexity*

EDN: DBQZYI **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.39**

УДК 304.444
ВАК РФ 5.7.2

ИСТОРИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

© Сопов В.В., 2023
© Ярославцева А.В., 2023

Нравственность – одна из важнейших форм существования культуры. Культура, в свою очередь, обеспечивает качество истории обществ и цивилизаций. Статья посвящена анализу нравственных оснований культур, которые позволяют избегать "цивилизационных ловушек", создавать ценности, не утрачивающие актуальности в течение тысячелетий, поддерживающие историческое бытие человечества. Основные характерные черты систем нравственности, являющихся предметом рассмотрения в данной статье, - наличие императивов, позволяющих налаживать устойчивые, способные к длительному существованию отношения с окружающей природной средой, допускающих естественные формы социальной организации и созидательную деятельность лиц, способных жить в историческом времени.

Ключевые слова: *нравственность; история; прогресс; устойчивое развитие; иерархии; сетевые общества; сетевое управление; сложность*

СОПОВ Владимир Валентинович, *кандидат философских наук, старший преподаватель*

ЯРОСЛАВЦЕВА Анна Владимировна, *кандидат философских наук, доцент*

Новосибирский государственный медицинский университет, Новосибирск

Введение

Исследование посвящено проблеме вклада цивилизации в "мировую культуру" – от чего он зависит? Что позволяет создавать ценности, которые можно "экспортировать"? Как остаться в истории, а не сгинуть без следа; послужить отправной точкой для создания новых цивилизаций; началом новой истории?

Решением проблемы, по-видимому, являются великие завоевания, технические открытия и изобретения, самобытное и великое искусство, развитая наука, религия и философия, которые определяют и сами являются следствием присущего культуре способа обес-

печения связи исторической памяти и исторических событий, формы опыта существования культуры в мире, ее самосознания и осознания происходящего вне себя, но благодаря чему искусство становится великим, а наука развитой?

Связь исторического времени осуществляется либо через традицию и идеологию, либо через творчество и науку, т.е. готовое к самокритике, исправлению ошибок знание, в них опыт существования культуры приобретает форму. Важность самосознания, качества осознания происходящего, – качества истории, в которую культура себя вписывает, и которую культура для себя формирует, – обусловлена влиянием названных факторов на ход истории, течение исторического времени: застынет ли оно в вечном возвращении одного и того же, направится ли его движение к лучшему новому.

Римский клуб обращает на это внимание в докладе "Познание новых путей к человечности": "мы попали в цивилизационную ловушку из-за нашей сознательной попытки расшатать императивные взаимосвязи, обеспечивающие жизнь на Земле" – связи с природой, людьми и временем. Культура разделения, противопоставления человека и природы, людей между собой, использования наследия прошлого в решении вопросов всегда неопределенного будущего,– наследие прошлого разнообразно, но множество его форм "заслонил императив рантье", – ставит под сомнение перспективы развития и существования цивилизации. Выход, который предлагают авторы доклада, – культурная трансформация, переход к иной культурной парадигме [23].

Нам хотелось бы сосредоточиться на лучших основаниях, культурных парадигмах, благодаря наличию которых становится возможным вклад цивилизации в мировую культуру, создание универсальных ценностей; начало новой истории.

Условия возможности истории

Возможность истории, – условия, благоприятные для продолжительного существования вида, – обеспечивает окружающая среда и тенденции ее развития. При этом не только окружающая среда несет ответственность за обеспечение благоприятных условий существования вида, сами виды нуждаются в императивах, в том числе культурных, которые позволяют налаживать устойчивые, способные к длительному существованию отношения с окружающей средой, не подвергая ее риску утраты, разрушения, – отношения, также являющиеся необходимым условием возможности истории.

Продолжительное существование жизни на Земле обусловлено наличием биологических императивов. Для обеспечения качественной и продолжительной истории вида в случае наличия культуры, его культурные императивы должны быть совместимыми с биологическими, коррелировать с ними, а не вступать в конфликт. Только в этом случае окружающая среда позволит наличествовать цивилизации и культурной истории, сможет в себя культуру и цивилизацию вместить.

Естествоиспытатели утверждают, что природа разумна. Физика древнего мира нигде и никогда не отрицала разумность устройства Космоса. В наши дни тезис о разумности природы является одним из ключевых положений теории биотической регуляции, являющейся основой концепции устойчивого развития.

В противовес точке зрения, согласно которой "программа регуляции окружающей среды жизнью не может существовать, потому что она генетически нестабильна. Программа "общего экологического блага" не может быть стабилизирована естественным отбором и была бы подорвана эгоистичными мутантами. Постоянно меняющаяся окружающая среда Земли случайно осталась пригодной для постоянно адаптирующейся жизни" [17, p. 143].

В отличие от концепции, согласно которой "Земля не могла случайно остаться пригодной для жизни, потому что пригодная для жизни среда физически нестабильна", но "программа регуляции сохранилась случайно (по какой-то [неизвестной] причине разрушительные мутанты никогда не распространяются)" [17, p. 143].

Теория биотической регуляции утверждает, что "генетическая и экологическая стабильность взаимно гарантируются: генетическая программа регуляции окружающей среды жизнью кодирует такую среду, в которой не могут распространяться разрушительные мутанты" [17, p. 143]. В этом случае ключевая роль в сохранении жизни на планете принадлежит естественным экосистемами, а важнейшее свойство естественных экосистем, которое не позволяет распространяться "разрушительным мутантам" – сверхсложность организации [1], сверхсложность управления [14] и недоступные человеческой цивилизации объемы информации, которыми оперирует биосфера [4] для поддержания данных способов организации и управления процессами. С точки зрения классических, а также наиболее распростра-

ненных в наши дни представлений о разуме, все упомянутые возможности доступны только разуму, по сравнению с которым обычный человеческий, – индивидуальный и коллективный, – лишь тень, слабое подобие и жалкий намек на разумность.

Наличие коллективного, не являющегося свойством отдельной личности, разума, обеспечивающего качество управления деятельностью отдельных элементов сообществ, согласованность действий, направленных на достижение общего блага – сохранение и воспроизводство жизни, обеспечение условий для существования будущих поколений и эволюции, в качестве необходимого условия существования сложноорганизованных целостностей, отмечается с позиций астробиологии в работе "Интеллект как процесс планетарного масштаба" А. Франка, Д. Гринспуна и С. Уокера [12]. Ключевые положения упомянутой статьи:

Интеллект (разум) – свойство не только отдельных личностей, но и биосфер и/или техносфер, в их соединении с другими планетарными системами (например, геосферами). Какая-то форма коллективного познания была функциональной частью биосферы значительно дольше, чем относительно короткое время пребывания человеческого разума на Земле.

Совокупная деятельность людей не руководствуется осознанием ее последствий глобального масштаба, что делает образованную ими индустриальную планетарную цивилизацию незрелой, неспособной к длительному существованию. Долгосрочное выживание нашего или любого глобального "проекта цивилизации" потребует принципиально иного режима поведения в планетарном масштабе, в котором знание о воздействиях планетарного масштаба получает обратную связь и модулирует поведение.

Планетарный разум (способность действовать согласованно с планетарными системами и руководствуясь глубоким пониманием таких систем), вероятно, является свойством некоторых (или, возможно, большинства) обитаемых миров в других частях Вселенной или, по крайней мере, долгоживущих миров; а также долгоживущих, предположительно доминирующих во Вселенной цивилизаций.

Авторы утверждают, что биосфера разумна, а техносфера должна стать разумной в глобальном масштабе, достигнуть биогеохимически и биогеофизически устойчивого равновесия с планетой, иначе техносферу (цивилизацию) ждет гибель.

Иными словами, с позиций доминирующих в естествознании теорий, жизнь, природа, биосфера, – разумны. Естественной целью (наивысшим благом) разумной жизни является сама жизнь. Достижение этой цели, а также существование разума совместимы со следующими "биологическими нравственными императивами": наращивание сложности организации, объединения, кооперации, сотрудничества; сложное управление; разнообразие и богатство информации, которая учитывается в процессе принятия решений; учет последствий, обратная связь, исправление ошибок.

В более традиционных этических категориях – разнообразие и содержательное богатство информации, ее учет в процессе принятия решений, сама возможность появления разрушительных мутаций, сложные формы сотрудничества etc. возможны только в случае наличия многообразия свободных акторов. Если воля актора стеснена в стремлении к наивысшему благу, вероятно, он будет деятельно защищать то или тех, кто к этому благу не стремится, деятельно угнетать тех, кто к нему стремится или то, что наивысшее благо воплощает, не будет кооперироваться с теми, кто стремится к естественной цели, учитывать их мнение и данные, которыми они располагают, исправлять последствия действий, не направленных на достижение наивысшего блага…

Поэтому не случайно экологическая этическая мысль (Генри Торо, Олдо Леопольд, Роберт Маршалл, Родерик Нэш, Джек Тернер, Эдвард Эбби, Н.Ф. Щербина, А.П. Семенов-Тян-Шанский, Ф.Р. Штильмарк, В.Е. Борейко и многие другие) отмечает свободу в качестве важнейшего биологического (природного) нравственного императива. Пока природа ничем, никакими попытками навязать искусственный порядок не стеснена в стремлении к естественной цели, пока ее право и свобода стремиться к поддержанию жизни не ограничены – она успешно ее достигает. Соответственно, право на свободное от вмешательства человека существование природы и отдельных "природных объектов" (экосистем и отдельных представителей своих видов) является одним из ключевых требований движения за сохранение жизни на планете, ставшее в последнее время политической реальностью.

Или: к возможным препятствиям с обретением человечеством, цивилизациями, техносферой разумности следует отнести эгоизм, тенденцию отделения личного блага от блага целого и их противопоставления. Эгоистические побуждения могут подпитываться, в част-

ности национальным характером культуры, особость, обособленность которой тесно связана, в частности, с доминированием языкового мышления: поскольку языки различным образом категоризируют мир, одни и те же фрагменты реальности могут быть как представленными, так и не представленными в языке и так далее, языковые различия могут быть существеннее различий биологических. Техносфера глобальна, разум человека – локален, национален. Разум всего человечества – это, скорее всего, только гипотетическая предпосылка самой возможности мышления, нигде и никогда не проявлявшаяся в чистом виде. Другое дело, что человек, личность способна вместить в себя несколько культур, и это говорит о том, что во всех культурах отражается приблизительно одна и та же реальность, но этого ничтожно мало, чтобы чувствовать себя всечеловеком. Культурно обусловленные различия между людьми, которые могут быть радикальнее имеющихся в природе межвидовых различий, обуславливают трудности взаимопонимания и взаимопознания, которые, в свою очередь, делают невозможным согласие и сотрудничество. А без согласия внутри себя разум мертв. Поэтому обретение человечеством и продуктами его деятельности разума напрямую зависит от способности людей к взаимопознанию, взаимопониманию, согласию, сотрудничеству. Иными словами, в настоящий момент разумность техносферы или цивилизации существует как предпосылка самой возможности её разумности, которая может быть никогда и не будет явлена в чистом виде.

Факторы, обеспечивающие качество истории общества

Устройство Вселенной принципиально отличается от устройства человеческих обществ. Так, Вселенная может оказаться фрактальной структурой [9], а большинство современных обществ скрепляются в иерархию отношениями господства/подчинения. Фрактальность, равно как и голографический принцип [15], не исключает разумность общностей разного масштаба или свободу каждого актора, сопряженную с ограничением эгоистических побуждений, – в отличие от иерархий отношений господства/подчинения. Таким образом, если мы считаем необходимым условием возможности истории обществ способность налаживать устойчивые, продолжительные отношения с окружающей средой, следует обратить внимание на принципиальные структурные особенности социальности человечества, которые больше нигде в природе не встречаются. Разделение функций, в частности, универсально, иерархии господства/подчинения локальны и не встречаются в отношениях между галактиками, внутри планетарных систем, между горами и реками, деревьями и травой, etc. В этом случае существенным является вопрос – насколько вообще возможно придать планетарный и космический масштаб, сделать органичными, длительно существующими, естественным образом воспроизводящимися структуры, которые организуются и управляются иначе, чем все остальное сущее и не намерены трансформировать принципы.

Альтернативы иерархическому способу организации общества есть, важнейшая из них – сетевые, децентрализованные, естественные [2] сообщества и соответствующее им сетевое управление.

Согласно "Общей теории сетевого управления", сетевые общества – неформальные социальные системы, с которыми контрастируют такие формы организации, как бюрократические структуры и формально-контрактные отношения между ними. Сетевое управление – способ координации [деятельности по производству, предоставлению] сложных продуктов или услуг в неопределенной и конкурентной среде [16]. Т. Дедеурвардере [11] рассматривает сетевые общества как самоорганизующиеся системы, состоящие из саморегулируемых субъектов, соответственно, подход к управлению сетью подразумевает делегирование составляющим сеть субъектам ряда задач, для решения которых они заключают свои собственные коллективные соглашения о координации. Равным образом, сетевое управление это "управление, основанное на активном участии сообщества" [18, p. 195]. Е. Соренсен и Дж. Торфинг отмечают видимую эффективность управления "посредством согласованного взаимодействия множества государственных, полугосударственных и частных акторов" по отношению к "сложным, фрагментированным и многоуровневым обществам" [22, p. 195].

Заслуживают внимания рассуждения К. Нильсена и У.К. Педерсена об экономике переговоров (по сути, сетевой экономике) как альтернативе и рынку (контракту) и иерархии как институциональным системам принятия решений, – только экономика переговоров допускает совместное принятие решений [19]. В более общем, выходящем за рамки экономики смысле, Й. Глюклер, решая "загадку" координации действий независимыми равными (т.е. функционирования сетей), говорит об управлении сетями как о "структурах легитимного

делегирования полномочий по принятию решений" [13, p. 243].

Целеполагание и оценка играют ключевую роль в процессе принятия решений, следовательно, сетевые сообщества могут быть представлены как формы организации и управления, в которых автономные заинтересованные стороны работают вместе для достижения общих целей. Именно так Ф. Лалу описывал эволюционно новые, "бирюзовые" организации будущего: "на Бирюзовой стадии развития служить цели становится важнее, чем служить организации… эволюционная цель, а не организация, станет тем, вокруг чего объединятся люди" [3, с. 282].

Внимание к сетевым обществам и сетевому управлению вызвано неудачами в решении сложных, системных, масштабных, в том числе, глобальных проблем: "для решения сложных вопросов, требующих многосторонней координации, как это часто бывает в государственном и некоммерческом секторах (реагирование на крупные бедствия, повышение экономической активности в регионе, удовлетворение критических и сложных потребностей в области здравоохранения или социальных услуг и т.д.), требуется нечто большее, чем просто достижение целей отдельных организаций. Это требует коллективных действий и управления этой деятельностью" [21, p. 231]. Яркий пример необходимости сетевой организации и сетевого управления для решения определенного класса проблем – управление водой.

В условиях, когда различные социальные группы "имеют общее экологическое пространство, которое может выходить за государственные границы", а "их интересы, знания и использование ресурсов в пределах водосбора в основном непропорциональны и расходятся… деятельность одной группы оказывает негативное влияние на другие группы" [25], чего на самом деле нельзя допустить, потому что это сильно ухудшает качество общества и его возможности к существованию и развитию, в качестве решения был предложен принцип не секторального, национального, в рамках административных границ и т.п., а системного (применительно к природе – экосистемного), сетевого управления водным бассейном, – обусловленного необходимостью вовлечения всех заинтересованных сторон, преодоления административных и секторальных границ (на территории Российской Федерации идея на данный момент не воплощена [6]).

Даже если мы неприемлем существующую альтернативу и морально не готовы к поиску новых, имеет смысл обозначить ключевые проблемы обществ, связанные с нравственными императивами иерархий господства/подчинения, делающие невозможными красивую историю, длительно существующую цивилизацию, великую культуру:

1. Стремление сохранить неравенство, – поскольку равенство несовместимо с существованием иерархии. Институционально закрепленное неравенство прав, свобод, возможностей, ограничивает созидательную деятельность всех участников иерархии, воздвигает множество барьеров на пути раскрытия потенциала и наилучшего применения имеющихся у инидвидуумов способностей, что, безусловно, не является конкурентным преимуществом в культурном творчестве.

2. Для поддержания иерархических моделей господства/подчинения требуется поддерживать низкий уровень эмпатии (низкое качество социальной коммуникации внутри иерархии [20]), которая тесно сопряжена со способностью заботиться об общем благе и является основой способности рационально постигать, в чем состоит общее благо среди членов общества. "Если людям предоставить свободу общения друг с другом в относительно неиерархической и эгалитарной среде, то они смогут совершить чудо управления. Они будут управлять друг другом и системой без необходимости в диктаторах, тоталитарных правителях, полицейских силах… Это понятие, которое вы также можете описать термином "эмпатия" (или "любовь", как говорила Донелла Медоуз)" [10, p. 43]. Без эмпатии чудес (в контексте статьи – экономического роста в сочетании с экологической устойчивостью) не случается, ведь "хорошее управление основано на хорошем общении, а хорошее общение, в свою очередь, основано на сочувствии" [10, p. 44].

3. Для поддержания иерархических моделей социального устройства необходимо большую часть представляющих ценность ресурсов направлять на ограничение естественной способности людей и обществ изменяться. Потому что если естественная изменчивость не ограничивается, даже случайные перемены к лучшему, или эволюционно более развитому, возможны, не говоря уже о целенаправленных для разумных видов. Еще одним важнейшим параметром, который искусственным образом ограничивается в целях сохранения иерархий, является сложность.

4. В условиях ограничения изменчивости, роста сложности, эмпатии сохраняются про-

извольно, случайно, бездумно, бессмысленно предпочтенные нравственные императивы – "нет никакой неизбежной судьбы, толкающей человечество к неограниченной свободной торговле, чрезмерной эксплуатации природы и труда, истощению ресурсов и, наконец, к "войне всех против всех" (Гоббс), чтобы получить контроль над последними оставшимися ресурсами и продовольствием", никто не обязан идти к "ускоренному разрушению как государства всеобщего благосостояния, так и краеугольных камней, на которых зиждется рост производства" [24, pp. 107, 111]. Но в условиях, когда ключевым приоритетом является сохранение существующего порядка вещей, мало кто способен это понять и новое осознание сделать основой для действия.

И мы можем сделать выводы из истории человечества [7]. Судя по работе Ю.Н. Харари, в истории видом было сделано два эволюционных шага: "когнитивная революция" приблизительно семьдесят тысяч лет назад, положившая начало культуре и истории, увеличившая разнообразие и богатство информации, которая могла быть учтена в процессе сознательного принятия решений. И первая "технологическая революция" (аграрная, двенадцать тысяч лет назад), за которой последовали другие, – наличие культуры позволяет создавать и совершенствовать технологии. Следствием наличия технологий является большое количество представителей вида на планете, рост сложности систем организации и потенциальный рост сложности управления социальностью. Как нам кажется, "нравственная революция", целью которой является преобразование отношений с окружающей средой, – основой жизни, культуры и технологий; учет последствий на основе полученной обратной связи, исправление ошибок – это то, что позволит сохранить достижения первых двух эволюционных шагов – т.е. культуру, возникшую по достижению определенного уровня когнитивного развития и, во-вторых, достаточную для реализации собственных проектов и наращивания уровня сложности собственных проектов численность представителей вида, возникшую вследствие использования когнитивного потенциала для практических целей. Альтернатива в отсутствие культуры и технологий – несколько миллионов особей, объединенных в кочующие группы, да и то при условии, что планетарные системы не нарушены; отсутствие возможности истории и самой истории.

Люди, которые творят историю

Истоки творчества – свобода и приверженность общечеловеческим ценностям [8]. Иерархические общества ограничивают свободу, отмеряя ее каждому из неравных своей скудной мерой; а ограничения свободы препятствуют развитию любых форм коллективного познания, – в том числе обретению техносферой, цивилизацией разумности, – равно как и совершению любых созидательных коллективных действий. Разрывают связи с историей – те, которые могли бы быть в ситуации гармоничных отношений с людьми и природой.

Помимо более натуральных, естественных способов социальной организации, следующее необходимое условие исторического творчества определим как волю к развитию, необратимому изменению качественного состояния, способность жить в историческом времени. То есть формировать образ будущего, ставить цели и составлять подробные планы их достижения, пересматривать планы; меняться, опираться на вещи, создавать повестку, условия, политические и институциональные контексты; определять приоритеты, сотрудничать, достигать согласия, черпать знания из разных источников, привлекать союзников, создавать альянсы, вовлекать участников, утверждать ценности и отказываться от тех, которые были признаны негодными; управлять коммуникациями, обществами и экономикой, достигать консенсуса, соответствовать ожиданиям; концептуализировать, адаптироваться и адаптировать, справляться с опасностями, сохраняя идентичность и способность к преобразованию, соответствовать замыслам, действовать в условиях неопределенности; учитывать потребности, пропагандировать, создавать сообщества, раскрывать потенциал, обучать и обучаться, оценивать; ориентироваться в ситуации, мобилизовать ресурсы, сопоставлять расходы с выгодами и преимуществами; осознавать и забывать, быть благодарным, стремиться к лучшему.

Или, – на языке традиции, которая первая опиралась на способность жить в историческом времени, – верить, что мир "весьма хорош" в его "диком", естественном, – божественном, – состоянии; в то, что приверженность фундаментальным ценностям является залогом будущего счастья; во взаимосвязь и взаимопроникновение всего существующего благодаря общему источнику существования. Полагать, что утрата связи с тем, что есть, грозит выпадением из истории, – ведь всякая история это не

только человеческая история, – и, в конечном счете, из эволюции. Любить установленный не людьми и не для людей, но для всех живых существ порядок, благоговейно относиться к творению, сообразовывать свои действия с волей Творца и установленными им законами. Относиться к труду как к священнослужению, к успехам в нем – как к благословению. Трансцендировать, выходить за рамки наличного бытия. Не устраиваться самостоятельно, но в мире и гармонии с источниками своего существования, не клеветать на источники, не изменять им и не изменять их, пытаясь сделать мир более "удобным", человекоразмерным. Не соразмерять мир, культуру, цивилизацию с человеком настоящего, не переделывать мир под себя сегодняшнего, – или себя когда-то бывшего. Не восставать, а служить. Защищать мир, который "весьма хорош".

Культурно-символический, духовно-нравственный культурный код не только позволяет, в отдельных случаях, налаживать гармонические, дружественные отношения с окружающей природной средой, основанные на включении принципов природы в число культурных архетипов, а также организовываться в общества с высоким уровнем эмпатии, – но и прямо обуславливает наличие либо отсутствие, качество способности жить в историческом времени. Принадлежность к гипотетической культуре, которая в ядре меметического комплекса содержит такие нравственные ориентации, как отказ воли руководствоваться императивами разума (особенную интерпретацию свободы воли); восприятие неравенства как основы безопасности и порядка; принцип консервации любого наличного существующего положения дел; презумпция враждебности окружающего природного и человеческого мира и вытекающее из этой презумпции стремление воздвигнуть барьеры, полосы ограничивающих коммуникацию препятствий между собой и окружением; приписывание всему искусственному, произведенному руками человека ценности намного превосходящей ценность, значимость и смысл естественного и (или) божественного; привычку считать, что статус в иерархии важнее репутации среди равных, условием своего счастья несчастье других; непротивление злу, противление добру и тому подобные вещи, – исключает наличие рассматриваемой способности.

Противоречие между людьми, выпавшими из истории и оставшимися в ней, – огромно. Поскольку всю известную нам историю человечества способность жить в историческом времени обуславливала саму возможность построить какую бы то ни было жизнеспособную человеческую цивилизацию или поддержать существование уже имеющейся, различия между теми, кто способен жить в историческом времени и не способен к этому гораздо значимее различий межцивилизационных и межкультурных. Имеется в виду, что несхожесть в целях, представлениях о хорошем и прекрасном, высоком и низком, достойном и недостойном, о величии и невосполнимых утратах и тому подобных культурно значимых нравственных вещах вторичны по сравнению с наличием или отсутствием способности открываться новому, изменяться, развиваться, качественно преобразовываться и инициировать качественные изменения, адаптироваться к изменяющейся реальности мира вокруг нас. Наличие или отсутствие этой способности обуславливает настолько взаимоисключающие стратегии и тактики, образы жизни и деятельности, что может мыслиться как отсутствие общих эволюционных корней.

Люди, обладающие способностью жить в историческом времени, являются носителями, хранителями и создателями систем ценностей, культурных парадигм, которые позволяют цивилизациям вносить вклад в мировую культуру, служить началом новой истории. Мера их прав и свобод данных лиц обуславливает историческую ценность обществ, цивилизаций, культур, делает возможным преодоление, перерастание прошлого, угасание трагедий, завершение несправедливости, исправление ошибок, творчество, которое прорастает "отслойку всех жестокостей и ужасов, сквозь которые пробивалось в истории новое… , наследственно-испорченную кровь поколений, проделывавших эти ужасы и жестокости…" [5].

История существует, пока существует память о прошлом, история продолжается, пока у человечества есть мечта. На что мы можем рассчитывать, опираясь на поддержку тех, кто живет, будто бы завтрашний день никогда не наступит, будто бы у действия нет последствий, чья память не хочет вбирать в себя не только столетия, но даже годы – лишенных многообразия человеческого опыта, не способных воспользоваться как опытом предшествующих поколений, так и своим личным и, следовательно, обрести иной, который можно было бы противопоставить предшествующему. Правильно, ни на что. Ведь в этом случае ранее уже бывшее будет повсеместно новым и циклы вековечного воспроизводства одного и того же ни у кого не будет возможности разомкнуть.

Хотелось бы верить, что мир больше, сложнее и многообразнее, чем его хотели бы видеть некоторые, не самые лучшие представители нашего вида. Чем тот, к которому они стремятся, который воображают, о котором грезят. Потому что скудость творческой способности, недостаток пластичности, воображения, смелости, честности, контакта с самим собой, проистекающего из самопознания, не дает мечтать и воплощать лучшие социальные, культурные, иные чаяния в реальность. Собственно, в подобных обстоятельствах лучшие не появляются, возникают галереи кунсткамер, представительные собрания разрушительных мутаций. Мы не можем позволить себе отдавать приоритет губительным практикам, коренящимся в мертвящих идеях.

Как бы то ни было, религия, наука, все разнообразие форм самосознания культуры, делающее возможным цивилизацию и историю, способны предложить образ человека и будущего мироустройства нравственный и достойный одновременно.

Заключение

Таким образом, получается, что вклад цивилизации в мировую культуру возможен благодаря культурным императивам, которые допускают синергию цивилизации и окружающей среды, по существу "естественным" моделям устройства социальных коммуникаций и социального взаимодействия, которые обеспечивают высокое качество социальной коммуникации, устойчивый рост уровня сложности социальных систем, позволяют сохранять, эффективно использовать и культивировать человеческий потенциал. А также благодаря наличию людей, обладающих способностью жить в историческом времени.

"История всех до сих пор существовавших обществ" была историй бесконечных войн, преступлений, революций и грабительского отношения к окружающей человека среде, – за исключением "отслаивающихся крупинок добра", через которые "мы ведем непрерывную генеалогическую линию вплоть до лучших наших идеалов – так соблазнительно рассматривать историю, как собственную эмбриологию" [5]. Если она будет продолжена в этом качестве, человечество неминуемо ждет гибель или ужасающий упадок и регресс. Предстоящая революция в человеческой цивилизации будет революцией нравственной и нравственной в первую очередь по отношению к окружающей природной среде и среде обитания в широком смысле этого слова. Поскольку история творится именно людьми, от нынешнего поколения людей зависит ее разворот в ту или иную сторону, в сторону практически бесконечного нравственного (культурного) и технологического прогресса или в сторону практически необратимого нравственного и технологического упадка и деградации. То, что человечество стоит на перепутье бессознательно и или полусознательно, ощущают многие, сознательно некоторые. Пусть история продолжается.

Человек не несет ответственности за мир, Вселенную и все остальное – он лишь малая часть того, что есть. Но он ответственен за то, чем наполняет отведенное ему время и место. Время существования человека и человечества можно наполнить грабежами и убийствами, подлостью и предательством, но также творчеством и мечтой. Последнее доступно только тем, кто умеет меняться к нравственно лучшему, "людям из будущего", – потому что у других людей будущего нет. Люди из нашего единственно возможного общего будущего, объединяйтесь.

Литература:

1. Горшков В.Г., Макарьева А.М. Мышление и долголетие человека и их связь с проблемами упорядоченности живой материи // Экология и Образование. – 2007. – № 3-4. – С. 7-11.
2. "Децентрализация является ключевым принципом поддержания порядка в живых системах, который осуществляется через конкурентное взаимодействие независимых объектов" // Makarieva, A., Gorshkov, V., & Wilderer, P.A. (2016). What Can We Learn from Natural Ecosystems to Avoid a Civilization Breakdown? In: Wilderer P.A., Grambow M. (eds.) Global Stability through Decentralization? In Search for the Right Balance between Central and Decentral Solutions. Section 3.3 in Chapter 3. Governance of Societies. Series Strategies for Sustainability, Springer International Publishing Switzerland, p. 92. https://doi.org/10.1007/978-3-319-24358-0_3
3. Лалу Ф. Открывая организации будущего. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
4. Макарьева А.М., Горшков В.Г. Информационная устойчивость жизни. Часть I. Предотвращение распада организации жизни. Часть II. Эволюция и прогресс // Энергия: Экономика, Техника, Экология. – 2016. – № 3. – С. 47-54; 2016. – №4. – С. 42-49.
5. Михайловский К.Н. // Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Глава 3. Берлин – Петербург – М.: Издательство З.И. Гржебина, 1922. URL: https://rummuseum.ru/portal/node/848 (дата обращения: 12.12.2022).
6. Рыбкина И.Д., Седова Е.Ю. Управление водными ресурсами в регионах России и Франции: бассейновый принцип и участие заинтересованных лиц // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. – 2021. – № 4(63). – С. 23-36.

7. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2011.
8. Ярославцева А.В. Имеет ли смысл отстаивать общечеловеческие нравственные ценности? // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики, Серия: Познание. – 2022. – № 3. – С. 170-177. DOI: 10.37882/2500-3682.2022.03.32
9. Agapov, A.A., & Rozgacheva, I.K. (2013). Fractal properties of the Universe. Discrete and Continuous Models and Applied Computational Science, (1), 189-201.
10. Bardi, U. The Limits To Growth: The story of an idea. In: Limits and Beyond: 50 years on from The Limits to Growth, what did we learn and what's next? Exapt Press, 2022, pp. 3-44.
11. Dedeurwaerdere, T. (2007). The contribution of network governance to sustainability impact assessment. In: Thoyer, S., Martimort-Asso, B. (eds.) Participation for sustainability in trade. Chapter 12. https://doi.org/10.4324/9781351151887
12. Frank, A., Grinspoon, D., & Walker, S. (2022). Intelligence as a planetary scale process. International Journal of Astrobiology, 21(2), 47-61. https://doi.org/10.1017/S147355042100029X
13. Gluckler, J. (2020). Lateral Network Governance. In: Gluckler, J., Herrigel, G., Handke, M. (eds) Knowledge for Governance. Knowledge and Space, vol 15. Springer, Cham, 243-265. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47150-7_11
14. Gorshkov, V.G., & Makarieva, A.M. (2020). Key ecological parameters of immotile versus locomotive life. Russian Journal of Ecosystem Ecology, Volume 5 (1). https://doi.org/10.21685/2500-0578-2020-1-1
15. Hooft, Gerard 't (2000). The Holographic Principle. Opening Lecture. URL: https://arxiv.org/pdf/hep-th/0003004.pdf (дата обращения: 12.12.2022).
16. Jones, C., Hesterly, W. S., & Borgatti, S. P. (1997). A general theory of network governance: exchange conditions and social mechanisms. Academy of Management Review, 22 (4), 911-945. https://doi.org/10.5465/AMR.1997.9711022109
17. Makarieva, A.M. (2022). Natural Ecosystems and Earth's Habitability: Attempting a Cross-Disciplinary Synthesis. In: Wilderer P.A., Grambow M., Molls M., Oexle K. (eds) Strategies for Sustainability of the Earth System, 143-170. Strategies for Sustainability. Springer, Cham. DOI: 0.1007/978-3-030-74458-8_9
18. Maturo, A. (2004). Network Governance as a Response to Risk Society Dilemmas: A Proposal from the Sociology of Health. Topoi, 23, 195-202. https://doi.org/10.1023/B:TOPO.0000046066.21486.82
19. Nielsen, K., &Pedersen, O. K. (1988). The negotiated economy: ideal and history. Scandinavian Political Studies, 11(2), 79-102. https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.1988.tb00361.x
20. Pezeshki, Ch. How do we grow socially? In: Limits and Beyond: 50 years on from The Limits to Growth, what did we learn and what's next? Exapt Press, 2022, pp. 233-242.
21. Provan, K. G., Kenis, P. (2008). Modes of Network Governance: Structure, Management, and Effectiveness. Journal of Public Administration Research and Theory, 18 (2), 229-252. https://doi.org/10.1093/jopart/mum015
22. S?rensen, E., &Torfing, J. (2005). The democratic anchorage of governance networks. Scandinavian Political Studies, 28(3), 195-218. https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2005.00129.x
23. The Club of Rome (2021). Learning New Ways of Becoming Human. A Discussion Paper in the Context of the Emerging New Civilisations Initiative (ENCI). https://www.clubofrome.org/publication/learning-new-ways-of-becoming-human/
24. van Dieren, W. How the Club of Rome influenced the world's agenda. In: Limits and Beyond: 50 years on from The Limits to Growth, what did we learn and what's next? Exapt Press, 2022, pp. 101-112.
25. Watershed management. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Watershed_management#:~:text=Watershed%20management%20is%20the%20study,communities%20within%20the%20watershed%20boundary (дата обращения: 12.12.2022).

SCHOOL AND FUTURE: TWO ARGUMENTS AGAINST ADAPTIVE MODELS OF GENERAL EDUCATION

Tylik Artem Yurievich, *PhD of Philosophical sciences, Deputy Director, Regional Institute for the Development of Education, Salekhard*

The article presents two arguments against defining general educational goals as a child's successful adaptation to the social reality in which most of its life will pass. Authors define this goal orientation as "adaptationism" (adaptive educational model). In the first argument, based on Popper's work, the author demonstrates the inability of knowing exactly what skills will be needed for success in the future (a critique of the concept of "21st century skills"). In the second argument, using a thought experiment, the author demonstrates that even passing the first argument does not strengthen the adaptive position, since the skills necessary for success in the future may be rejected by the pedagogical community as mandatory educational outcomes on ethical grounds.

Keywords: *general educational goals; 21st century skills; educational philosophy; school of the future; forecast in education; futurology in education.*

EDN: XZAEYM **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.40**

УДК 304.2
ВАК РФ 5.7.7

ШКОЛА И БУДУЩЕЕ: ДВА АРГУМЕНТА ПРОТИВ АДАПТАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Тылик А.Ю., 2023

В статье представлены два аргументы против определения цели общего образования как успешной адаптации ребенка к той социальной реальности, в

которой пройдет большая часть его жизни. Ориентация на данную цель определяется авторами термином "адаптационизм" (адаптационная модель образования). В первом аргументе, отталкиваясь от работ К. Поппера, автор показывает невозможность точного знания того, какие навыки будут необходимы для успеха в будущем (критика концепции "навыков XXI века"). Во втором аргументе, посредством построения мысленного эксперимента, автор показывает, что даже преодоление первого аргумента не усиливает позицию адаптационизма, поскольку навыки, необходимые для успеха в будущем, могут отвергаться педагогическим сообществом в качестве обязательных образовательных результатов по этическим основаниям.

Ключевые слова: *цели общего образования; навыки XXI века; философия образования; школа будущего; прогностика в образовании; футурология в образовании.*

Введение

Принимая позицию К.Д. Ушинского, согласно которому "определение целей воспитания мы считаем лучшим пробным камнем всяких философских, психологических и педагогических теорий" [6, С.236], мы остаемся перед вопросом о том, обладает ли современная философия образования (в широком смысле) языком, позволяющим точно формулировать цели такого сложного общественного института, как школа? Оптимистичный ответ "да" предполагает указание на подобный язык.

Указания такого рода действительно можно найти в современной литературе. Обратимся, для примера, к авторитетной работе "Четырехмерное образование" [8]. В главе "Реформировать образование для меняющегося мира" авторы пишут, что их теория "прокладывает свой курс между двумя областями исследований: одна – оценивает, как новые технологии преобразят профессии и изменят требования к умениям и навыкам работников; другая – стремится вооружить завтрашних работников (наших детей) умением успешно конкурировать за процветание в этом будущем" [8, С.50]. Из сказанного следует, что цель общего образования (школы) состоит в том, чтобы вооружить школьников инструментами для успешной адаптации к той социальной реальности, в которой пройдет большая часть их продуктивной жизни. Подобный взгляд на цели общего образования правомерно назвать адаптационизмом (адаптационная модель).

Во избежание терминологической путаницы, мы должны указать здесь, что собираемся говорить об адаптационных моделях образования, отличая их от адаптивных моделей. Под адаптивными моделями образования понимают сегодня, преимущественно, компьютерные системы обучения, способные подстраиваться (адаптироваться) под "стиль обучения" учащегося. Этот термин прочно вошел в терминологический аппарат наук об образовании [2]. В свою очередь, мы называем адаптационными моделями, такие формы построения образовательного процесса, которые ставят своей целью обеспечение адаптации человека к той социальной реальности, в которой ему предстоит жить в будущем. В этом контексте, вводя термин "адаптационизм", мы обозначаем теоретические (философские) основания адаптационных моделей.

Не станет преувеличением утверждение, согласно которому адаптационизм (в более или менее радикальной редакции) представляет собой одно из значимых течений современной философии образования [11] и педагогической мысли. Так, в частности, концепция "навыков XXI века", ставшая едва ли не мейнстимом прогрессивной педагогики, движима, очевидно, духом адаптационизма [12]. Не имея

ТЫЛИК Артем Юрьевич,
кандидат философских наук, заместитель директора, Региональный институт развития образования, Салехард
ORCID: 0000-0003-3977-3505

"отцов-основателей" и канонических текстов, концепция "навыков XXI века" стремительно распространялась по академическому и педагогическому сообществу, более всего напоминая те социальные и культурные феномены, которые Р. Доукинс именовал "мимами". На сегодняшний день выражение "навыки XXI века" представляет собой концепт, ризоматически объединяющий тысячи теоретиков и организаций, занятых его проработкой, интерпретацией, разверткой и практической апробацией. Несмотря на разнообразие интеллектуального бэкгаунда, исследовательских целей и даже ценностных ориентаций, всех их объединяет принятие следующего положения: современная школа должна обеспечивать своих выпускников набором навыков ("навыки XXI века"), необходимых для успешной, счастливой, безопасной и продуктивной жизни в экономической, политической, культурной и технологической реальности грядущего постиндустриального мира [3, 12]. Концепция "навыков XXI века" настолько укоренилась в современных представлениях о прогрессивном образовании, что ее критика, предпринятая Д. Христодула в работе "Семь мифов об образовании" [13], обрела статус педагогической сенсации. По нашему мнению, успех концепции навыков XXI века, во-многом, определяется тем, что в ней заложен не только конкретный ответ, но и весьма технологичный способ поиска конкретных ответов на мучительный вопрос о целях школьного образования. Очевидно, однако, что этот способ работает только в том случае, если мы по умолчанию принимаем два следующих тезиса:

1. Мы *знаем* какие навыки, знания и умения позволят школьнику в будущем успешно адаптироваться к наличной социальной реальности.

2. Мы *должны* обеспечить школьников набором навыков, знаний и умений, позволяющих в будущем успешно адаптироваться к наличной социальной реальности.

Смысл нашей статьи состоит в том, чтобы показать возможность опровержения (посредством философского анализа) каждого из этих двух тезисов.

Критика адаптационизма имеет давнюю традицию в истории философской мысли об образовании. Достаточно упомянуть в этом контексте работы Ж.-Ж. Руссо, выступавшего против образования, приспосабливающего ребенка к нравам и ценностям развращенного "высокого общества" [16], или П. Фрейре, критиковавшего "банковское образование" за пассивную адаптацию человека к несправедливому капиталистическому миру [9]. В современных работах в наиболее общем виде скепсис относительно адаптационистских моделей образования выражен в следующем пассаже А.Г. Асмолова: "Социализация и индивидуализация личности не сводится к адаптации, даже успешной, к стремительно изменяющемуся миру. Никакая адаптация не сможет угнаться за бегущим днем, поэтому любые адаптивные модели как личности, так и образования, сколь бы они ни были изящны, имеют ограниченный радиус действия" [8, С.13]. Созвучный тезис отстаивает Н. Постман в работе 1995 года "Конец образования: переосмысление ценности школы" [15]. Американский педагог и теоретик утверждает, что сведение целей общего образования к успешной адаптации выпускников к условиям рынка труда ведет к радикальному обеднению американской школы. Однако, несмотря на наличие столь авторитетных суждений, в настоящий момент нам неизвестно работ, предлагающих строгие и однозначные аргументы против адаптационизма. В то же время нам представляется возможным предложить по крайней мере два таких аргумента. Тем самым нам важно поставить под сомнение адаптационизм в качестве действенного языка артикуляции целей общего образования. Мы надеемся, что предпринятая нами критика стимулирует философскую работу по прояснению иных путей говорения о целях школы, отличных от тех, которые задаются в рамках адаптационных моделей образования.

Аргумент 1. Аргумент К. Поппера

Прежде чем перейти к рассмотрению первого аргумента, необходимо подробнее остановиться на механике адаптационизма на одном конкретном примере.

Адаптация к наличной социальной реальности предполагает, что выпускник школы способен успешно конкурировать на рынке труда. Для этого система образования должна снабдить человека теми навыками, знаниями и умениями, которые будут востребованы работодателями. И чем раньше ребенок начнет усваивать этот набор навыков, знаний и умений, тем, очевидно, лучше. Иллюстрацией такого подхода становятся проекты ранней профориентации детей, захватывающие уже и дошкольные образовательные организации. Проблема заключается в том, что первоклассник выйдет на рынок труда в лучшем случае через 9-11 лет после начала обучения в школе. А это значит, что, формируя программу обучения (включающую в себя мероприятия по ран-

ней профориентации), мы должны знать, как будет выглядеть рынок труда минимум через 9-11 лет. Очевидно, результативность нашей программы находится в прямой зависимости от принципиальной возможности такого знания и его точности.

Оптимистичный ответ на указанную проблему состоит в том, что человек, во-первых, способен прогнозировать будущее таких сложных систем, как рынок труда, а, во-вторых, способен делать это с высокой точностью. Утверждается, при этом, что прогнозирование возможно на основе анализа существующих трендов, логическая развертка которых позволяет нам разглядеть "образ будущего". К примеру, для теоретиков постиндустриализма первостепенной важностью обладают статистически фиксируемые изменения в структуре рынка труда развитых стран, происходившие во второй половине XX века. Речь идет о постепенном увеличении в структуре рынка труда доли третичного сектора (сфера услуг) по отношению к первичному (сельское хозяйство) и вторичному (промышленность). Так, для индустриального общества естественным образом характерно количественное преобладание пролетариата (промышленных рабочих по найму). Тогда как, согласно Д. Беллу, "первой и простейшей характеристикой постиндустриального общества является то, что большая часть рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг, к которой относится торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия развлечений, а также сферы науки, образования и управления" [1, С.3]. Простая экстраполяция в будущее эмпирически фиксируемых трендов позволяет, по мысли теоретиков постиндустриализма, получить достаточно точный прогноз трансформаций структуры рынка труда в горизонте 20-30 лет [1]. Еще одним влиятельным примером анализа трендов в трансформации рынка труда является статья 2003 года "The Changing Task Composition of the US Labor Market: An Update of Autur, Levy, and Murnane" [10]. Авторы статьи предложили оригинальный методологический подход к анализу изменений требований к квалификации сотрудников в условиях трансформационных процессов. В основе методологии лежит тонкое различение двух категорий: "задача" и "навык", где "задача" – это единица рабочей активности, обеспечивающая результат, а "навык" – это набор возможностей сотрудника, позволяющий ему успешно справляться с задачами. Авторы выделяют пять типов рабочих задач, характерных для человеческой деятельности: "творческие аналитические задачи", "нестандартный ручной труд", "рутинные интеллектуальные задачи", "рутинный ручной труд", "творческая социальная работа". Далее авторы показывают, что за период с 1960 по 2010 годы доля "рутинных интеллектуальных задач" и "рутинного ручного труда" в структуре деятельности существенно снизилась, тогда как доля "творческих аналитических задач" и "творческой социальной работа" существенно возросла. Отмеченные изменения вызваны, очевидно, компьютеризацией и как следствие – автоматизацией рабочих процессов. Машины приходят на место людей в решении тех задач, которые наилучшим образом поддаются алгоритмизации (рутинные, типовые, стандартные, повторяющиеся). В то же время, возрастает спрос на специалистов, способных обеспечивать решение сугубо человеческих задач, связанных с высокой степенью свободы и неопределенности.

Учитывая отмеченные тенденции, правомерным кажется поставить вопрос о том, какие навыки будут обеспечивать решение творческих аналитических и творческих социальных задач, располагающихся преимущественно в сфере услуг? Именно эти навыки, повышающие уровень конкурентоспособности специалиста на рынке труда, должны войти в перечень обязательных образовательных результатов школы. Чаще всего этот набор навыков упаковывается в более или менее обширные списки "навыков XXI века", включающие в себя такие сущности, как "креативность", "критическое мышление", "мультиграмотность", "умение работать в команде", "лидерство" и т.п. [12] Утверждается, помимо прочего, что эти навыки, излишние для пролетария, выполняющего монотонную стандартизированную работу, образуют портрет востребованного специалиста новой постиндустриальной экономики, нуждающейся, прежде всего, в работниках и – что важно – предпринимателях, способных решать множество креативных задач, характерных для сферы услуг [12]. Начиная с 2000-х годов, появление сущностей, относимых к категории "навыки XXI века", в национальных образовательных стандартах и иных нормативных документах, устанавливающих не только желательные, но и обязательные результаты общего образования, становится повсеместным [12].

На первый взгляд, предложенная механика кажется безупречной. Мы хотим, чтобы наши дети чувствовали себя комфортно в том мире,

в котором им предстоит прожить большую часть продуктивной жизни. Мы обладаем инструментами, позволяющими нам строить точные прогнозы относительно того, каким будет этот мир, и какие навыки, знания, умения необходимы для успеха в нем. Соответственно, цель школы: снабдить ребенка именно этими навыками, знаниями и умениями. Проблема, однако, заключается в том, что эта механика не учитывает критику прогностических моделей, предпринятую выдающимися философами XX века, прежде всего – К. Поппером.

Впервые интересующие нас аргументы были изложены Поппером еще в 1953 году в работе "Нищита историцизма" [4]. Ключевая задача работы: критика исторических концепций и их последователей (прежде всего, марксистов), утверждающих, что на основе открытых ими "законов истории" возможно предсказывать ход исторического развития и, как следствие, – будущие состояния человеческих обществ. Историософию подобного рода Поппер именует "историцизмом", вводя в философский тезаурус следующее определение: "Я понимаю под "историцизмом", подход к социальным наукам, который предполагает, что их целью являются исторические предсказания и что эта цель может быть достигнута благодаря открытию "ритмов", "моделей", "законов" или "склонностей", лежащих в основе эволюции истории" [4, с.3]. В данном контексте нет необходимости в изложении всех положений Поппера, хорошо известных научному сообществу. Однако, в свете вышесказанного, нам представляется важным обратить внимание на следующий тезис философа: "Вера в историческое предназначение есть простое суеверие. Курс человеческой истории нельзя предсказать ни научными, ни какими бы то ни было иными рациональными методами" [4, С.33]. Очевидно, принятие этого тезиса не совместимо с принятием той механики адаптационизма в педагогике, которая была рассмотрена выше. Если нам не дано знать, каким будет рынок труда через 9-11 лет, мы не способны планировать результаты общего образования в той логике, которая задается адаптационизмом. Но подходят ли аргументы, предложенные Поппером в защиту своего тезиса, к нашему случаю?

Ключевой аргумент Поппера строится на весьма убедительном утверждении о том, что решающий вклад в ход истории вносят новые технологии, которые, в свою очередь, зависят от появления нового знания. Это утверждение вполне подтверждается излюбленными примерами адаптационистов. Новое знание приводит к появлению новой технологии (компьютер), что, в свою очередь, приводит к изменению структуры рынка труда (преобладание творческих задач над рутинными и сферы услуг над сферой производства), что в свою очередь приводит к появлению новой исторической формации (постиндустриальное общество). Проблема, однако, состоит в том, что мы принципиально не можем знать, какое новое знание появится у нас в будущем. Это очевидно на уровне простого логического анализа. Нет необходимости в использовании технического аппарата формальной логики, для того чтобы прийти к осознанию противоречия, содержащегося в суждении: "я знаю какое новое знание появится у меня через 10 лет". Логика требует одного из двух: либо я не знаю об этом знании, либо это уже не новое знание.

Для адаптационных моделей образования этот аргумент имеет серьезные следствия. Если несколько сузить сферу применения аргумента, переложив его с исторического процесса в целом на такую частную область, как структура рынка труда, можно сказать, что исторические трансформации этой структуры, очевидно, зависят от технологического развития, которое в свою очередь зависит от производства нового знания. При этом, как было уже сказано нами, невозможно заранее знать, какое новое знание будет открыто в будущем. А значит, прогнозирование (не угадывание, а именно научное прогнозирование) трансформаций структуры рынка труда оказывается логически невозможным.

К аргументам Поппера можно добавить менее строгие, но достаточно убедительные аргументы Н. Талеба, критикующего возможность социального прогнозирования через разработку концепта "черный лебедь" [5]. Согласно Талебу, "черный лебедь" – это событие, способное перевернуть ход истории, но принципиально не поддающееся предсказанию. "Черный лебедь" не вытекает из существующих трендов, но сам задает тренды на неопределенный период времени. В область понятия "черный лебедь" укладывается и "новое знание" Поппера. Помимо "нового знания" в качестве "черного лебедя" могут выступать "экономические кризисы" (причиной которых становятся другие "черные лебеди"), "техногенные катастрофы", "великие личности" и многое из того, что мы не способны себе помыслить. Все это определяет невозможность прогнозирования поведения сложных систем, к которым, безусловно, относятся все социальные системы. Таким образом, из вывода о

невозможности социального прогнозирования следует, например, что концепция "навыков XXI века" не может лежать в основании целепологания школы, поскольку на самом деле мы принципиально не можем знать, какие навыки будут востребованы в будущем.

Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами. Графики, приведенные в статье Аутора и Прайса, однозначно показывают, что в период с 1960 по 2010 годЫ доля "рутинных интеллектуальных задач" в структуре труда неизменно снижалась, а доля "творческих интеллектуальных задач" неизменно повышалась. Более того, Аутор и Прайс способны предложить жизнеспособную интерпретацию этих эмпирических фактов – компьютеризация производств. Однако все это ничего не говорит нам о будущем рынка труда. Представьте себе, что в тот момент, когда вы читаете эти строки, где-то рождается новое знание, которое приведет к появлению новых технологий, которые в свою очередь приведут к тому, что машины научатся выполнять "творческие интеллектуальные задачи" быстрее и лучше, чем это делает человек (смотрите, например, недавние достижения нейросетей в создании текстов). Мало того, преимущество машин перед людьми в решении креативных задач окажется большим, чем преимущество машин перед людьми в решении рутинных интеллектуальных задач. Что в таком случае делать с адаптационной логикой образовательных реформ, отвлекающих ресурсы от освоения академических знаний в пользу развития креативности в целях обеспечения лучшей адаптации детей в будущем мире? Представим еще и то, что в момент, когда вы пытаетесь ответить на поставленный выше вопрос, в мире происходит техногенная катастрофа (черный лебедь), способная в технологическом плане отбросить человечество на столетие назад. Что в таком случае делать с адаптационной логикой образовательных реформ, предлагающих пренебречь рутинным ручным трудом во имя лучшей адаптации индивида к обществу будущего, якобы избавленному от такого труда?

Подчеркнем: предложенный аргумент не направлен против конкретных результатов общего образования. Мы по-прежнему можем считать развитие креативности приоритетным результатом обучения ребенка в школе. Однако – и это важно – принимая изложенный аргумент, мы не можем далее обосновывать свой приоритет той логикой, которая предлагается адаптационизмом.

Эта логика станет еще более хрупкой после рассмотрения второго аргумента.

Аргумент 2. Аргумент "плохого мира"

Многие современные авторы говорят о "критическом мышлении" как о значимом результате общего образования [14]. Нередко значение "критического мышления" обосновывается посредством адаптационистской логики: в рамках "информационного общества", человек, способный критически оценивать и анализировать информацию, получает конкурентные преимущества, т.к. способен принимать более рациональные и точные решения, неважно – в бизнесе, политике или же личной жизни.

Представим теперь, что мы преодолели аргументы Поппера и смогли, опираясь на точный анализ существующих тенденций, увидеть, каким будет мир, например, через десять лет. Результаты нашего анализа говорят нам о том, что через десять лет, главным качеством, определяющим успешность человека (в большинстве сфер деятельности), станет умение искусно лицемерить. Далее введем две посылки.

Первая посылка. У нас нет оснований сомневаться в точности прогноза.

Вторая посылка. При планировании образовательных результатов мы придерживаемся адаптационной логики.

Какими должны быть наши действия, исходя из описанной ситуации и посылок? Очевидно, мы должны придать навыку "искусное лицемерие" такое же значение, которое мы придаем "критическому мышлению", опираясь на анализ тенденций развития информационного общества. Говоря что-то вроде "мы не будем формировать у детей навык лицемерия, даже в том случае, если этот навык поможет им быть успешными в мире будущего", мы отказываемся от второй посылки, тем самым отвергая логику адаптационизма. То же самое происходит в том случае, когда мы говорим что-то вроде: "Мы будем формировать у детей критическое мышление, даже если точно знаем, что в будущем люди, обладающие этим качеством, будут несчастны, отвергнуты и ущемлены".

Таким образом, последовательным адаптационистом может считать себя только тот педагог, который, исходя из описанной ситуации, признает искусное лицемерие ценным образовательным результатом на том основании, что этот навык позволит "вооружить завтрашних работников (наших детей) умением успешно конкурировать за процветание в будущем".

Важно, при этом, обратить внимание на невозможность частичного (фрагментарного)

адаптационизма. По нашему мнению, интеллектуальная честность не позволяет обосновывать ценность "критического мышления" и "креативности", апеллируя к тем конкурентным преимуществам, которые они дают выпускнику школы, вместе с тем, отказывая в ценности "лицемерию", если эта ценность обоснована тем же образом.

Выводы

Как было обещано в вводной части, наши аргументы ставят под сомнение оба тезиса, лежащих в основании адаптационистской логики в образовании.

Тезис 1. Мы знаем, какие навыки, знания и умения позволят школьнику в будущем успешно адаптироваться к наличной социальной реальности.

Философская работа Поппера и его последователей не оставляет возможности в данном случае говорить о знании; в лучшем случае речь может идти об интуициях и предположениях.

Тезис 2. Мы должны обеспечить школьников набором навыков, знаний и умений, позволяющих в будущем успешно адаптироваться к наличной социальной реальности.

Продемонстрированный мысленный эксперимент показывает, что модус долженствования эмоционально отвергается нами в тех случаях, когда навыки, знания и умения, подходящие с точки зрения адаптационистской логики, не отвечают нашим, вероятно, более принципиальным этическим установкам.

Таким образом, критика адаптационистских позиций, очевидно, должна оказать влияние на язык педагогической дискуссии и аргументации, сделав невозможной наивную репродукцию смысловых конструкций подобного типа: "мы развиваем у детей x, поскольку x обеспечит им успех в будущем мире".

Принимая изложенные аргументы мы, по существу, становимся перед вопросом: на каком основании следует признавать "хорошими" те или иные результаты общего образования? Этот вопрос приобретает особое значение в виду ограниченности ресурсов и, как следствие, конкуренции разных образовательных результатов за место в образовательной программе школ. Мы не способны рационально разрешить дискуссию о том, что является лучшим для современных школьников – "знание древних языков" или "знание языков программирования" – до тех пор пока не обладаем ясными критериями оценки. При этом поставленный вопрос представляет собой частный случай корневого вопроса нормативной этики: на каком основании следует полагать нечто "хорошим", а другое – "плохим"? Не удивительно, поэтому, что логика адаптационизма в точности воспроизводит этику утилитаризма, согласно которой "хорошее" есть то, что "ведет нас к успеху", "работает", "приносит позитивный результат", "делает сильными", тогда как "плохое" служит обратному. Этика утилитаризма легко принимается "наивным сознанием", поскольку дает простой инструмент различения, однако, как было показано в том числе в нашей статье, последовательность в логике утилитаризма приводит к интеллектуальным тупикам и интуитивному отказу от нее.

Выход из тупиков, позволяющий обрести менее противоречивый и более рефлексивный язык мышления о целях образования, потребует от нас усилия, в том числе – философского.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 2004.
2. Вилкова К.А., Лебедев Д.В. Адаптивное обучение в высшем образовании: за и против. – М.: НИУ ВШЭ, 2020.
3. Добрякова М.С., Фрумин И.Д., Баранникова К.А. и др. Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020.
4. Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Прогресс, 1993.
5. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2022
6. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Избранные педагогические сочинения. – М., 1974. – Т. 1.
7. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова и Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – М. : Аспект Пресс, 2004.
8. Фадель Ч, Бялик М., Триллинг Б. Четырехмерное образование: Компетенции, необходимые для успеха. – М.: Точка, 2018.
9. Фрейра П. Педагогика угнетенных. – М.: Азбука-Аттикус, 2018.
10. Autor D. The Changing Task Composition of the US Labor Market: An Update of Autur, Levy, and Murnane. MIT., 2013.
11. Barrow R., Woods R. An Introduction to Philosophe of Education. Routledge, 2006.
12. Bialik, M., Fadel, C. Skills for the 21st Century: What should students learn? Center for Curriculum Redesign, 2015.
13. Christodoulou D. Seven Myths About Education. Routledge, 2013
14. Ennis R. H. Critical Thinking Assessment / Fasko D. Critical Thinking and Reasoning: Current Research, Theory, and Practice. Hampton Press, 2003.
15. Postman N. The End of Education: Redefining the Value of School. Knopf., 1995.
16. Rousseau, Jean-Jacques. Emile. – New York: Basic Books, 1979.

DIGITALIZATION OF THE GENERAL EDUCATION SYSTEM: VALUE ORIENTATIONS AND EXPECTATIONS OF THE TEACHER AS A SUBJECT OF THE EDUCATIONAL SPACE *

Belous Olga Valerievna, *PhD of Psychology, Associate Professor*

Vetrov Yuri Pavlovich, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Khludova Lyudmila Nikolaevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Armavir State Pedagogical University, Armavir

The purpose of the study *is to identify the value orientations and expectations of the teacher as a subject of the educational space in the context of the digitalization of the general education system.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the development of tools for monitoring value orientations and expectations of the teacher as a subject of the educational space in the context of the digitalization of the general education system.* ***As a result,*** *conclusions were made about the content and nature of changing the value orientation and expectations of the teacher as a subject of the educational space in the context of the digitalization of the general education system, the problems in meaningful orientations.*

Keywords: *digital transformation of education; value orientations; expectations; educator; digital educational technologies; "digital school of the future."*

EDN: PBIJUI **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.41**

*ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ОЖИДАНИЯ ПЕДАГОГА КАК СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ***

УДК 37.01
ВАК РФ 5.8.1

© Белоус О.В., 2023
© Ветров Ю.П., 2023
© Хлудова Л.Н., 2023

Цель исследования *– выявить ценностные ориентации и ожидания педагога как субъекта образовательного пространства в условиях цифровизации системы общего образования.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке инструментария по мониторингу ценностных ориентаций и ожиданий педагога как субъекта образовательного пространства в условиях цифровизации системы общего образования.* ***В результате*** *сделаны выводы о содержании и характере изменения ценностных ориентаций и ожидания педагога как субъекта образовательного пространства в условиях цифровизации системы общего образования, имеющихся проблемах в смысложизненных ориентациях.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация образования; ценностные ориентации; ожидания; педагог; цифровые образовательные технологии; "цифровая школа будущего".*

БЕЛОУС Ольга Валерьевна, *кандидат психологических наук, доцент*

ВЕТРОВ Юрий Павлович, *доктор педагогических наук, профессор*

ХЛУДОВА Людмила Николаевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Введение

В настоящее время в России реализуется ряд инициатив, направленных на создание необходимых условий для развития цифровой экономики, что в свою очередь повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет. Первостепенное значение имеет "Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы" [8]. Приоритетным проектом является "Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации" [6] в рамках реализации государственной программы "Развитие образования". Ключевая задача настоящего времени – обеспечение способности системы образования гибко реагировать на изменение потребностей экономики и динамично развивающегося

* The article was prepared as part of the state task " Russian system of general education and practical recommendations for its improvement in the context of digitalization: dynamics of value orientations, expectations, problems of various groups of the population" (agreement No. 073-03-2021-012), carried out at the expense of the federal budget within the framework of state task of the Ministry of Education of the Russian Federation.

** Статья подготовлена в рамках государственного задания "Российская система общего образования и практических рекомендаций ее совершенствования в условиях цифровизации: динамики ценностных ориентаций, ожиданий, проблем различных групп населения" (соглашение № 073-03-2021-012), осуществляемого за счет средств федерального бюджета в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации.

социума. Современная эпоха научно-технического прогресса связана со стремительным развитием цифровизации, которая обусловливает в свою очередь основательную трансформацию образовательных технологий и системы образования в целом. Одновременно мы наблюдаем радикальное ускорение процесса цифровой трансформации российской системы общего образования, обусловленной ситуацией пандемии COVID-19, спровоцировавшей экстренное внедрение цифровых технологий в образовательное пространство.

Соответственно, необходим учёт специфики аксиологии педагогической деятельности и образования как процесса именно в условиях цифрового, а уже не информационного обновления [2].

В связи с этим можем отметить, что активизация использования педагогами цифровых технологий, работа в цифровой образовательной среде, обеспечение в целом "цифровой" школы являются не только необходимостью, вызванной реалиями сегодняшнего дня, но и главными детерминантами развития образования, его соответствия вызовам будущего.

С решением данной проблемы тесно связана необходимость и возможности ситуации личностного роста и развития в изменяющихся условиях. Данный факт соотносится с феноменом пересечения в образовательной сфере двух базовых явлений – личности профессионала, его субъектных отношений и цифровизация (или digital-трансформация).

При характеристике личности особое место занимает изучение ценностных ориентаций, ожиданий и готовности личности к профессиональной деятельности. Ценностные ориентации представляют собой подсистему сознания, в которой отражаются ценности, признаваемые личностью в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров. Система ценностных ориентаций образует направленность личности и обеспечивает вероятность ожиданий и личностных смыслов, которые показывают субъективную значимость явлений и объектов окружающей действительности для субъекта деятельности. При этом успешное развитие личности учащегося во многом зависит от ценностных ориентиров образования в целом. А ценностные ориентиры образования проявляются как профессиональные и личностные ценности отдельного учителя.

Для практической реализации поставленной цели нами были определены следующие задачи: 1) научно обосновать психолого-педагогические и социологические механизмы формирования ценностных ориентаций, ожиданий педагогов в условиях цифровизации; 2) провести комплексные социологические и психолого-педагогические исследования на территории следующих субъектов РФ Российской Федерации: Белгородская область, Волгоградская область, Краснодарский край, Липецкая область, Ростовская область, Ставропольский край, Чеченская республика; с целью характеристики состояния ценностного компонента самосознания субъектов образовательных отношений, в частности, педагогов, в контексте цифровизации системы образования; 3) научно обосновать выявленные типичные трудности и ожидания субъектов образовательных отношений в контексте цифровизации системы общего образования.

В рамках исследования нами использовался комплекс методов исследования как взаимодополняющих теоретических, эмпирических, статистических методов, адекватных предмету исследования. В качестве методов нами использовались: теоретические (анализ и синтез философской, педагогической, психологической, социологической литературы; изучение степени разработанности проблемы; прогнозирование); эмпирические (наблюдение, анкетирование, опрос с применением полузакрытых и закрытых вопросов, экспертная оценка эмпирических данных); математико-статистические (контент-анализ, ранжирование, рейтинговое оценивание и расчет процентных соотношений и пр.).

В качестве актуальной проблемы можем выделить ситуацию зависимости содержания и технологии педагогической деятельности от вызовов современности, в частности процессов, происходящих в экономике и обществе. Необходимость уточнения аспектов регуляции педагогического воздействия, в свою очередь, определяется личностными характеристиками педагога как субъекта деятельности, в структуре которых особое место занимает феномен ценностных ориентаций и ожиданий. Именно адекватное и качественное наполнение ценностных ориентаций педагога по отношению к изменениям современности, к включению ситуации цифровизации в образовательный процесс обеспечивает в целом готовность учителя как субъекта к данным трансформациям средств воздействия [10].

Феномен ценностей и ценностных ориентаций является междисциплинарным и изучается философами (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Здравомыслов, М.С. Каган и др.), социоло-

гами (И.В. Бестужев-Лада, И.С. Кон, В.А. Ядов и др.), психологами и педагогами (Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Т.В. Корнилова, М.С. Яницкий и др.). [4]

Ценности составляют объективную реальность, присутствуют на уровне общества и отдельных социальных групп, задавая критерии должного, желательного для различных сфер социальной активности через общественные или групповые установки и оценки, выраженные в форме определенных конкретизированных представлений, и субъективно представлены на личностном уровне.

Анализ ценностей как сущностной личностной характеристики позволяет представить содержательный аспект готовности человека к использованию определенных форм отреагирования, отношения, активности в рамках конкретного вида деятельности. В связи с этим проблема формирования ценностей определяет характер подготовки человека как субъекта деятельности к качественному осуществлению профессиональных действий.

В ценностных ориентациях, как многоуровневом образовании, характеризующем мотивационную сферу личности, чаще всего рассматривают когнитивный, эмотивный и поведенческий компоненты, определяющие знаниевый, отношенческий и деятельностный аспекты жизнедеятельности человека.

В современной действительности, определяемой фактором цифровизации, особое внимание уделяется содержательному аспекту ожиданий и ценностных ориентаций всех активных субъектов образовательного процесса, т.к. именно в зависимости от того, что закладывается в качестве базы направленности человека в его отношениях в частности, к цифровой трансформации, и возникают готовность, "принятие" изменений, максимальное включение в ситуацию применения цифровых инструментов в образовательном процессе [3, 5].

Основная часть

В нашем исследовании проблем проявления ценностных ориентаций и ожиданий педагогов как субъектов образовательного пространства приняли участие представители педагогических коллективов общеобразовательных организаций 7 субъектов Российской Федерации (Белгородской, Волгоградской, Липецкой, Ростовской областей, Краснодарского, Ставропольского краев, Чеченской Республики) в количестве более 2200 человек. Количественная и качественная характеристика наполненности выборки позволяет получить объективную и субъективную оценки об особенностях выстраивания ожиданий и ценностных характеристик по определенным аспектам. Онлайн-опросы проводились анонимно в форме анкетирования с помощью Google Forms.

Рассмотрим результаты исследования.

Нами были рассмотрены различные социальные и психологические характеристики ожиданий и ценностей педагогов.

Относительно социальных характеристик можно отметить следующее.

Респонденты нашего опроса располагаются в городской и сельской местности (54,9% и 45,1%, соответственно).

По типу образовательной организации педагоги представляют школы, не имеющие никаких программ углубленного обучения (73,8%), школы с углубленным изучением предметов (12,8%), гимназии, лицеи (13,4%).

На вопрос о готовности использовать цифровые ресурсы в образовательном процессе мнения респондентов распределились следующим образом (диаграмма 1)

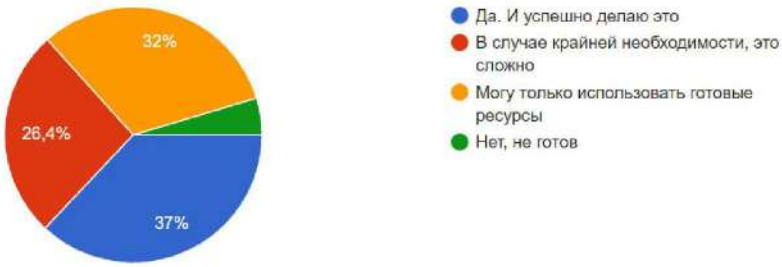


Диаграмма 1 – **Количественное распределение респондентов по представлению о готовности к использованию цифровых ресурсов в образовательном процессе**

Данная диаграмма показывает, что по вопросу эффективности цифровых ресурсов в образовании нет единого мнения в школьной педагогической среде. В частности, только 37% респондентов используют цифровые ресурсы в образовании. 26,4% – готовы использовать цифровые ресурсы в случае крайней необходимости, а 32% – готовы использовать только готовые цифровые ресурсы. При этом 4,7% респондентов не готовы применять цифровые технологии вообще.

На вопрос о значимости владения цифровыми технологиями для самоактуализации и

профессионального роста педагогами были даны следующие ответы (диаграмма 2).

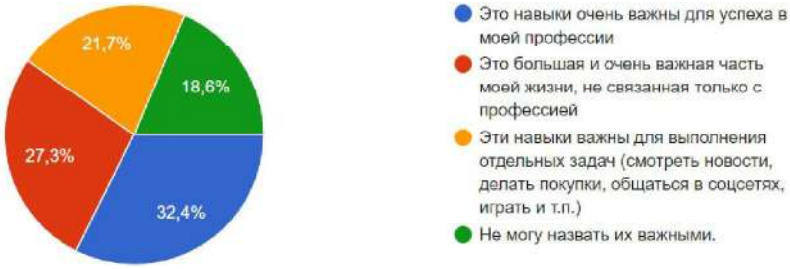


Диаграмма 2 – **Количественное распределение респондентов по представлению значимости навыков использования цифровых ресурсов в образовательном процессе**

Отношение к значимости цифровых технологий показывает готовность учителей к модернизации образовательного процесса. О полезности образования в цифровой сфере учителя разделились примерно на четыре группы. 32,4% респондентов считают, что знания в области цифровых технологий очень важны для дальнейшего становления в профессии, у 27,3% учителей цифровые технологии не только в профессиональной деятельности играют большое значение, но и вне ее, 21,7% – уверены, что цифровые технологии необходимы в отдельных областях, не связанные с педагогической деятельностью, а 18,6% респондентов вообще не считают цифровые навыки и цифровые технологии чем-то важным.

При анализе понимания возможностей использования цифровых инструментов в профессиональной деятельности ответы респондентов распределились следующим образом (диаграмма 3).

Диаграмма 3 – **Количественное распределение респондентов по представлению возможности использования цифровых инструментов в образовательном процессе**

Как показывает результат на данный вопрос, все респонденты так или иначе нашли что-то полезное для самих себя в цифровых технологиях, к примеру, самыми популярными преимуществами являются:

1. Использование цифровых инструментов в проектной деятельности (26,6%).
2. Реализация рабочей программы по предмету в полном объеме (17,4%).
3. Построение и реализация индивидуального образовательного маршрута (15,6%).

При этом в ответах на вопрос об интересе к инновациям в педагогической деятельности, которые предполагают применение цифровых ресурсов, было представлено противоречие между желаниями и возможностями. Обобщенный анализ показал, что 89,4% респондентов интересуются цифровыми инновациями в образовании, но 49,3% из них не имеют условий для реализации этих инноваций, из чего следует, что все инновации применяют только 40,1% респондентов. 10,7% участников исследования не интересуются цифровыми инновациями и не применяют их в образовательной деятельности.

При этом психологический комфорт при использовании электронных образовательных ресурсов в школе отмечает 73,1% респондентов. Противоположные эмоции, яркий дискомфорт испытывает, судя по ответам, 18,5% педагогов, а 8,4% респондентов каждый раз, по их ответам, преодолевают психологический барьер при применении различных составляющих электронных образовательных ресурсов.

Несмотря на данную ситуацию, педагоги достаточно высоко оценивают свой уровень владения цифровыми технологиями (диаграмма 4).

По данным ответам на этот вопрос можно судить о том, что в современной школе большая часть учителей, а именно 70,4%, оценивают свои навыки владения цифровыми технологиями как удовлетворительные, в то время как не испытывают трудности с освоением новых платформ и программ 15,3% респондентов. Однако постоянные трудности испытывает 8,6% респондентов и затрудняется ответить 5,7%.

По итогам предыдущего вопроса стало понятно, что более 10% респондентов испытывают затруднения в освоении новых инновационных технологий, вследствие чего появилась необходимость определить, по каким причинам возникают эти трудности. С целью уточнения понимания характера трудностей, нами

был задан уточняющий вопрос педагогам. Главной причиной является то, что необходимо прикладывать много усилий и тратить много времени, этот вариант ответа выбрали 40,3% респондентов. На втором месте стоит то, что 30,6% респондентов устраивает тот уровень владения технологиями, который у них есть сейчас. Также можно выделить и то, что 18,3% респондентов не любят цифровую среду, в целом.

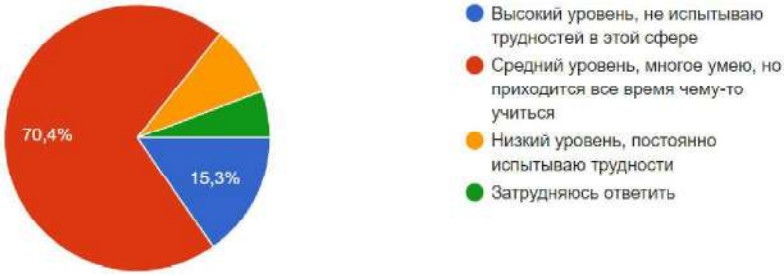


Диаграмма 4 – **Количественное распределение респондентов по представлению уровня владения цифровыми инструментами**

Однако практически 90% респондентов за последние три года смогли повысить свою цифровую грамотность. Стимулировать ситуацию развития своих цифровых навыков у педагогов, по мнению респондентов, может:

1. Наличие интереса, это открывает новые возможности в профессии, саморазвити (57,9%).

2. Это повышает шансы на успех в карьере (27,9%).

3. Это требование администрации школы и вышестоящих органов (30,9%).

При этом 4,2% респондентов отмечают, что повышение своей цифровой грамотности объективно не нужно для педагога.

При анализе ожиданий педагогов как перспектив работы в цифровой школе ближайшего будущего и готовности осуществлять профессиональную педагогическую деятельность в "Цифровой школе" были получены следующие данные (диаграмма 5).

Диаграмма 5 – **Количественное распределение респондентов по представлению и готовности осуществлять профессиональную педагогическую деятельность в "Цифровой школе"**

Отвечая на вопрос о перспективах работы в цифровой школе ближайшего будущего, всего 20,8% – дали однозначно утвердительный ответ, 48,6% – согласились с тем, что придется повысить свой уровень владения новыми цифровыми технологиями, в то время как 30,6% – не видят для себя перспектив в школе будущего.

Далее, при анализе ожиданий о повышении качества освоения ООП в ситуации использования цифровых сервисов, мы увидели следующую картину. Учителя проявили довольно скептическое отношение. Всего 8,1% респондентов уверены, что цифровые сервисы значительно повысят освоение ООП, в то время, когда 70,9% – считают это возможным, но только при грамотном подходе, а 20,9% – вовсе уверены, что нужно отказаться от цифровизации и вернуться к традиционной системе обучения.

В результате проведенного обобщенного анализа данных, полученных от педагогов по результатам проведенного комплексного исследования, можно представить следующую картину представлений о проблемах цифровизации образовательного пространства в аспекте готовности и ожиданий.

Исходя из данных ответа на вопрос о готовности к реализации технологии адаптивного обучения, можно констатировать, что 8,5% респондентов готовы к реализации адаптивного обучения и уже применяют его. 11,4% респондентов заявили о полной готовности, 62% – готовы частично, а 18,1% респондентов еще не готовы реализовывать технологии адаптивного обучения.

При этом, 5,6% респондентов готовы к реализации геймификации обучения и уже применяют его. 9,3% респондентов заявили о полной готовности. 51,1% – готовы частично, а 34% респондентов еще не готовы реализовывать подобные технологии в образовательном процессе.

Говоря об итогах внедрения цифровых технологий в образовательный процесс, можно констатировать, что подавляющее большинство педагогов, около 75%, не удовлетворены новыми тенденциями в полной мере. Так, 59% респондентов отмечают, что у цифровизации образования есть как плюсы, так и минусы, 3,6% респондентов имели не-

удачный опыт использования цифровых технологий, а 12,5% – их вовсе не применяли. В то же время, всего 24,9% – опрошенных педагогов свой опыт использования цифровых технологий в образовательном процессе на уроках как положительный.

На вопрос о препятствиях для применения инновационных технологий в образовательном процессе с применением цифровых инструментов педагоги дали ряд ответов, из которых можно выделить ТОП-3 наиболее популярных:

1. Отсутствие необходимой цифровой структуры – 70,4%.
2. Отсутствие ресурсов, сил и времени для использования этих технологий – 54%.
3. Отсутствие мотивации у учителей – 19,3%.

В то же время, всего 5,3% респондентов не видят препятствий для повсеместного внедрения цифровых технологий в образовательный процесс.

В ответах учителей на вопросы предложенной анкеты нами отмечена также предметная дифференциация в оценке объема и необходимости цифровых новшеств в современной школе. Учителя социально-гуманитарного цикла в целом считают достаточным использование цифровых новшеств в отдельных ситуациях, в основном, для демонстрации и визуализации данных. Учителя естественнонаучного цикла полагают необходимым использование цифровых технологий в образовательном процессе более часто и более предметно.

По итогам проведённого опроса, мы пришли к следующим выводам.

Тема цифровизации образования является актуальной и необходимой для рассмотрения.

Большинство респондентов отмечают достаточный уровень готовности к исполнению требований цифровизации в образовательном пространстве, в то же время, около 25% – отмечают у себя неготовность и нежелание использовать цифровые средства в работе.

Большинство опрошенных показывают достаточно противоречивые ожидания в отношении возможностей и эффективности "цифровых" технологий в образовательном процессе. Общий уровень ценности "цифровых" технологий можно охарактеризовать как стремящийся к верхнему уровню. Педагоги в целом оптимистично настроены по отношению к желательности использования возможностей цифровизации в образовании. Полученные данные соотносятся с исследованием, проведенным Лабораторией изучения инноваций в образовании НИУ ВШЭ в марте 2020 г. [9].

Можно говорить также о серьезном расхождении в части ценностей и ожиданий внутри частных социальных групп педагогов.

Заключение

В результате проведенного исследования, нами были определены следующие моменты.

Цифровизация затрагивает все сферы деятельности общества, в том числе образование, и становится базой развития самого общества и общественных отношений.

Успешность преобразований во многом определяется качеством комплексной и всесторонней оценки готовности субъектов образовательных отношений к цифровой трансформации с учетом тождественности их ценностных ориентаций, соответствующих ожиданий и испытываемых в процессе трансформации трудностей и проблем.

В ходе исследования было подтверждено действие ценностных ориентаций и ожиданий, имеющих отношение к целям цифровой трансформации образования, включая наличие цифровых компетентностей и культуры, готовности использовать электронные образовательные ресурсы и цифровые технологии в аспекте организации образовательного процесса.

Литература:

1. Аналитическая справка по результатам исследования готовности педагогов к цифровой трансформации образования. – СПб.: ГБУ ДПО СПАППО, 2021. URL: https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03 (дата обращения: 28.07.2022).
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Субочева М.Л. "Цифровое образование" как системообразующая категория: подходы к определению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2018. – № 3. – С. 25-36.
3. Ветров Ю.П., Белоус О.В., Шкуропий К.В. Проблемы содержания ценностных ориентаций, ожиданий, трудностей субъектов образовательных отношений в условиях цифровизации // Ped.Rev. – 2022. – №3(43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-soderzhaniya-tsennostnyh-orientatsiy-ozhidaniy-trudnostey-subektov-obrazovatelnyh-otnosheniy-v-usloviyah-tsifrovizatsii.
4. Горькая Ж.В. Психология ценностей: учебное пособие. – Самара: Самарский университет, 2014. – 92 с.
5. Мишенина Г.В. Специфика ценностных ориентаций современного учителя // Российский психологический журнал. – 2008. – Том 5. – № 2. – С. 70-72.
6. Паспорт приоритетного проекта "Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216432. Текст: электронный.

7. Солдатова Г.У. Цифровое поколение как вызов образованию в сетевом столетии [Электронный ресурс]. Режим доступа: fi ro.ru>wp-content/uploads/2017/11/3_Солдатова.pdf.
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. URL: https://www.garant.ru/products/ ipo/pri-me/doc/71570570. Текст: электронный.
9. Хавенсон Т.Е., Котик Н.В., Королева Д. О. Цифровая технологическая готовность школьных учителей // Мониторинг экономики образования. – 2020. – №8. – С. 1-7.
10. Ходырев А.М., Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э. Проблема системогенеза ценностей педагогической деятельности в условиях цифровизации общества // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2020. – Т. 26. – № 4. – С. 5-13. DOI https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-5-13

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR THE FORMATION OF META-SUBJECT COMPETENCIES IN TEACHING STUDENTS A FOREIGN LANGUAGE

Bushueva Elena Vladimirovna, *Lecturer, Gzhel State University, Moscow Region*

The purpose of the study *is to propose the construction of an algorithm for the successful teaching of foreign languages (hereinafter referred to as FL) using digital means. The article considers the digital foreign language environment as a means of forming students' meta-competences.* ***Scientific novelty*** *lies in the definition of a set of principles and means for the implementation of the process of teaching foreign language students by means of ICT in order to achieve meta-subject results.* ***In conclusion****, information and educational resources were identified in teaching a foreign language, expanding ideas about the process of forming meta-competences.*

Keywords: *foreign language digital educational environment; information and communication technologies; metasubject competencies; cognitive abilities; motivational component; communication skills, teaching of foreign languages.*

EDN: QKIYAD **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.42**

УДК 372
ВАК РФ 5.8.2

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© Бушуева Е.В., 2023

Цель исследования *– предложить построение алгоритма успешного обучения иностранным языкам (далее ИЯ) с применением цифровых средств. В статье рассматривается цифровая иноязычная среда в качестве средства формирования метакомптенций обучающихся.* ***Научная новизна*** *заключается в определении комплекса принципов и средств для реализации процесса обучения студентов ИЯ средствами ИКТ с целью достижения метапредметных результатов.* ***В заключении*** *выявлены информационно-образовательные ресурсы при обучении ИЯ, расширяющие представления о процессе формирования метакомпетенций.*

Ключевые слова: *цифровая иноязычная образовательная среда; информационно-коммуникационные технологии; метапредметные компетенции; когнитивные способности; мотивационный компонент; коммуникативные навыки; обучение иностранным языкам.*

БУШУЕВА Елена Владимировна, *старший преподаватель, Гжельский государственный университет, Московская область*

Введение

Изучение образовательных платформ цифровых ресурсов для модернизации процесса обучения связано с переходом к новой компетентностной парадигме образования. Развитие цифрового образовательного пространства направлено на реализацию концепции обучения на протяжении всей жизни, дополнительной профессиональной подготовки студента, формирование его способности к самоорганизации и самообразованию.

В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в разработке критериев выбора платформ и приложений для обучения студентов ИЯ как средства формирования метакомпетенций.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) рассмотреть цифровую иноязычную среду в качестве средства формирования метакомптенций обучающихся, 2) определить комплекс

принципов и средств для реализации процесса обучения студентов-бакалавров направления подготовки "Туризм" ИЯ средствами ИКТ, 3) выявить информационно-образовательные ресурсы при обучении ИЯ как средства формирования метакомпетенций. В статье применяются следующие методы исследования: теоретические (анализ научно-методической литературы по исследуемой проблеме, обобщение инновационного педагогического опыта) и эмпирические (наблюдение, классификация).

Теоретической базой исследования по теории организации обучения иностранному языку с использованием онлайн-ресурсов и технологий послужили публикации Е.С. Полат, И.В. Роберт, П.В. Сысоева, А.Н. Шамова и др.

Практическая значимость представлена классификацией и систематизацией Интернет-ресурсов как средства формирования метакомпетенций и подготовка к их использованию в обучении/изучении ИЯ в вузе.

Основная часть

Современные глобализационные процессы стимулируют сферу образования к "трансформации, диверсификации, реформированию"[1,с.21], к поиску алгоритма успешного электронного обучения, нацеленного на использование онлайн-форматов как одного из способов пополнения образовательного ресурса. Это "обусловило потребность в исследовании таких дополнительных аспектов проблемы, как создание специального цифрового образовательного пространства" [4, с. 147]. В настоящий момент использование информационно-коммуникационных технологий является объектом изучения в различных областях знания, в том числе и в области обучения иностранному языку, так как "цифровые возможности расширили жизненное пространство человека,…что прежде всего касается изменения в сторону усложнения человеческих возможностей: перестройки памяти, перцептивных способностей (подключение новых каналов восприятия), мыслительной активности в целях моделирования и проектирования путей достижения ранее казавшихся несбыточными целей, расширения коммуникативных способностей" [7,с.86]. Лингвообразовательное информационное пространство обладает рядом свойств, которые создают предпосылки для формирования метапредметных компетенций своих субъектов. Рассмотрение свойств цифровой образовательной среды и методологически обоснованных способов организации образовательного процесса дает возможность применять ИКТ ресурсы как инструмент реализации современных педагогических подходов к обучению ИЯ, а цифровые технологии считать "продуктивными результативными источниками повышения качества иноязычного образования, благодаря их гибкости, яркости, многоуровневости, выразительности и информационной насыщенности"[5, с.627]. Работа по применению ИКТ при обучении ИЯ проводилась нами с начала 2021 года по 2022 год в рамках более масштабной программы по развитию педагогических технологий в контексте инновационных тенденций в образовании. Программа была запущена в 2020 году для создания необходимых предпосылок для формирования современной цифровой образовательной среды и направлена на реализацию стратегии "обучения на протяжении всей жизни" через развитие цифрового образовательного пространства [3]. В рамках данной деятельности разработана методика преподавания иностранного языка, построенная на применении информационно-коммуникационных технологий, представлена методологически выверенная система способов наблюдения, контроля, произведена классификация онлайн-инструментов для построения образовательного процесса, что соответствует активно растущей тенденции его цифровизации. [6].

Наиболее распространенные значения термина "информационные и коммуникационные технологии" можно найти в различных источниках, большинство из них представляют ИКТ в качестве совокупности методов, устройств и производственных процессов, используемых обществом для сбора, хранения, обработки и передачи информации[6]. Применение информационно-коммуникационных технологий в образовательной практике подразделяется на следующие категории: обучение; тренажеры; поиск информации и справочник; демонстрация; моделирование; лаборатория; имитационное моделирование; расчет; обучающие и игровые инструменты. Один из основных видов информации и систематизации коммуникационных технологий включает типизацию по предметным видам деятельности. В образовательной среде информационно-коммуникационные технологии делятся на следующие виды: программы и ресурсы для подготовки к занятиям; технологии для осуществления поиска и передачи материала; цифровые ресурсы для взаимодействия участников образовательного процесса. Типологию платформ и приложений, активно используе-

мых в процессе обучения иностранным языкам, мы представили в виде диаграммы (рис. 1)

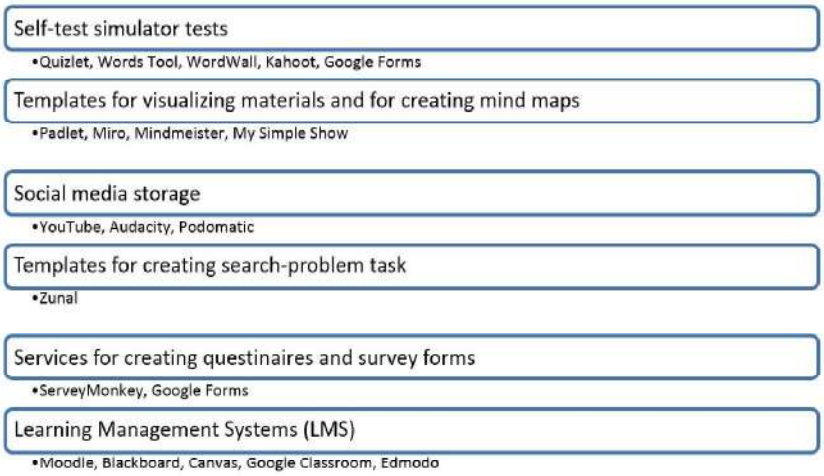


Рисунок 1 – **Типология платформ и приложений для изучения иностранных языков**

Разнообразие современных видов образовательных цифровых ресурсов обусловлено педагогическими потребностями в информатизации образовательного процесса при обучении ИЯ. Информационная компетенция, формирующаяся в процессе обучения ИЯ средствами ИКТ, взаимодействует с коммуникативной компетенцией участника процесса, что является важным аспектом не только в профессиональной деятельности, но и в дальнейшей жизни.

Согласно ФГОС ВО – бакалавриата по направлению подготовки 43.03.02 Туризм интеграция представленных универсальных компетенций является основой формирования метакомпетенций [8]. На схеме мы представили критерии отбора цифровых образовательных платформ для обеспечения курсов обучения ИЯ (рис. 2).

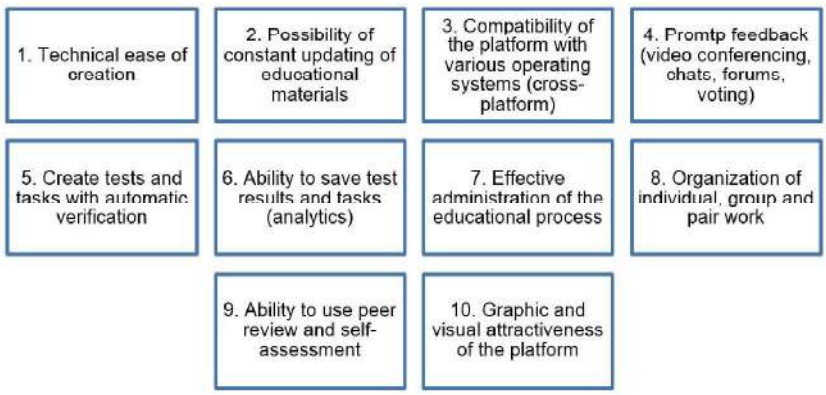


Рисунок 2 – **Критерии отбора онлайн-платформ**

Предлагаемая градация критериев не является исчерпывающей или окончательной. Очевидно, что взаимодействие в виртуальном образовательном пространстве обнаруживает многочисленные примеры образовательных форматов с применением "мягких технологий (квесты, телемосты, ролевые игры, мозговые штурмы)", что "особое значение приобретают мультимедийные средства обучения, способствующие визуализации материала"[2, с.31]. Перечисленные инструменты формируют непрерывную коммуникацию между обучающимися и преподавателями, способствующую стимулированию интереса к предмету и активизации когнитивных способностей, что является основой положительных результатов метапредметного обучения. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриата по направлению подготовки 43.03.02 – Туризм в числе требований к метапредметным результатам освоения учащимися образовательной программы называет: "междисциплинарные понятия и универсальные компетенции (регулятивные, когнитивные, коммуникативные), умение использовать их в познавательной и социальной практике, самостоятельность в планировании и осуществлении образовательной деятельности и организации образовательного сотрудничества с преподавателями, умение выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, владение исследовательскими, проектными и социальными навыками" [8]. Полагаем, что эти качества формируются у обучающегося в процессе деятельности в цифровой иноязычной образовательной среде. Следовательно, возможно выделить принципы построения взаимодействия обучающихся в цифровом пространстве, способствующие формированию метакомпетенций:

– включение техники и технологических приемов, направленных на анализ и синтез информации, установление причинно-следственных связей, классификацию, сравнение и сопоставление по различным признакам;

– ориентирование на решение задач проблемного и поисково-исследовательского характера;

– применение анализа и создания текстов по заданной тематике;

– применение алгоритма, включающего этапы целеполагания, планирования, контроля, оценивания и анализа;

– постановка студента в ситуацию самостоятельного выбора при решении личностно и профессионально значимых проблем.

Основными понятиями, определяющими методы использования информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку, являются инвариантные модули курса: модуль контента (содержательный) – модуль метаинформации – модуль обратной связи – модуль контроля и оценки.

Содержательный модуль обучения иностранному языку представляет предлагаемый курс обучения, там определяются его цели и задачи, в нем расположен и может осуществляться поиск учебного материала (видео, графики, презентации, подкасты, таблицы); он содержит глоссарии или справочный материал; учебные тематические и календарные планы; примеры выполненных заданий комплекс тестов и контрольных упражнений. Модуль метаинформации включает дополнительные открытые образовательные ресурсы (образовательные веб-сайты, онлайн-симуляторы, видеосервисы, научные статьи, учебные пособия и справочные ресурсы (словари, энциклопедии). Модуль обратной связи построен с помощью комментариев и оценки преподавателем аудиторно, с использованием групповых чатов или личных сообщений. Этот модуль предоставляет дополнительные возможности обратной связи. Модуль контроля и оценивания позволяет применять разнообразные формы оценки заданий (оценка преподавателя, самооценка, оценка коллег), насыщен материалами для контроля знаний (текущего, промежуточного и итогового) и предлагает шкалы оценки.

Алгоритм построения электронного курса иностранного языка с использованием информационно-коммуникационных технологий, выбор дистанционных платформ и приложений в качестве одного из способов пополнения образовательного ресурса обучения, а также наличие критериев, определяющих успешное обучение, обусловили разработку методических приемов применения технических средств в образовательном процессе. Перечень методических приемов тесно связан с определением основных дидактических принципов взаимодействия, происходящего в виртуальном образовательном пространстве на всех этапах учебного процесса:

а) постановка задач – на этом этапе студенты учатся последовательно проверять и самостоятельно анализировать свои собственные результаты;

б) настройка модели – тип учебной деятельности, которая осуществляется с использованием одного из инструментов моделирования (MS Visio, Google WatchUp, MathCad, MS Excel и т.д.), здесь выдвигаются, подтверждаются или опровергаются гипотезы, обучающиеся наблюдают за изменениями в своей собственной компьютерной модели;

в) стимулирование мыслительных операций и оптимизация деятельности, связанных с метаумениями и метанавыками (анализом, синтезом, обобщением, классификацией, систематизацией, конкретизацией и т.д.) средствами визуальных конструкций;

г) формулирование собственной точки зрения, чтение, запоминание, анализ, письмо, решение задач повышенной сложности и т.д.

Приведенные выше примеры построения онлайн-курсов позволяют убедиться в педагогической целесообразности и дидактической значимости применения цифровой образовательной среды при переходе к активным компьютерным технологиям обучения ИЯ студентов. Совокупность приведенных методов и приемов может служить основой для построения последовательности целесообразных учебных ситуаций. Исследования, касающиеся внедрения информационно-коммуникационных технологии в современный образовательный процесс, подтверждают, что успешное обучение, использующее иноязычную виртуальную образовательную среду как способ обучения ИЯ, отвечает всем методологическим и дидактическим задачам, поставленным перед системой компьютеризированных методов обучения и цифровизации образовательной среды в целом. Наше исследование показало, что электронные образовательные платформы и ресурсы обладают неоспоримыми преимуществами, способствующими:

– визуализации учебного материала;

– введению элементов геймификации в процесс обучения;

– введению элементов микрообучения в образовательный процесс;

– формированию коммуникативной компетенции;

– повышению мотивации студентов;

– самообучению;

– развитию критических мыслительных операций и разнообразию видов учебно-познавательной деятельности.

Проведенный анализ процесса обучения иностранному языку, основанного на применении информационно-коммуникационных технологий как средства формирования метакомпетенций, позволил нам сделать вывод, что внедрение новых форм образовательных ресурсов делает учебные программы более эффективными. Полагаем, что результаты нашего исследования окажутся полезными преподавателям и специалистам в области образования для систематизации и разработки критериев оценки электронных образовательных ресурсов, применения их в практике обучения, а также в области исследований и разработок, касающихся стандартизации информационно-коммуникационных образовательных технологий. Надеемся, что материалы статьи помогут преподавателям иностранных языков в научной и практической работе, направленной на развитие метапредметных компетенций студентов.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. Эффективность средств при реализации метапредметного подхода в ходе обучения ИЯ обусловлена развитием метапредметных навыков, закрепленных в ФГОС ВО (планирование, реализация когнитивной, коммуникативной и регулятивной деятельности), которые могут сформироваться у обучающегося в процессе учебной деятельности с использованием ИКТ.

2. Применение современных информационных средств способствует эффективному решению задач, связанных со становлением полилингвальных личностей и формированием метакомпетенций.

3. Осуществление отбора цифрового контента для обучения иностранному языку студентов направления подготовки "Туризм" является технологическим аспектом модуля по формированию метакомпетенций при обучении ИЯ с опорой на ресурсы цифровой образовательной среды.

Литература:

1. Данилова И.С. Сравнительное образование в условиях вызовов времени // Интеграция науки и общества в современных социально-экономических условиях: сб. науч. ст. – Часть III. – М.: Перо, 2021. – С. 20-26
2. Орехова Е.Я. От Гольбаха до Гугла, или как нам обустроить наше университетское многоязычное поликультурное образование? // Terra autonomia: предопределяя будущее иноязычного образования в автономном вузе / кол. монография под общ. ред. Е.Я. Ореховой, Е.Г. Таревой, С.В. Михайловой. – М.: Языки Народов Мира, 2022. – С. 29-39.
3. Проект "Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерация". http://neorusedu.ru/ (дата обращения 05.11.2022)
4. Сороковых Г.В. Цифровое поле межкультурного иноязычного общения студентов // Теория и практика преподавания языков и культур: традиции, новации, перспективы: мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е.Я. Григорьева. – Будва, 2020. – С.146-155.
5. Сороковых Г.В., Абдулмянова И.Р., Старицына С.В. Адаптация педагогического взаимодействия педагога и учащихся к реалиям цифровой лингвообразовательной среды // Педагогика. вопросы теории и практики. – 2022. – Том: 7. – № 6. – С. 624-631.
6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212 : Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (digital.gov.ru) (дата обращения 09.11.2022).
7. Тарева Е.Г. Цифровая эпоха и педагогические профессии. // Вестник МГПУ. Серия: философские науки. – 2018. – № 3 (27). – С. 85-90.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 Туризм https://fgosvo.ru/.9 (дата обращения 10.11.2022).

THE CONCEPTS OF "MOTHERLAND" AND "PATRIOTISM": THE VIEW OF MODERN TEACHERS *

Gerlakh Irina Vitalievna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Tvelova Irina Aleksandrovna, *PhD of Psychology, Associate Professor*

Shcherbaneva Natalya Gennadievna, *PhD of Psychology, Associate Professor*

Armavir State Pedagogical University, Armavir

* The article was prepared as part of the study "Research on the forms and methods of developing volunteerism (volunteering) in the implementation of socially significant projects aimed at patriotic education and the preservation of the historical and cultural heritage of the regions", carried out at the expense of the federal budget within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (agreement No. 073-03-2022-107 of 01/14/2022).

The purpose of the study *is to identify and scientifically substantiate effective forms and methods of civil-patriotic and cultural-educational education of students in educational institutions of general and vocational education.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the development of diagnostic materials to identify the forms and methods of civil-patriotic and cultural-educational education of students in educational institutions of general and vocational education.* ***As a result,*** *conclusions were drawn about the objective and subjective factors influencing the formation of the professional competence of a teacher in the field of civic-patriotic education and about the understanding by the interviewed teachers of the conceptual and terminological apparatus of civic-patriotic education of students, including such concepts as "Motherland" and "patriotism".*

Keywords: *education; civic-patriotic education; students; teachers; motherland; patriotism.*

EDN: HDFSZW **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.43**

УДК 371.135
ВАК РФ 5.8.1

*ПОНЯТИЯ "РОДИНА" И "ПАТРИОТИЗМ": ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ ПЕДАГОГОВ ***

© Герлах И.В., 2023
© Твелова И.А., 2023
© Щербанева Н.Г., 2023

Цель исследования *– выявление и научное обоснование эффективных форм и методов гражданско-патриотического и культурно-просветительского воспитания обучающихся образовательных организаций общего и профессионального образования.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке диагностических материалов по выявлению форм и методов гражданско-патриотического и культурно-просветительского воспитания обучающихся образовательных организаций общего и профессионального образования.* ***В результате*** *сделаны выводы об объективных и субъективных факторах, влияющих на формирование профессиональной компетентности педагога в сфере гражданско-патриотического воспитания и о понимании опрошенными педагогами понятийно-терминологического аппарата гражданско-патриотического воспитания обучающихся, включающего такие понятия как "Родина" и "патриотизм".*

Ключевые слова: *воспитание; гражданско-патриотическое воспитание; обучающиеся; педагоги; Родина; патриотизм.*

ГЕРЛАХ Ирина Витальевна, *кандидат педагогических наук, доцент кафедры Теории, истории педагогики и образовательной практики*

ТВЕЛОВА Ирина Александровна, *кандидат психологических наук, доцент кафедры Социальной, специальной педагогики и психологии*

ЩЕРБАНЕВА Наталья Геннадьевна, *кандидат психологических наук, доцент кафедры Социальной, специальной педагогики и психологии*

Армавирский государственный педагогический университет, Армавир

Введение

В связи с обострившейся геополитической ситуацией, событиями на Донбассе и реализуемой Россией Специальной военной операцией, гражданско-патриотическое воспитание стало ведущим направлением государственной политики. Оно закреплено нормативно и законодательно. Так, Закон РФ "Об образовании в РФ" определяет гуманистический характер образования, приоритет … гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры … [8].

При этом следует отметить, что на качество и результативность патриотического воспитания обучающихся влияют, в первую очередь, мотивированность и гражданская позиция самого учителя, его потребность заниматься саморазвитием, применять в своей работе педагогические умения и навыки, необходимые для этого направления профессиональной деятельности – важнейшего в современной системе российского образования.

Директор школы из Донецкой Народной Республики В.Л. Шулак отмечает, что существуют как объективные, так и субъективные факторы, воздействующие на формирование профессиональной компетентности педагогов в области осуществления гражданско-патриотического воспитания обучающихся [9]. К объективным факторам он относит:

** Статья подготовлена в рамках исследования "Исследование форм и методов развития добровольчества (волонтерства) при реализации социально значимых проектов, направленных на патриотическое воспитание и сохранение историко-культурного наследия регионов", осуществляемого за счет средств федерального бюджета в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (соглашение №073-03-2022-107 от 14.01.2022 г).

– отношение государства к системе образования, его готовность к решению, прогнозированию и моделированию проблемных ситуаций в сфере патриотического воспитания, с пониманием особой важности получения высоких результатов, их развития и тиражирования;

– наличие государственной политики, поддерживающей и сохраняющей традиционные духовно-нравственные ценности, регламентированной соответствующими нормативно-правовыми документами и наплоенной актуальным содержанием, воплощаемым в реальной деятельности, направленной как на представителей подрастающего поколения, так и на общество в целом;

– наличие развитой системы непрерывного, в том числе, непрерывного педагогического, образования, а также поддержку получения и развития дополнительного образования на всех образовательных уровнях, связанного с сохранением историко-культурного наследия малой родины;

– развитое материально-техническое обеспечение гражданско-патриотического воспитания, включая систему финансирования.

Субъективными факторами В.Л. Шулак считает:

– психологические характеристики педагога, обеспечивающие адекватное и своевременное реагирование на потребности системы образования, связанные с актуальными проблемами гражданско-патриотического воспитания обучающихся;

– постоянное совершенствование профессиональных компетенций, позволяющих педагогам эффективно решать задачи гражданско-патриотического воспитания обучающихся;

– повышение государством престижности профессии учителя и трансляцию социальной значимости педагога, его роли в развитии личности и гражданского общества;

– наличие определённых идеологических установок, гражданской позиции педагога, соответствующей государственной политике в сфере образования и т.д.

Остановимся на последнем факторе подробнее. Идеологические установки, представляя собой взаимосвязь идейного, ценностного и нормативного аспектов, предполагают, что педагог должен не только владеть понятийно-терминологическим аппаратом гражданско-патриотического воспитания, но и сам разделять транслируемые обучающимся ценности. Очевидно, что они включают в себя такие основополагающие понятия, как "Родина" и "патриотизм".

Вышесказанное обусловило в рамках исследования "Выявление эффективных форм и методов гражданско-патриотического и культурно-просветительского воспитания обучающихся образовательных организаций общего и профессионального образования", проведённого нами в 2022 году, рассмотрение вопросов, связанных с пониманием педагогами понятийно-терминологического аппарата гражданско-патриотического воспитания обучающихся.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) выявить обобщённые характеристики респондентов (педагогов); 2) установить, как педагоги определяют понятие "патриотизм"; 3) установить, как педагоги определяют понятие "Родина".

Для осмысления полученных данных нами были применены следующие *методы исследования*: опрос с применением полузакрытых и закрытых вопросов, регистрация, обобщение данных, а также математические и статистические методы в форме ранжирования, рейтингового оценивания и расчета процентных соотношений.

Теоретической базой исследования послужили работы А.Я. Данилюка, А.М. Кондакова, В.А. Тишкова, И.Г. Томаревой, В.Н. Ефименко, Л.М. Дробижевой, И.А. Агаповой, Г.А. Коновалова и др.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные могут быть учтены при организации воспитательного процесса образовательных организациях общего и профессионального образования.

Основная часть

В исследовании приняли участие 9702 человека: педагоги общеобразовательных организаций, колледжей, техникумов и организаций высшего образования из 31 региона Российской Федерации.

Онлайн-опросы проводились анонимно в форме анкетирования с помощью Google Forms. В опроснике были выделены 4 тематических раздела. Анализ полученных результатов по разделам опросника "Понимание педагогами понятийно-терминологического аппарата гражданско-патриотического воспитания обучающихся" и "Обобщенная характеристика респондентов" представлен ниже.

Обобщенная характеристика респондентов.

Гендерный и возрастной состав респондентов важен, т.к. даёт нам понимание: мнение, педагогов какого пола и каких именно возрастных групп, преобладает в результатах данного опроса. Как показал анализ полученных данных, большую часть опрошенных (8457 чел. –

89,5%) составляют женщины, а 10,5% (988 чел.) – мужчины. Большинство опрошенных (38,9%) – это педагоги в возрасте от 36 до 50 лет. Второе место по активности участия в опросе занимает группа педагогов в возрасте от 51 до 65 лет – 30,4%, на третьем месте участники от 20 до 35 лет – 27,3%, а на четвёртом месте педагоги в возрасте от 66 лет и старше – 3,4%.

В исследовании приняли участие педагоги общеобразовательных организаций, колледжей, техникумов и организаций высшего образования. Для нас было важно оценить активность участия и преобладание ответов представителей тех или иных образовательных организаций. Анализ полученных данных показал, что большинство опрошенных – школьные учителя – 62,9%, на втором месте находятся педагоги СПО – 24,2%, третье место занимают преподаватели вузов – 12,6%, на четвёртом – педагоги дополнительного образования – 0,4%.

Понимание респондентами понятийно-терминологического аппарата гражданско-патриотического воспитания обучающихся.

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России определяет патриотизм как чувство и сформировавшуюся позицию верности своей стране и солидарности с её народом. Патриотизм включает "чувство гордости за своё Отечество, малую родину, т.е. край, республику, город или сельскую местность, где гражданин родился и рос, активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству" [1]. В законопроекте № 315234-7 "О патриотическом воспитании в Российской Федерации" [2], находящемся с 2017 г. на рассмотрении в Комитете Государственной Думы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, патриотизм трактуется как: "нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои частные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества".

В связи с этим большой интерес представляет понимание педагогами данного термина, т.к. он является значимой составляющей не только содержания их профессиональной деятельности, но и мировоззрения, которое они "транслируют" воспитанникам. Полученные данные представлены на рисунке 1.

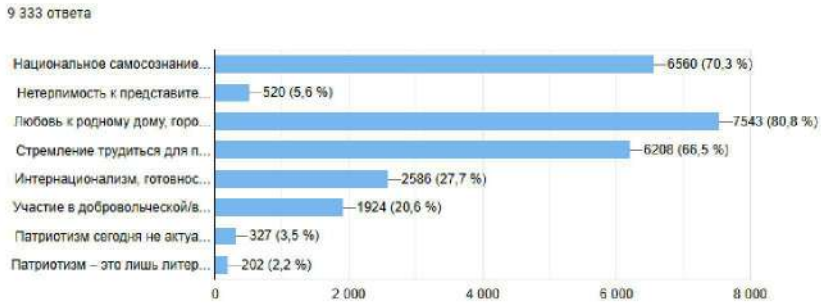


Рисунок 1 – **Определение участниками опроса понятия "патриотизм"**

Мы провели ранжирование полученных ответов (рис.1). Определяя понятие "патриотизм", респонденты на первом месте рейтинга указали "любовь к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни" (80,8%), на втором – "национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу" – 70,3%, на третьем – "стремление трудиться для процветания Родины, для того, чтобы наше государство было самым мощным и уважаемым" – 66,5%, на четвертом – "интернационализм, готовность к сотрудничеству с представителями других наций и народов в интересах своей страны", его выбрали 27,7% опрошенных, на пятом – "участие в добровольческой/волонтёрской деятельности", этот ответ выбрали 20,6% опрошенных.

Среди ответов, несущих негативную смысловую нагрузку, на первое место может быть помещён вариант "нетерпимость к представителям других наций и народов" выбрали 5,6% респондентов, на второе место – "патриотизм сегодня не актуален, не современен, не для сегодняшней молодежи" указали 3,5%, на третье – "патриотизм – это лишь литературная выдумка", его выбрали 2,2%.

Для успешного осуществления деятельности в сфере духовно-нравственного, гражданско-патриотического воспитания молодежи педагог сам, в первую очередь, должен иметь чёткую морально-нравственную позицию, устойчивое мировоззрение, включая высокое патриотическое сознание, чувство верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины [4], свободно ориентироваться в основных понятиях, которыми пользуется данная область педагогики. В связи с этим, мы включили в оп-

росник ряд вопросов, раскрывающих понимание педагогами этих понятий и терминов, центральным из которых является понятие "Родина". Полученные данные представлены на рисунке 2.

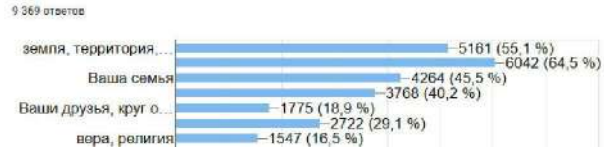


Рисунок 2 – **Ассоциации респондентов со словом "Родина"**

Полученные данные свидетельствуют о том, что слово "Родина" ассоциируется у 64,5% респондентов с государством, в котором они живут", у 55,1% – с землей, территорией, на которой они живут, у 45,5% – с семьёй, у 40,2% – с традициями и обычаями, у 29,1% – с родным языком, у 19% – это друзья, круг общения, у 16,5% – с верой и религией. Также респондентами были даны собственные варианты ответов, среди которых наиболее часто встречаются варианты "все вышеперечисленное", "место, где ты родился".

В Федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования от 2010 г. дано определение термина "российская гражданская идентичность" [6], который включён в стандарты 2012 г. [7, с. 2, 4, 11, 34]. В определении сказано, что "личностные результаты освоения основной образовательной программы должны отражать: российскую гражданскую идентичность, патриотизм, уважение к своему народу, чувство ответственности перед Родиной, гордости за свой край, свою Родину, прошлое и настоящее многонационального народа России, уважение государственных символов (герб, флаг, гимн)".

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие *выводы*.

1. Большую часть опрошенных педагогов составляют женщины, что указывает на проблему гендерного дисбаланса среди специалистов, занимающихся гражданско-патриотическим воспитанием обучающихся. Данный факт не может не отражаться на результативности и содержании воспитательного процесса.

2. По возрастному показателю группы респондентов представлены примерно в равных количествах (количественные различия в пределах 10%), с преобладанием педагогов в возрасте от 36 до 50 лет.

3. Большинство опрошенных (наиболее активная группа респондентов) – школьные учителя, на втором месте находятся педагоги СПО, третье место занимают преподаватели вузов, на четвёртом – педагоги дополнительного образования.

4. Большинство опрошенных трактуют понятие "патриотизм" как любовь к родному дому, городу, стране, верность национальной культуре, традициям, укладу жизни, национальное самосознание, гордость за принадлежность к своей нации, народу, стремление трудиться для процветания Родины. Однако вызывает обеспокоенность тот факт, что, определяя понятие "патриотизм", 5,6% респондентов выбрали "нетерпимость к представителям других наций и народов", что можно интерпретировать как наличие признаков шовинизма [3]. При этом 5,7% опрошенных педагогов отрицают актуальность патриотического воспитания. В процентном соотношении приведённые цифры не велики, однако, в численном – это 520 и 529 человек. Отметим, что в среднем каждый учитель ежедневно активно взаимодействует в учебном процессе примерно со 150 обучающимися, осуществляя их воспитание. Следовательно, вышеуказанные педагоги, составляющие в общей сложности 11,3% опрошенных, ежедневно воздействуют на умы более 157 тысяч обучающихся. Данная цифра вполне сопоставима с численностью населения небольшого города.

5. Большинство респондентов ассоциирует понятие "Родина" с государством, в котором они живут, с родной землей, более 40% участников опроса связывают его с семьёй, традициями и обычаями. Заслуживает внимания тот факт, что только 29,1% соотносят слово "Родина" с родным языком.

В качестве рекомендаций следует отметить, что необходимо расширять и углублять представления педагогов о таких ключевых для гражданско-патриотического воспитания понятиях, как "патриотизм" и "Родина", о значимости и ценности родного языка, и устойчивых взаимосвязях между гражданственностью и выполнением долга перед Родиной. Проводить в педагогической среде мероприятия по профилактике шовинизма.

Таким образом, результаты проведённого исследования показали необходимость сбора и оценки фактического материала, позволяющего выявить эффективные формы и методы гражданско-патриотического и культурно-просветительского воспитания обучающихся образовательных организаций общего и профессионального образования.

Литература:

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс]. URL: http://schoo1.ru/fgos/koncepcija_dukhovno-nravstv-vospitanija.pdf (дата обращения: 21.11.2022).
2. Законопроект №315234-7 "О патриотическом воспитании в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ bill/315234-7 (дата обращения: 21.09.2022).
3. Значение слова "шовинизм" [Электронный ресурс]. URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/шовинизм (дата обращения: 21.11.2022).
4. Мужчина в образовании: герой, необходимый современной России [Электронный ресурс]. URL: https://urgaps.ru/news/81 (дата обращения: 21.11.2022).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 Государственная программа "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/ media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf (дата обращения: 21.11.2022).
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. №1897 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования" [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/ (дата обращения: 21.11.2022).
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70188902/ (дата обращения: 21.11.2022).
8. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/ (дата обращения: 19.11.2022).
9. Шулак В.Л. Профессиональная компетентность педагога в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения [Электронный ресурс]. URL: https://znanio.ru/media/professionalnaya-kompetentnost-pedagoga-v-grazhdansko-patrioticheskom-vospitanii-podrast ayuschego-pokoleniya-2740682 (дата обращения: 19.11.2022).

SMART EDUCATION AS A NEW PARADIGM OF THE MODERN EDUCATION SYSTEM

Gordienko Tatiana Petrovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Memetova Guzel Enverovna, *Postgraduate student*

Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov, Simferopol, Republic of Crimea

The purpose of the study *is to consider the concept of "smart education", the principles of its construction, implementation and impact on the quality of training specialists in universities. The work is based on the study of foreign and domestic works devoted to the problem of using smart technologies in education.* ***The scientific novelty*** *lies in the detailed description and research of the issue of the introduction of smart technologies into the modern educational process.* ***As a result,*** *the idea of smart education as a new paradigm of education is considered. It is proved that the active use of smart technologies (smart education) does not lead to a change in the goals of education and cannot be unequivocally recognized as a new educational paradigm. The most effective way to use smart education is its auxiliary application in relation to traditional education.*

Keywords: *smart pedagogy; smart education; smart learning; smart environment; smart learner; learning methods; cognitive activity; infocommunication technologies; digitalization; digital transformation of education.*

EDN: ENVNPC **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.44**

УДК 371
ВАК РФ 5.8.1

СМАРТ-ОБРАЗОВАНИЕ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

© Гордиенко Т.П., 2023
© Меметова Г.Э., 2023

Цель исследования *– заключается в рассмотрении понятия "смарт-образование", принципов его построения, реализации и влияния на качество подготовки специалистов в образовательных организациях высшего образования (ООВО). В основе работы лежит изучение зарубежных и отечественных работ, посвященных проблеме использования смарт-технологий в образовании.* ***Научная новизна*** *заключается в детальном описании и исследовании вопроса о внедрении смарт-технологий в современный образовательный процесс высшей школы.* ***В результате*** *рассмотрено представление о смарт-образовании как новой парадигме образования. Доказывается, что активное применение смарт-технологий (смарт-образование) не приводит к изменению целей образования и не может однозначно признаваться новой образовательной парадигмой. Наиболее эффективный способ использования смарт-образования – его вспомогательное применение в отношении к традиционному образованию.*

Ключевые слова: *смарт-педагогика; смарт-образование; смарт-обучение; смарт-среда; смарт-обучающийся; способы обучения; познавательная активность; инфокоммуникационные технологии; цифровизация; цифровая трансформация образования.*

Введение

Одним из современных и востребованных трендов социального развития является разработка, внедрение и эксплуатация смарт-технологий. В настоящее время общество сталкивается с различными проблемами, связанными с технологиями и цифровыми решениями, открывающими новые возможности; однако, чтобы сделать их осмысленными, необходимы определенные компетенции. Образование может обеспечить приобретение этих компетенций, но для того, чтобы добиться в этом успеха, образовательные науки должны трансформироваться. Процесс обучения с использованием технологий является одной из актуальных тем сегодняшнего дня, когда технологии и цифровые решения могут использоваться для различных целей и радикально изменить среду обучения.

Идея смарт-педагогики является новаторской и необходимой для дальнейшего развития, поскольку педагогика является движущей силой обучения. В книге наглядно продемонстрирована роль смарт-педагогики в контексте технологического процесса обучения, определены основные принципы, необходимые для трансформации образования; определены актуальные компетенции, необходимые педагогам; указаны направления будущих исследований и определена концепция умной педагогики [2].

В условиях все большего проникновения технического прогресса, технологий и цифровых решений в образовательную среду есть люди, считающие, что вследствие внедрения цифровых технологий в образование учащиеся не в полной мере вовлечены в процесс обучения и не берут на себя ответственность за накопление своих знаний, потому что они полностью вовлечены в технологии, которые обеспечивают возможность немедленного доступа к информации. Есть мнение, например, что использование технологий делает людей ленивыми. Технологии обвиняют во многих проблемах, с которыми мы сталкиваемся или столкнемся в ближайшем будущем: например, увеличение безработицы, снижение способности и желания учиться, концентрации внимания и т.д.

С другой стороны, наблюдается эффект увлеченности, когда технологии рассматриваются как инструменты, решающие многие проблемы; они делают процесс обучения интересным; студенты становятся более мотивированными; технологии обеспечивают быстрый рост знаний и будут способствовать устойчивому развитию и благополучию общества. Следует признать, что необходимы особые усилия для обеспечения того, чтобы каждый знал, как взаимодействовать с технологиями для обучения и разработки инновационных решений, которые будут способствовать благополучию и устойчивому развитию. Для образования это означает научиться осмысленно использовать технологии. В настоящее время технологии сами по себе не могут развивать инновации и не могут принимать решения, если они не разработаны людьми. Это подчеркивает, что должен быть преобразован процесс обучения, выходящий за рамки времени и пространства, чтобы поддержать будущие поколения в развитии компетенций, необходимых для жизни и работы в среде, богатой технологиями.

ГОРДИЕНКО Татьяна Петровна, *доктор педагогических наук, профессор*

МЕМЕТОВА Гузель Энверовна, *аспирант*

Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Республика Крым

В этой связи *актуальность данного исследования* заключается в необходимости изучения и внедрения парадигмы смарт-образования в учебный образовательный процесс высшей школы.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) обосновать представление о смарт-образовании как новой парадигме образования; 2) выявить особенности реализации самостоятельной познавательной работы студентов, затрудняющих процесс формирования профессиональных компетенций и личностных качеств педагога; 3) предложить способы совершенствования процесса обучения, в том числе цифровые инструменты.

Для осмысления изучаемого объекта в статье использованы следующие *методы исследования*: изучение и анализ нормативной, методической и педагогической литературы, классификация и обобщение.

Теоретической базой исследования послужили труды авторов, изучавших различные аспекты образования и способы ее трансформации в учебный процесс: И.Б. Ардашкин, М.Ю. Бурыкина, Т.П. Гордиенко, А.М. Карманов, М.В. Носков, О.Ю. Рыбичева, К.С. Стародубцева, В.А. Суровцев, В.П. Тихомиров и др.

Практическая значимость исследования заключается в том, что изложенные в нем теоретические положения и выводы создают предпосылки для практического решения проблемы формирования и внедрения смарт-обучения в учебный образовательный процесс высшей школы с целью повышения уровня компетентности и всестороннего развития в условиях цифровизации.

Основная часть

Смарт-педагогика может помочь педагогам ответить на вопрос, как поддерживать обучение в трансформирующемся образовательном процессе, как внедрять технологии в обучение для поддержки развития метапознания, как поддержать накопление знаний, как поддержать развитие цифровых компетенций и так далее. Все это указывает на необходимость обоснования нового направления смарт-педагогики, целью которой является обеспечение разумного использования различных цифровых технологий. В представленном ниже обзоре определяется понятие смарт-педагогики и обосновывается потребность в этом новом педагогическом направлении, использующем технологический процесс обучения.

Кроме того, авторы исследований, реферированных в данном обзоре, предлагают концептуальную модель образовательного процесса, в которой смарт-педагогика является движущей силой технологического обучения и обсуждают потребность в предсказательной аналитической компетентности, возникающей в технологическом процессе обучения. В рассматриваемых ниже работах авторы представляют новые дидактические практики в быстроменяющейся сфере образования, обсуждают познавательное развитие детей разных возрастных групп, предлагают набор инструментов для оценки цифровых обучающих платформ.

Рассмотрим более детально различные исследования по проблеме смарт-педагогики.

Технологический прогресс поставил перед образовательной средой новые вызовы, поэтому необходимо искать ответы на вопросы: как учить лучше? Как можно поддержать ученика в процессе обучения? Какие компетенции следует развивать? Какие компетенции нужны учителям? Какую технологию следует использовать или не использовать?

В исследовании И.Б. Ардашкина и В.А. Суровцева анализируется роль педагогики в образовании и описываются риски для когнитивного развития, которые могут возникнуть в результате внедрения технологий без понимания педагогических принципов. Эти риски можно смягчить за счет интеграции технологий в образовательный процесс с использованием принципов смарт-педагогики. Автор определяет идею умной педагогики для обучения с использованием технологий и объясняет, почему термин "умная" был выбран для определения педагогических аспектов образовательного процесса. В статье разработана концептуальная модель образовательного процесса, в которой Умная педагогика является движущей силой технологического обучения и обозначается необходимость предсказательной аналитической компетентности, возникающей в процессе обучения [1].

Линда Даниэла характеризует умную педагогику как умное преподавание и умное обучение в контексте быстроменяющегося цифрового мира. В рамках теоретической основ такого подхода она ссылаются на элементы концепции сетевого общества, "текучей" современности (т.е. характеризуемой плавными неизбежными изменениями во всех направлениях социального развития) и парадигмы мобильности, содержащих тезис об изменяющемся пространстве-времени, в котором функционирует современный человек [7].

Реальность серьезного сдвига образовательной парадигмы в направлении четвертой промышленной революции, называемой Ин-

дустрия 4.0, и требующей быстрого реагирования через Информацию 4.0, обсуждается в работе. Новые технологии и инфраструктура позволяют персонализировать обучение для каждого отдельного учащегося. Технологические объекты превращаются из инструментов или сред в персонифицированных агентов, которые помогают учителям оценивать потенциал и прогресс каждого ученика и, в конечном итоге, могут принимать решения за них. В исследовании рассматривают педагогику как науку, которая имеет дело с теоретическими концепциями и практическими образовательными подходами. Умная педагогика для цифровой трансформации, в которой искусственный интеллект будет предоставлять умных образовательных агентов, должна учитывать то, как технологии влияют на восприятие реальности, познание и социальные взаимодействия. Во втором десятилетии двадцать первого века образование базируется на принципах естественного обучения для новой педагогики, ориентированной на достижение целей в области устойчивого развития общества. Подчеркивается, что важность вклада специалистов различных наук в развитие представления об учебном пространстве и необходимость использования гуманистического подхода к технологическому развитию образования [6].

Цель исследования О.Ю. Рыбичева является актуализация взглядов на дидактические практики в быстро изменяющейся сфере образования. Автор обсуждает актуальную проблему изменения образовательной парадигмы, в которой сдвиги в сознательном образовании обусловлены как минимум тремя факторами: расширением доступа к цифровым технологиям в повседневной жизни учащихся и процессе преподавания-обучения; реформированием содержания образования в направлении приобретения компетенций, актуальных для общественного развития в двадцать первом веке; соответствующими изменениями в профессиональной компетентности учителей, обеспечивающих личностно-ориентированного подход к обучению учащихся, которые, по сравнению с учащимися 25-летней давности сотрудничают и общаются по-другому, мобильны, предпочитают действовать и принимать решать самостоятельно. Концептуальное ядро дидактических принципов обучения в контексте дидактической компетентности учителя обновляется с целью реализации осознанного взвешенного процесса преподавания-обучения, вызванного, пронизанного и улучшенного цифровыми технологиями. Исследователь описывает дидактические принципы, которые помогут педагогам обеспечивать согласованность динамического дидактического процесса и напомнят педагогам, что, достигнув хорошего уровня цифровой готовности можно демонстрировать ограниченную деятельность из-за непоследовательной концептуализации цифровых компетенций. Эти принципы ориентированы на учителя, компетентностно-поддерживающий, личностно-ориентированный процесс обучения [9].

Исследователь Е.Д. Стародубцева подчеркивает, что рост использования технологий в образовательных учреждениях неизбежен, поскольку технологии открывают новые возможности для инновационных способов обучения используя цифровые инструменты [10].

В статье В.П. Тихомирова представлен краткий обзор концепции смарт-образования, которая нацелена на обеспечение максимально высокого уровня образования, позволяющего выпускникам, прежде всего не только самореализоваться в условиях быстроменяющейся профессиональной среды, но и адаптироваться в инновационном обществе. Исследователь указывает, что существует, по крайней мере, два преимущества надлежащего использования цифровых технологий:

– использование соответствующих возрасту технологий должно улучшать учебный процесс с целью получения учащимися компетенций по школьным предметам;

– соответствующие инструменты помогают поддерживать внимание и мотивацию учащихся, способствуют их когнитивному развитию, а не препятствуют ему [11].

Известно, что человеческое поведение во многом основано на мотивации. В течение десятилетий исследователи пытались описать мотивы в биологических или физиологических терминах, в то время как другие подчеркивали их когнитивный аспект в поведении людей и, следовательно, в обучении. Мотивация – главный фактор успешности обучения.

В статье Т.В. Данилова, Т.П. Лапыко и А.П. Тонких основное внимание уделяется роли стимулов в новой образовательной среде, наполненной передовыми технологиями, и ценности геймификации в обучении. В образовательных учреждениях сосуществуют учащиеся с разными стилями обучения, интересами, мотивами и культурным фоном, а мультисенсорный подход, поддерживаемый технологиями, кажется, служит принципам дифференцированного обучения, предоставляя возможность

адаптировать процесс к потребностям каждого обучающегося [6].

Поскольку мобильные технологии становятся все более многогранными и повсеместно используемыми в обществе, исследователи в области образования уделяют все большее внимание возможностям использования этих технологий в образовании. Растущий объем педагогических исследований в этой области показывает, что традиционная педагогика по-прежнему доминирует в сфере образования и не соответствует разнообразным возможностям обучения, предлагаемым с использованием мобильных технологий.

В работе М.В. Носкова подчеркивается важность ответов на вопросы "как", "где" и "когда" осуществляется преподавание и обучение с использованием новых мобильных технологий. Новые "умные" педагогические приемы, использующие возможности, предлагаемые мобильными технологиями, изменяют представление об образовании [8].

Динамичные искусство и технологии как поле синтеза, конвергенции, взаимодействия, критической оценки и практического применения прекрасно гармонируют со структурой учебных программ, целями, задачами, принципами обучения и функциональными особенностями современной образовательной системы.

В основе развития динамичной, технологически обогащенной учебной среды лежит использование и создание цифровых материалов, при этом учащиеся принимают непосредственное участие в творческом процессе, действиях, задачах, публичном представлении и критике.

В статье С.В. Комарова, М.Ю. Бурыкина и Р.К. Карнеева проанализирован вопрос о том, как дидактика в сфере искусства и творческих технологий определяют рамки активных критических задач, развивающих мышление и художественное творчество учащихся. Отвечая на вопрос о нарушении границ и возможностей опосредованного мира, авторы отмечают символическую, репрезентативную роль искусства. Художественные произведения стимулируют восприятие реальности, исследуя варианты и трансформации, а учащиеся исследуют, почему художники использовали определенные техники, в процессе свободного экспериментирования. Особое внимание уделяется процессу, который является не теорией, а практической деятельностью. Студенты с помощью компьютерных программ создают и отсекаются от цепных реакций, соответствующих господствующим культурным стандартам [2].

Исследователи предлагают много традиционных и новаторских способов, чтобы сделать процесс обучения более разумным, активным и привлекательным для учащихся, при этом оставаясь эффективным и результативным. В работе В.П. Тихомирова предлагается интересный инновационный метод, состоящий из четырех основных шагов. Этапы представлены на рисунке 1 [11].

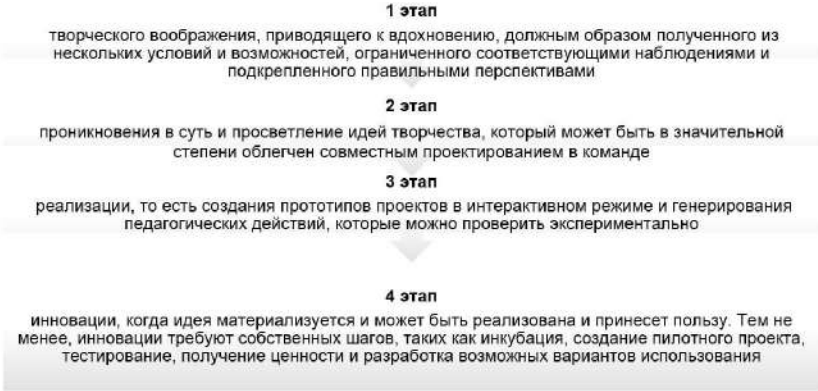


Рисунок 1 – **Основные этапы инновационного метода (В.П. Тихомирова)**

Для любого гипотетического использования идеи креативность указывает, когда, как и в каком контексте ее следует использовать. Затем необходимо спланировать эксперимент, чтобы узнать, насколько эффективна педагогическая стратегия, и, в конечном итоге, иметь такой ресурс для конкретных дидактических целей. Педагогика не должна концентрироваться только на уникальных и эксклюзивных ресурсах, а должна обеспечивать связь с другими ресурсами. Авторы обсуждают вопрос о том, потребуются ли смарт-педагогике смарт-технологии, акцентируя на важности роли передовых технологий, таких как искусственный интеллект, в таких инновационных сценариях.

Обучение с использованием возможностей онлайн-платформ является одним из способов организации технологического процесса обучения. В статье содержится обзор места и роли электронных учебных платформ в педагогическом процессе, определяются различия между ними и системами управления обучением, а также предлагается набор инструментов для их оценки.

Для оценки предлагается использовать 22 критерия, разделенных на 43 подкритерия, которые можно оценивать на трех уровнях. Этот инструмент может помочь учителям, администраторам школ и другим заинтересованным сторонам сделать педагогически обоснованный выбор, когда речь идет о выборе электронной образовательной платформы для организации обучения учащихся в условиях цифровой трансформации образования.

Концепция смарт-образования, как признается В.П. Тихомировым, гибка и предполагает наличие значительной количество разнообразие мультимедиа, способность быстро и просто настраиваться под уровень и потребности слушателей. Смарт-образование должно быть легко управляемым, когда учебное учреждение может обеспечивать гибкость учебного процесса, интегрированность, постоянно обучаться внешними источниками [11].

Использование новых технологий со "смарт" или их разумное использование не может определить характер образования нового типа.

Перечислим технологические развязки для сферы образования, которые рассматриваются как смарт:

– смарт-доски;

– смарт-проекторы;

– программное обеспечение для создания и осуществления учебного контента.

На рисунке 2 отобразим определения смарт-образования, представленные в научной публикации И.Б. Ардашкина и В.А. Суровцева [1].

Рисунок 2 – **Определение смарт-образования (И.Б. Ардашкин, В.А. Суровцев)**

Выделим основные принципы смарт-образования:

1. Использование актуальной информации учебной программы по решению учебных задач. Скорость и объем информационного потока в мире и профессиональной деятельности стремительно растет. Учебные материалы необходимо дополнять информацией в режиме реального времени с целью решения практических задач, к работе в реальной ситуации.

2. Организация самостоятельной познавательной, исследовательской, проектной деятельности студентов. Этот принцип является ключевым в подготовке специалистов к творческому поиску решения практических задач, самостоятельной информационной и исследовательской деятельности.

3. Реализация учебного процесса в распределенной среде обучения. Учебная среда сегодня не ограничивается территорией университета или системой дистанции обучения (LMS). Процесс обучения должен быть непрерывным, включая обучение в профессиональной среде с применением средств профессиональной деятельности.

4. Взаимодействие студентов с профессиональным сообществом. Для осуществления внедрение смарт-образования необходима реализация трех основных составляющих: технологической, организационной, педагогической. Рассмотрим эти составляющие более подробно. Технологическая составляющая базируется на информационных смарт-технологиях. Свойствами информационных технологий является интерактивность, возможность персонализации данных, способность к интеллектуальному анализу данных, созданию виртуальной личности пользователя. В учебном процессе могут быть использованы разнообразные мультимедийные возможности, позволяющие создавать обучающий контент. Технологии "смарт", с одной стороны, позволяют создавать "эффект присутствия", с другой – значительно ускорить обмен контентом, изменять его качество, возможность осуществление коммуникации между участниками учебного процесса. Организационная составляющая смарт-образования базируется на эффективности использования смарт-технологий. Образовательные программы должны формироваться на основе профилирования обучения, с учетом индивидуальной образовательной траектории и

возможно: специфика межкультурной коммуникации; самореализация студента в информационном пространстве ООВО с использованием средств информационно-коммуникативных технологий (ИКТ); проектирование электронных образовательных ресурсов и учебно-методических комплексов для использования в Smart-education.

Заключение

Итак, смарт-образование в настоящее время является формирующей парадигмой в образовательном процессе. Составляющая "смарт" определяет свойства системы или процесса, проявляющиеся во взаимодействии с окружающим средой, которое реагирует на изменения в системе образования и осуществляет адаптацию к ним. Смарт-образование представляет собой такую образовательную систему, которая положена в основу образования нового типа, предусматривающего адаптивную реализацию учебного процесса, в котором используются информационные смарт-технологии. Использование современных ИКТ требует изменения образовательной парадигмы: переход от традиционной модели обучения к электронному обучению (e-learning), а от него к смарт-образованию (Smart-education). Главными целями новой модели образования выступает создание среды, обеспечивающей максимально высокий уровень конкурентоспособного образования за счет развития у слушателя знаний и навыков, на которые предъявляет спрос современное информационное общество, такими как способность мыслить критически, оперативное и качественное решение проблем, сотрудничество, коммуникация. В задачу СМАРТ-университета входит подготовка специалистов, обладающих коммуникативными и инновационными навыками в современном обществе. Качество учебного процесса, за счет применения современных технических средств, выходит на новый уровень. Как следствие, повышается эффективность процесса преобразования информации в знания. Анализ современных тенденций развития отечественного образования показывает, что в России SMART-образование применяется в ряде крупных университетов с использованием передовых технологий, созданием электронных образовательных ресурсов, исследованиями и разработкой новых инновационных подходов в подготовке специалистов новой индустриализации.

Литература:

1. Ардашкин И.Б. Смарт-образование как новая парадигма образования: pro et contra / И.Б. Ардашкин, В.А. Суровцев. // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. – 2020. – №54. – С. 51-60.
2. Бурыкина М.Ю. Формирование личностной компетентности обучающихся бакалавриата педагогического направления // Психолого-педагогическое сопровождение подготовки специалистов социальной сферы: коллективная монография / С.В. Комарова, М.Ю. Бурыкина, Р.К. Карнеев, О.А. Карнеева, Л.Г. Курачева, Т.П. Лапыко, Е.В. Чухачева / под общ ред. С.В. Комаровой. – Брянск: РИСО БГУ, 2021. – С. 42-63.
3. Гордиенко Т.П. Использование информационных и телекоммуникационных технологий в образовательном процессе высшей школы: монография / Т.П. Гордиенко, Н.В. Горбунова, О.Ю. Смирнова – Ялта: Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГОУВО "Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского", 2019. – 232 с.
4. Данилова Т.В. Применение разных форм интерактивного обучения в вузе в развитии коммуникативных умений студентов / Т.В. Данилова, Т.П. Лапыко, А.П. Тонких. // Управление образованием: теория и практика. – 2021. – № 2(42). – С. 104-114.
5. Карманов А.М. Статистическое исследование распространения смарт технологий: на примере смартфонов: дис. ... канд. экон. Н. / А.М. Карманов; Место защиты: Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. – М., 2015. – 174 с.
6. Катажина Боравска-Кальбарчик, Божена Толвиньская и Алисия Корженецка-Бондарь. От умного преподавания к умному обучению в быстро меняющемся цифровом мире // Borawska-Kalbarczyk K., Tolwinska B., Korzeniecka-Bondar A. (2019). From Smart Teaching to Smart Learning in the Fast-Changing Digital World. In: Daniela L. (eds) Didactics of Smart Pedagogy. Springer. pp. 23-39.
7. Линда Даниэла. Умная педагогика для обучения с использованием технологий // Daniela L. (2019). Smart Pedagogy for Technology-Enhanced Learning. In: Daniela L. (eds) Didactics of Smart Pedagogy. Springer. pp. 3-21. https://doi.org/10.1007/978-3-030-01551-0_1
8. Носков М.В. Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании: материалы V Международной науч. конф., г. Красноярск, 21-24 сентября 2021 г.: в 2 ч. Ч. 2 / под общ. ред. М.В. Носкова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. – 728 с.
9. Рыбичева О.Ю. Перспективы внедрения смарт-технологий в образовательный процесс / О.Ю. Рыбичева. // Вестник ВятГУ. – 2019. – №4. – С. 76-84.
10 Стародубцева Е.Д. Перспективы применения смарт-стандартов на промышленном предприятии / Е.Д. Стародубцева. // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 5. – С. 60-65.
11. Тихомиров В.П. От электронного обучения к Smart-университету / В.П. Тихомиров // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2012. – №8. – С. 4-7.

МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПРИ СМЕШАННОМ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Диуани Рефка, *аспирант, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Москва*

Цель исследования *– определить необходимые шаги по формированию мотивации студента в смешанном языковом классе. Самая большая проблема в преподавании языка заключается в том, как удержать интерес студента путем обучения и повышения его языковых навыков. В последние годы спрос полиязычных студентов растет в различных областях, и положительное отношение играет решающую роль в изучении любого иностранного языка, так что мы начинаем серьезно задумываться о том, чтобы дать методические советы инструкторам, а также учащемуся хорошо заняться дисциплиной и добиться хорошего академического результата.* ***Научная новизна*** *исследования характеризуется обоснованием значимости мотивационных факторов при смешанном изучении иностранных языков. Полученные* ***результаты*** *свидетельствуют о том, что реальная проблема отсутствия мотивации к изучению ПФ заключается в отсутствии интереса к психологическим факторам, которые играют важную роль в продолжении учебного процесса; особенно в последнее время и в связи с кризисами, которые прокатились по миру и вынудили нас использовать технологии, не овладев необходимыми навыками для надлежащего управления смешанными языковыми классами.*

Ключевые слова: *лингвистические навыки; мотивация; иностранные языки; когнитивная психология; смешанный языковой класс.*

EDN: CMBGGD **DOI: 10.24923/2222-243X.2023-46.45**

MOTIVATIONAL FACTORS IN BLENDING LEARNING FOREIGN LANGUAGES

УДК 376
ВАК РФ 5.8.2

© Diouani Refka, 2023

The purpose of the study *is to determine the necessary steps to form a student's motivation in a mixed language class. The biggest problem in language teaching is how to keep the student's interest by teaching and improving his language skills. In recent years, the demand of multilingual students has been growing in various fields, and a positive attitude plays a crucial role in learning any foreign language, so we are beginning to seriously think about giving methodological advice to instructors, as well as to the student to do well in the discipline and achieve a good academic result.* ***The scientific novelty*** *of the study is characterized by the substantiation of the importance of motivational factors in the mixed study of foreign languages.* ***The results*** *obtained indicate that the real problem of the lack of motivation to study PF is the lack of interest in psychological factors that play an important role in the continuation of the educational process; especially recently and in connection with the crises that swept the world and forced us to use technology without mastering the necessary skills for proper management of mixed language classes.*

Keywords: *Linguistic skills; motivation; foreign languages; cognitive psychology; Blended language classroom.*

Introduction

Educational technologies are actively entering all the spheres of our lives nowadays. The education field is no exception, so with the help of digital technologies, professors can present material more effective and interactive this is what we expect from the use of technology in teaching, that's why teaching opportunities are expending significantly. Digitalization also implies independent studying the educational program. An educator acts as an assistant, tutor who the students may refer to in case of necessity.[6] In this regard, professors have to investigate modern educational system. Since 2020 blended learning and flipped classroom approaches moving to be intensify used in the new educational system as a necessity for the continuity of the learning process and not only an addition to the face-to-face learning..[7] Specially in learning FL, so the institution are making considerable efforts to integrate ICT into language classroom this is method are favored by teachers and education experts because contribute to ensuring the continuity of the educational process and involving the student more as an essential component rather than a contributor (Na Wang, Juanwen Chen, Mankin Tai & Jingyuan Zhang, 2019)

DIOUANI Refka,
Postgraduate student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of the RUDN University, Moscow

This can be summarized that the experience has evolved and is not new, and that the student is accustomed to this technology. Among the difficulties in the field of language teaching in the recent years is improving the level of using the blended learning technology to learn foreign languages, taking into account the psychological factors. Methodists and linguistics may notice that there is not a good strategy, which studies the psychological dimensions of learning foreign languages, especially critical languages that, requires more studies and research to develop their methods of teaching in the context of technological development and study the behavioral dimensions of learning these languages. [15; 13] Cause of the different grammatical structure and the lack of digital resources, also the specialist in these languages. In other side the increase of online resources for teaching languages the students sometimes faced with the question of the effectiveness of the online courses and how much can help them improve their communicative skills. [1] This can lead them to a difficult with their self-confidence and self-control if they are ready to reach by themselves a good level of foreign language proficient. And as knowing it make them unmotivated cause they felt unable to achieve their learning objective. [3] Moreover, emotions can both enhance and interfere with learning depending on which ones are driving the experience.

Emotions can affect the educational process positively or negatively it depends on the age category of the learner and some time on the character of the person to what extent is he/ she sticking to learning without being affected by difficulties. In other words, emotional engagement with course material can help him be more engaged and improve their perception, so learning activities should be an emotional catalyst. (Burch et al., 2019; Rowe & Fitness, 2018; Vince, 2016; Vogl et al., 2020). [8] Scientists have conducted several studies about epistemic emotions and the relation with student's perception; for example in learning critical languages students they didn't have any idea about grammar or the structure of the sentences with different from English and almost they expect, that they can after two months they can speak and write, but in the reality is not, so Students' expectations or goals for learning play a crucial role as an antecedent condition for how they experience negative emotions (Vogl et al., 2020, C. 625). [14]

In 1998 at Columbia a study was conducted by a professor Claudia M. Mueller define the theory Locus of control on student's motivation, this is concept was first proposed by Rotter (1996) an expert on social learning theory explain how the external factors affect learners' productivity and guide them to believe that their unable to achieve a good academic result. [2]. External expectation has a negative effect on their academic skills, the more they believe that, they could control their academic outcomes the more appropriate their academic behavior and the higher their academic achievement and outcomes. [11; 12] As teacher we should be trying to teach the students to take control of their own learning. This mean that is important to help them understand the benefits of cultivating an internal locus of control.

Blended learning classroom approach has been coupled with different epistemological understandings and learning theories, as they mention researchers is an instructional and didactic approach (Oliver & Trigwell, 2005) defined as a combination between the positive attributes of online and offline education to enhance the quality of learning, also "Hybridization then being understood as a consequence of innovation (Charlier et al., 2006: 480-481). [18] However, despite its importance, academic attention to the role of motivation in blended learning FL classroom is rather limited. While many scholars suggest that one of the acquisition of languages is the digital content in face-to-face learning or offline.

Main part

Useful methods to engage students and increase their motivation. It is no secret that the motivation of students to a greater extent depends on the teacher, on his ability to interest the student and influence his active work.

Conducting classes in the classroom allows teachers to interact directly with students, which increases their involvement in the learning process. During online studiers, keeping students motivated in online learning becomes more difficult, so many successful organizers recommend using the following methods to engage students and increase their motivation:

1. Give timely and supportive feedback

Feedback is critical in blended learning. When the learning process takes place in the classroom, the teacher has many opportunities for real-time feedback, which makes it possible to simplify the learning process for students and to identify their mistakes in advance, to help them. When classes

are taught at a distance, delayed feedback can lead students to feel isolated and unsuccessful in difficult situations.

There are many programs teacher can use to give supportive feedback exactly when your students need it. This can be chat or audio messages on WhatsApp, video conferences on Zoom to discuss important issues and conduct virtual feedback sessions or online consultations on Skype. [5]

2. Provide easy access to resources

There are an incredible amount of educational materials available on the Internet. The task of the teacher is to provide links to free and easily accessible resources on the topics studied. In this way, you will ensure that students always have access to them and receive all the necessary information on the course.

These may be links to:

– Websites as a starting point for learning something;

– YouTube channels with useful educational materials;

– Teacher`s personal training materials (video, audio, presentations, text, etc.), carefully prepared and uploaded to Google or Yandex Disk.

It is important to ensure that students access materials that are not copyrighted or are officially distributed on the Internet with the consent of their owner. Using material that is illegally posted online can be an academically unfair practice. . [10]

3. Use different teaching methods

All people are different. Some of the students perceive information better in visual form, others – in the form of text, others – by ear. Offline learning allows students with different cognitive styles to be successful in mastering educational programs. However, distance learning may lack some familiar components, making it difficult for students to master the course. The task of the teacher is to ensure that the course materials include visual, audio and text format. This will put all students on an equal footing for understanding.

In practice, this diversity can be achieved by enriching each lecture:

– textual information;

– videos explaining and illustrating key points;

– a discussion board or class with students on Zoom (or any other platform);

– presentation with the main material.

4. Be enthusiastic during blended education

It is no secret that teachers who are inspired and love their subject can inspire students. Even the most motivated students lose interest in a subject if they do not see the same interest from the teacher. [4]

Give interesting lectures, organize emotional and involved discussions, connect the course material with real life, and you will see that even students who do not shine in their studies persevere and successfully master the course.

5. Good planning and organization

A real classroom allows the teacher to improvise if there are any technical hitches. However, in the online space, good planning and organization is key to effective learning and student interest. After all, if the teacher adjusts the microphone during the first 10 minutes of the lecture, the patience of the students can only be envied. It's also unlikely that anyone will like broken homework links. Thus, planning is vital both technically and educationally to keep the learning process smooth and the students satisfied.

6. Give specific and understandable examples

Almost any field of knowledge can be tied to specific life situations, linking theory with practice. In order for students to stay motivated, they need to believe that they are capable of succeeding (that is, they are competent) and that the education is in line with their goals of personal or professional growth.

7. Increase student autonomy

Blended learning largely depends on the level of independence of students. In the online space, students succeed only if they are able to control their learning process, and the task of the teacher is to help them. For example, you can create a calendar of tasks and a schedule of materials that will be studied in the course. A good move is to provide students with new educational scenarios and situations, thereby teaching them to make independent decisions.

And do not forget to explain again and again the rules and structure of the movement in online courses. What is the score for and what should the answer look like in the form [9]

Conclusion

The flexibility of blended learning allows learners to access content any time from any place and fosters autonomous learning. Of course, online learning is different from traditional learning, but times are changing and we cannot teach according to the old standards, ignoring today's needs of learners. Education is undergoing fundamental transformations, so educators should be ready for changes, adapt to the requirements of digitalization. Make your online courses accessible, convenient, interesting

and you will definitely receive a reward in the form of progress and gratitude from students. Blended learning is a didactic approach to teaching and learning that combines traditional face-to-face instruction with online activities. This approach has become increasingly popular in recent years, as it allows for a more flexible, personalized, and interactive learning experience. In a blended learning environment, students are able to access course content online at their own pace, while also engaging in live lectures or discussions with their instructor. Additionally, the use of technology allows for greater collaboration among students and generate images and text without limits. The traditional method of teaching and learning there is not a lot of opportunity to practice the language even in classroom the teacher didn't use the technology or a digital content so blending leaning provides always an effective tool to increase the attention of the students.

References:

1. Arbaugh, J. B. One Bridge, (at Least) Two paths: Reflections on "Virtual Classroom Characteristics and Student Satisfaction in Internet-Based MBA Courses". Journal of Management Education, 42(4). 2018. – C. 524-532.
2. Agnew, Nelvia C., SLATE, John R., JONES, Craig H., et al. Academic behaviors as a function of academic achievement, locus of control & motivational orientation. NACTA journal, .1993. – C. 24-27.
3. Burch, G. F., Giambatista, R. C., Batchelor, J. H., Burch, J. J., Hoover, J., & Heller, N. A. A metaanalysis of the relationship between experiential learning and learning outcomes. Decision Sciences Journal of Innovative Education, 17(3).2019. – C. 239-273.
4. Chilingaryan, Kamo et gorbatenko, Rimma. Motivation in language learning. In: 2nd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM2015. 2015. – C. 557-562.
5. Cross, Ruford. Synchronous Online Teaching of English as a Foreign Language with Young Learners: How Do Teachers Do It? 2020.
6. Jin, Y., & Zhang, L. J. The dimensions of foreign language classroom enjoyment and their effect on foreign language achievement. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 24(7).2021. – C. 948-962.
7. Khaydarova, Umida, Mustafaeva, Noila, et Abdurakhmonov, Bakhodir. Issues on encreasing motivation in language learning process. International Journal of Advanced Science and Technology, vol. 29, №05. 2020. – C. 1479-1482.
8. Li, C. A positive psychology perspective on Chinese EFL students' trait emotional intelligence, foreign language enjoyment and EFL learning achievement. Journal of Multilingual and Multicultural Development, 41(3). 2020. – C. 246-263.
9. McHone, Cheryl. Blended learning integration: Student Motivation and Autonomy in a blended learning environment. Diss. East Tennessee State University, 2020.
10. Roxford, R., & Shearrin, J. Language Learning Motivation: Expanding the Theoretical Framework. The Modern Language Journal, 78(1). 1994. – C. 12-28.
11. Stocks, A. April, K. and Lynton, N. Locus of control and subjective well-being; a cross-cultural study. Problems and Perspectives in Management.2012. 10(1). – C. 50.
12. Wang, N., Chen, J., Tai, M., & Zhang, J. Blended learning for Chinese university EFL learners: Learning environment and learner perceptions. Computer Assisted Language Learning, 34(3). 2021. – C. 297-323.
13. Wright, S., Dean, K. L., & Forray, J. M. Negative student emotions and educator skill in experiential education: a taxonomy of classroom activities. Higher Education, 83(5). 2022. – C 987-1002.
14. Vogl, E., Pekrun, R., Murayama, K., & Loderer, K. Surprised-curious-confused: Epistemic emotions and knowledge exploration. Emotion, 20(4). 2020. C – 625-641.
15. Wolfe, J. The effects of perceived success or failure on locus of control orientation in college students. Sentience: Undergraduate Journal of Psychology. 2011. – C.11-17.

THE IMPORTANCE OF THE PEDAGOGICAL COMPONENT OF PROFESSIONAL MEDICAL EDUCATION IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL AND PEDAGOGICAL COMPETENCE OF DOCTORS AT THE STAGE OF TRAINING IN RESIDENCY

Zinkevich Elena Romanovna, *DSc of Pedagogical Sciences, Professor*

Yatsevich Natalya Anatol'evna, *Assistent*

St. Petersburg State Pediatric Medical University, St. Petersburg

The purpose of the study *is to study the history of the emergence of the concepts of "competence" and "competence" in order to understand the specifics of these phenomena and determine the features of their formation among doctors in the process of implementing the pedagogical component of professional medical education. The pedagogical competence and pedagogical competences of a doctor are considered in the article as a structural element of the professional behavior of a specialist in a helping profession. This element can be formed only if the pedagogical component is implemented, which is meaningfully aimed at improving medical activity, which is currently becoming medical and pedagogical.* ***As a result,*** *a theoretical study allows us to understand the main idea: the pedagogical competence and competence of a doctor is a complex system that together ensures the readiness of specialists to cooperate with patients to solve the problems of disease prevention, preservation and promotion of health, integrating professional motivation, medical and psychological - pedagogical knowledge, communication skills of doctors.*

Keywords: *medical education; pedagogical component; medical and pedagogical activity; professional and pedagogical competence.*

EDN: SVLOSC DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.46

ЗНАЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВРАЧЕЙ НА ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ОРДИНАТУРЕ

УДК 378.14
ВАК РФ 5.8.7

© Зинкевич Е.Р., 2023
© Яцевич Н.А., 2023

Цель исследования *– изучить историю возникновения понятий "компетенция" и "компетентность" с тем, чтобы понять специфику этих феноменов и определить особенности их формирования у врачей в процессе реализации педагогического компонента профессионального медицинского образования. Педагогическая компетентность и педагогические компетенции врача в статье рассматриваются в качестве структурного элемента профессионального поведения специалиста помогающей профессии. Данный элемент может сформироваться только при условии реализации педагогического компонента, содержательно направленного на улучшение медицинской деятельности, которая в настоящее время становится медико-педагогической.* ***В результате,*** *теоретическое исследование позволяет понять основную мысль: педагогические компетентность и компетенции врача – это сложная система, которая в совокупности обеспечивает готовность специалистов к сотрудничеству с пациентами для решения задач профилактики болезней, сохранения и укрепления здоровья, интегрирующая в себе профессиональную мотивацию, медицинские и психолого-педагогические знания, коммуникативные способности врачей.*

Ключевые слова: *медицинское образование; педагогический компонент; медико-педагогическая деятельность; профессионально-педагогическая компетентность.*

В XIX веке борьба с наиболее распространенными заболеваниями привела к развитию болезнецентрической парадигмы в медицине. Парадигма здравоохранения – совокупность принятых обществом и профессиональным сообществом знаний, методологических подходов к решению проблем здоровья населения [17]. На всем протяжении XIX века принцип "лечить не болезнь, а больного" приобретал декларативный характер, а специализация врачей становилась все более и более узкопрофильной [2]. Стефан Цвейг по этому поводу писал, что гуманные и думающие врачи тоскуют по былому разностороннему взгляду на пациента, стремятся найти путь к конституциональной терапии, к личностным особенностям человека в лечении болезней посредством творческой любознательности, подробнейшего исследования тела, осознавая различность протекания одной и той же болезни у разных пациентов [23].

С течением времени в медицине фокус внимания стал меняться: важным становилось сохранение здоровья человека, рождение здоровых детей, формирование ценностного отношения людей к своему здоровью. Это явилось основанием для распространения в начале XXI века здравоцентрической парадигмы, которая стала рассматривать пациента как целостного объекта в единстве его психических, соматических, функциональных и социальных сторон, декларируя иную схему взаимодействия с ним: врач – ответственный пациент – общество граждан, ценностно относящихся к своему здоровью. Сказанное подразумевало комплексное воздействие на состояние здоровья человека, и этот комплекс предполагал сотрудничество врача и пациента для решения задач профилактики заболеваний и сохранения здоровья.

ЗИНКЕВИЧ Елена Романовна, *доктор педагогических наук, профессор*

ЯЦЕВИЧ Наталья Анатольевна, *ассистент*

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет, Санкт-Петербург

В Российской Федерации для повышения уровня здоровья, профилактики болезней, развития мотивации населения к здоровому образу жизни государство издает многочисленные указы, приказы, разрабатывает социоориентированные программы и создает условия для их реализации.

С 2017 г. реализуется Приоритетный проект "Формирование здорового образа жизни", который говорит о необходимости увеличения числа граждан, ответственно относящихся к своему здоровью, ведущим здоровый образ жизни, занимающихся физической культурой и спортом. В тексте проекта указывается на важность снижения и полного отказа от потребления табака, необходимость регулирования законодательства в области рекламы алкогольной, табачной продукции и фастфуда [12].

Еще один Национальный проект "Здравоохранение" на период с 2019 по 2024 гг. предусматривает снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста и младенческой смертности, определяет множество задач по реформированию здравоохранения [11].

Постановление Правительства Российской Федерации от 9 октября 2019 г. № 1304 реализует развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи и выступает одним из ключевых проектов национального проекта "Здравоохранение". Одной из задач, сформулированных в данном постановлении, является ориентация на профилактику заболеваний (профилактические осмотры должны проводиться не реже раза в год) и формирование у людей здорового образа жизни. В связи с чем, на современном этапе развития медицины в России становятся актуальными такие понятия, как охрана здоровья, его укрепление, профилактика болезней, самосохраняющее поведение [15].

В Указе Президента Российской Федерации № 474 от 21 июля 2020 г. поставлена национальная цель – сохранение населения, здоровье и благополучие людей, перечислены задачи по развитию российской системы здравоохранения [19].

Подобные инициативы и распространение здравоцентрической парадигмы вызвало необходимость подготовки специалистов для системы здравоохранения, владеющих наряду с узкоспециализированными профессиональными знаниями, умениями и навыками еще и рефлексивными, и аксиологическими смыслами здоровьесбережения пациентов [22].

Результатом распространения здравоцентрической парадигмы в России стала рассматриваться необходимость формирования у обучающихся высших медицинских учебных заведений определенного рода профессиональной компетентности и компетенций педагогической направленности для организации процесса обучения и воспитания пациентов в освоении технологий здорового образа жизни.

В настоящее время в педагогической науке используется понятие "психолого-педагогическая компетентность", которая определяется как максимально адекватная, пропорциональная совокупность профессиональных, коммуникационных, личностных свойств педагога, позволяющая достигать качественных результатов в процессе обучения и воспитания обучающихся [5].

Основным подходом в процессе обучения будущих специалистов для формирования психолого-педагогической компетентности заявлен компетентностный подход, в котором компетентность транслируется как свойство личности, способной к реализации и социальной, и профессиональной активности, а также целенаправленного поведения в профессиональной сфере, в свою очередь, компетенция рассматривается как сумма знаний и способов применения этих знаний [7].

Интересным представляется изучение истории возникновения понятий "компетенция" и "компетентность" с тем, чтобы понять специфику этих феноменов и определить особенности их формирования у врачей.

Изначально компетенция рассматривалась как практико-ориентированная единица в рыночной экономике и профессиональной деятельности [6]. В бизнес-литературе компетенция стали описываться как комплексная характеристика обучающегося, как его способность использовать имеющиеся знания, умения, навыки, опыт и личностные качества для решения различных задач. Таким образом, сущность компетенции в практической направленности, объединяющей знание и действие в профессиональной деятельности [18].

Трактовка компетенции была существенно расширена российским психологом А.Г. Асмоловым, в его понимании, она соотносится с действием, переходя в качество личности, – в компетентность, что можно определить формулой "компетенция – деятельность – компетентность" [1].

В психологической литературе существуют иные подходы к интерпретации понятия "ком-

петенция" и сопряженному с ним понятию "компетентность". Отдельные ученые (Дж. Равен, Н. Хомский и др.) различают рассматриваемые понятия. По их мнению, компетенция – это знания, полученные в результате образования, способность качественно применить их в различных профессиональных ситуациях и умение оценить собственные действия. В свою очередь, компетентность представляется более широким и комплексным понятием, состоящим из множества независимых и взаимозаменяемых компонентов, относящихся к когнитивной, эмоциональной сферам [16,21].

В научно-педагогической литературе интерпретируется своя точка зрения. Одна группа исследователей отождествляет понятия "компетенция" и "компетентность". Например, И.А. Зимняя формулирует их как "способность выполнять особые трудовые функции; способность делать что-либо хорошо или эффективно; соответствие требованиям, предъявляемым при устройстве на работу" [7].

В середине 80-х годов прошлого века понятия "компетенция" и "компетентность" стали широко использоваться в педагогике применительно к педагогической деятельности учителя. Н.В. Кузьмина выделила основные педагогические компетенции учителя, которые были дифференцированы по группам: гностические – это формирование знаний о целях, объектах и субъектах педагогического процесса, проектировочные – планирование стратегических и тактических задач и путей их решения, конструктивные – организация содержания обучения и воспитания, организаторские – непосредственно организация взаимодействия педагога и обучающегося, коммуникативные – выстраивание профессиональных взаимоотношений участников педагогического процесса. Все сказанное Н.В. Кузьминой соответствует различным видам педагогических способностей [9].

Российские ученые, среди которых А.И. Артюхина, Е.Ю. Васильева, Е.А. Вацкель, Е.Р. Зинкевич и др., отмечают, что российская система здравоохранения испытывает потребность в медиках, владеющих педагогической компетентностью и педагогическими компетенциями, так как претензии граждан связаны не только и не столько с качеством профессиональных знаний и умений врачей, но с качеством их общения и взаимодействия с пациентами, неготовностью сотрудничать с ними, недостаточно развитой направленностью на воспитание пациентов и их обучение самосохраняющему поведению [3,4,8,10,13].

По мнению российских исследователей, педагогические компетенции можно обозначить как компетенции здоровьесбережения, которые состоят из профессиональных знаний, умений, навыков и мотивов, способствующих также и формированию здорового образа жизни самого врача, обусловленных мотивационным, функциональным, коммуникативным и рефлексивным компонентами [3,10]. В связи с чем, система непрерывного профессионального медицинского образования подразумевает выраженную здравоцентрическую направленность [14].

Можно сделать вывод, что педагогические компетентность и компетенции врача – это сложная система, которая в совокупности обеспечивает готовность специалистов к сотрудничеству с пациентами для решения задач профилактики болезней, сохранения и укрепления здоровья, являющаяся структурным элементом профессионального поведения специалистов, интегрирующая в себе их профессиональную мотивацию, медицинские и психолого-педагогические знания, коммуникативные способности, что позволяет нам рассматривать ее как профессионально-педагогическую компетентность.

Профессионально-педагогическая компетентность врача во втором десятилетии XXI века стала рассматриваться как необходимая и обязательная для медицинской деятельности, сопряженной с педагогическими смыслами, формирующаяся на протяжении всего образовательного процесса благодаря педагогическому компоненту медицинского образования, в частности, психолого-педагогический вид деятельности врача включен в Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования [20]. Принимая во внимание государственную политику и инициативы правительственных структур, следует рассматривать неотъемлемой частью здравоцентрической парадигмы воспитание здорового образа жизни населения под руководством врача, владеющего профессионально-педагогической компетентностью, которая формируются в процессе реализации педагогического компонента профессионального медицинского образования на этапе последипломного образования.

Педагогический компонент представлен совокупностью учебных дисциплин, которые рассматривают психологические и педагогические смыслы профессиональной медицинской деятельности. К таким дисциплинам относится: "Педагогика", "Общественное здоровье

и здравоохранение", "Медицинская психология".

В педагогический компонент включены амбулаторная и стационарная практики, обеспечивающие применение теоретических медицинских и психолого-педагогических знаний, способствующих развитию практических умений и навыков ординаторов, развивающие их профессиональную мотивацию, предполагающую воспитание и обучение россиян здоровому образу жизни и ценностному отношению к здоровью.

Внеучебная воспитательная и самостоятельная научно-исследовательская работа ординаторов также является составными частями педагогического компонента медицинского образования. Эта значимая часть педагогического компонента представлена конгрессами, конференциями, профессиональными конкурсами, круглыми столами и встречами, имеющими деонтологическое содержание, обусловленное особенностями предметной деятельности специалиста помогающей профессии на этапе обучения в ординатуре.

Обобщая сказанное выше, можно резюмировать: педагогический компонент в профессиональном образовании врачей на этапе обучения в ординатуре – это комплекс, формирующий систему их педагогических знаний, умений, необходимых для решения медико-педагогических задач, а также развивающий мотивацию, направленную на обучение здоровьесберегающему образу жизни и воспитание ценностного отношения пациентов к своему здоровью, представленный учебными дисциплинами, включающими педагогические и психологические аспекты медицинской деятельности, стационарной и амбулаторной практикой, внеучебной воспитательной и самостоятельной научно-исследовательской работой обучающихся, имеющей выраженную деонтологическую направленность.

Необходимо отметить еще одну особенность педагогического компонента в профессиональном медицинском образовании – содержательную направленность компонента на улучшение медицинской деятельности врачей, позволяющей освоить им педагогические смыслы и значения сочетанного вида деятельности, которая, по сути, является медико-педагогической.

Медико-педагогическая деятельность – вид профессиональной деятельности, объединяющий медицинскую деятельность по профилактике и лечению заболеваний человека и педагогическую деятельность, целью которой является обучение его здоровьесберегающим технологиям, воспитание самосохранительного поведения. Безусловно, именно педагогический компонент профессионального медицинского образования формирует необходимую систему педагогических знаний и умений, лежащих в основе профессионально-педагогической компетентности.

Основными дидактическими подходами, обеспечивающими формирование системы педагогических знаний и умений, мотивации врачей-педиатров, направленной на обучение здоровьесберегающему образу жизни и воспитание ценностного отношения пациентов к своему здоровью в ординатуре, рассматриваются: компетентностный, личностно-ориентированный, деятельностный, контекстный, андрагогический и деонтологический подходы.

Компетентностный подход позволяет сформировать систему медицинских и психолого-педагогических знаний, личностно-ориентированный подход – поддержать и обеспечить развитие профессиональной мотивации, в свою очередь, деятельностный подход – обеспечивает готовность к сотрудничеству с пациентами для решения задач профилактики болезней, сохранения и укрепления их здоровья, формирования установок на поддержание здорового образа жизни; контекстный подход позволяет врачам научиться решать комплекс различных медико-педагогических задач, возникающих в условиях их сложной профессиональной деятельности; андрагогический подход способствует возможным формированию системы педагогических знаний и умений, развитию мотивации благодаря высокому уровню самостоятельности и персонификации врачей на этапе обучения в ординатуре, в свою очередь, деонтологический подход обеспечивает развитие личности врача, обогащая ее такими качествами, как милосердие, альтруизм, гуманизм, нравственное отношение к медицинской деятельности.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что педагогический компонент профессионального медицинского образования на этапе обучения в ординатуре имеет огромное значение в профессиональном становлении специалиста помогающей профессии, так как обеспечивает формирование их профессионально-педагогической компетентности врачей, в будущем готовых реализовать государственные задачи и здравоцентрическую парадигму российской медицины, основу которой сегодня составляет ценностное отношение к человеку и его здоровью.

Литература:

1. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества. – Вопросы образования. – 2008. – № 1. – С. 65-86.
2. Василенко А.М., Шарипова М.М., Лузина К.Э. Комплементарная медицина в современном здравоохранении. – Вестник РОСЗДРАВНАДЗОРА. – 2011. – № 2. – С. 67-72.
3. Васильева Е.Ю. и др. Педагогика в клинической практике врача: Учебное пособие. – Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета. – 2017. – 118 с.
4. Вацкель Е.А., Денишенко В.А. Педагогические аспекты развития рефлексии у клинических ординаторов первого года обучения. – Вопросы методики преподавания в вузе. – 2021. – Том 10. – № 38. – С. 8-14.
5. Денишенко В.А. Метод оценки педагогической подготовки врачей для психолого-педагогического сопровождения пациентов. – Клиническая геронтология. – 2016. – № 5-6. – С. 56-59.
6. Ефремова Н.Ф. Компетенции в образовании: формирование и оценивание. – М.: Национальное образование, 2012. – С. 104-105.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
8. Зинкевич Е.Р. Здоровьесберегающие технологии в обучении студентов-медиков: материалы конгресса с международным участием "Здоровые дети – будущее страны". Спецвыпуск журнала Педиатр. – 2017. – Т. 8. – С. 124-126.
9. Кузьмина Н.В. Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся. – Вопросы психологии. – 1984. – № 1. – 27 с.
10. Мандриков В.Б., Артюхина А.И. Педагогические знания в структуре непрерывного медицинского образования // Здоровье и образование в XXI веке. Журнал научных статей. – 2017. – №2. – С. 61-63.
11. Национальный проект "Здравоохранение" [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения. Режим доступа: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2018/7/25/1532512237.26174-1-15781.pdf
12. Паспорт приоритетного проекта "Формирование здорового образа жизни" от 26.07.2017. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Правительства РФ. URL:http://static.government.ru/media/files/Soj3PKR09Ta9BAuW30bsAQpD2qTAI8vG.pdf
13. Петрова В.Н. Роль педагогики в процессе обучения ординаторов. – Медицинское образование и вузовская наука. – 2017. – № 1(9). – С.39-42.
14. Плотникова И.Е., Комова С.Ю. Психолого-педагогическая диагностика эффективности здравоцентрической системы обучения в медицинском вузе // Фундаментальные исследования. – 2013.– №11. – С. 1478-1482.
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.10.2019 № 1304. [Электронный ресурс]: Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910100022
16. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация // Дж. Равен; пер. с англ. В.И. Белопольского. – М.: Когито-Центр. – 2002. – 395 с.
17. Термины и определения. [Электронный ресурс] ЗдравЭкспертРесурс. Технологии качества в здравоохранении. Режим доступа: https://www.zdrav.org/index.php/terminologiya-profilacticheskoi-mediciny/68-pektiny
18. Троянская С.Л. Основы компетентностного подхода в высшем образовании: учебное пособие. – Ижевск. Изд-во Удмуртский государственный университет. – 2016. – 176 с.
19. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года" [Электронный ресурс] // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726
20. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (уровень подготовки кадров высшей квалификации по программам ординатуры). [Электронный ресурс]. ФГОС. Режим доступа: https://fgos.ru/fgos/fgos-31-08-19-pediatriya-uroven-podgotovki-kadrov-vysshey-kvalifikacii-1060/
21. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. – М. – 1962. – 112 с.
22. Храмов В.В., Толстокоров С.А., Колесова О.Г., Шпитальная В.П. Реализация учебного процесса по дисциплинам здравоцентрической парадигмальной направленности на кафедре лечебной физкультуры, спортивной медицины и физиотерапии // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – № 1. – Том 7. – С. 168-171.
23. Цвейг С. Врачевание и психика: Месмер, Бекер Эдди, Фрейд / перевод с немецкого В.А. Зоргенфрей. – Собрание сочинений – Т. 6. – М.: Политиздат. -1992. – 333 с.

SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN STAVROPOL REGION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Kalantaryan Lyubov Alekseevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Brykalova Olga Grigoryevna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor*

Tsakhova Valentina Leonidovna, *Associate Professor*

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol

The article deals with the problems of the development of education in Stavropol region in the first half of the XIX century. ***The purpose of the study*** *is to substantiate approaches to the regionalization of education, to identify socio-cultural determinants that have determined the vector of development of regional education.* ***The scientific novelty*** *consists in an attempt to conduct a retrospective analysis, identify continuity in conceptual approaches to the problem of regionalization of education in the Stavropol region.* ***As a result,*** *the features of the process of formation of regional education were determined, sociocultural determinants were identified that determined the vector of development of regional education in the Stavropol Territory in the 19th century.*

Keywords: *socio-cultural determinants; ethnocultural diversity of the region; social order in the field of education; teacher training in the education system.*

EDN: EGGHYK **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.47**

УДК 378.1
ВАК РФ 5.8.7

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА СТАВРОПОЛЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© Калантарян Л.А., 2023
© Брыкалова О.Г., 2023
© Цахова В.Л., 2023

В статье рассматриваются проблемы развития образования на Ставрополье в первой половине XIX века. ***Цель исследования*** *– в обосновании подходов к регионализации образования, выявлении социокультурных детерминант, определивших вектор развития регионального образования.* ***Научная новизна*** *состоит в выявлении преемственности в концептуальных подходах к проблеме регионализации образования на Ставрополье.* ***В результате*** *определены определены сущность и преемственность концептуальных подходов к проблеме регионализации образования на основе этно- и социокультурного многообразия региона, выявлены социокультурные детерминанты, определившие вектор развития регионального образования на Ставрополье в первой половине XIX века.*

Ключевые слова: *социокультурные детерминанты; этнокультурное многообразие региона; социальный заказ в области образования; подготовка учительских кадров в системе образования на Ставрополье.*

КАЛАНТАРЯН Любовь Алексеевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

БРЫКАЛОВА Ольга Григорьевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

ЦАХОВА Валентина Леонидовна, *доцент*

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь

Введение

В современном отечественном образовании регионализация остается основой для взаимодействия национальных культур, осуществления межкультурного диалога, понимаемого как основа для воспитания духовно-нравственной, гуманной, творческой личности. В данной связи *актуальность* данного исследования заключается в выявлении сущности подходов к регионализации, необходимости обоснования преемственности в концептуальных подходах к регионализации образования, выявлении социокультурных детерминант, определивших вектор его развития.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*: 1) рассмотреть сущность подходов к регионализации образования; 2) выявить социокультурные детерминанты, определившие вектор развития регионального образования; 3) обосновать преемственность в концептуальных подходах к проблеме регионализации образования на Ставрополье; 4) выявить сущность концепции регионального образования на основе социо– и этнокультурного многообразия региона.

Для проведения ретроспективного анализа использовались: историко-генетический метод исследования, позволяющий реконструировать процесс исторических событий во времени, устанавливать причинно-следственные связи; компаративистский (сравнительный) и типологический методы, способствующие осуществлению обобщений разрозненных признаков.

Теоретической базой исследования послужили научные публикации просветителей, общественных деятелей, педагогов второй половины XVIII (М.В. Ломоносов, И.И. Бецкой, Я.П. Козельский,

Н.И. Новиков и др.) и особенно XIX веков (Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов, П.П. Блонский, В.П. Вахтеров, К.Н. Вентцель, Н.А. Добролюбов, М.И. Демков, П.Ф. Каптерев, А.А. Маслов, С.И. Миропольский, С.А. Рачинский, В.Н. Сорока-Росинский, А.Н. Острогорский, В.Я. Стоюнин и др.), в которых нашли освещение проблемы отечественного образования, взаимосвязи социальных потребностей общества и науки, развития гуманистических идей в отечественной педагогике и т. д.

Осмысление концепции регионального образования, обоснование подходов к регионализации на основе этно– и социокультурного многообразия региона, формирования системы образовательных учреждений, получили осмысление в исследованиях З.Я. Багишаева, В.К. Бацына, М.Н. Кузьмина, В.М. Козлова, С.Д. Намсараева, А.А. Сусоколова, В.Д. Шадрикова, В.К. Шаповалова и др. Основой для ретроспективного анализа концептуальных подходов к организации учебного процесса, подготовки учительских кадров в сфере регионального образования послужили исследования И.В. Бентковского, М. Краснова, Я.М. Неверова, Г.Н. Прозрителева, И.В. Равинского и др.

Практическая значимость исследования определяется возможностью широкого использования результатов ретроспективного анализа концептуальных подходов к регионализации образования на основе социо– и этнокультурного многообразия региона, расширения и углубления содержания регионального образования.

Основная часть

Становление образования в регионе – процесс многоэтапный и сложный. В XVI, и особенно в XVII веках происходит интенсивное освоение региона, включение его в круг интересов Российского государства. Вместе с колонизацией на территорию Северного Кавказа проникает и просвещение. Тесное культурное взаимодействие русскоязычных переселенцев с местными кавказскими народами определило насущную необходимость в распространении грамотности, средством коммуникации был избран русский язык [2]. В середине 40-х годов XVIII века было основано одно из первых учебных заведений на Северном Кавказе – Школа для осетинских детей (Осетинское подворье). С образованием в 1785 году Кавказской губернии, появлением губернских городов – в них открываются народные школы. Так, в Екатериноградe в 1788 году основано народное училище, в котором, помимо основных предметов чтения, письма, арифметики, изучались и национальные ("туземные") языки, причем не только инородцами, но и русскими учениками [4].

К началу XIX века региональным сообществом был четко сформулирован социальный заказ на грамотных "служилых людей", на возможность давать образование местной молодежи, не выезжая за пределы края, что определило необходимость создания системы общего образования. В соответствии с "Высочайшим указом от 17 марта 1803 года" во всех губернских городах Российской Империи должны быть учреждены гимназии, а в уездных городах – народные училища. В Кавказской губернии, в городах Екатериноградe и Георгиевске были открыты гимназии, а в то время уездном городе Ставрополе – училище [6].

Ставропольское городское приходское училище, основанное в 1804 году, стало одним из первых начальных учебных заведений на Северном Кавказе. В региональном сообществе, определилась насущная потребность не столько в средних, сколько в начальных учебных заведениях, а также в увеличении их численности, обеспечении качества обучения. За несколько лет, с 1815 по 1820 годы отмечается бурный рост начальных учебных заведений. В селах и городах края массово открываются приходские училища, но через короткое время прекращают свою деятельность. Причины бедственного положения начального образования в регионе, помимо недостатка денег, видятся в отсутствии должного, необходимого попечения и надзора. Так, первыми чиновниками, осуществляющими надзор за училищами Северного Кавказа, неоднократно назначались директора Тифлисского благородного пансиона, которые редко посещали вверенный им регион, и управление учебными заведениями доверялось чиновникам, не имеющим отношения к педагогической деятельности [5].

Еще одна причина в укрепившейся с конца XVIII века, особенно в сельской местности, традиции обучать своих детей у частных "партикулярных" учителей, или в так называемых "вольных училищах". Не связанные какими-либо обязательными учебными программами, они учили своих учеников тому, что определяли родители, тем не менее, относились к делу с большей ответственностью нежели "казенные" учителя. Устойчивое негативное отношение населения к приходским школам привело к тому, что к 30-м годам почти повсеместно они были закрыты. Для воспитания дворянских детей, в систему начального образования включались и военные учебные заведения – кадетс-

кие корпуса, которые постепенно открывались в губернских городах.

Большая часть учебных заведений и особенно начальных училищ финансировались за счет частных пожертвований. Но в силу преобладающей бедности местного дворянства и представителей других сословий, они оказывались слишком скромными для создания и поддержания учебных заведений. Зачастую учебный процесс в уже открытых учебных заведениях не мог начаться вовремя не только в силу малого финансирования, но и нехватки учителей, которые с небольшой охотой ехали служить на Кавказ. Помимо различных бытовых трудностей, существовала и реальная угроза жизни, вплоть до середины 20-х годов, переезжать из города в город или просто выезжать за пределы поселения, это было опасно, так как поджидавшие в степи горцы могли убить или взять в плен [5].

Крайне затрудненным оказалось и обеспечение школ учебными пособиями. В начале XIX века Кавказская губерния относилась к Казанскому учебному округу и для того, чтобы купить учебники, нужно было обращаться в Училищный комитет, находящийся в Казани, который в свою очередь получал учебную литературу из Петербурга. Так, например, учебный процесс в Ставропольском уездном училище, в силу разного рода бюрократических проволочек, начал осуществляться практически через год после открытия.

Многие исследователи Кавказа (И.В. Бентковский, М. Краснов, И.В. Равинский, А.И. Твалчрелидзе и др.) отмечали, что на протяжении всего XIX века именно система народного просвещения подвергалась особенно частому реформированию. М. Краснов указывает на многочисленные документы, регулирующие деятельность образовательных учреждений, это "Уставы" гимназий, прогимназий и народных училищ от 1804, 1819 и 1828 годов. Уставами от 1864 и особенно 1871 года вводились обновленные учебные программы и новые концепции воспитания. По мнению исследователя, на Кавказе реформирование системы народного просвещения проходило еще интенсивнее. Как вводимыми общегосударственными документами, так и "Положениями" о Кавказской гимназии, о Кавказском учебном округе от 1837,1848,1853,1867 годов, и лишь "Устав гимназий и прогимназий" от 1871 просуществовавший вплоть до 1914 года, оказался наиболее эффективным как в Российской Империи в целом, так и Кавказском регионе [5].

Успешная деятельность образовательного учреждения во многом зависит от учителя, его социального статуса, образованности, уровня профессиональной подготовки и общей культуры. Не менее важна материальная обеспеченность, уровень и качество жизни. Очень не многие лица, получившие образование в гимназии, духовной семинарии или университете, изъявляли желание "учительствовать", поскольку занятие это считалось мало достойным и даже унизительным, так как на этом поприще очень трудно было продвинуться или сделать карьеру. С самого начала XIX века, для того чтобы привлечь на Кавказ как можно больше образованных людей "в ученое звание", местные чиновники озаботились улучшением условий их жизни. Помимо достаточно высокого жалования, учителю предоставлялось бесплатное жилье, выделялись денежные средства на его содержание, а также имеющиеся при учебных заведениях земельные участки отдавались учителям под огороды. Предписывалось и поощрялось занятие различными видами хозяйственной деятельности: выращиванием овощей и фруктов, разведением винограда, виноделием, шелководством. Успешное ведение подсобного хозяйства предполагало ознакомление и привлечение учащихся к хозяйственной деятельности. Власти оказывали помощь и в условиях тяжелых испытаний – эпидемий, стихийных бедствий. Во время голода, разразившегося на Кавказе в 1834 году, учителям был возмещен ущерб и оказана существенная материальная помощь [1].

К концу первой трети XIX века, широкий спектр предпринятых правительством мер, направленных на изменение качества жизни учителя, укрепление его материального состояния способствовали повышению социального статуса учителя, пониманию его важной роли в общественной жизни. В региональном сообществе укоренилось уважительное отношение к образованию, "любовь к наукам", что определило потребность в расширении системы регионального образования, углублении его содержания, изучении этнокультурного компонента и включении его в содержание образования.

В 1837 в Ставрополе – к тому времени областному городу Кавказской губернии – учреждается областная гимназия, несколькими годами ранее Ставропольское уездное училище приобретает статус "высшего". Вновь с особой остротой встает вопрос об образовании дворянских детей – открытии благородных пансионов при учебных заведениях. Впервые очер-

чивается проблема полного отсутствия женского образования в регионе. На протяжении ряда лет проблема женского образования будет одной из важнейших, и только в конце 40-х годов разрешится учреждением женской гимназии в Ставрополе [3].

Некоторым итогом начального этапа становления регионального образования стало более пристальное внимание к местным этническим культурам, ознакомление учащихся с историей, традициями кавказских народов. Еще в начале века, понимание необходимости налаживания культурного диалога потребовало включения в образовательные программы "туземных" языков – осетинского, татарского, армянского, турецкого, к концу 30-х годов их перечень существенно расширился добавлением калмыцкого, ногайского и других языков.

Таким образом, этническое, социальное, культурное своеобразие региона детерминировало социальный заказ регионального сообщества в сфере образования. К концу 30-х годов определился вектор развития регионального образования, сложились основные концепции воспитания, организации учебного процесса.

Открытие в 1837 году Ставропольской (Кавказской) гимназии явилось важной вехой, ознаменовавшей начало нового этапа. На протяжении всего последующего десятилетия отмечается неуклонный рост качества образования в региональных образовательных учреждениях в целом и в Кавказской гимназии в частности. Во многом решена проблема нехватки учительских кадров, чиновников управленцев, обладающих необходимой педагогической подготовкой. Но, укоренившееся в Министерстве народного просвещения небрежное отношение к назначению на руководящие должности в образовании чиновников разного уровня без необходимой педагогической подготовки, оказалось чрезвычайно устойчивым. Так, первый директор училища и Ставропольской гимназии С.И. Купенков (бывший полицмейстер) оказался человеком грубым, малообразованным, имевшим смутные представления о педагогической деятельности. Вслед за ним в 1843 и 1844 годах, поочередно, были назначены два выпускника морского кадетского корпуса. Качество обучения в гимназии вызвало много вопросов в местном обществе. Отчет, посланных с ревизией чиновников, свидетельствовал о плохой организации учебно-воспитательного дела и крайне низком уровне знаний учащихся. С приходом на должность директора Кавказской гимназии Н.С. Рындовского, выпускника Харьковского университета, человека всесторонне образованного, проявляющего искреннюю заботу об учащихся, учебно-воспитательный процесс стал осуществляться гораздо успешнее. Особое внимание директор гимназии уделял ознакомлению учащихся с культурой, бытом и традициями местных народов, изучению "туземных" языков. Рындовский и сам с интересом изучал местные языки – армянский, грузинский, татарский, калмыцкий, заложив тем самым традицию обязательного знания кавказских языков для всех преподавателей гимназии [5].

К концу 40-х, началу 50-х годов сложилась целая плеяда замечательных педагогов (Н.П. Беляев, Н.С. Рындовский, З.И. Тактаров, И.Л. Песоченский, Ф.Д. Илляшенко, М.А. Лебедев, И.Д. Белкин, А.Д. Пузыревский и др.), упрочивших фундамент учебно-воспитательного дела, создавших собственные педагогические школы (Н.С. Рындовский).

В конце 40-х годов с учреждением Кавказского учебного округа начинается процесс развития регионального женского образования. Благотворительное общество св. Нины и созданное при нем учебное заведение для девочек открылось в Тифлисе в 1848 году, через год учебное заведение подобного типа при Благотворительном обществе св. Александры с учебными классами (позднее училище св. Александры) учреждено и на Северном Кавказе, в Ставрополе [1].

Как отмечает исследователь Кавказа М. Краснов, первоначальные учебно-воспитательные задачи женского образования были чрезвычайно скромны "образовывать из своих воспитанниц добрых жен и хороших матерей семейств" [5. с. 58].

В последующие десятилетия Ставропольская женская гимназия св. Александры становится центром культуры и средством объединения регионального сообщества. К организации разнообразных литературно-музыкальных вечеров, спектаклей, концертов привлекались не только учащиеся гимназии и их родители, но и широкая городская общественность. С расширением системы регионального образования возросла и потребность в педагогических кадрах, их качественной подготовке, с этой целью в Ставропольской женской гимназии был открыт "восьмой педагогический класс", в котором подготавливались учительницы для сельских школ и начальных училищ [3].

Расцвет учебно-воспитательного дела в 50-х годах, отношение к гимназии как к центру культуры и просвещения связано с деятельно-

стью одного из самых ярких представителей регионального педагогического сообщества Януария Михайловича Неверова. Назначенный на должность директора училищ Ставропольской губернии Я.М. Неверов с особым вниманием относился к воспитанию учащихся, полагая чрезвычайно важным культивировать "гуманность и нравственные чувства", развивать ценностное отношение личности к искусству и жизни. С первых дней своего пребывания в Ставрополе, Я.М. Неверов начал осуществлять активную просветительскую деятельность, объединив вокруг себя городскую интеллигенцию. По воспоминаниям современников, "Субботние вечера" Неверова пользовались чрезвычайной популярностью. Начинались они обычно с небольших "педагогических совещаний", к которым постепенно присоединялись гости, не связанные с гимназией. Злободневные вопросы о правильной постановке учебного дела, налаживании взаимодействия между "учащими и учащимися", педагогами и родителями становились достоянием общественности, и как отмечает М. Краснов: "Благодаря такому сближению с обществом местные власти относились сердечнее к учебным заведениям" [5. с. 63].

Тем не менее, серьёзным препятствием в организации учебного дела остаётся нехватка педагогических кадров: "добровольно служить по учебному ведомству никто не соглашается по трудности обязанностей учителя". Неверов предлагает обучающимся за казенный счет в восьмом "педагогическом классе" Ставропольской гимназии служить не менее шести лет "по учебному ведомству" [5. с.65].

Неверов был убежден в том, что для качественной подготовки учителя необходимы не только теоретические знания, но и практические навыки. В качестве педагогической практики, будущие учителя должны были работать с учащимися младших классов гимназии. С этой же целью, по ходатайству Неверова было запланировано в 1860 году открытие при гимназии воскресной школы для неимущих детей, но и этот проект Неверова не нашел поддержки.

С особым вниманием Януарий Михайлович относился к образованию представителей горских народностей. Видя в учениках горцах и будущих учителей, Неверов разработал собственную программу для их обучения, основанную на понимании необходимости "не отдаляться от природных нравов, обычаев и верований горцев", а напротив, использовать полученные знания в повседневной жизни. С этой целью в программе был расширен блок естественных наук: истории, географии, этнологии Кавказа взамен преподавания правовых дисциплин или латинского языка [5. с.67].

Учрежденные при Главном Педагогическом Институте стипендии для представителей Кавказа и Закавказья Януарий Михайлович предлагает отдать в Ставропольскую гимназию, но это не нашло поддержки у попечителей учебного округа. С самого основания кавказских гимназий в Екатеринодаре и Ставрополе вопрос "языка" как средства коммуникации стоял особенно остро. При обучении представителей местных народов русскому языку выявилась необходимость и обучения русских "туземным языкам". Уже в первые годы в Ставропольской гимназии к изучению были предложены армянский, татарский, черкесский языки. Стараниями Я.М. Неверова этот процесс становился все более продуктивным и в 1860 году планировалось открытие в Ставропольской гимназии Восточного отделения, где учащиеся должны были изучать обязательный арабский язык, татарский, турецкий и один из местных горских языков. Акцент делался не столько на теоретическом, сколько на практическом изучении языка, в виде анализа и перевода текста, освоения разговорной речи в общении с носителями языка. Но в результате проведенной в 1860 году учебно-административной реформы должность попечителя учебного округа была упразднена, и Неверов покинул Ставрополь, заняв предложенное ему место директора Лазаревского института в Москве. Преемники Януария Михайловича не прилагали усилий не только к осуществлению проектов, задуманных Неверовым, но и к продолжению созданной и успешно действующей педагогической системы. Учебные заведения оказались в подчинении губернаторам и главам областей, которые не имели столь тесного взаимодействия с педагогическим сообществом, как попечители учебных округов. Уже к концу следующего 1862 года оказалось очевидным существенное снижение результатов обучения во многих учебных заведениях Кавказского края. Так, например по результатам годовых экзаменов в Ставропольской гимназии только половина учащихся были переведены в старшие классы, несколько гимназистов получили неудовлетворительные оценки на выпускных экзаменах и не смогли закончить курс. Причинами столь быстрого снижения качества образования стала недостаточная компетентность губернаторов в вопросах организации учебного дела, подбора педагогических кадров и др.

Заключение

Таким образом, изучение проблемы развития регионального образования на Ставрополье в первой половине XIX века показало, что:

1) сущность подходов к регионализации в отечественном образовании определялась пониманием регионализации как необходимого условия для взаимодействия национальных культур, осуществления межкультурного диалога как основы для воспитания духовно-нравственной, гуманной, творческой личности;

2) важнейшей социокультурной детерминантой стал социальный заказ регионального сообщества на новые культурные смыслы в области образования, определивший вектор становления и развития регионального образования (качественный и количественный рост образовательных учреждений детерминировал создание системы регионального образования);

3) в результате ретроспективного анализа выявилась преемственность в концептуальных подходах к проблеме регионализации образования на основе этно– и социокультурного многообразия региона;

4) сущность концепции регионального образования определяется этническим, социальным и культурным многообразием региона, что потребовало особых условий для формирования системы регионального образования, развития женского образования, подготовки учительских кадров в системе регионального образования и т. д.

Примечания:

1. Бентковский И.В Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 5 / ред. И. Бентковский. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1873. – 295 с.
2. Из прошлого Северного Кавказа материалы для истории г. Ставрополя и Ставропольской губернии, собранные Г.Н. Прозрителевым / сост. г. Прозрителев. – Ставрополь: [б.и], 1914. – 63 с.
3. Калантарян Л.А., Спербер О.И. Становление женского образования на Ставрополье. Подготовка учительских кадров // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №4 (77) – С. 260-262.
4. Краткий исторический очерк постепенного заселения русскими Северного Кавказа, вообще, и Ставропольской губернии, в частности // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Кн. XIX. – Тифлис, 1897.
5. Краснов М. Просветители Кавказа. – Ставрополь: Типография губернского Правления. 1913. – 102 с.
6. Сборник сведений о Северном Кавказе: (Материалы исторические и естественно-исторические) / ред. Г.Н. Прозрителева. – Ставрополь: Тип. – Литогр. Т.М. Тимофеева, 1909. – 456 с.

PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF TRAINING STUDENTS IN ORGANIC CHEMISTRY AT PREPARATORY COURSES

Komkova Olga Gennadievna, *PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

Glushkova Tatiana Gennadievna, *PhD of Biological sciences, Associate Professor*

Pomytkina Tatiana Yuryevna, *PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor*

Izhevsk State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia, Izhevsk, Udmurt Republic

The purpose of the study *is to substantiate the structure and content of the pedagogical technology of training students in the subject "Organic Chemistry" for those entering medical and biological universities.* ***Scientific novelty*** *lies in the development of author's methodological methods of teaching and control, aimed at shaping the need of students for independent work and focused on increasing interest in learning the factual material, developing logical and creative thinking, monitoring the formation of the structure of knowledge in the subject among future students.* ***As a result,*** *it was revealed that the use of pedagogical technology allows students to show the result of the Unified State Examination in chemistry above the average: 62.73% scored from 55 to 100 points, and, as a result, a high percentage of admission to medical and biological universities – 90.3%, in including 71.1% in IGMA. This proves the effectiveness of the presented technology.*

Keywords: *pedagogical technology; author's pedagogical techniques; knowledge structure; testing; medical and biological profile of training.*

EDN: JYJLUX **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.48**

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ КУРСАХ

УДК 378.147
ВАК РФ 5.8.2

Цель исследования *– обосновать структуру и содержание педагогической технологии подготовки обучающихся по предмету "Органическая химия" для поступающих в вузы медико-биологического профиля.* ***Научная новизна*** *заключается в разработке авторских методических приемов обучения и контро-*

© Комкова О.Г., 2023
© Глушкова Т.Г., 2023
© Помыткина Т.Ю., 2023

ля, направленных на формирование потребности обучающихся к самостоятельной работе и ориентированных на повышение интереса к усвоению фактического материала, развитие логического и креативного мышления реализацию мониторинга формирования структуры знаний по предмету у будущих студентов. ***В результате*** *выявлено, что применение педагогической технологии позволяет обучавшимся показывать результат ЕГЭ по химии выше среднего: 62,73% набрали от 55 до 100 баллов, и, как следствие, высокий процент поступления в вузы медико-биологического профиля – 90,3%, в том числе в ИГМА 71,1%. Это доказывает эффективность представленной технологии.*

Ключевые слова: *педагогическая технология; авторские педагогические приемы; структура знаний; тестирование; медико-биологический профиль обучения.*

КОМКОВА Ольга Геннадьевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

ГЛУШКОВА Татьяна Геннадьевна, *кандидат биологических наук, доцент*

ПОМЫТКИНА Татьяна Юрьевна, *кандидат педагогических наук, доцент*

Ижевская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения России, Ижевск, Удмуртская Республика

Введение

За два последних десятилетия образование в России в качестве важнейшей составляющей развития общества претерпела множество преобразований, как глобальных, так и локальных. Особенно заметные изменения произошли в системе высшего профессионального образования, которые закономерно затронули и сферу предпрофессионального, или профильного обучения. На этом уровне в процесс преподавания вошли такие формы, методы обучения и контроля, как портфолио, кейс-технологии, геймметодики, дистанционное обучение, фронтальное тестирование и много других [20]. Но, разрабатывая и внедряя все новые подходы и методы, педагоги не должны забывать об исторических традициях российского образования, которые приносили и приносят несомненный успех нашей стране на мировом рынке специалистов.

В нашей стране образование, особенно медицинского направления, всегда отличалось своей фундаментальностью, которая заключается в реализации расширенного спектра целей и задач, значительных объемах учебного материала, включающего большое количество элементов содержания и высокой степени его структурированности; в возможности усвоения передаваемой информации на различных уровнях [8, 10]; в реализации классических методов преподавания, – лекций, практических занятий, семинаров; в использовании традиционных видов контроля, – письменных контрольных работ, устного опроса. Эти характеристики процесса образования в нашей стране относятся к его несомненным достоинствам. В то же время, эволюционирование общества неизбежно приводит к необходимости разработки педагогических технологий, отвечающим современным условиям.

Сообразно цели исследования определены следующие задачи: 1) раскрыть противоречия, возникающие при подготовке обучающихся к поступлению в вузы медико-биологического профиля на базе программы по дисциплине "Химия" средней общеобразовательной школы и предпосылки разработки технологии; 2) представить авторские приемы, составляющие основу педагогической технологии и помогающие преодолеть указанные противоречия; 3) осуществить экспериментальную проверку результативности и эффективности разработанной технологии по полученным статистическим данным за четыре учебных года с 2018 – 2022 гг.

Материалы и методы:

Общенаучные методы теоретического исследования (обобщение, систематизация, анализ); эмпирические методы (педагогический эксперимент, тестирование, метод групповых экспертных оценок); специальные математико-статистические методы обработки результатов полученных данных.

В 2017 г. на факультете довузовского образования (ФДО) ФГБОУ ВО "Ижевская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации" (ИГМА) стартовал проект "Репетиторские курсы (двухгодичные) по химии, биологии и русскому языку", на которые зачисляют в основном учащихся 10 классов общеобразовательных школ [5]. Формируются группы численностью до 21 слушателя. Дисциплина "Химия" первый год обучения (10 класс) включает 103 часа по предмету "Органическая химия", второй год (11 класс) – еще 103 часа, по предметам "Общая химия" и "Химия элементов".

Эффективность технологии предполагается доказать результатами текущей успеваемости обучающихся четырех экспериментальных групп "А", "Б", "В", "Е", проходивших обучение по представленной педагогической технологии, а также баллами, полученными ими на ЕГЭ по дисциплине "Химия" за четыре учебных года с 2018 по 2022 г., в сравнении с двумя контрольными группами "Г" и "Д", проходивших обучение по традиционной технологии. Группы "В" и "Д" в 2022-2023 г. проходят второй год обучения на подготовительных курсах ИГМА и не сдавали ЕГЭ.

В научных источниках описано достаточное количество применяемых педагогами технологий преподавания химии. Преобладающее большинство предназначено для школьной ступени образования, далее по возрастанию, для среднего профессионального и высшего. Практически отсутствует описание технологий и результатов их применения на подготовительных курсах.

Обзор литературных источников показал, что основной критерий классификации педагогических технологий – их теоретическая или практическая ориентированность [2, 13, 14, 15]. Теоретически ориентированные в большинстве представляют собой перечисление форм и методов отбора содержания предмета. Практически направленные представляют собой два диаметрально противоположных подхода:

1) перечисление методов и форм в общем виде с одним-двумя конкретными примерами в рамках заявленной технологии (например, проблемного обучения), что мешает сформировать целостное представление о технологии. Кроме того, использование одних и тех же приемов и методов на каждом занятии неэффективно и неинтересно для обучающихся;

2) детально расписано каждая тема, занятие или урок, что перегружает восприятие технологии в целом и затрудняет ее воспроизведение в реальных условиях обучения.

Цель представляемой практически ориентированной педагогической технологии обучения по предмету "Органическая химия", – адаптация и рациональное применение традиционных форм, методов и техник преподавания, обучения, контроля и авторских приемов к проблемам подготовки абитуриентов медицинско-биологического профиля, которая приведет к формированию структуры знаний не только по предмету, но и по дисциплине "Химия" в целом.

Структура знаний – устойчивая и упорядоченная связь между знаниями определенного вида, соотнесенными с содержанием изучаемой учебной дисциплины, классификатором знаний в рамках выбранной модели обучения; характеризуется рядом параметров и определяется в зависимости от категорий обучаемых [8].

Представленная педагогическая технология универсальна, и отличается от преподавания предметов 2-го года обучения "Общая химия" и "Химия элементов" лишь по содержанию.

Задачи педагогической технологии:

1) сформировать базу углубленных структурированных знаний у обучающихся по данному предмету и связи со смежными предметами, входящими в двухгодичную программу обучения;

2) повысить успешность обучающегося в школе по предмету "Органическая химия";

3) подготовить обучающихся сдаче ЕГЭ на высокий балл, который обеспечит их поступление на бюджетное место в профильный вуз;

4) подготовить будущих студентов к успешному освоению вузовских дисциплин "Химия", "Биохимия", "Фармакология", "Гистология" и других смежных с ними;

5) психологическая подготовка подростков к системе обучения в вузе, быстрой и комфортной адаптации в новой среде, созданию новых коммуникативных навыков и компетенций [3].

Учебно-методическое сопровождение обеспечивают:

1) программы – типовые [16, 17] и авторская программа по "Органической химии", включающей ведущие идеи курса, ключевые подходы, основные направления работы по курсу и структурированное содержание [9]. Реализация авторской программы в учебном процессе, способствует повышению качества формируемой структуры знаний обучаемых;

2) дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа "Репетиторские

курсы" (двухгодичные) дисциплина "Химия", включающая календарно-тематический план [22];

3) учебники по предмету [1, 18, 21];

4) учебно-методические пособия [11, 12];

5) подборка учебных фильмов с демонстрациями качественных реакций на классы органических веществ [4];

6) контрольно-измерительные материалы ЕГЭ [6, 7];

7) страница в социальных сетях для общения обучающихся и преподавателя в группе.

Содержание педагогической технологии:

При подготовке к поступлению в медицинские вузы профильными дисциплинами традиционно являются химия, биология и русский язык, из них наиболее консервативный по содержанию – химия.

Среди недостатков в подготовке абитуриентов по этой дисциплине, отмечаемых преподавателями вузов, можно сформулировать:

1) большой разрыв между содержанием школьных программ непрофильных классов и типовой программой для поступающих в медицинские вузы, следовательно,

2) большие временные затраты на освоение программы для поступающих;

3) низкое визуальное и практическое сопровождение предмета, – фактическое отсутствие лабораторных работ,

4) редкое применение методик разработки и выполнения проектов практического назначения;

6) в типовой программе очень мало внимания уделяется медико-биологическому аспекту явлений, процессов, веществ;

7) недостаточное внимание уделяется освоению абитуриентами методов сравнения, анализа, синтеза, оценки;

8) недостаточность стимулов и предпосылок к самостоятельному изучению материала с использованием нескольких рекомендованных и альтернативных источников;

9) низкая адаптированность реализуемых программ к быстроменяющимся возможностям и потребностям общества, например, дистанционному обучению и другие.

Учитывая перечисленные достоинства и недостатки, преподавателями ФДО ИГМА с 2005 по 2022 гг. для повышения эффективности подготовительных курсов по химии была разработана педагогическая технология, ориентированная на подготовку обучающихся к поступлению в вузы медико-биологического профиля, и представляющая собой структурированную совокупность последовательно применяемых традиционных форм и методов преподавания, обучения и контроля с авторскими приемами.

Авторские педагогические приемы нацелены на:

– формирование потребности обучающихся к самостоятельной работе с несколькими источниками информации, – учебниками, справочной, научной литературой, интернет ресурсами;

– повышение интереса к усвоению дополнительного фактического материала, следовательно, расширение кругозора обучающихся по предмету "Органическая химия", что способствует формированию естественнонаучного мировоззрения, а также общенаучных навыков и умений;

– развитие логического мышления;

– формирование креативного мышления – умения давать ответы на нетрадиционно поставленные вопросы, требующие навыков обобщения, систематизации, анализа, оценки, проектирования;

– реализацию мониторинга формирования структуры знаний по предмету у будущих студентов.

Реализация педагогической технологии осуществляется следующими методами:

1. Лекции

Авторские обучающие приемы:

– при составлении конспекта лекции одновременное обращение к нескольким печатным и электронным ресурсам, анализ, сравнение и оценка (по критериям) представленной информации;

– элементы интерактивного общения – в социальных сетях обучающиеся создают группу для обсуждения, где не только выкладывается и сверяется домашнее или творческое задание, но и, по необходимости, слушатели курсов учатся самостоятельно строить и корректировать план будущей лекции, выделять особо значимые на данный момент фрагменты, расширять количество элементов содержания или наоборот, а также общаться с преподавателем в режиме онлайн;

– демонстрация презентаций, на которых представлены схемы, модели молекул, показ учебных фильмов с обсуждением. Активное участие в подборе наглядных материалов принимают обучающиеся во время внеаудиторной работы, при подготовке к занятию и непосредственно на нем с помощью интернет ресурсов.

– обязательное обсуждение материала, акцентирование медико-биологического значения веществ и явлений.

2. Практические занятия

Авторские обучающие приемы:

– при решении цепочек превращений каждый обучающиеся обязательно выходит к доске, предлагая свой вариант решения, группа обсуждает, дополняет, определяет ошибки, вносит коррективы, предлагает свои альтернативные подходы, алгоритмы и способы решения, делается акцент на медико-биологическое значение веществ;

– при решении расчетных задач осуществляется подход от сложному к простому; вырабатывается умение построить алгоритм решения, особенности физических и химических свойств веществ, их медико-биологическое значение;

– при решении тестовых заданий (ТЗ) обучающимся предлагается от 5 до 20 однотипных ТЗ на определенный промежуток времени, обсуждаются алгоритмы решения, акцентируются те фактические знания, которые требуется запомнить наизусть;

– блиц-консультации "30 секунд" для обучающихся до занятия, после и во время перерыва индивидуально, по любому вопросу;

– упражнение "Синтез витамина из кирпича", или "Необитаемый остров" – перед слушателями курсов ставится задача составить уравнения реакций, позволяющих теоретически, из любого неорганического вещества, очень распространенного в природе, синтезировать органическое вещество, имеющее медико-биологическое, пищевое или бытовое значение, причем количество стадий как можно меньше, процессы и условия максимально простые / 4 – 5 раз в учебном году;

– лепка из пластилина моделей молекул и их перестроения при химическом явлении (например, показать механизм реакций: этерификации; поликонденсации между фруктозой и глюкозой ит.д.) / 1 раз в учебном году;

– химические пантомимы (например, образование хелатных соединений многоатомных спиртов, реакция полимеризации и т.д.) / 2 -3 раза в учебном году;

– творческая мастерская по созданию украшений для класса, аудитории, комнаты на химическую тематику: например, коллаж "Органические вещества в быту и медицине", ленты длиной 1,5 – 2 м с красиво написанными формулами полисахаридов и полипептидов /2 раза в учебном году;

– химический баттл по определенным темам (например: уксусная кислота, глюкоза), где обучающиеся делятся на 2-3 команды, создается сценарий, выбираются номинации для соревнования, определяются победители / 1 раз в учебном году по желанию группы;

– экскурсии в анатомический музей ИГМА, на кафедры гистологии, микробиологии (демонстрация муляжей, макро– и микропрепаратов, иммунных препаратов, специального оборудования) для формирования межпредметных связей "Органической химии" с перечисленными дисциплинами / 2 раза в учебном году по желанию.

3. Самостоятельная внеаудиторная работа

Авторские обучающие приемы:

– сравнить содержание из разных источников, по теме, которую планируется изучать на следующем занятии, разделить информацию на значимую и второстепенную;

– самостоятельно составить цепочку превращений, в результате которых должно получиться вещество, имеющее важное медицинское или биологическое значение (например, синтез ацетилсалициловой кислоты из природного газа);

– составить расчетную задачу на основе одного из химических свойств веществ или способов его получения;

– найти видеоролик, описывающий качественную реакцию вещества, представить на занятии, сделать его анализ.

4. Педагогический контроль

Авторские приемы контроля:

– входное (на первом занятии) и итоговое (на заключительном) тестирование одним специально разработанным тестом "Базовые знания" для диагностики структуры знаний обучаемых на двух ступенях изучения предмета "Органическая химия" в системе "школа – довузовское образование", чтобы определить изменения структуры знаний в процессе обучения [8];

– устный опрос (обсуждение, фронтальный опрос, беседа, индивидуальные сообщения) / на каждом занятии;

– после изучения 1-го – 2-х классов органических веществ обучающиеся выполняют тематические тесты (на бумажных носителях) / до 7 за учебный год [11]. После изучения 3 – 4-х классов органических веществ письменную контрольную работу (диктанты, контрольные работы из нескольких заданий, решение расчетных задач или цепочек превращений веществ за определенное время) / до 7 за учебный год, согласно утвержденного календарно-тематического плана.

Проверенные преподавателем работы обучающихся обязательно выдаются им на руки для просмотра ошибок, индивидуального или

группового обсуждения (по желанию) и хранятся в личном портфолио;

– при выполнении заданий все обучающиеся могут получить консультацию преподавателя по содержанию задания, алгоритму его выполнения и оформлению (кроме входного и выходного тестирования);

– при контроле обучающимся разрешено использовать как справочные таблицы (Д.И. Менделеева, таблицу растворимости, ряд активности металлов), так и конспекты лекций, алгоритмы решения расчетных задач;

– все виды работ обучающихся оцениваются в первичных баллах, рассчитанных в процентах от максимального числа правильных ответов и переводятся по шкале в оценки по четырехбалльной шкале (табл. 1).

Таблица 1 – **Шкала перевода индивидуальных первичных баллов в оценки.**

Критерии	Оценки
$R_j \geq 85\%$	5
R_j = [70% - 84%]	4
R_j = [69% - 55%]	3
R_j = [54% - 30%]	2

где R_j – число правильных ответов обучавшегося [8].

Результаты исследования и обсуждение

Для проверки результативности и эффективности применяемой педагогической технологии были проанализированы журналы регистрации посещаемости и успеваемости обучавшихся на курсах ФДО за последние четыре года, обработанные данные приведены в таблице 2.

В таблицу не вошли данные по группам "Г" и "Е", ввиду их архивирования.

В каждой ячейке показатель в процентах за "входное тестирование" рассчитан исходя из числа поступивших на курсы в начале учебного года, а "средний балл за текущий контроль" и "оценки за итоговый тест" – исходя из числа закончивших курс, без учета отчисленных. Сохранение контингента обучающихся – одна из важнейших задач, стоящих перед преподавателями и сотрудниками ФДО.

В 2021-2022 г. в контрольной группе обучающихся "Д", где преподавание предмета "Органическая химия" осуществлялось по традиционной педагогической технологии, из 12 слушателей зачисленных на 1-й год обучения выразили желание продолжить обучение на 2-й год 5 человек (менее 50%), в то время как в экспериментальной группе "В" продолжили обучение 100% обучавшихся.

По данным таблицы 2 составлены диаграммы 1 и 2, наглядно представляющие годовую динамику достижений обучающихся.

В диаграмме 1 прослеживается четко выраженная динамика возрастания оценки "удовлетворительно" до 52%. Кроме того, ежегодно отмечается, что оценки за входной тест выше, чем средний балл за текущий контроль в течение учебного года. Это обусловлено тем, что первое тестирование базовых знаний проводится по программе средней общеобразовательной школы, а последующие тестирования в учебном году проверяют формирование углубленных знаний по предмету, приобретаемых на курсах.

Сравнение результатов таблицы 2 и данных диаграмм 1, 2 показывает закономерное повышение оценок обучающихся на момент завершения курса, в частности, в группе "А" оценки повысили 9 обучающихся (52,9%), среди них на 1 и 2 балла – по 4 человека, и на 3 балла – 1 человек. В то же время, в этой же группе отмечено снижение оценки на 1 балл у 2 человек (11,8%). В группе "Б" повышение оценки зафиксировано у 10 обучающихся (55,6%), из них на

Таблица 2 – **Результаты входного, текущего и итогового контроля структуры знаний обучающихся по предмету "Органическая химия" за 2018-2022 г.**

Год обучения (шифр группы)		2019 /2020 (группа «А»)	2020 /2021 (группа «Б»)	2021 /2022 (группа «В»)	Средне-арифметическое значение групп «А», «Б», «В»	2021/2022 (контрольная группа «Д»)
Прием обучающихся / отчисление в группе		19 / 2	21 / 3	14 / -	18 / 2	12 / 7
Оценки за входной тест (%)	отл	21,05	-	14,3	11,1	17,2
	хор	21,05	28,6	42,9	29,6	20,0
	удов	29,4	52,4	7,1	31,5	38,2
	неудов	35,3	19,0	35,7	27,8	24,6
Средний балл за текущий контроль в течении учебного года (%)	> 4,0	-	16,7	35,7	16,3	14,1
	от 3,5 до 4,0	41,2	33,3	28,6	34,7	29,7
	от 2,9 до 3,4	35,3	22,2	7,1	22,4	25,7
	от 2,0 до 2,8	23,5	27,8	28,6	26,5	30,5
Оценки за итоговый тест (%)	отл	41,2	27,8	42,9	36,7	24,3
	хор	35,3	27,8	21,4	28,6	26,8
	удов	23,5	38,9	7,1	24,5	33,3
	неудов	-	5,6	28,6	10,2	15,6

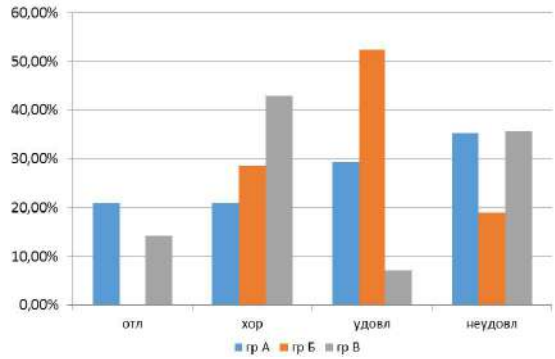


Диаграмма 1 – **Распределение оценок в группах за "Входной тест"**

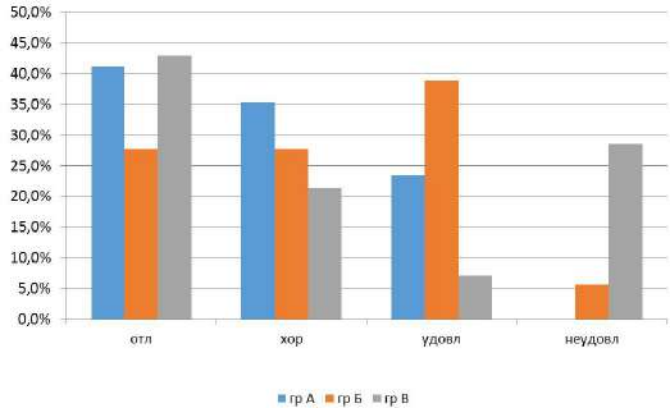


Диаграмма 2 – **Распределение оценок в группах за "Итоговый тест"**

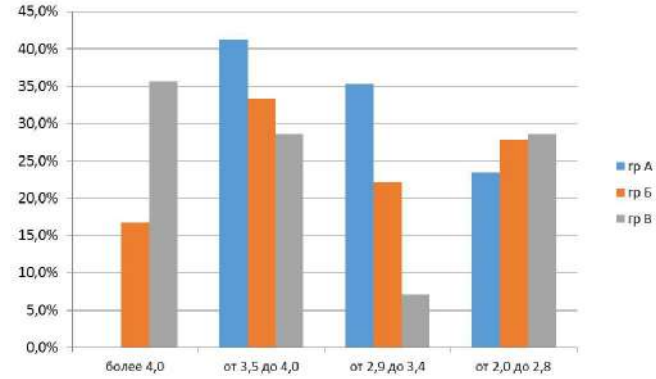


Диаграмма 3 – **Распределение "средних баллов" обучавшихся в группах "А", "Б" и "В".**

1 балл у 9 человек, и у 1 человека на 2 балла, снижения оценок не было. В группе "В" 7 обучающихся (50%) повысили оценку, – 6 человек на 1 балл, 1 человек на 2 балла, и снижение наблюдалось у 1 человека на 1 балл (7,1%). Снижение оценок, по мнению преподавателей, основанном на наблюдении за группой в целом и пристальнее за такими обучающимся, может быть объяснено снижением интереса к предмету "Органическая химия" и в целом к дисциплине "Химия", что в большинстве случаев, приводит к смене всех профильных предметов и выбору другой профессии.

Однако, в нашем исследовании группой преподавателей-экспертов с более чем 15-летним опытом преподавания на подготовительных курсах ИГМА, приоритетное значение отдано показателю "Средний балл за текущий контроль в течение учебного года" (далее "средний балл") как наиболее эффективному и стабильному показателю индивидуальных достижений обучающегося. При расчетах "среднего балла" были учтены все оценки, – от 7 (минимальное количество контрольных работ согласно учебно-календарного плана), до 14 и более (выполнение дополнительных заданий или исправление неудовлетворительных оценок) как среднее арифметическое без учета оценок за входной и итоговый тест.

По данным таблицы 2 была составлена диаграмма 3 распределения "средних баллов" в порядке их увеличения для трех групп обучавшихся.

При сравнении данных диаграммы 3 можно сделать предположение, что самые низкие показатели в группе "А", а самые высокие – в группе "В", группа "Б" занимает промежуточное значение по данному критерию. Для проверки был выбран непараметрический U-критерий Манна-Уитни, эффективность которого для несвязанных малых групп, которые не пересекаются, уже признана психологами, социологами и педагогами [19]. Полученные данные представлены в таблице 3.

Опираясь на вычисления и следуя логике, предполагаем, что "средний балл" групп "А" и "В" тоже значительно отличаются.

По мнению преподавателей-экспертов, значительные успехи обучающихся в группе "В" обусловлены ее наименьшим составом, что дает преподавателю возможность реализации индивидуального подхода к обучающимся в удобном для них ритме и оптимальной частотой повтора материала.

По данным, представленным в таблице 2 "Среднеарифметическое значение среднего балла за текущий контроль в течение учебного года" была составлена диаграмма 4.

При анализе диаграмы 4 выявлено, что самый распространенный средный балл за учебный год от 3,5 до 4,0, что показывает стабильный результат применения представленной педагогической технологии во всех экспериментальных группах обучающихся.

Таблица 3 – **Результаты сравнительного анализа успешности нескольких групп обучающихся по авторской технологии.**

Значения			
n – число обучающихся в группе	$n_А = 17$	$n_Б = 18$	$n_В = 14$
Tmax (максимальная ранговая сумма)	$T_Б$ max ($n_А$, $n_Б$) = 335,5	$T_Б$ max ($n_В$, $n_Б$) = 270,5	
$U_{эмпир}$ (эмпирическое значение критерия Манна-Уитни)	$U_{эмпир}$ ($n_А$, $n_Б$) = 141,5	$U_{эмпир}$ ($n_В$, $n_Б$) = 71,5	
P (уровень статистической значимости)	0,05	0,05	
$U_{крит}$ (0,05) (критическое значение критерия Манна-Уитни)	$U_{критич}$ ($n_А$, $n_Б$) = 93	$U_{критич}$ ($n_В$, $n_Б$) = 74	
Сравнение $U_{критич}$ и $U_{эмпирич}$	$U_{эмпир} > U_{крит}$, следовательно, «средние баллы» в группах «А» и «Б» различаются незначительно	$U_{эмпир} < U_{крит}$, следовательно, «средний балл» в группе «В» действительно выше, чем в группе «Б»	

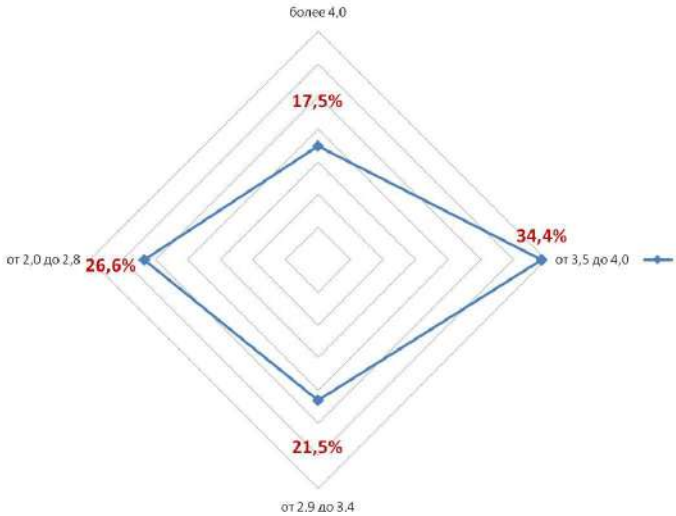


Диаграмма 4 – **Значения "средних баллов" в экспериментальных группах обучавшихся**

Достижения совместной работы преподавателя и обучающихся с применением представленной педагогической технологии и включенных в нее авторских приемов, – экспериментальные группы "А", "Б", "Е", в сравнении с результатами контрольной группы "Г" представлены в таблице 4.

В таблицу 4 не включены: персональные данные результатов ЕГЭ обучавшихся в экспериментальной группе "Е" за 2018/2019 г., ввиду их архивирования. Группы "В" экспериментальная и "Д" контрольная не сдавали ЕГЭ, так как продолжают обучение на подготовительных курсах ФДО ИГМА.

Из данных, приведенных в таблице 4, можно заключить, что от 58,81% до 66,65% обучавшихся по представленной педагогической технологии показали результаты ЕГЭ по химии выше среднего, набрав 55 и более баллов из 100 возможных, как следствие, высокий процент поступления выпускников ФДО в вузы медико-биологического профиля – до 94,4%, и в первую очередь в ИГМА – до 82,4%, в сравнении с группой "Г", обучавшейся по традиционной педагогической технологии, итоговые результаты которой намного ниже.

Заключение

1) Основное противоречие при подготовке обучающихся по дисциплине "Химия", – недостаточная адаптированность реализуемых программ к поступлению в вузы медико-биологического профиля, что в дальнейшем сказывается на успешности студентов по этой и другим смежным дисциплинам. Это противоречие, а также многолетний опыт преподавания дисциплины на подготовительных курсах ИГМА, мониторинг успешности обучающихся на этапах "школа – ФДО – вуз" послужили предпосылкой разработки представленной педагогической технологии.

Таблица 4 – **Баллы ЕГЭ по химии выпускников ФДО и результаты зачисления их в вузы медико-биологического профиля**

учебный год (группа)	число обучавшихся в группе	Балл ЕГЭ в сертификате обучавшегося						поступили в профильные вузы (%)	в том числе в ИГМА (%)
		высокие и средние (%)			Сумма средних и высоких баллов	низкие (%)			
		более 85	от 70 до 84	от 69 до55		от 54 до 45	менее 45		
2018/ 2019 «Е»	17	-	-	-	-	-	-	**82,4**	58,8
2019/ 2020 «А»	17	11,76	35,29	11,76	**58,81**	23,53	0	**94,1**	82,4
2020/ 2021 «Б»	18	16,66	5,55	44,44	**66,65**	5,55	0	**94,4**	72,2
Средние значения в эксперимент. группах		14,13	20,42	28,1	**62,73**	14,54	0	**90,3**	71,1
2019/ 2020 «Г»	18	8,7	12,5	30,5	**51,7**	37,3	11,0	**40,0**	32,0

2) Авторские приемы обучения и контроля в совокупности с традиционными позволяют осуществлять индивидуальный подход, а также непрерывное наблюдение за качеством подготовки обучающихся.

3) Результативность разработанной педагогической технологии заключается в ее прикладном значении, позволяющем эффективно подготовить обучающихся к сдаче ЕГЭ по дисциплине "Химия", что в свою очередь способствует поступлению в вузы медико-биологического профиля, а также успешной адаптации к обучению в вузе.

Кроме количественных показателей сформированной структуры знаний у обучавшихся по представленной методике, можно отметить и совершенствование их воспитательной и психологической составляющих, а именно:

– повышение мотивации к изучению предмета "Органическая химия" за счет авторских техник;

– подготовка обучающихся к получению высшего профессионального образования. Во время занятий обсуждаются проблемы адаптации студентов 1, 2-го курсов к обучению в медицинских, биологических и других вузах и способы их решения;

– создание комфортной психологической обстановки для каждого обучающегося в группе, например, преодоление "страха публичного выступления", "страха выхода к доске". За работу у доски оценки не выставляются, но инициатива обязательно поощряется устно;

– формирование новых коммуникаций внутри и между группами обучающихся. Для этого во внеучебное время проводятся неформальные встречи, на которых все могут рассказать о своих достижениях, хобби, увлечениях и талантах;

– воспитание гражданской ответственности, – традиционно выпускники ФДО, успешно сдавшие ЕГЭ и зачисленные на 1 курс ИГМА, назначаются ректором академии старостами групп, потоков, курсов на лечебном, педиатрическом и стоматологических факультетах.

Литература:

1. Артеменко А.И. Органическая химия: Теорет. основы: Углубл. курс: учеб. пособие для общеобразоват. учреждений с углубл. изучением предмета / А.И. Артеменко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Просвещение, 2001. – 384 с.
2. Белова Л.В. Современные образовательные технологии и их применение на уроках химии. URL: https://gigabaza.ru/doc/75256.html (дата обращения 10.11.2022)
3. Ботникова Е.А., Галиахметова Н.П., Ермакова М.К. Психолого-физиологические основы стресса и особенности стрессоустойчивости первокурсников медицинского вуза / Е.А. Ботникова, Н.П. Галиахметова: сборник тезисов докладов. – Керчь, 2021. – 470-473С.
4. Видео опыты. Органическая химия / Режим доступа: https://chemege.ru/video-org/
5. Глушкова Т.Г., Шумихина Г.В., Титова И.В., Корепанова Ю.Б., Осетрова А.Ю. Из опыта преемственности Школа-вуз / Т.Г. Глушкова // Морфология. - 2019. – Т. 155. – №2 – С. 162.
6. Доронькин В.Н., Бережная А.Г., Февралева В.А. Химия. Подготовка к ЕГЭ-2022. 30 тренировочных вариантов по демоверсии 2022 года: учебно-методическое пособие / под ред. В.Н. Доронькина. – Ростов н/Д. : Легион, 2021. – 624 с.
7. ЕГЭ 2022. Химия. Типовые экзаменационные варианты. 30 вариантов / А. А. Каверина [и др.]; под ред. Д. Ю. Добротин: Национальное образование, 2022. – 368 с.
8. Комкова О.Г. Мониторинг формирования структуры знаний обучаемых в системе "школа – факультет довузовского образования – вуз": дис. …канд. пед. наук: 13.00.01 / Комкова Ольга Геннадьевна; науч. рук. В.С. Черепанов; УдГУ. – Ижевск, 2007. – 146 с.
9. Комкова О.Г. Рабочая программа по органической химии: учеб. программа для слушателей ФДО ИГМА. – Ижевск: ИГМА, 2007. – 24 с.
10. Комкова О.Г. Структурирование как метод повышения качества формирования знаний студентов / О.Г. Комкова, Т.А. Снигирева // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2010. – Т. 6. – № 10. – С. 104-110.
11. Комкова О.Г., Трофимова С.Р. Тесты для диагностики структуры знаний по органической химии: учеб.-метод. пособ. для слушателей ФДО ИГМА. – Ижевск: Экспертиза, 2007. – 179 с.
12. Коровяков А.П., Комкова О.Г. Органическая химия в цепочках: учеб.-метод. руководство для старшеклассников, абитуриентов и слушателей ФДП. – Ижевск: Экспертиза, 2004. – 352 с.
13. Назимова Л.Г. Методическое пособие "Современные педагогипческие технологии на уроках химии" URL: https://infourok.ru/sovremennye-pedagogicheskie-tehnologii-na-urokah-himii-4148643.html (дата обращения 09.11.2022).
14. Николайчук Л. Н. Современные образовательные технологии и их bспользование в преподавании химии. URL: https://videouroki.net/razrabotki/sovriemiennyie-obrazovatiel-nyie-tiekhnologhii-i-ikh-ispol-zovaniie-v-priepodava.html (дата обращения 10.11.2022)
15. Пименова Г.М. "Использование педагогических технологий при изучении раздела "Органическая химия"". URL: https://infourok.ru/ispolzovanie-pedagogicheskih-tehnologiy-pri-izuchenii-razdela-organicheskaya-himiya-2889774.html (дата обращения 09.11.2022).
16. Попков В.А., Пузаков С.А. Программа по химии для вступительных испытаний в медицинские вузы / В.А. Попков, С.А. Пузаков. – М.: ММА им. И.М. Сеченова, 1995.
17. Попков В.А., Пузаков С.А. Программа для специализированных медицинских классов, работающих в комплексе с медицинскими вузами (10 – 11 классы) / В.А. Попков, С.А. Пузаков. – М.: ММА им. И.М. Сеченова, 1997.

18. Репетитор по химии / А.С. Егоров [и др.]. / под ред. А. С. Егорова. – Изд. 64-е. – Ростов н/Д. : Феникс, 2021. – 762, [1] с. : ил. – (Абитуриент).
19. Сидоренко Е.В., Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2002. – 350 с, ил.
20. Социально-психологические условия современной образовательной деятельности: конспекты лекций / Т.Ю. Помыткина, Н.В. Шишлина, Н.П. Галиахметова [и др.]; под общей ред. Т.Ю. Помыткиной. – Ижевск, 2018. – 104с.
21. Химия. 10 класс. Профильный уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений / О.С. Габриелян, Ф.Н. Маскаев, С.Ю. Пономарев, В.И. Теренин; под ред. В.И. Теренина. – 10-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2009. – 318 [2] с. : ил.
22. www.igma.ru

THE METHODICAL PRINCIPLE OF FIELD SYSTEMATIZATION OF POLYSEMANTIC VOCABULARY WHILE TEACHING CHINESE STUDENTS (USING THE EXAMPLE OF LEXICAL-SEMANTIC FIELD "MUSIC")

Konnova Anastasiia Lvovna, *Postgraduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg*

The purpose of the study *is to supplement the existing methodological principles of teaching foreign students vocabulary, taking into account the peculiarities of the introduction of polysemous words in the content of teaching Russian as a foreign language, as well as a field approach in teaching vocabulary.* ***The scientific novelty*** *of the research consists in a comprehensive analysis of the generally accepted methodological principles of teaching vocabulary through the prism of a field approach.* ***As a result,*** *it seems appropriate to introduce the principle of accounting for the field organization of vocabulary, as well as compliance with the conditions necessary for its implementation (presented in the article).*

Keywords: *Russian as a foreign language; methodological principles; lexico-semantic fields; a field approach to the organization of vocabulary; polysemantic vocabulary; polysemia; intercultural communication.*

EDN: CDSMRF **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.49**

УДК 372.881.161.1
ВАК РФ 5.8.2

ПРИНЦИП УЧЁТА ПОЛЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МАТЕРИАЛА ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ МНОГОЗНАЧНОЙ ЛЕКСИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ "МУЗЫКА")

© Коннова А.Л., 2023

Цель исследования *– дополнить существующие методические принципы обучения иностранных студентов лексике, учитывая особенности введения многозначных слов в содержании обучения русскому языку как иностранному, а также полевой подход в обучении лексике.* ***Научная новизна*** *состоит в комплексном анализе общепринятых методических принципов обучения лексики через призму полевого подхода.* ***В результате*** *представляется целесообразным введение принципа учёта полевой организации лексики, а также соблюдение условий, необходимых для его реализации (представлены в статье).*

Ключевые слова: *русский язык как иностранный; методические принципы; лексико-семантические поля; полевой подход к организации лексики; многозначные слова; полисемия; межкультурная коммуникация.*

КОННОВА Анастасия Львовна, *аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена повышенным вниманием методистов к полевому подходу к организации лексики, что значительно упрощает введение лексических единиц и их актуализацию. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность дополнения и усовершенствования существующих разработанных методических принципов в связи с учётом полевого подхода.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, рассмотреть существующие методические принципы обучения лексике; во-вторых, обосновать необходимость дополнения новым принципом, выявив его особенности; в-третьих, сформулировать условия, необходимые для реализации принципа полевой организации лексики.

В работе были применены следующие *методы исследования*: методы лексикографического, семантического и ассоциативного ана-

лиза лексики, сопоставительный метод, элементы концептуального анализа, аналитический метод.

Теоретической базой исследования послужили публикации Российских и зарубежных авторов, в которых рассматриваются особенности введения многозначной лексики в содержании обучения русскому языку как иностранному, а также полевой подход (Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, А.К. Бирих, Г.М. Васильева, В.В. Виноградов, И.Л. Гарбар, П.Н. Денисов, В.П. Жуков, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, Н.М. Шанский и др.).

Практическая значимость работы определяется возможностью использования проанализированного материала при подготовке к проведению занятий по русскому языку как иностранному в китайской аудитории.

Основная часть

Согласно устоявшемуся мнению, методические принципы лежат в основе преподавания и представляют собой положения, не требующие доказательств, но являющиеся отправной точкой учебного процесса. Как правило, методические принципы формируются исходя из конкретного выбранного направления и соответствующих подходов, следовательно, для каждой образовательной модели могут быть сформированы отдельные принципы, которые способствуют наиболее эффективному изучению языка и культуры [16; 34].

В нашей работе, направленной на обучение многозначной лексике, считаем актуальным опираться на разработанные методистами принципы обучения лексике (в первую очередь на принцип рационального ограничения словарного минимума; принцип учета языковых свойств и дидактико-психологических особенностей лексических единиц; принцип единства обучения лексике и речевой деятельности; принцип системообразующей роли лексики в обучении иностранным языкам; принцип сознательности, включающий в себя рефлексию и пр.). Данные принципы считаем целесообразным дополнить принципом учета полевой организации лексики.

Полевая организация лексики позволяет учесть в содержании обучения многозначной лексике следующие аспекты:

– сопряженность корпуса лексических единиц с важнейшими, многоаспектными сферами бытия и установление их непосредственной связи с реальной сферой человеческой жизни, вербализованной в конкретном лексико-семантическом поле;

– системность, регулярность связей между единицами поля (семантических, синтагматических, парадигматических), коррелирующих с отношениями и связями, существующими в реальном мире и в языковом сознании человека, что позволяет объективизировать развитие семантического объема слова и возникновение вторичных значений;

– связь лексико-семантического поля с другими лексическими объединениями (например, с ассоциативно-вербальными полями), расширяющими спектр знаний, стоящих за его вербальными репрезентантами и раскодирующими для иностранных студентов ментальные механизмы семантических переносов;

– связь различных лексико-семантических полей, позволяющая учитывать в процессе обучения лексической полисемии возможность слова выходить за пределы конкретной сферы и "покрывать" своим содержанием различные сферы действительности.

Для реализации принципа учета полевой организации лексики необходимо соблюдение следующих условий (в качестве примера в данной работе будет использовано лексико-семантическое поле "музыка"):

1. Осуществление семантизации первичного значения с опорой на полевую организацию лексики. Исследования методистов показывают, что не все значения слов однородны или однотипны, кроме того, отмечаются качественные различия в структуре разных видов лексических значений [8:24]. Так, первичное значение имени существительного всегда является "прямым", определяя какой-либо конкретный предмет или явление. Смысловая структура глагола гораздо шире, поэтому круг его значений оказывается подвижнее. Значительная часть глаголов является многозначной, причём значения выходят далеко за пределы определённого лексико-семантического поля, что демонстрирует явление межполевой полисемии. Например, глагол играть: согласно данным Толкового словаря русского языка, глагол имеет восемь значений, два из которых относятся к лексико-семантическому полю "Музыка" " ("3. Исполнять музыкальное произведение", "7. Звучать"), два значения относятся к ЛСП "Игра" ("1. Резвясь, развлекаться, забавляться чем-нибудь", "2. Проводить время в игре"), одно значение включено в ЛСП "Театр" ("4. Исполнять сценическую роль") и одно – в ЛСП "Отношения" ("5. Обращаться с кем-либо легкомысленно"), кроме этого в словаре представлены ещё два переносных значения "6. О чувствах, состоянии: проявляться, обнаружи-

вать себя каким-либо образом", "8. Существовать, проявляясь силой, ярко, в движении", которые невозможно отнести к какому-то отдельному лексико-семантическому полю [21]. В содержании обучения иностранному языку межполевая полисемия представляет определённые сложности для преподавателя. Очевидно то, что в процессе введения подобных лексических единиц, условно первичным значением оказывается то значение, которое является наиболее актуальным при изучении текущей лексической темы, или, иными словами, входит в актуальное лексико-семантическое поле, с которым осуществляется работа. В ходе занятия необходимо отметить, что данная лексема является многозначной, однако параллельное введение сразу нескольких значений не является целесообразным.

2. Учёт иерархичности значений слова. Общеизвестно, что значения многозначного слова представлены в словарях упорядоченно, и представляется целесообразным считать первое представленное значение слова главным, основным или первичным. Очевидно и то, что значения, возникшие путём переносов (метафора, метонимия, синекдоха) подаются после прямых. Но особый интерес представляет тот факт, что некоторые исследователи отмечают возможность наличия сразу нескольких непереносных значений у одного слова [30]. Глагол играть, значения которого рассматриваются выше, демонстрирует данное явление. В таком случае оказываются необходимыми критерии отбора первичного значения слова. Так, Е.В. Урысон предлагает два принципа упорядочивания значений многозначного слова. Первый принцип предполагает "иерархизацию значений в соответствии с направлением семантической деривации" [30, 47]. Второй принцип предполагает иерархизацию значений по ряду параметров, связанных с частотой употребительности: широта сочетаемости, стилистическая нейтральность, полнота грамматической парадигмы".

В содержании обучения русскому языку предполагается введение вторичных значений уже на продвинутом этапе обучения. Однако слово во вторичном значении может встретиться и на начальном этапе. В таком случае, целесообразно отметить в ходе урока, что данное значение не является основным. Введение основного значения в ходе того же занятия не является обязательным. Введение переносных значений в иноязычной (в нашем случае, китайской) аудитории осложняется тем, что студенты испытывают трудности в определении типа переноса, следовательно, связи между значениями одного слова в сознании обучающихся не формируются должным образом, что усложняет процесс запоминания значений.

3. Определение характера переноса значения. Исследователи отмечают то, что некоторые типы метонимических отношений характеризуются определённой продуктивностью и регулярностью, например: "вместилище" – "содержимое", "название целого" – "название части", "место" – "предмет, человек, действие имеющие отношение к этому месту" [5]. В связи с регулярностью использования подобных типов переноса представляется целесообразным их введение в содержание обучения иностранному языку. Считается, что одним из наиболее продуктивных типов переноса в тематической группе "Названия предметов искусства" является синекдоха (напр. модель переноса "тип голоса" – "певец с таким голосом": бас, сопрано и пр.). В содержании обучения русскому языку необходимо учитывать модели переноса при введении соответствующей лексики [4].

Метафорические переносы не характеризуются подобной упорядоченностью, которую удаётся проследить в метонимических переносах, более того, мнение о "немотивированности" и "нелогичности" метафоры широко распространено как в отечественных исследованиях, так и за рубежом (Н.Д Арутюнова, В.Н. Телия, Ш. Балли).

4. Подключение дифференцирующей синтагматики. Общеизвестно, что проблема лексической сочетаемости является одной из центральных проблем лингводидактики, которую невозможно обойти при поиске наиболее интенсивных методов обучения русскому языку как иностранному [10, 62]. Знание механизмов сочетаемости слов является одним из условий правильной и грамотной речи [29]. Особую сложность для иностранцев представляет ограничение лексической сочетаемости у некоторых слов. Данное явление объясняется употреблением той или иной лексемы в отдельном её значении. Именно по этой причине при введении многозначной лексики необходимо учитывать дифференцирующую синтагматику. В качестве примера рассмотрим многозначную лексему певец. Согласно Толковому словарю русского языка у данной лексемы есть три значения: 1. Человек, который умеет петь, а также вообще тот, кто поёт (в т. ч. птицы). 2. Артист-вокалист. 3. Человек, который воспевает кого-либо или что-либо [21].

Таким образом, сочетания оперный певец, эстрадный певец, известный певец и пр. возможны только при употреблении лексемы во втором значении, сочетания певец свободы, певец природы, певец любви относятся только к третьему значению (которое может вызвать наибольшую сложность для иностранных студентов, поскольку является переносным, о чём свидетельствует соответствующая ограничительная помета в толковых словарях). Первое значение представляется наиболее "широким" по значению, поскольку может относиться не только к любому человеку, умеющему петь, но также к любому поющему существу (напр. лесные певцы – о птицах). Несмотря на это, наиболее употребимым является именно второе значение, о чём свидетельствуют данные РАС, где из 104 реакций на стимул певец, около 50 относятся именно к нему (напр. популярный (4), оперный (3), эстрадный (4), артист (3), исполнитель (2) и др.).

5. Учёт дифференцирующего словообразовательного потенциала. Словообразование занимает одно из важнейших мест в курсе обучения иностранным языкам [20]. Изучение словообразовательных моделей в курсе русского языка как иностранного представляет значительные трудности как для преподавателей, так и для обучающихся. При работе с многозначными словами особого внимания требует тот факт, что часто в зависимости от значения слова меняются возможные модели словообразования. В качестве примера приведём лексему голос и рассмотрим два из шести значений: "1. Совокупность звуков, возникающих в результате колебания голосовых связок", "5. Право заявлять своё мнение при решении государственных, общественных вопросов, а также само такое выраженное мнение". Такие формы слова, как голосок, голосище, голосина, возможны только при употреблении лексемы в первом (основном) значении. Прилагательное голосистый также образовано от первого значения лексемы. А такие глаголы как голосовать и проголосовать, а также существительное голосование образованы от пятого значения лексемы голос (важно отметить, что данное значение лексемы находится далеко за пределами лексико-семантического поля музыка). Следовательно, целесообразно обращать внимание обучающихся на словообразовательный потенциал лексемы в отдельном значении, подчёркивая невозможность использования тех же словообразовательных моделей с остальными значениями лексемы. Такой подход способствует лучшему пониманию устной и письменной речи.

6. Подключение контекста употребления, в том числе идиоматического. Общеизвестно, что семантизация лексемы через контекст является одним из наиболее продуктивных способов семантизации лексики. Однако использование данного способа на начальном этапе обучения может быть неэффективным и затратным по времени. Вне зависимости от этапа обучения любая лексика должна вводиться в содержание обучения в контексте, что способствует лучшему запоминанию словосочетаний и особенности сочетаемости слов в целом. Контекст представляет особую важность при работе с многозначной лексикой. Ряд исследователей подчёркивают особую значимость устойчивых сочетаний в изучении иноязычной культуры (В.П. Жуков, В.Н. Телия, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, В.М. Мокиенко, А.В. Кунин, В.А. Маслова и др.) Именно устойчивые сочетания различного рода фиксируют национально-маркированное осознание человеком окружающей его действительности [35, 110]. Идиоматические единицы отражают особенности отношения к какому-либо явлению в определённой культуре, а также содержат важную информацию о культуре в целом. Поэтому в рамках изучения любой из лексических тем необходимо уделять внимание устойчивым сочетаниям. Особого внимания требуют те устойчивые сочетания, в состав которых входит многозначная лексика. У иностранных студентов, изучающих русский язык, могут возникнуть затруднения как с определением непосредственного значения многозначной лексемы в составе устойчивого сочетания, так и с пониманием устойчивого сочетания вообще, поскольку часто устойчивые сочетания, содержащие смысловой компонент определённого лексико-семантического поля, имеют значение, выходящее далеко за пределы этого лексико-семантического поля (напр., песенка спета, долгая песня и пр.).

7.Учёт ассоциативного потенциала. Известно, что ассоциативно-вербальные поля служат "зеркалом" ментально-эмоционального состояния языка его носителя. Именно ассоциации, объединяющиеся в поле, открывают путь за пределы лексикографически зафиксированной лексики и позволяют проникнуть в языковое сознание носителей языка (Караулов). Определённые подходы к классификации ассоциатов (реакций на стимулы), основанные на работах психологов и философов (А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюк и др.), по-

зволяют выявить не только формальные связи между вербальными средствами представления психических образов, но и их содержание [9]. Кроме того, многие исследователи проводят связь между ассоциативным значением и коммуникативным потенциалом слова. По этим и многим другим причинам, учёт ассоциативного потенциала лексики, в том числе многозначной, представляется особенно актуальным в содержании обучения иностранному языку. В процессе работы с ассоциативными полями необходимо обращать внимание на многозначность стимула, причём вне зависимости от того, является ли работа с многозначной лексикой непосредственной целью. Это обусловливается тем, что по подсчётам исследователей, по меньшей мере 80% слов русского языка являются многозначными [11]. Так, многие исследователи приходят к выводу о том, что абсолютно однозначные слова встречаются настолько редко, что оказываются скорее исключением, нежели правилом [22]. В качестве материала для исследования ассоциативного потенциала были использованы словарные статьи Русского ассоциативного словаря под ред. Ю.Н. Караулова (РАС). На стимул играть в РАС представлено 549 реакций. Данные ассоциативных словарей помогают судить о том, как отражается то или иное явление в сознании носителей языка, какие векторы ассоциирования наиболее типичны для носителей языка и насколько они заполнены реакциями. По данным РАС очевидно, что в сознании носителей русского языка, глагол играть, в первую очередь, вызывает реакции, связанные с какой-либо игрой (детской или спортивной), то есть, относятся к значениям "резвиться, развлекаться" и "проводить время в игре". Реакции, относящиеся к данным значениям лексемы, представлены очень широко (более 30 реакций), а некоторые из реакций были воспроизведены большим количеством испытуемых), например, играть в прятки – 48 реакций. К ассоциативно-вербальному полю музыка относятся более 20 различных реакций, многие из которых воспроизводились сразу несколькими участниками эксперимента, что также свидетельствует о том, что данное значение лексемы является широко употребимым носителями языка.

8.Подключение фоновых знаний, позволяющих объективизировать развитие семантики многозначного слова в рамках данного поля, либо за его пределами. Понятие культурной коннотации представляется принципиально важным для лингвокультурологии [27]. Под коннотацией подразумевается вся совокупность информации, выражающей отношение говорящего (или слушающего) к объекту. Исследователи отмечают, что коннотация апеллирует к опыту человека, который возник под воздействием воспитания в конкретной культуре (Верещагин, Костомаров). Многозначные слова в своих переносных значениях являются характерным примером отражения тех изменений, которые происходят в мире и в сознании носителей языка. Ввиду этого, и ряд зарубежных и отечественных исследователей справедливо считают, что при обучении многозначной лексике следует уделять особое внимание культурной коннотации [5; 33, 67]. Поэтому при обучении многозначной лексике (в особенности переносных значений), по мнению методистов, целесообразно следовать следующим шагам: пояснение основного значения, анализ культурной коннотации, проведение семантического сопоставления понятия в родном и изучаемом языках. В работах В.Н. Телии особым образом подчёркивается необходимость исследования фразеологизмов, поскольку именно фразеологизмы воспроизводят "характерологические черты менталитета" [27]. Фразеологические единицы вызывают наибольшие затруднения в понимании у иностранцев. Однако кроме учёта особенностей фразеологических единиц в изучаемом языке (русском), представляется целесообразным рассмотреть фразеологические единицы родного языка обучающегося. Особый интерес в методических целях представляют те сочетания, которые имеют полный или частичный эквивалент в родном и изучаемом языках. Например, ср. В один голос и 异口同声 yì kǒu tóng shēng (досл. "Разные рты, одинаковые звуки") или – 众口一词 zhòng kǒu yī cí (досл. "Множество ртов – одно слово").

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим *выводам.*

Поскольку полевая организация лексики позволяет устанавливать непосредственную связь между лексическими единицами и реальными сферами жизни, позволяет объективизировать развитие семантического объёма слова и возникновение вторичных значений, расширяет спектр знаний, что позволяет раскодировать ментальные механизмы семантических переносов, а также с помощью связей лексико-семантических полей, которые демонстрируют возможность одной лексической единицы выходить за пределы конкретной

сферы и покрывать своим содержанием различные сферы действительности, необходим учёт полевой организации лексики в содержании обучения русскому языку как иностранному. Однако для успешной реализации выделенного принципа учёта полевой организации лексики необходим учёт следующих условий:

1. Осуществление семантизации первичного значения с опорой на полевую организацию лексики.

2. Учёт иерархичности значений слова.

3. Определение характера переноса значения.

4. Подключение дифференцирующей синтагматики.

5. Учёт дифференцирующего словообразовательного потенциала

6. Подключение контекста употребления, в том числе идиоматического.

7. Учёт ассоциативного потенциала.

8.Подключение фоновых знаний, позволяющих объективизировать развитие семантики многозначного слова в рамках данного поля, либо за его пределами.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в разработке методических рекомендаций, направленных на учёт принципа учёта полевой организации лексики на уровне подготовки к занятиям, а также в разработке комплекса лексических упражнений на введение многозначной лексики с учётом выделенного поля.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. – М., 1988.
2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М., 1979.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
4. Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. д-ра филол. наук, проф. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель; АСТ; Люкс, 2005.
5. Васильева Г.М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания. – СПб.: Сударыня, 2001.
6. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – №5. – С. 5-19.
7. Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. – М., 1960. – № 5. – С. 3-17.
8. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3-30.
9. Гарбар И.Л. Экспериментальное исследование языкового сознания: методология анализа ассоциативных полей // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – №2. – С.43-46.
10. Головина Л.В. Взаимозависимость лексической и грамматической сочетаемости слов Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2019. – № 5(27). – С. 60-63.
11. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. – М.: Русский язык, 1993.
12. Жуков В. П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986.
13. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.; 2-е изд-е, доп. / предисловие А.В. Жукова. – М.: Ленанд, 2019.
14. Зинченко В.П. Человек развивающийся: очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. – М.: Тривола, 1994.
15. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – №1. – С. 57-68.
16. Крупецких И.Р. Принципы формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранным языкам (начальный этап обучения) // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: сб. ст. IV Международной конференции. – 2019. – Т. 4.
17. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.
18. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд. – М.: Академия, 2004.
19. Мокиенко В.М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания. – 1973. – №2. – С. 21-34.
20. Мурясов Р.З. Текст и словообразование. Словообразование и его место в курсе обучения иностранным языкам / Р.З. Мурясов. – Владивосток, 1977.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
22. Ольховская А.И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии. – М.: ФЛИНТА, 2015.
23. Русский ассоциативный словарь. Книги 1-5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Поморский и партнеры, 1994.
24. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / изд. подгот. Р.С. Гинзбург, С.С. Хидекель, А.А. Санкин, О.А. Смирницкая; под общ. ред. проф. О.С. Ахмановой. – М.: Высш. школа, 1970.
25. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1985.
26. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
27. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
28. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М., 1981.
29. Турумова Т.Х. К вопросу о лексической сочетаемости / Т.Х. Турумова, Г. А. Тангрибергенова // Молодой ученый. – 2016. – № 6(110).

30. Урысон Е.В. Иерархия значений многозначного слова: к постановке проблемы // Русский язык в научном освещении. – 2019. – №1. – С. 46-58.
31. Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.
32. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). – СПб.: Златоуст, 2013.
33. Цзэн Тин Трёхступенчатая методика освоения многозначной лексики (на примере китайского и русского языков) // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2008. – №5. – С. 66-69.
34. Шакирова А.А., Валеева Р.А. Гуманизация обучения иностранному языку: зарубежный опыт// Образование и саморазвитие. – 2014. – №2 (40). – С. 72-75.
35. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – 5-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2002.

ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES OF THE INTERNET IN STUDYING ENGLISH

Koroukhova Ludmila Vladimirovna, *PhD in Philology, Assistant Professor, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk*

The purpose of the study *is to form a system of orienting knowledge about modern electronic educational resources in the study of foreign languages.* ***The scientific novelty*** *of the article lies in the development of the author's complex of electronic educational resources as an additional tool for teaching a foreign language.* ***As a result*** *of the study, the educational platforms of the Internet are highlighted, data are presented on their use in the educational process at the university, and the results associated with the use of the most significant electronic resources in groups of technical specialties are analyzed.*

Keywords: *foreign language; English; electronic dictionaries; language communities; electronic language platforms; educational resources.*

EDN: INNRPH **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.50**

УДК 372.881
ВАК РФ 5.8.2

ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

© Корухова Л.В., 2023

Цель исследования *– сформировать систему ориентирующих знаний о современных электронных образовательных ресурсах при изучении иностранных языков.* ***Научная новизна*** *статьи заключается в разработке авторского комплекса электронных образовательных ресурсов в качестве дополнительного инструмента при обучении иностранному языку.* ***В результате*** *исследования освещены образовательные платформы сети Интернет, представлены данные о их применении в образовательном процессе в вузе, проанализированы результаты, связанные с применением наиболее значимых электронных ресурсов в группах технических специальностей.*

Ключевые слова: *иностранный язык; английский язык; электронные словари; языковые сообщества; электронные языковые платформы; образовательные ресурсы.*

КОРУХОВА Людмила Владимировна, *кандидат филолог. наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск*

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего анализа проблемы изучения современных образовательных ресурсов сети Интернет для реализации образовательных целей при подготовке будущих специалистов. Безусловно, качество образования во многом зависит от модернизации содержания образования, которая влечет за собой использование новейших технологий и электронных ресурсов. Они позволяют ввести новые инструменты в сам процесс обучения, а также дают возможность сделать процесс изучения иностранного языка более интересным, занимательными и экстравагантным, способствуют интеллектуальному развитию обучающихся.

Исходя из цели, были определены следующие *задачи*: 1) изучить материалы об электронных образовательных ресурсах сети Интернет 2) разработать комплекс популярных учебных ресурсов (сервисы по проведению онлайн олимпиад и конкурсов, обучающие язы-

ковые платформы, электронные словари, языковые сообщества и т.д.) 3) представить данные о применении вышеупомянутых ресурсов в рамках программы "Иностранный язык" в УлГТУ для реализации образовательных целей 4) проанализировать результаты эмпирического исследования (апробация наиболее значимых электронных образовательных ресурсов в учебных группах УлГТУ).

Основные *методы исследования*: анализ данных, анкетирование, систематизация и обобщение, описание, статистический подсчет.

Теоретическую базу исследования составили работы таких исследователей, как И.А. Матвеенко [1, 2], Л.В. Надеина [1, 2], Т.В. Коротченко [2], Р.П. Мильруд [3], Н.Ю. Миронова [4], К.К. Фидарова [5], Г.Ш. Павлова [5], Е.В. Варламова [5], А.О. Бегинина [5]. Исследования данных авторов связаны с разработкой проблематики о применении Интернет технологий в обучении иностранным языкам.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования представленного в данном исследовании комплекса ресурсов в учебной деятельности обучающихся по программе "Иностранный язык".

Основная часть

Электронные образовательные ресурсы надлежит рассматривать как учебные материалы, представленные в сети Интернет для общего пользования, которые могут служить дополнительными инструментами в обучении для формирования тех или иных образовательных навыков.

Настоящая работа ориентирована на формирование комплекса электронных образовательных ресурсов, направленных на развитие языковых навыков обучающихся. Представляется перспективным выделить несколько групп: площадки проведения онлайн-олимпиад, конкурсов перевода, комплексные обучающие сайты и языковые сообщества, электронные словари.

1. Площадки проведения онлайн-олимпиад, викторин, конкурсов переводов по английскому языку

1.1 Онлайн-олимпиада УлГПУ имени И.Н. Ульянова.

Ежегодно на базе Ульяновского государственного педагогического университета проводится Всероссийская студенческая онлайн олимпиада по английскому языку, в которой активно принимают участие студенты университетов разных городов России (Ульяновск, Чебоксары, Томск, Севастополь, Саратов, Саранск, Санкт-Петербург, Самара, Пятигорск, Невинномысск, Москва, Курган, Красноярск, Краснодар, Кисловодск, Киров, Иркутск, Владивосток, Братск, Армавир). Для удобства проведения мероприятия организаторами создан специальный сайт (https://sites.google.com/view/competition-ulspu/). Олимпиада подходит как для языковых, так и неязыковых направлений подготовки. Каждый год тематика олимпиады меняется, однако языковая направленность остается прежней: контроль навыков аудирования.

1.2 Академия интеллектуального развития АИР – это образовательный портал всероссийского уровня, который проводит конкурсы для педагогов, олимпиады, викторины, творческие конкурсы, а также предоставляет возможность принять участие в конференции и опубликовать работу в СМИ или в печатном журнале. Ежегодно Академия интеллектуального развития организуют олимпиаду по английскому языку для студентов. Задания олимпиады, составленные с учетом ФГОС, включают в себя 15 вопросов. За каждый правильный ответ участникам начисляется 1 балл. По итогам выдаются дипломы победителя или дипломы участников, а также благодарственные письма преподавателям вузов. Наградные материалы доступны в электронном виде.

1.3 Межвузовский конкурс переводов современной литературы и публицистики.

Данный конкурс ежегодно проводится кафедрой философии и общегуманитарных дисциплин на базе Самарского юридического института ФСИН России и объединяет участников гражданских и ведомственных учебных заведений Самары, Ульяновска, Санкт-Петербурга, Перми, Пскова, Новокузнецка, Рязани и Воронежа. Участникам предлагаются тексты современной литературы и публицистики, которые необходимо точно и грамотно перевести с иностранного языка (анг., нем.). Выполненный перевод необходимо прислать на почту организатора. Самые достойные работы отмечаются дипломами.

2. Комплексные обучающие сайты и языковые сообщества

2.1 Duolingo (https://www.duolingo.com) представляет собой учебную платформу, ориентированную на самостоятельное изучение языка. Желающие могут заниматься непосредственно на сайте или могут скачать приложение. Второй вариант более мобилен, что позволяет заниматься в любой точке в любое удобное для пользователя время. Учебная программа разбита на мини-уроки. Это дает возможность изучать материал небольшими

порциями, без утомления. В каждом уроке предлагается выполнить задания для тренировки навыков говорения, аудирования, чтения, грамматики. Эта платформа интересна тем, что она выстраивает обучение в игровой форме: поощрительный приз за правильно выполненные задания – "алмазы", которые впоследствии можно обменивать на бонусы или дополнительные "жизни". Алмазная система оценивания результатов делает процесс изучения языка увлекательным и необычным.

2.2 Polyglot club представляет собой сообщество для желающих изучать язык вживую. Организаторы устраивают мероприятия во многих городах, что позволяет участникам общаться с носителем языка непосредственно. Такие встречи проходят регулярно, их список находится на сайте. Если у участника нет QR-кода, то общаться с иностранцами предоставляется по видеочату. Этот сервис позволяет практиковать и совершенствовать навыки аудирования и говорения.

2.3 BBC Learn English – это образовательный ресурс, созданный британской компанией BBC. Материалы представлены в виде курсов по определенной программе. Сайт ориентирован на разные уровни, однако больше всего контента на уровни A2 и B1. Кроме того, ресурс содержит справочник с отдельными темами по грамматике в дополнение к основной программе. BBC Learn English полезен при изучении грамматики, лексики, тренировке и постановке правильного произношения, а также формированию навыков аудирования. Грамматические программы, продолжительностью около 6 минут, охватывают основные темы на двух уровнях: basic и intermediate). Следует отметить программу 6 minute English, которая комбинирует практику лексических единиц и тренировку аудирования. Добиться правильного произношения поможет курс Tim's Pronunciation Workshop и Sounds of English.

3. Электронные словари

3.1 Collins Dictionary

Collins является крупным издателем образовательного, языкового и географического контента и публикует инновационные, вдохновляющие и информативные книги уже более 200 лет. Онлайн-словарь Collins – это справочный ресурс, опирающийся на достоверную и авторитетную информацию о языке, благодаря широкому использованию обширных баз данных языка – как на английском, так и на других языках.

Доступный для пользователей Интернета с декабря 2011 года, словарь английского языка Collins размещен на сайте CollinsDictionary.com. Полная версия словаря дает доступ к примерам предложений, показывающих употребление слов, частотность слов и различные тенденции. Вместе с тем, CollinsDictionary.com запустил дискуссионный форум, на котором обсуждаются неологизмы. Словарь был обогащен и расширен за счет добавленных в официальный список слов терминов, касающихся социальных сетей, еды, сленга и современных технологий. Эта отличительная черта характеризует словарь как один из тех, что идет в ногу со временем.

3.2 Macmillan Dictionary

Словарь Macmillan English Dictionary был впервые опубликован в 2002 году и включал в себя и британский, и американский варианты английского языка. Созданный лексикографами Великобритании и США, словарь представлял собой базу данных, содержащую миллионы примеров английского языка, используемого повсеместно. Обширный анализ корпуса аутентичных устных и письменных текстов с использованием самых современных технологий позволил составителям словаря раскрыть свежую информацию о том, как и когда используются слова.

В 2009 году была запущена онлайн-версия словаря MacmillanDictionary.com, которая включала тезаурус, полностью интегрированный в статьи. С момента своего запуска словарь Macmillan Dictionary часто обновлялся. Он содержит краудсорсинговый компонент под названием Open Dictionary, который позволяет пользователям участвовать в создании словарей, отправлять слова и поддерживать Macmillan Dictionary в актуальном состоянии.

Главной особенностью словаря Macmillan является то, что он содержит информацию о метафорическом значении обычных знакомых слов. Кроме того, он предоставляет пользователям доступ к расширенному тезаурусу Macmillan Thesaurus (синонимы, антонимы, родственные слова), дополнительным ресурсам (языковые викторины, видеоролики о грамматике и словарном запасе со всего мира).

3.3 Multitran

Multitran – это редактируемый русский многоязычный онлайн-словарь, запущенный 1 апреля 2001 года. Англо-русско-английский словарь содержит более четырех миллионов статей. К наиболее важным особенностям словаря можно отнести следующие: внушительную базу данных (более 10 миллионов терминов), возможность сообщить об ошибке (только для зарегистрированных пользовате-

лей), а также расширять онлайн-словарь (активными участниками являются переводчики), разные виды поиска (алфавитный, морфологический, словосочетательный)

База Multitran объединила информацию о словах множества бумажных словарей в одно целое. Наряду с очевидными преимуществами этот значительный объем базы имеет ряд недостатков: затрудняется поиск необходимых слов, усложняется задача выбора правильного эквивалента, встречаются повторяющиеся переводы термина для разных дисциплин.

Multitran – это не только онлайн словарь, но и площадка объединяющая переводчиков, лингвистов, любителей иностранных языков, студентов. Каждый зарегистрированный пользователь может принять участие в формировании корпуса словаря, его редактировании, обсуждении возникающих вопросов на форуме. Кроме того, известны офлайн встречи пользователей (так называемые pow-wow), которые прошли в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве.

Данный комплекс электронных образовательных ресурсов был апробирован в группах технических специальностей УлГТУ в рамках курса "Иностранный язык".

Практический аспект настоящего исследования отображен в таблице.

Результаты, представленные в таблице, отображают тенденцию интереса студентов к обсуждаемым в исследовании образовательным ресурсам. Очевидно, что наибольшим спросом пользуются онлайн-олимпиады, организованные УлГУ, электронные словари Macmilan и Multitran.

Таблица – **Использование электронных образовательных ресурсов в рамках учебной программы "Иностранный язык" в УлГТУ в группах технических специальностей**

Группа	Ресурсы	Количество участников
МТМбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 3 2 1/1/2 5/10/11
Эбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	9 3 1 1/1/2 6/12/10
РТбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	10 3 2 1/1/2 4/14/11
ИЗОбд-11	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	13 4 3 1/2/2 5/13/14
ЭТбд-12	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 2 2 1/4/2 5/11/10
Рбд-11	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 3 1 1/1/2 5/9/10
Эбд-22	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 3 2 1/1/2 5/10/10
ЭАбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	14 3 2 1/1/2 6/13/10
ИСТбд-12	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	7 6 2 4/1/7 3/10/15
ТЭбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	10 3 2 1/1/2 9/11/10
ИСТбд-11	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 3 2 1/1/2 8/13/14
ИСТбд-13	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	16 3 2 1/1/2 5/10/16
ИВТАПбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 6 4 1/1/2 3/12/10
Рбд-21	Онлайн-олимпиада, организованная УлГПУ Академия интеллектуального развития Межвузовский конкурс переводов Duolingo/ Polyglot club/ BBC Learn English Collins Dictionary/Macmillan Dictionary/ Multitran	8 3 4 1/1/2 5/12/12

Заключение

По итогу работы можно сформулировать следующие *выводы*:

1. В результате исследования изучены материалы (учебная и методическая литература), содержащие данные о современных электронных ресурсах.

2. Освещенные в работе популярные образовательные Интернет-ресурсы (сервисы по проведению онлайн олимпиад и конкурсов по английскому языку, электронные словари, обучающие языковые платформы и т.д.) успешно используются в рамках программы "Иностранный язык" в УлГТУ для реализации образовательных целей.

3. Анализ данных, полученных в ходе анкетирования студентов УлГТУ неязыковых специальностей, подтвердил значимость и востребованность электронных образовательных ресурсов, приведенных в настоящем исследовании.

Литература:

1. Матвеенко И.А., Надеина Л.В. Информационные технологии в преподавании профессионального иностранного языка (на примере образовательного процесса в институте геологии и нефтегазового дела) // Вестник ЧИТГУ. – 2010. – №3(60). – С. 97-102.
2. Матвеенко И.А., Надеина Л.В., Коротченко Т. В. Использование икт в организации процесса обучения профессиональному иностранному языку // Вестник ЧитГУ. – 2011. – № 11 (78). – С. 52-57.
3. Мильруд Р.П. Применение информационных технологий в обучении иностранным языкам и культуре // Вестник ТГУ. – 2012. – Вып. 5 (109). – С. 211-217.
4. Миронова Н.Ю. Использование Интернет-технологий на занятиях по иностранному языку со студентами неязыковых профилей в условиях дистанционного обучения // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31058 (дата обращения: 10.01.2023).
5. Фидарова К.К., Павлова Г.Ш., Варламова Е.В., Бегинина А.О. Электронные технологии в обучении иностранному языку // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30439 (дата обращения: 15.01.2023).

ANALYSIS AND CLASSIFICATION OF SIMULATION LEARNING TOOLS IN RUSSIA AND ABROAD

Kotlov Maksim Igorevich, *Postgraduate student*

Zhdanov Semen Vladimirovich, *Postgraduate student*

Kotlov Igor Nikolaevich, *Postgraduate student*

Don State Technical University, Rostov-on-Don

The purpose of the study *is to determine the level of Russian training complexes in terms of their compliance with world standards in the field of aviation personnel training and modeling of software systems for cockpit space visualization. The article discusses the classification of teaching aids and approaches of foreign manufacturers to consumers of the aviation industry. Particular attention is focused on the structure of the regulatory framework for aviation simulator building.* ***Scientific novelty*** *lies in the analysis of teaching methods, technical trends in software and hardware systems, as well as a comparative analysis of competitive foreign manufacturers of aviation equipment.* ***As a result*** *of the analysis of the documentation, the characteristics of the training systems, the software for the systems of the cockpit simulation of the situation, it can be concluded that modern domestic aviation simulators are at the level of world requirements for the technical means of training aviation people.*

Keywords: *classification; training systems; teaching aids; aviation simulator building; software; aviation personnel; support systems.*

EDN: CKNXBW **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.51**

УДК 37.02
ВАК РФ 5.8.1

АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ ИМИТАЦИОННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

© Котлов М.И., 2023
© Жданов С.В., 2023
© Котлов И.Н., 2023

Цель исследования *– определить уровень российских тренажерных комплексов на предмет соответствия их к мировым стандартам в области обучения авиационного персонала и моделированию программных систем закабинной визуализации пространства. В статье рассматривается классификация средств обучения и подходов зарубежных производителей к потребителям авиационной промышленности. Особое внимание акцентировано на структуре нормативно-правовой базы авиационного тренажеростроения.* ***Научная новизна*** *заключается в разборе методов обучения, технических тенденций программно-аппаратных комплексов, а также сравнительном анализе конкурентоспособных зарубежных производителей авиационного оборудо-*

вания. ***В результате*** *анализа документации, характеристик учебно-тренировочных систем, программного обеспечения систем закабинной имитации обстановки можно сделать вывод, что современные отечественные авиационные тренажер, находятся на уровне мировых требований к техническим средствам подготовки авиационных специалистов.*

Ключевые слова: *классификация; учебно-тренировочные системы; средства обучения; авиационное тренажеростроение; программное обеспечение; авиационный персонал; системы обеспечения.*

Введение

В настоящее время проблема классификации средств обучения не потеряла своей актуальности. Расширение перечня средств обучения затрагивает многие сферы социальной и профессиональной практик [1, 2, 3, 11]. К их числу относятся: медицина, подготовка специалистов железнодорожного, морского, авиационного транспорта, а также военных специалистов различного профиля. При систематизации средств обучения, имеющих имитационных характер, используются различные типологические основания и критерии [5, 7, 9, 10]. Рассмотрим данную проблему на примере авиационного тренажеростроения в России и за рубежом.

В настоящее время в США и Европе имеются различные подходы к структуре и содержанию нормативно-правовой базы авиационного тренажеростроения. В США классификация авиационных тренажеров определяется циркулярами Федеральной авиационной администрации (Federal Aviation Administration – FAA), а в европейских странах – требованиями европейской объединённой авиационной администрации (European Joint Aviation, JAA).

Основу номенклатуры технических средств профессиональной подготовки составляет понятие "учебно-тренировочная система" (Training Systems), которая определяется как "Учебно-тренировочные системы, включающие в себя все компоненты программы подготовки, в том числе учебно-методические материалы, непосредственно технические средства подготовки, используемые реальные образцы авиационной техники, преподавателей (инструкторов), системы обеспечения, а также обслуживающий и вспомогательный персонал". В настоящее время в классификацию учебно-тренировочных систем включаются:

– учебно-тренировочная система экипажа (Aircrew Training Systems– AFS);

– учебно-тренировочная система специфических задач по техническому обслуживанию (Maintenance Training Systems-MTS);

– учебно-тренировочная система специфических задач подготовки руководящего (командного) персонала к выполнению определённых задач (Operations-Specific Training Systems– OTS).

Основная часть

Указанные учебно-тренировочные системы определяются следующим образом. Учебно-тренировочная система экипажа должна охватывать все аспекты подготовки каждого члена экипажа с учётом его роли в выполнении общей задачи полёта. Авиационные тренажеры должны включать все компоненты, необходимые для того, чтобы сформировать начальные навыки, а также навыки и умения согласно требований классной квалификации.

Учебно-тренировочная система по техническому обслуживанию должна охватывать все аспекты подготовки обслуживающего персонала, необходимые для поддержания авиационных систем в ра-

КОТЛОВ Максим Игоревич, *аспирант*

ЖДАНОВ Семён Владимирович, *аспирант*

КОТЛОВ Игорь Николаевич, *аспирант*

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону

бочем состоянии. MTS применяются по требованию в любом месте, в том числе в центрах обслуживания, на складах и т.д. MTS должны включать все компоненты, необходимые для формирования основных и продвинутых навыков, а также для поддержания квалификации в соответствии с требованиями заказа.

Учебно-тренировочная система специфических задач подготовки руководящего (командного) персонала должна охватывать все аспекты и компоненты, необходимые для формирования начальных и продвинутых навыков к выполнению определённых задач у указанного персонала.

Основным компонентом учебно-тренировочной системы является техническое средство подготовки (Training Devices), которое должно обеспечивать задачи и репетицию предстоящих полётов, распределённую подготовку к полётам, компьютерную сетевую операцию, задачи сертификации, а также отдельно оговоренные задачи". [4, 6]

Различаются:

– технические средства подготовки экипажей (Aircrew Training Devices – ATD);

– технические средства подготовки к полёту (Mission Rehearsal Devices– MRD);

– технические средства подготовки специалистов наземных систем (System Training Devices– STD);

– технические средства подготовки по техническому обслуживанию.

Технические средства подготовки экипажей включают в себя аппаратные средства, программное обеспечение, встроенное программное обеспечение и системы обеспечения, необходимые для обучения экипажа и подготовки к полётам, согласно требованиям заказа. Данные технические средства подготовки экипажей должны также поддерживать подготовку членов экипажа, не ответственных за управление самолётом, таких как штурманы, операторы систем управления вооружением и т.д.

Базовой тренажерной системой считается "simulator". Данное средство представляет собой полномасштабный макет определённого типа летательного аппарата, включающий в себя комплект оборудования и программного обеспечения, необходимый для воспроизведения характеристик самолёта (вертолёта) при движении по земле и в воздухе; систему визуализации, отображающую закабинную визуальную обстановку в реальном масштабе времени; систему имитации перемещений как минимум по трём степеням свободы. Данный класс тренажерных систем различается по типам ЛА: для самолётов "Airplane Simulator (AS)" и вертолётов "Helicopter Simulator (HS)". В зависимости от объёма обучающих возможностей тренажерные системы данного класса разделены на четыре уровня сложности – уровня A, B, C, D. Уровень D обладает наибольшими обучающими возможностями и обеспечивает полную подготовку лётных экипажей в наземных условиях.

Следующей тренажерной системой, предназначенной для обучения управлению самолётом, является система, обозначаемая термином "Training device". Рекомендуемыми циркулярами FAA определены два типа систем данного класса:

– "Airplane flight training device" (AFTD);

– "Personal computer-based aviation training devices" (PCATD).

Согласно циркуляру FAA AC №120-45A система AFTD представляет собой полномасштабный макет приборного оборудования самолёта, панелей и органов управления, расположенный внутри кабины или вне её, включающий необходимое оборудование, аппаратуру и программное обеспечение, предназначенные для имитации функционирования самолёта (вертолёта) на земле и в воздухе в заданной степени; не требует системы подвижности и системы визуализации; отвечает требованиям стандарта и в нём можно отрабатывать любые учебные и проверочные задания. В зависимости от обучающих возможностей различают семь уровней сложности данных тренажерных систем. Уровень 7 является наиболее совершенным в ряду этих технических средств профессиональной подготовки.

В качестве отдельного типа рассматриваются тренировочные системы, выполненные на базе персонального компьютера (PCATD). Данное техническое средство подготовки по своим обучающим возможностям функционально обеспечивает подготовку в объёме процедурных аспектов обучения полётам по приборам.

Технические средства подготовки к полёту предназначены для поддержки репетиции миссии на основе интеграции моделирования, реальных планов предстоящих полётов и разведывательных данных.

В настоящее время в ВВС США применяются следующие тренажные системы данного класса:

– Full Mission Trainer (FMT) ? позволяет осуществить подготовку к полёту в полном объёме решаемых задач;

– Weapon Tactic Trainer (WTT) ? позволяет отрабатывать задачи, связанные с применением в предстоящем полёте вооружения самолёта (вертолёта);

– Part-Task Trainer (PTT) ? позволяет отрабатывать задачи по применению в предстоящем полёте самолётных систем.

Технические средства подготовки специалистов наземных систем включают в себя аппаратные средства, программное обеспечение, встроенное программное обеспечение и системы обеспечения, предназначенные для подготовки персонала, не относящегося к экипажу самолёта и базирующихся на земле. К таковым относятся системы управления воздушным движением, системы наведения и т.д.

Технические средства подготовки специалистов по техническому обслуживанию (ТО) (Maintenance Training Devices -MTD) включают в себя аппаратные средства, программное обеспечение, встроенное программное обеспечение и системы обеспечения, необходимые для подготовки и сертификации обслуживающего персонала согласно квалификационным требованиям. Когда необходимо, технические средства подготовки по ТО могут включать реальные средства обеспечения полётов.

С середины 90-х годов в странах Западной Европы планомерно проводятся работы по стандартизации и гармонизации нормативно-правовой базы, касающейся основополагающих аспектов разработки и применения авиационных тренажеров.

Международной рабочей группой в Лондоне был принят ряд документов, которые затем были переданы на утверждение в ИКАО как международный стандарт для входящих в эту организацию стран. Со времени опубликования этих стандартов большинство регламентирующих организаций в Европе заявили, что внесут изменения в свои соответствующие руководства. К этим странам относятся: Великобритания (1995), Франция (1996), Германия (1996), Швейцария (1996), Австрия (1997), Ирландия (1997), Нидерланды (1997), Швеция (1998).

В настоящее время страны ? члены Объединённой авиационной администрации приняли ряд международных стандартов, основными из которых являются:

– JAR-STD IA – определяет требования к тренажерным системам класса "Full Flight Simulator" для самолётов;

– JAR-STD 1H – определяет требования к тренажерным системам класса "Full Flight Simulator" для вертолётов;

– JAR-STD 2A – определяет требования к тренажерным системам класса "Full Flight Devices" для самолётов;

– JAR-STD 2H – определяет требования к тренажерным системам класса "Full Flight Devices" для вертолётов;

– JAR-STD 3A – определяет требования к тренажерным системам класса "Flight and Navigation Procedures Trainer" для самолётов;

– JAR-STD 2H – определяет требования к тренажерным системам класса "Full Flight Devices" для вертолётов;

– JAR-STD 4A/H – определяет требования к тренажерным системам класса "Basic Instrument Training Device".

Основу данных стандартов составляет понятие "Синтетическое техническое средство подготовки" (Synthetic Training Device) (STD), к которым отнесены тренажерные системы следующих классов:

"Лётный тренажер" (Full Flight Simulator (FFS)), Full Flight Devices (FTD);

"Навигационный процедурный тренажер" (Flight and Navigation Procedures Trainer /FNPT/);

"Базовое инструментальное техническое средство подготовки" (Basic Instrument Training Device /BITD/).

Лётный тренажер (Full Flight Simulator /FFS/) представляет собой полную и точную копию самолёта (вертолёта), включая всё оборудование и содержащую компьютер, который программирует всё необходимое для представления летательного аппарата на земле и в полёте, визуальную систему, отображающую внекабинную обстановку, и систему подвижности.

В зависимости от обучающих возможностей различают четыре квалификационных уровня FFS – A, B, C, D. При этом наибольшие обучающие возможности присущи квалификационному уровню D.

Full Flight Devices (FTD) представляет собой полную и точную копию кабины самолёта (вертолёта), включающую её оборудование, органы управления и содержащую программное обеспечение, которое программируют всё необходимое для представления летательного аппарата на земле и в полёте. FTD и при этом не требует наличия подвижности и визуализации. В зависимости от обучающих возможностей различают первый и второй квалификационные уровни FTD.

Навигационный процедурный тренажер (Flight and Navigation Procedures Trainer (FNPT) – техническое средство подготовки, которое представляет собой часть кабины с необходи-

мым оборудованием, а также компьютер, который моделирует все происходящие процессы для представления функционирования систем на борту самолёта (вертолёта) летательного аппарата. В зависимости от обучающих возможностей различают три типа FNPT:

– FNPT-1 – наземное техническое средство подготовки, моделирует условия полёта определённого класса самолётов;

– FNPT– II – наземное техническое средство подготовки, моделирует условия полёта определённого типа летательного аппарата;

– FNPT– II MCC – наземное техническое средство подготовки, моделирует условия полёта многодвигательного летательного аппарата. Включает систему визуализации.

Базовое инструментальное техническое средство подготовки (Basic Instrument Training Device /BITD/) представляет собой расположенное на земле рабочее место пилота определённого класса самолётов. Может использовать отображаемые на экране компьютера приборные панели и устройства контроля полёта, обеспечивая подготовку в объёме процедурных аспектов приборного полёта.

С точки зрения современных концепций развития тренажерной подготовки можно указать следующий вариант соответствия отечественной классификации авиационных тренажеров и зарубежной классификации:

– наиболее близкими к понятию "комплексный тренажер" в зарубежной классификации можно считать Simulator (FAA) и Full Flight Simulator (JAA);

– наиболее близкими к понятию "специализированный тренажер" в зарубежной классификации можно считать Airplane Flight Training Device (FAA) и Flight Training Device (JAA);

– наиболее близкими к понятию "процедурный тренажер" в зарубежной классификации можно считать Flight and Navigation Procedures Trainer (JAA).

В качестве примера конкретной реализации современных зарубежных тренажерных технологий профессиональной подготовки лётного состава рассмотрим тренажерную систему для нового самолёта ВВС США F-22A.

Тренажерная система F-22A включает три компонента:

– учебно-тренировочная система для лётного состава (Pilot Training System – PTS);

– учебно-тренировочная система инженерно-технического состава (Maintenance Training System – MTS).

PTS включает в себя учебный компьютерный класс, именуемый системой компьютерного тренинга (Computer-Based Training) и три типа тренажеров:

– тренажер для отработки покидания самолёта (Egress Procedure Trainer – EPT);

– тренажер боевого применения (Weapon Tactic Trainer – WTT);

– комплексный тренажер самолёта (Full Mission Trainer – FMT);

Особенностью данной тренажной системы является то, что и тренажер WTT, и тренажер FMT выполнены на неподвижном основании (без динамического стенда). Система визуализации FMT – синтезирующая с куполообразным проекционным экраном, у тренажера WTT – на основе монитора персонального компьютера.

Первоначальное обучение предполагает на тренажере EPT, на котором приобретаются навыки эксплуатации внутрикабинного оборудования, систем обеспечения жизнедеятельности и покидания самолёта, как в штатных условиях эксплуатации, так и при возникновении типовых отказов и аварийных ситуаций. На втором этапе с использованием тренажера WTT лётчики приобретают навыки боевого применения самолёта и выполнения заданных тактических приёмов. На третьем этапе на тренажерах типа FMT осуществляется отработка полётного задания в целом. Отметим, что планируется размещение нескольких тренажеров типа FMT и WTT на каждой из авиабаз базирования самолётов F-22A, что позволяет организовывать локальные тренажерные системы в рамках одной авиабазы.

В качестве примера обучающих возможностей современных тренажеров можно привести также пример тренажной системы бомбардировщика B-2, при создании которой ставилась задача обеспечить лётную подготовку экипажей путём выполнения двух реальных полётов и пяти тренажерных полётов в месяц.

Другим примером является разрешение FAA авиакомпаниям, эксплуатирующим комплексный тренажер самолёта B-727-100 (Airplane Simulator, уровень D) осуществлять полностью тренажерное переучивание лётчиков на данный тип самолёта. После выполнения тренажерного переучивания обучаемый пилот приступает к выполнению реальных полётов в качестве второго пилота.

Заключение

В последние годы произошел ряд изменений в расстановке зарубежных компаний-раз-

работчиков и производителей авиационных тренажеров.

Из общих тенденций можно отметить, что в отдельную группу выделились фирмы, специализирующиеся на производстве систем имитации закабинной визуальной обстановки.

Другая важная тенденция заключается в повышенном спросе на тренажеры, образованные системами визуализации на базе персональных графических станций с 3D-ускорителями. Эти системы за последнее время достигли значительного прогресса и позволяют создавать визуальные картины высокого качества. В данном классе систем имитации закабинной визуальной обстановки отечественные разработчики успешно конкурируют с зарубежными фирмами и поставляют свои изделия на экспорт.

Следующая тенденция заключается в интенсивном внедрении в тренажерное имитационное моделирование технологии загрузки унифицированных текущих баз данных о виртуальном мире (внешней среде) через сетевое взаимодействие с единым сервером, постоянно отслеживающим их состояние.

Еще одна тенденция заключается в обязательном требовании ко всем, вновь разрабатываемым тренажерам, поддерживать технологию распределённого тренажа и моделирования (в США в качестве базовой технологии в настоящее время выбрана HLA).

Внедрение распределённых тренажерных технологий и современных тренажеров, поддерживающих данные технологии без ограничений, привело к внутреннему перераспределению времени на отработку различных соответствующих упражнений.

Обзор тенденций развития мирового авиационного тренажеростроения свидетельствует о том, что программы модернизации эксплуатируемых типов отечественных авиационных тренажеров и новые российские разработки тренажеров находятся на уровне современных мировых требований к техническим средствам профессиональной подготовки авиационных специалистов.

Литература:

1. Бакиев Н.З., Наджафов А.Ф. Авиационные тренажеры в России и за рубежом // Школа-семинар молодых ученых и специалистов в области компьютерной интеграции производства. – Оренбург, 2016. – С. 22-24.
2. Белокопытов М.Л., Григорьев А.П., Козырев Г.И., Кокорев А.В., Овчинникова Ю.С. Современные авиационные тренажеры как средство непрерывной подготовки авиационных специалистов // Труды Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского. – 2020. – № 672. – С. 336-346.
3. Волков В.Г. Авиационные тренажеры для работы с приборами визуализации изображения // Спецтехника и связь. – 2015. – № 4. – С. 2-12.
4. Котлов И.Н., Лекомцев В.С., Божко С.В. Облик современного тренажера и тенденции его развития // X Международная научно-практическая конференция молодых ученых, посвященная 59-ой годовщине полета Ю.А. Гагарина в космос: сборник научных статей. – Краснодар, 2020. – С. 54-59.
5. Кузнецов В.Ю. Категориальная система и классификационная проблема // Философия и общество. – 2018. – № 1 (86). – С. 93-94.
6. Лагкуев М.С., Котлов И.Н., Судаков М.А., Шевченко А.В. Эффективность подготовки интерактивный процедурный тренажёр первоначальной подготовки авиационного персонала с использованием виртуальной реальности. // Вестник военного образования. – 2021. – № 1 (28). – С. 59-62.
7. Обухов В.В., Осетрин К.Е. Классификационные проблемы в теории гравитации. – Томск, 2007.
8. Стрелков А.Ю., Сапункова А.В. Стенды-тренажеры для изучения авиационных приборов ориентации. // Инновационные научные исследования. – 2022. – № 9-1 (21). – С. 108-117.
9. Сукиасян Э.Р. Классификационная практика в России. проблемы мнимые и реальные // Научные и технические библиотеки. – 2002. – № 2. – С. 59-64.
10. Федотова О.Д., Еровенко В.Н. Классификационная проблема в современной педагогике // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 208-210.
11. Хоронько Л.Я., Бондаренко Е.В. Возможности симуляционного обучения при подготовке специалистов в условиях арктической зоны // Научный вестник Арктики. – 2021. – № 11. – С. 76-79.

CONTEXTUAL APPROACH IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL RELIABILITY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Malaev Martin Akhmedovich, *police captain, head of the course, North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic*

The purpose of the study *is to describe the process of formation of professional reliability of employees of internal affairs bodies by means of a contextual approach.* ***Scientific novelty*** *lies in the characterization of simulation training methods aimed at the comprehensive development of students in the advanced training system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* ***The result of the study*** *is a description of the features of the application of*

simulation training methods (business game, case method, heuristic methods) in the formation of the professional reliability of police officers undergoing course training.

Keywords: contextual approach; professional reliability; law enforcement officers; simulation training; advanced training; business game; case method; heuristic methods.

EDN: EODUBI DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.52

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

КОНТЕКСТНЫЙ ПОДХОД В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАДЕЖНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

© Малаев М.А., 2023

Цель исследования – обозначить процесс формирования профессиональной надежности сотрудников органов внутренних дел средствами контекстного подхода. **Научная новизна** состоит в характеристике методов имитационного обучения, направленных на всестороннее развитие слушателей системы повышения квалификации МВД России. **Результатом исследования** является описание особенностей применения методов имитационного обучения (деловая игра, кейс-метод, эвристические методы) в формировании профессиональной надежности сотрудников ОВД, проходящих курсовую подготовку.

Ключевые слова: контекстный подход; профессиональная надежность; сотрудники органов внутренних дел; имитационное обучение; повышение квалификации; деловая игра; кейс-метод; эвристические методы.

Введение

Профессиональная надежность специалиста является важным условием эффективности его профессиональной деятельности, вызывает уважение у коллег, доверие социальных партнеров и граждан. Данное качество необходимо, прежде всего, людям, которые по долгу службы выполняют ответственную работу и обеспечивают безопасность населения. Сотрудники органов внутренних дел в современных реалиях подвергаются серьезным рискам. В условиях нарастания внешней агрессии по отношению к нашей стране повышается вероятность усиления внутренних беспокойств населения. Граждане нуждаются в стабильности и защищенности, возможности получить компетентную помощь со стороны представителей силовых структур в ситуациях, опасных для жизни и здоровья. Только профессионально компетентный, морально устойчивый, эмоционально стабильный сотрудник правоохранительных органов может эффективно действовать в современных обстоятельствах функционирования общества.

Поэтому формирование профессиональной надежности мы рассматриваем как одно из ключевых направлений повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел. Обучение в системе дополнительного профессионального образования системы МВД России должно предполагать как совершенствование имеющихся у сотрудников ОВД компетенций, так и развитие их психологических качеств, повышение нравственных характеристик личности. Соответственно, требуется определение общего подхода, который бы компилировал данные возможности повышения квалификации специалистов правоохранительных органов. На наш взгляд, решению задачи по формированию профессиональной надежности сотрудников органов внутренних дел будет способствовать применение контекстного подхода в курсовой подготовке слушателей институтов повышения квалификации системы МВД России.

В соответствии с целью *задачами* исследования являются: 1) обзор научных публикаций, раскрывающих характеристики профессиональной надежности сотрудников ОВД; 2) исследование направленности контекстного обучения на совершенствование

МАЛАЕВ Мартин Ахмедович, *капитан полиции, начальник курса, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Кабардино-Балкарская республика*

личностно-профессиональных характеристиках специалистов правоохранительных органов; 3) описание характера применения контекстного подхода, имитационного обучения для формирования профессиональной надежности слушателей институтов повышения квалификации МВД России.

Анализ теоретических оснований исследования. Профессиональная надежность личности исследовалась различными учеными. Утверждается, что она необходима, прежде всего, специалистам силовых структур, защищающих граждан и страну от внешних и внутренних посягательств. А.Ю. Федотов связывает надежность данных специалистов со способностью своевременного достижения и удержания необходимого уровня эффективности действий в условиях профессиональных стрессоров [1]. В.М. Крук рассматривает актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД, предлагая программу, которая будет способствовать раннему выявлению и предупреждению у сотрудников ОВД ошибок, эмоциональных срывов, профессиональных затруднений, нарушений здоровья и пр. [2]. О.Л. Осадчук утверждает, что психологическое сопровождение формирования надежности в служебной деятельности сотрудника предполагает "создание ориентационного поля его профессионального развития, укрепление профессионального "Я", поддержание адекватной самооценки, … психологического самосохранения" [3, с. 88]. Вполне очевидно, что формирование профессиональной надежности может осуществляться на разных этапах трудового становления сотрудника ОВД: в процессе его обучения в вузе, в рамках послевузовского образования, в учреждениях повышения квалификации и в подразделениях полиции.

Принимая во внимание то обстоятельство, что речь идет уже о действующих специалистах, то уместно использовать возможности дополнительного профессионального образования системы МВД России для развития их личностных характеристик. Проблемы совершенствования качества обучения слушателей в условиях повышения квалификации представителей различных трудовых областей рассматриваются через направленность на обновление профессиональных компетенций слушателей [4; 5]. Для этого предлагается выбрать единую методологическую основу, предполагающую погружение взрослых обучающихся в профессиональный контекст.

Так, А.А. Левченко, С.В. Малетин, В.А. Морозов подчеркивают, что контекстный подход имеет отличительную черту, которая заключается в направленности на профессиональную деятельность сотрудника полиции, формирование необходимых компетенций обучающихся, обеспечивая взаимосвязь теории и практики, а не механическое усвоение полученной информации [6]. Д.Р. Марданов, О.В. Карпеева утверждают о необходимости формирования профессиональных компетенций будущих сотрудников полиции, направленных на выполнение конкретных служебных обязанностей и качеств, обеспечивающих процесс целостного формирования личности. Соответственно, предлагается использовать возможности контекстного обучения, включающего в себя интерактивные методы: анализ и решение ситуаций, деловую игру и пр. [7].

Ю.Н. Демидов, Ю.П. Груненков, И.В. Ратова рекомендуют использовать контекстное обучение, наряду с другими образовательными технологиями, для проведения учебных занятий в образовательных организациях дополнительного профессионального образования системы МВД России. Подчеркивается, что такое обучение "обеспечивает формирование профессиональных умений и социальных качеств личности специалиста" [8]. Также указывается, что обеспечивается личностное включение обучающихся в учебный процесс, что способствует формированию профессиональной надежности личности. Поэтому обзор научных работ показал возможность применения контекстного подхода для формирования профессиональной надежности сотрудников ОВД.

Методологическая основа научной работы. Исходя из логики данного исследования, вполне очевидно, что методологическим основанием станут положения контекстного подхода. Его основателем является отечественный ученый – А.А. Вербицкий [9], обосновывающий целесообразность установления тесной взаимосвязи изучаемой теории и практики в процессе обучения. Исследователь писал о необходимости реализации активного обучения, прежде всего, в высшей школе и важности погружения студентов в имитационные формы профессиональной деятельности, включающие социальный контекст. Соответственно, при обучении сотрудников ОВД необходимо моделировать ситуации, в которых они бы максимально отрабатывали свои профессиональные навыки, обновляли знания и развивали личностные качества, в комплексе со-

ставляющие профессиональную надежность личности.

Результаты научного исследования

Применение контекстного подхода в повышении квалификации сотрудников ОВД предполагает использование имитационных моделей обучения. Речь идет о применении таких методов обучения, в которых бы слушатели воспроизводили ситуации, представляющие угрозу для надежности личности, и осваивали способы преодоления профессиональных стрессогенов. К их числу специалисты относят метод деловой игры, кейс-метод, эвристическое обучение. В этой связи опишем особенности их применения для достижения цели данной работы.

В качестве первого метода стоит назвать деловую игру, в которой воспроизводятся ситуации профессиональных коммуникаций специалистов правоохранительных органов. Для формирования профессиональной надежности рекомендуется проводить деловые игры, в которых требуется совершенствование коммуникативных навыков сотрудников ОВД, их умений конструктивного разрешения конфликтов, способов предотвращения эскалации насилия и пр. Целесообразно моделировать ситуации коммуникаций в разных условиях как общения с гражданами, обратившимися в подразделение полиции за помощью, так и с лицами, ставшими свидетелями преступлений, потерпевшими, правонарушителями. Преподавателю необходимо ознакомить слушателей с планом и содержанием заранее спроектированной деловой игры, ролями, психологическими особенностями лиц, с которыми будут взаимодействовать сотрудники ОВД. Отметим, что допускается импровизация, но при этом необходимо следование основному сценарию, в котором будут выявляться и параллельно корректироваться коммуникативные умения специалистов правоохранительных органов.

Рекомендуется планировать деловые игры, в которых сотрудники ОВД будут коммуницировать с гражданами разных возрастных категорий, находящихся в сложных социально-правовых обстоятельствах. Тем самым погружаясь в подобные имитации социально-профессионального контекста, сотрудники ОВД задействуют свои знания, опыт, личностные характеристики. Кроме того, актуализируется моральная сторона осуществления правоохранительной деятельности, что значительно повышает профессиональную надежность сотрудников ОВД. Уместно разрабатывать такие игры, которые будут учитывать специфику профессиональной деятельности сотрудников различных специальностей в правоохранительной деятельности (следователь, участковый уполномоченный, криминалист и пр.), а также их стаж и должность. Таким образом, деловая игра выступает одной из форм имитационного обучения, входящего в контекстный подход. Она способствует развитию коммуникативных качеств личности, включению сотрудников органов внутренних дел в социальный контекст профессиональных отношений с различными категориями лиц.

Вторым методом, обладающим возможностями для формирования профессиональной надежности сотрудников ОВД и соответствующим методологии контекстного подхода, является кейс-метод. Его применение в обучении слушателей активизирует аналитические способности личности, актуализирует нормативно-правовые и специально-тактические знания сотрудников ОВД, развивает критическое мышление. Кроме того, основным преимуществом кейс-метода является его направленность на развитие психолого-педагогических знаний слушателей [10], возможность согласования собственных профессиональных позиций с научными знаниями в конкретном контексте профессиональной деятельности.

Кейсы могут конструироваться на основе реальных ситуаций из практики служебной деятельности сотрудников полиции или заимствоваться из данных, размещенных в открытых источниках, связанных с нарушениями норм права: трудового, семейного, финансового и пр. Интересной является практика анализа видео-кейсов, в которых слушатели могут уточнить сформированность собственных тактических навыков, умений правильного обращения с оружием, ведения физической борьбы, применения специальных технических средств и пр. Это будет обеспечиваться путем сопоставления своих действий с просмотренными верными и/или неверными действиями, представленными на экране. Также сотрудники полиции смогут оценить через соответствующие видеоролики наличие способностей к тактически грамотным действиям в различных ситуациях, в том числе экстремальных, свои способности к овладению боевыми приемами борьбы. Кейсы уместно применять как на этапе предварительной подготовки к практическим занятиям по физической, огневой, тактико-специальной подготовке, так и после проведения данных занятий на полигоне и в специально оборудованных помещениях.

Помимо прочего, используя различные разновидности кейсов, преподавателям учреждений повышения квалификации системы МВД России целесообразно развивать морально-нравственные качества сотрудников органов внутренних дел. К примеру, анализ ситуаций со сложным выбором между личным благополучием и профессиональным долгом специалиста правоохранительных органов также обеспечивает формирование профессиональной надежности личности. Речь идет о включении в образовательный процесс метода моральных дилемм, который определяет сформированность уровня морального сознания личности и способность действовать решительно и уверенно в сложных, противоречивых профессиональных и жизненных контекстах. Итак, применение метода кейсов, входящего в имитационное обучение контекстного подхода, обеспечивает освоение сотрудниками ОВД навыками обеспечения личной безопасности, способами ведения борьбы в разных условиях, механизмами сопротивления профессиональным стрессам.

Еще одним обучающим средством, обладающим направленностью на формирование профессиональной надежности личности, являются эвристические методы: мозговой штурм, метод шести шляп, синектический метод, метод Сократа и пр. Погружаясь в проблемное поле учебного контекста, слушатели актуализируют свои аналитические способности, учатся генерировать идеи, находить новые решения традиционным проблемным профессиональным ситуациям, устранять ошибочные убеждения. Многие служебные обстоятельства в правоохранительной деятельности предполагают строго регламентированный подход, соблюдение заданного нормативной базой алгоритма действий. Однако экстремальные ситуации, которые четко тестируют сформированность профессиональной надежности сотрудника ОВД, требуют нестандартных, творческих, креативных идей и поступков. Соответственно, использование методов, расширяющих спектр профессиональных решений, активизирующих скрытые, прежде всего, интеллектуальные ресурсы личности, обеспечивает повышение продуктивности деятельности. Также эти методы развивают гибкость мышления, мобильность поведения сотрудников ОВД, направлены на устранение устойчивых неверных убеждений, мнений, суждений.

Поэтому применение эвристических методов на учебных занятиях в учреждениях повышения квалификации системы МВД России также является важным фактором имитационного обучения слушателей. Они интегрируют в себе и элементы деловой игры, и метод кейсов, тем самым обеспечивая развитие всех сторон личности, профессиональных компетенций сотрудников правоохранительной системы, обеспечивающих в комплексе профессиональную надежность личности.

Заключение

Профессионально надежный сотрудник ОВД выступает гарантом правовой, морально-психологической и физической безопасности граждан. Формирование и развитие личности данных специалистов может осуществляться непрерывно. Чтобы обеспечить повышение морального уровня сотрудника, обновление его компетенций, развитие личностных качеств, требуется погружение слушателей в профессиональный контекст. Контекстный подход предполагает имитационное обучение, моделирование ситуаций и событий, в которых обеспечивается интеграция теории и практики, знаний и умений, решений и их практических воплощений. Именно поэтому контекстный подход содержит в себе потенциал для формирования профессиональной надежности сотрудников органов внутренних дел и имеет все основания для применения в учреждениях дополнительного профессионального образования.

Примечания:

1. Федотов А.Ю. Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур: дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / Федотов Андрей Юрьевич. – М., 2020. – 905 с.
2. Крук В.М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД / В.М. Крук // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 1 (56). – С. 100-105.
3. Осадчук О.Л. Формирование профессиональной надежности специалиста // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 1. – С. 86-88; URL: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=5656 (дата обращения: 03.02.2023).
4. Патронова И.А. Исследование развития профессионально-личностных компетенций педагогов образовательных организаций в целях организации дистанционного обучения / И.А. Патронова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 3(52). – С. 15-24.
5. Муллер О.Ю. Модель развития профессиональной компетентности педагога профессионального образования в системе повышения квалификации / О.Ю. Муллер, Н.А. Ротова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 1(50). – С. 65-73.
6. Левченко А.А. Особенности реализации контекстного подхода при обучении сотрудников по-

лиции личной безопасности / А.А. Левченко, С.В. Малетин, В.А. Морозов // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – №5 (84). – С. 152-154.
7. Марданов Д.Р. Использование интерактивных методов обучения в аспекте требований контекстного обучения в профессиональной подготовке в учебных заведениях МВД России / Д.Р. Марданов, О.В. Карпеева // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 4. – №2(8). – С. 140-143.
8. Демидов Ю.Н. Подготовка и проведение учебных занятий в образовательных организациях дополнительного профессионального образования системы МВД России: учебно-методическое пособие / Ю.Н. Демидов, Ю.П. Груненков, И.В. Ратова. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2015. – 76 с.
9. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М., 1990. – 204 с.
10. Применение кейс-метода для развития психолого-педагогической компетентности учителей, взаимодействующих со сложными контингентами обучающихся / Д.Ф. Ильясов и др. // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2020. – № 2(43). – С. 5-23.

IMPROVING MENTAL OPERATIONS IN FUTURE BACHELORS OF LAW BY ANALYZING THE CONTENT OF SOCIAL NETWORKS WITH LEGAL SERVICES

Nastuev Eduard Borisovich, *Senior Lecturer, North-Caucasian Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic*

The purpose of the study *is to describe the process of improving the mental operations of future bachelors of law by analyzing the content of legal social networks.* ***The scientific novelty*** *lies in the characterization of pedagogical solutions that ensure the improvement of the cognitive functions of bachelors of law by means of a case method using digital educational resources.* ***The result of the study*** *is a set of author's cases that orient students to the analysis of digital platforms, their opportunities to improve their professional competencies. Through such an analysis, they develop the mental operations of analysis, synthesis, comparison, abstraction and generalization.*

Keywords: *improvement of mental operations; future bachelors of law; content analysis; social networks; legal services; case; content; moderator*

EDN: PDULDM **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.53**

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ПУТЕМ АНАЛИЗА КОНТЕНТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ЮРИДИЧЕСКИМИ УСЛУГАМИ

© Настуев Э.Б., 2023

Цель исследования *– описание процесса совершенствования мыслительных операций у будущих бакалавров юриспруденции путем анализа контентов социальных сетей юридической направленности.* ***Научная новизна*** *состоит в характеристике педагогических решений, обеспечивающих совершенствование когнитивных функций бакалавров юридического профиля средствами кейс-метода с применением цифровых образовательных ресурсов.* ***Результатом исследования*** *является комплекс авторских кейсов, ориентирующих студентов на анализ цифровых площадок, их возможностей для совершенствования своих профессиональных компетенций. Путем такого анализа у них развиваются мыслительные операции анализа, синтеза, сравнения, абстракции и обобщения.*

Ключевые слова: *совершенствование мыслительных операций; будущие бакалавры юриспруденции; анализ контентов; социальные сети; юридические услуги; кейс; контент; модератор.*

НАСТУЕВ Эдуард Борисович, *старший преподаватель, Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, Нальчик, Кабардино-Балкарская республика*

Введение

Компетентный и высокоценный юрист характеризуется не только комплексными, доскональными знаниями в области законодательства, но и способностью ориентироваться в области психологии, конфликтологии, иметь навыки в сфере применения информационных технологий. Кроме того, успешные бакалавры юриспруденции отличаются глубокими аналитическими способностями, умением решать сложные профессиональные и жизненные задачи. Они умеют "продвигать" свои услуги, выигрышно позиционировать себя в реальном и виртуальном пространстве. Все пере-

численные характеристики являются необходимыми атрибутами современных специалистов, работающих в сфере "человек-человек" и консультирующих людей по вопросам права.

Чтобы характеризоваться всеми перечисленными качествами, будущим бакалаврам юриспруденции необходимо развивать свои когнитивные функции, совершенствовать мыслительные операции, лежащие в основе профессиональной деятельности. Аналитические способности развиваются путем сопоставительного анализа, который может происходить на материале различных данных, размещенных в социальных сетях. Исследуя и оценивая информацию, размещенную в открытых информационных источниках, студенты юридического профиля смогут усовершенствовать свое профессиональное мышление, освоить новые стратегии оказания юридической помощи гражданам.

В соответствии с целью *задачами* исследования являются: 1) обзор научных трудов, посвященных вопросам развития мышления; 2) исследование возможностей цифровых ресурсов, в том числе социальных сетей для неформального обучения личности; 3) описание педагогических кейсов, применяемых для совершенствования мыслительных операций у будущих бакалавров юриспруденции.

Анализ теоретических оснований исследования. Изучение мышления, его влияния на продуктивность личности, условий развития мыслительных операций интересует исследователей не одно столетие. Ученые пишут, что "мыслительные операции отражают процессуальный характер мышления, так как являются обобщенными способами разрешения задач" [1, с. 22]. Они "порождаются изначально в качестве практических действий и лишь в последующем переходят в сферу теоретического мышления" [Там же, с. 24]. Среди мыслительных операций выделяются: анализ, синтез, сравнение, абстракция, обобщение [2, с. 220]. Такие операции формируются на основе восприятия и переработки информации, путем вовлечения человека в реальные взаимоотношения. Соответственно, чтобы развивать мыслительные операции личности, ее необходимо погружать в определённое информационное поле, учить перерабатывать имеющиеся данные, выделять главное, обсуждать свои выводы с профессионалами.

Сегодня большое количество информации содержится в Интернет-пространстве, посредством которого люди общаются, обучаются, работают, удовлетворяют бытовые потребности. Повсеместная цифровизация различных отраслей экономики и социальной сферы способствовала трансформации многих подходов к организации жизни и профессиональной деятельности граждан, повлияла на способы обучения человека.

Исследователи в связи с этим отмечают, что цифровизация является одним из ведущих направлений развития современного образования, соответствует принципам демократизации, открытости, доступности [3, с. 42]. Она обеспечивает возможность непрерывного образования, расширения неформальных способов обучения представителей различных профессией: педагогов, экономистов, юристов и пр.

Профессиональное общение между специалистами сегодня выходит за стены конкретных организаций, преодолевает физические границы. Взаимодействие осуществляется на различных цифровых платформах, в сетевых профессиональных сообществах, на которых происходит интенсивный обмен знаний, онлайн общение [4, с. 36]. Однако такое общение важно выстраивать на основе профессиональной этики. Поэтому разрабатываются правила и принципы работы сетевых сообществ: модерируемость, предметная направленность, корректность, опора на научные источники, верифицируемость, доказательность [5, с. 25].

Исследователи отмечают, что на данный момент в социальных сетях по запросу "юрист" обнаруживается более 30 000 страниц. Переход юридических услуг в виртуальное пространство способствует развитию неофициального профессионального дискурса между специалистами юридической сферы. В сетевых сообществах юристы выбирают неформальные способы коммуникации, высказывают свои мнения, утверждают профессиональную идентичность, продвигают юридические услуги [6]. Однако отмечается, что в сети Интернет формируется образ юриста как специалиста, который оказывает качественные услуги только за высокое финансовое вознаграждение, что может расцениваться обществом достаточно негативно. В связи с этим разрабатываются правила поведения адвоката в сети "Интернет", такие как соблюдение адвокатской тайны, сдержанность и корректность в онлайн-общении, соблюдение требований к безопасности: защита от взломов страницы в социальной сети, недопустимость экстремистского поведения [7]. Поэтому вполне очевидно, что уже будущих юристов необходимо готовить к профессиональной коммуникации в новой ре-

альности. Следует содействовать им в освоении цифровых ресурсов, которые могут развивать не только когнитивные операции, но и различные виды мышления, например правового [8], ризоматического [9]. На данном основании предлагаются авторские решения по совершенствованию мыслительных операций у будущих бакалавров юриспруденции путем анализа контентов социальных сетей с юридическими услугами.

Методологическая основа научной работы. В качестве ведущего методологического основания исследования будем использовать идеи Л.С. Выготского о единстве обучения и развития личности, а также его утверждения о взаимосвязи мышления и речи. Концептуальные положения ученого развиваются в данном исследовании следующим образом. Изучая материалы своих коллег, размещенные в социальных сетях, анализируя их, обучаясь новым способам работы с клиентами, будущие бакалавры юриспруденции развиваются в общекультурном, коммуникативном и интеллектуальном аспектах. Обсуждая со своими одногруппниками имеющиеся данные юридического профиля, представленные в сети Интернет, а также выстраивая профессиональные дискурсы, студенты учатся анализировать, обобщать собственные юридические решения и идеи других. Для этого преподавателю необходимо предложить педагогические средства, активизирующие мышление и речь студентов.

Результаты научного исследования

Для совершенствования мыслительных операций у будущих бакалавров юриспруденции нами были разработаны специальные кейсы. В них предлагались различные задания, связанные с поиском и анализом виртуального контента с юридическими услугами. Задания необходимо было выполнить в групповой работе и сделать соответствующие выводы. Всего было разработано и реализовано 5 кейсов (таблицы 1-5), опишем их краткое содержание.

Кейс 1. "Анализ профессионального сообщества юриста". Проанализируйте профили профессиональных сообществ юристов, размещенные в социальных сетях (не менее 5). Вам необходимо описать характеристику профессионального сообщества, которое курируется данным специалистом, его популярность, каким образом представляется данное сообщество и оценить профессиональный образ юриста: его образование, опыт, компетентность и пр. (табл. 1).

Таблица 1 – **Анализ профессионального сообщества юриста**

№	Название сообщества	Число подписчиков	Описание сообщества	Профессиональный образ модератора

Кейс 2. "Оценка юридической компетентности специалиста". Исследуйте характер проводимых онлайн-запросов и консультаций в ранее исследуемых социальных сетях. Рассмотрите не менее 7-ми обращений за юридической помощью. Укажите: с какой проблемой обратился клиент, какие он получили рекомендации юриста. Также оцените, каким образом юрист визуально оформляет свои материалы: текст, аудио, видео, фото (картинки). Обратите внимание на комментарии, которые размещаются под постом в адрес юриста, какого они характера: положительные или отрицательные (табл. 2).

Таблица 2 – **Оценка юридической компетентности специалиста**

Проблема клиента	Комментарии юриста	Дополнительные прикрепляемые материалы				Комментарии участников сообщества
		Текст	Аудио	Видео	Фото	

Кейс 3. "Изучение цифровых ресурсов с юридическими услугами". Вам необходимо проанализировать различные цифровые контенты, на которых представлены юридические услуги: информационно-правовые базы данных, правовые СМИ, правозащитные организации и пр. Далее дать им общую характеристику, указать характер размещаемой информации: новости, статьи, "разбор обращений" и пр. (табл. 3).

Таблица 3 – **Цифровые ресурсы с юридическими услугами**

Правовые информационные ресурсы	Название, адрес веб-страницы	Характер размещаемой информации:
Сайты государственных органов по правозащите		
Информационно-правовые базы данных		
Правовые СМИ в сети		
Сайты по праву		
Правозащитные организации и юридические фирмы		
Другое		

Кейс 4. "Обзор юридических журналов в социальных сетях". Выберите несколько журналов юридического профиля, укажите их название. Проанализируйте их сайт и сравните представленность в различных социальных сетях. Определите, какая информация и каким образом размещается на различных цифровых площадках по следующим параметрам: количество пользователей, объем информации, оперативность размещения информации, контакт с аудиторией и пр. (табл. 4).

Таблица 4 – **Юридические журналы в сети Интернет**

Параметры сравнения	Сайт	ВКонтакте	Телеграмм
Количество пользователей			
Объем информации			
Оперативность размещения информации			
Контакт с аудиторией			
другое			

Кейс 5. "Сравнение виртуальных образов популярных юристов". Выберите фамилии достаточно известных в стране юристов, проанализируйте способы их самопрезентации и самопродвижения на различных цифровых площадках. Оцените его по следующим параметрам: дизайн страницы, самопрозентация, оказываемые услуги (специализация), отзывы, социальная активность юриста: участие в различных мероприятиях, волонтерские практики и пр. (табл. 5).

Таблица 5 – **Виртуальный образ популярных юристов**

Параметры	Сайт юриста	ВКонтакте	Телеграмм
Дизайн страницы			
Самопрозентация			
Услуги			
Отзывы			
Социальная активность			

Представленные кейсы реализовывались со студентами, обучающимися по направлению профессиональной подготовки 40.03.01 Юриспруденция. При решении данных кейсов, студенты обращались к различным интернет-ресурсам: сайтам с юридическим содержанием, социальным сетям, разрешенным для применения в Российской Федерации.

Работа велась в подгруппах, примерным составом по пять человек. Будущие бакалавры юриспруденции выполняли задание, описанное в кейсе, заполняли соответствующие таблицы, в которых указывались параметры для анализа. Затем они обсуждали полученные результаты в группе. Преподаватель комментировал их ответы, корректно указывал на имеющиеся неточности, консультировал по вопросам выполнения заданий, выстраивал и модерировал дискуссию.

Таким образом, будущим бакалаврам юриспруденции было предложено 5 кейсов: 1) "Анализ профессионального сообщества юриста"; 2) "Оценка юридической компетентности специалиста"; 3) "Изучение цифровых ресурсов с юридическими услугами; 4) "Обзор юридических журналов в социальных сетях"; 5) "Сравнение виртуальных образов популярных юристов". В процессе решения данных кейсов у студентов развивались различные мыслительные операции: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение. Кроме того, они учились бесконфликтно организовывать работу в группе, оформлять отчётные материалы, грамотно распределять время, отведенное на решение каждого кейса. Данные кейсы решались в рамках учебной дисциплины "Информационные технологии в юриспруденции".

Заключение

Уровень развития когнитивных процессов личности определяет успешность ее профессиональных решений. Для будущих бакалавров юриспруденции очень важно уметь работать с информацией, обобщать, анализировать, синтезировать имеющиеся данные. В современную эпоху стремительного развития цифровых технологий и перехода многих услуг в виртуальное пространство будущим бакалаврам необходимо уметь вести профессиональный дискурс в социальных сетях. Для этого образовательный процесс в вузе важно переориентировать на развитие критического мышления обучающихся, совершенствование их мыслительных операций.

Изучение контентов социальных сетей с юридическими услугами позволяет студентам быть в курсе современных трендов в области юриспруденции, понимать актуальные потребности граждан, новые методы правового консультирования. Преподаватель, разрабатывая специальные педагогические средства, например кейсы, позволяет студентам учиться анализировать, обобщать, сравнивать, то есть думать. Предложенные кейсы могут быть полезны для преподавателей юридических вузов.

Литература:

1. Берберян Э.С. Место мыслительных операций в структуре способностей и мышления / Э.С. Берберян // Российский психологический журнал. – 2016. – № 13 (1). – С. 19-28.

2. Шадриков В.Д. Мышление, мысль, одаренность / В.Д. Шадриков, В.А. Мазилов // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 212-227.
3. Елизарова М.А. Формирование правового мышления студента юриста как условие становления будущего профессионала / М.А. Елизарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 336-341.
4. Донской А.Г. Профессиональные сетевые сообщества как ресурс неформального повышения квалификации педагогических работников / А.Г. Донской, О.А. Сахно, В.Н. Макашова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2021. – № 2(47). – С. 15-30. – С. 21.
5. Ильясов Д.Ф. Принципы разработки и реализации дополнительных профессиональных программ, основанных на применении цифровых технологий / Д.Ф. Ильясов, К.С. Буров, Е.А. Селиванова // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 2(145). – С. 41-51.
6. Селиванова Е.А. Готовность педагогов к обмену знаниями в образовательной онлайн-среде / Е.А. Селиванова // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2021. – №2(47). – С. 31-39.
7. Девяткин Г.С. Актуальные вопросы Правил поведения адвоката в сети "Интернет" / Г.С. Девяткин // Мир науки и образования. – 2016. – № 3 (7). – С. 10.
8. Хустенко А.А. Профессиональный дискурс юристов: неофициальные формы коммуникации (на материале сообществ социальных сетей) / А.А. Хустенко, Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 473. – С. 89-100.
9. Трегубова Т.М. Формирование ризоматического мышления у будущих юристов в контексте цифровизации их профессии / Т.М. Трегубова, И.Н. Айнутдинова, К.А. Айнутдинова // Вестник Самарского юридического учреждения. – 2021. – №4 (45). – С. 97-106.
10. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник / Л.С. Выготский; [предисл., сост.: Е. Красная]. – М.: АСТ; Хранитель, 2008. – 668 с.

ENVIRONMENTAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE 1990S

Nesterova Anna Alexandrovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Institute of Continuing Education, Director, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk*

The purpose of the study *is to analyze the development of environmental education of Russian youth and representatives of the older generation in the 1990s, to identify its pedagogical features. The article examines the directions and forms of dissemination of environmental knowledge among adults relevant to the period under study, analyzes the rich factual material, the generalization of which allowed us to highlight the characteristic features of Russian environmental education in the first post-perestroika decade.* ***The scientific novelty*** *of the presented materials consists in supplementing with factual information the existing ideas about the trends in the development of environmental education in Russia and interpreting them from pedagogical positions.* ***As a result*** *of the analysis, the tasks, functions, principles, forms and subjects characteristic of the sphere of Russian environmental education of the 1990s were identified.*

Keywords: *environmental education of adults; directions of activities for environmental education of adults; dissemination of environmental knowledge; public environmental organizations.*

EDN: PIDLUW **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.54**

УДК 373.2
ВАК РФ 5.8.1

ОПЫТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ В 1990-Х ГГ.

© Нестерова А.А., 2023

НЕСТЕРОВА Анна Александровна, *кандидат педагогических наук, доцент, директор, Институт непрерывного образования, Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск*

Цель исследования *– проанализировать развитие экологического просвещения российской молодёжи и представителей старшего поколения в 1990-х гг., выявить его педагогические особенности. В статье рассмотрены направления и формы распространения экологических знаний среди взрослых, актуальные для исследуемого периода, проанализирован богатый фактический материал, обобщение которого позволило выделить характерные особенности российского экологического просвещения в первое постперестроечное десятилетие.* ***Научная новизна*** *представленных материалов заключается в дополнении фактическими сведениями имевшихся представлений о тенденциях развития экологического просвещения в России и интерпретации их с педагогических позиций.* ***В результате*** *проведённого анализа выявлены задачи, функции, принципы, формы и субъекты, характерные для сферы российского экологического просвещения 1990-х гг.*

Ключевые слова: *экологическое просвещение взрослых; направления деятельности по экологическому просвещению взрослых; распространение экологических знаний; общественные экологические организации.*

Просвещение в области экологии и проблем окружающей среды – необходимое условие преодоления кризиса в системе "человек – природа – общество". Для разработки актуальной научно-методической основы экологического просвещения требуется глубокий анализ различных аспектов формирования экологической культуры в российском обществе, включающий осмысление истоков этой проблемы.

Российское экологическое просвещение, зародившись в начале XX века в русле природоохранного движения, развивалось на протяжении всего советского периода и было подробно проанализировано в работах Е.Д. Макеевой [1; 2; 3], А.В. Шмыгалевой [4] и др. Однако сегодня существует недостаток историко-педагогических работ, обобщающих опыт организации экологического просвещения в России в 1990-х гг., изучению которого посвящена предлагаемая вниманию читателя статья.

Под экологическим просвещением тех лет понималось "распространение экологических знаний об экологической безопасности, информации о состоянии окружающей среды и об использовании природных ресурсов" [5]. Оно складывалось на основе советского природоохранительного просвещения и стихийного заимствования зарубежного опыта и осуществлялось разного рода неправительственными организациями через средства массовой информации, периодическую печать, в учреждениях культуры, на особо охраняемых природных территориях и т.п.

В условиях демократизации и возрастающей гласности во второй половине 1980-х гг. в некоторых регионах СССР появились газеты и журналы, поднимавшие проблему состояния природной среды, которые выходили в формате самиздата: "Зелёный листок" (Самара), "Третий путь" (Нижний Новгород), "Экологический вестник" (Красноярск) и др. Само появление такого рода прессы свидетельствовало о востребованности экологической повестки в общественном дискурсе тех лет, вызванном стремительной деградацией окружающей природной среды. Не последнюю роль в развитии экологической прессы сыграло осмысление последствий разрушительной аварии на Чернобыльской АЭС, обусловившее к началу 1990-х гг. живой общественный интерес к правдивой информации в области экологических проблем.

Под влиянием общественности в 1989 году Верховным Советом СССР принято Постановление "О неотложных мерах экологического оздоровления страны", отменившего запрет на открытое обсуждение состояния окружающей природной среды в печати [6] и публикация государственного доклада "О состоянии природной среды в СССР в 1988 году" [7]. У обывателя впервые появился открытый доступ к систематизированным официальным сведениям о состоянии окружающей среды, здоровье населения, региональных экологических проблемах, государственной и международной политике в этой области.

Всё это стало предпосылками появления в начале 1990-х гг. различных эколого-ориентированных периодических изданий, доступных для широкого круга читателей. Символом экологической журналистики тех лет стала общенациональная еженедельная газета "Зелёный мир", которая начала издаваться в 1990 году при участии Госкомприроды РСФСР и информационно-издательского центра "Экопресс". Газета давала возможность учёным, чиновникам, общественникам обсуждать насущные вопросы экологической повестки того времени. По признанию современников, издание "Зелёный мир" было популярным среди широкого круга читателей не только потому, что его выпуски содержали теоретические и методические материалы, научно-популярные статьи, но и объективную информацию о состоянии окружающей природы. В том же году начала выходить еженедельная "Экологическая газета", занявшая иную познавательно-развлекательную издательскую нишу. Годом позже появилась газета "Спасение", которая обратилась к экологической тематике сквозь призму культуры, религии, нравственности [8]. В числе первых отечественных экологических изданий был бюллетень (позднее – журнал) "Охрана дикой природы", выпускавшийся Центром охраны дикой природы Международного Социально-экологического Союза [9]. Распространению экологических знаний среди молодёжи и взрослых способствовало появление в 1996 году научно-популярного журнала "Экология и жизнь", главным редактором которого был академик Российской академии наук Н.Н. Моисеев. Читатели могли знакомиться со статьями ведущих экспертов в области экологии и биологии, а также философов, экономистов, инженеров, педагогов, политологов, социологов и др. Выпуски журнала "Экология и жизнь" поступали во многие региональные, вузовские и даже школьные библиотеки, а также распространялись на предприятиях, в органах государственной и местной власти и т.д. [10]. Экологическая и природоохранная повестка

отражалась и в центральных изданиях: "Аргументы и факты", "Огонёк", "Московский комсомолец" и др.

Открывшиеся в начале 1990-х гг. возможности для международного сотрудничества способствовали распространению переводных версий зарубежной периодики, среди которых был, например, дайджест "Выживем вместе" ("Surviving Together"). По мнению современников, материалы этого издания содержали независимый взгляд на экологическую политику, экономические аспекты охраны окружающей среды. Выпуски дайджеста спонсировались международной некоммерческой организацией ISAR, которая позиционировала себя как силу, поддерживающую общественные инициативы стран бывшего СССР по созданию справедливого и устойчивого общества, и распространялись на безвозмездной основе. Под патронажем ISAR также издавалась газета "Хранители Радуги", освещавшая деятельность одноимённого радикального экологического движения, возникшего в начале 1990-х гг. На страницах газеты публиковались фотоматериалы и новости о различных, зачастую эпатажных, экологических акциях, проводимых членами этого движения. Издание и распространение выпусков газеты финансировалось в рамках программы ISAR "Семена демократии" [11].

При финансовой поддержке американского благотворительного Фонда У. Элтона Джонса в 1995 году Центр экологической политики (профессиональная общественная организация для экспертной поддержки экодвижения и разработки рекомендаций для законодательной и исполнительной власти) и Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации начали издавать бюллетень "На пути к устойчивому развитию России". Бюллетень задумывался как дискуссионная площадка, на которой российские общественные организации могли обсуждать направления общенациональной экологической политики [11].

В начале 1990-х гг. упомянутые выше экологические издания выходили большими тиражами и привлекали внимание широкого круга читателей, но постепенно с ростом негативных изменений в экономическом укладе соотечественников они становились менее востребованными у читателей: уменьшились тиражи "Зелёного мира", перестали печататься выпуски "Экологической газеты" и "Спасения".

Большой вклад в развитие экологического просвещения молодёжи и взрослых в течение первого постсоветского десятилетия внесли уже существовавшие и вновь создававшиеся неправительственные организации. Наиболее массовым среди них оставалось Всероссийское общество охраны природы, имевшее свои отделения почти в каждом российском регионе; развивался Международный социально-экологический союз; в 1993 году начала свою деятельность неполитическая общественная организация Конструктивно-экологическое движение России "Кедр" и т.д. В 1994 году был создан Неправительственный экологический фонд им. В.И. Вернадского, деятельность которого была направлена на формирование экологического мировоззрения, поддержку экологических инициатив и пропаганды научного подхода к преодолению экологического кризиса. Фонд поддерживал природоохранительные и эколого-просветительские проекты, организовывал конференции, смотры, олимпиады, оказывал поддержку изданию литературы научного и популярного жанров. Команда фонда предавала большое значение налаживанию тесных партнёрских связей с регионами: Санкт-Петербург, Ивановская, Тамбовская, Саратовская, Томская, Волгоградская области, республики Чувашия, Коми, Ставропольский край и т.д.

Многие экологические общественные организации объединяли свои усилия для совместной реализации крупных проектов. Так, в середине 1990-х гг. в г. Чите был запущен проект "Окно в мир", который объединил усилия Читинского отделения международного экологического движения "Фонд Байкала", Байкальского центра экологических и гражданских инициатив, Забайкальского отделения Российской экологической академии, Читинского центра по сохранению биоразнообразия. В рамках названного проекта собиралась и распространялась информация о состоянии окружающей среды, о деятельности неправительственных организаций и фондов, реализовывавших в то время экологические проекты в России и других странах. В рамках проекта "Окно в мир" была создана библиотека авторских программ, методических разработок в области организации экологического просвещения, которые активно распространялись как на местном, так и на всероссийском уровне [12].

Опираясь на накопленный в течение нескольких десятилетий опыт, общественники использовали ранее зарекомендовавшие себя формы распространения экологических знаний и информации о состоянии окружающей среды: конференции, семинары, конкурсы,

экологические лагеря, выставки творческих работ и литературы, форумы, ярмарки, фестивали кино, телемарафоны, радиопередачи, мероприятия экологических агитбригад и творческих самодеятельных коллективов, которые пропагандировали природоохранительные идеи. Многие экоактивисты являлись внештатными корреспондентами средств массовой информации и доносили экологические знания и информацию до широкой аудитории на страницах газет, журналов, в телеэфире и на радио. Была распространена практика издания листовок, плакатов, брошюр, фотоальбомов и книг для проведения экологической пропаганды [13].

В 1993 году такие организации, как Всероссийская ассоциация регионов с неблагоприятной экологической обстановкой, Интерсоцэкофонд, Союз "Чернобыль", Всероссийское общество охраны природы и другие, при поддержке Министерства природных ресурсов России и СМИ выступили с предложением о ежегодном проведении Дней защиты от экологической опасности. В 1996 году было подписано Постановление Правительства Российской Федерации от № 686 "О проведении Дней защиты от экологической опасности", что придало общественной инициативе официальный статус. С этого времени в календаре экологических событий в России появился День Земли (22 апреля), Дни Марша парков (неделя или десятидневка в период до или после 22 апреля), День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах (26 апреля), Международный День биоразнообразия (22 мая), Всемирный день защиты детей (1 июня), Всемирный день окружающей среды (5 июня) [14].

В эколого-просветительскую работу были вовлечены и российские вузы, которые, отвечая на социально-экологические вызовы современности, вводили в учебные планы подготовки будущих специалистов самых разных сфер деятельности эколого-ориентированные курсы и способствовали развитию студенческих экологических объединений. Большое внимание такой работе уделялось в Алтайском государственном университете, где на базе биологического факультета был организован экологический клуб, объединивший преподавателей и студентов, получавших в стенах вуза не только профильные специальности. Участники клуба принимали участие в создании сети особо охраняемых природных территорий Алтайского края, проводили экологическую экспертизу проекта по спасению малых рек Алтая. В 1995 году при биолого-почвенном факультете Якутского государственного университета был возрождён Оперативный отряд по охране природы (позднее – "Дружина охраны природы". Занимаясь борьбой с браконьерством, разработкой научно-практических программ по охране природы, созданием особо охраняемых природных территорий и эколого-просветительской работой в заповедниках республики Саха, участники отряда распространяли экологические знания среди широкого круга людей разных возрастов и рода деятельности [12].

Наряду с вузами и отечественными общенациональными и местными экологическими организациями, эколого-просветительской практикой занимались зарубежные неправительственные центры и фонды. На слуху у обывателей чаще всего была деятельность российских представительств, таких международных организаций, как Гринпис и Всемирный фонд дикой природы, которые благодаря весомой финансовой поддержке реализовывали масштабные, в том числе просветительские, экологические проекты на Дальнем Востоке, Урале, в Сибири и на Кавказе и т.д. В результате кооперации деятельности Международного социально-экологического Союза и международной организации Sacred Earth Network, располагавшейся в США, был реализован проект "Телекоммуникация – для окружающей среды" (Environment Telecommunication Project), в рамках которого осуществлялось техническое оснащение экологических организаций Якутска, Новочеркасска, Владивостока, Комсомольска-на-Амуре, Красноярска, Хабаровска и Читы [15].

Неправительственные экологические организации тесно сотрудничали с российскими библиотеками, для которых в следствие принятия закона "Об охране окружающей природной среды" экологическое просвещение студенческой молодёжи и взрослых стало одним из важных направлений работы в последнее десятилетие XX века. Во многих из них начали создаваться Центры экологического просвещения, культуры и информации, где формировалась информационно-библиографическая база по вопросам рационального природопользования, включавшая специализированную естественнонаучную, техническую литературу, материалы из области гуманитарных наук, научно-популярную периодику, "красные" книги, словари, справочники, а также отчёты о состоянии окружающей среды. К концу 1990-х гг. такие центры активно работали во многих российских регионах: при Орловской

областной публичной библиотеке им. И.А. Бунина, Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края, Государственной областной универсальной Мурманской библиотеке и др. Многое делалось городскими и районными библиотеками. Центры совместно с органами местной власти, учёными, представителями общественности и СМИ создавали и реализовывали программы, предусматривавшие не только комплектование библиотечных фондов тематической литературой, но и проведение широкого круга просветительских мероприятий: конференций, лекториев, семинаров, курсов повышения квалификации и пр. [16].

Развитию библиотечного экопросветительства способствовало проведение Всероссийского смотра-конкурса работы библиотек по этому направлению. Он был инициирован в 1995 году Российской государственной юношеской библиотекой и поддержан Государственным комитетом экологии России, Министерством природных ресурсов России, Министерством культуры России и Министерством образования России и Национальным информационным агентством "Природные ресурсы". По итогам первого смотра-конкурса были определены библиотеки, чья эколого-просветительская практика была признана эффективной и могла использоваться по всей стране: Кировская областная научная библиотека им. А.И. Герцена, Вологодская областная научная универсальная библиотека им. И.В. Бабушкина, Иркутская областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина, Государственная научно-техническая библиотека, Центральная городская детская библиотека им. А. Гайдара (Москва) и др. [17].

Эколого-просветительская практика стала распространяться и в музейной среде, охватывая как крупные государственные учреждения, так и краеведческие музеи в небольших городах. Эколого-просветительская повестка реализовывалась в государственных естественно-научных музеях, деятельность которых изначально была созвучна проблемам формирования массовой экологической культуры: Государственный Дарвиновский музей (Москва), основанный ещё в начале XX века, Байкальский музей Сибирского отделения Российской академии наук, созданный в 1993 году на базе экспозиции Лимнологического института и др. В 1990 году начал создаваться первый этноэкологический музей-заповедник "Тазгол" в Кемеровской области [18], в 1992 году на базе Института почвоведения и фотосинтеза Российской академии наук создан "Эколого-почвенный кабинет", который в дальнейшем стал известен как Пущинский музей экологии и краеведения (Московская область). Коллектив уникального специализированного музея с первых лет своего существования формировал уникальные фонды, привлекая к этой работе посетителей музея, оформлял научные экспозиции, проводил научные семинары, совещания, просветительские экскурсии [19]. В сотрудничестве с общественниками и органами власти учреждения культуры принимали участие в экологических проектах с целью привлечения внимания широкой общественности к проблемам загрязнения окружающей среды, создавали экологические школы и образовательно-просветительские центры. Велась работа по расширению музейных экспозиций через наполнение содержания экскурсий материалами, направленными на сохранение духовных и культурных ценностей в общении с природой [20].

В середине 1990-х годов экологическое просвещение стало одним из основных направлений деятельности заповедников России, которые имея богатый опыт в области охраны природных территорий и научно-исследовательской работы, внедряли эколого-просветительские практики в деятельность существовавших при них музеев природы (Музей природы Воронежского заповедника (г. Воронеж), Музей природы Окского заповедника (Рязанская область), Музей природы Печоро-Илычского заповедника (Республика Коми) и другие).

Уникальная эколого-просветительская практика сложилась в Санкт-Петербурге, где с 1998 года действовала Высшая народная школа для старшего поколения петербуржцев – культурная и образовательная программа для взрослых, приветствовавшая свободные дискуссии по важнейшим социокультурным вопросам. Среди направлений работы школы был цикл занятий "Природа и экология" [21]. Слушатели программы – горожане старшего поколения с активной жизненной позицией – знакомились с масштабом существовавших экологических проблем в Санкт-Петербурге, в России и во всём мире, с влиянием урбанизации на экологическую ситуацию, причинами негативных изменений в атмосфере, почве, водоёмах и т.п. Отдельное внимание уделялось формированию правильного отношения к проблемам, связанным со стремительным ростом отходов, обсуждались способы их сокращения и утилизации и многое другое [22].

Таким образом, благодаря ретроспективному анализу эколого-просветительской деятельности 1990-х гг., удалось выявить присущие этому процессу особенности: национальная эколого-просветительская повестка вызывала высокий интерес неправительственных общественных организаций, в том числе зарубежных, а "на местах" волну энтузиазма вызвала открывшаяся в первые постперестроечные годы возможность оказывать реальное влияние на решение локальных экологических проблем. Многие общественные инициативы поддерживались органами власти, о чём свидетельствовало принятие Федерального закона "Об охране окружающей природной среды". В 1996 году была разработана и принята Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, декларировавшая серьёзные намерения, направленные на "сбалансированное решение проблем социально-экономического развития и сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала, удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений людей" [23].

Однако уже к началу 2000-х гг. в общественной дискуссии стало ощущаться некоторое "размывание" экологической повестки в череде социальных и экономических проблем. При этом анализ эколого-просветительской практики показал, что были и иные причины постепенного спада интереса к этой сфере, связанные с некоторыми заблуждениями тех, кто занимался распространением экологических знаний. Так, В.Е. Борейко в статье, посвящённой экологической пропаганде, назвал такие заблуждения "ловушками" и отнёс к их числу восемь ошибочных мнений "пропагандистов-экологов": 1) большое количество экологической информации и знаний автоматически способствует "улучшению охраны природы"; 2) одно и то же сообщение одинаково понятно в разных возрастных социальных, возрастных и национальных группах; 3) ориентированность только на общенациональные средства массовой информации; 4) экологические знания определяют поведение в природе; 5) необходимо стремиться к распространению экологических знаний преимущественно за счёт ресурсов государственных учреждений; 6) каждый может заниматься распространением природоохранных знаний; 7) создатель информации может эффективно самостоятельно распространять её; 8) можно перенести технологии политической пропаганды в экологическую сферу [24].

Историко-педагогическая интерпретация представленных материалов заключается в следующем:

1) ключевой целью экологического просвещения взрослых на протяжении последнего десятилетия XX века являлось формирование экологической культуры отдельной личности и общества в целом путём решения следующих задач: формирование научных установок и представлений об экологии и экологической деятельности; информирование о состоянии окружающей среды; формирование устойчивой потребности в применении экологических знаний и информации;

2) эколого-просветительская деятельность того периода выполняла несколько функций:

– образовательную (расширение и углубление знаний, полученных в учебных заведениях);

– информативную (осведомление о состоянии окружающей среды и способах природосообразного поведения);

– разъяснительную (обеспечение понимания сообщаемых сведений в области охраны окружающей среды);

– идеологическую (популяризация идей бережного отношения к природе, сохранения биоразнообразия и пр.);

– агитационно-пропагандистскую (распространение сведений о деятельности общественных экологических организаций в целях привлечения в их ряды новых членов);

– консультативную (сообщение знаний, необходимых в повседневной жизни);

3) изучение разнообразия направлений эколого-просветительской деятельности в России в первое постсоветское десятилетие, ориентированной на молодёжь и старшее поколение, позволило выявить характерные для неё педагогические принципы: непрерывность формирования экологической культуры личности в течение всей жизни; ориентированность на признание самоценности природы; добровольность и ориентация на саморазвитие личности; индивидуализация просветительской траектории; достоверность распространяемых знаний и информации; разнообразие и гибкость форм просветительской деятельности; доступность эколого-просветительских мероприятий; вовлечение в активную экологическую деятельность; учет региональных и местных природных особенностей и просветительских традиций;

4) наиболее распространёнными формами экологического просвещения на протяжении рассматриваемого периода выступали распро-

странение экологических знаний и сведений через средства массовой информации, экологические и природоохранные акции, конференции, форумы, фестивали, экологические лагеря, лекции, конкурсы, выставки творческих работ;

5) ретроспективный анализ эколого-просветительской сферы 1990-х гг. показал, что её основными субъектами выступали общественные организации, органы государственной власти, средства массовой информации, библиотеки, музеи, общественность и отдельная личность. Характерной особенностью того периода была ориентация всех участников эколого-просветительского процесса на деятельное сотрудничество ради достижения важной цели – формирования экологической культуры молодёжи и представителей старшего поколения.

В последнее десятилетие XX века поиск оптимальных подходов и технологий экологического просвещения молодёжи и всего взрослого населения ещё не был завершён. Большое количество появившейся экологической информации и новых сведений в области окружающей среды не повлекло за собой массового интереса к её проблемам. Вопрос об эффективных способах эколого-просветительской работы со студенчеством и взрослыми оставался открытым.

Примечания:

1. Макеева Е.Д. Первые общественные организации природоохранной направленности в России / Е.Д. Макеева // Карельский научный журнал. – 2014. – №3 (8). – С. 10-12.
2. Макеева Е.Д. Генезис взаимоотношений государственных органов и общественности в решении вопросов охраны природы в 1920-1950-е гг. / Е.Д. Макеева // Символ науки. – 2016. – № 6-2. – С. 45-47.
3. Макеева Е. Д. Природоохранная политика СССР в 1960-1980-х гг.: успехи, провалы и противоречия / Е.Д. Макеева // История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). – СПб.: Свое издательство, 2017. – С. 37-41.
4. Шмыглева А.В. Природоохранная политика Советского государства: основные этапы формирования и механизм реализации / А. В. Шмыглева // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сборник научных трудов – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. – С. 159-171.
5. Закон РСФСР "Об охране окружающей природной среды". – Режим доступа: URL: https://refdb.ru/look/1757387.html.
6. Постановление Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 года "О неотложных мерах экологического оздоровления страны". – Режим доступа: URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВС_СССР_от_27.11.1989_о_неотложных_мерах-_экологического_оздоровления_страны.
7. Состояние природной среды в СССР в 1988 году : Доклад / Гос. ком. СССР по охране природы. – М.: ВИНИТИ, 1989. – 201 с.
8. Калинина Н.В. Становление экологической прессы в системе российских СМИ на рубеже 1980 – 1990-х гг. / Н.В. Калинина // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – №86. – С. 26-30. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-ekologicheskoy-pressy-v-sistemerossiyskih-smi-na-rubezhe-1980-1990-h-gg.
9. Журнал "Охрана дикой природы". – Режим доступа: URL: https://biodiversity.ru/publications/odp/.
10. Экология и жизнь: научно-популярный журнал. – Режим доступа: URL: http://www.ecolife.ru/zhurnal/o-zhurnale/.
11. Полезные периодические издания // Экодело. – Режим доступа: URL: https://ecodelo.org/639-poleznye_periodicheskie_izdaniya-2_1995_god.
12. Презентации // Экодело. – Режим доступа: URL: https://ecodelo.org/631-prezentatsii-1_1995_god.
13. Савченко В. А. Экологическое просвещение населения России – путь к устойчивому развитию и формированию гражданского общества / В. А. Савченко // Вестник экологического образования в России. – 2007. – № 4(46). – С. 16-18.
14. Церцек Н.Ф. Общероссийские дни защиты от экологической опасности / Н.Ф. Церцек, И.Ф. Баришпол // Экокультура. – Режим доступа: URL: https://ecoculture.ru/ecolibrary/art_12.php.
15. События // Экодело. – Режим доступа: URL: https://ecodelo.org/624-sobytiya-1_1995_god.
16. Покровская О.В. Итоги Всероссийских смотров-конкурсов работы библиотек по экологическому просвещению населения / О.В. Покровская // Библиотеки и экологическое просвещение в России. Итоги Всероссийского смотра-конкурса работы библиотек по экологическому просвещению населения 2000-2001 гг. – М.: РЭФИА, 2001. – С. 9-14.
17. Лещинская В.В. Эколого-просветительская деятельность библиотек / В.В. Лещинская, Н.Г. Рыбальский // Природно-ресурсные ведомости. – 2017. – № 10-11.– С. 7.
18. Кимеев В.М. Экомузей "Тазгол": проектные перспективы и современная реальность / В.М. Кимеев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2018. – № 24. – С. 210-218.
19. Пущинский музей экологии и краеведения. – Режим доступа: URL: http://www.pushchino-muzeum.ru/index.php/blog-kategorii.
20. Чуклина Т.И. Экологический музей как репетиция идеального общества / Т.И. Чуклина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2009. – №2.
21. Высшая народная школа для старшего поколения петербуржцев. – Режим доступа. – URL: https://gigabaza.ru/doc/100289.html.
22. Мухлаева Т.В. Экологическое образование взрослых в Народной школе / Т.В. Мухлаева // Человек и образование. – 2010. – №1. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-obrazovanie-vzroslyh-v-narodnoy-shkole.

23. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 "О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию". – Режим доступа: URL: https://docs.cntd.ru/document/9017665.

24. Борейко В.Е. Пути и методы природоохранной пропаганды / В.Е. Борейко // Природоохранная пропаганда. – Киев, 1996. – Режим доступа: URL: http://ecoclub.nsu.ru/books/Vest_3-4/vest3-7.htm.

SOCIAL AND HUMANITARIAN FUNCTION OF FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Petrova Marina Georgievna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

Voronina Galina Ivanovna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor, Institute of Professional Adult Education, Bremen, Germany*

The purpose of the study *is to reveal the foreign language education's social and humanitarian function and substantiate its valuable contribution to the formation of the students' spiritual and moral culture.* ***The scientific novelty*** *of the study lies in the fact that for the first time the authors identified and theoretically substantiated the conditions of transition from the traditional methodology of foreign language teaching to the methodology of foreign language education, the main function of which is the formation of a student's cultural linguistic personality through a system of cognitive, educational and developmental means and teaching methods, tested and successfully implemented in the practice of foreign language education. As a result of the research, the concept's essence of the socio-humanitarian function of foreign language education is determined and methodological recommendations based on the achievements of modern methodological science are developed.* ***The results of the study*** *have theoretical and practical significance for the immediate transition from the accepted understanding of teaching foreign language methodology to the new concept of "Methodology of foreign language education". The concept formed by methodological science and pedagogical practice reflects the main purpose of foreign language education - the formation of a cultural linguistic personality with the ability to learn other cultural worlds, literature, art and traditions of European peoples through the study of foreign languages, through a system of communicative tasks to learn to analyze, compare and contrast facts and events, comprehend critically information about their native country and the countries of the taught language.*

Keywords: *foreign language education; social and humanitarian function of foreign language education; cultural linguistic personality; spiritual and moral culture; professional mobility; social activity.*

EDN: KESPUE **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.55**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ ФУНКЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.1
ВАК РФ 5.8.2

© Петрова М.Г., 2023
© Воронина Г.И., 2023

Цель исследования *– раскрыть социально-гуманитарную функцию иноязычного образования и обосновать его ценностный вклад в формирование духовно-нравственной культуры студенческой молодежи.* ***Научная новизна*** *исследования заключается в том, что в нем впервые выявлены и теоретически обоснованы условия перехода от традиционной методики обучения иностранному языку к методике иноязычного образования, основной функцией которой является формирование культурной языковой личности студента через систему познавательных, воспитательных и развивающих средств и методов обучения, апробированных и успешно внедренных в практику иноязычного образования.* ***В результате*** *исследования определена сущность понятия социально-гуманитарной функции иноязычного образования и разработаны методические рекомендации на основе достижений современной методической науки. Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость для незамедлительного перехода от принятого понимания методики обучения иностранным языкам к новому понятию "Методика иноязычного образования". В понятии, сформированном методической наукой и педагогической практикой, отражается главное предназначение иноязычного образования - формирование культурной языковой личности, обладающей способностями через изучение иностранных языков познавать другие культурные миры, литературу, искусство и традиции европейских народов, через систему коммуникативных заданий учиться анализировать, сравнивать и сопоставлять факты и события, осмысливать критически информацию о родной стране и странах преподаваемого языка.*

Ключевые слова: *иноязычное образование; социально-гуманитарная функция иноязычного образования; культурная языковая личность; духовно-нравственная культура; профессиональная мобильность; социальная активность.*

ПЕТРОВА Марина Георгиевна, *кандидат педагогических наук, доцент, Институт иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Москва*

ВОРОНИНА Галина Ивановна, *доктор педагогических наук, профессор, Институт профессионального образования взрослых, Бремен, Германия*

Введение

Современная методика иноязычного образования обогащена новыми научными данными о планировании и организации условий, средств и методов формирования культурной языковой личности студента. В этой связи особое значение приобретает социально-гуманитарная функция иноязычного образования. В первую очередь, это связано с потребностью методической науки исследовать, научно обосновать и внедрить в образовательную практику богатый отечественный педагогический опыт формирования социально и профессионально мобильного поколения молодежи, обладающей ценными человеческими и гражданскими качествами и способностью жить в многонациональном многоязычном мире. Обращение научной и педагогической общественности к вопросам социальной активности и углублению гуманитарных знаний студентов связано с необходимостью преодоления негативных проявлений в обществе, противоречащим нормам и принципам морали и нравственности граждан Российской Федерации.

Цель исследования структурировала ряд *задач*: 1) актуализировать содержание учебников иностранного языка за счет дополнительной аутентичной информации, заданий и упражнений на сравнительно-сопоставительной основе, развивающих критическое мышление студентов; 2) обновить программы подготовки преподавателей иностранных языков по освоению методики иноязычного образования; 3) разработать новые модули программы дополнительного профессионального образования, ориентированные на потребности преподавателей в овладении дополнительными компетенциями; 4) создать методические рекомендации по овладению преподавателями иностранных языков творческими методами реализации социально-гуманитарной функции иноязычного образования, направленной на воспитание и развитие гуманитарной культуры личности студента.

Для осмысления и решения задач, поставленных в данной статье, применялись следующие *методы исследования*:

– теоретические: изучение и анализ теоретических исследований по исследуемой проблеме в области педагогической и психологической науки, теории и методики иноязычного образования; теории воспитания молодежи И.М. Ильинского;

– эмпирические: изучение и обобщение опыта преподавания осуществления социально-гуманитарной функции иноязычного образования в процессе преподавания и проектной деятельности студентов; изучение и обобщение опыта преподавателей иностранного языка на курсах дополнительного профессионального образования

Теоретической базой исследования послужили научные труды Е.В. Бондаревской, И.М. Ильинского, Е.И. Пассова, А.Б. Погребняк, Н.Е. Серебровской, О.И. Пец.

Практическая значимость исследования состоит в том, что внедрены в практику иноязычного образования рекомендации по формированию языковой личности студента средствами иноязычной культуры; разработаны новые модули к программе подготовки преподавателей иностранного языка, удовлетворяющие их потребностям в овладении недостающими компетенциями в области методики иноязычного образования

Основная часть

Социально-гуманитарная функция иноязычного образования непосредственно связана с готовностью преподавателя иностранного языка к овладению активными творческими методами преподавания. В этой связи необходимо создать и укрепить разветвленную систему подготовки и переподготовки педагогических кадров: учителей школ и преподавателей иностранного языка высшей школы, нуждающихся в дополнительной квалификации и компетенции. Несмотря на то, что в вузах накоплен достаточно богатый опыт работы с преподавательским составом с применением новейших педагогических и информационных технологий, имеется ряд нерешенных вопросов. Требуется усилить преподавательский состав учреждений дополнительного педагогического образования опытными педагогами, имеющими собственные разработки, проверенные на практике, обладающими ораторским искусством, способностью увлекать, убеждать, мотивировать к творческой педагогической деятельности.

Педагогическая деятельность преподавателей иностранного языка осуществляется во многих вузах в группах иностранных студентов, которые прибыли в российские университеты не только с целью овладеть русским языком как иностранным или иностранными языками с одновременным изучением русского языка, но и с целью познакомиться с культурой и традициями русского общества, с опытом существования многонационального государства, сохраняя взаимопонимание, добрососедские отношения, уважение к национальным особенностям друг друга. Одним из

важных направлений в работе учреждений дополнительного педагогического образования должна стать организация интерактивных семинаров с применением видеоматериалов из опыта работы не только столичных вузов, но и вузов других республик, входящих в состав Российской Федерации, результатом которых могут стать дискуссии, статьи, методические разработки. Квалифицированную подготовку можно было бы осуществлять за счет привлечения опытных и высококомпетентных методистов и преподавателей, находящихся на заслуженном отдыхе, инициировав создание добровольного объединения преподавателей иноязычного образования на базе вуза. Они охотно могли бы принять участие в разработке концепций и программ воспитательной работы, поделиться своими практическими достижениями с молодыми преподавателями, совместно организовать внеурочные мероприятия: викторины, конкурсы, творческие мастерские, целью которых являются ценностные смыслы человеческой деятельности.

Современное общество представляется как жизнелюбивый, миролюбивый, трудолюбивый состав граждан с высоким чувством ответственности за последующие поколения, за порядок, в котором существуют уважение к национальным особенностям друг друга и соблюдаются нравственные заповеди. И перед российскими вузами поставлены задачи формирования нового поколения будущих профессионалов, для которых, помимо знания специальности, такие понятия, как профессиональная и социальная мобильность, готовность к непрерывному самосовершенствованию и обучению и плюс к этому честь, достоинство, верность делу, станут непременными качествами личности. В этом заключается причина исследования социально-гуманитарной функции иноязычного образования.

Наряду с другими образовательными областями знаний иноязычное образование призвано формировать и улучшать культуру знаний студентов. Культура знаний включает спектр профессиональных навыков и трудовых умений, базовые экономические знания, общекультурные знания, а также владение языком (или языками) международного профессионального общения и этикой деловых или научных коммуникаций. Социально-гуманитарная функция иноязычного образования направлена на воспитание у студентов национального самосознания, формирование реальных представлений о европейском и западном мире, развитие критического мышления на основе сравнительно-сопоставительного анализа предъявляемой информации.

Содержание иноязычного образования Е.И. Пассов, выдающийся ученый-методист, рассматривал как процесс познания, развития, воспитания и учения личности, в результате которого он превращается в творческую индивидуальность, высшим критерием оценки которой является нравственность гуманизма [3, 23]. Ученый неоднократно в своих работах подчеркивал, что требуется разработка актуальной программы воспитания студенческой молодежи, которой предстоит принять эстафету у старшего поколения специалистов и дальше развивать высокие технологии в экономике, инженерно-техническом деле, в сфере медицины, культуры, образования на благо процветания страны, для лучшей и комфортной жизни людей. Исходя из исторических событий, которые пережила Россия в годы сложных испытаний, и из событий последних лет, когда возникла реальная угроза всему миропорядку, проблема воспитания патриотизма, уважения, любви к Родине все чаще стала обсуждаться в обществе. Негативные явления, имеющие место среди молодежи и взрослых, являются, по общему мнению, результатом разрушения духовно-нравственного сознания. В этих условиях социально-гуманитарный аспект содержания иноязычного образования должен стать эффективным фактором воздействия на сознание и поведение студентов.

Вопросы постановки воспитания в вузах исследовались в концептуальных работах И.М. Ильинского, доктора философских наук, профессора, ректора Московского гуманитарного университета. Позиция ученого нашла свое воплощение в гуманистической концепции молодежи. В ней на первый план выдвинуто развитие личности, формирование ее жизнеспособности. Жизнеспособность, согласно И.М. Ильинскому, – это умение человека успешно развиваться в трудных условиях социальной и культурной среды, воспроизвести и воспитать жизнестойкое потомство в биологическом и социальном плане, стать индивидуальностью, сформировать смысложизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом среду, делая ее более благоприятной для жизни, не разрушая и не уничтожая ее [1, 18]. Действительно образованный человек – человек гуманный. Иначе он не образовался, а лишь обучился, функционирует, а не живет полной жизнью. Речь идет о формировании человека культуры. И эту миссию, по мнению Е.В. Бонда-

ревской, должно принять на себя образование и через человека сохранять, возрождать и развивать культуру [2, 15].

Иноязычное образование есть многоаспектное поле образовательной деятельности. Основополагающим компонентом в нем является культура. Средством же выражения культуры является язык, который отражает национальную картину мира народа, говорящего на этом языке. Овладевая иностранным языком, студенты познают и культурные ценности народов. С этой точки зрения, цель обучения иностранным языкам гораздо шире и заключается в овладении иноязычной культурой. Принимая за основу теорию Е.И. Пассова, можно утверждать, что иноязычная культура – часть общечеловеческой культуры. Познание иноязычной культуры осуществляется в процессе иноязычного образования в его познавательном, воспитательном, развивающем и учебном аспектах. Следовательно, социально-гуманитарная функция иноязычного образования должна быть направлена на формирование духовности как внутреннего богатства молодого человека, нравственности и морали в соответствии с нормами жизни в обществе, т.е. будущего специалиста и как профессионала, и как достойного человека.

Заключение

Беседы со многими студентами в многонациональных группах на разных курсах обучения в Институте профессионального образования и в Институте иностранных языков позволили сделать вывод о том, что не нашлось ни одного из них, кто бы не хотел успешно определиться в профессиональной и личной жизни. Все понимают ответственность перед государством и обществом, перед семьей. Чувство долга и достоинства гражданина своей страны ставят на первое место. На вопрос о переходе от обучения иностранному языку к иноязычному образованию студенты считают оправданным, так как язык и культура неразделимы. Иностранный язык открывает возможность читать зарубежную литературу, смотреть фильмы, слушать новости, общаться с новыми друзьями из других университетов в процессе работы над проектами.

В контексте гуманистических научных концепций развивается принципиально новая методика иноязычного образования, которая ставит своей основной целью формирование человека культуры – культурной языковой личности [4; 5]. Ее главными характеристиками является способность к межкультурной коммуникации в деловой и профессиональной сферах деятельности, готовность к постоянному повышению квалификации и освоению новых компетенций в соответствии с меняющимися условиями работы, умения преодолевать конфликты и решать проблемные ситуации, человеческие качества гражданина своей страны.

На основе информационных материалов из различных источников исторических, экономических, политических и общекультурных знаний формируются убеждения, нравственные и духовные качества личности, укрепляются вера в будущее народов своей многонациональной страны, формируются чувства патриотизма, ответственности за судьбы родных и близких. Наличие таких человеческих (гуманных) качеств у будущих молодых специалистов является задачей иноязычного образования.

Утверждение методики иноязычного образования влечет за собой ряд существенных изменений в концептуальном плане. Прежде всего необходимо обновить цели и задачи подготовки студентов в соответствии с реалиями современной жизни. Во-вторых, требуется создать новые программы-концепции, в которых определятся новые направления преподавания языка и культуры на сравнительно-сопоставительной основе, будут названы критерии отбора и организации страноведческого и культуроведческого материала в виде тематических модулей по самым ценным аспектам истории и культуры родной страны и страны изучаемого языка с пояснительными комментариями. Дополнительных материалов требуют учебники, которые преподаватель может использовать не только на занятиях, но и во внеучебное время. Возможность применять на занятиях видеоматериалы значительно расширят границы познания не только лингвистического ландшафта, но и помогут получить представление о культурных особенностях стран.

Осуществляя переход к гуманитарной (новой культурно-образующей) концепции иноязычного образования, особого внимания заслуживает система подготовки педагогического персонала вузов. К педагогическому персоналу относятся не только преподаватели иностранных языков, но и педагоги дополнительного образования, руководители студенческих клубов и центров с изучением иностранных языков, а также методисты-организаторы курсовых мероприятий. В этой связи было бы желательно провести ряд методических семинаров для ознакомления со спецификой новой

методики, ее целями и задачами на каждом этапе обучения. Необходимо на практике ознакомиться с новыми педагогическими технологиями воспитания и развития личности в процессе овладения иностранным языком. Для этого нужны активные социальные формы обучения и тесные профессиональные контакты с опытными преподавателями. Педагоги должны понять и принять новые подходы к планированию и организации учебного процесса, обменяться опытом работы на занятии и во внеучебное время над проектами, презентациями, самостоятельными творческими работами.

Литература:

1. Ильинский И. М. О воспитании жизнеспособных поколений российской молодежи / И. М. Ильинский // Государство и дети: реальности России. – М., 1995. – С. 18.
2. Образование в поисках человеческих смыслов / под ред. Е.В. Бондаревской. – Ростов-на-Дону, 1995. – 178 с.
3. Пассов Е.И. Методика как наука будущего. Методическая школа Е.И. Пассова / Центр лингвистического образования ГК. – М.: Просвещение, 2021. – С. 23-24.
4. Погребняк А. Б. Социально-гуманитарное образование в высшей школе на современном этапе / А. Б. Погребняк // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XX (67) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 12-13 марта 2015 г.: в 2 т. – Витебск, 2015. – Т. 2. – С. 125-126.
5. Серебровская Н.Е., Пец О.И. Социально-гуманитарное образование как важнейший ресурс Российской Высшей Школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2020. – № 2. – С. 136-144. https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-2-136-144

PROSPECTS FOR IMPROVING THE PROCESS OF TRAINING THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHERS IN CHINA UNIVERSITIES ON THE BASIS OF MODERN DIDACTIC APPROACHES

Xi Zhenxin, *Postgraduate student, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd*

The purpose of the study *is to determine the didactic approaches, the most promising in terms of improving the quality of training of Russian language teachers for universities and colleges in China. The article reveals the concept of "didactic approach", shows its place in the structure of the training of teachers of Russian as a foreign language, justified the expediency of the development and application of culturological, personality-oriented and activity-based approaches as the conceptual basis for the training of university teachers of Russian language taking into account the socio-cultural characteristics and educational traditions of China.* ***Scientific novelty*** *of the results of the study lies in the identification of modern didactic approaches culturological, personality-oriented, activity-based – in solving problems of improving the process of training teachers of Russian as a foreign language and improve the effectiveness of this process by taking into account the specifics of its organization in a particular country.* ***As a result*** *of the study the didactic approaches were identified and characterized, the application of which is associated with the prospects of improving the process of training teachers of Russian language in the system of higher education in modern China.*

Keywords: *teacher training in Russian as a foreign language; Chinese higher education system; didactic approach; culturological approach; personality-centered approach; activity-based approach; cultural appropriateness principle.*

EDN: LWKFTT **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.56**

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ КИТАЯ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИДАКТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

© Си Чжэньсинь, 2023

Цель исследования *– определить наиболее перспективные дидактические подходы в плане повышения качества подготовки преподавателей русского языка для вузов и колледжей Китая. В статье раскрыто понятие "дидактический подход", показано его место в структуре подготовки преподавателей русского языка как иностранного, обоснована целесообразность разработки и применения культурологического, личностно ориентированного и деятельностного подходов в качестве концептуальной основы подготовки вузовских преподавателей русского языка с учётом социокультурных особенностей и образовательных традиций Китая.* ***Научная новизна*** *результатов исследования заключается в выявлении возможностей современных дидактических подходов – культурологического, личностно ориентированного, деятельностного – в решении задач совершенствования процесса подготовки преподавателей русского языка как иностранного и повышения результативности данного процесса на основе учёта специфики его организации в конкретной стране.* ***В***

результате *проведённого исследования выявлены и охарактеризованы дидактические подходы, с применением которых связаны перспективы совершенствования процесса подготовки преподавателей русского языка в системе высшего образования современного Китая.*

Ключевые слова: *подготовка преподавателей русского языка как иностранного; система высшего образования Китая; дидактический подход; культурологический подход; личностно ориентированный подход; деятельностный подход; принцип культуросообразности.*

Введение

В условиях интернационализации образования исследование проблем подготовки преподавателей русского языка как иностранного является одним из актуальных направлений в области методологии и технологии профессионального образования. Для успешного решения этих проблем необходимо изучение, осмысление с научных позиций и концептуализация мирового опыта в данной области. Хотя высших учебных заведений, где преподаётся русский язык, в зарубежных странах сравнительно немного, в ряде стран наблюдается возрастание интереса к русскому языку не только как к культурному феномену, но и как к инструменту профессиональной деятельности в сфере экономики, культуры, образования, промышленности. К числу таких стран относится Китай, где в последнее десятилетие в связи с реализацией совместных российско-китайских проектов заметно увеличилась потребность в специалистах квалификации "русский язык плюс специальность", в связи с чем изменились требования к преподавателям русского языка в вузах и колледжах.

Концептуальные основания подготовки преподавателей русского языка как иностранного разрабатываются и находят отражение в дидактических подходах, применяемых в процессе подготовки педагогических кадров. Однако на фоне большого массива исследований российских и китайских учёных, посвящённых методике преподавания русского языка китайским студентам, наблюдается практически полное отсутствие научных работ, посвящённых современным дидактическим подходам, применение которых может способствовать повышению качества подготовки преподавателей русского языка в Китае. Данная статья представляет собой попытку в некоторой мере восполнить этот пробел.

Целью исследования является обоснование целесообразности применения дидактических подходов, направленных на совершенствование процесса подготовки преподавателей русского языка для вузов и колледжей Китая.

Достижение данной цели предполагает решение следующих *задач*: 1) выявить проблемы и противоречия, существующие в настоящее время в системе подготовки преподавателей русского языка в Китае; 2) определить роль современных дидактических подходов в решении данных проблем.

Для решения задач и достижения цели исследования были использованы теоретические методы: классификация, которая позволила структурировать проблемы, существующие в системе подготовки преподавателей русского языка в Китае; анализ, благодаря которому были выявлены характеристики современных дидактических подходов, значимые с точки зрения решения существующих в настоящее время в системе подготовки преподавателей русского языка проблем; сравнительный анализ дидактических подходов, позволивший определить их возможности в совершенствовании

СИ Чжэньсинь, *аспирант, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград*

процесса подготовки преподавателей русского языка в Китае; обобщение, ставшее основой для формулирования выводов проведённого исследования.

Методологической основой исследования является системно-целостный подход (И.В.Блауберг, В.С. Ильин и др.), позволивший рассмотреть современные дидактические подходы – культурологический, личностно ориентированный и деятельностный – как составляющие единой системы, могущей составить концептуальную базу подготовки преподавателей русского языка в Китае.

Основная часть

Для определения перспектив совершенствования системы подготовки преподавателей русского языка необходимо выявить внутренние противоречия, существующие в настоящее время в данной системе. Внешним проявлением таких противоречий выступают проблемы разного характера и разного уровня, которые фиксируются в исследованиях китайских и российских учёных.

Анализ исследований китайских учёных (Ван Линлун, Ли Симэй, Хуан Тинтин и др.) и образовательной практики в вузах Китая свидетельствует о наличии в процессе подготовки преподавателей русского языка серьёзных проблем, которые раздалены нами на две группы – организационные и педагогические [23]. К организационным проблемам Лу Чунъюэ [14] относит следующие: недостаточное количество студентов, изучающих русский язык в университетах и колледжах; несоответствие учебной и учебно-методической литературы, справочных материалов современным требованиям – как в плане содержания, так и в плане подачи материала; нехватка преподавателей квалификации "русский язык плюс специальность"; дефицит образовательных и других организаций, которые могли бы составить базу для прохождения студентами практики. К перечисленным организационным проблемам мы сочли необходимым добавить следующие: преобладание в образовательном процессе университетов и колледжей языковой подготовки в ущерб педагогическим, психологическим и методическим дисциплинам; нехватка преподавателей педагогических, психологических и методических дисциплин и недостаточно высокий уровень их подготовки.

Педагогические проблемы мы разделили на две группы – дидактические и методические. К дидактическим проблемам нами отнесены: отсутствие научно обоснованной модели подготовки преподавателей русского языка в единстве целевого, содержательного, операционального и диагностического компонентов; неразработанность концептуальных идей и положений, которые могли бы стать теоретической основой организации подготовки преподавателей русского языка; ориентация на традиционные (в определённой степени устаревшие) дидактические подходы к организации преподавания русского языка, общекультурных, психологических, педагогических и методических дисциплин; слабая разработанность технологического компонента преподавания учебных дисциплин, составляющих основу профессиональной подготовки преподавателей русского языка и учитывающих специфику такой подготовки.

В настоящее время в работах как китайских, так и российских исследователей рассматриваются главным образом методические проблемы, связанные с преподаванием русского языка как иностранного [18; 24; 26]. Однако анализ образовательной практики свидетельствует о том, что эти проблемы могут быть отнесены и к методике преподавания других учебных дисциплин, составляющих содержание профессиональной подготовки преподавателей русского языка. Это такие проблемы, как слабое использование современных эффективных методических подходов; недостаточное использование потенциала активных и интерактивных методов обучения; редкое обращение к методам и методикам, основанным на концептуальных положениях диалога культур, которые обладают большими возможностями в решении задач изучения русского языка и российской культуры.

Наиболее эффективным способом, позволяющим решить большинство дидактических и методических проблем и косвенным образом повлиять на решение организационных проблем, является, на наш взгляд, научное обоснование и реализация на практике современных дидактических подходов.

Под дидактическим подходом мы понимаем систему теоретических положений и педагогических принципов, определяющих логику деятельности педагога и специфику используемых им педагогических средств. В системе подготовки преподавателей русского языка как иностранного идеи, положения и рекомендации, разрабатываемые в рамках дидактических подходов, составляют концептуальную основу подготовки преподавателей. Анализ нормативных документов [17; 20], публикаций китайских [4; 14; 15; 25] и российских [10; 16; 18] исследователей позволил устано-

вить, что в настоящее время в системе подготовки преподавателей русского языка в вузах Китая существует противоречие между декларируемыми в нормативных документах и реализуемыми на практике дидактическими подходами. Нормативные документы и массив научно-педагогических публикаций фиксируют тенденцию к ориентации процесса обучения, в том числе и процесса подготовки преподавателей русского языка, на личностно ориентированный подход, основным положением которого является принятие личности обучающегося в качестве главной ценности и цели образования. Центром образовательного процесса, согласно данному подходу, должно стать личностное развитие студента, которое сделает возможным эффективное формирование у него профессиональных качеств, творческих способностей, умений самостоятельно приобретать знания, стремления и способности к профессиональному самосовершенствованию. Личностно ориентированный подход предполагает индивидуализацию образовательного процесса, партнёрские отношения между преподавателем и студентами. Личностно ориентированный образовательный процесс должен быть направлен на приобретение студентами опыта применения знаний в разнообразных ситуациях профессиональной деятельности.

Однако в практике подготовки преподавателей русского языка преобладает традиционный "знаниевый" подход, утверждающий в качестве абсолютной ценности образования глубокие, прочные академические знания, вследствие чего недооценивается практическая направленность обучения. Не отрицая ценности академических знаний (в том числе знаний культурологического характера, знания грамматики русского языка, знаний педагогических и психологических закономерностей, методов и форм обучения), подчеркнём, что их абсолютизация в теории и практике подготовки преподавателей русского языка приводит к недооценке аналитических и практических умений – как языковых, так и профессионально-педагогических.

Отметим и ещё одно негативное явление в системе подготовки вузовских преподавателей русского языка. В практике подготовки таких специалистов нередки случаи, когда "знаниевый" подход подменяется технократическим; в результате у студентов формируются лишь механистические навыки чтения, письма и перевода, основанные на изучении грамматики и работе со словарём.

Как отмечает Н.И. Ипполитова, с позиций методологии вполне корректным является сочетание нескольких не противоречащих друг другу подходов [12, с. 13]. В системе подготовки преподавателей русского языка для колледжей и вузов Китая оптимальным, на наш взгляд, является сочетание культурологического, личностно ориентированного и деятельностного дидактических подходов. Культурологический подход в полной мере отвечает специфике гуманитарного знания, центром которого являются смысл

С точки зрения *культурологического подхода* (М.М. Бахтин, В.С. Библер, Ю.М. Лотман), любое знание должно рассматриваться в контексте культуры, как часть смыслового поля культуры. Применительно к деятельности преподавателя русского языка как иностранного это означает, что он должен уметь не только воплощать в жизнь готовые модели обучения и образовательные проекты, но и, понимая смыслы разнообразных явлений культуры, "самостоятельно интерпретировать социальный заказ, соотносить приоритеты социальных ценностей и норм с общекультурными и личностными смыслами, не допуская схематизации и обезличивания знаний" [9, с. 119].

Центральным в культурологическом подходе является принцип культуросообразности, который предполагает в первую очередь учёт культурных характеристик обучающихся. Китайская образовательная традиция базируется на мировоззренческом представлении о том, что основным источником знаний и мудрости является слово – как слово учителя, так и письменное слово. С наибольшей полнотой смысл слова постигается в молчании, а этому в наибольшей степени способствует нахождение "один на один" с письменным текстом [7]. В силу этого китайские студенты склонны к индивидуальной работе, а наиболее комфортным видом деятельности на занятии является для них работа с учебником. Культурологический подход ориентирован в первую очередь на работу с разного рода текстами, причём понятие "текст" трактуется широко – как любой феномен культуры, который необходимо понять через выявление заключённых в нём смыслов [1]. Такого рода "смыслопоисковая" деятельность адекватна традиционным китайским представлениям о сущности образования и потому способна сделать педагогическое взаимодействие по разным линиям ("преподаватель студент", "студент – объект изучения", "студент студент") более гармоничным. В то же время культурологический подход существен-

но расширяет содержание профессиональной подготовки преподавателей русского языка не только за счёт увеличения разнообразия устных и письменных текстов, с которыми работают студенты на разных уровнях обучения, но и за счёт включения в содержание образования произведений искусства, норм отношений, правил поведения и взаимодействия и т.п.

Реализация культурологического подхода предполагает опору в процессе подготовки преподавателей русского языка как иностранного на идеи диалога культур, наиболее полно представленные в трудах М.М. Бахтина [1] и В.С. Библера [2]. Проектирование и конструирование образовательного процесса с позиций диалога культур позволит студентам глубоко понять русскую культуру, выявить заключённые в ней смыслы через соотнесение её с собственной культурой, через нахождение "точек соприкосновения" между родной и русской культурой и через определение принципиальных различий между двумя культурами. Это важно с точки зрения понимания закономерностей функционирования и развития русского языка, создания целостного представления о нём. Идея Ю.М. Лотмана о том, что культуру следует рассматривать по аналогии с языком, его утверждение о том, что "законы построения художественного текста в значительной мере суть законы построения культуры как целого" [13, с. 87] позволяют рассматривать культуру как своеобразный аналог языка. Глубинная связь между культурой и языком, являющимся ядром культуры, позволяет рассматривать реализацию культурологического подход как необходимое условие подготовки высококвалифицированных преподавателей русского языка как иностранного.

Эффективным для преподавателя русского языка как иностранного в плане реализации диалога культур является сравнение русского и китайского языков – их грамматического строя на уровнях морфологии и синтаксиса, фонетики, лексики и семантики (последнее в контексте культурологического подхода является наиболее значимым). При этом важно проводить сравнение не по формальным признакам (хотя формальные критерии для сравнения, разумеется, должны быть разработаны), а на смысловом уровне, определяя культурные основания тех или иных явлений и/или закономерностей, характерных для русского языка.

Культурологический подход позволит эффективно решать и проблемы методического характера, возникающие в процессе изучения русского языка. Как справедливо отмечает А.К. Новикова, "при обучении русскому языку китайских студентов возникает много сложностей именно из-за того, что культуры России и Китая далеки друг от друга" [18, с. 69]. Этим обусловлены трудности не только лингвистического, но и экстралингвистического характера, состоящие в восприятии словесных образов русских текстов, для понимания которых необходимо знание русского фольклора ("жар-птица", "Кащей бессмертный", "Илья Муромец" и др.), понимании крылатых выражений и т.п. Реализация культурологического подхода будет способствовать преодолению такого рода трудностей на основе глубокого понимания оснований русской культуры и ей особенностей.

С точки зрения *личностно ориентированного подхода*, в качестве главной ценности и цели образования рассматривается личность – как личность обучающегося, так и личность педагога. Одновременно, по словам В.В. Серикова, личностно ориентированный подход представляет собой программу педагогической деятельности, цель которой – воспитать личность [22, с. 9]. Личностно ориентированный подход определяет гуманный характер отношений субъектов, включённых в образовательный процесс, отношений, основанных на взаимном уважении прав и достоинства, на признании права ученика на выбор образовательного маршрута, способов освоения содержания образования и т.п.

Одним из центральных понятий личностно ориентированного подхода является понятие "личностный опыт", или "опыт быть личностью". Знание составляет лишь часть личностного опыта. Характер и содержание личностного опыта в большей мере, чем материал изучения предмета, обусловлены внутренними, психологическими, механизмами личностного развития участников образовательного процесса. Для личностного опыта характерны особые способы освоения, отличные от традиционных педагогических средств: "погружение" в личностно-ориентированную ситуацию, диалог, рефлексия, смена переживаний, субъектная активность и др. В структуре личности личностный опыт выполняет смыслообразующую функцию [21]. Отметим, что такое представление о педагогически инструментованных способах приобретения личностного опыта согласуется с положением культурологического подхода о необходимости "взаимодействия" с явлениями языка и культуры на смысловом уровне. Приобретению обучающимися личностного опыта способствует также применение активных и интерактивных мето-

дов обучения, таких как дискуссия и её разновидности, дидактическая игра, метод проектов и другие методы с элементами исследовательской деятельности, кейс-метод и др. Если предметное содержание учебных дисциплин составляет инвариантный компонент содержания образования, то ориентация на личность и на приобретение ею уникального опыта обеспечивает вариативность, дифференциацию и индивидуализацию образовательного процесса.

Одна их важнейших особенностей организации образовательного процесса на основе личностно ориентированного подхода – максимальная приближенность к естественной жизнедеятельности человека. Применительно к профессиональному образованию можно говорить о том, что речь идёт о максимальной приближенности к будущей профессиональной деятельности студента, а приобретение студентом личностного опыта должно быть тесно интегрировано с приобретением опыта профессиональной деятельности как в процессе аудиторных занятий, так и во время производственных практик.

Следует отметить, что личностно ориентированный подход не является характерным для китайской образовательной традиции, основу которой составляет безусловный авторитет учителя и беспрекословное послушание учеников, а также доминирование репродуктивных методов обучения, в чём тоже проявляется авторитарный характер отношений между педагогом и обучающимися. Однако в последние годы в китайских периодических изданиях появляется всё больше публикаций, в которых разрабатываются идеи личностно ориентированного образования (Ван Луяо, Ван Цзиньлин, Жан Найянь и др.) Особое внимание авторы таких публикаций уделяют вопросам роли самообразования в развитии личности студента, повышения уровня самостоятельности и активности студентов в образовательном процессе, применения в процессе профессиональной подготовки активных и интерактивных методов обучения. Разрабатываются такие методы обучения русскому языку как иностранному, как дидактическая игра, метод мини-проектов, метод реализации культурологических проектов и т.п. Будучи включёнными в учебную деятельность с помощью таких методов, будущие преподаватели русского языка приобретают как личностный (например, опыт аргументированного обоснования своей точки зрения), так и профессиональный опыт (например, опыт проектирования образовательных ситуаций на занятиях русского языка как иностранного). При этом некоторые виды опыта находятся "на пересечении" личностного и профессионального опыта. В качестве примера можно привести опыт осмысления явлений русской культуры.

Если говорить о *деятельностном подходе*, то целесообразность его использования в процессе подготовки преподавателей русского языка в Китае обусловлена целым рядом причин. В силу сложившейся в Китае образовательной традиции китайские студенты более ориентированы на точное воспроизведение материала, нежели на его глубокое осмысление и творческое применение в разных видах деятельности. Это, безусловно, влияет на качество образовательных результатов. Если говорить о профессиональных дисциплинах, то у студентов "относительно медленно формируются речевые автоматизмы, навыки творческой речемыслительной деятельности, в учебный процесс с трудом вводятся коммуникативные приёмы обучения, осложняется выработка навыков спонтанной диалогической речи" [18, с. 73].

В настоящее время в российских вузах широко применяется компетентностный подход, который и с концептуальной, и с технологической точек зрения очень близок к деятельностному подходу [19, с. 37]. В рамках компетентностного подхода содержание образования отбирается и структурируется на основе тех компетенций, которые необходимы специалисту в определённой области. Студенты осваивают компетенции в процессе включения в активную деятельность. Продуктом такой деятельности "является структурированное и актуализируемое знание, лежащее в основе умения решать требующие его применения задачи в разных областях" [19, с. 40]. Кроме того, в качестве продукта рассматриваются также личностные новообразования, которые вместе с присвоенными знаниями и освоенными умениями входят в структуру личностного опыта студента. Таким образом, можно говорить о тесной взаимосвязи деятельностного подхода с личностно ориентированным как в плане ориентации на приобретение будущим преподавателем русского языка личностного и профессионального опыта, так и в плане разработки и обоснования активных и интерактивных методов обучения.

Деятельностный подход связан не только с личностно ориентированным, но и культурологическим подходом. Поскольку деятельность может быть не только предметной (результа-

том которой является материальный продукт), но и духовной (например, интеллектуальной деятельностью по поиску смыслов, заключённых в явлениях культуры), то проблемы организации деятельности будущих преподавателей русского языка как иностранного, направленной на осмысление и понимание явлений культуры, на рефлексию собственного опыта как представителя определённой культуры и опыта "взаимодействия" с явлениями иной культуры, на формирование умений работать с явлениями родной и иной культуры могут разрабатываться и решаться в условиях интеграции концептуальных положений и практических рекомендаций культурологического и деятельностного подходов.

Китайская образовательная традиция во многом противоречит современным дидактическим подходами, которые широко применяются в российских вузах с конца XX начала XXI в. В российских вузах нередко проводятся проблемные лекции, лекции с элементами дискуссии, лекции с элементами театрализации и т.п. На занятиях в российских вузах студентам часто предлагаются задания такого рода: "Выскажите свою точку зрения (по определённому вопросу). Дайте ей обоснование", "Дайте собственную оценку событиям или ситуациям", "Сформулируйте выводы", "Постройте научно обоснованный прогноз" и т.п., причём такие задания применяются при изучении всех предметов. Для китайских студентов такие задания являются непривычными, они предпочитают традиционные задания, связанные с запоминанием и возможно более точным воспроизведением материала. Реализация деятельностного подхода будет способствовать освоению будущими преподавателями русского языка других видов деятельности, необходимых в их будущей профессии, их самоопределению относительно содержания и методов будущей профессиональной деятельности.

Как уже отмечалось, культурологический, личностно ориентированный и деятельностный подходы не противоречат друг другу, а дополняют и обогащают друг друга в процессе подготовки преподавателей русского языка как иностранного. Так, культурологический подход создаст условия для успешного применения являющегося в настоящее время актуальным в методике обучения иностранным языкам ситуационного подхода. Ситуационный подход предполагает создание или введение в процесс обучения соответствующей проблемной или коммуникативной ситуации, с тем чтобы студенты чувствовали себя эмоционально и интеллектуально погружёнными в данную ситуацию. Такая ситуация должна вызывать у студентов эмоциональные переживания, расширять их кругозор, стимулировать мыслительную деятельность, способствовать глубокому пониманию содержания обучения, формировать и развивать способность решать проблемы. Однако успешная деятельность студента (в первую очередь спонтанная деятельность аудирования и говорения) в рамках такой ситуации возможна лишь на основе понимания её культурных основ. Деятельность студентов в ситуациях, воспроизводящих взаимодействие людей, которые представляют разные социальные, возрастные, национальной психологии, но и характерных для русской культуры моральных норм, форм взаимодействия, правил этикета. В противном случае такие ситуации будут представлять собой лишь формальную тренировку в применении лексики и грамматических правил, слабо связанных с реальными ситуациями взаимодействия; кроме того, возможно некорректное применение невербальных элементов взаимодействия (мимика, жесты, посылы, которые несут в себе одежда и аксессуары, и т.п.)

Заключение

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что роль разных дидактических подходов в процессе подготовке преподавателей русского языка как иностранного различна. Культурологический подход определяет методологические основания моделирования и проектирования данного процесса, принципы подхода к отбору и структурированию содержания образования и общие способы работы с ним преподавателя и студентов. Личностно ориентированный подход является основой проектирования и конструирования способов взаимодействия преподавателя и студентов в образовательном процессе и позволяет выстроить отношения между ними, основанные на взаимном уважении и стремлении к саморазвитию. Кроме того, данный подход выступает необходимым условием для наиболее полной реализации такой характеристики образовательного процесса, как вариативность, и акцентирует внимание преподавателя на развивающей функции обучения. Роль деятельностного подхода заключается в том, что на основе его положений организуется учебная деятельность студентов, осуществляется отбор методов, форм, методик, технологий обучения, которые в наибольшей степени способствуют проявлению самостоятельности и активности студентов, развитию

их общих и специальных способностей, позволяют осуществлять в единстве процессы усвоения знаний и формирования профессионально значимых умений, создают условия для формирования у студентов положительных мотивов обучения и разных видов личностного опыта.

В качестве общего вывода отметим, что разработка и реализация охарактеризованных в статье дидактических подходов позволит осуществить научно обоснованное моделирование и проектирование процесса подготовки преподавателей русского языка, что позволит достичь высоких результатов при решении стоящих в настоящее время в этой сфере задач. При этом необходимо учитывать социокультурную специфику Китая и доминирующие в нём образовательные традиции, в частности, преобладание традиционного "знаниевого" подхода. Поиск и научное обоснование путей и способов интеграции положений традиционного подхода в систему современных дидактических подходов представляет, на наш взгляд, одно из перспективных направлений научного поиска.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 452 с.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур: Опыт определения // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31-43.
3. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
4. Ван Линлун. Преподавание русского языка в Китае: историко-методологический опыт становления // Pedagogical Journal. – 2018. – Vol. 8. – Is. 5A. – С. 574-582.
5. Ван Луяо. Преподавание русского языка в колледжах и университетах провинции Гуандун в рамках концепции "самостоятельного обучения" // Образование в провинции Хэйлунцзян. – 2022. – № 9. – С. 39-41 (на кит. яз.)
6. Ван Цзиньлин. Состояние и перспективы научно-исследовательской программы обучения русскому языку Чанчуньского университета в Китае // Педагогическое образование в России. – 2009. – № 4. – С. 157-161.
7. Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. – М., 1976. – С. 52-82.
8. Жан Найянь. Настоящее образование – самообразование. – Пекин, 2004. – 207 с. (на кит. яз.)
9. Закирова А.Ф. Концептуальные основания герменевтического подхода в педагогике // Евразийский Союз Ученых. – 2014. – № 5-2. – С. 119-121.
10. Иванова И.С. Изучение русского языка в Китае (из опыта работы в Хайнаньском университете) // Концепт. – 2014. – № S13. – С. 36-40.
11. Ильин В.С. Формирование личности школьника (целостный процесс). – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.
12. Ипполитова Н.В. Взаимосвязь понятий "Методология" и "Методологический подход" // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2009. – №13(146). – С. 9-14.
13. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. – Тарту: ТГУ, 1987.
14. Лу Чуньюэ. Преподавание русского языка в контексте проекта "Один пояс – один путь": проблемы и решения. На примере университета в провинции Цзилинь // Преподавание русского языка в Китае. – 2019. – № 4(38). – С.77-83 (на кит. яз.)
15. Лю Лиминь. Изучение русского языка в Китае: наследие и развитие // Русский язык в Китае. – 2017. – № 1. – С. 1-7 (на кит. яз.)
16. Матюшкина Т.П. Русский язык в Китае: через призму времени // Culture and Civilization. – 2014. – №1. – С. 81-89.
17. Национальный стандарт качества преподавания иностранных языков и литературы (2018). URL: https://www.sohu.com/a/227935754_507486 (дата обращения 8.01.2023) (на кит. яз.).
18. Новикова А.К. Преподавание русского языка в Китае: этнометодические и этнокультурные особенности // Вестник РУДН. Серия "Вопросы образования: языки и специальность". – 2011. – № 1. – С. 68-75.
19. Осмоловская И.М. Дидактика: учебное пособие. – М.: ФГБНУ "Институт стратегии развития образования РАО", 2021. – 232 с.
20. Программа бакалавриата по специальности "Русский язык" (2022). URL: https://www.docin.com/p-2319743146.html (дата обращения 8.01.2023) (на кит. яз.)
21. Сериков В.В. Личностный подход в системе принципов современного педагогического мышления // Славянская педагогическая культура. – 2003. – № 2. – С. 39-45.
22. Сериков В.В., Белова С.В., Данильчук В.И., Сергеев Н.К. и др. Личностно ориентированное образование: феномен, концепция, технологии. – Волгоград: Перемена, 2000. – 148 с.
23. Си Чжэньсинь. Подготовка преподавателей русского языка в вузах Китая: проблемы и решения // Инновационные научные исследования. – 2022. – № 11-2(23). – С. 75-83.
24. У Хуэйцзе. Применение мультимедийных методов обучения в процессе обучения английскому языку // Северо-восточный педагогический университет. 2009. № 2. С. 2-6 (на кит. яз.)
25. Хуан Тинтин. История изучения русского языка в вузах Северо-Востока Китая (1949-2018 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Владивосток, 2022. – 194 с.
26. Чжэн Цзинчжоу. Руководство по применению дидактических подходов в обучении / Чжэн Цзинчжоу. – Шанхай: Педагогический университет Хуадуна, 2006. 296 с. (на кит. яз.)

PERSONAL RESOURCES OF A TEACHER OF A DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATION: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT IN THE DIGITAL PARADIGM

Sidorova Margarita Vladimirovna, *PhD of Pedagogical sciences, Associate Professor, Employee, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel*

The purpose of the study *to identify the content of personal resources (cognitive, emotional, behavioral) of a teacher of a departmental educational organization, in the conditions of the digital paradigm of education; to determine the energy characteristics of the personality that ensure professional identification in the process of pedagogical activity.* ***The scientific novelty*** *lies in the analysis of the application of the influence of personal resources in the practice of psychological and pedagogical mechanisms of professional identification of a teacher of a departmental university, focusing on the digital paradigm in education.* ***As a result,*** *the conclusion is made about the influence of personal resources on the professional identification of a teacher, in the context of the implementation of the digital paradigm in higher education.*

Keywords: *personal resources of a teacher; professional identification; departmental educational organization; higher education; digital paradigm.*

EDN: VTFVZM **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.57**

*ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЕДОМСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ЦИФРОВОЙ ПАРАДИГМЕ

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

© Сидорова М.В., 2023

Цель исследования *– выявить содержание личностных ресурсов (когнитивного, эмоционального, поведенческого) преподавателя ведомственной образовательной организации, в условиях цифровой парадигмы образования; определить энергетические характеристики личности, обеспечивающие профессиональную идентификацию в процессе педагогической деятельности.* ***Научная новизна*** *заключается в анализе применения влияния личностных ресурсов на практике психолого-педагогических механизмов профессиональной идентификации преподавателя ведомственного вуза, ориентируясь на цифровую парадигму в образовании.* ***В результате*** *сделан вывод о влиянии личностных ресурсов на профессиональную идентификацию преподавателя, в условиях реализации цифровой парадигмы в высшем образовании.*

Ключевые слова: *личностные ресурсы преподавателя; профессиональная идентификация; ведомственная образовательная организация; высшее образование; цифровая парадигма.*

Введение

Актуальность проблематики эффективного применения личностных ресурсов в процессе профессиональной идентификации преподавателя ведомственной организации заключается в том, что она отражает современные тенденции в развитии высшей школы, связанные с цифровой парадигмой образования.

Цель исследования предполагает решение *задач*: 1) выявить содержание личностных ресурсов (когнитивного, эмоционального, поведенческого) преподавателя ведомственной образовательной организации, в условиях ориентации высшего образования на цифровую парадигму; 2) раскрыть принципы и функции профессиональной идентификации преподавателя в процессе педагогической деятельности; 3) проанализировать классификацию личностной активности преподавателя, в условиях профессиональной деятельности в образовательной среде, ориентированной на цифровую парадигму (Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 года № 1836 "О государственной информационной системе "Современная цифровая образовательная среда").

В этой связи был осуществлен анализ научно-педагогической литературы, в результате которого было выявлено, что развитие понятия "личностные ресурсы" происходило как в психологии (Л.С. Выготский, Д.А. Леонтьев, Я.А. Пономарев, Б.М. Теплов,

СИДОРОВА Маргарита Владимировна, *кандидат педагогических наук, доцент, сотрудник, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел*

В. Д. Шадриков и др.), так и в педагогике (Е.В. Бондаревская, Э.Ф. Зеер, А.О. Кошелева, А.И. Уман и др.), в процессе обсуждения на многочисленных российских форумах и конференциях (2020-2023 годы).

Теоретической базой исследования послужили научные монографии и в области профессиональной идентификации преподавателей вузов, принадлежащие российским ученым А.Г. Асмолову, А.О. Кошелевой, А.А. Вербицкому, А.А. Реан, И.В. Роберт. А также научные публикации и учебно-методические пособия ученых-педагогов А.С. Вершкова, М. В. Сидоровой, В.Н. Мезинова, имеющих большой опыт преподавания дисциплин в высшей школе.

Практическая значимость исследования заключается в широком применении, в обучении преподавателей высшей школы, в рамках курсов повышения квалификации в ведомственных образовательных организациях, психолого-педагогической тематики, нацеленной на эффективное применение личностных ресурсов преподавателя в условиях цифровой парадигмы образования.

Основная часть

Наиболее рациональный путь повышения качества профессионального мастерства преподавателя ведомственного вуза, в условиях ориентирования высшего образования на цифровую парадигму, предполагает эффективное использование им личностных ресурсов (Д.В. Буданцев, А.А. Роберт, В.Н. Мезинов, А. И. Уман и др.). Личностные ресурсы понимаются в данной статье как интегративное личностное образование, обеспечивающее успешность преподавателя вуза в профессиональной среде, направленное на достижение собственных целей в достижении педагогического мастерства, активной связи с коллегами-преподавателями, научными работниками [2, 4, 7]. Анализ психолого-педагогических источников, проведенный по теме данной статьи, позволил автору выделить когнитивный, поведенческий, эмоциональный ресурсы, составляющие интегративное личностное образование – личностные ресурсы (Е.В. Бондаревская, И.В. Роберт и др.).

Когнитивный ресурс – система знаний о себе, об индивидуальных свойствах личности (темперамент, характер, способности и др.), о профессиональных ценностях, ценностях высшей школы. От этого ресурса зависит то, какой набор профессиональных и личностных ценностей будет сформирован у преподавателя ведомственной образовательной организации [6].

Поведенческий ресурс педагога высшей школы включает в себя саморегулирование, самоэффективность, самопрезентацию, внутренний локус контроля, самооценку, профессиональную ответственность [7].

Эмоциональный ресурс преподавателя является, фактически системой смысложизненных образований [4], которая характеризуется самопродвижением личности в профессиональной среде (инициирование научно-исследовательских проектов по преподаваемым дисциплинам, получение патента на изобретения, выстраивание научных коммуникационных связей и др.).

Личностные ресурсы базируются на профессионально-ценностной основе [1]. Представим ценностные ориентиры преподавателя периода цифровой парадигмы образования [2, 3]. Прежде всего, отдадим предпочтение рассмотрению когнитивно-интеллектуальных ценностей: значимость для преподавателя познавательных аспектов восприятия педагогической реальности при интеллектуализации процессов осуществления образовательной, воспитательной, научно-исследовательской деятельности в условиях применения цифровых технологий в ведомственном вузе. Вместе с тем, следует сделать акцент на философско-психологических ценностях, таких как признание и соблюдение российских культурных традиций, применение современных психолого-педагогических теорий и практик в образовательном процессе и др. Велика значимость и социальных (морально-этических) ценностей: значимость и приоритетность для индивидуума соблюдения принятых в конкретном социуме морали, честности, порядочности, этики, сочувствия, уважения в отношениях между людьми. Приоритетность для преподавателя ведомственного вуза любви к родине, патриотизма, гражданственности, долга [7]. Культурно-эстетические ценности отражают значимость для личности преподавателя традиций красоты, гармонии, понимание ответственности представления учебного материала на занятиях, в соответствии с предъявляемыми требованиями, корректно и привлекательно, с точки зрения его восприятия. Соблюдение преподавателем ведомственного вуза психолого-педагогических, санитарно-гигиенических и технических требований при осуществлении учебной деятельности, в том числе, в информационно-образовательной среде, относится к здоровьесберегающим ценностям. Личностные ресурсы оказывают влияние на достижение профессиональной идентифика-

ции преподавателем ведомственной образовательной организации [3].

Профессиональная идентификация относится к одному из типов социальной идентификации [1, 4]. Она отражает чувство единства индивидов с профессией, а также степень, в которой они определяют себя как члена профессионального сообщества.

Профессиональная идентификация, по мнению отечественных ученых Е.П. Ермолаевой, Н.Л. Ивановой, Е.В. Коневой, А.О. Кошелевой, М.В. Сидоровой, характеризует ориентацию индивида на роли, обязанности, значение и этические нормы, в рамках осваиваемой профессии [4,7]. Концептуальные представления человека о своем месте в профессиональной группе базируются на ценностных и мотивационных ориентирах, а также субъективном отношении к своей профессиональной принадлежности. Следовательно, профессиональная идентификация – это продукт длительного личностного и профессионального развития, которое складывается у преподавателя ведомственного вуза, при интеграции навыков, умений, компетенций, педагогической позиции, как устойчивых согласованных механизмов профессионального процесса, который в настоящее время осуществляется с ориентацией на цифровую парадигму. Цифровая парадигма в образовании, выступающая как своеобразная дисциплинарная матрица, базирующаяся на фундаменте научных установок и обеспечивающая преемственность развития науки и научного творчества, включает в себя совокупность понятий, связанных с преподавательской (педагогической) деятельностью: личностные ресурсы, профессиональная идентификация и др. [3,5].

Вместе с тем, требуют теоретического исследования личностные ресурсы (когнитивного, эмоционального, поведенческого) преподавателя ведомственной образовательной организации, применяемые им в условиях цифровой парадигмы образования. Но вначале следует обратиться к принципам и функциям, реализуемым в процессе профессиональной идентификации преподавателя, с учетом личностных ресурсов.

Принципов, на которых основано предположение о важности учета личностных ресурсов в процессе профессиональной идентификации, несколько. Объяснительный принцип, раскрывающий механизм личностных новообразований в педагогической деятельности преподавателя вуза, ориентированный на достижение личностью своей самореализации; принцип синтеза направлений деятельности педагога (учебная, воспитательная, научная, исследовательская деятельность и др.); принцип построения педагогического процесса (использование инновационных методов, форм, средств, технологий обучения и др.) в условиях ориентации на цифровую парадигму.

Содержание функций (профессионально-когнитивной, преобразующей, личностно-развивающей) профессиональной идентификации преподавателя вуза интересовали многих отечественных исследователей (Е.Н. Бондаревская, В.И. Павленко, Н.С. Пряжников, В.В. Сериков и др.) [1]. В профессионально-когнитивной функции сосредоточены два начала: природное, характеризующего человека, с точки зрения развития когнитивных процессов и культурное, свидетельствующее о возможности целенаправленного развития личности в процессе образования личности и ее профессиональной деятельности [4]. Преобразующая функция дает основание учитывать знания, навыки, умения, компетенции преподавателя, познавательную активность в педагогической работе, которые меняются в условиях цифровой парадигмы, в зависимости от многих факторов в среде ведомственной образовательной организации [3]. Личностно-развивающая функция предполагает овладение преподавателем цифровыми технологиями обучения, знанием эффективного применения инноваций в педагогике (способы контроля знаний обучающихся с помощью ЭВМ, использование телекоммуникационных систем, цифровых технологий в обучении и воспитании и др.), развитие личности педагога в профессиональной среде [3, 5, 7].

Профессиональная идентификация преподавателя высшей школы обеспечивается наличием связей между педагогической деятельностью и профессиональным общением. Но для того, чтобы преподавателю эффективно осуществлять педагогическую деятельность и приобретать профессиональное мастерство, необходима личностная активность, характеризуемая некоторыми энергетическими характеристиками: устойчивостью, настойчивостью, устремленностью, проявлением личности в различных видах педагогической деятельности (образовательной, воспитательной, научно-исследовательской и др.). Личностная активность преподавателя может рассматриваться по классификации, согласно следующим основаниям: по отношению к деятельности, по длительности, по качеству деятельности. По отношению к педагогической деятельности следует

выделить потенциальную и реализованную активность. Потенциальная активность преподавателя дает понимание об осознании им поставленных целей в деятельности, стремлении достичь более высокого уровня саморазвития. Реализованная активность свидетельствует о качестве педагогической деятельности. Внешними показателями реализованной активности являются энергичность, интенсивность, темп деятельности, творчество, сила воли. По длительности активность как характеристику преподавателя высшей школы можно исследовать с точки зрения ситуативной и перманентной. Ситуативная активность носит эпизодический характер, а перманентная определяет общее доминирующее отношение к деятельности. Существует, как считают ученые-педагоги, репродуктивно-подражательная, поисково-исполнительская и творческая активность (А.О. Кошелева, М.Н. Скаткин, Т.Н. Шамова и др.) [3]. Репродуктивно-подражательная активность преподавателя заключается в копировании по образцу, согласно методическим разработкам, выполненными другими преподавателями, овладении методами и формами педагогической деятельности, по примеру коллег-преподавателей. Поисково-исполнительская активность присуща тем, кто стремится познать сущность образовательного процесса, применения инновационных методов и форм, освоить применение телекоммуникационных технологий в обучении будущих специалистов, с учетом цифровой парадигмы в образовании. Творческая активность свидетельствует о разработке преподавателем собственной программы действий, совершенствовании профессионального мастерства.

Вместе с тем, возникает необходимость формирования устойчивой мотивации научно-педагогического состава вуза к реализации личностных ресурсов в условиях профессиональной деятельности. Это подтверждается тем, что преподаватель ведомственной организации, по сути, находится в режиме инновационного познавательного поиска необходимой информации с целью применения ее в преподавании и выполнении специфических задач в быстро меняющихся условиях конкретной предметной области, в том числе, с учетом цифровой парадигмы в образовании [2, 3]. Следовательно, психолого-педагогические знания преподавателя о личностных ресурсах и самооценка профессионального потенциала играют важную роль не только для педагогической деятельности личности, но и для образовательной организации, стремящейся к совершению перехода к образовательному процессу нового типа, на основе цифровой парадигмы. Разрабатываются новые дисциплины, внедряются педагогические системы и технологии, предполагающие инновационные формы педагогического взаимодействия (виртуальная реальность и др.), требуют стремительного освоения преподавателями навыки работы в информационно-коммуникационной, цифровой среде.

"Инновационность в образовании стала типичной чертой нашего времени, а преобразование образовательной деятельности – содержания и процесса образования, является предметом инновационности" [2, с. 146]. Чем больше у преподавателя знаний о личностных ресурсах и их применении в условиях педагогической деятельности, тем выше будет уровень его мотивации к самореализации, профессиональной идентификации. И наоборот, если эти ресурсы не востребованы личностью, темпы профессиональной идентификации замедляются, остается недостаточно раскрытым творческий потенциал педагога.

Заключение

Таким образом, личностные ресурсы преподавателя оказывают большое влияние на его профессиональную идентификацию в условиях ориентации высшего образования на цифровую парадигму. В контексте вышеизложенного профессиональная идентификация преподавателя будет эффективной при совершенствовании теоретико-методологической и фундаментально-прикладной базы развития образования в условиях цифровой парадигмы, а также усилении психолого-педагогической составляющей, в рамках профессиональных знаний педагога, получаемых им на курсах повышения квалификации. Проблема профессиональной идентификации преподавателя, при исследовании которой большую роль играют личностные ресурсы, требует фундаментальных и прикладных научных исследований, осуществляемых с ориентиром на формируемые ценности образования периода цифровой парадигмы.

Литература:

1. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированное образование: опыт разработки парадигмы. – Ростов-на-Дону,1997. – 321 с.
2. Буданцев Д.В. Цифровизация в сфере образования: обзор российских научных публикаций // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 120-127.
3. Кошелева А.О., Уман А.И. Профессиональное образование: инновационная функция: монография / под ред. А.О. Кошелевой. – Орел: Орловский

государственный университет им. И.С. Тургенева. – 2018. -189 с.
4. Реан А.А. Психология и педагогика / А.А. Реан, Н.В. Бордовская, С.И. Розум. – СПб.: Питер, 2005. – 432 с.
5. Роберт И.В. Аксиологический подход к развитию образования в условиях цифровой парадигмы // Педагогическая информатика. – 2020. – № 2. – С. 89-113.
6. Мезинов В.Н. Акмеологические предпосылки в подготовке конкурентоспособного учителя // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. – Серия "Психологические науки": Акмеология образования". – 2005. – № 2. – Т. 11.
7. Сидорова М.В., Вершков А.С. Педагогическое сопровождение личности в инновационных условиях профессионального образования: учебно-методическое пособие / М.В. Сидорова, А.С. Вершков. – Орёл: Горизонт, 2020. – 103 с.

TECHNICAL CREATIVITY AS AN ESSENTIAL SELF-REALIZATION OF A MILITARY SPECIALIST

Sukhorukova Anna Andreyevna, *PhD of Pedagogical sciences, employee*
Stelmashchuk Igor Victorovich, *employee*
Federal Security Service of the Russian Federation, Orel

The purpose of the study *to reveal the importance of Russian technical education in modern conditions for the development of the information society, focusing on the traditions of training future specialists in universities laid down by Russian technical societies aimed at disseminating the theory and practice of information about the achievements of technology. The article considers the main approaches to organizing the technical creativity of students at the university. The essence of self-realization of the future military specialist is disclosed, in the educational process of the university, in conditions of participation in circle work at the general engineering department. The principles of interaction between the teacher and the student when performing a technical task using computer design are described.* ***As a result,*** *the following were identified: the main approaches to organizing the technical creativity of students at a technical university; the essence of the self-realization of the person, in the conditions of organizing circle work at the general engineering department of the university; the role of the principles of interaction between the teacher and the student in solving technical problems based on computer modeling.*

Keywords: *technical creativity; self-realization of a military specialist; Russian technical education; computer design; principles of interaction between a teacher and a student in circle work.*

EDN: VXIHRP **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.58**

ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СУЩНОСТНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

© Сухорукова А.А., 2023
© Стельмащук И.В., 2023

Цель исследования *– раскрыть значимость российского технического образования в современных условиях развития информационного общества, акцентируя внимание специалистов на традициях подготовки будущих специалистов в вузах, заложенных русскими техническими обществами, нацеленными на распространение теории и практики сведений о достижениях техники. В статье рассмотрены основные подходы к организации технического творчества обучающихся в вузе. Раскрыта сущность самореализации будущего военного специалиста, в образовательном процессе вуза, в условиях участия в кружковой работе на общеинженерной кафедре. Описаны принципы взаимодействия преподавателя и обучающегося при выполнении технической задачи, с использованием компьютерного проектирования.* ***В результате*** *выявлены: основные подходы к организации технического творчества обучающихся в техническом вузе; сущность самореализации личности, в условиях организации кружковой работы на общеинженерной кафедре вуза; роль принципов взаимодействия преподавателя и обучающегося при решении технических задач на основе компьютерного моделирования.*

Ключевые слова: *техническое творчество; самореализация военного специалиста; российское техническое образование; компьютерное проектирование; принципы взаимодействия преподавателя и обучающегося в кружковой работе.*

СУХОРУКОВА Анна Андреевна, *кандидат педагогических наук, сотрудник*

СТЕЛЬМАЩУК Игорь Викторович, *сотрудник*

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел

Введение

Актуальность данного исследования заключается в необходимости создания в военных вузах условий для самореализации и технического творчества будущих специалистов, изучающих общетехни-

ческие дисциплины путем привлечения их к участию в работе технических кружков и секций под руководством преподавателей.

Цель исследования структурировала *задачи*: 1) раскрыть значимость основных подходов, используемых преподавателями вузов для организации технического творчества обучающихся; 2) раскрыть сущность самореализации личности, в условиях кружковой работы в процессе изучения общетехнических дисциплин; 3) охарактеризовать принципы взаимодействия преподавателей с будущими военными специалистами, при решении технических задач, с использованием компьютерного моделирования. В этой связи, из научно-педагогической литературы, в результате анализа, была выявлена сущность понятий "техническое творчество", "самореализация военного специалиста", "принципы взаимодействия преподавателей и обучающихся в условиях совместной творческой деятельности".

Теоретической базой исследования послужили научные публикации отечественных педагогов, психологов, философов, изучавших проблему творчества личности и ее самореализации в процессе обучения в высшей школе, в том числе и в военном вузе: Л.И. Анцыферовой, В.Е. Алексеева, А.В. Брушлинского, И.Ф. Бережной, А.С. Вершкова, В.В. Давыдова, Б. М. Кедрова, А.О. Кошелевой, А.Н. Матюшкина и др.

Практическая значимость исследования заключается в создании условий для технического творчества и самореализации обучающихся в вузе с учетом принципов взаимодействия преподавателя и обучающегося при решении технических задач, требующих применения компьютерного моделирования.

Основная часть

Без научной базы и компетентных специалистов, подготовленных в российских университетах и академиях, невозможно представить развитие технической мысли, удовлетворяющее скорости развития информационного общества. В России, на ближайшее десятилетие, планируется создание инженерных школ на базе вузов, в партнерстве с крупными компаниями, в том числе и в области цифровой трансформации (Федеральный проект "Передовые инженерные школы"; Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 года № 2816-р). Это обосновано тем, что необходим технологический рывок, положительный результат которого может быть достигнут только при ликвидации между спросом и предложением высококвалифицированных кадров, готовых успешно реализовывать информационно-технологическую парадигму, характеризующуюся наличием информационного базиса, концентрированным выражением научных знаний и практической деятельностью, наличием сетевой логики, конвергенцией технологий. В разработку этой парадигмы, широкоприменяемой в настоящее время, большой научный вклад внесли создатели классических концепций технического знания, российские и зарубежные инженеры и изобретатели: И.Ф. Бекман (1588-1637) – основатель "научной технологии", историк изобретений; В.В. Петров (1761-1834) – основоположник современной электроники; А.С. Попов (1859-1905) – изобретатель радио; Г. Маркони (1874-1937) – радиотехник, изобретатель основ системы связи; П.Н. Яблочков (1847-1894) – военный инженер, изобретатель-электротехник; Н.Ф. Четверухин – математик, выполнивший научные работы в области основной теоремы аксонометрии инженерной графики (1891-1974) и др. [4]. Их научные труды составляют достояние человечества в области технических изобретений, о которых пишут в современных книгах и учебниках, изучаемых будущими специалистами в технических и военных вузах. Современная техника, в том числе и военная, является материальным воплощением человеческих знаний, что убеждает нас в ее связи с наукой [1].

В нашей стране уделяется большое внимание реализации проектов, связанных с развитием науки. Например, национальный проект "Наука" (2019-2024) направлен на обеспечение технологического суверенитета России. Паспорт нацпроекта был разработан в 2019 году (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года"). Вопросы подготовки инженерных кадров для реализации инициатив в области реализации "технологического рывка" обсуждались на научно-методической конференции "Базовая кафедра – связующее звено между вузом и работодателями" 14 марта 2022 года, в г. Ярославль. Конференция прошла на радиозаводе, а главной темой ее стали лучшие практики в радиотехнической отрасли. Вместе с тем, участников конференции интересовали проблемы подготовки специалистов-инженеров в вузах страны, развитие технического творчества молодежи, что отражено в докладах и выступлениях на заседаниях секций. В связи с этим, подчеркнем, что в настоящее время преподавателя-

ми и научными сотрудниками, преподающими общетехнические дисциплины в вузах, проводится большая и эффективная работа по привлечению обучающихся к техническому творчеству, к участию в работе научных секций и кружков [5].

Отметим, что для тех обучающихся, кто хотел бы заниматься техническим творчеством, ведущее место занимают математические дисциплины, а о роли и месте математики в инженерной деятельности многое известно будущим военным специалистам. Необходимость математической подготовки для военных специалистов нет смысла обосновывать в настоящее время, как и убеждать их в значении математики для развития военной техники. Математические знания обязательно будут востребованы всеми членами научной секции или технического кружка, действующего на кафедре вуза. Научиться логике мышления, обрести полет технической мысли, проявить творчество в решении актуальных задач, связанных с применением математических расчетов, компьютерных программ, экспериментами и опытной работой – все это возможно для будущего технического специалиста, обучающегося в военном вузе, если он сам настроен на самореализацию и проявление творчества [2]. Творчество объясняется, как известно, теорией отражения и базируется на материальной, чувственно-предметной деятельности, направленной на преобразование и создание человеком природной среды, с целью удовлетворения своих потребностей [6]. Однако важно акцентировать внимание на том, что техническое творчество должно иметь как личную, так и общественную ценность, субъективную и объективную новизну. Техническое творчество фактически является одним из видов конструкторско-технологической деятельности, продуктом которой может быть новый оригинальный способ решения технической задачи на основе компьютерного моделирования, конструирования технических устройств или их моделей. Выделяя техническое творчество среди других видов деятельности, отметим, что в настоящее время оно призвано, путем применения научных знаний на практике, решать и утилитарные проблемы информационного общества.

Если создать на кафедрах вуза восприимчивую к инновациям среду, в которой будут успешно действовать и коллектив кафедры, и обучающиеся, то будет решена задача творческого самовыражения будущего специалиста в условиях профессионального общения и технического творчества в рамках кружковой работы.

Целями технического творчества обучающихся в вузе, по мнению авторов статьи, являются:

– развитие творческих способностей, самореализация личности;

– формирование у обучающихся потребностей к непрерывному пополнению знаний из разных областей, научного мировоззрения;

– воспитание осознания ценности технической мысли, формирования интереса к истории развития науки и техники;

– возрождение национальных традиций российских инженерных школ.

Сложность реализации этих целей в процессе изучения курсантами военного вуза общетехнических дисциплин состоит в том, что необходимы, прежде всего, методика развития технического творчества будущих специалистов и методические рекомендации для развития технического творчества обучающихся. У преподавателей и обучающихся необходимо выработать мотивацию к разработке методических новшеств, программ для ЭВМ, инновационных алгоритмов принятия решений в технических задачах разного уровня сложности с применением компьютерного моделирования и др. [3].

Нельзя недооценивать, что проблема использования новшеств в образовании, трудна и многогранна. Рассматривать эту проблему можно с разных сторон: как создаются и внедряются новшества по тому или иному направлению подготовки специалистов, к чему приводит неправильное отношение преподавателей к новшествам, какова восприимчивость обучающихся в вузе к новшествам и др.

Многие аспекты этой проблемы были рассмотрены в статье "Двигатели прогресса", отечественным ученым-изобретателем, основоположником космонавтики и ракетостроения – К.Э. Циолковским, которому в 2022 году исполнилось 165 лет со дня рождения. В условиях информационного общества, когда у людей формируется инновационная культура в силу применения в жизни и образовании телекоммуникационных систем, мобильных устройств, мультимедиа технологий, восприимчивость людей к новшествам в несколько раз должна возрасти [5]. Но иногда внедрению новшеств, в частности в сфере высшего образования, мешают: недопонимание преподавателями развития творческих способностей обучающихся, недооценка процесса реализации креативного потенциала будущих специалистов, неуме-

ние преподавателей создать необходимые условия для самореализации личности в процессе учебы и занятий в научных секциях и технических кружках.

Понимая творческий потенциал личности не только как совокупность качеств личности, но и как сложную их взаимосвязь, отметим, что преподавателям нужен педагогический ориентир в применении подходов в организации технического творчества обучающихся. Востребованными и эффективными, по мнению многих преподавателей вузов, являются интегративный и проблемный подходы. Это объясняется тем, что в основе этих подходов лежит мыслительная деятельность аналитико-синтетического характера, которая необходима при техническом творчестве. Интегративный подход обеспечивает высокий уровень технической подготовки, активизацию творческой деятельности будущих военных специалистов в рамках кружковой работы с применением компьютерного моделирования, развитие логики и умений найти нужные варианты в решении технической задачи [5]. Проблемный подход позволяет проектировать, структурировать, классифицировать факты, в рамках исследуемой проблемы, формирует продуктивное мышление участников кружковой работы [6].

В то же время существует множество других факторов и условий, учет и активное использование которых может существенно способствовать эффективности инновационной деятельности. Например, реализация на практике принципов взаимодействия преподавателей и обучающихся в условиях совместной творческой деятельности в рамках технического кружка в вузе [2, 5]. Первый принцип – это реализация профессионального поиска с учетом пожеланий будущих специалистов, личностных интересов в выбранной сфере деятельности. Обучающемуся необходимо осознать, что ему предоставлена возможность творческого проявления способностей, демонстрации творческих идей в рамках кружковой работы, а, следовательно, реализация личностных способностей может быть максимальной. В связи с этим предполагается, что преподавателям, руководящим кружковой работой, необходимо делать акцент на важности организации самостоятельной работы будущих военных специалистов, обучающихся в вузе. Для того чтобы сделать самостоятельную работу курсантов продуктивной и эффективной, многие руководители кружков – преподаватели – организуют инструктажи, как пользоваться специальными методическими пособиями, схемами, электронными материалами и программами для ЭВМ, техническим тезаурусом. Инструктаж преподавателя может содержать обзорную характеристику определенного раздела, который обучающийся самостоятельно изучает. При необходимости обучающийся консультируется с преподавателем или выполняет тестовые задания на компьютере на знание того материала, который необходим для решения технической задачи в рамках кружковой работы. Это обеспечит не только повтор, закрепление изученного ранее материала по общетехническим дисциплинам, но и даст возможность определиться с выбором того или иного алгоритма решения технической задачи совместно с членами кружка. Преподаватели учат курсантов планированию этапов творческой работы, создают атмосферу свободного выражения мнений и выработки предложений по разнообразным техническим задачам на основе сотворчества. Второй принцип – это принцип расширения сферы научного общения. Технический кружок (секция) является для обучающегося новым коллективом, в котором ему предстоит познакомиться с интересными людьми, профессионалами своего дела, с теми, кто является для них авторитетом в научной деятельности, с которыми можно побеседовать о развитии научной технической мысли и современных достижениях в военной технике. В этих условиях развиваются интеллектуальные, патриотические и эмоционально-волевые качества будущих военных специалистов, получающих высшее образование в вузе. Общение должно способствовать дополнительному обмену профессиональной информацией, расширению кругозора, обогащению эмоционально-чувственной сферы при контакте с новыми интересными людьми. Характеризуя третий принцип, который может быть связан со стимулированием личности со стороны преподавателя, проявления обучающимся интеллектуальных возможностей и разнообразных способностей, сделаем акцент на личностном факторе. Этот фактор оказывает влияние на поведение обучающегося и манеру его общения в условиях кружковой работы. Всем известно, что любой человек, особенно увлеченный любимым делом, в данном случае решением творческой задачи, проявляет свой характер, манеру общения, энергичность, стремление к достижению успеха, демонстрирует свои интеллектуальные возможности. Отметим и то, что во многом будущие специалисты подражают своему преподавателю,

организующему научную работу с ними. Тем более что от него зависит не только выбор форм и методов научной работы с членами технического кружка, но и стиль педагогического общения. Преподаватели основательно рассматривают ту или иную тему, вникают в заинтересовавшую участников кружковой работы область, пытаются проводить научные диспуты. В связи с этим, ставится задача развития творческого, аналитического, прагматического мышления у будущих специалистов технического профиля, а преподаватели находятся в постоянном поиске форм и методов кружковой работы. Интересуют преподавателей общетехнических дисциплин и варианты организации обучающихся. Следует ли руководителям кружковой работы делить участников на подгруппы, предлагая решать технические задачи разного уровня сложности по принципу "от простого – к сложному"? Как учесть по максимуму интересы самих обучающихся при выборе ими темы исследования, технического проекта? Вместе с этим, учтем, что стиль руководства кружковой работой будущих специалистов вырабатывается у преподавателей общетехнических дисциплин со временем и с опытом, что требует больших усилий с их стороны. Важно подчеркнуть, что технические кружки могут иметь разную направленность: кружок, который углубляет программный материал, кружок, ориентированный на практическое применение знаний, или кружок, имеющий междисциплинарный характер. В связи с учетом направленности технического кружка определяются целевые установки и педагогические задачи, приводится методологическое обоснование, используются различные формы организации участников и др. Практические работы, выполняемые в рамках технического кружка требуют контроля преподавателя, возможно, помощи консультанта – научного сотрудника, особенно если кружок имеет междисциплинарный характер. Главное, что обучающиеся узнают о новейших достижениях в профессиональной области и актуальных задачах, решаемых технической наукой, обсуждают перспективные вопросы для будущей профессиональной деятельности, познают методику научной работы, осуществляют самостоятельный научный поиск, проявляют свои творческие способности. Формируется научный "вкус", стремление к самовыражению и самореализации в научной деятельности на кафедрах вуза. Важной задачей кружковой работы является выработка у участников умения объективно анализировать доклады и рецензии коллег, индивидуально и коллективно обсуждать развитие технической мысли в стране, дискутировать, изучать деятельность общероссийских технических организаций.

В истории России было много общероссийских организаций, содействовавших развитию науки и техники, промышленности [7]. В 1765 году, при Екатерине II, было создано Императорское Вольное экономическое общество, в 1845 году, при Николае I – Русское географическое общество, а в 1866 году, при Александре II – Императорское русское техническое общество, которое много раз перестраивало свою деятельность уже после революционных событий 1917 года. Русское техническое общество, получившее в 1874 году название "Императорское русское техническое общество", было учреждено по инициативе отечественных ученых, инженеров, архитекторов, военных специалистов. Председателями русского технического общества в разные годы были А.И. Дельвиг (1866-1872), П.А. Кочубей (1872-1892), М.И. Кази (1894 – 1896), В. И. Ковалевский (1906-1916). Руководители общественных технических организаций нацеливали членов общества на распространение теоретических и практических сведений о достижениях техники, организовывали лекционную деятельность, выставки научных достижений в области техники, были инициаторами создания технических музеев, экспериментальных мастерских, ходатайствовали перед Правительством о принятии мер по развитию технического творчества среди молодежи.

Много лет создавались научно-технические общества по отраслям, общества новаторов и изобретателей. Свои доклады и научные работы, на заседаниях Императорского русского общества представляли известные отечественные ученые Д.И. Менделеев, П.Н. Яблочков и др. Был среди этих ученых и А.С. Попов – русский физик, электротехник, изобретатель радио. Русский ученый А.С. Попов испытывал воздействие электромагнитных волн на проводящие вещества с зернистой структурой, вызывающее резкое изменение их электрического сопротивления. В 1890-х годах в мире проводилось множество исследований, среди которых ведущими были те, которые организовали французский физик Э. Бранли и английский физик

О.Д. Лодж [4]. Им удалось изобрести "радиокондуктор", а на его основе – индикатор электромагнитного излучения – когерер, ставший одной из предпосылок изобретения радио А.С. Поповым. Русским инженером-изоб-

ретателем А.С. Поповым было изобретено автоматическое восстановление чувствительного элемента приемника (когерера) сразу после приема очередной посылки электромагнитного излучения, что обеспечивало прием информации без искажений. Отметим, что научные публикации и рефераты А.С. Попова в журналах Русского физико-химического общества вызвали интерес к этому направлению научных исследований. Доклад "Телеграфирование без проводов", прочитанный А.С. Поповым в Электротехническом институте в 1897 году, содержал анализ физических процессов, лежащих в основе работы когерера, а также описание этапов создания радиоаппаратуры. Очень ценным является то, что путь от беспроводной телеграфии к радиотехнике был практически преодолен за 15 – 20 лет, а радио стимулировало появление новых научных направлений, связанных с расширением круга задач, решаемых с помощью радиотехнических средств. Отметим, что система А.С. Попова содержала все элементы, которые присущи современному понятию "радиолиния передачи сигналов". Эти элементы приемлемы также в радиовещании, радиолокации, радиоастрономии. Новые направления в науке, такие как электровакуумная техника и твердотельная электроника, связанные с использованием распространения электромагнитных волн, изучаемые в сочетании с электроакустикой и электрооптикой, привели к появлению радиоэлектроники. Всем этим достижениям предшествовала большая работа ученых нашей страны, входивших в состав организаций инженерного и образовательно-технического характера, которых в 1914 г. в России насчитывалось около ста. Среди них главенствующую позицию занимало Императорское русское техническое общество. Однако Первая мировая война 1914 -1918 гг. внесла изменения в развитие технических сообществ в нашей стране, кардинально поменяв тематику публикаций в научных технических изданиях (журналы "Мобилизация технических сил", "Вестник инженеров", "Известия общества инженеров-электриков" и др.) [1]. Выпускаемые в стране журналы ориентировались на патриотические позиции, а также сконцентрировали свои усилия на технической и гуманитарной помощи армии. Поскольку военная промышленность перестраивалась на военный лад, в журналах публиковались отчеты о деятельности Центрального военно-промышленного комитета, выдержки из статистических бюллетеней и заметки о развитии промышленности, в целом. Начало Первой мировой войны обеспечило привлечение внимания российских ученых к непосредственному описанию разнообразной военной техники наступательного и оборонительного характера и технологии ее производства. На I Всероссийском съезде по изобретениям (в октябре 1916 г.) профессор Н.Е. Жуковский выступил с предложениями об усовершенствовании военной техники и развитии технического творчества среди студентов и молодежи. В эти годы появлялись статьи, которые были посвящены технологиям изготовления снарядов, применению холодильных машин в военном флоте, артиллерийскому снабжению и др. [7]. Ученые понимали, что развитие новых отраслей промышленности и укрепление обороноспособности страны невозможно без широкого распространения технического и профессионального образования. Переосмысливались подходы, используемые в российском техническом образовании [5]. Это характерно и для настоящего времени.

Многие факультеты современных российских вузов развивают традиции, заложенные научной школой А.С. Попова и других известных ученых страны. Публикуются монографии и научные статьи, связанные с проблемами космической и наземной локации, персонального телекоммуникационного сервиса, средств мобильной связи, компьютерного проектирования радиоэлектронных средств, аналоговой и цифровой микросхемотехники. Российские ученые достигли больших научных результатов в таких областях, как навигация, локация, прием и обработка сигналов, телекоммуникационные сети, беспроводные, мобильные системы, информационная безопасность и др.

В день Космических войск ВКС РФ в 2021 г. оборонное ведомство сообщило, что до 2025 года в стране развернуто 12 новых лазерно-оптических и радиотехнических комплексов для контроля космического пространства, что приобретает для России особую актуальность. Разрабатываются приборы, обладающие уникальными характеристиками и оригинальным дизайном, предназначенные для укрепления обороноспособности страны. В настоящее время технические задачи решаются с применением компьютерного моделирования, а значит, его необходимо шире использовать в обучении будущих военных специалистов, нацеливать преподавательский состав на поиск тех технологий, методов и форм обучения, которые обеспечат техническое творчество и самореализацию будущих военных профессионалов.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. Развитие современного технического знания и сфер его применения в информационном обществе предопределяет необходимость использования преподавателями проблемного и интеграционного подходов, в процессе организации кружковой работы с будущими специалистами технических направлений, обучающимися в вузах. Это обеспечивает формирование творческой инициативы и способностей личности, ее самореализации в условиях привлечения к техническому творчеству, в период получения высшего образования. Применение интегративного подхода требует от обучающегося интеграции знаний из разных областей, синтез и анализ которых позволит эффективно решать технические задачи, с применением компьютерного моделирования. Внедрение проблемного подхода в работу технического кружка даст возможность организовывать техническое творчество обучающихся с учетом интересующих их проблем, на основе научного поиска и изучения практических наработок в исследуемой области, научных технологий и истории изобретений.

2. Техническое творчество обеспечивает самореализацию будущих военных специалистов, обучающихся в вузе, если оно осуществляется с учетом принципов взаимодействия преподавателей и обучающихся, в условиях применения компьютерного моделирования.

3. Создание условий для самореализации будущего военного специалиста в условиях занятий в техническом кружке способствует приобретению личностью обучающегося интеллектуального опыта и ценностно-смысловой интерпретации изучаемого материала по общетехническим дисциплинам. Преподавателям нужно совершенствовать свои организаторские и лидерские способности, в плане укрепления творческой атмосферы среди членов технического кружка, развивать у них самомобилизацию на решение технических задач, с применением компьютерного моделирвоания. Важно воспитывать у будущих военных специалистов смелость технической мысли, эмоциональную выдержку при поиске вариантов решений поставленной задачи, разумный риск, формировать чувство долга и преданности своей родине.

Литература:

1. Антоненков В.Ю., Антоненков Ю.Е., Бережная И.Ф. О психолого-педагогической подготовке и использовании боевого опыта в обучении / Психология и педагогика в XXI веке. Очерки научного развития: материалы XV Международной научно-практической конференции. Москва, 13-15 августа 2015 // Международная научная школа психологии и педагогики. – 2015. – № 7. – С. 21-25.
2. Вершков А.С. Персональная ответственность личности как экспертная оценка современного специалиста и фактор успешности профессиональной деятельности: монография / А.С. Вершков. – М.: Знание, 2020. – 146 с.
3. Гридчина И. Н., Саввина О.А., Щербатых С.В. Информационные технологии как средство гармонизации математических и специальных дисциплин // Педагогическая информатика. – 2009. – № 1. – С. 61-67.
4 Кедров Б.М. О великих переворотах в науке. – М.: Педагогика, 1986. – 112 с.
5. Кошелева А.О. Концептуальные подходы к подготовке личностно-зрелого специалиста в условиях вуза // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 3. – С. 71-73.
6. Матюшкин А.М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций. – М.: Международные отношения, 2017. – 226 с.
7. О 100-летии со дня основания научно-технических обществ в России: Тексты и тезисы докладов науч.-техн. совещания / Краснодарский краев. совет председателей науч.-техн. о-в. – Краснодар: Б. и., 1966. – 111 с.

SYNTHESIS OF TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE FORMATION OF ARTISTRY AMONG VOCAL STUDENTS IN THE PROCESS OF STUDYING AT UNIVERSITIES IN CHINA

Xiao Ni, *Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow*

The purpose of the study *is to identify the features of vocal music education in Chinese universities in the context of a close relationship between traditions and innovation in teaching disciplines focused on acting.* ***As a result,*** *conceptual provisions were determined that determine the sequence of stages in the formation of stage skills among students-vocalists, including the interaction of vocal-performing and musical-stage training, taking into account European traditions and traditions of Chinese culture; the structure of performing arts is determined, including the improvement of performing, speech, and motor skills of students, which contributes to the embodiment of artistic intent.*

Keywords: *vocal education; opera training; acting skills; Chinese opera; acculturation.*

EDN: WFNWYK **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.59**

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

© Сяо Ни, 2023

СИНТЕЗ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ АРТИСТИЗМА У СТУДЕНТОВ-ВОКАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗАХ КИТАЯ

Цель исследования *– выявить особенности вокального музыкального образования в вузах Китая в контексте тесной связи между традициями и новаторством в преподавании дисциплин, ориентированных на актерское мастерство.* ***В результате*** *определены концептуальные положения, определяющие последовательность этапов формирования сценического мастерства у студентов-вокалистов, включающих взаимодействие вокально-исполнительской и музыкально-сценической подготовки, учитывающей европейские традиции и традиции китайской культуры; определена структура сценического искусства, включающая совершенствования исполнительских, речевых, двигательных умений студентов, способствующая воплощению художественного замысла.*

Ключевые слова: *вокальное образование; оперная подготовка; актерское мастерство; китайская опера; аккультурация.*

В 2001 году китайским правительством был утвержден "Новый стандарт музыкальных дисциплин обязательного образования", на основе которого началась реформа музыкального образования. Главной целью стандарта стало выведение системы музыкального образования на конкурентный уровень. Идеи реформы, следующие: а) повышение уровня развития личности и ее важнейших качеств в результате музыкального образования; б) внедрение принципа доступности музыкального образования; в) выведение музыкального образования в контекст широкой культурной интеграции, а также объединение обучения музыке с различными гуманитарными дисциплинами; г) значимость практической деятельности и творчества; д) развитие традиционной национальной музыкальной культуры [1, 7].

Актуальность данной статьи обусловлена ситуацией в процессе подготовки китайскими музыкальными вузами профессиональных вокалистов. Исходя из китайской политики "взять лучшее и отбросить лишнее" берется резкий курс на западное искусство, но в результате, китайская система образования сталкивается с нехваткой профессиональных кадров по многим дисциплинам, и одной из таких дисциплин является "актерское мастерство".

В процессе реализации нового стандарта музыкального образования в Китае возникли проблемы, которые заключаются в следующем:

– отставание подготовки профессиональных кадров от реализации реформы;

– определение роли теоретических предметов и их практической значимости в подготовке студентов-вокалистов;

– определение спектра профильных дисциплин на вокальных факультетах.

Если сравнивать учебный план вокальных факультетов музыкальных вузов России и Китая, то в первом случае в списке обязательных предметов мы увидим дисциплину "Актерское мастерство". Например, в академии имени Гнесиных на эту дисциплину выделяется 34 часа в семестр, которая вводится у студентов уже с первого курса. В Китае, в таких вузах, как Центральная музыкальная консерватория в Пекине и Шэньянская консерватория – дисциплины "Актерское мастерство" в списке предметов нет. Высшие музыкальные учреждения Китая вынуждены приглашать специалистов по актерскому мастерству со стороны. Пути решения данной проблемы китайскими музыкальными вузами определяются по нескольким уровням:

СЯО Ни, *аспирантка, Московский педагогический государственный университет, Москва*

погружение студента в полноценный процесс подготовки оперного спектакля; привлечения студентов вокальных факультетов к международным оперным постановкам.

Введение оперных постановок в систему вокального образования Китая, а именно в учебный план, является значительным достижением. Так, данный процесс способствовал освоению оперной постановки силами студентов. Такую практику ведут университеты: провинции Шэньси, Гуанси-Чжуанского автономного района, провинции Цзилинь, многие из которых на основе осуществленных постановок оперных спектаклей сформировали собственные творческие коллективы [2].

Отметим, что педагоги по профилям "актерское мастерство" и "оперная подготовка" в китайских вузах отсутствуют, поэтому приглашаются драматические актеры, актеры китайского традиционного театра, но проблема в том, что они не знакомы с западным оперным и вокальным искусством [3]. Преподаватели же по своему профилю очень часто не соответствуют необходимому уровню высшего учебного заведения. Кроме того, большой поток студентов, а соответственно, увеличение количества часов приводят к ухудшению качества преподавания. Низкий уровень мастерства преподавателей также влияет на снижение притока студентов. Таким образом, формируется замкнутый круг, в котором даже новые реформы не продвигают систему образования.

Сегодня активно внедряются различные формы экзаменов, например, концерты класса, экзамен на выпуске, ежегодные экзамены, которые значительно повышают мотивацию студентов-вокалистов. Такая форма оценки успеваемости студентов позволяет им практиковаться в приобретаемых навыках, но к сожалению, без необходимой отработки актерского мастерства, психологической подготовки, готовность студентов к выступлениям значительно снижена, что формирует ошибки в навыках и владении технологией.

Проблему психологической и технической готовности студентов к публичным выступлениям помогло бы решить введение мероприятий с межвузовским и международным взаимодействием: конкурсы, фестивали, мастер-классы, что создаст здоровую конкуренцию и мотивацию у студентов. Большая часть китайских исследователей по музыкальному искусству и вокальному исполнительству решают проблему развития технических навыков. Здесь наравне с техникой звукоизвлечения выступают: актерские навыки, пластичность к смене амплуа и другие умения и навыки, связанные с личностными качествами и психологической подготовкой [4, 124].

Китайская педагогика в сфере вокального образования открыла другой путь, который основан на традиционных принципах китайского национального театра, например, формирование художественного образа персонажа при помощи театральной атрибутики. Интеллектуальная же составляющая сценической подготовки вокалиста – погружение в контекст реальности персонажа, детальная проработка его черт, эмоций характерных ему и возникающих в определенной ситуации, не находится в центе внимания.

В данном контексте, значимым представляется европейский опыт подготовки студентов-вокалистов. Главным различием китайских и европейских традиционных принципов являются: в китайской музыкальной философии отдельно взятый звук всегда определяется как элемент предметного мира, а все ступени звукоряда отождествляются с устройством окружающего мира и гармонии: в европейской традиции звуки, взятые по-отдельности, лишены смысла, а осмыслению придаются мелодические обороты, связанные с определенными психическими состояниями и процессами. При этом отдельно взятую мелодическую ячейку сложно соотнести с каким-либо содержанием, она будет осмыслена только во взаимодействии с другими, формирующими контекст произведения, элементами.

Это различие кардинальным образом влияет на освоение китайскими студентами европейского музыкального искусства. Очень часто на международных конкурсах европейское жюри отмечает высокое владение вокальной техникой и недостаток проработки художественного образа – это происходит из-за недопонимания специфики европейской интонации. Вместе с тем, имеются позитивные моменты, содержащиеся в тенденции синтеза европейского элемента и национального, другими словами, новаторского и традиционного. Далее, подробнее рассмотрим рассматриваемый процесс синтеза в китайском вокальном образовании в отношении актерского мастерства.

Музыкальная система образования в Китае представляет собой синтез традиционных и современных методов обучения, это касается практически всех дисциплин. Традиции представлены национальными принципами обуче-

ния, формировавшимися на протяжении многих веков. Как известно, музыкальное искусство, и вокальное в частности, в Китае было развито еще в период правления династии Шан – XIV-XIII вв. до н. э. Тогда было открыто первое профессиональное музыкальное учебное заведение двух уровней: высшая школа – правая и младшая – левая. Эти школы были сформированы для обучения искусству пения и танца. Именно там стали впервые подготавливать профессиональных вокалистов.

Во время правления династии Чжоу – X-II вв. до н. э. уже сложилась музыкальная образовательная система, которая играла большую роль в обучении служащих государства и чиновников. На протяжении дальнейшей истории Китая мы видим развитие и расширение вокального музыкального образования. Уже в VI веке в Китае открылось музыкальное учебное заведение, где работало около 11 000 тысяч преподавателей по танцам и пению высокого, среднего и низкого уровня. Каждый из этих преподавателей проходил экзамен каждые пять лет.

Во всей истории музыкального искусства Китая ярко прослеживается философская составляющая – это касается и вокального искусства. В основе музыкального искусства лежат идеи о взаимосвязи таких констант, как: искусство и духовный мир человека, гармоничное единство физических и психических качеств.

Изначально китайское искусство было представлено песнями и танцами, со временем эти культурные явления стали основой для формирования другого явления – китайской национальной оперы. Самой известной культурной организацией в истории Китая с длительной историей стал Пекинский музыкально-драматический театр или опера. Именно в рамках пекинской оперы сформировались принципы сценического мастерства, выкристаллизовывавшиеся веками и вобравшие в себя исполнительский опыт нескольких тысячелетий. Китайская национальная опера со своими традициями и методиками обучения вокальному мастерству сыграла большую роль в вокальном образовании Китая. Благодаря этому, современные принципы обучения вокальному искусству в Китае сформированы на традиционной основе.

Аналогичная ситуация прослеживается и в сфере актерского искусства – национальные традиционные особенности и принципы легли в основу многих современных культурных явлений Китая. Находясь во взаимодействии с достижениями европейской культуры, в частности с российской, китайская – сформировала современную культурную школу. Примером синтеза национального и современного может послужить процесс внедрения системы Станиславского в становление современного китайского драматического искусства.

В начале XX века в китайскую театральную школу в виде отдельных статей стала проникать система Станиславского, а после образования КНР в 1949 году советское искусство в целом стало изучаться в масштабах государства. Советские специалисты с 1953 по 1957 гг. подготовили целые группы кадров, разработали методику преподавания актерского и режиссерского мастерства [5; 17]. За период с начала двадцатого столетия до наших дней, понимание системы Станиславского менялось кардинальным образом. На данный момент новая китайская театральная школа и процесс ее становления основаны на принципах системы Станиславского в тесном взаимодействии с традициями национального театра.

Большую роль в театральном искусстве Китая играют достижения национальной китайской оперы, в частности, Пекинской. Ее формирование приходится на начало XIX века: с тех пор она накапливала исполнительский опыт до наших дней, кроме того, как мы упоминали выше, музыкально-театральное искусство Китая имеет историю в несколько тысяч лет, поэтому явление Пекинской оперы нельзя рассматривать отдельно от этой истории.

Все традиционные особенности китайского театра вошли в новые театральные школы наравне с достижениями европейского театра. Поэтому мы рассматриваем особенности национальной китайской оперы как традиционную составляющую современной сценической подготовки студентов-вокалистов в Китае. Выделим некоторые принципы актерского мастерства национальной Пекинской оперы:

– "пение возникает только тогда, когда словесная образность нуждается в вокальной поддержке и когда содержания слова не хватает для эмоционального наполнения. В момент, когда эмоциональное состояние актера переходит в предельную степень: гнев в ненависть, радость в восторг, печаль в страдание, тогда должен рождаться звук" [6, 171]. На этом примере мы прослеживаем, что работа актера очень напряжена, так как для перехода эмоции в ее наивысшую степень требуется приложение больших усилий актера над изучением персонажа и ситуации;

– расширение физического движения действующих лиц. Увеличение эмоционального

напряжения должно вести за собой увеличение эмоции движения: скорость и резкость поворотов, резкость остановок, замедленность. Пение в Пекинской опере никогда не переходит в танец, но движение является одним из способов выражения эмоционального состояния персонажа;

– пекинская опера отличается от европейской большей синтетичностью, так как от актера пекинской музыкальной драмы требуется не только совершенное владение вокальной техникой, но и пантомимой, часто боевыми искусствами и акробатикой;

– слово для театра национальной пекинской оперы является константой, в которой содержится смысл, эмоция, поведение. Именно слово диктует актеру его поведение на сцене. Значение монологов и диалогов отмечено такими пословицами: "Пой для вассала, декламируй для господина" или "Пой хорошо, говори великолепно". Поэтический текст национальных опер лаконичен, отточен, ритмичен – порой несколько эмоциональных фраз могут погрузить в ситуацию и эмоциональное состояние;

– "вся музыка исходит из человеческой души" – такое высказывание из "Музыкальных записок" очень точно передает особенность вокального исполнительства в Китае на протяжении всей его истории. До сих пор популярно исполнение без эмоций (еще оно называется "двуличное пение"). При этом древние китайские мастера считали, что голос контролируется сердцем, затем он стимулирует физическое тело на формирование эмоций. Таким образом, вокальная техника в Китае развивалась под психологическим контролем. При обучении технике вокала использовался метод "образа чувств", который стимулировал воображение ученика, а затем на основе этого воображения формировался образ чувств.

Указанные особенности и принципы национальной китайской оперы знакомы китайскому слушателю и в особенности студенту музыкального вуза, который изучает музыкальное искусство. Поэтому синтез традиционных и современных принципов успешно соединяется и преобразуется в новое культурное явление современного Китая.

Современный элемент в музыкальном образовании представлен влиянием зарубежной культуры, так как по мере взаимодействия с другими культурами, китайская – заимствовала многое, например, преобладание европейской академической системы при подготовке вокалистов с начала XX века по 1976 год [7], изучение истории зарубежного искусства, вокальных методик, европейского оперного репертуара, использование принципов техники бельканто. На сегодняшний день искусство оперного вокала, представленного в китайской системе образования, развивается в таких направлениях, как: Пекинская опера, европейская опера, китайская национальная опера и русское оперное искусство. Каждое из них определяет спектр дисциплин, помогающих студенту-вокалисту освоить традиции того или иного направления. Но состав комплекса дисциплин и количество часов сильно урезаны, что не дает полноценных знаний и сказывается на качестве технологии и понимании художественного образа.

Проблема недостатка часов по профессиональным предметам, а именно, по специальности, не говоря уже об актерском мастерстве, отмечается многими европейскими и китайскими вокальными мастерами. На данный момент в мировой оперной практике возрастает спрос на оперное мастерство как целостного явления, которое состоит из сплава вокального и актерского мастерства. На сегодняшний день существуют следующие проблемы:

– обучение вокальному искусству в каждом отдельном вузе Китая имеет свои особенности, выражающиеся в составе уровней дисциплин, который в каждом вузе различается: общие гуманитарные – физическая культура, правоведение, иностранный язык; общие профессиональные – сольфеджио, теория музыки, гармония; специальные – сольное пение, основы актерского мастерства, основы вокальной методики;

– в большинстве вузов, например в Центральной музыкальной консерватории, отсутствует дисциплина "Актерское мастерство". Предполагается, что артистизм будет развиваться в процессе работы студента над оперным репертуаром. Но на деле, оперных постановок в рамках вузов осуществляется не так много, лишь в некоторых вузах. В течение последних десяти лет тенденция с приобщением студентов к такой сценической практике набирает обороты;

– раздел специальных дисциплин педагогического вуза и консерватории различаются. В педагогическом вузе нет оперного класса и сценического движения. Но весь остальной комплекс дисциплин идентичен между вузами, например, основы актерского мастерства есть в учебных программах многих вузов. Если сравнивать учебный план китайских и российских университетов, то из-за недостатка финанси-

рования, учебный план урезан по списку дисциплин и количеству часов, что прямым образом сказывается на качестве подготовки студентов вокальных факультетов, на их владении профессиональной технологией и знаниях;

– занятия по специальности делятся на групповые и индивидуальные, тогда как в российских вузах групповые занятия даже не рассматриваются. Популярность групповых или коллективных занятий в Китае обусловлена большим количеством студентов на одного педагога и, в результате, снижением стоимости за обучение при такой форме проведения занятий. На групповых занятиях студенты осваивают, как методико-теоретический материал, так и практический. Поэтому в Китае среди всех специальностей пользуется спросом обучение за рубежом.

Таким образом, вокально-сценическая подготовка в высших учебных заведениях Китая проходит в нескольких направлениях – эстрадное, академическое и народное пение, в каждом из которых определен спектр профильных дисциплин: история искусств, анализ музыкальных произведений, история зарубежной музыки, теория музыки. Но окончательный список обязательных дисциплин определяет университет. Например, в Цзилиньском университете в программе подготовки вокалистов содержатся следующие обязательные дисциплины: сценическая речь, актерское мастерство, танец, сценическое движение.

Китайская традиционная вокальная школа сохранилась до сего дня, ведутся попытки соединить ее с принципами европейского вокального искусства, в результате чего формируется современная китайская вокальная школа. К сожалению, недооценка традиционных принципов национального вокального мастерства среди китайских студентов ведет их к попыткам освоения европейской традиции и забвению национальной [7].

Литература:

1. Го Мэн. Развитие высшего музыкального образования в Китае (вторая половина XX – XXI вв.) // Педагогика и психология образования. – 2012. – №3. – С. 5-11.
2. Линьцзи Чжу. О месте и роли оперных репетиций в высшем музыкальном образовании // Университетский консорциум. – 2018. – №41. – С. 141-146.
3. Ду Хуэйцю, Овсянкина Г.П. Классификация учебных заведений по подготовке вокалистов в современном Китае // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2019. – №194. – С. 208-215.
4. У Цзинь. Определение тенденций совершенствования подготовки оперных исполнителей в Китае // Научное мнение. – 2021. – С. 122-128.
5. Лю Лю. Теория и практика актерского тренинга в современной китайской театральной школе: автореф. дис. … канд иск. – СПб., 2009. – 24 с.
6. Жуань Юн Чень. Вокальное искусство Пекинской оперы Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2012. – С. 170-179.
7. Яо Вэй. Подготовка специалистов вокального искусства в системах высшего музыкального образования Китая и России: дис. … канд. иск. 13.00.01. – Астрахань, 2015. – 196 с.

THE LANGUAGE PORTFOLIO OF THE CATERING CONTINGENT: APPROACHES AND SPECIFICS OF PROFESSIONALLY ORIENTED RCT TRAINING

Tikhonovich Tatiana Igorevna, *Applicant, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow*

The purpose of the study *is to substantiate the need to develop a specialized YAP in accordance with the classification of the SOP contingent, which optimizes its professional and communicative training in the changing conditions of mediatization and situational speech interaction in Russian as a foreign language.* ***The scientific novelty*** *of the article is determined by the fact that the author for the first time systematizes the contingent of SOP from the point of view of the formation of a linguometodic model (LMM) based on the generalization of approaches to the development of linguodidactic materials for teaching Russian as a foreign language. The article reveals the specifics of the formation of the language portfolio (YAP) of specialists and employees of the catering sector (SOP) in the situation of their professionally oriented teaching of the Russian language.* ***As a result,*** *the author comes to the conclusion that the discursive specificity of the LMM training of the SOP contingent is associated with the multicomponence of professionally oriented discourse and the genre diversity of communicative and speech situations.*

Keywords: *Russian as a foreign language; professional and communicative competencies; linguometodic model; language portfolio; catering*

EDN: WGOGOD **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.60**

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТФЕЛЬ КОНТИНГЕНТА СФЕРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ: ПОДХОДЫ И СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ РКИ

УДК 37.022
ВАК РФ 5.8.2

© Тихонович Т.И., 2023

Цель исследования *– обосновать потребность в разработке специализированного ЯП в соответствии с классификацией контингента СОП, которая оптимизирует его профессионально-коммуникативную подготовку в меняющихся условиях медиатизации и ситуационного речевого взаимодействия на русском языке как иностранном.* ***Научная новизна*** *статьи определяется тем, что автор впервые систематизирует контингент СОП с точки зрения формирования лингвометодической модели (ЛММ) на основе обобщения подходов к разработке лингводидактических материалов для обучения русскому языку как иностранному. В статье выявлена специфика формирования языкового портфеля (ЯП) специалистов и работников сферы общественного питания (СОП) в ситуации их профессионально ориентированного обучения русскому языку.* ***В результате*** *автор приходит к выводу о том, что дискурсивная специфика ЛММ обучения контингента СОП связана с многокомпонентностью профессионально ориентированного дискурса и жанровым разнообразием коммуникативно-речевых ситуаций.*

Ключевые слова: *РКИ; профессионально-коммуникативные компетенции; лингвометодическая модель; языковой портфель; сфера общественного питания*

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что содержание эффективного профессионально-коммуникативного обучения русскому языку как иностранному в сфере общественного питания (далее – СОП) выходит за рамки узкой специализации. Специфика данного направления обучения связана с тем, что еда – это важнейшая часть национальной культуры каждого народа, этноса, народности (существуют устойчивые стереотипы кулинарной культуры), значимая характеристика здорового образа жизни, существенный фактор жизнедеятельности человека. В сфере общественного питания профессиональный дискурс является многокомпонентным и выходит за рамки деловой коммуникации, приближаясь в некоторых аспектах к коммуникации рекламного характера, что отражается и на формировании лингвометодической модели обучения.

Всё это обусловило злободневность обращения к теме исследовательской статьи и потребность в решении поставленной в нём проблемы – в связи со спецификой русскоязычной профессионально-коммуникативной подготовки иностранных специалистов сферы общественного питания, оптимизировать усвоение ими необходимых компетенций с учётом лингводидактического потенциала языкового материала кулинарной тематики.

Лингвострановедческий компонент любого базового учебника РКИ обязательно включает в себя темы, посвящённые посещению предприятий общественного питания, покупке продуктов в магазине и пр. Однако имеющийся учебный материал по данной тематике абсолютно недостаточен для подготовки профессиональных специалистов в этой сфере. Нерешённой проблемой современной русистики остаётся разработка специализированного языкового портфеля (далее – ЯП), способного удовлетворить потребность иностранных специалистов СОП в профессионально ориентированной лингвометодической модели (далее – ЛММ) обучения русскому языку. Оптимизация такой модели должна быть реализована в контексте компетентностного и коммуникативно-деятельностного подходов, лингвокультурного потенциала тематических медиаресурсов

ТИХОНОВИЧ Татьяна Игоревна, *соискатель, Российский университет дружбы народов, Москва*

и цифровых педагогических технологий. Данная модель может лечь в основу современного симулятивного обучающего Интернет-ресурса РКИ благодаря новым возможностям эдьютейнмента и геймификации.

Принципы лингвометодической модели обучения русскому языку как иностранному специалистов СОП опираются на традиции разработанных методологических подходов и возможности их модернизации с учётом коммуникативной ориентированности, культуроцентричности и геймификации.

Цель работы – обосновать потребность в разработке специализированной ЛММ, которая актуализирует и оптимизирует профессионально-коммуникативную подготовку контингента СОП в меняющихся условиях ситуационного речевого взаимодействия на русском языке как иностранном, а также выявить и описать ключевые характеристики и особенности ЛММ профессионального обучения русскому языку как иностранному работников СОП.

Тематика, проблематика и целевая установка статьи обусловили обращение к системному анализу научно-методической литературы, методам наблюдения, синтеза, обобщения, аксиологическому методу, а также системно-функциональному и сравнительно-сопоставительному методам в сочетании с методом педагогического моделирования.

Современная образовательная среда чрезвычайно многогранна и по уровням, и по функциональным задачам, и по наборам механизмов и инструментов. Такими же разнообразными являются и подходы к преподаванию РКИ: андрагогический, культуросообразный, акмеологический, сценарный и другие подходы. Данные подходы следует рассматривать в совокупности с компетентностным и коммуникативным подходами, особенно важными для профессионально ориентированного обучения.

Научно-теоретическая база, рассмотренная российскими учеными-методистами (Т.М. Балыхина, А.Н. Щукин, О.Д. Митрофанова и др.), позволяет нам сделать вывод о глубокой и детальной проработке общих вопросов профессионально-коммуникативной подготовки студентов-иностранцев. Пристальное внимание обращается на труды исследователей, занимающихся геймификацией и симуляцией в образовании (Э.Г. Азимов, Л.В. Московкин, А.Н. Щукин и др.), компетентностным подходом в образовании, в частности РКИ (А.Л. Андреев, И.А. Зимняя, Н. Хомский и др.).

Основная часть

Первым в научный обиход вводит понятие "компетенция" Р. Уайт, характеризуя её как "эффективное взаимодействие человека с окружающим миром" [16, 299]. В лингвистике термин "компетенция" предлагает Н. Хомский, который утверждает, что "существует фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим – слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях)" [10, 9]. Компетентность, отмечает Ч. Вельде, стала рассматриваться как личностная категория, а "компетенции превратились в единицы учебной программы и составили "анатомию" компетентности" [15, 28]. Не менее важно и мнение социолингвиста Д. Хаймса, который трактовал коммуникативную компетенцию как "интегративное образование, включающее в свой состав лингвистический и социокультурный компоненты" [14, 65].

Компетентностный подход тесно связан с задачами обучения в процессе имитации профессиональной деятельности. Процесс обучения в рамках профессионально-деятельностного подхода базируется на принципе реального общения. При этом стимулируется речемыслительная активность, формируется внимание к речевой направленности в обучении и использовании речевых средств [3; 2]. Данный подход направляет к использованию реальных, а не учебных текстовых материалов, к применению новых коммуникативных технологий, а также ИКТ, способствующих быстрому формированию и развитию коммуникативной компетенции [4; 6]. Понимание такого подхода в обучении подразумевает совокупность способов, приёмов, обеспечивающих формирование комплекса языковых структур (синтагматических, парадигматических и прагматических) и речевых механизмов, применяемых в повседневной и профессиональной жизнедеятельности человека [11]. В коммуникативном обучении создается ситуативность, стимулируется речемыслительная активность, обращается внимание на речевую направленность в обучении и использование речевых средств [9]. Наиболее комплексно подходят к решению этого вопроса Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин, считая, что "в центре обучения находится обучающийся как субъект учебной деятельности, а система обучения предполагает максимальный учёт индивидуально-психологических, возрастных и национальных особенностей личности обучающегося" [1, 58]. Е.И. Пассов трактует коммуникативный подход как стра-

тегию, которая моделирует общение и направлена на "создание психологической и языковой готовности к общению, на сознательное осмысление материала и способов действий с ним, а также на осознание требований к эффективности высказывания" [8, 40].

В.Б. Куриленко обращает внимание на то, что профессионально-коммуникативная компетенция – это ""интегральная многоуровневая и поликомпонентная характеристика личности (знания, навыки, умения, личностные качества, ценностные отношения), которая реализуется в способности и готовности решать профессионально значимые задачи (в деятельности, общении, саморазвитии) средствами языка, речи, дискурса" [7, 23]. Становление профессионально-коммуникативной компетенции "опирается на изучение реальных профессиональных речевых ситуаций и предполагает подготовку высококвалифицированного специалиста, готового к межкультурному взаимодействию и коммуникации в деловой сфере" [5, 41].

Ряд зарубежных ученых (Т. Макнамара, С. Савиньон, Х.Г. Уиддоусон, Г. Каспар, П. Дуайе, Дж. Манби, Р. Клиффорд, Р.П. Мильруд, Л. Бахман и др.) предприняли попытку разработки модели коммуникативной компетенции в обучении. Модель Л. Бахмана считается одной из наиболее распространённых. Именно он ввёл термин "коммуникативное языковое умение", которое подразделяется на такие компетенции: языковая/лингвистическая, дискурсная, прагматическая, разговорная, социально-лингвистическая, стратегическая, речемыслительная [13]. Формирование этой компетенции опирается на правила, сформулированные А.Н. Щукиным, который среди прочих принципов считает, что особенно важно "использование уже на раннем этапе обучения аутентичных материалов и коммуникативных заданий, способствующих формированию умений общения, адекватных условиям реальной коммуникации" [12].

Дискурсивный подход сегодня определяет возможность комплексного подхода к обучению и в то же время позволяет больше обратить внимания на потребности обучающихся, их дискурсивные особенности, профессиональные предпочтения и возможности в полном объёме. При этом следует понимать, что, с одной стороны, питание – это область повышенной ответственности за качество, чистоту и последствия для здоровья клиентов. С другой стороны, – это творческая сфера, в которой существует огромное разнообразие: от молекулярной еды до фастфуда. Наконец, существует кулинарная мода, подход к питанию с точки зрения пропаганды здорового образа жизни и отношение к кулинарии как к важнейшему национально-культурному явлению. И иноязычные работники сферы общественного питания должны соответствовать всем этим переменам и вызовам.

Изменения дискурсивного портрета иностранного работника общественного питания очевидны. Происходит достаточно точечное разделение на кулинарную элиту – топ-менеджеры, шеф-повара – и обслуживающий персонал, в который нанимается малообразованный контингент из стран СНГ, чаще всего не имеющий отношения к профессии из СОП (официанты, посудомойки, уборщицы, подсобные рабочие). Такие различия должны быть учтены при подготовке учебных материалов для каждого из таких сегментов.

Многопрофильная и многокомпонентная система профессионально коммуникативных компетенций является основным показателем осуществления профессионально-деловой коммуникации на русском языке учащихся/специалистов СОП. Современная ситуация развития общества, выход заведений общественного питания в сетевое пространство, переход профессионально коммуникативной компетенции в виртуальную среду и постковидные ограничения обусловили перераспределение человеческих ресурсов и трансформацию сферы общественного питания, что в свою очередь требует и уточнения перечня профессий, и пересмотра списка профессиональных компетенций. Многосторонность ПКК и профессиональная деятельность работников "общепита" позволяют нам выделить и интерпретировать список ключевых компетенций в сфере делового общения работников СОП: коммуникативная, дискурсивная, прагматическая, речевая, языковая, социокультурная, предметная, стратегическая. Данные компетенции формируются с опорой на языковой и речевой материал будущих специалистов, а также на социальную и профессиональную сферы их взаимодействия.

Адресаты формирования ЯП классифицируются на основании преобладающей коммуникативной потребности на несколько разрядов: высококоммуникативный, среднекоммуникативный и низкокоммуникативный. В основу формирования принципов организации и реализации ЛМП заложены репрезентация сферы и предмета общения, тем и ситуаций, социально-коммуникативных ролей участников

общения, характера их взаимодействия. Классификация обучаемого контингента СОП по вовлечённости в массовую или профессиональную коммуникацию может выглядеть следующим образом: 1-й класс (массовая+профессиональная) – метрдотель, официанты; 2-й класс (высоко профессиональная+массовая (редко) – повара и помощники поваров; 3-й класс (низко профессиональная) – работники кухни.

В обязанности сотрудника СОП входит предоставление бытовых и социокультурных услуг в соответствии с намерениями и желаниями клиента. Под бытовыми мы должны понимать обслуживание в кафе, столовой, ресторане. Однако говоря о питании, кулинарии и приготовлении пищи, мы подразумеваем и существенный социокультурный компонент профессиональной коммуникации. Особенно ярко он проявляется в конструкциях с лексикой, которые в связи с этим следует предъявлять последовательными дозированными шагами.

Коммуникативные потребности иноязычного работника также расширяются и связаны сегодня с необходимостью: общаться с русскоязычными клиентами при непосредственном контакте, вступать в коммуникацию с другими работниками своего предприятия общественного питания на уровне выполнения своих непосредственных обязанностей; составлять меню и готовить блюда с учётом требований надзора и контроля, а также предпочтений клиентуры; поддерживать общение с клиентами на тему кулинарии и приготовления пищи; составлять и воспроизводить текстовые минисообщения о рецептуре и приготовлении различных блюд; принимать участие в пропаганде здорового образа жизни, проверке качества продуктов питания, продвижении определённых продуктов питания; разбираться в различных пищевых предпочтениях или ограничениях; комментировать различные рецепты, продукты и общаться на темы кулинарии.

Для лингводидактического анализа речевых потребностей работников данной сферы, мы обратились к лексическому словарному минимуму по РКИ (базовый уровень), исследовали регламенты, должностные обязанности и инструкции, изучили кулинарные книги и меню на русском языке из стран дальнего зарубежья, а также провели опрос работников сферы общественного питания. Проанализировав данные, мы пришли к выводам, что общий лексическо-грамматический минимум уровня А2 + (под маркировкой "+", как было отмечено выше, следует понимать дополнительную профессионально ориентированную лексику работников СОП) должен содержать следующие языковые единицы, но внутри ЯП каждая подгруппа может иметь более точечную дополнительную маркировку:

1) обозначения заведений общественного питания. (*Ресторан, кафе, бар* (заведение, реализующее и специализирующееся на алкогольных/ безалкогольных напитках), *столовая* (обычно при образовательных учреждениях или предприятиях), *бистро* (самообслуживание, подаются достаточно простые блюда, обычно русской кухни), *кофейня* (предлагает большой выбор десертов и выпечки, горячих и холодных напитков), а также заведения, в названиях которых отражена их концепция: *пельменная, шашлычная, блинная, пончиковая, шаурма* и т.д. Следует упомянуть слово "*заведение*", которое означает предприятие в целом (бистро, бар, столовая, ресторан, кофейня, кафе – это заведения общественного питания) – 1 класс;

2) слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *столик, чашечка, салфеточка, ложечка, ножик, вилочка, стаканчик, стульчик, чайничек. Принесите, пожалуйста, еще один стульчик. Чашечку кофе, пожалуйста.* Данные слова отражают специфику русской лексики. Исключение составляют те слова, в которых уменьшительно-ласкательный суффикс меняет семантику слова: чайник – чайничек (заварник), ложка (столовая) – ложечка (чайная) – 1, 2, 3 классы;

3) виды меню: *сезонное, детское, специальное, авторское, меню от шеф-повара, постное, вегетарианское* – 1, 2 классы;

4) вкусовые тонкости: *горький, сладкий, кислый, соленый, острый, со вкусом/ следами (чего?)…, с ароматом/нотками…(чего?)* – 1, 2 классы;

5) категория блюд/ позиций: *закуска, первое (суп), второе (основное), десерт* – 1, 2 классы;

6) образование слов: *соль – солянка, перец – перечница, салфетка, салфетница, пепел – пепельница* – 1, 2, 3 классы;

7) название ингредиента – *мясо (мясное), рыба (рыбный), морепродукты, овощи (овощной), фрукты (фруктовый), молоко (молочный),* а также их более детальная характеристика: *мясо (говядина, баранина, курица, свинина …* – 1, 2 класс;

8) слова, обозначающие технологию приготовления пищи. Например, глаголы, которые наиболее частотны в употреблении: *бланшировать, варить (на пару, на водяной бане, на*

паровой бане), взбить, тушить, глазировать, гриллировать, дегласировать, жарить (во фритюре, на гриле, на вертеле), замареновать, замесить (вымесить), запанировать, запечь, заправить, затянуть, заколеровать, истолочь, карамелизировать, нарубить, нашинковать, нашпиговать, обжарить, отбить, откинуть, отсадить, отсушить, пассеровать, пошировать, припустить, пряжить, раскатать, резать, нарезать, томить, тушить, фаршировать, фламбировать, фраппировать, запекать, коптить – 2 класс;

9) слова с приставками *пере*– и *недо*– в значениях: сделать что-то слегка (*перекусить*); действие в объёмах сверх необходимого (*переесть, переварить, пережарить, пересолить* и др.); повторное действие над чем-то, сделать еще раз (*переделать*) и приставки – *недо*- в следующих примерах: *неполнота действия, недостаточно по сравнению с нормой (недоварить, недоготовить, недожарить, недосолить)* – 2 класс;

10) особая лексика для характеристики блюда, которое может "выглядеть", "пахнуть", быть "на вкус", "по вкусу". *Это блюдо выглядит замечательно и пахнет восхитительно. / Если на вкус, как отрава, – то точно диетическая пища. / Какое блюдо Вам по вкусу (= нравится) // Мясо змеи по вкусу и аромату напоминает курицу.* – 2 класс;

11) слова с приставками *без + Родительный падеж*, когда мы хотим исключить какой-то ингредиент (*без сахара, без глютена*); *Из + Родительный падеж* (*из меню, блюдо из мяса*) – 1, 2, 3 классы;

Тем самым по коммуникативной активности выявляется приоритетность 2 класса.

Другой важной особенностью медиатекстов, полезных в качестве учебного материала при обучении русскому языку как иностранному будущих или настоящих специалистов в СОП, является не только их тематическая направленность, лексико-грамматическая насыщенность и реалистичность, но и их рекламная оценочно и экспрессивно окрашенная тональность. Например: ""*Одесса-мама" – это место, где все невзгоды отступают под натиском позитива, форшмака и хреновухи, а цунами неприятностей растворяется о волнорез душевности зеленых щей с телячьими ребрами; воплощение современного дизайна, профессионального обслуживания, вкуснейшей кухни и разнообразия развлечений для Вас*" (Райская трапеза).

Разбирая такие тексты, слушатели становятся участниками реального рекламно-информационного медиапространства, которые могут на собственном опыте эмоционально осваивать лексику и грамматику русского языка соответствующей тематики. Например: "Главную роль здесь играет шеф-повар Соломон Долидзе, создавший *меню, от которого невозможно оторваться. Говорят, за его хинкали, пхали, харчо и сулугуни можно примчаться с другого края Москвы, ну а домашние лимонады, национальные вина, чача и мацони со злаками с первого раза вызывают привыкание*" (ресторан "Натахтари").

Именно такими высказываниями на русском языке должны научиться свободно владеть официанты, метрдотели и менеджеры. В их обязанность должно входить грамотное представление шеф-поваров как ключевых сотрудников предприятий общественного питания. Например: "*Наши повара – это мастера своего дела, которые в каждое блюдо вкладывают частичку своей души и воплощают в жизнь кулинарные идеи*" ("Корчма Тарас Бульба"); "*Шеф-повар из Сицилии покорит ваши сердца такими блюдами как паста с морепродуктов, папарделли "Четыре сыра", тонарелли с чёрным трюфелем, ризотто с чернилами каракатицы, ризотто с креветками*" ("La Provincia").

В подобных текстах рациональная мотивация (выгоды, которые получает пользователь, в результате посещения того или иного ресторана) органично соединяется с эмоциональными рекламными мотивами. Так формируются речевые поведенческие характеристики участников данного вида коммуникации, роли которых становятся центральными в учебных коммуникационных упражнениях. Например: "*Ресторан "Вино" – это винный бар. У нас вы можете провести время с друзьями или родными. В нашей винной карте мы предлагаем большой выбор сухих, полусладких, крепких вин из разных сортов винограда. Наше заведение работает как хинкальная и шашлычная. В меню представлены блюда европейской кухни*" (ресторан "Вино").

Сцецифической универсальной приметой таких текстов становится их лингвокультурная и стилистическая обусловленность. Безусловно и объективно, в лексический минимум сотрудников должны войти названия блюд, которые присутствуют в меню. Эти блюда можно разделить на несколько групп: 1. Общеизвестные блюда ("Оливье", "Греческий салат", "Цезарь", "Панакота", "Тирамису", "Чизкейк" и др.); 2. блюда, названные по имени их создателя ("Бефстроганов" – в честь графа Строганова, который придумал приготовление говядины с грибами в сметане); 3. популярная граммати-

ческая конструкция "что-либо по-…" (название той или иной страны, города или народа): омлет по-московски, котлета по-киевски, баранина по-турецки, плов по-бухарски и пр.); 4. Лексические заимствования-кальки из других языков (китайское блюдо "Маишан шу", местный вариант макарон по-флотски, что в переводе означает "муравьи карабкаются на дерево").

Предлагаемые обучающимся тексты содержат много образной лексики, которая формирует образ предприятия общественного питания. В коммуникативно ориентированных упражнениях данная лексика должна послужить полезным материалом для упражнений по выбору / подбору, составлению диалогов и других симулятивных заданий.

Метафоры образно отражают преимущества кафе или ресторанов: вкусное путешествие для настоящих гурманов (Menza), тонкий вкус паназиатской кухни (Madame Wong), райский уголок итальянской кухни (Лимончино), гостеприимный уголок провинциальной Италии ("La Provincia"), кусочек солнечной Италии ("Villa Pasta") и др. Эпитеты сопровождают описание предприятий общепита: место – удивительно красивое и атмосферное; меню – креативное; атмосфера – уютная, уникальная, приятная, дружелюбная, располагающая, расслабленная, доверительная; залы – просторные, светлые; обстановка – великолепная, расслабляющая, доброжелательная; блюда – роскошные; общение – приятное; музыка – живая и т.п.

Тексты демонстрируют характерные грамматические конструкции: "В меню "Остерии Марио" – любимые итальянские блюда: *настоящая* римская пицца на тонком тесте, *пряный* томатный суп с морепродуктами "Качукко", мидии в белом вине, *ароматная* паста и ризотто, *щедро посыпанные* пармезаном, "Капрезе" со сладкими томатами, *крепкий* ристретто, который приведет в чувство после сытного обеда и, конечно, *воздушный* "Тирамису" со стружкой черного шоколада".

Также полезны для отработки диалогических упражнений две грамматических формы глаголов: 1. глаголы в повелительном наклонении: "*Попробуйте фирменный салат "Авлабар" с нежным куриным филе, терпким чесноком и грецкими орешками; отведайте дивны ххинкали с отборной бараниной и горячими кукурузными лепешками мчади; насладитесь мясным "Чашашули" с традиционным душистым ароматом хмели-сунели и узнайте, каков на вкус настоящий цыпленок табака, – и вы вряд ли останетесь хотя бы на малую толику безразличны к каждому этому лакомству*" (Авлабар); 2. глаголы в форме будущего времени: "*Здесь вы познаете истинное наслаждение, здесь вы откроете в себе способность почувствовать и познать этот мир на вкус" (Моремясо); "Великолепные блюда восточной и средиземноморской кухни, приготовленные талантливым шеф-поваром, приятно удивят вас своим изысканным вкусом, а уютные диванчики и ароматный кальян помогут расслабиться и восстановить душевное равновесие*" (Кешью).

Итак, формирование ЯП в сфере образования является сегодня востребованным педагогическим инструментом. Его развитие требует обновления теоретико-методологической базы, которая позволяет выделить ключевые компетенции, формирующиеся при профессионально ориентированном освоении русского языка как иностранного сотрудниками СОП. Профессиональная ориентация непосредственно связана с эволюцией практико-ориентированного обучения русскому языку как иностранному в русле совмещения ряда современных подходов. Разнообразные подходы к преподаванию РКИ должны сочетаться сегодня с медиатизацией общего коммуникативного пространства, с такими принципами, как креативность и эмоциональность с целью повысить аттрактивность ЛММ

Заключение

Конечной целью процесса изучения любого иностранного языка является способность общаться, решать повседневные коммуникативные задачи. На первый план выносится практико и профессионально ориентированная целесообразность изучения языка через обучение речи, которая учитывает особенности реальной речевой практики и коммуникации на русском языке. Организация образования специалистов и работников сферы общественного питания опирается на сочетание разных, взаимосвязанных подходов, что и определяет необходимость формирования специализированного ЯП и создания оригинальной ЛММ обучения работников и специалистов СОП.

Дискурсивная специфика теоретических и прагматических принципов создания ЛММ обучения контингента в сфере общественного питания связана с многокомпонентностью профессионально ориентированного дискурса и жанровым разнообразием коммуникативно-речевых ситуаций в СОП.

Специфика дискурсивного подхода в обучении специалистов в сфере общественного

питания проявляется в многокомпонентности и многоуровневости коммуникативных тактик и стратегий различных групп и подгрупп этой сферы, от вип-менеджеров до посудомойки. Многокомпонентность профессионального дискурса в сфере общественного питания подтверждается тем, что к контингенту сферы общественного питания относятся различные группы, коммуникативные потребности которых в некоторых аспектах схожи, а в некоторых – разнятся.

Социокультурные и речевые особенности целевого контингента обучаемых, а также богатое разнообразие цифровых тематических Интернет-ресурсов, посвящённых теме общественного питания обусловили необходимость обновления ЯП, а затем и ЛММ обучения русскому языку как иностранному с учётом специфики профессиональной деятельности работников СОП.

Отбор языкового материала осуществляется по принципу описания пользователя, потребителя образовательных услуг. Исходной, базовой опорой такого описания является мотивация, выявление доминантных потребностей и стремление к максимальному использованию дистанционных и цифровых технологий. В качестве основы отбора лексико-грамматического материала выступает частотность употребления слова или грамматического явления, его коммуникативная значимость, словообразовательная способность, функционирование в профессиональной речи, а также сочетаемость с другими словами.

В рамках предлагаемой модели всё так же актуальны именно тренинги с преподавателем и с помощью Интернет-среды. Именно образцы, примеры из аутентичной тематической Интернет-среды, игровые имитативные формы способствуют осознанию значимости грамматики и речевых моделей и образцов.

Литература:

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Белькова А.Е. Коммуникативно-деятельностный подход в обучении РКИ: материалы II Всероссийской научно-практич. Конф. / отв. ред. А.В. Коричко. – 2013. – С. 38-45.
3. Войтович Н.В. Коммуникативно-деятельностный подход в обучении РКИ. Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному: сб. науч. ст. / под науч. ред. С.И. Лебединского. – Минск : БГУ, 2016. – Вып. 2. – 141 с.
4. Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / под ред. А.Н. Щукина. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 312 с.
5. Клобукова Л.П. Обучение языку специальности. – М., 1987. – 98 с.
6. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. – 4-е изд., исп. – М.: Русский язык, 1988. – 155 с.
7. Куриленко В.Б. Методология и методика непрерывного профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных медиков: дис. … докт. пед. наук.: 13.00.02 / Куриленко В.Б. – М., 2017. – 561 с.
8. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. – М., 2000. – 170 с.
9. Соболева Е. А. Внедрение коммуникативно-деятельностного подхода в практику обучения иностранному языку // Pedagogical Journal. – 2017. – Vol. 7. – Is. 4A. – P. 94-99.
10. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. – М., 1972. – 74 с.
11. Ширяева В.А. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании. [Электронный ресурс] // https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/07/15/shiriaeva.pdf.
12. Щукин А.Н. Методы обучения в истории преподавания русского языка как иностранного (теория и практика) // Foreign Language Teaching. - 2013. – Vol. 40. – Number 1. – P. 39-52.
13. Bachman L. Fundamental Considerations in Language Testing / Lyle Bachman. – Oxford: Oxford University Press, 1990. – 408 p.
14. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics / Ed. by J.B. Pride, J. Holmes. - Harmondsworth, 1972. – 218 p.
15. Velde Ch. Crossing borders: an alternative conception of competence / 27 Annual SCUTRE Aconference, 1997. – P. 27-35.
16. White R.W. (1959). Motivation reconsidered: The concept of competence // Psychological Review, 66 (5), P. 297-333.

ORGANIZATION OF CONTACT WORK ON E-COURSES IN GROUPS OF MASTERS OF ENGENEERING

Filonchik Olga Aleksandrovna, *PhD of Cultural studies, Associate Professor*

Ryzhova Svetlana Valerievna, *PhD of Cultural studies, Associate Professor*

Kokorina Svetlana Vyacheslavovna, *PhD of Cultural studies, Associate Professor*

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

The purpose of the study *is to analyze the experience of organizing contact work and its forms within the framework of distance learning activities at the electronic courses of the Siberian Federal University.* ***The scientific novelty*** *lies in the fact that the authors considered the methodological and technical possibilities for the implementation of the educational process in an electronic environment, an example of an author's course created using distance learning technologies is given. According* ***to the results of the study****, the authors share their accumulated experience in the practical application of elements and forms of contact work in asynchronous interaction in foreign language classes with masters of engineering. Also, considering the concept of contact work, approved by the order of the Ministry of Education and Science of 2017, recommendations on how properly organize contact work so that it contributes to increased motivation, communication skills, as well as high-quality training of future professionals are given.*

Keywords: *engineering students; forms of contact work, distant learning; asynchronous interaction; e-learning course.*

EDN: NGTAUT **DOI : 10.24923/2222-243X.2023-46.61**

УДК 378
ВАК РФ 5.8.7

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТАКТНОЙ РАБОТЫ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА Е-КУРСАХ В ГРУППАХ МАГИСТРОВ ИНЖЕНЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

© Филончик О.А., 2023
© Рыжова С.В., 2023
© Кокорина С.В., 2023

Цель исследования *– проанализировать опыт организации контактной работы и ее форм в рамках дистанционной образовательной деятельности в ЭИОС Сибирского федерального университета.* ***Научная новизна*** *заключается в том, что авторами рассмотрены методические и технические возможности для реализации учебного процесса в электронной среде, приведен пример авторского курса, созданного при помощи дистанционных образовательных технологий.* ***В результате*** *авторы делятся накопленным опытом по практическому применению элементов и форм контактной работы в асинхронном взаимодействии на занятиях по иностранному языку с магистрами инженерных направлений. Также, принимая во внимание понятие контактной работы, утвержденного Приказом Министерства образования и науки от 2017 г., даются рекомендации, как правильно организовать контактную работу, чтобы она способствовала повышению мотивации, навыкам коммуникации, а также качественной подготовке будущих профессионалов.*

Ключевые слова: *студенты инженерных специальностей; формы контактной работы; дистанционное обучение; асинхронное взаимодействие; электронный учебный курс.*

Введение

Организация контактной работы всегда приоритетна в обеспечении качества профессиональной подготовки студентов как при синхронном, так и при асинхронном взаимодействии преподавателя и обучающегося. Контактная работа может осуществляться в различных формах при условии создания соответствующих методических и технических условий для ее реализации. В этой связи актуальность данного исследования заключается в необходимости накопления опыта по организации форм и условий контактной работы в рамках дистанционной образовательной деятельности в ЭИОС Сибирского федерального университета.

Цель исследования структурировала следующие *задачи*:1) изучить теоретическую базу исследования; 2) поделиться опытом по практическому применению элементов и форм контактной работы в асинхронном взаимодействии по иностранному языку; 3) дать практические указания по использованию форм контактной работы при дистанционном обучении.

Для осмысления вопросов организации контактной работы по иностранному языку на е-курсах в группах магистров инженерных направлений, авторы использовали следующие *методы исследования*: 1) научно-теоретический анализ литературы по проблематике статьи; 2) анализ базовых формулировок, дающих представление о видах контактной работы по английскому языку; 3) метод обобщения практики организации контактной работы преподавателями СФУ, работающих со студентами инженерных специальностей.

ФИЛОНЧИК Ольга Александровна, *кандидат культурологии, доцент*

РЫЖОВА Светлана Валерьевна, *кандидат культурологии, доцент*

КОКОРИНА Светлана Вячеславовна, *кандидат культурологии, доцент*

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Теоретической базой исследования послужили публикации И.В. Вылегжаниной, И.Н. Голицыной, А.В. Могилева и других исследователей, раскрывающих специфику организации контактной работы в условиях информатизации вузов.

Практическая значимость заключается в том, что описанные в ней формы контактной работы могут эффективно использоваться для преподавания иностранного языка в вузе, что, в свою очередь, поможет разнообразить образовательный процесс, сформировать профессиональные и общекультурные компетенции, мотивировать студентов на дальнейшее изучение иностранных языков с целью повышения качества образования.

Основная часть

В первую очередь определимся с видами работы, которые следует считать контактными. В ФГОС СПО нового поколения внесены изменения, в соответствии с которыми в учебных циклах образовательной программы выделяется объем работы обучающихся во взаимодействии с преподавателем по видам учебных занятий (урок, практическое занятие, лабораторное занятие, консультация, лекция, семинар), практики (в профессиональном цикле) и самостоятельной работы обучающихся. Таким образом, контактной работой может считаться работа обучающихся во взаимодействии с преподавателем, реализуемая по видам учебных занятий и практики. Самостоятельная работа в новых ФГОС СПО включена в общий объем образовательной программы, установленный в академических часах, но не является работой контактной. Во ФГОС СПО предыдущего поколения вся работа, включенная в рамки 36 академических часов (аудиторной нагрузки) в неделю, является контактной, т.е. работой во взаимодействии с преподавателем, а самостоятельная работа вынесена за рамки аудиторной нагрузки.

В настоящее время учебные заведения стали все чаще включать в "программу дистанционные образовательные технологии, позволяющие достаточно гибко выстраивать процесс обучения – это связано, прежде всего, с желанием удовлетворить интересы и потребности студентов с плотным графиком работы, в том числе вахтовиков, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, лиц, не имеющих возможности приехать на место учебы в период карантина" [3]. Следуя данной тенденции, в СФУ разрабатываются методические рекомендации [6] для преподавателей, участвующих в составлении и апробации элементов контактной работы в электронной информационно обучающей системе ЭИОС "е-Курсы".

К элементам контактной работы относятся "Вики", "Задание", "Форум", "Чат". "Использование этих элементов информационной обучающей системой "е-Курсы" возможно только в случае установки при настройке элемента комментирования или оценивания деятельности студентов. Данный вариант использования элементов в ЭИОС не рекомендуется к независимому использованию при организации контактной работы на постоянной основе" [6, 4].

"Вики" в е-Курсе дает возможность организовать самостоятельную или совместную групповую работу – это могут быть переводы статьи или грамматические и лексические задания, тесты. По мнению И.Н. Голицыной "технология Вики очень удобна для учащихся и преподавателей. Изучив несложный язык викиразметки, можно размещать в открытом доступе учебные материалы, организовывать обсуждение по разным вопросам. Технология Вики является действенным средством привлечения учащихся к созданию учебных Интернет-ресурсов через взаимодействие с преподавателями и другими учащимися" [4, 109]. При помощи функции "История" преподаватель отслеживает вклад каждого учащегося и оценивает его деятельность, дает рекомендации в группе.

Например, в электронном курсе "Деловой иностранный язык" [5], разработанного для магистров строительных специальностей, "Вики" применяется для создания терминологического глоссария по строительству (рис. 1). Студенты, выполняя переводы своих статей и работая над докладом к презентации, дополняют глоссарий терминологией по специальности. Они могут обращаться к этому словарю при выполнении заданий курса в поиске адекватного перевода специальных слов и понятий в сфере строительства.

"Задание" в е-Курсе могут включать тесты, тренажеры, практические задания. При разработке заданий очень важно определить критерии оценивания. Критерии должны быть измеримы, достижимы и прозрачны. Если задание носит творческий характер, то оценка креативности носит субъективный характер, поэтому в инструкции к заданию мы пишем не "креативность", а "новизну". Формат оценивания может быть "зачет/незачет" или балльная система, но как показывает практика, студенту нужна не столько оценка, сколько качественная обратная связь.

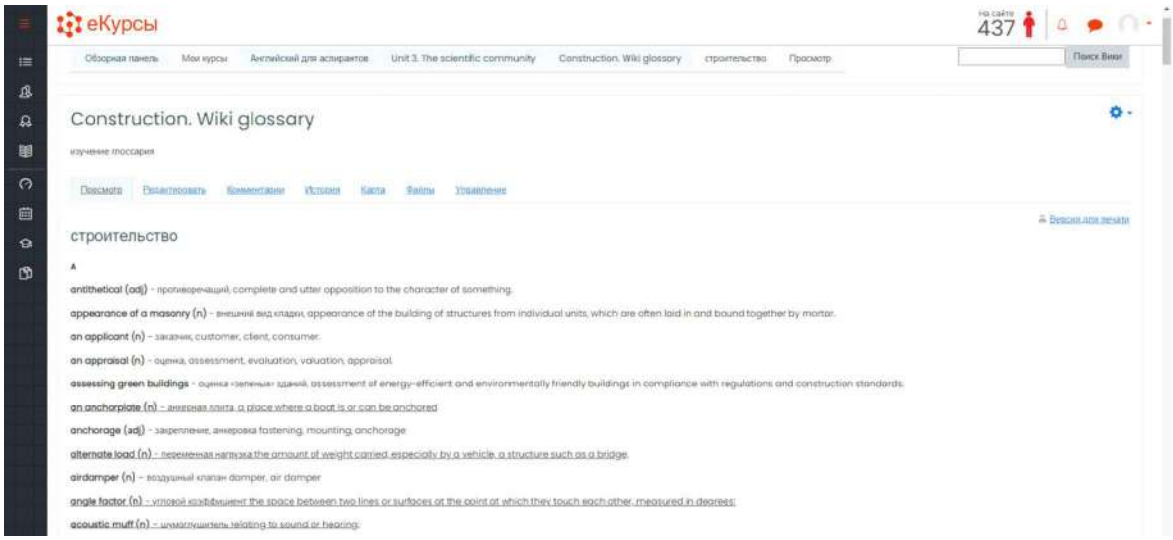


Рисунок 1 – **Элемент "Вики"**

Удовлетворить желание студентов совершенствоваться без обратной связи невозможно. Поэтому даже если работа выполнена отлично, хорошая отметка будет отпиской в глазах учащихся без объяснений преподавателя. Особенно важна качественная обратная связь, если задание сделано неудачно. В таком случае следует отметить прогресс или упорство студента перед тем, как перейти к комментариям, далее важно напомнить правила, добавить примеры. Помним, что при дистанционном обучении контактной работе отводится большая роль для поддержания мотивации и если обратная связь не налажена, инструкции даны не точные, а уточняющие вопросы остаются без ответа, то такая ситуация демотивирует.

В качестве примера рассмотрим задания, разработанные для е-Курса "Деловой иностранный язык" (рис. 2).

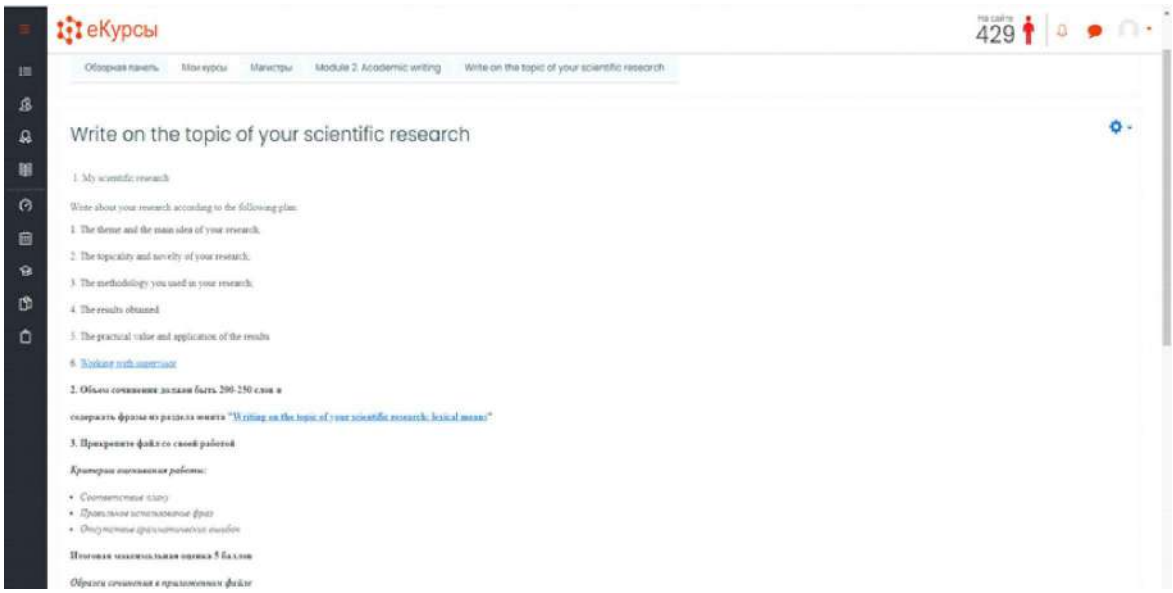


Рисунок 2 – **Элемент "Задание"**

В данном задании магистрам предлагается написать сочинение на тему научного исследования. В инструкции к заданию представлен подробный план, которому необходимо следовать, уточнен объем работы и фразы и выражения, которые необходимо использовать, установлены критерии оценивания работы, приведен образец сочинения. Таким образом, при оценивании преподаватель может прокомментировать работу студента в соответствии с заданными критериями, предложить исправить недочеты, если студент претендует на более высокий балл.

Вебинары и видеоконференции в ЭИОС также являются элементами контактной работы при организации разъяснительной части, кон-

сультаций в сочетании с элементами обратной связи. Преподаватель может прикрепить в курс ссылку на любую запланированную им видеоконференцию в Zoom, Google Meet, Skype, Яндекс Телемост.

Эффективны следующие формы вебинаров и конференций:

– установочные вебинары по дисциплине;

– вебинары по организации самостоятельной работы студентов на основе учебно-методических комплексов;

– вебинары по сложным темам курса;

– вебинары и видеоконференций практической направленности;

– вебинары-консультации с ответами на вопросы обучающихся;

– обобщающие вебинары по дисциплине;

– вебинары по написанию письменных работ;

– вебинары по выполнению научно-исследовательских работ;

– установочные и итоговые конференций по прохождению практики [2].

В электронном курсе "Деловой иностранный язык" [5] проводится итоговая видеоконференция в конце обучения, на которой студенты представляют свою презентацию и доклад на тему магистерского исследования. Преподаватель и участники конференции слушают, задают вопросы, комментируют выступление.

Для организации консультаций может использоваться "Чат". "Чат-консультация – это самая простая форма учебного чата. В таком чате преподаватель-ведущий отвечает на вопросы учащихся, даёт им какие-то рекомендации и установки" [7, 180]. Однако надо понимать, что данный элемент приемлем только при проведении синхронных занятий.

Так как рекомендуемая трудоемкость форм взаимодействия между студентом и преподавателем должна составлять не менее две трети от трудоемкости практического занятия, в рамках одного учебного занятия организованного в ЭИОС желательно применять не один элемент контактной работы. Например, студенты могут пройти "Лекцию", далее выполнить элемент курса "Задание" и получить консультацию по теме занятия от преподавателя посредством элемента "Форум".

Важно отметить, что в электронном курсе "Деловой иностранный язык" [5] форумы представлены в начале каждого раздела (юнита) для организации обратной связи (обсуждения вопросов по выполнению заданий, тестов, лекций) между студентами и преподавателем по конкретным темам. Название форумов отражают специфику юнитов, например, форум "Construction job in demand", форум "How to get a desired job", форум "Business letters", форум "Writing scientific work" и т.д.

"Форум" особенно важный элемент контактной работы при изучении иностранного языка. Дистанционный режим и контроль куратора не позволяет выходить за рамки иноязычной среды, где студенты получают возможность высказывать личное мнение на предложенную тему, обмениваться информацией с другими участниками учебного процесса в асинхронном режиме.

Целью форума является развитие коммуникативных компетенций, а именно совершенствование навыков и умений в таких видах речевой деятельности, как чтение, письмо, говорение, а также умения использовать эти навыки в процессе общения. В нашем электронном курсе один из форумов представлен в первом юните (рис. 3).

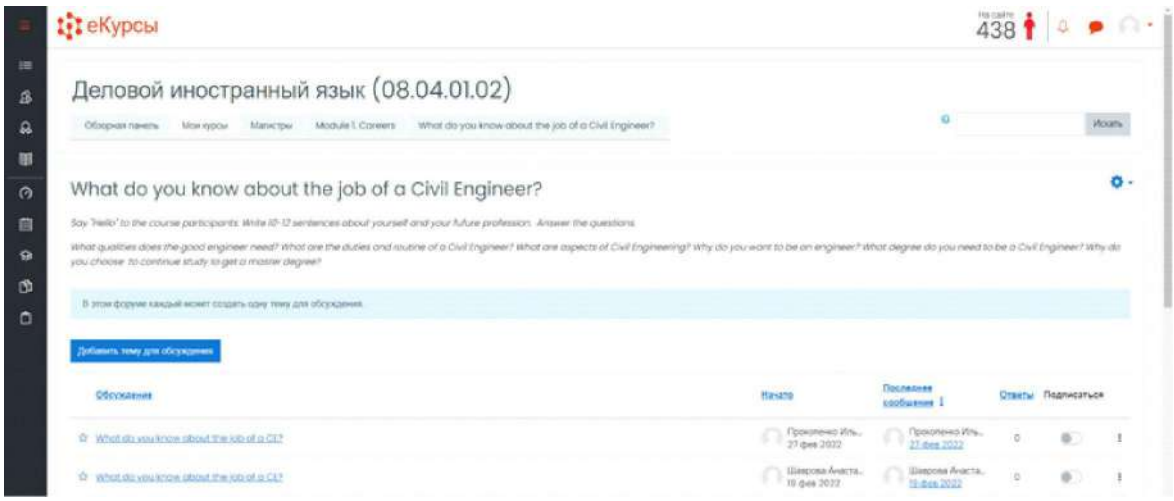


Рисунок 3 – **Элемент "Форум"**

Данный форум предлагает участникам курса познакомиться друг с другом и преподавателем, отвечая на ряд вопросов профессиональной тематики: What qualities does a good engineer need? What are the duties and routine of a Civil Engineer? What are aspects of Civil Engineering? Why do you want to be an engineer? What degree do you need to be a Civil Engineer? Why do you choose to continue study to get a master degree? Участники курса могут обмениваться мнениями, преподаватель приветствует студентов, комментирует ответы.

Таким образом, для организации вводной части, актуализации учебного материала в качестве вспомогательных ресурсов возможно использовать ресурсы ЭИОС, не предполагающие взаимодействия преподавателя и студента в комбинации их с элементами контактной работы.

При использовании комбинации элементов и ресурсов необходимо указать связь элементов при помощи гиперссылок и поясняющего текста, также следует размещать их в соответствии с траекторией изучения элементов или ресурсов раздела е-Курса.

Заключение

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие *выводы*:

1. Организация контактной работы по иностранному языку – чрезвычайно важное условие при дистанционном обучении, которое для студентов может являться более доступным при ряде обстоятельств, чем обучение в аудитории.

2. Взаимодействие преподавателя и обучающегося чрезвычайно важно в подготовке и мотивации компетентных специалистов в сфере профессиональной деятельности.

3. Контактная работа должна занимать не менее две трети каждого практического занятия, как в синхронном, так и в асинхронном виде.

4. Любые ресурсы и формы работы можно комбинировать с элементами контактной работы, что отражается положительным образом на разнообразии видов деятельности и на качестве получаемых знаний.

Литература:

1. Андреева А.А., Калмыкова С.В., Шошмина И.В. Сравнительный анализ образовательных программ, реализуемых с применением исключительно электронного обучения, дистанционных образовательных технологий и традиционных образовательных программ // KANT. – 2022. – №3(44) DOI: 10.24923/2222-243X.2022-44.33

2. Ваганова О.И., Гладкова М.Н., Гладков А.В., Сундеева М.О., Татаренко М.А. Вебинар как средство организации самостоятельной работы студентов в условиях дистанционного обучения // АНИ: педагогика и психология. – 2016. – №2 (15). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vebinar-kak-sredstvo-organizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studentov-v-usloviyah-distantsionnogo-obucheniya (дата обращения: 08.12.2022).

3. Вылегжанина И.В. Формы организации контактной работы преподавателей и обучающихся с использованием дистанционных образовательных технологий при организации образовательных программ высшего образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/50507/1/notv-2015-069.pdf (дата обращения: 08.12.2022).

4. Голицына И.Н. Технология Вики в организации учебной деятельности // Школьные технологии. – 2014. – №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-viki-v-organizatsii-uchebnoy-deyatelnosti (дата обращения: 12.12.2022).

5. Кокорина С.В. Электронный образовательный курс "Деловой иностранный язык (08.04.01.02)" [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://e.sfu-kras.ru/course/view.php?id=23670

6. Методические рекомендации по организации контактной работы обучающихся с педагогическими работниками в ЭИОС СФУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lpi.sfu-kras.ru/files/news_files/metodicheskie_rekomendacii_po_organizacii_kontaktnoy_rabote_obuchayushchihsya_s_pedagogicheskimi_rabotnikami_v_eios_sfu_0.pdf2.

7. Могилев А.В. Как применять чаты в обучении? [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-primenyat-chaty-v-obuchenii (дата обращения 08.12.2022).

8. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) "Об образовании в Российской Федерации". Статья 16. Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

ETHNOPSYCHOLOGICAL COMPETENCE OF A HIGHER EDUCATION TEACHER AS A RESOURCE FOR IMPROVING THE LEARNING MOTIVATION OF FOREIGN STUDENTS

Chislov Aleksandr Ivanovich, *DSc of Judicial sciences, Professor, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen*

Currently, Russia ranks sixth in the world in terms of the number of international students. The export of Russian education contributes to the improvement of the positive image of Russia among the importing countries of education, contributes to the growth of the national income of the country, satisfies the demands for the training of modern personnel and the development of new technologies. ***The purpose of the study:*** *actualization and*

development of the ethno-psychological competence of a lecturer as a significant resource for increasing the educational motivation of foreign students. ***The novelty of the research:*** *firstly, ethnopsychological competence is considered as a separate component of the ethno-cultural competence of a higher school teacher, along with ethnopedagogic and multicultural competencies; secondly, the influence of the prevailing mental attitudes of foreign students on the peculiarities of behavior and communication, as well as educational motivation, which is not always authentically understood by representatives of other cultures, in particular including teachers of higher education.*

Keywords: *high school teacher; ethnopsychological competence; foreign students; motivation of educational activity.*

EDN: RKYXWI **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.62**

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

УДК 378.016
ВАК РФ 5.8.7

© Числов А.И., 2023

В настоящее время Россия занимает шестое место в мире по количеству иностранных студентов. Экспорт российского образования содействует повышению положительного имиджа России у стран-импортёров образования, способствует росту национального дохода страны, удовлетворяет запросы на подготовку современных кадров и освоение новых технологий. ***Цель исследования:*** *актуализация и развитие этнопсихологической компетентности преподавателя высшей школы как значимого ресурса повышения учебной мотивации иностранных студентов.* ***Новизна исследования:*** *во-первых, этнопсихологическая компетентность рассматривается как отдельный составной компонент этнокультурной компетентности преподавателя высшей школы, на ряду с этнопедагогической и поликультурной компетентностями; во-вторых, обосновывается влияние сложившихся ментальных установок иностранных студентов на особенности поведения и общения, а также учебной мотивации, что не всегда аутентично понимается представителями других культур, в том числе преподавателями высшей школы.* ***В результате*** *исследования сформирован ряд ключевых аспектов этнопсихологической компетентности преподавателя высшей школы, направленных на повышение учебной мотивации иностранных студентов и оптимизации образовательного процесса в целом.*

Ключевые слова: *преподаватель высшей школы; этнопсихологическая компетентность; иностранные студенты; мотивация учебной деятельности.*

Введение

В последнее десятилетие наблюдается рост экспорта российского высшего образования. По количеству иностранных студентов Россия занимает шестое место в мире [7]. Актуальные цели и задачи по увеличению экспорта российского образования поставлены в Федеральном проекте "Экспорт образования", реализация которого запланирована на период 2017-2025 гг. Проект ориентирован на увеличение количества иностранных студентов в системе российского высшего образования, если в 2017 г. обучалось 220 тыс. студентов, то на 2025 г. запланировано увеличение до 710 тыс. студентов.

Следует отметить, что на международном пространстве сформировался устойчивый рынок экспорта образовательных услуг, где лидерами являются престижные университеты экономически развитых стран. Конкуренция за экспорт высшего образования между государствами и университетами увеличивается с каждым годом, при этом, с одной стороны, идет процесс глобализации и универсализации, с другой – сохранение приоритетов ценностей национальной культуры и усиление перспектив профессиональной реализации студентов-выпускников на рынке труда.

Во-первых, экспорт высшего образования существенно влияет на увеличение притока финансов в бюджет страны. Так, например,

ЧИСЛОВ Александр Иванович, *доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации МВД России, Тюмень*
ORCID:0000-0003-2023-996X

в США иностранные студенты составляют 25% от общего числа обучающихся, а в Австралии экономическая выгода от привлечения в страну иностранных студентов занимает третье место в ежегодных отчетах о национальном доходе (студенты оплачивают затраты на обучение, проживание, развлечения и др.).

Во-вторых, исходя из принципа "мягкой силы" имидж страны, экспортирующей высшее образование, становится более привлекательным для широкого круга социальных групп, укрепляются международные связи, что позитивно отражается на развитие других сфер (политика, торговля, экономика, научный обмен, интерес к национальной культуре и рост туризма) [1].

В-третьих, усиливается конкуренция между университетами, что стимулирует их развитие: создание современных научно-исследовательских лабораторий, продуцирование инноваций в сегменте определенной отрасли промышленности или экономике; рост научных публикаций по актуальным исследованиям в высоко рейтинговых журналах.

В-четвертых, значимой характеристикой экспорта образовательных услуг являются соответствие запросам стран-импортеров абитуриентов. В первую очередь ориентация на конкретные результаты, а именно, подготовку современных профессиональных кадров высокой квалификации, освоение новых технологий, что будет способствовать расширению национальных рынков труда, развитию промышленности, торговли, услуг. Россия в этом контексте имеет ряд наработанных традиций и сложившиеся прочные связи со многими странами Евразии, Африки и Латинской Америки. Таким образом, актуальность повышения уровня и качества образовательной подготовки иностранных студентов не вызывает сомнения.

Теоретическая разработанность темы и методы исследования. Перспективы экспорта российского образования является одной из актуальных тем научных исследований. А.Л. Арефьев рассматривает количественные характеристики подготовки профессиональных кадров в российских вузах иностранных студентов [2]. С.М. Юн обосновывает перспективы сотрудничества в сфере образования в рамках Евразийского экономического союза, что способствует интеграции России и стран Ближнего зарубежья в сфере экономики и трудовых ресурсов [12]. Ряд исследований посвящен вопросам социокультурной адаптации и трудностям обучения иностранных студентов. Так, А.А. Демин с соавторами акцентирует внимание на проблемах и перспективах обучения иностранных студентов [4]. Э.В. Екеева исследует вопросы формирования поликультурного образовательного пространства и социокультурной адаптации иностранных студентов [5]. Исследование активации и способов учебной мотивации студентов представлены М.Н. Крыловой [6]. В работах Т.Р. Рахимова анализируются ключевые компетенции преподавателя в рамках организации процесса обучения иностранных студентов в российском вузе [9; 10]. Теоретические и практико-ориентированные аспекты компетентностного подхода в российской образовательной системе разрабатывали А.А. Деркач, Э.З. Зеер, А.К. Маркова, В.Д. Шадриков и др.

Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы включает теоретическую и практическую подготовленность, овладение рядом компетенций, а также личностную готовность их реализовывать (компетентность) и способность самостоятельно, ответственно, эффективно выполнять функции обучения, воспитания и развития будущих специалистов.

На основе изучения и анализа научной литературы по данной теме, представляется, что основным методом исследования является компетентностный подход.

Практическая значимость. Межкультурная коммуникация осуществляется не только между студентами, но и в диаде "студент – преподаватель", в которой преподаватель выступает как типичный представитель и своей культуры. Иностранные студенты, проживающие в разных странах, но относящиеся к одному региону, объединенному исторической общностью культуры и религии, показывают наибольшее этнопсихологическое сходство и ментальность, на основе которых формируются поведенческие реакции, учебная мотивация, особенности коммуникации и взаимодействия.

Вышеуказанные аспекты позволяют классифицировать и обосновать психолого-педагогические рекомендации в контексте этнопсихологической компетентности преподавателя высшей школы, что будет способствовать повышению учебной мотивации иностранных студентов.

Основная часть

Евразийское пространство, на котором расположена и Россия, объединяет около 100 стран с количеством населения более 5,4 млрд человек. Наиболее активными странами-им-

портерами студентов для получения высшего образования в российских вузах являются государства СНГ и Ближнего зарубежья: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова, Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Украина, Туркмения, Таджикистан. Российское образование по-прежнему остается престижным для студентов из стран, с которыми исторически сложилось взаимопонимание и взаимодействие во многих сферах: Ближний Восток (Турция, Иран, Ирак, Сирия), страны Северо-Восточной Азии (Китай, Монголия, Северная Корея); страны Южной Азии (Афганистан, Пакистан, Бангладеш, Непал, Индия, Шри-Ланка); страны Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Индонезия и др.). Российское образование по-прежнему остается престижным для студентов из стран Африки и Южной Америки.

В количественном соотношении в 2020/2021 уч. году в российских вузах больше всего обучается студентов из стран СНГ и Азии: Узбекистан – 40020 чел., Туркменистан – 36389 чел., Китай – 29617 чел., Таджикистан – 21185 чел., Индия – 15803 чел., Украина – 11593 чел., Беларусь – 10509 чел., Египет – 8731 чел., Азербайджан – 7884 чел., Киргизия – 7493 чел., Молдова – 4238 чел. Наиболее многочисленной стратой представлен Казахстан – 61462 чел., так как по международному договору граждане этой страны не обязаны проходить процедуру признания аттестата о среднем образовании, абитуриенты достаточно свободно владеют русским языком.

В настоящее время для иностранных студентов наиболее популярными являются три направления: 1) инженерные программы и – 19,89%; 2) медицинские программы – 20,46%; 3) экономика и менеджмент – 17,77%. Наблюдается дифференциация образовательных предпочтений студентов из определенных регионов и стран мира: студенты из Китая предпочитают направления профессиональной подготовки по экономике и лингвистике; для студентов из Индии наиболее привлекательны информационные технологии, психолого-педагогическое образование, математические факультеты; из стран Африки выбирают международные отношения, экономику, лингвистику, строительство, медицину. Таким образом, экспорт образовательных услуг должен быть ориентирован на национальные рынки труда и востребованные направления профессиональной подготовки.

Иностранные студенты различаются качеством предшествующей образовательной подготовки, сформировавшимся стилем когнитивной и интеллектуальной деятельности, сложившимися способами освоения знаний и навыков, уровнем освоения русского языка (на котором ведется преподавание), этнопсихологическими особенностями поведения и привычными паттернами общения и взаимодействия. Существует проблема снижения учебной мотивации у иностранных студентов и в результате неудовлетворенность уровнем профессиональной подготовки. Перечисленные условия необходимо учитывать при способах трансляции знаний и методах организации учебной деятельности иностранных студентов. От преподавателя высшей школы требуется этнопсихологическая компетентность для наиболее грамотного применения педагогических методов обучения в целях повышения учебной мотивации иностранных студентов и организации образовательного процесса.

Как отмечается в исследовании Э.В. Екеевой этнокультурная компетентность педагога (преподавателя) включает три компонента: поликультурный, этнопедагогический и этнопсихологический. Этнопедагогический компонент рассматривает знания национальных особенности воспитания на основе традиционной культуры. Поликультурный компонент показывает степень освоения специфики общения и взаимодействия на основе этнических особенностей. Этнопсихологический компонент акцентирует внимание на понимании национального характера, особенностей поведения иностранных студентов не только как представителей различных этнических групп, но и обладающих индивидуально-типологическими особенностями, что позволяет оказывать влияние на учебную мотивацию и конечные результаты образования. Но вопросам развития этнопсихологической компетентности преподавателя как значимого ресурса повышения учебной мотивации иностранных студентов уделяется недостаточное внимание, что и является целью данного исследования.

Иностранные студенты из стран Центральной Азии. Длительное пребывание населения данного региона в составе Российской Империи, а затем в течение нескольких поколений в СССР заложило фундамент национального высшего образования и активное вовлечение женщин в профессиональную деятельность. В настоящее время страны данного региона являются активными "импортерами" высшего образования, в целях ускоренной модернизации национальной экономики.

Этнопсихологические особенности студентов из стран Центральной Азии: спокойствие

и рассудительность, честность и добросовестность, стойкость в трудных условиях, коллективно-ориентированный стиль общения и взаимодействия, подчеркнутое уважение к страшим. В учебной деятельности студенты показывают практический склад ума, старательность, исполнительность, стремление довести дело до конца, получить результат.

Этнопсихологическая компетентность преподавателя и способы активации учебной мотивации студентов: выражается не только в высоком уровне профессиональных знаний, но и в культуре поведения (спокойная манера речи, доброжелательность), так как для студентов преподаватель – это "образец" для подражания. Важно создать доверительные отношения, что будет способствовать самораскрытию потенциала студентов. Для повышения учебной мотивации студентов необходимо ставить новые цели и задачи, задавать вопросы, применять проблемно-развивающие методы обучения, озвучивать и поощрять достигнутые успехи.

Иностранные студенты из стран Закавказья. Исторически сложившиеся под воздействием культуры и религии национальные особенности, отличаются подчеркнуто уважительным отношением к старшему поколению, крепости брачных уз, родительской заботы к детям и их образованию. Остается особое отношение к сыновьям, у которых развивают свободолюбие, самостоятельность и ответственность, воспитывается гордость за многовековую национальную культуру. В странах данного региона сформировался широкий слой интеллигенции, ценность образования.

Этнопсихологические особенности студентов из стран Закавказья: в поведении проявляется яркая эмоциональность, коммуникативная активность, деловая инициативность, предприимчивость, стремление отличиться и показать свои успехи. Студенты в учебной деятельности стремятся показать острый ум, находчивость, афишируют свои успехи, любят быть на виду.

Этнопсихологическая компетентность преподавателя: заключается в умении установить разумный баланс в общении и взаимодействии со студентами, так как с их стороны наблюдаются стремление уменьшить социальную дистанцию, перейти на неформальный стиль общения, но при этом они очень чувствительны к проявлению неуважения по отношению к себе. В учебной деятельности необходимо четко формулировать задания, осуществлять поэтапный контроль, своевременно отмечать учебные успехи, стимулировать потребности в новых достижениях.

Иностранные студенты из стран Ближнего Востока. Страны данного региона имеют ряд ярковыраженных, исторически сложившихся культурно-религиозных особенностей. Особняком в этом ряду стоит Турция, где под влиянием близости со странами Европы сложились свои традиции в сфере образования и его доступности для всех слоев общества. В некоторых арабских страх высшее образование в основном доступно для мужчин из привилегированного класса

Этнопсихологические особенности студентов из стран Ближнего и среднего Востока. Арабские студенты отличаются эмоциональностью, открытостью, выраженным интересом к другим людям, но при этом могут проявлять импульсивность. Арабский язык отличается витиеватостью, метафоричностью. Арабские студенты принадлежат к этносу с коллективистской традиционной культуры, ориентация на интересы общества для них приоритетна. В учебной деятельности, с одной стороны, студенты направлены на самореализацию и повышение собственной значимости, а с другой стороны отличаются умеренной учебной мотивацией, не ценят строгую логику изложения и аргументированные доказательства. В общении не воспринимают критику, в следствие могут быть раздражительными и конфликтными. В целом стремятся к освоению компетентности в рамках направления профессиональной подготовки [8].

Этнопсихологическая компетентность преподавателя и способы активации учебной мотивации студентов. В процессе общения проявлять спокойствие и деликатность, взаимную вежливость, акцентировать внимание на пунктуальности и выполнении договоренностей. Для повышения учебной мотивации делать акцент на дискуссии, нацеливать на итоговый результат, осуществлять поэтапный контроль выполнения заданий. Развивать умение выполнять задания как индивидуально, так и в микро-группах. Соотносить полученные знания с жизненной реальностью, акцентировать внимание на практическом применении изучаемого материала.

Иностранные студенты из стран Восточной Азии. В настоящее время центр политической и экономической жизни смещается на Восток. Длительное влияние высокоразвитой культуры Китая, распространение буддизма и конфуцианство заложили основы мировосприятия (стремление к гармонии), ментальные

установки, специфику социально-возрастной иерархии [11].

Этнопсихологические особенности студентов из стран Восточной Азии. В конфуцианстве постулируется почтительное отношение к "учителю и наставнику", ценность образования. Следует отметить влияние "иероглифики" на формирование стиля и склада мышления (целостность восприятия, образность, сравнение). Желание получить престижное "заграничное образование" связано с высоким уровнем конкуренции на внутреннем рынке труда, особенно в Китае. Студенты испытывают трудности с перестройкой стиля восприятия и мышления, больше ориентированы на получение "диплома", чем образования.

Этнопсихологическая компетентность преподавателя и способы активации учебной мотивации студентов. Поддерживать учебную мотивацию студентов, конкретизировать задания, включать в групповую работу, отмечать индивидуальные успехи, поддерживать коммуникацию. Наибольшие трудности студенты испытывают при работе над текстом. Ориентировать студентов на активную включенность в учебный процесс, реальные результаты. Длительная демографическая политика "одна семья – один ребенок" привела к снижению требований по отношению к единственному ребенку, что отразилось на формировании самостоятельности и трудолюбии. Следует акцентировать внимание на морально-этической стороне учебной деятельности, ценности образования и приобретении опыта, развивать у студентов ответственность, исполнительность и дисциплину. Развивать навыки самостоятельной работы, ориентировать на поэтапный контроль и объективность оценки.

Иностранные студенты из стран Африки. Многочисленные страны Африки на настоящий период демонстрируют диаметрально противоположные тенденции уровня социально-экономического развития, что отражается на формирование образовательных запросов на подготовку кадров для национальных рынков труда. Наследием длительного колониализма является деление на "англоговорящие" и "франкоговорящие" страны [3].

Этнопсихологические особенности студентов из стран Африки. Африканские студенты из "англоговорящих" стран эмоционально сдержанные, с четкими правилами поведения, повышенной реакцией на безопасность, с более медленным усвоением знаний и новых понятий. Внутренняя жизнь, наоборот, отличается интенсивностью, мечтательностью, желанием осмыслить свое место в мире. Африканские студенты из "франкоговорящих" стран более открыты и непосредственны как в общении, так и в поведении, но можно отметить тенденции к сниженному самоконтролю и своеволию

Этнопсихологическая компетентность преподавателя и способы активации учебной мотивации студентов. В общении проявлять открытость и доброжелательность, поддерживать беседы о смысле жизни и дальнейших перспективах. Уделять внимание этике личных границ и социальной дистанции. Для активизации учебной мотивации вовлекать в дискуссию, ориентировать на освоение и развитие профессиональных компетенций, их значимости в контексте жизненных перспектив. Стимулировать развитие навыков самоорганизации и дисциплины. Учебную мотивацию и саморазвитие ориентировать на самосоревнование "сегодня я лучше, чем вчера", использовать метод "создание успеха".

Заключение

1 В настоящее время в России активно развивается экспорт высшего образования, что способствует повышению имиджа страны на мировой арене, способствует притоку высокомотивированной молодежи на получение качественного образования и возможности последующего трудоустройства, способствует увеличению национального дохода.

2. Страны-импортеры иностранных студентов заинтересованы в подготовке высококвалифицированных кадров, освоению новых технологий, соответственно экспорт образовательных услуг должен быть ориентирован на национальные рынки труда и востребованные направления профессиональной подготовки.

3. Поликультурная образовательная среда представляет существенные ресурсы для социокультурного обогащения, личностного роста и развития толерантности студентов. Следует учитывать, что сложившиеся этнопсихологические особенности иностранных студентов влияют на их социальную и учебную адаптацию в новых культурных условиях. Существует проблема снижения учебной мотивации у иностранных студентов.

4. Этнокультурная компетентность преподавателя высшей школы включает три компонента: поликультурный компонент, этнопедагогический и этнопсихологический. Этнопсихологическая компетентность, во-первых, отражает понимание этнокультурных и индивидуальных мотивов поведения и образовательных потребностей иностранных сту-

дентов; во-вторых, способствует продуктивности общения и взаимодействия субъектных позиций "студент-преподаватель"; в-третьих, повышает учебную мотивацию иностранных студентов; в-четвертых, содействует оптимизации образовательного процесса в целом.

Литература:

1. Аржанова И.В., Дыдзинская Д.В., Мусина Е.А., Селезнев П.С. Обучение иностранных граждан в опорных вузах Российской Федерации в интересах использования "мягкой силы" // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28. – № 8-9. – С. 9-20. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-8-9-9-20
2. Арефьев А.А. Тенденции экспорта российского образования в 2005-2015 гг. // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т.86. – № 10. – С. 902-908. DOI: https://doi.org/10.7868/ S0869587316100030
3. Бондаренко Д.М. Историко-культурные аспекты формирования наций в постколониальных государствах Африки // Вестник Российской академии наук. – 2022. – Т. 92. – №1. – С. 86-96. DOI: 10.31857/S0869587322010030
4. Демин А.А., Дунаева О.Н. Иностранные студенты в российских вузах: проблемы и перспективы / / Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2018. – № 5. – С. 33 – 41.
5. Екеева Э.В. Этнокультурная компетентность педагога // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №7. – С. 291 – 293.
6. Крылова М. Н. Способы мотивации учебной деятельности студентов вуза // Перспективы науки и образования. – 2013. – №3 (3). – С. 86-95.
7. Международные студенты. Статистика студентов по странам. Основные тенденции развития образования в современном мире. [Электр. рес.]. – URL: https://www.unipage.net/ru/student_statistics (дата обращ. 15.11.22)
8. Орсооо Т. Этнопсихологическая специфика организованности арабских и монгольских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2012. – №3. С. 113-120.
9. Рахимов Т.Р. Ключевые компетенции преподавателя в рамках организации процесса обучения иностранных студентов в российском вузе // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 149-153.
10. Рахимов Т.С. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // Язык и культура. – 2010. – 34 (12). – С. 123-136.
11. Филимонова Н.Ю, Романюк Е.С. Китайские студенты в вузах России // Высшее образование в России. – 2014. – № 8-9. – С. 76-81.
12. Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 50. – С. 89-92. DOI: 10.17223/19988613/50/13

TO THE QUESTION OF THE IMPACT OF DIGITAL EDUCATION ON TEACHERS IN THE EDUCATIONAL SPACE OF CHINA

YaJuan Li, *Postgraduate student*

Sergeeva Marina Georgievna, *DSc of Pedagogical sciences, Professor*

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

The purpose of the study is to analyze the impact of information technology on professional development in the context of informatization of education in China. The scientific novelty is characterized by the fact that the work identifies and analyzes the main aspects of the professional development of teachers in the context of information technology in education based on a comparison of education using information technology and traditional models of education, as well as the impact of information technology on the professional development of teachers. As a result, this study summarizes the benefits that information technology offers to teachers.

Keywords: digital transformation of education; academic activity; pedagogical functions; professional roles of teachers; humanization of education; pedagogical interaction; digital competence of a teacher.

EDN: RLSXKY **DOI 10.24923/2222-243X.2023-46.63**

УДК 37.013
ВАК РФ 5.8.1

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УЧИТЕЛЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КИТАЯ

© Яцзюань Ли, 2023
© Сергеева М.Г., 2023

Цель исследования *– проанализировать влияние информационных технологий на профессиональное развитие в контексте информатизации образования в Китае.* ***Научная новизна*** *характеризуется тем, что в работе выделены и проанализированы основные аспекты профессионального развития учителей в контексте информационных технологий в образовании на основе сравнения образования с использованием информационных технологий и традиционных моделей образования, а также влияния информационных технологий на профессиональное развитие учителей.* ***В результате*** *данное исследование обобщает преимущества, которые информационные технологии предлагают учителям.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация образования; образовательная деятельность; педагогические функции; профессиональные роли учителя; гуманизация образования; педагогическое взаимодействие; цифровая компетентность педагога.*

Введение

С развитием информационных технологий и их повсеместного наступления открылась новая глава в развитии образования, достигшая высокого уровня успеха с точки зрения философии образования, образовательных методов и эффективности образования. Информационное образование также изменило традиционную модель "учитель-ученик", предъявляя повышенные требования к педагогическим навыкам учителей и устойчивости класса [9].

Статья предлагает четкое направление для профессионального развития учителей в условиях построения образовательной информационной технологии. Для решения цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) сопоставить информационное образование с традиционной моделью образования, основанной на экзаменах; 2) изучить влияние эпохи информационных технологий на профессию учителя.

Теоретическая база исследования полагается на серию исследований по профессиональному развитию учителей, проведенных национальными и международными экспертами и учеными [1; 3; 5; 6; 8; 12].

Информационные технологии в образовании – это глубокая образовательная трансформация, которая внесла серьёзные изменения в процесс образования, а также существенно меняет форму образования и обучения, но, что более важно, оно окажет глубокое влияние на образовательное мышление, концепции, модели, содержание и методы. В условиях быстрого развития информационных технологий по всему миру, Китаю необходимо ускорить темпы информатизации образовательного процесса, а также реализовывать различные концепции в данной области для того, чтобы занять ведущую роль в международной конкуренции [10]. В этой статье исследуется влияние профессии учителя в век информационных технологий, что может ускорить понимание информационных технологий учителями и способствовать повышению качества образования.

Основная часть

Профессиональное развитие учителей в контексте информационной эпохи. Образовательный процесс в эпоху искусственного интеллекта – это образование с ярковыраженным цифровым характером. Влияние цифровых технологий, особенно искусственного интеллекта, на образование, и, в частности, на педагогическое образование, в настоящее время все более активно обсуждается на академическом, политическом и практическом уровнях. В 2018 году в "Мнениях Государственного совета ЦК Коммунистической партии Китая о всестороннем углублении реформы подготовки учителей в новую эпоху" было предложено, что "учителя должны активно адаптироваться к новым технологическим изменениям, таким как информационные технологии и искусственный интеллект, и активно и эффективно осуществлять образование и преподавание" [1]. В том же году в "Плане действий по активизации педагогического образования (2018-2022)" говорится: "В полной мере использовать новые технологии, такие как облачные вычисления, "Большие данные", вир-

ЯЦЗЮАНЬ Ли, *аспирант*

СЕРГЕЕВА Марина Георгиевна, *доктор педагогических наук, профессор*

Российский университет дружбы народов, Москва

туальная реальность и искусственный интеллект, чтобы способствовать созданию и применению информационной платформы для преподавания и обучения для педагогического образования, а также способствовать изменениям в методах преподавания, основными чертами которых являются автономия, сотрудничество и исследование" [2].

Информационные технологии в образовании относятся ко всем аспектам сферы образования и обучения. Руководствуясь передовым педагогическим мышлением, это представляет из себя систематический проект по активному применению информационных технологий, развитию и широкому использованию информационных ресурсов, подготовке инновационных талантов для удовлетворения требований информационного общества и ускорения модернизации образования. Это проявляется в полном использовании достижений современных информационных технологий для повышения эффективности управления образованием, создания новых моделей обучения, повышения качества современного преподавания учителей и развития инновационных способностей учащихся [11]. У данного процесса выделяются следующие отличительные особенности: мультимедийные учебные материалы, глобальные ресурсы, персонализированное обучение, независимое обучение, совместная деятельность, автоматизированное управление и виртуальная среда [8].

Основная идея нынешней информатизации образования заключается в том, чтобы дать возможность преподавателям и студентам в полной мере использовать информационные технологии и информационные ресурсы для обслуживания образования на основе сетевой среды, способствовать реформированию и развитию образования, модернизировать образование, идти в ногу с развитием общества и удовлетворять потребности общества в талантах нового типа с более высокими требованиями. Учителя живут в эпоху технологических изменений и стремятся развиваться, постоянно совершенствуясь [3]. Профессиональное развитие учителя можно понимать буквально на двух уровнях:

1. "Профессиональное развитие учителей", который охватывает всю профессию учителя и является внешней системой и институтом, призванным способствовать зрелости и прогрессу в профессии учителя.

2. "Профессиональное развитие учителей", который фокусируется на развитии и продвижении индивидуальных качеств учителя.

Информатизация профессии учителя имеет как технологический, так и образовательный характер. Технологический – включает такие технические практические действия, как создание сетей, оцифровка, мультимедиа и интеллект, а образовательный – мультимедийность учебных материалов, доступность информации, автономность обучения, персонализация преподавания, автоматизация управления и другие особенности образовательного аспекта.

Информационные технологии в образовании привели к глубоким изменениям в традиционной модели образования. Сравнивая информационное образование с традиционной моделью образования, основанной на экзаменах, мы можем получить более четкое представление о влиянии информационного образования на учителей и учеников и о том, как изменилась модель образования (табл.).

Таблица – **Образование на основе информации в сравнении с традиционными моделями образования на основе экзаменов**

Традиционное образование	Информационное образование
Руководство для учителей	Изучение студентов
Дидактические лекции	Интерактивные учебники
Однопредметные, внеконтекстные, изолированные учебные модули	Междисциплинарный модуль YTS с прагматическими заданиями
Индивидуальные задания	Совместные задания

Как видно из таблицы, информационные технологии в образовании показывают нам светлое будущее образования. Однако мы должны осознавать, что использование информационных технологий не приведет к чудесам в образовании; оно может способствовать инновациям в образовании или укреплять традиционное образование. Для сравнения, мы видим, что компьютеризация образования делает ученика главным субъектом обучения и охватывает более широкий спектр знаний, чем традиционное обучение. Но учителя также не должны забывать о развитии эмоциональных ценностей своих учеников. Изменения в образовательной модели привели к соответствующим изменениям в методах преподавания учителей. Таким образом, информационные технологии в образовании окажут глубокое влияние на учителей.

Влияние информационных технологий на профессиональное развитие учителей:

1. Информационные технологии (далее – ИТ) предоставляют учителям больше возможностей для обучения. Ожидается, что преподава-

тели должны обладать высоким уровнем информационной грамотности как "проводника" знаний учащихся. На волне информационных технологий в образовании учителя должны добавить новые навыки и качества, чтобы улучшить свою информационную грамотность. Это означает, что учителя должны приобрести необходимые навыки выживания, состоящие из шести компонентов: знания, навыки, межличностное взаимодействие, решение проблем, оценка и контроль, а также эмоциональные установки и ценности. Само обучение ИТ дает учителям дополнительную возможность учиться, а распространение информатизации сопровождается обучением другим смежным технологиям, что также повышает общее качество работы учителей; Информационные технологии также привнесли разнообразие стилей обучения в подготовку учителей: лекции, онлайн-занятия и дистанционное обучение стали более разнообразными, интересными и удобными [5].

2. ИТ дают учителям возможность учиться на протяжении всей жизни.

Развитие информационных технологий способствовало глубоким изменениям в образовании. Информационные технологии сделали обучение в течение всей жизни необходимой тенденцией развития и открыли возможности для обучения в течение всей жизни [6]. В сегодняшний век распространение знания обновляются и развиваются быстрыми темпами, а объем информации, которую должны получить и освоить учителя, настолько велик, что они могут легко отстать и потерять квалификацию педагога, если не будут уделять внимание своей учебе. "Учителя должны создать идеологию непрерывного образования, изучать новые знания и развивать новые навыки всегда и везде, где это возможно; только комплексное образование в течение всей жизни может воспитать совершенного человека. Профессия учителя требует, чтобы человек постоянно учился, был на острие знаний, извлекал уроки из прошлого, постигал новые знания, распространял их и способствовал развитию образования [4].

3. Информационные технологии предоставляют учителям более широкую платформу для общения.

ИТ – это не просто инструмент обучения, который можно использовать, это важное средство коммуникации, создающее более широкое пространство для общения учителей. Это место, где учителя могут свободно обсуждать, взаимодействовать, сотрудничать, учиться и демонстрировать себя, а также учиться на сильных сторонах других, чтобы восполнить свои недостатки и помочь друг другу; Учителя также могут использовать платформу для общения с учениками и родителями в более непринужденной и комфортной атмосфере, а информация доставляется более своевременно.

4. Информационные технологии в образовании обеспечивают информационные ресурсы для поддержки профессионального развития учителей.

Информационные технологии создали новую ситуацию сетевой, интеллектуальной и цифровой среды обучения, предлагая все более широкий спектр знаний и разрушая границы книг. Используя ИТ, учителя могут непосредственно и быстро усваивать знания, необходимые для восполнения недостатков и обогащения своей культурной грамотности, что позволяет им повысить свой энтузиазм в обучении, получать передовые педагогические идеи и всегда быть в курсе последних изменений в сфере образования [11].

Результаты исследования

Новая философия образования способствует развитию у студентов всесторонних и творческих способностей, улучшить навыки самостоятельного обучения студентов. Новая философия образования должна обязательно сопровождаться новым способом преподавания и обучения, а внедрение информационных технологий способствовало изменению способа преподавания и обучения. При поддержке мощной информационной базы можно внедрять такие методы обучения, как совместное обучение, обучение на основе проектов, контекстное обучение и исследовательское обучение. Класс – это место, где происходит обмен информацией между учителями и учениками, представляющими, общающимися и обменивающимися информацией друг с другом, и в такой среде использование технологий может сделать обмен информацией более плавным и эффективным. Учителя также больше не ограничены рамками класса и имеют больше пространства для игры. Технологии вносят большой вклад в эффективность преподавания учителей и способны способствовать их личностному росту. Новый цифровой класс привел к изменению отношений между учителем и учеником. В процессе передачи знаний учителя не должны забывать о воспитании эмоциональных ценностей и морали своих учеников. Кроме того, учителя должны обладать грамотностью в области информационных техноло-

гий, ставить цели профессионального развития на основе информационных технологий в образовании, иметь передовые образовательные концепции, ориентированные на информационные технологии в образовании, уметь гибко применять информационные технологии и информационно-технологические методы обучения в преподавании, обладать хорошими навыками межличностного общения и межличностной координации, иметь концепцию обучения на протяжении всей жизни [7].

Размышления о профессиональном развитии учителей в контексте информационных технологий. В контексте информационных технологий профессиональное развитие учителей должно осуществляться с помощью всех сторон, чтобы добиться прогресса. Обновление философии образования и изменение режима обучения требуют перераспределения ролей преподавателей и студентов, а преподаватели должны изменить свое мышление и пройти соответствующую подготовку для повышения своего профессионализма. Совершенствование соответствующего режима подготовки технического персонала и строительство системы образования нового типа, принимая в качестве стандарта потребности новых талантов для социального развития. Создавать и улучшать цифровые ресурсы и сетевую учебно-исследовательскую платформу для достижения совместного использования ресурсов и максимизации роли сети [6].

Заключение

Информационные технологии открывают больше возможностей для повышения квалификации учителей. Развитие преподавателей также должно соответствовать требованиям времени, овладевать информационными технологиями, использовать информационные модели обучения, повышать качество преподавания, в полной мере использовать роль информационных технологий и способствовать дальнейшему развитию профессии преподавателя и профессионального образования. Поскольку общество продолжает развиваться, информационные технологии в образовании неизбежно будут продолжать влиять на уровень профессионального развития учителей как важный способ их профессионализации. Вместе с обновлением и совершенствованием образовательных информационных технологий учителя будут двигаться к мультидисциплинарности и многопрофильности, а также к образцовости, превращая себя из передатчиков знаний в исследователей образовательной практики в непрерывном процессе исследований и практики. Следует уточнить, что с точки зрения концепций, компетенций, методов и инструментов, как преподаватели в образовательной информационной среде, мы несем большую ответственность и обязаны продолжать двигаться в направлении профессионального развития.

Литература:

1. Мнения Центрального комитета Коммунистической партии Китая о реформе строительства учителей в новую эру [eb/ol]. Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2018-01/31/Content_5262659.htmmm (дата обращения: 10.11.2022)
2. Уведомление о пяти департаментах и других департаментах о печати и распределении "Плана действий по оживлению педагогического образования (2018-2022 гг.)" [EB/OL]. Режим доступа: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A10/s7034/201803/t20180323_331063.html (дата обращения: 10.11.2022)
3. Zhou Dun. О профессиональном развитии информационной информации об образовании и учителях [J] // Китайское образование для взрослых. – 2008 – №7.
4. Xia Lixin. "Четыре системы и одна функция "культивируйте превосходного учителя. Китай образовательная новость News Network News News [eb/ol]. Режим доступа: http://www.jyb.cn/zgjsb/201801/t20180130_961213.html, 2018– 01-31. (дата обращения: 10.11.2022)
5. Чжэн Чуанмин. Влияние информации о мелкой образовании на профессионализацию учителей [J] // Экзамен Weekly. – 2016. – №67. – С. 153-154.
6. Ni Xiaofeng. Образование информация о воздействии и смене учителей [J] // Ресурсы учебного плана. – 2014. – №06. – С. 28-29.
7. Ван Вейджун. Исследование развития возможностей преподавания учителей [D]. Северо-Западный нормальный университет?2009.
8. Ян Янген. Анализ информации о образовании информации о учителях [J] // Журнал Чжанчжоу Профессионального и технического колледжа. – 2007. – №02. – С. 86-89. doi: 10.13908/j.cnki.issn1673-1417.2007.02.027.
9. Рузметова Хилола Абдушориповна, Ташметова Шахла Хусановна Влияние мировых тенденций в образовании на подготовку будущих учителей в условиях цифровой трансформации // Наука и образование сегодня. – 2020. -№03. – С. 50. Режим доступа: https://cyberleninka. ru/article/n/vliyanie-mirovyh-tendentsiy-v-obrazovanii-na-podgotovku-buduschih-uchiteley-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 16.01.2023).
10. Галустов Р.А., Герлах И.В., Копченко И.Е. и др. Цифровая трансформация образования и анализ возможных рисков: результаты опроса педагогов общеобразовательных организаций // ПНиО. – 2021. – №5 – С. 53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-obrazovaniya-i-analiz-vozmozhnyh-riskov-rezultaty-oprosa-pedagogov-obscheobrazovatelnyh-organizatsiy (дата обращения: 14.01.2023).
11. Klimov A. A., Zarechkin E. Yu., Kupriyanovsky V. P. The impact of digitalization on the system of vocational education // Modern information

technologies and IT education, 2019, vol. 15, no. 2. pp. 468-476. doi: 10.25559/ SITITO.15.201902.468-476.
12. Ян Чанцзю. Дилемма и ответ Фокусируясь на влиянии современных информационных технологий на профессиональный рост учителей [J] / / Современное образовательное оборудование. – 2022. – №22. – С. 74-76. DOI: 10.13492/ j.cnki.cmee.2022.22.015.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы!

"KANT" (ISSN 2222-243X, Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-83359 от 7 июня 2022 года) – *научный рецензируемый мультидисциплинарный журнал открытого доступа. Периодичность выхода – четыре раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь). Издание рекомендовано ВАК и предназначено для ученых, докторантов и аспирантов.* Категория журнала в списке ВАК – *К2*. Поступающие в журнал материалы проверяются системой Antiplagiat. К публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 85%. К публикации принимаются ранее не издававшиеся (в том числе в электронном виде) статьи по различным областям экономической и социально-гуманитарной сфер жизнедеятельности общества, а также рецензии на научные и библиографические издания.

KANT включен в список рецензируемых журналов ВАК России по следующим отраслям наук: 5.2. Экономика; 5.7. Философия; 5.8. Педагогика.

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1.1. Присылаемые статьи Редакция рекомендует оформить в соответствии ***со следующими требованиями.***

• ***Текстовый редактор*** – Microsoft Word.

• ***Формат*** – А4.

• ***Поля*** – 2 см со всех сторон.

• ***Шрифт*** – Times New Roman (при необходимости – другой, если шрифт не входит в список общепринятых, его нужно прислать отдельным файлом).

• ***Размер шрифта*** – 14.

• ***Межстрочный интервал*** – 1,5.

• ***Абзацный отступ*** – 1,25.

• ***Ориентация*** – книжная, без простановки страниц, без переносов, желательно без постраничных сносок.

• ***Редактор формул*** – пакет Microsoft Office (MathType).

• ***Графики, таблицы и рисунки*** – черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

• ***УДК*** (см., например: http://teacode.com/online/udc/ или http://udk-codes.net/).

• ***Соответствие научному направлению.***

• ***Краткая аннотация статьи на русском и английском языках.*** Аннотация содержит характеристику основной темы, цели работы и ее результаты. В аннотации указывают, что нового несет в себе данная статья по сравнению с другими, родственными по тематике. Рекомендуемый средний объем аннотации – 700–1000 печатных знаков.

• ***Ключевые слова и фразы на русском и английском языках*** (не менее 7–10).

• ***Фамилия, имя, отчество автора(ов)*** (жирным шрифтом), ***полное название представляемой организации (вуза), e-mail*** – по левому краю, строчными буквами. Вся информация на русском и английском языках.

• ***Название статьи*** – по центру, без отступа, прописными буквами.

• ***Текст статьи*** – выравнивание по ширине.

• ***Список использованной литературы,*** оформленный согласно ГОСТу 7.0.5.2008, приводится в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка.

• Рекомендуемый объем материалов 0,98-1,95 печ. л. (12-24 стр.) с учетом библиографических ссылок.

1.2. *Оформление сносок:*

– сноски (на литературу) проставляются внутри статьи в квадратных скобках после цитаты (например: [3, 37], если литературных источников больше одного – [3, 37; 4, 123]);

1.3. Оформление списка пристатейной литературы.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5-2008.

Издания под заголовком индивидуального автора:

Хабарова Л.П. Неденежные расчеты: учет и налогообложение / Л.П. Хабарова. – М. : Финансы и статистика, 1998. – 100 с.

Статьи из журналов и сборников:

Рябова Р.Н. Налоговые аспекты учетной политики // Бухгалтерский вестник. – 2002. – № 3. – С. 147-158.

Электронные ресурсы (Ресурсы Интернет):

Фалейтор А. Сегментирование рынка // Энциклопедия маркетинга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.marketing.spb.ru/read/article/a18.htm.

Материалы конференций, совещаний, семинаров:

Воспитательный процесс в высшей школе России : Межвузовская научно-практическая конференция; 26-27 сентября 2001 г. / под ред. А.Б. Борисова. – Новосибирск : НГАВТ, 2001. – 157 с.

Авторефераты и диссертационные исследования:

Вишняков И.В. Модели и методы оценки коммерческих банков в условиях неопределенности : дис. … канд. экон. наук. – М., 2002. – 215 с.

Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XIII-XIV вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

Учебные издания:

Бахвалов Н.С. Численные методы : учеб. пособие для физ.-мат. специальностей вузов. – 2-е изд. – М. : Физматлит ; СПб. : Нев. диалект, 2002. – 630 с. ; ил.

1.10. *Графические материалы* должны быть хорошего качества (сканированные таблицы недопустимы), рекомендуется прилагать их, помимо расположения по тексту, отдельными файлами в электронном виде в целях повышения качества на печати и верного воспроизведения.

1.11. Статьи и сопровождающие материалы принимаются по электронной почте (адрес редакции: info@stavrolit.ru). Именем файла является фамилия автора кириллицей (например: Иванов.docx, Иванов.doc).

1.12. Статьи принимаются на e-mail Редакции (с квитанцией об оплате после утверждения статьи к публикации): **info@stavrolit.ru; igla_fatal@mail.ru.**

2. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ РАЗДЕЛОВ "ПЕДАГОГИКА", "ФИЛОСОФИЯ" И "ЭКОНОМИКА"

2.1. Присланные статьи поступают на предварительное рассмотрение в редколлегию журнала.

2.2. Статьи принимаются на основе рецензирования в целях обеспечения высокого научно-теоретического уровня изданий, отбора наиболее ценных и актуальных (перспективных) научных работ. Рецензирование всех статей осуществляется в соответствии с требованиями этики научных публикаций с учетом времени, необходимого авторам на доработку статей по замечаниям рецензентов, а также на повторную экспертизу рукописей, может составлять один месяц и более. Рецензии на статьи должны быть предоставлены в виде сканированной копии документа хорошего качества (.pdf). Один рецензент не может рекомендовать к публикации в течение года более двух статей, а также не может быть ее автором (соавтором).

2.3. Рукописи рассматриваются редакционной коллегией журнала (*далее*– редколлегия), оставляющей за собой право сокращения и исправления присланных статей (внутренне рецензирование). Решение о публикации принимается редколлегией журнала на основании экспертных оценок внешних рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

2.4. Рецензирование рукописи осуществляется конфиденциально. Разглашение конфиденциальных деталей рецензирования рукописи нарушает права автора рукописи. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления о недостоверности или фальсификации материалов, во всех других случаях ее сохранение обязательно. Редакция хранит рецензии на поступившие материалы в течение 5 лет.

2.5. Содержание рецензии должно отражать следующие основные положения:

- *Актуальность представленной статьи.* Данный раздел включает краткое обоснование условий, которые вызвали необходимость постановки и решения задачи (проблемы).
- *Научная новизна направления исследования, рассматриваемого в статье.* Здесь должно быть отражено краткое описание нового научного результата, полученного автором (что доказано, получено, установлено, определено, предложено и т.д. им).
- *Значимость постановки проблемы (задачи) или полученных результатов* для дальнейшего развития теории и практики в рассматриваемой области знаний. В данном разделе должно быть показано, что конкретно получает развитие в исследуемой области знаний и как это может быть применено и внедрено на практике.
- *Адекватность и современность методов исследования* и статистической обработки материалов.
- *Достаточность материала исследования.*
- *Корректность обсуждения полученных результатов.*
- *Соответствие выводов цели и задачам исследования.*

- *Качество проработки литературных источников (список литературы).*
- *Допустимость объема рукописи в целом и отдельных ее элементов.*
- *Целесообразность помещения в статье таблиц, иллюстративного материала* и их соответствие излагаемой теме.
- *Качество оформления статьи:* стиль, терминология, формулировки.
- *В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы* о рукописи в целом и четкая рекомендация о целесообразности ее публикации в журнале либо о необходимости ее доработки. В случае отрицательной оценки рукописи в целом (рекомендация о нецелесообразности публикации) рецензент должен обосновать свои выводы.

2.6. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом и сопроводительным письмом-ответом рецензенту. После доработки статья повторно рецензируется и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через две недели после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

2.7. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо возвращена автору на доработку, либо принята к публикации. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

2.8. Редакция журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии.

2.9. Редакция журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и также не возвращаются обратно автору.

2.10. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов. Рецензентам не разрешается снимать копии с рукописей для своих нужд и запрещается отдавать часть рукописи на рецензирование другому лицу без разрешения редакторов. Рецензенты, а также сотрудники редакции не имеют права использовать знание о содержании работы до ее опубликования в своих собственных интересах. Рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению.

2.11. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

2.12. Публикации финансируются издательством, вузами, научными и другими организациями, в том числе за счет средств грантов.

3. ОФОРМЛЕНИЕ ЗАЯВКИ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЬИ

Заявка на публикацию должна содержать:

3.1. Сведения об авторе(ах) в отдельном файле:
Фамилия, имя, отчество_____
Ученая степень (при наличии)_____
Ученое звание (при наличии)_____
Место работы_____
Занимаемая должность_____
Почтовый адрес с ИНДЕКСОМ (для пересылки авторского экземпляра журнала)_____
_____
Адрес электронной почты (e-mail) (для переписки с автором по вопросам публикации)_____
Контактный телефон (обязательно!! для выяснения срочных вопросов)_____
Название статьи_____

3. 2. Копии диплома кандидата (доктора) наук и аттестата доцента (профессора) при их наличии (необходимо отсканировать или сфотографировать документы и прислать в составе заявки в электронном виде).

3. 3. Текст научной статьи, оформленной согласно указанным ниже требованиям. Обращаем внимание авторов, что редакция оставляет за собой право не принимать к рассмотрению статьи, оформленные с нарушением требований.

Обязательные экземпляры всех журналов рассылаются в Книжную палату, в Российскую государственную библиотеку, Российскую национальную библиотеку, Библиотеку Российской Академии наук, а также в другие библиотеки России.

По вопросам обращаться по телефону:

8 928 339 43 12 *Марина Анатольевна Григорьева (шеф-редактор журнала)*

4. ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Marketing research in the management of strategic and tactical phases of the formation of consumer purchase decisions

Ivanov Ivan Ivanovich, PhD of Economics, Senior Professor, Depatrment of Economics and Managment, Moscow State University, Moscow

The purpose of the study is to trace <...>. The publication considers <...>. ***The scientific novelty*** is<...>. ***As a result***, it is established that <...>.

Keywords: marketing research; desk research; field study; initial information; secondary information; algorithm market research; consumer behavior.

Иванов Иван Иванович, кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра Экономики и менеджмента, Московский государственный университет, Москва
ivanov.ii@mail.ru

Цель исследования – проследить <...>. В публикации рассмотрены <...>. ***Научная новизна*** заключается в <...>. ***В результате*** установлено, что <...>.

Ключевые слова: маркетинговое исследование; кабинетное исследование; полевое исследование; первичная информация; вторичная информация; алгоритм маркетинговых исследований; потребительское поведение.

Экономика

УДК 339.13

5.2.3

Иванов И.И.

Маркетинговые исследования в управлении стратегическими и тактическими этапами формирования потребительского решения о покупке

Текст [1, 56; 2, 86].

Примечания:

1.

2.